

ВЛАДИМИР ТОРИН

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР ВЕЧНЫЙ КАНУН

ГОРОД
ПОЛУНОЧИ

18+

фэнтези

миф

ПОРЯДОК ЧТЕНИЯ

Мистер Вечный Канун. Уэлихолн

Мистер Вечный Канун. Город Полуночи

Red Violet. Темные миры

**ВЛАДИМИР ТОРИН
ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ**

Мистер
Вечный
Каунт
ГОРОД
ПОЛУНОЧИ

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

Т60

Торин, Владимир

Т60 Мистер Вечный Канун. Город Полуночи / Владимир Торин, Олег Яковлев. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 576 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00195-790-4

Старинный особняк Крик-Холл переполнен гостями, ведь до Хэллоуина остался всего один день. Грядет шабаш, тучи над Уэлихолном сгущаются... Мрачные секреты и коварные замыслы ведьм ковена вот-вот будут раскрыты. Но у мистера Ива есть свои жуткие планы на этот Канун, и никакой Виктор Кэндл не в силах им помешать. Тик-так, тик-так, тик...

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.

Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-790-4

© Владимир Торин, Олег Яковлев, 2022
© Оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

...любит и ждет

Томми Кэндл, насквозь промокший, усталый и злой, топал по лестнице. Его руки и ноги гудели, а спина так болела, что казалось, будто по ней прошлась толпа троллей.

В доме было тихо. Время уже перевалило за полночь, ужин давно закончился, и все разошлись по своим комнатам. Не спал в Крик-Холле, казалось, один лишь Томми. Мало того что чувствовал он себя сейчас развалиной из-за всех этих тыкв, так у него еще и невероятно ныла скула, на которой алел след от дядюшкиной пощечины.

«Чертовы тыквы! — думал мальчик. — И чертов дядюшка! Это все его месть за то, что я ему угрожал, не иначе...»

И то правда: чем еще, если не местью, назвать то, что дядюшка отправил его в одиночку таскать из грузовичка мистера Тампина тыквы, которые старый фермер привез к празднику?

Отправляя его в сад, дядюшка сказал:

— В прошлый раз нам с Виктором и Кристиной пришлось отдуваться самим, пока ваше высочество где-то разгуливало, а значит, сейчас пришла твоя очередь нести тыквенную

вахту. Справедливость восторжествовала! Я вижу, ты нескажанно этому рад!

Томми ответил ему гневным сопением. То, что он пропустил прошлый раз, еще ведь не повод заставлять его таскать эти тыквы в гараж под дождем — в самую грозу!

Особенно злило лживое заверение дядюшки, которое последовало затем:

— Я бы тебе, конечно, помог, но, понимаешь ли, уже успел переодеться в свой вечерний костюм, а его так просто не снимешь...

Более нелепую отговорку придумать было сложно — само собой, у дядюшки и в мыслях не было ему помогать, и Томми ничего не оставалось, кроме как, проклиная свою нелегкую судьбу, натянуть садовые рукавицы и взяться за дело.

Дело было трудным, мокрым и скользким. Не прошло и пяти минут под проливным дождем, как мальчик искренне возненавидел все, что связано с тыквами. И пусть старики-фермер утверждал, будто этих «пухленьких рыжих красоток» было столько же, сколько и в первой партии, а именно шесть десятков, Томми мог бы поклясться, что их в кузове грузовичка на самом деле бесконечное количество и стоит ему взять хотя бы одну тыкву и отвернуться, на ее месте тут же вырастает новая. И тем не менее в какой-то момент кузов наконец опустел, все тыквы оказались в гараже, а фермер, пригрозив, что завтра привезет еще одну партию, завел двигатель своей ржавой машины и уехал.

«Скорее воробы разучатся каркать, чем я притронусь хотя бы к еще одной тыкве!» — пообещал себе мальчик и поплелся в дом...

Хлюпая по полу мокрыми носками, Томми уже шагал к своей спальне, когда вдруг услышал возмущенный голос, доносящийся из комнаты в дальнем конце коридора. Комната эта принадлежала дядюшке Джозефу и тетушке

Мегане, и сейчас там явно творилось что-то подозрительное.

«Чего он так вопит?» — подумал мальчик и, ступая на цыпочках, двинулся к приоткрытой двери, из-за которой в коридор вытекала узкая дорожка дрожащего света. В тот миг Томми и не предполагал, что вот-вот станет свидетелем некой сцены, которая послужит подтверждением того, что Джозеф Кэндл сказал ему правду.

Подойдя к двери, Томми украдкой заглянул в щелочку и увидел, что дядюшка — вот ведь странное дело! — нелепо вытанцовывает у зеркала. Он исступленно рвал воротник рубашки, манжеты сюртука и пуговицы на жилетке, изо всех сил пытаясь снять костюм, но все его попытки были тщетны — даже кремовая роза в петлице сидела прочно, будто вшитая. При этом одежда явно причиняла дядюшке не только неудобства, но и настоящую боль. Он скалил зубы и стонал, пот ручьями тек по его багровым щекам.

Жуткие спазмы, в которых искажалось лицо дядюшки, очень испугали Томми, в то время как тетушка Мегана, которая также присутствовала в комнате, будто бы их и вовсе не замечала. Она сидела на своей половине кровати и, укрыв ноги одеялом, читала какую-то книжку. В полукруглых стеклах ее очков для чтения прыгали и плясали отражения двух корчащихся Джозефов Кэндов.

— Ты так и будешь продолжать суетиться? — равнодушно спросила Мегана, переворачивая страницу.

— Ты что, не видишь, глупая курица?! — по-звериному зарычал дядюшка в ответ. Казалось, он вот-вот вывернется наизнанку. — Мне же больно! Чертов костюм!

— Не нужно было проклинать мальчишку, — назидательно заметила тетушка Мегана, не поднимая глаз от книги. — Сам виноват.

Услышав, что речь идет о нем, Томми дернулся и едва не выдал себя, задев плечом дверь, которая тут же подло

скрипнула на петлях. Но дядюшка был слишком занят собственными мучениями, а тетушка — язвительностью, и этого никто не заметил.

— Легко тебе рассуждать! Тебе ведь жилетка не сдавливает ребра, как тиски! — Дядюшка Джозеф снова попытался расстегнуть пуговицы, но пальцы то и дело с них соскальзывали. — Сидишь там со своей треклятой книжкой, поучаешь меня — и это вместо того, чтобы помочь!

— О, я не стала бы тебе помогать, даже если бы могла, — лишенным какого бы то ни было сочувствия голосом сказала Мегана. — Ты всего лишь платишь за собственную глупость...

— Мальчишке нужно было преподать урок! — взвизгнул Джозеф Кэндл, и галстук тут же с силой стянул его горло — всего на мгновение, но этого хватило, чтобы пленник собственного костюма едва не рухнул в обморок. — Эх-кхе... Ну почему... Почему?!

— Потому что ты не удосужился просчитать последствия...

— Тебя не спросили!

— А я думала, ты спрашиваешь именно меня.

— Значит, ты ошиблась! — злобно выпучив глаза, прошипел Джозеф Кэндл. — Как и в тех случаях, когда считала себя хорошей женой или хорошей матерью.

— Ну-ну, — с улыбкой прокомментировала тетушка Мегана. — Не нужно быть таким милым, Джозеф, тебе это не к лицу. А вот багрянец — весьма. Желаю тебе покорчиться как следует.

— Ну же, прошу тебя, дорогая... — взмолился дядюшка, решив, видимо, сменить тактику и использовать свое джентльменское очарование. Впрочем, с тем выражением лица, которое у него сейчас было, он мог очаровать разве что чугунную ванну. — Ты ведь знаешь, как мне больно... Костюм уже стал на два размера меньше, он неимоверно жжется. Если я сейчас же не сниму эти проклятые туфли, они съедят мои ноги!

— Мы не проклинаем членов семьи, — безжалостно сказала тетушка Мегана.

— Но я ведь снял проклятие! — в отчаянии воскликнул Джозеф. — Почему она все еще злится?!

— Сходи к Корделии и спроси у нее лично. Она на кухне, возится у котлов...

Дядюшка будто не услышал.

— Сейчас не лучший момент, чтобы меня наказывать, — продолжил он, царапая жилетку ногтями в бессмысленной попытке ее разодрать. — Неужели она хочет, чтобы я опозорил Крик-Холл? Ей же нужна поддержка наших гостей, и вряд ли им понравится...

— Ты ведь знаешь, что утром все пройдет. Будет костюм как костюм.

— Только не снять.

— Да, не снять.

— Ааррх! — прорычал дядюшка и принялся тереть ноги — штаны изнутри будто были вымазаны крапивным раствором.

— Хватит суетиться, Джозеф. Ты мешаешь мне читать...

— За что? Почему? — провыл дядюшка. — Я не заслуживаю такого обращения!

— Ты прав. — Тетушка Мегана даже оторвалась от книги и поглядела на мужа поверх очков. — Корделия поступила с тобой слишком жестоко. Если хочешь, мы можем проклясть ее в ответ. Наколдуем ей что-нибудь незначительное — просто какую-то раздражающую мелочь. Например, сделаем так, что всякий раз с боем часов у нее начнет все валиться из рук, или заставим ее спотыкаться на каждой седьмой ступеньке. Она даже не поймет, что...

— Нет. — Дядюшка Джозеф скжал зубы. — Не нужно. Уверен, она это не со зла, а просто...

— Ты даже сейчас ее защищаешь, — проворчала тетушка. — Жаль, она не оценит. Ты ведь понимаешь, что, даже

избавившись от Гарри, ты не получишь то, что хочешь? У тебя нет ни единого шанса...

— Замолчи, замолчи! — рявкнул дядюшка и начал изворачиваться и крутиться на месте с новой силой, пытаясь достать чешущееся место на спине. — Я ведь знаю, что ты получаешь от этого удовольствие...

— Еще бы, — не стала спорить тетушка. — Но также я просто хочу спокойно почитать.

— Ты... злобная, мерзкая мегера... Хорошая жена не стала бы так просто смотреть и...

— Не нужно продолжать, Джозеф. — Мегана опустила книгу на колени и устало поглядела на мужа. — Зачем этот спектакль? Мы ведь оба знаем, кто из нас кто, верно? Но все же... — ее взгляд вдруг стал заботливым и немного потепел, — позволь мне один раз побывать «хорошей женой» и сказать тебе кое-что приятное.

— Что? — с робкой надеждой в голосе спросил дядюшка.

— Выглядишь ты в этом костюме по-настоящему шикарно.

Ответом ей стал яростный звериный рык, вырвавшийся из сведенного судорогой горла.

Томми вспомнил, что грань между подглядыванием и попаданием на горячем очень тонка и что главное — вовремя улизнуть. Решив, что услышал и увидел достаточно, он развернулся и зашагал в свою комнату. Дядюшка продолжал шумно страдать и не менее шумно негодовать.

«Так ему и надо. Будет знать, как меня проклинать, — со злорадством подумал Томми. — Значит, маме все же не все равно. Значит, она меня любит...»

Он вошел в комнату и поспешно переоделся из мокрого в свою любимую пижаму. Уже забравшись в постель, Томми вдруг вспомнил кое-что, о чем говорила тетушка: «Что значит “даже избавившись от Гарри”? Неужели дядюшка и папу тоже проклял?! Или он только собирается?

Что у него на уме? Что он задумал? Ясно же, что ничего хорошего...»

С этими мрачными подозрениями Томми и заснул. А на следующее утро проснулся уже с четко сформировавшейся мыслью: «Нужно предупредить папу!»

Все утро Томми пытался его отыскать, но безуспешно — папы не было даже в кабинете. Мама сказала, что он уехал на вокзал встречать очередного гостя, но мальчик ей не поверил: «Драндулет» стоял в гараже...

Томми вернулся в свою комнату и сел на кровать. Он попытался вспомнить, когда видел папу в последний раз — кажется, это было утром за два дня до начала каникул. В голове сновали очень нехорошие мысли: «Может, дядюшка Джозеф и в самом деле проклял папу, и бедный папа сейчас где-то лежит и мучается, как мучился и я?»

Хуже всего было то, что об этом даже никому не расскажешь! Мама и тетушки сразу отпадают. Виктор? Нет, он ведет себя подозрительно, и не стоит забывать о том, что он носит зеленое. Кристина?.. Да, они с ней все время спорят и ругаются, но, может, хотя бы раз она выслушает его и не ограничится своими насмешками, как обычно?..

Кристина папу обожала — она попросту не могла принять участие в сговоре, если сговор, конечно, имел место. И все же в последнее время поведение сестры тоже вызывало подозрения.

Томми всегда был наблюдательным, даже слишком, поэтому от его внимания не могло укрыться то, что Кристина постоянно куда-то ездит с Виктором на «Драндулете», а еще то, что они никогда не общаются при других членах семейства и тут же обрывают разговор, если кто-то появляется рядом. Весь вчерашний вечер хлопали двери их комнат, будто в доме развелось слишком много сквозняков. А потом произошел тот несчастный случай... Дядюшка Джозеф пролил на лестнице свой сироп от кашля, и Виктор с Кристиной

поскользнулись на нем. Их отнесли в их комнаты, вызвали доктора Лоувелла, а мама, когда Томми сунулся к ней с вопросами, произнесла лишь: «Сколько раз я твердила: не бегать по лестнице! Будет им урок».

Что-то подсказывало Томми, что это очередная неправда и Виктор с Кристиной не просто «упали на лестнице». Его не покидало ощущение, что старшие брат и сестра на самом деле сунули носы куда не следовало и поплатились — дядюшка очень ценил свой сироп от кашля и пролить его случайно не мог. Разве что он сделал это намеренно...

Томми жалел, что загодя не вызнал тайны Виктора и Кристины, но он успокаивал себя тем, что в последние дни у него было множество собственных забот, начиная с проклятия и заканчивая всякими ведьмовскими делами.

К примеру, вчера он полдня потратил, выгадывая момент, чтобы подбросить тетушкам записки, как просила его Клара Кроу. В итоге он справился и даже не попался — все были слишком заняты гостями и приготовлениями к празднику. К слову, Томми все гадал: вышло ли у Клары то, что она задумала? Отыскала ли она ту вещь, которую у нее когда-то украла одна из тетушек? Он искренне переживал за Клару, ведь она была очень хорошей и помогла ему с проклятием. А еще Томми боялся, что затея могла провалиться, ведь тетушки вроде бы вели себя как обычно. Разве что Мегана почему-то плакала, спрятавшись ото всех в каморке для щеток и швабр. Когда он зашел туда в поисках папы (после того как безуспешно обыскал весь дом), она сделала вид, будто ищет какую-то щетку. Разумеется, племянник ей не поверил... К слову, до этого он никогда не видел, чтобы грозная обладательница ледяного сердца Мегана плакала. Было ли все это связано с затеей Клары или...

Размышления Томми прервали голоса, донесшиеся из-за стены. Взрослые голоса в комнате малышки Марго... Черт! Это было плохо...

Где-то за неделю до приезда гостей мама попросила Томми и Кристину проследить, чтобы никто не приближался к малышке. Мол, по дому будут бродить разные личности, у многих из которых весьма скверный характер. «Не дайте кому-то обидеть девочку...» — сказала она.

Томми считал, что эти гости и так слишком много себе позволяют. Расхаживают, где им вздумается, превратили гостиную в свое логово, постоянно курят и громко смеются, даже когда никому вокруг не весело. Так они посмешили втянуть в свои игры еще и Марго?! Нет уж, он не позволит!

Томми вскочил с кровати и бросился к двери. Распахнул ее...

Дверь напротив открылась в тот же момент. На пороге стояла Кристина.

— Ты тоже слышал? — спросила она негромко.

— Да, — шепотом ответил Томми.

— Что будем делать?

Томми был польщен: она никогда не спрашивала его, что делать. Он ведь «глупая малявка».

— Позовем маму? — предположил Томми и тут же с досадой понял, что так могла бы сказать только настоящая «глупая малявка».

— Нет, — категорично ответила Кристина. — Никакой мамы.

— Тогда сами разберемся, — храбро ответил мальчик.

Кристина поглядела на Томми так, будто видела его в первый раз. Кажется, она не ожидала от младшего брата такой решимости.

— Ты уверен?

— Эти глупые гости слишком обнаглели, — заметил Томми.

— Ты прав.

— Идем?

И они направились по коридору.

Томми думал о предупреждении мамы: «“Скверный характер”? Как же! Ей нужно было так и сказать: “Дом набит всякими ведьмами. А многие из них любят запекать детей в пирогах...” Ну, пусть только кто-то попробует облизнуться на Марго!»

Томми с Кристиной остановились у двери комнаты младшей сестры. Переглянулись. Томми сжал кулаки, а Кристина взялась за ручку. В комнате явно происходило что-то страшное...

Кристина распахнула дверь. Страшное действительно происходило... Бедняжку и правда мучили, изверги! Томми и Кристина содрогнулись.

На Марго было желтое «платье для гостей», которое она просто ненавидела. Еще бы: такого количества рюшечек, оборок, лент и кружев не было даже у ее кукол. Девочка понимала, что выглядит в нем как нелепое пирожное на ножках... Но сейчас ее заставили надеть это платье, ведь она «просто обязана сделать приятное тетушкам».

Вокруг круглого столика, накрытого к чаепитию, действительно с удобством расположились три двоюродные тетки: Эдна, Уиллаби и Макриди. Никто не собирался пожирать малышку Марго, но ни Томми, ни Кристина не спешили вздыхать с облегчением. Компания тетушек могла свести в могилу даже самого жизнерадостного и энергичного человека. Каждая из этих старух была жутко скучной и сама по себе, но когда они собирались вместе, их общее занудство становилось просто невыносимым.

Брат и сестра зашли в комнату. Тетушка Макриди как раз рассказывала о своих семнадцати котах и кошках.

На лице маленькой Марго было написано неприкрытое отчаяние, а во взгляде застыла тоска. Подобную безысходность можно прочитать только в глазах обреченного, которого уже почти засосала трясина.

Ее не могли развеселить даже фарфоровые куклы, принимавшие участие в чаепитии. И это притом, что за столом сидели не обычные куклы! Словно живые маленькие люди, они шевелили ручками и головами, ловко управляясь со столовыми приборами и отправляя в жутко отпадающие рты большие куски пирожного и заливая туда чай. Куклы вели себя церемонно и важничали. Вряд ли они знали, что чашки, из которых они пьют, сделаны из того же материала, что и их головы.

— Ведьмовство, — прошептал мальчик. Теперь он знал, как подобное называется.

В тот же миг одновременно три алчущих взора направились на Томми и Кристину.

— О! Милые мои! — воскликнула тетушка Эдна. — Как мы рады вас видеть!

— Вы не составите нам компанию? — добавила тетушка Уиллаби. — Мы с вами так редко общаемся...

— И это очень досадно! — завершила тетушка Макриди. — Берите стульчики и присоединяйтесь...

В глазах Марго зажглась надежда, что брат с сестрой спасут ее.

Томми, само собой, был рад тому, что никто не хотел причинить вреда сестре, ведь тетушки всегда присматривали за младшими Кэндлами, когда мама была слишком занята, а в доме толпился народ, но он понял: если они с Кристиной сейчас же поскорее отсюда не уберутся, ни его самого, ни Кристину уже не спасти. И кто знает, будет безнадежно потрачен всего лишь один час или придется провести вместе с тетушками весь праздник? Все зависело от степени их «соскучиваемости» по милым племянникам...

Это определенно была ловушка. В глазах тетушек застыл голодный блеск — они явно планировали затащить в омут своего чаепития как можно больше неосторожных путников.

И у них получилось... Кристина, словно лунатик, шагнула к столику.

— Конечно, — сказала она чужим почтительным голосом. — С радостью...

— О, дорогая, — обратилась тетушка Эдна к Марго, — приготовь еще один прибор.

— Но не два ли? — уточнила тетушка Уиллаби. — Неужели молодой человек не составит нам компанию?

— О, разумеется, составит, — ответила за Томми тетушка Макриди. — Милая, два прибора, прошу тебя.

Тетушки начали суетиться. Сейчас они напомнили мальчику трех мельтешащих голодных ворон, завидевших труп собаки. Двоюродные тетушки действительно слегка походили на птиц, даже их острые носы можно было принять за клювы, а что уж говорить о высоких старомодных прическах, в которые они вплели черные перья.

Кристина уже отодвигала для себя стул...

Нужно было действовать! Решительно и быстро. Обычно занудные взрослые рассчитывают на то, что никто не сможет просто развернуться и уйти, поскольку это очень грубо и непочтительно. Но Томми был мальчишкой, поэтому мог позволить себе грубость и непочтительность. Он сказал:

— Нет, нам нужно идти. Много дел, — и, схватив Кристину за руку, силой потащил ее из комнаты.

Стоило двери за ними захлопнуться, как сестра сразу же пришла в себя. Она с ужасом осознала, что едва не осталась на самое затянутое и беспросветно унылое чаепитие в своей жизни.

— Тебя что, заколдовали? — хмуро спросил Томми.

— Наверное... Какой ужас... Я едва не села пить с ними чай.

— Да, — поддержал сестру Томми — он ее прекрасно понимал, ведь до недавнего времени сам был вынужден присутствовать на подобных тянувшихся бесконечно чаепитиях.

— Спасибо. Ты меня спас.

— Не за что, — смущенно ответил Томми. — У меня ведь есть сердце...

— Как это по-взрослому прозвучало, — усмехнулась Кристина.

— Заткнись. — Томми смутился еще сильнее. — Так мама говорит: ну, про то, что у нее есть сердце...

Они направились по коридору к своим комнатам. На лице Кристины, словно она была зеркальным отражением самого Томми, алела красная отметина. Мальчик только сейчас решился спросить:

— Это из-за лестницы?

Он указал на след от удара.

— Лестницы? — удивилась Кристина и стыдливо прикоснулась к ссадине.

— Ну, вы ведь поскользнулись с Виктором вчера вечером и упали на лестнице, — пояснил Томми.

— А, вот, значит, что она сказала? — мрачно пробормотала Кристина. — Ну да, лестница... но это не из-за лестницы.

Томми все понял.

— Кто тебя ударил? — напрямую спросил он.

— Не скажу. — Кристина надулась, будто это был сам Томми. — А тебя кто?

Она ткнула в его скулу, указывая на дядюшkin «подарочек».

— Не скажу. — Брат решил ответить взаимностью.

— Ну и ладно.

— Ну и ладно.

Кристина покосилась на Томми.

— Хорошо, — произнесла она, поддавшись любопытству. — Давай скажем одновременно.

Брат кивнул, и они остановились.

— Раз, два, три... Дядюшка Джозеф.

— Гоблинский король.

— Что? — поразился Томми.

— Что? — поразилась Кристина.

— Неважно.

Мальчик с досадой поглядел на сестру, подумав, что она решила над ним подшутить. Впрочем, Томми не обиделся — на самом деле его волновало кое-что другое. Он попробовал забросить удочку:

— Слушай, завтра ведь Канун, — сказал он с деланным безразличием в голосе. — Когда мы поедем с папой в «Сову в фонаре» и за подарками?

— Мы не поедем, — ответила Кристина с такой уверенностью, которая не оставляла сомнений: дело в папе и сестра что-то знает.

— Что? — Томми опустил голову: нехорошие предчувствия и догадки окрепли. — Почему?

— Папа болеет.

— Черт! — Томми не сдержался и выдал себя с головой. Но ему было все равно — какая уж тут конспирация. — Я так и думал!

— Правда? — подозрительно спросила Кристина. — С чего бы?

— Чертов дядюшка Джозеф... — со злостью сказал Томми. — Это он во всем виноват.

— Почему? — осторожно поинтересовалась сестра. — Почему ты так в этом уверен?

— Потому что он... — Томми покраснел. — В общем, он очень плохой...

Кристина хмыкнула.

— Рада, что ты наконец понял, хотя всем это и так было... Постой... — Она вдруг застыла, будто прислушиваясь к чему-то. — Что это за шум?

Мальчик тоже услышал странные скрипы и треск. Раздавались они будто бы из его комнаты.

Томми с Кристиной заглянули туда. В комнате никого не оказалось.

— За окном! — догадалась Кристина.

— Только не тыквы! — взмолился Томми. — Не хочу их больше таскать!

Подойдя к окну, они распахнули створки, и ветер тут же проник в комнату. Томми и Кристина выглянули наружу.

— Вот ведь неугомонный! — проворчала сестра. — Сразу видно, что ему уже лучше!

По плющу неловко спускался Виктор. Он выбрался из окна своей комнаты и полз вниз, цепляясь за спутанные лозы. Пальто и штаны уже были все измазаны, руки его время от времени срывались, но упорства — или, быть может, упрямства — брату было не занимать.

— Почему он не выйдет через двери? — удивился Томми.

— Он наказан. Мама запретила ему покидать дом.

— Что он такого сделал?

Кристина помрачнела.

— Мне нужно идти, — сказала она и, словно подхваченная порывом ветра из окна, стремительно покинула комнату Томми.

— А что, когда я стану взрослым, мама по-прежнему будет меня наказывать? — сам себя спросил мальчик.

Закрыв окно, он зевнул и сел на кровать, а после, даже не думая спать, прилег. Глаза закрылись — все же полубессонная тыквенная ночь дала о себе знать.

«Дневной сон — для малявок», — подумал Томми и тут же заснул...

Мистер Эвер Ив любил крайности. Но некоторых крайностей, в силу своей противоречивой натуры, он все же опасался. Подумать только, он едва не лишился дома! Что это было?! Пожар? Потоп? Воры? Вредители? В общем, его вышвырнули за дверь в одной ночной рубашке в обнимку со своим барахлом. Как грубо! Как... неожиданно!

Его сосед остался в квартирке, а он, великолепный Человек в зеленом, оказался за порогом, ничего не понимая и недоуменно хлопая глазами. Его уверенность и бесшабашность исчезли, развеялись, как дым. Он оказался совершенно один, никому не нужный, под проливным дождем. Образно выражаясь, естественно. Дождя не было. Зато горел огонь.

Ведьмы что-то там делали. Кто-то играл на пианино, кто-то курил... У них был праздник — танцы, возгласы, крики. А еще в пролом дул ветер. Он мешал сосредоточиться. Единственное, что мистер Эвер Ив вдруг понял, так это то, что он, не мигая, глядит на кровь, растекающуюся из-под тела, и думает, дотечет ли она до той вот занятной трещины в паркете?

Мистер Ив увидел лежащую на полу рядом с его бывшим местом обитания красотку. Она была без сознания.

Мистер Ив ощутил, как его переполняет злость. Эта девушка... веселая, беззаботная, коварная и острые на язык — она была просто чудом. Она не должна лежать вот так, нелепо раскинув руки, упервшись щекой в вывороченный древесными корнями паркет. Ему стало жалко ее, а еще в нем проснулась ярость. Подлинная ярость.

Как можно догадаться, мистеру Иву весьма импонировала эта красотка. Она ему нравилась намного больше, чем тот мрачный тип, его сосед. Его соседа никогда ничего не устраивало — таким уж он был законченным занудой. Сосед во всем искал отрицательную сторону, небо у него всегда темнело раньше, а стаканы, как один, были полупустыми, а то и вовсе прохудившимися. С таким типом не побеседовать, не выпить джина, не переброситься в картишки.

Однажды мистер Эвер Ив прочитал некое письмо и вдруг осознал, что он — это он. Будто впервые в жизни в зеркало посмотрелся. А еще он обнаружил рядом невзрачного незнакомца, с которым отныне был вынужден делить комнату.

То, что им с соседом не ужиться, он понял сразу, поэтому даже не предпринимал попыток наладить общение, не предлагал забрать почту, выбросить мусор или выгулять щенка... А потом — поезд, этот городишко и... вот он здесь, а красотка лежит на полу.

Пусть мистер Ив злился, но все же он не мог не отметить, что состояние этой девушки ему только на руку. И подумал: «А не пора ли взять вещички и переехать? Благо собирать почти ничего не нужно. Красотка, бесспорно, лучше моего прежнего соседа, глупо кровоточащего на полу рядом».

Мистер Эвер Ив подошел и наклонился к красотке. Она едва дышала. Он положил руку ей на плечо, но тут же отдернул ее, словно обжегшись. А потом понял, что и в самом деле обжегся, будто приложил ладонь к раскаленному чайнику! Что же это такое?!

Долго гадать ему не пришлось: у красотки вокруг щиколотки была обвязана тонкая бечевка с узелками на ней. Проклять! Ведьмин замок!

Внезапно оказавшийся бездомным мистер Эвер Ив тоскливо обернулся. В прежней квартире одиноко догорала свеча — его сосед уже лег спать. И что же делать?

Мистер Ив вдруг пожалел, что рядом нет Котла, — Котел сразу бы понял, как выкрутиться и изловчиться, чтобы получить наибольшую выгоду. Интересно, что бы он сделал? Дописал бы отчеты? Нет, не то...

Человек в зеленом понимал, что выбора у него особо нет и нужно вернуться, как бы это ни было неудобно.

Мистер Ив постучался обратно. Дверь была приоткрыта. Свеча догорала, а сосед уже спал. Человек в зеленом тихонько вошел и, достав из ящика стола запасную свечу, от огарка поджег ее. Комната тут же осветилась.

Мистер Ив огляделся и поежился. Окна были открыты, и он поспешил закрыть их. Кто-то что-то разлил на полу. Ничего, он не гордый. Несколько движений шваброй — и готово.

Что еще? Зябко ведь! Ах да, печь и паровой котел! Печь уже погасла, нужно было поскорее разжечь ее. Что он и сделал — кипяток тут же устремился по трубам, согревая квартиру...

Само собой, мистер Ив не был инфантильным, просто он обожал образные сравнения. А если отбросить их, то все было по-настоящему мрачно. Сосед Человека в зеленом, Виктор Кэндл, почти умер. Огонек его сознания почти затух, из ран на груди и животе непрекращающимся потоком текла кровь. Сердце совершало последние удары, а потом остановилось.

Мистер Ив затянул раны, раздул огонек сознания и снова запустил сердце. Нет, он не помогал соседу, поскольку относился к нему без какой-либо особой симпатии, — он помогал себе. У него просто не было выбора.

Свалившиеся внезапно хлопоты, пережитые страхи и впечатления утомили мистера Ива, и, все исправив, он позволил себе немного отдохнуть — забрался в постель, накрылся с головой одеялом и заснул.

Очнулся мистер Эвер Ив на следующий день в уже совершенно не метафоричной кровати в комнате Виктора Кэндла на втором этаже Крик-Холла. Его одежда висела тут же, на стуле. На жилетке и рубашке не было ни дыр, ни каких-либо следов крови. Что ж, ведьма-домохозяйка прекрасно знает свое дело — нужно отдать ей должное.

Едва вспомнив о ведьмах, мистер Ив снова утратил покой. Он встал, быстро оделся, открыл окно и выбрался наружу. Причиной этой спешки был короткий взгляд, брошенный на каминную полку. На отрывном календаре стояла дата: «30 октября». У него остался всего лишь один день! Нужно было срочно разобраться со всеми делами и проверить, как продвигается финальная часть плана. А еще требовалось поставить на место эту проклятую «К. К.», Клару Кроу, которая посмела играть с ним в игры.

Мистер Ив понял: то, что с ним вчера произошло, во многом случилось из-за того, что он размяк, стал добре и ленивее. Вдобавок он пустил дела на самотек, доверившись ничтожным прихвостням, а врага, который наивно решил, будто ему удастся заткнуть за пояс самого мистера Ива, недооценил и оставил «на потом». Что ж, «потом» наступило...

Мистер Эвер Ив шел по затянутой вязкий туман улице и размышлял. Метла сообщила о появлении жертв на окраинах... около дюжины. Странно: он-то полагал, их будет намного больше. Неужели и полутора десятка не набралось? Неужели никто не хочет убраться из этой дыры? Или они настолько трусливы? Странно...

Он оглядился по сторонам — особенных красот в планировке улицы или наличия каких-либо архитектурных изысков он не различил. Дыра и есть дыра. Ничего, он многое здесь поменяет. Вон на том углу появится старая аптека, а там — колокольня. Чердаки превратятся в птичьи галереи, а мосты начнут двигаться. Дома вырастут, крыши их вытянутся, на всех появятся башенки, шпили и горгульи. И витражи... Мистер Ив очень любил витражи...

Из-за спины прогудел велосипедный клаксон. Мистер Ив обернулся. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Твоя затея, Ключ, привела к очень неприятным последствиям, — бросил он и продолжил путь. — Она была совершенно дурацкой.

Стюарт Биггль слез с велосипеда и торопливо нагнал мистера Ива.

— Так что же, сэр? — спросил стариk. — В итоге все прошло удачно?

— Смотри что ты называешь удачей. Для меня удачно, к примеру, то, что красотка осталась жива.

Биггль удивился:

— Но какое вам дело до той девчонки?

— Такое дело, что не твое дело! — рявкнул мистер Ив. — И зачем нужно было подбрасывать ключ? По сути, все оказалось бессмысленно: ведьма в итоге удержала своего пленника. А пленник едва не избавился от меня.

— Прискорбно это слышать, сэр...

— Ничего, сейчас я чувствую себя просто превосходно, — заметил мистер Ив и вдруг понял, что это чистая правда.

— Нет, это все моя вина, — угрюмо опустил глаза Биггль. — Если ведьма осталась при своем, то все действительно было лишено смысла. Пустой риск... Эх, знать бы заранее, я бы не стал подбрасывать ключ.

— Ну-ну, парень, — приободрил старика мистер Ив. — Все не так ужасно. По крайней мере, я кое-что узнал.

— Кое-что? — удивился Биггль.

— Кое-что, — кивнул мистер Ив. — Пленник ведьме Кэндл нужен, чтобы собрать вместе того, кто разорвал себя на части, представляешь?

— Но как?! — поразился стариик. — И при чем здесь ведьма Кэндл? Мы же выяснили, что за всем стоит ведьма Кроу!

— И в самом деле, — согласился мистер Ив. — Эти ведьмы путаются у меня в голове.

— Вы хотели сказать, что у вас в голове все путается от этих ведьм? — уточнил Биггль.

— Не поправляй меня, Ключ! — одернул старика мистер Ив. — Мы не друзья! Я сказал именно то, что хотел сказать. Ведьма Кэндл — нужно отдать ей должное — сумела изловить короля Дорха-Крой. Талантливая женщина, что скажешь. Ее бы живой ум да кому-нибудь из вас... Эх... — Мистер Ив вздохнул с сожалением. — В общем, у нее есть свой карманый инструмент для того, чтобы...

— Но зачем ей это? — осмелился перебить Биггль. — Если учесть, что за всем стоит ведьма Кроу, разумеется.

— Вот это я и выясню у самой ведьмы Кроу перед тем, как оторву ей ноги и руки и выдавлю глаза. Может быть, все

намного проще и они в сговоре. Кроу отлавливает вас, а Кэндл... да, Кэндл — та еще штучка. Как продвигается работа?

— Шляпе осталась последняя башня. Над зданием школы...

— Время на исходе, — напомнил мистер Ив. — Она не должна опоздать. Я хочу быть уверен, что город запрут и здесь, и даже в Стране снов.

Биггль попытался вступиться за подругу:

— Шляпа не давала прежде поводов в ней сомневаться.

— Разумеется. Но я вижу, тебя беспокоит не Шляпа...

— Зеркало, сэр, — нехотя признался Биггль. — Метла приходила к нему на фабрику и хотела забрать последнюю партию, но его там не оказалось. Фонарь сказал, что видел Зеркало на мосту. Зеркало... кхм... э-э-э...

— Что такое? — нахмурился мистер Ив.

— Ну, я пытаюсь вам сказать... кхм... кхрр... э-э-э...

— Будь здоров.

— Нет, я не чихал. Это было многозначительное покашливание, сэр. В общем, Зеркало сопровождал некую даму.

— Сопровождал?

— Вел под ручку.

— Зеркало попался?

— Фонарь сказал, что... мне неловко это говорить... что Зеркало себя полностью контролировал, хоть и вился вокруг упомянутой дамы, как мотылек вокруг лампы.

— Чертов Зеркало, — проворчал мистер Эвер Ив.

— Все верно, сэр, — поддакнул Биггль. — Чертов Зеркало.

— То есть ты хочешь сказать, что Зеркало пустился в какое-то... фу, мерзость! — *романтическое приключение?* И из-за того, что Метла не получила последнюю партию своих сторожей, город до сих пор открыт?

— Небольшая лазейка осталась, да. Но не извольте беспокоиться, сэр, там дежурит Фонарь. Он хорошо справляется — остановил уже трех беглецов.

Слова Биггля мистера Ива тем не менее отнюдь не успокоили.

Зеркало всегда был своевольным, а еще отъявленным лентяем. Несмотря на свои способности и на его, мистера Ива, благосклонность, Зеркало все же оставался самым слабым звеном. Именно из-за него весь план мог рухнуть, и пора было поставить этого пройдоху на место — с него хватит последних шансов. Ни дерзость Зеркала, которая так мистеру Иву раньше нравилась, ни его несравненное обаяние на сей раз наглецу не помогут...

— Сэр, — напомнил о своем присутствии мистер Биггль. — У меня остались последние дела в городе, и я...

— У меня такое ощущение, что ты сейчас о чем-то попросишь, Ключ.

— Вы правы, сэр...

— Неприятное ощущение, — признался мистер Ив. — Не сама просьба, а ее предвкушение. Ну да ладно, что там у тебя?

— Мой старый долг... — осторожно напомнил мистер Биггль.

— Долг?

— Тот замок, который мне так и не удалось открыть в доме на холме... Перед тем как все закончится, вы позволите мне попытаться снова его открыть?

— Да, разумеется.

— Весьма благодарен, сэр.

— Только на этот раз, сделай одолжение, не забудь подумать заранее о последствиях, Ключ. Если ты откроешь этот замок, кое-что неприятное, запертое объединенными силами двух враждующих семей, снова окажется на свободе. Не нужно считать, будто меня не волнует твое душевное спокойствие, потому что, когда я говорю: «Мы — не друзья», я имею в виду, что мы кто угодно, но не друзья. Ты понимаешь?

— Не совсем, сэр. Но я близок к пониманию...

— Скажу проще. — Глаза мистера Ива гневно сверкнули. — Ты подбросил ключ, и меня едва не вышибли из моей уютной квартирки. Если ты откроешь тот замок и это как-то повредит делу, я не поленюсь — отыщу и сломаю все ключи, которые ты когда-либо делал, и все замки, которые ты когда-либо ставил.

— Не волнуйтесь, сэр, — испуганно проговорил Биггль. — На этот раз я все продумал — мне бы только... только открыть этот проклятый замок!

— Ты помнишь про сегодняшний полдень? — спросил мистер Ив и, когда старик кивнул, добавил: — Только посмей что-то напутать.

— Все пройдет просто замечательно, сэр. Не извольте беспокоиться. Вы и не заметите, как явитесь в...

— Я бы не был на твоем месте так самоуверен, Ключ. И не смей меня успокаивать. Мы...

— ...не друзья, — закончил Биггль.

— Верно, — сказал мистер Эвер Ив и, дернув рукой, отгоняя Ключа, продолжил путь в полном одиночестве. Если не считать вечно сопровождающего его соседа, разумеется. Но кто же его когда-то брал в расчет.

При свете дня найти особняк Гаррет-Кроу было нетрудно. Узкий, отдаленно похожий на башню дом выглядел так, словно не раз горел: черные стены, закопченная черепичная крыша, темнеющие, будто покрытые сажей, окна. Осыпающиеся дымоходы и галдящие воробы, сгрудившиеся на карнизах, лишь усугубляли ощущение мрачности и отвратительности этого места.

Дом стоял посреди заброшенного пустыря, все еще, будто бы в насмешку, носившего название Гаррет-Гарден. Как нетрудно догадаться, некогда здесь был разбит сад, но от него не осталось и следа: даже садовые стены — и те давно

снесли. Деревья и цветы исчезли — их заменили бурьян да грязные, намытые дождями лужи, повсюду валялся старый хлам вроде чемоданов, автомобильных колес и разломанных птичьих клеток. На самом краю пустыря стоял сколоченный из досок указатель, на котором явно детской рукой было выведено:

«Ближе не подходить! Здесь живут ведьмы!»

Лукинг Гласс, кутаясь в пальто, неуверенно брел через пустырь к чернеющему вдали Гаррет-Кроу.

«Как она может жить в таком месте? — думал он. — Здесь же проще простого сойти с ума! Нужно поскорее ее отсюда забрать и...»

Лукинг раздраженно одернул себя. И в самом деле, кем это он себя возомнил? Сердцеедом и беспечным авантюристом или, быть может, в конце концов простым человеком?! Что скажет босс, когда узнает о его похождениях? Наверное, ничего он не скажет. Просто запустит пальцы Лукингу в глазницы и разорвет его голову на куски. Глупо считать, что Сэр испытывает к нему большую привязанность, чем к собственной шляпе, пусть он и любит иногда так заявить в качестве шутки. Босс вообще большой шутник, пока речь не заходит о деле. В делах он шуток не терпит. Тем более таких шуток, что ставят исполнение этих самых дел под угрозу.

И все же Лукинг считал, что просто обязан был что-то предпринять. Ему хотелось помочь этой хрупкой и очень печальной женщине, пусть даже и в ущерб делу, в ущерб... своей жизни. Потому-то он сейчас сюда и явился вместо того, чтобы заканчивать приготовления на фабрике.

По какой-то причине мисс Мэри не пришла в кафе, и сперва Лукинг даже смирился, полагая, что, видимо, он ей просто неинтересен или что у нее куча других дел. А потом он

задумался: «Может, она меня испугалась? Заподозрила что-то или... — И тут его посетила пугающая мысль: — А может, она не передумала? Может, она все же хотела прийти, но что-то случилось? Только не это!»

Он остановился и закрыл глаза. Город и его шум звучали приглушенно, словно откуда-то из вчера. Ветер колыхал бурьян, черный дом скрипел и легонько покачивался, а вороньи на крыше каркали как-то уж слишком самодовольно.

Лукинг открыл глаза, губы его дрогнули: в этом доме недавно кто-то умер. Сердце бешено застучало в груди. Он преодолел оставшуюся часть пустыря за какое-то мгновение и вскоре уже стоял у входа в Гаррет-Кроу.

Дверь была приоткрыта.

— Мисс Мэри?! — позвал Лукинг, заглянув в прихожую.

Ответа не последовало, и он вошел в дом.

Переступая через порог, Лукинг споткнулся и едва не растянулся на полу. Ему стало дурно — в один миг его будто охватила столетняя тоска, за которой пришла тысячелетняя усталость. Тело стало ватным, горло словно усохло и сморщилось, превратившись в мятую тряпку, воздух отяжелел...

Лукинг понял, в чем дело, почти сразу, лишь только его взгляд упал на безобидный с виду половик у двери. Незванный гость отшвырнул его ногой прочь. Сразу стало легче дышать, слабость пропала. Должно быть, в коврик был вшифтован оберег от темных сил.

Вытерев проступивший на лбу пот, Лукинг огляделся. Повсюду в прихожей были старые вещи, которыми, кажется, много лет никто не пользовался, — они висели на вешалке, громоздились на большом гардеробе, кучей лежали у двери. На обувных полках пыльными рядами застыли старые туфли. Зеркала небольшого настенного трюмо покрылись темно-зеленой патиной и ничего не отражали — их легко можно было принять за часть стены.

Лукинг опустил взгляд и вздрогнул. По полу к лестнице тянулась дорожка грязи и... крови.

Откуда-то сверху вдруг донесся тихий плач. Так мог бы рыдать ребенок, уже отчаявшийся, что его услышат.

Это она?! Жива? Если жива, то что с ней?

Вопросы стучали в висках вместе с ударами сердца, когда Лукинг торопливо поднимался по крутым ступеням, стараясь не хвататься за окровавленные перила и перешагивая через сорванные со стен картины и фотографии в рамках. Что здесь произошло? Кого-то убили? Только не ее, только бы не ее...

Кроваво-грязевой след привел Лукинга на второй этаж — он тянулся к пустому дверному проему и лежащей на полу сорванной с петель двери.

Лукинг со страхом заглянул в комнату. Встретил его погром: перевернутый столик; в ткани, которой была обита стена вокруг камина, — прожженные дыры; пол засыпан углем и покрыт ковром вороных перьев; вместо окна — пролом, в который дует ветер.

Еще здесь была кровать с разорванным и висящим клочьями пологом. На кровати лежало мертвое тело, накрытое окровавленным пледом.

«Она не могла умереть, не могла!» — в отчаянии подумал Лукинг.

На негнущихся ногах он подошел к кровати и сорвал плед. Открывшееся зрелище одновременно утешило Лукинга и вызвало у него отвращение: старушечье тело напоминало одну сплошную рваную рану...

Вернув плед на место, Лукинг шагнул было к окну, и тут что-то хрустнуло у него под ногой. Нагнувшись, он разгреб вороньи перья и обнаружил под ними фотографию в разломанной рамочке. С фотографии на него смотрели две женщины, одной из которых была мисс Мэри — красивая, смеющаяся, совершенно на себя не похожая... Все те черты, что

успели зажечь его сердце, на этой карточке были многократно приумножены и подчеркнуты...

Плач вдруг зазвучал снова. Он раздавался где-то над головой.

— Мисс Мэри? Клара?

Выбежав из комнаты, Лукинг бросился вверх по лестнице. Третий этаж... Выше... Четвертый...

В потолке крошечной комнатушки темнел квадратный проем люка, к которому вела деревянная лесенка. Плач доносился оттуда...

Поднявшись по скрипучим ступенькам, Лукинг выбрался из проема и оказался на чердаке. У открытого окна на полу лежало что-то, похожее на груду грязной черной одежды. «Одежда» шевелилась и каркала.

Лукинг сделал неуверенный шаг, и в воздух, шелестя крыльями, поднялась стая ворон. Черные птицы, испуганные появлением незнакомца, взмыли под крышу и расселились на балках, гневно уставившись на него.

На полу, там, где только что сидели воробы, корчилась женщина. Голова ее неестественно откинулась набок, как будто шея сломалась, локти торчали вверх. Платье женщины было порвано, тут и там на месте вырванных из головы ключьев волос багровели кровавые проплешины.

Женщина плакала и царапала обломанными ногтями дощатый пол. Она выглядела так, словно попала в автомобильную катастрофу. И все же это была она — живая!

— Мисс Мэри!

Лукинг поспешно приблизился и, опустившись перед ней на колени, осторожно коснулся ее плеча.

— Вы... — прохрипела женщина, глянув на него из-под черных опухших век. — Уходите. Прошу вас.

— Кто это сделал?! — Лукинг аккуратно приподнял ее голову. У него сжались зубы от негодования. — Кто это сделал с вами?!

— Никто, — прохрипела она. — Я сама это сделала. Только я. Моя дочь... Они забрали и убили ее. Мне больше незачем жить, больше незачем...

— Ваша дочь?

— Я вспомнила ее. Узнала, что они с ней сделали. Ее больше нет. Совсем нет...

То, что говорила мисс Мэри, напоминало горячечный бред. Ее пустой взгляд блуждал по сторонам.

— Посмотрите на меня, — твердо сказал Лукинг, пытаясь вырвать ее из омута сумасшествия.

— Пришли и меня убить? — Она истерически рассмеялась, выплевывая на подбородок капельки крови. — Как убили тех, кто издевался надо мной? Я проходила по мосту потом и все видела... Там была полиция — они нашли три изувеченных тела... Это справедливо? Заплатить жизнью за пару минут насмешек... Вот и я заплачу. Мне не жалко...

— Моя сила не только в том, чтобы забирать, — сказал Лукинг. — Я могу и возвращать. У Зеркал есть память... Смотрите мне в глаза. Смотрите!

Она послушалась. И тут же дернулась от неожиданности — глаза Лукинга теперь представляли собой полированное зеркальное стекло. Не успела Клара испугаться, как в этих зеркальных глазах увидела себя саму. Но вовсе не Ворону, затюканную городскую сумасшедшую, которой она была все эти годы, и не мисс Мэри, напускной и ложный образ, за который она цеплялась, пытаясь сбежать от беспрозрачности и отчаяния. Она увидела гордую и уверенную в себе, в чем-то даже властную мадам Клару Кроу, главу большой семьи, чуткую к своим и грозную к врагам. Она увидела ту, которой могла бы стать, сложись ее жизнь иначе. Увидела рядом мать, живую и сохранившую остатки былой величественности — София Кроу в конце концов смирилась с тем, что умница дочь во всем превзошла ее. С некоторых пор мама даже гордилась этим. Еще Клара увидела любящего мужа. Увидела

дочь, ту самую, их первую, которая давно выросла, стала красавицей и считала мать лучшей подругой. Увидела других своих детей, которые еще учились в школе, всего их было трое или четверо — она не успела рассмотреть...

Наваждение было настолько близким и реалистичным, что казалось, стоит ей только протянуть руку — и эта красивая ненастоящая жизнь станет *ее* жизнью. В то время как ужасное настоящее развеется, словно дурной и опостылевший сон.

— Нет, я не могу дать вам их, и никто не может, — печально прошептал Лукинг. — Простите. Здесь лишь вы — настоящая. Но вы можете забрать себя. Если хотите. Вы хотите?

— Хочу...

Клара моргнула и...

Что произошло?

Боль куда-то ушла. Вместе с болью пропало и желание умереть.

Лукинг помог ей подняться.

Клара посмотрела на свои руки — они были чистыми и целыми, без единой царапины. Она их не узнавала: гладкие, нежные и розоватые — такие, какие были у нее молодой, лет двадцать назад. Ее тело будто обрело давно забытую силу, в нем не осталось никакой усталости. Лишь неуемное желание — жить! А еще она чувствовала, как кипит ее кровь. Ей вдруг невероятно захотелось превратить всех этих сидящих на балках ворон в цветы, а затем распревратить их обратно. Она поняла, что с легкостью сумеет это сделать.

Что же произошло?

Клара ничего не понимала. Это ощущение... Будто и не было последних часов, которые ей довелось пережить. Будто не было последних двадцати трех лет сломанной жизни. Клара чувствовала себя так, словно у нее все еще впереди, словно она только что приехала домой из университета на каникулы.

— Лукинг, кажется, я схожу с ума.

Даже голос ее изменился. Он утратил хрипотцу, стал звонким и чистым. Она посмотрела в его глаза. Самые обычные, карие, глаза.

— Кажется, я заснула и... и увидела сон. Страшный сон! Моя мама... Мне приснилось, что это она отняла мою... потерянную вещь. Которая на самом деле оказалась моей дочерью и которая мне больше не дочь, потому что Кэндлы разорвали наши с ней кровные узы. Мне кажется, что я... убила маму.

— Все хорошо, — сказал Лукинг. — Вы просто потерялись, а я нашел вас...

Он нежно и осторожно обнял ее, и она обняла его в ответ.

Над головой каркнула ворона. Лукинг отпустил Клару и всунул ей в руку фотографию.

— Это вы... посмотрите...

Если бы Клара смогла сейчас увидеть себя со стороны или в зеркале, то лишь уверилась бы в собственном безумии: ее лицо стало другим — оно словно сошло с этой старой выцветшей фотокарточки.

— Что бы ни случилось прежде, теперь все хорошо, — сказал Лукинг. — Мы сейчас спустимся вниз. Не оглядывайтесь по сторонам. Я потом все вам расскажу — когда мы уйдем отсюда.

— Хорошо...

Они покинули чердак и спустились на первый этаж, благополучно оставив позади ужасный разгром в комнате Софии Кроу и лежащее на кровати мертвое тело. Лукинг позаботился о том, чтобы Клара не смотрела в ту сторону. Вот-вот все закончится... Скоро они покинут это место... Можно будет просто оставить этот кошмар за спиной...

Они уже были в прихожей и направлялись к выходу, когда дверь перед ними вдруг с грохотом распахнулась.

На пороге стоял мистер Эвер Ив.

Глаз его не было видно из-за низко надвинутой зеленой шляпы. Зато была видна мерзкая, не сулящая никому ничего хорошего улыбка...

...Мистер Эвер Ив не считал себя плохим человеком. Он полагал, что является более высокоорганизованным существом, пребывающим выше всех этих примитивных людских понятий о добре и зле. Для него гораздо важнее были тонкость иронии, мастерство шутки и эпатаж, чем какое-то там дешевое злодейство или бессмыленный садизм. Но иногда он все же делал из своего правила исключения.

— Лукинг! Как неожиданно и... как ожидаемо! — Губы мистера Ива еще сильнее расползлись в стороны.

— Кто... это? — тихо спросила Клара.

Несмотря на вернувшуюся к ней силу, она не могла определить, кто перед ней стоит. Колдовской взгляд просто отскакивал от фигуры незнакомца, не в силах распознать его подлинную суть, при этом Клара ясно ощущала исходящую от него опасность. Нет, это определенно был не человек. Скорее перед ней стояла... Вещь. Вещь или даже Явление. Кларе вдруг вспомнилась история о Человеке в зеленом, которую она не так давно сама рассказывала своему классу. Очень некстати вспомнилась.

— Позвольте представиться, мадам! — воскликнул незнакомец. — Мистер Эвер Ив, к вашим услугам.

— Не сказал бы, что рад вас видеть, босс. — Лукинг закрыл собой до смерти перепуганную Клару, встав между ней и мистером Ивом. — Отпустите нас. Я прошу вас.

— Да? — делано удивился Человек в зеленом. — Неужели ты решил, что вправе указывать, как мне следует поступать? Возможно, один палец на моей руке вдруг возомнил себя свободным от остального тела? Мне что, предлагается взять нож и отрезать его?

— Я вас не боюсь, — заявил Лукинг.

На самом деле он очень боялся.

И мистер Ив это прекрасно знал. Он рассмеялся:

— Не желаешь малодушничать перед дамой, Зеркало? — метким выпадом поддел он своего протеже. — Но, как мне кажется, ты все же смалодушничал и побоялся признаться этой ведьмочке в своих... хм... как это может там у тебя называться? Ощущениях?

— Чувствах, — вызывающе уточнил Лукинг. — Это не ваше дело, сэр, и... — Он поглядел на Клару. — Простите. — После чего снова повернулся к боссу. — Вам не выжечь во мне это.

Клара, казалось, перестала дышать. В голове у нее все смешалось, словно кто-то взял ложку и как следует перемешал ею мысли.

— Вот, значит, как вас ловят, — пробормотал мистер Ив. — Ты понимаешь, Зеркало, что просто попался, как глупый лисенок в капкан? Кстати, не ты один. Котел и Метла тоже. Эта ведьма всех вас использовала. Но от тебя я все же ожидал... хм... большего.

— Меня никто не ловил! — воскликнул Лукинг. — Она здесь вообще ни при чем! Все это только наши с вами дела, не впутывайте ее!

— Поздно, мальчик мой. Мы все впутаны...

Человек в зеленом переступил порог. В зеркалах трюмо, в которых прежде ничего не отражалось, вдруг отразился улыбающийся мистер Эвер Ив. А еще в них отразился сам Лукинг, пристально следящий за каждым движением своего босса.

— Вот Котел, — продолжал мистер Ив, — тот сразу понял, что его обманули, потому что он сам — бесчестная скотина, жадная и занудная, не способная оценить ни шутки, ни двойного подтекста. Но твой подход всегда был мне ближе, поэтому даже жаль будет тебя...

В этот момент отражение Лукинга Гласса в зеркале вскинуло руки и схватило отражение мистера Ива за горло. Реальный

Лукинг при этом все так же стоял, закрывая собой Клару, а реальный мистер Эвер Ив судорожно дернулся, почувствовав на шее невидимые пальцы своего взбунтовавшегося помощника.

И все же быть задушенным в его планы сегодня явно не входило — у него было еще много дел.

Человек в зеленом подмигнул Лукингу и исчез, в тот же миг перестав отражаться в зеркале. А уже в следующее мгновение в трюмо удариł появившийся прямо из воздуха тяжелый подсвечник. Зеркало треснуло и мелким крошевом посыпалось из рамы.

— Бежим! Мисс Мэри, скорее!

Лукинг схватил Клару за руку и потянул ее к выходу. Но не успели они переступить порог, как дверь захлопнулась перед ними.

Беглецы затравленно повернулись. Лукинг вскрикнул и опустил взгляд — в его плече торчал острый зеркальный осколок. Спустя какой-то миг еще один, просвистев, вошел чуть ниже, в грудь. Два или три новых осколка вонзились в живот. Лукинг едва успел закрыть руками лицо и закричал от боли: в окровавленные ладони впились зеленоватые стекла.

— Сэр, что вы делаете? — выдавил он, сжав зубы. — Зачем?!

— Обожаю бить зеркала! — донеслось откуда-то со стороны лестницы. — Зачем делаю? Мне просто кажется это забавным. Разве мне нужны другие причины?

Человек в зеленом вновь обрел прежний, вещественный, облик. Он угрожающе шагнул к Лукингу и прячущейся за его спиной Кларе, демонстративно хрустя пальцами. Мистер Ив больше не собирался шутить.

— Конечно нужны! — воскликнул Лукинг. Морщась от боли, он принял вытаскивать осколки из обезображеных ладоней. — Если вы убьете меня, ваше дело не будет закончено...

— Тогда, будь добр, просто отойди в сторону, чтобы я мог свернуть ей шею, — сказал мистер Ив. Их разделял лишь шаг.

— Я вам не позволю, — упрямко ответил Лукинг.

— Не позволишь? Вот как? Даже если ценой этому будет дело? — Человек в зеленом скривился. — Проклятье! Ну почему только я всегда помню о важных вещах, в то время как вы, никчемности и ничтожества, мало того что работаете из рук вон плохо, так еще и смеете мешать моим планам?! Ты разочаровал меня, Зеркало...

Лукинг хотел что-то ответить, но мистер Ив, казалось, устал от разговоров. Не снимая с губ улыбки, он ударил своего помощника появившимся вдруг в его руке подсвечником. Удар пришелся в нижнюю челюсть Лукинга Гласса, отбросив того назад, в объятия охнувшей Клары.

Вся нижняя часть лица Лукинга пошла трещинами, как то самое зеркало, разве что осколки пока не падали, скрепленные остатками окровавленной кожи.

Человек в зеленом занес подсвечник для нового удара.

— Не тронь его! — закричала Клара, будто вспомнив, что больше она не Ворона, которая способна лишь жалобно плакать и забиваться в темные углы в надежде, что ее не отыщут.

Она вскинула руку и резко ткнула ею в сторону Человека в зеленом. В никак не ожидавшего подобного мистера Ива со всех сторон полетели старые вещи: шляпы, пальто, ботинки. От части из них он сумел отмахнуться, но другие все же его достали. Кофты и шарфы обматывали руки мистера Ива, башмаки, подпрыгивая, пинали его по ногам, разъяренным зверем бросилась на него спрыгнувшая с вешалки огромная и тяжелая, похожая на медведя шуба.

Через какое-то мгновение мистер Ив оказался погребен под грудой всей той одежды, что годами пылилась и поедалась молью в прихожей Гаррет-Кроу.

— Бежим! — закричал Лукинг. — Надолго его это не задержит!

Снова схватив Клару за руку, он повернулся и толкнул дверь. Та распахнулась и со всего размаха ударила по лбу стоявшего прямо за ней человека. От столкновения с дверью лоб этого бедолаги зазвенел, словно чугунный, а шляпа слетела с головы и упала на землю.

— Котел?! — воскликнул Лукинг, мгновенно узнав стоявшего за порогом человека.

И тут он понял, что пропал окончательно: босс пришел не один. Вероятно, где-то рядом притаились и остальные: Ключ, Метла и Шляпа. Возможно, и Фонарь, этот безумный психопат, которому так нравится откручивать людям головы. Уйти ему не позволят. Сам он еще, может быть, смог бы сбежать, но с мисс Мэри — точно нет.

— Зеркало? — Глаза Котла удивленно округлились.

Мистер Боул Колдрон, эсквайр, пребывал в некоторой растерянности — и явно не из-за удара по голове и появившейся на лбу вмятины. Только что все его мысли были лишь о работе. Как старательный управляющий делами он явился по указанному в завещании адресу, чтобы лично привести в исполнение это самое завещание (дабы не вызывать лишних подозрений у тех, кто его «поймал»), но при этом определенно не ожидал обнаружить в Гаррет-Кроу старого знакомого, да еще в таком виде: на Зеркале в прямом смысле лица не было — оно наполовину превратилось вбитую стеклянную маску.

— Мисс Мэри, простите, что подвел вас.

Лукинг сжал руку Клары. Та крепко сжала ее в ответ, приготовившись к худшему. Разумеется, она сразу же узнала банковского клерка, который приходил к ним с матерью несколько дней назад

— Кто там еще пожаловал? — раздался раздраженный голос сзади. Мистер Эвер Ив уже выбрался из-под одежного завала и вновь нацепил на губы угрожающую улыбку.

— Сэр? И вы здесь? — удивился мистер Колдрон, но тут же спохватился и уточнил: — В смысле как удачно, что вы здесь!

— Да неужели? — прищурился Человек в зеленом.

— Честное слово, я ведь собирался вам все рассказать сразу, но возникли дела да еще подготовка отчета, вы же мне сами говорили...

Котел все больше запинался и краснел под испепеляющим взглядом мистера Ива, который уже раскрыл было рот, чтобы прервать этот поток «красноречия». На свое (и не только свое) счастье, мистер Колдрон успел вставить еще одну короткую фразу:

— Поступили новые инструкции.

— От нее? — уточнил мистер Ив, ткнув пальцем в Клару.

— Что? Нет. — Котел покачал головой. — Инструкции поступили от Кэндлов. «К. К.» — это не Клара Кроу, это Корделия Кэндл.

Мистер Эвер Ив любил удивляться, но сейчас был явно не тот случай. И все же он мгновенно сменил гнев на милость с той же легкостью, с какой заправский фокусник меняет цвет носового платка.

— Что ж, должен признать, это в корне меняет дело, — сказал он, приводя костюм в порядок: возвращая на место оторванные пуговицы, отряхивая пальто от пыли, при этом пытаясь отыскать среди груды разнообразных шляп на полу прихожей собственную.

Клара ничего не понимала — только что это существо, прикидывающееся человеком, хотело их убить, и вдруг оно как ни в чем не бывало смотрится в наполовину разбитое трюмо и поправляет одежду. Ведьма пряталась за покосившейся дверью, со страхом глядя на этих жутких личностей, посетивших ее дом.

Мистер Колдрон подобрал и напялил на голову свою шляпу, но вмятину на лбу под головным убором было не скрыть.

Мистер Эвер Ив, почему-то заявившийся к Кларе с намерением ее убить, по-прежнему вертлся у трюмо и неудовлетворенно цокал языком, отмечая какие-то погрешности в собственном внешнем виде. Мистер Гласс... Лукинг... с разбитым стеклянным лицом выжидающе глядел на Человека в зеленом. Он до сих пор держал ее за руку...

— Ну и подняли же мы тут с тобой пыли, Зеркало, — с довольным видом заметил мистер Ив. — Эх, давно так не развлекался. Но дела... да, дела ждать не будут. Приводи в порядок лицо, возвращайся на фабрику и готовь к отгрузке последнюю партию сторожей для Метлы. Я пришлю к тебе Фонаря, он должен привезти кое-что особенное. И пошевеливайся — мы должны успеть к Кануну.

— Но что будет с ней? — спросил Лукинг.

— С твоей ведьмой? — усмехнулся Человек в зеленом. — С ней будет то же, что случается со всеми жертвами безысходности. Однажды ты ее разлюбишь или умрешь, и она останется одна лить по тебе слезы. Больше так называемая любовь, это мокрое чувство, ни на что не годится.

— Я имел в виду *сейчас*, — уточнил Лукинг. Как он мог просто уйти, пока Сэр не пообещает не трогать мисс Мэри? А еще он понимал, что попросту не смог бы взять ее с собой на фабрику — она не должна увидеть то, чем он занимается...

— «Сейчас»? Да все что угодно. Мне на нее наплевать, знаешь ли. — Мистер Ив для убедительности плонул на пол. — Она ведь к нашим делам, как выяснилось, не имеет никакого отношения. Не думаешь же ты, что я буду извиняться перед всеми, кто стал жертвой, между прочим, никак не связанных со мной недоразумений? А уж тем более перед теми, кто даже не успел стать *никакой* жертвой...

Лукинг Гласс поверил. Он слишком хорошо знал босса, чтобы понять: тот уже вычеркнул едва не убитую по ошибке ведьму из списка того, на что ему не жаль тратить свое

внимание. Вот только Лукинг опасался, что ему лично эту их потасовку Сэр не простит и при случае обязательно припомнит.

— Сэр, я бы еще хотел уточнить...

Мистер Ив издал протяжный стон, преисполненный всеценского утомления.

— Как можно быть таким дотошным, Зеркало, ну ты ведь не Котел, в самом деле?! — проворчал Человек в зеленом. — Иди уже. Тебе нечего опасаться. Эта славная драка хоть немножко развеяла скуку. Я не обижен.

— Благодарю вас, сэр!

— Но запомни, Зеркало, — хмуро добавил мистер Эвер Ив. — Мы не друзья.

— Я знаю: мы больше чем «не друзья», — сказал Лукинг и повернулся к Кларе. — Мисс Мэри, прошу вас, не бойтесь: вам не причинят вреда.

— Не уходи, — прошептала Клара, не желая отпускать его руку. И дело было не только в страхе.

— Мэм, больше всего я хотел бы остаться с вами, но сейчас действительно вынужден уйти, — сказал он. — Я закончу дела и найду вас. Обещаю.

Он в последний раз сжал ее руку и тут же выпустил, после чего, выйдя за дверь, быстро зашагал через пустырь прочь.

Клара осталась наедине с мистером Ивом и мистером Колдроном. Ей до сих пор было страшно. Несмотря на уверения Лукинга, несмотря на равнодушие к ней Человека в зеленом, ей показалось, что они вот-вот набросятся на нее и сожрут... или еще что похуже. И теперь она осталась совершенно одна, лишенная единственного защитника...

— Сэр? — После того как Лукинг ушел, мистер Колдрон еще некоторое время растерянно стоял, перетаптываясь у порога. — Можно задать вам вопрос касательно дела?

— Я слушаю.

Толстяк многозначительно округлил глаза, кивнув на Клару, но босс так ничего и не понял: он никогда не любил намеки. Тогда Котел был вынужден озвучить то, что имел в виду:

— Я только хотел кое-что уточнить. Небольшую деталь. Кэндлы велели мне привести в исполнении завещание покойной, которая жила в этом доме. В то время как вы и Зеркало... Сэр, мне продолжать исполнять инструкции Кэндлов?

— Разумеется, — кивнул мистер Ив, вновь надвигая на глаза зеленую шляпу. — Действуй в точности как условились. Раньше времени нельзя выдать, что мы знаем об их делишках. И не забудь про свои глупые отчеты.

Человек в зеленом повернулся к Кларе и сказал:

— Прошу прощения за беспорядок, мадам! — после чего окинул ее подозрительным взглядом: учитывая, что Зеркало был ему очень близок, он задумался о его чувствах к этой женщине и с негодованием ощущил, что понимает его и вынужден с этим смириться. Пока что... — Хорошего дня, мадам!

Мистер Эвер Ив одним впечатляющим прыжком перескакнул через порог и покинул Гаррет-Кроу. В прихожей остались лишь толстяк и пока еще хозяйка особняка.

— Прошу простить мне то, что не представился сразу, мэм. — Едва Сэр избавил их от своего присутствия, мистер Котел сразу же успокоился и перестал пыхтеть. — Моя фамилия Колдрон, я приходил к вам на днях. Сейчас я прибыл в Гаррет-Кроу для соблюдения некоторых формальностей, в частности чтобы официально засвидетельствовать смерть Софии Кроу. Кем вы приходитесь покойной? Племянницей? Внучкой?

— Дочерью, — голос Клары сорвался. Она тут же поняла, что ее «сон» вовсе не был сном, — на глазах простирили слезы.

— Несущественно.

Мистер Колдрон не желал тратить на процедуру много времени. Как справедливо заметил Сэр, у него еще не был готов отчет.

— У меня на руках завещание покойной. Земля, дом и все находящееся в нем имущество переходят...

Он быстро заглянул в бумаги, чтобы правильно назвать имя, хоть и прекрасно его помнил:

— Переходят к мисс Рэмморе Кэндл, вашей, полагаю... кузине? У вас есть десять минут, чтобы собрать личные вещи и покинуть чужое владение. Подписи ставить не требуется.

— Тук.

Томми проснулся и открыл глаза.

Одинокий солнечный луч осторожно заглянул в окно, будто пытаясь что-то выведать, и запрыгал по стене зайчиком.

Томми проследил за ним взглядом. Зайчик тут же исчез, словно умер, придушенный внезапно затянувшими небо тучами, и в голову поползли непрошеные мысли, от которых мальчику стало неуютно и сыро, будто он вместе с кроватью мгновенно перенесся из теплой комнаты на улицу. Человек в зеленом, черный дом ведьмы, тайна мисс Мэри,ссора с дядюшкой Джозефом, проклятие, болезнь и исчезновение отца... сколько всего произошло за эти коротенькие каникулы!

И тут вдруг Томми сделал то, чего меньше всего сейчас от себя ожидал. Он улыбнулся. Несмотря на все хмурые мысли, несмотря на напасти, он улыбнулся. И мгновенно почувствовал себя лучше. Да, случилось много всего — навалилось множество мерзких бед. Но ведь сейчас каникулы! А в каникулы обычные невзгоды — это и не невзгоды вовсе, а злоключения. В то время как злоключения — это просто не слишком веселые приключения. Ну а приключения всегда остаются приключениями. А еще не стоит забывать, что

скоро праздник! Мальчик пообещал себе: «Я не позволю испортить мне праздник ни одной чертовой ведьме!»

Томми лежал, и его беды уже не казались ему такими ужасными. Они стали напоминать что-то столь же «кошмарное» и «необратимое», как невыученные уроки или промокшие ноги.

— Тук... тук.

Что-то твердое ударило о стекло и отскочило на карниз. Солнечный луч здесь явно был ни при чем. Томми мгновенно оказался на ногах и бросился к окну.

В этот самый момент с еще одним «Тук!» в стекло ударили очередной камешек — не больше сливовой косточки. Выглянув в окно, Томми увидел одинокую фигуру, стоящую на другой стороне улицы. Чарли! Ну конечно, кто еще стал бы привлекать его внимание подобным образом! Вот ведь ловкач — и где он только научился так кидать камешки: через улицу и сад, да еще и с такой точностью? Попал уже раза три, не меньше!

Томми приветственно махнул другу рукой. Тот помахал в ответ и принялся нетерпеливо показывать жестами: мол, выходи, есть разговор. Томми кивнул и начал поспешно одеваться. В последний раз они с Чарли виделись перед каникулами, а это было целых шесть дней назад — сколько всего успело случиться за это время!

Натягивая штанину, Томми с досадой и злостью на себя вдруг вспомнил о том, что совершенно забыл об их с Чарли деле — заботе о черных котах. Как они там, в погребе? Нуждали голодали все это время?

Быстро спустившись по лестнице, Томми первым делом бросил взгляд на часы — половина второго. Стало быть, и завтрак, и обед он пропустил. И все же на кухню определенно стоило заглянуть — прихватить еды для их с Чарли питомцев. Что он и сделал, стараясь не поднимать лишнего шума.

К счастью, мамы на кухне не оказалось. Из членов семьи здесь присутствовал лишь Коннелли, который с важным видом сидел на холодильнике и сторожил съестные припасы. Впрочем, охранник из него был неважный, с завязанными-то глазами.

— Миау, — предостерегающе заявил явно почувствовавший неладное кот.

— Я только чуть-чуть возьму, Конни, — заверил Томми и, открыв дверцу, вытащил с нижней полки несколько свиных котлеток. — Никто даже не заметит.

Кот решил показать свой склонный характер и пронзительно замяукал.

Томми понял, что взяткой в виде котлетки не откупиться и пора делать ноги, иначе скоро здесь окажется мама или кто-то из тетушек. И тогда ему не видать улицы еще как минимум час — пока не поест. При этом еще придется объяснять кражу котлет из холодильника. А ведь могут и вовсе в комнате запереть!

Чуть только эта мысль посетила Томми, как он торопливо завернул котлеты в будто специально для него оставленный на столе лист коричневой оберточной бумаги, после чего рванул в прихожую, накинул пальто и шарф, натянул ботинки и был таков.

На одном дыхании преодолев дорожку от входной двери дома до калитки, Томми с удивлением обнаружил, что Чарли его не дождался. Друг медленно брел вверх по улице и был уже шагах в сорока.

Томми выскользнул за калитку и ринулся догонять.

— Эй! Стой, куда без меня собрался?! — крикнул он ему вслед.

Чарли остановился. Особой радости от встречи друга мальчик явно не испытывал.

— А... Я уже думал, ты не выйдешь, — протянул Чарли, когда Томми его догнал. — И мне снова придется кормить наших котов одной тыквенной кашей.

Чарли выглядел обиженным — еще бы, друг забросил их общее дело, несколько дней носу из дома не показывал. И это не в обычные дни, а в каникулы!

— Вот! — Томми продемонстрировал Чарли сверток с котлетками и тут же понял, что сам голоднее некуда. Но признаться в том, что он остался без завтрака и обеда, и приняться за еду для котов сейчас было не лучшей идеей. — Это все для них!

— Ладно. — Чарли примирительно кивнул. — Еще выпросим у молочника молока, вот и получится у них целый пир. Но это еще не все! — задиристо воскликнул он — от обиды, казалось, не осталось и следа. — Я тут видел еще одного! На Гринсфилд-стрит. Черный, как сажа, а глаза — ну прям блюдца с шоколадным печеньем!

Томми обрадовался. Еще один черный кот? В нем снова проснулся охотничий азарт, о котором он совсем забыл с начала каникул.

— Когда ты его видел? — деловито осведомился Томми.

— Полчаса назад.

— И не поймал сам? — поразился Томми.

— За тобой решил зайти. — Чарли ткнул приятеля в плечо. — Вдруг да ваше величество изволит составить компанию!

— Может, его уже там давно нет! — сокрушенно воскликнул Томми. — Где искать? Упустили кота! Эх...

— Не будь дураком. Ты что, не рассыпал, где я его видел? — Чарли многозначительно округлил глаза.

— «На Гринсфилд-стрит», я все слышал, но... — начал было Томми непонимающие, но тут до него дошло. Старуха Роуз! Она ведь подкармливает всех уличных котов в районе, и живет она в сером доме на Гринсфилд-стрит. Окна с зелеными занавесками — это ее окна. Обычно у порога старухи Роуз собираются десятки котов и кошек со всей округи, поэтому Гринсфилд-стрит местные между собой

называют Мяу-стрит. Стало быть, их добыча ошивается там не просто так. Кот ждет, когда старуха завопит свое привычное: «Обед! Обед!»

— Понял наконец? — усмехнулся Чарли. — Голодный котяра там пробудет еще не меньше получаса, можешь мне поверить. А уж по его виду явно не скажешь, что он упустит свое. Старуха кормит этих хвостатых голодранцев где-то в два часа. Так что мы успеем его поймать. Но если ты не хочешь...

— Не хочу? — удивился Томми. — Что за глупости?

— Ну, может, у тебя есть дела поважнее... — Чарли замялся, — семейные там, дом украшать к празднику или еще что...

Томми стало неловко: он понял, что друг ему очень завидует: в семье Уиллингов никогда не шло речи ни о праздниках, ни о подарках. Чарли выглядел таким несчастным, что Томми почувствовал себя действительно мерзко из-за того, что у него самого большой дом, много гостей и настоящий праздник с кучей семейных традиций и подарков.

Чарли понуро продолжал:

— Если хочешь, можем подождать до завтра, а завтра уж отправимся ловить...

— Завтра?! — возмутился Томми. — Завтра ведь уже Хэллоуин, не забыл? Завтра мы его если и найдем, то лишь в кotle какой-нибудь ведьмы!

«Может, даже у нас на кухне», — вдруг подумалось Томми.

— Ну, я просто...

— К тому же это ведь кот, — веско добавил Томми. — Уж кто-кто, а он точно нас ждать не будет. И кто знает, может, старуха Роуз сама попытается его сварить — она же вылитая ведьма! Завтра будет поздно!

— Точно, — улыбнулся Чарли. — Отыщем и изловим кота с Мяу-стрит. Что там у тебя с собой?

— Котлеты. Стащил с кухни. — Томми дал другу сверток, и тот спрятал его в свою сумку, которая и без того выглядела туго набитой. — Да, и еще одно, — твердо добавил он. — Отговорки не принимаются. Ты пообещаешь, что вечером пойдешь ко мне, будем встречать Хэллоуин вместе. По рукам?

— По рукам, — слишком быстро, словно только и ждал приглашения, отозвался Чарли.

Поскольку до праздника остался лишь день, город украсили так тщательно, что он стал отдаленно напоминать ярмарку. В последние дни перед Кануном Уэлихоли всегда наряжался ярче, чем перед Рождеством: Хэллоуин здесь любили больше.

Над узкими улочками висели гирлянды из рыжих фонаретыкв, крыши оседлали флюгеры в виде ведьм и чудовищ, а из витрин лавок скалились страшные и зачастую забавные морды диковинных тварей. Ну и, конечно же, только в этом году почти везде, за каждой витриной и даже в окнах жилых домов, можно было увидеть «Расчудесные самораскладные пугала». Это новомодное изобретение так всем полюбилось, что в городе почти не осталось семей, которые не приобрели или не собирались приобрести себе парочку.

— Кристина вчера купила такое пугало, — сказал Томми, когда они свернули на Гринсфилд-стрит. — Оно довольно жуткое — мне понравилось. Нам вечером еще несколько привезут. Что может быть лучше такого пугала на Хэллоуин?!

— Не люблю хэллоуинские украшения, — проворчал Чарли. — И мама... мама их тоже не любит.

Томми догадался, что приятель так говорит потому, что у их семьи нет денег на самораскладное пугало, и ему снова стало неловко.

— Если Кристина привезет их кучу, то я обязательно ставлю одно для тебя.

— Да не нужно. — Чарли отвернулся. — Правда. Мы же будем встречать праздник у тебя, ты разве забыл?

— Ничего я не забыл, и вообще... — Томми вдруг подобрался и прошептал: — Тсс! Смотри! Вон там, на подоконнике старухи Роуз!

Чарли глянул в указанном направлении и тоже заметил.

Зеленые занавески подрагивали на ветру. На окне первого этажа среди пыльных растений в горшках сидел здоровенный черный котяра и занимался тем, что активно вылизывал себе лапу. Судя по всему, старуха уже успела его как следует накормить, а учитывая характерную выпуклость на брюхе, от жадности усатый умял целую консервную банку паштета... вместе с банкой. Черный кот был очень занят и совершенно не ожидал нападения. Никаких других котов на Мяу-стрит, как ни странно, не наблюдалось.

— Я же говорил. — Чарли тоже перешел на шепот. — Он очень прыткий. Скрылся от меня утром, но от двоих не уйдет. Ты заходи справа, а я — слева. Давай.

Но кот оказался тем еще пройдохой. Он словно намеренно дождался, пока мальчишки приблизятся настолько, чтобы попытаться его схватить...

В тот самый миг, как Томми уже потянул к коту руки, с виду ничего не подозревающий хвостатый вдруг встрепенулся и молнией бросился вниз, на брускатку. После чего дал деру, подгоняемый разочарованными воплями обманутых ловцов...

И так началась погоня.

Томми и Чарли бежали за котом, оставляя за спиной квартал за кварталом. А кот словно издевался над ними: время от времени то бежал быстрее, то снова замедлялся, а порой так и вовсе останавливался, оглядывался и прикидывал, куда лучше свернуть, как будто у него куча времени. Преследуя его, мальчишки пересекли целый район, незаметно для себя оказавшись на западной окраине Уэлихолна.

Это была самая мрачная и унылая часть города, и детей сюда обычно гулять не пускали. Безлюдные места, безликые стены заброшенных фабрик. Огромные кирпичные коробки выглядели понуро, железные каркасы ржавели под открытым небом, деревянные постройки разрушались, не выдерживая осенних дождей, а зимой — сугробов на крышах.

Обычно на здешних улицах было не слишком многолюдно даже днем. В основном поблизости ошивались бродяги, на которых заплат было больше, чем самой одежды, да грубые, похожие на точильные камни рабочие.

Сейчас прохожих на улице совсем не было. Как и автомобилей. Лишь сбившиеся в стаю собаки лениво лаяли вслед двум мальчишкам, с упорством, достойным лучшего применения, преследующим черного кота. А быстролапый пройдоха явно знал, что здесь его поймать будет сложнее. Должно быть, он высматривал подходящий забор, через дыру в котором можно было бы улизнуть, оставив преследователей с носом.

И вот вскоре подходящий забор нашелся: заросшая бурым плющом ржавая кованая решетка тянулась на добрые три сотни ярдов по левой стороне улицы, огораживая фабричный двор и выстроенные из красного кирпича здания цехов. Вдалеке виднелись запертые наглоухо такие же кованые ворота.

Беглец рванул к решетке — в одном месте она, видимо, показалась ему достаточно погнутой, чтобы протиснуться внутрь. Он сунулся было меж прутьями, но немного не расчитал. Голова с легкостью проникла на другую сторону, но с остальным телом ему не так повезло: вероятно, кота подвела та самая банка паштета, съеденная незадолго до этого. Котяра извивался и подывывал, пытаясь просунуть брюхо, и медленно, дюйм за дюймом все же пробирался между прутьями.

Томми подоспел в самый последний момент и схватил кота за хвост прямо перед тем, как тот уже протиснулся через решетку.

Пронзительный вопль пронесся по улочке:

— Мииииияяяяууууу!

— Чарли, скорее! — Томми очень не нравилось, что приходится удерживать кота столь жестоким способом. — Хватай его за задние лапы и тащи!

— Я его держу! — подтвердил просунувший руку между железных прутьев Чарли. — Отпускай, дальше я сам!

Томми выпустил кошачий хвост, но тут случилось непредвиденное: пленник извернулся и, высунув голову обратно через решетку, впился зубами Чарли в руку. Мальчик охнул и разжал пальцы. Черный кот моментально освободился, пронырнул между прутьями и, метнувшись через двор, скрылся в темном дверном проеме старой котельной.

— Раззява! — уничтожительно бросил Томми. — Я так ловко его схватил, а ты! Упустил!

— Он меня укусил! — Чарли даже побелел от гнева. — До крови! Вот!

Он продемонстрировал другу красный след от укуса на запястье.

— Тоже мне, боевая рана, — язвительно сказал Томми. — Да от тебя даже наш Кренделек сбежит, не снимая повязки с глаз. Не то что Утопленник.

— Утопленник? — не понял Чарли. Или, как показалось его приятелю, сделал вид, что не понял. Томми был уверен: только что он держал за хвост того самого кота, которого они уже один раз заперли в ящике в погребе старой хижины.

— Конечно. Что, думал, я Утопленника не узнаю?! — накинулся он на Чарли. — Хвост облезлый, ухо порвано, глаз заплыл — это точно был он. Да и характер — один в один.

— Неправда, — как-то подозрительно сник Чарли. — Никакой это не Утопленник. Просто похож.

Тут в голову Томми пришла мысль: «А что, если Чарли специально выпустил Утопленника? Наверное, пока я болел и следил за ведьмами, Чарли было совсем одиноко. Вот он и решил выманить меня на улицу: придумал историю с новым черным котом, притащил Утопленника с собой из убежища и оставил возле дома старухи Роуз».

Все это очень походило на правду. Конечно, друзья не должны врать друг другу (только заклятым врагам, девчонкам и взрослым), но ведь Томми на самом деле тоже был виноват — он и думать забыл и о Чарли, и о котах.

— Ладно, наверное, это все же не Утопленник, — не стал спорить Томми. — Как нам теперь его оттуда вытащивать?

— Пойдем к воротам.

Мальчишки зашагали вдоль решетки, пиная носками башмаков опавшие листья. Было довольно холодно, жар погони спадал, и друзья застегнули свои пальто на все пуговицы. Над их головами нависали низкие ветви разлапистых кленов, мерзнувших на осеннем ветру. В кронах во множестве сидели воробы, как всегда, громко галдящие о чем-то своем.

— А что случилось с вашим Крендельком? — спросил Чарли. — Ты сказал, у него повязка...

— Глаза у него болели — вот и возили к ветеринару, — буркнул Томми и, глянув на нахохлившуюся ворону, повернувшую к нему голову, вдруг подумал, что в последнюю неделю не видел в городе других птиц, будто все они превратились в этих самых ворон.

— Этого можно было ожидать, — с важным видом произнес Чарли, словно ему и в самом деле открылось нечто такое, что он не раз якобы предсказывал.

— Чего можно было ожидать? — тут же поддел его приятель. — Что больных котов отвозят к ветеринару? Или что у котов могут болеть глаза?

— Мама говорит, что коты способны видеть такое, о чем люди даже не подозревают, — напустив в голос таинственности, сказал Чарли и вдруг остановился как вкопанный. Мальчишки как раз подошли к воротам. — Вот это да! Это что, ваша фабрика?

Поверх ворот ржавела собранная из кованых букв вывеска:

*«Свечная фабрика Кэндлов
Частное владение
Вход строго по пропускам!»*

— Я никогда здесь не был, — пораженный не меньше приятеля, отозвался Томми. — У папы когда-то была фабрика, но она разорилась давным-давно. Он никогда мне ее не показывал...

Мальчишки, не сговариваясь, завороженно уставились сквозь прутья в решетке ворот. Огромное и хмурое здание из бурого кирпича с башенкой над главным входом застыло молчаливой громадиной в сотне ярдов от них. Большие окна цехов выглядели так, будто кто-то нарочно залил их краской. Из провалившейся в некоторых местах крыши росли про- смоленные трубы, унылые и тоскливые. Черепица кровли была покрыта сажей, с которой не могли справиться даже осенние дожди. На ней шевелились какие-то черные комки. Приглядевшись, Томми различил силуэты вездесущих ворон. Ветер не мог их согнать, хотя он и усилился — судя по флюгеру и крутящемуся на шпиле башенки доходяге-анемометру.

Бывшая фабрика Кэндлов в своем мрачном запустении ничем не отличалась от прочих местных разорившихся фабрик, но рядом с ней чувствовалось что-то по-настоящему пугающее.

— Вряд ли там кто-то есть, — пробормотал Чарли. — Раз это ваша фабрика, то почему бы нам туда не зайти?

— Не думаю, что она все еще наша, — с сомнением в голосе произнес Томми. — И вообще, от этого места веет чем-то нехорошим. Может, ну его, этого кота?

Но Чарли будто не услышал:

— Смотри-ка, со стороны улицы лежат опавшие листья, а там, за забором, — ни единого листочка. Странно, да?

— Может, их убирают? — предположил Томми.

— Это на заброшенной-то фабрике? — не поверил приятель. — И еще лужи... Их там нет совсем! Видишь, земля за оградой сухая? Вчера же шел дождь. Так быть явно не должно, верно?...

Томми пристально оглядел фабричный двор: никаких листьев, хотя деревья там росли, и никаких луж. Чарли был прав — так быть явно не должно...

«Здесь кроется какая-то тайна!» — пронеслось в голове.

— И как мы проникнем внутрь? — спросил Томми, кивнув на цепь и огромный ржавый замок, висящий на воротах. — И вообще, если мама узнает, что мы туда забирались, она устроит целый...

— Тихо! — Чарли втянул голову в плечи и приставил палец к губам — он к чему-то прислушивался. — Слышишь? Автомобиль!

Томми тоже услышал. Хриплый рев двигателя, который сопровождался надрывным металлическим лязгом. Судя по звуку, не более чем в полусотне ярдов от них по ухабам прыгал большой и очень старый грузовик. Звук шел из-за ограды и все приближался, но при этом мальчишки никак не могли увидеть, что его издает, как ни вглядывались меж прутьями решетки. А рокот в это время двигался прямо на них...

— Скорее! Прячемся! — потянул друга за рукав Чарли.

Мальчишки укрылись за толстым стволом понурого клена и осторожно выглянули из-за него. Улица по-прежнему была пуста, а ворота фабрики — заперты. Но шум становился все громче и громче.

— Откуда же он едет?.. — испуганно пробормотал Чарли.

И тут на глазах у пораженных мальчишек прямо из створок закрытых ворот показался темно-синий грузовик.

Томми и Чарли распахнули рты так широко, что в них мог бы влезть их беглец-кот целиком. Грузовик появился будто из воздуха, с легкостью пройдя сквозь кованую решетку, как призрак — сквозь стену. Первыми выплыли радиатор, горбатый капот и две круглые фары, затем — кабина, за рулем в которой кто-то сидел. (Воротник серого водительского пальто был высоко поднят, а черная шляпа с широкими полями низко надвинута на глаза — и как этот тип вообще способен разглядеть, куда едет?!) Вслед за кабиной из решетки выехал кузов, крытый потертым голубым брезентом.

Грузовик появился полностью. Он вовсе не выглядел каким-то особенным — обычный старый автомобиль, из тех, что развозят по городу почту или продукты, — на дверцах белыми буквами красовалась надпись: «*Фабрика мистера Гласса*».

Водитель крутанул руль — и грузовик, выехав на улицу, прогромыхал мимо затаившихся за деревом мальчишек, направляясь в сторону центральной части города.

— Ты это видел?! — Чарли ошалело уставился вслед удаляющемуся грузовику.

— Бред какой-то, — кивнул Томми.

Друзья выбрались из укрытия и осторожно подошли к воротам. После чего, переглянувшись, одновременно прикоснулись к прутьям. Испуг мгновенно сменился разочарованием, какое бывает, когда вместо страшного-престрашного клоуна тебе дарят девчоночью куклу: ворота оказались самыми что ни на есть настоящими.

— Что будем делать? — спросил Томми.

— Этот плющ жгучий, мы так не переберемся. — Чарли кивнул на заросшую ограду. — Но вот эти деревья... — Он

перевел приидрчивый взгляд на клены, за одним из которых они только что прятались. — Хм... — Мальчик ухмыльнулся и выразительно поглядел на друга. — Ну что, заберемся внутрь? Узнаем, что это за грузовики-призраки здесь ошибаются?

— Спрашиваешь...

Две женщины сидели в уютном салоне таксомотора, припаркованного неподалеку от главных ворот «Свечной фабрики Кэндлов». Одна из них, раздраженная и растрепанная, откинулась на спинку водительского сиденья, сжимая в зубах дымящуюся сигарету, другая — с виду вальяжная, но при этом не меньше первой недовольная всем на свете — презрительно морщила нос, хмуро глядя в окно: у ворот фабрики сейчас очень некстати крутились какие-то мальчишки.

Сзади мирно сопел шофер: никогда не спорящий мистер Эндрю слишком устал за сегодняшний день, или ему просто *так сказали...* В любом случае таксист ничего не видел и ничего не слышал — его пассажирки об этом позабочились.

— Может, хватит уже курить? — Гневно поглядела на сестру Мегана Кэндл. — Я твои сигареты терпеть не могу! Отдают жженым жиром.

— Именно поэтому я их и покупаю, — не полезла за словом в карман Рэммора Кэндл.

С самого детства все их разговоры сводились именно к этому — одна нападала, а другая парировала, чтобы тут же напасть в ответ. Сестры настолько привыкли к своим склокам и сварам, что теперь боялись признаться даже самим себе: обе они не представляли жизни друг без друга. Действительно, с кем еще можно было бы столь пламенно и без затей поругаться?

Мегана бросила злобный сощуренный взгляд на сестру. Огонек сигареты тут же погас.

— Ах ты, мерзавка! — взъярилась младшая ведьма. Она тут же высекла из пальца искру, намереваясь зажечь сигарету снова.

— Прекрати. — Мегана указала на мальчишек у ворот. — Если они нас увидят и переполошатся, Зеркало может заподозрить неладное — вдруг он как раз наблюдает. А дым от твоих проклятых сигарет нас точно выдаст!

— Я отвела им глаза, они видят только фабричную ограду, деревья и дорогу, для них здесь вовсе и не стоит никакой таксомотор с одной современной красоткой, одной толстой мегерой и ее прислугой, — возразила Рэммора, но все же демонстративно засунула сигарету в рот и с удовольствием пережевала. — Нас не увидеть...

Мегана поморщилась. Она представила, как, должно быть, странно и нелепо выглядит сейчас их укрытие. Таксомотор был невидим, но от этого он не перестал существовать. Стоят они здесь уже добрых четыре часа, караулят этого проклятого Зеркало. А листья все падают и падают на крышу машины. Она ведь говорила этой дуре, чтобы не парковалась под деревьями, но нет, куда там: «Нам нужно встать поближе, чтобы случайно его не проморгать...» Вот и выглядит сейчас таксомотор Горация Эндрю как пустота в форме машины, накрытая и обнесенная листьями. Совсем не странное зрелище, должно быть!

— Глаза она отвела. — Старшая сестра скривилась. — Уж не себе ли? Ты хоть поняла, кто там?

— Как кто? Мальчишки. Ты просто пытаешься сменить тему, только чтобы не признавать, что я сделала все как надо и...

— «Мальчишки»! — торжествующе (не всякий раз ей удавалось столь легко поставить сестру на место) передразнила Мегана. — Что у тебя со зрением?! Жабью икру на глаза не накладывала? Это же надо, собственного племянника не узнать!

— Не может быть. — Рэммора подалась вперед, к пыльному лобовому стеклу. — А ведь и правда. Наш Томас собственной персоной, а с ним еще этот мерзкий дружок его. Что они тут делают?

— Как обычно, суют свой нос куда не следует. Можно превратить их в комки бумаги и зашвырнуть домой, — предложила Мегана. — Чур, я зайдусь его дружком, он мне никогда не нравился.

— Предлагаешь отвлечься на этих глупых мальчишек и упустить добычу? — возразила Рэммора. — Корделия с нас шкуру сдерет. Завтра Канун.

— А если что-то случится с ее сыном, неужто не сдерет?

— А мы-то тут при чем? — как ни в чем не бывало улыбнулась младшая сестра. — Мы ничегошеньки не знаем, ничегошеньки не видели.

— Странно все это, — вдруг усомнилась Мегана. — До шабаша всего сутки, нечисти много повылезало. С полсотни ведьм в городе. Надо проверить, может, это не Томас вовсе. Глаз не забыла?

— А свой достать? — проворчала Рэммора.

— Лень, — призналась Мегана. — Да и на тебя, жабу, глядеть противно. Так что доставай свой!

Младшая сестра ехидно усмехнулась.

— А я вот обожаю на тебя любоваться — так я напоминаю себе, кто ты на самом деле.

Рэммора открыла сумочку и вытащила оттуда пудреницу. Откинув крышку, она извлекла на свет склизкий кошачий глаз, после чего, крепко сжав его между кончиками пальцев, закрыла глаза, затем вновь открыла их и часто-часто заморгала.

Окружающий мир для ведьмы тут же преобразился. Она увидела то, чего на самом деле быть не могло. Вернее, то, о чём большинство людей даже не догадывались. Все предметы вокруг обладательницы колдовского взгляда вдруг

стали отбрасывать противоречащие положению солнца тени, будто у каждого из них, помимо привычной формы, появилась еще одна, тайная, скрытая, подлинная...

Первым делом Рэммора посмотрела на сестру. Ее и правда всегда это забавляло. На месте красивой и статной Меганы Кэндл сейчас сидело тощее, поджавшее длинный мышиный хвост существо, чьи немытые волосы застилали глаза и набивались в рот, а нос, скрюченный, как спина дряхлой старухи, непрерывно дергался и исходил в спазмах чихания.

— Чего уставилась? — Мерзкое существо злобно открыло пасть, из которой закапала слюна. — Если хочешь знать, то ты на деле и вовсе жаба. С бородавками, выпущенными глазами и парой дюжин подбородков. Мерзость мерзостью — всякий раз тошнит...

— А меня вот не тошнит, — даже не думая обижаться, ответила Рэммора. — И даже в этом я тебя переплюнула.

Ведьма перевела взгляд на улицу и фабричные ворота. Местность как перед, так и за ними также преобразилась. Деревья превратились в изувеченных старцев-калек, с изломанными и посеченными ветвей которых, точно яблоки, свисали черные птичьи тушки. Эти «птицы» лапами врастали в кору, а головами смотрели в землю, при этом они что-то пытались кричать и каркать. Некоторые впивались клювами в собратьев и рвали их, отчего черные перья непрерывно сыпались вниз на манер осенней листвы.

Фабричная ограда почти не изменилась, зато чахлый, худой плющ стал походить на жуткие волосяные заросли, ежесекундно шевелящиеся и клубящиеся. Дорога обернулась грязной каменной мостовой с огромными ямами, похожими на воронки от снарядов. А мальчишки... Томас остался самим собой — у детей подлинная сущность редко когда отличается от привычного облика. Это действительно был он. Приятель же его, другой мальчишка, в свою очередь, оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал...

— Интересненько, — протянула Рэммора, выпуская изо рта струю удушливого дыма. Она и не заметила, как от волнения подожгла очередную сигарету.

— Что там? — нетерпеливо спросила сестра. — Это Томас или нет?

— Томас. Очень даже Томас.

Рэммора вдруг резко повернулась к сестре, сверкнув зеленым кошачьим глазом на месте собственного левого. Она не торопилась возвращать колдовской инструмент в пудреницу и лишь поблагодарила про себя свою счастливую звезду за то, что Мегане вдруг стало лень глядеть самой. Тем, что она только что увидела, с сестрой явно не стоило делиться.

— Говорю, интересненько, что с ними сделает Зеркало, когда поймет? Гляди, наши цыплятки сами в суп лезут...

Для любого мальчишки лазание по деревьям — не просто развлечение, а насущная необходимость и очень часто даже образ жизни. А для некоторых из них, чьи мамы постоянно пропадают на работе, а на няню вечно не хватает денег, это еще и основной метод передвижения (несмотря на разодранные руки и перепачканную одежду). Ну а как еще, скажите, иначе можно проникнуть в собственное окно на втором этаже или устроиться незаметно шпионить за подозрительной миссис Торчвуд, без риска попасться в зубы ее злющей лохматой псине? Да и мир с дерева кажется немножко другим... Нечего было и говорить, что оба приятеля владели подобным навыком в совершенстве.

Томми очень гордился тем, что по деревьям лазает более ловко, чем Чарли. Обнимая ногами ствол и цепляясь пальцами за выемки в выщербленной коре, он первым влез на толстый сук, что нависал как раз над решеткой. Дерево, которое они выбрали, располагалось на значительном удалении от ворот, и это было неспроста: даже самый глупый мальчишка

понимает, что на чужую территорию пробираться через парадный вход опасно и неблагоразумно — там легче всего попасться. А уж ни Томми Кэндл, ни Чарли Уиллинг глупы-ми не были. Они знали: где ворота — там сторожка, где сторожка — там сторож и, возможно, собаки. А еще там главный выезд с территории фабрики, где могут оказаться другие способные преодолевать запертые ворота грузовики.

Осторожно хватаясь за ветви, Томми перелез через ограду и, повиснув на руках, чуть примерился и спрыгнул. Чарли все еще был на дереве и карабкался очень медленно — все-таки сумка была существенной помехой. И тем не менее вскоре и он плюхнулся на землю по ту (а теперь уже по эту) сторону ограды.

О том, как они будут выбираться обратно, с учетом того что на территории фабрики подходящих для лазания деревьев не наблюдалось, друзья пока даже не думали. Они опасались, как бы кто не заметил их появления, и прислушивались, не раздастся ли где-то поблизости оклик сторожа или лай его собак.

Но ни сторожа, ни собак здесь не было. Во дворе фабрики, казалось, вообще никого и ничего нет, кроме неизвестно откуда появившихся ящиков, стоявших штабелями у стены здания. При этом откуда-то из глубин цехов доносился странный звук: то нарастающий, то затихающий гул.

Томми задрал голову и распахнул рот от увиденного: крыша, которая с улицы казалась проходившейся, пребывала в целости, а из всех труб шел густой темно-зеленый дым.

Фабрика работала!

— Вот это да... — пораженно протянул Чарли. — Твой папа ее что, выкупил?

— С чего ты взял? — непонимающее уставился на него Томми. — При чем здесь папа?

— Ну, кто еще здесь может быть... и как же здесь, черт побери, мерзко...

Двор фабрики тонул в колышущихся, словно на ветру, тенях: некоторые отрастали от стен, другие — от столбов, третьи — гребенкой — от ограды, были даже такие, что клубились от поднимающегося из труб дыма.

В одну довольно глубокую и мрачную тень был укутан громадный и кажущийся бесформенным автомобиль — синий грузовик, как брат-близнец похожий на тот, который совсем недавно выехал в город сквозь запертые ворота. Рядом с автомобилем одна на другую были аккуратно сложены длинные картонные коробки, явно предназначенные для погрузки. Никого поблизости по-прежнему не наблюдалось. Создавалось впечатление, будто здесь всем управляет тени: работают на фабрике, грузят ящики.

— Тени бывших рабочих... — задумчиво пробормотал Чарли.

«Нужно убираться отсюда, — подумал Томми. — Да поскорее».

— Я знаю, что это такое... — Он с подозрением глянул на заросшую плющом ограду, перевел взгляд на здание цехов. — Какое-то мерзкое колдовство. Снаружи кажется одно, а внутри — совсем другое. Там фабрика старая, а здесь — словно только что построена. Еще и грузовик этот, для которого ворота не вовсе.

— Здесь, наверное, что-то прячут, — высказал разумное предположение Чарли. — Что-то плохое...

Томми кивнул, соглашаясь, и вдруг застыл.

— Слышишь?! — прошептал он. — Грузовик!

Стоящий во дворе автомобиль не подавал признаков жизни.

Мальчишки одновременно обернулись: им обоим показалось, что звук доносится со стороны улицы. Но за воротами фабрики тоже ничего не было. А шум приближался...

— Он вот-вот появится, как тогда! — догадался Чарли. — Скорее! Прячемся!

Мальчишки кинулись к штабелю ящиков, выстроенному возле входа в котельную. Они едва-едва успели спрятаться — как и предполагал Чарли, во двор сквозь запертые створки ворот въехал грузовик. За рулем темнела фигура в пальто с высоко поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. На пассажирском сиденье тоже кто-то был.

— Сколько же их тут? — прошептал выглядывающий из укрытия Чарли. — Времени они не теряют. И что это они развозят такое?..

Грузовик замедлил ход и со скрежетом остановился неподалеку. Из него вышел пассажир — высокий человек, одетый в темно-синее пальто и в форменной фуражке на голове. В руке он держал большой ржавый фонарь на кованой ручке. Фонарь, несмотря на середину дня, был зажжен.

— Ого! Да я его знаю! — опешил Томми. — Не хватает только сумки на ремне! Это же мистер Мэйби, наш почтальон. Интересно, зачем он здесь?

— Может, почту привез? — неуверенно предположил Чарли.

— Проехав сквозь ворота? — ничуть не поверил Томми. — Хорошая же у нас почта — доставит любую посылку, да так, что и двери запирать бесполезно. Нет, тут тоже какая-то тайна.

Тем временем мистер Мэйби, выставив перед собой фонарь, двинулся к боковому входу в здание фабрики. Грузовичок, на котором он приехал, не стал его дожидаться — тронулся с места и быстро завернул за угол, направившись, судя по всему, на задний двор.

— Нужно проследить за мистером Мэйби и все выяснить, — прошептал Томми.

— А как же кот? — напомнил Чарли.

— Да никуда он не денется...

Приятель кивнул. Он видел, что, унюхав запах тайны, Томми почти потерял голову — отговорить его теперь было

не легче, чем заставить их одноклассника Доджи Бэрри по прозвищу Тролль выдавить из себя улыбку или верное решение какой-нибудь математической задачки. Впрочем, Чарли и самому было не до кота. Еще бы, когда тут такое происходит!

Мальчишки выбрались из-за ящиков и на цыпочках двинулись вдоль кирпичной стены здания, следуя за непонятно как и зачем оказавшимся здесь почтальоном.

Мистер Мэйби, словно почувствовав слежку, внезапно остановился и обернулся. Мальчишки вжались в стену и затаили дыхание. По спине Томми пробежал мерзкий холодок. Ему показалось, что там, впереди, стоял вовсе не старый мистер Мэйби, а некто столь ужасный, с кем лучше и вовсе не встречаться, а что уж говорить о том, чтобы пытаться за ним шпионить.

Почтальон обвел прищуренным взглядом двор фабрики, затем повернулся в сторону ворот и повел носом, точно собака, — принюхиваясь. Если у мистера Мэйби и был песий нюх, сейчас он его явно подвел — ничего не заметив, почтальон снова поднял перед собой фонарь и быстро зашагал вперед, пока не скрылся в темном дверном проеме бокового входа.

Томми, стоявший за секунду до этого ни жив ни мертв, бросил: «За ним! Быстрее!» — и сорвался с места. Чарли поспешил следом.

Они уже почти добрались до двери, и тут Томми вдруг наступил на крышку колодца. Гнилые доски треснули под ним, и нога ушла в пролом. Это произошло так неожиданно, что мальчик даже не почувствовал боли и не успел испугаться.

— Я сам, — резко сказал он, когда Чарли бросился ему помогать.

Томми почувствовал себя донельзя глупо — хорошо еще, что никто не услышал. Освободив ногу, он машинально

глянул в темноту колодца и увидел там очертания водопроводных труб и вентиляй.

— Давай же! Чего застыл?! — воскликнул Чарли и пропустил к боковому входу в здание, куда недавно зашел почтальон. Томми последовал за другом.

Вскоре мальчишки уже были на месте. Громадная железная дверь, судя по всему, не закрывалась годами: она вросла в землю, а петли затянулись толстым слоем ржавчины.

Томми и Чарли украдкой заглянули за нее и увидели короткий темный проход, заставленный до самого потолка ящиками и оттого казавшийся тесным, как ворот школьной рубашки. Справа и слева на второй этаж уходили металлические лестницы, а по центру ржавела еще одна большая дверь, похожая на дверь тюремной камеры. Мистера Мэйби видно не было — должно быть, он зашел в цеха.

Гул, доносившийся из фабрики, стал громче, и в нем теперь можно было разобрать звуки сверления, пиления, заколачивания и, кажется, даже дробления. Механизмы, которые там работали, скрежетали, лязгали и явно нуждались в смазке.

Пока Томми раздумывал, какой же путь выбрать, Чарли внимательно рассматривал коробку — одну из тех, что лежали в ящиках по бокам прохода. На картонной крышке черной краской было изображено хэллоуинское пугало с улыбающейся головой-тыквой. Чуть ниже стояла надпись:

— «Лучшие в мире “Расчудесные самораскладные пугала”, — тихо прочитал мальчик. — Спрашивайте в магазинах города».

— Это те, о которых я тебе рассказывал, — прошептал Томми. — Их что, здесь делают?

Чарли с любопытством потянулся было к крышке:

— Интересно, как они туда помещаются...

Друг тут же его одернул:

— Они сборные. Но мы, вообще-то, здесь не за этим.

Чарли кивнул и убрал руку. Из коробки раздался скрежет, как будто чьи-то когти царапнули низ крышки. Но из-за

рокота фабричных механизмов мальчишки ничего не услышали.

Томми не решился идти напрямик, через жуткую ржавую дверь, и первым двинулся наверх по располагавшейся справа лестнице. Он уже почти поднялся на второй этаж, когда за его спиной вдруг раздался глухой металлический стук, за которым последовало громкое «Ой!», вылетевшее в цеха, как птица из клетки. Мальчик дернулся и обернулся.

Чарли сидел на площадке лестницы и потирал ушибленную ногу.

— Что? — спросил Томми громким шепотом, удостоверившись, что сирены не воют, к ним никто не бежит и никто никого не зовет.

— Чертов кран торчит из стены!

Было видно, как Чарли больно, но друг не спешил его жалеть.

— Ты нас выдашь! Что, нельзя внимательнее?

— Я и так внимателен, — оскорбленно заявил Чарли, — но он торчит у самого пола! Как я вообще мог его заметить?!

— Ну я же не споткнулся, — сказал Томми.

— Зато ты провалился в колодец! — безжалостно напомнил Чарли.

Томми решил не акцентировать на этом внимание.

— Ладно, идем дальше, — сказал он. — Надеюсь, никто не услышал...

Мальчишки поднялись на пролет выше и оказались над производственными цехами.

Второй этаж представлял собой узкую металлическую дорожку мостков, огороженную перилами и огибающую все здание вдоль внутренней стены. С мостков открывался вид на работающие внизу сборочные линии. Или, вернее, должен был открываться.

Там, в глубине цехов, царила настоящая тьма. Окна в здании так сильно запылились, что дневной свет никак не мог

протиснуться в них, будто толстяк — в слишком узкие брюки, поэтому разобрать, как изготавливают или собирают «Расчудесные самораскладные пугала», не представлялось возможным. Не удавалось разглядеть и рабочих, которые там трудились, — внизу сновали лишь темные бесформенные силуэты, стремительно перемещающиеся от одного станка к другому.

Глядя на них, Томми снова почувствовал липкий, затягивающий его пленкой страх, какой испытывал, следя за мистером Мэйби.

«Здесь делают «Расчудесные самораскладные пугала», — напомнил он себе, пытаясь унять дрожь в руках. — И всё тут. Что в этом может быть страшного?»

И все же сердце мальчишки было не на месте. Он не мог оторвать взгляд от фигур в темноте — их длинные конечности напоминали паучьи лапы.

«Бежать отсюда!» — должна была появиться мысль в его голове, но страх придушил ее. Мальчику казалось, что он подглядывает за чем-то столь мерзким, что при этом он сам будто становится сообщником происходящего. Подобного он не испытывал даже в черном доме старой ведьмы...

Раздавшиеся неподалеку голоса вывели его из оцепенения. Кто-то спорил, и спор этот становился все громче и громче, будто собеседники старались перекричать шум работающих машин.

В двух десятках шагов от того места, где стояли мальчишки, в стене виднелась небольшая дверь, а рядом с нею ютилось окошко, выходящее на мостки. Из окошка полз болезненно бледный электрический свет.

Переглянувшись, мальчишки двинулись туда и, добравшись до чего-то, что, по всей видимости, являлось кабинетом начальника фабрики, заглянули в окно. Точнее, попытались. К их разочарованию, грязное, покрытое бурыми пятнами стекло прозрачностью не отличалось.

— ...Хочешь его ослушаться?! — услышал Томми знакомый, слегка дребезжащий голос, принадлежавший мистеру Мэйби.

Вот только мистер Мэйби раньше никогда ни на кого не кричал. Он просто оставлял почту и говорил: «Удачного дня». Если его о чем-то спрашивали получатели или прохожие на улице, он им улыбался и тихо желал все того же удачного дня. И даже когда дети бросали в его велосипед желуди, он почему-то извинялся перед ними и непременно твердил свое это «Удачного дня». Мистер Мэйби был очень спокойным флегматичным человеком, из тех, про которых говорят: и мухи не обидит.

— Нет! Я просто хочу убедиться, что это на самом деле часть плана, а не уродливое детище твоей больной фантазии, Фонарь. — Второй голос звучал уверенно и жестко, но вот в самих словах говорившего уверенности было куда как меньше. Кажется, он тянул время, не зная, что ответить. — Ведь это будет настоящая бойня...

— Это его приказ, Зеркало! — Почтальон был в бешенстве и даже не пытался себя сдерживать. — Сэр лично сказал мне: «Отвези груз Зеркалу, он разберется, что с ним делать!» А еще добавил, что мечи и стрелы давно вышли из моды и нужно соответствовать духу времени...

— Зная тебя, не удивлюсь, если ты все переиначил, — продолжал упорствовать тот, кого мистер Мэйби назвал Зеркалом.

— Не зря Метла на тебя жаловалась, — презрительно заметил почтальон, которого собеседник почему-то называл Фонарем. — Она назвала тебя тряпкой. Сказала, что ты размяк. Что скоро Сэру придется искать тебе замену. Что ты стал таким хрупким и можешь разбиться даже от щелчка по носу: бац — и будут одни осколки...

— Суждено разбиться — разобьюсь, — ничуть не смущившись, ответил Зеркало. — Или ты, Фонарь, хочешь рискнуть

и щелкнуть меня по носу? Давай, чего стоишь, попробуй разбить...

Ничего не понимая, Томми глянул на друга. Тот выглядел не на шутку испуганным.

— А это что у нас здесь такое? — спросил тем временем мистер Мэйби и заскрежетал зубами так, что было слышно, даже несмотря на рокот работающих в цеху станков. — Что это мы прячем? Думал, я не замечу?

— Где? — не понял Зеркало.

— Не прикидывайся идиотом! — рявкнул почтальон. — Вот здесь, на полу, прикрытое ветошью! Шланги! Ты что это, решил пойти на попятную?

— Почему вдруг?

— Потому что ты — жалкая трусливая стекляшка! Или еще по какой причине! Заготовил себе путь к отступлению? Припас для себя козырь, так сказать, на всякий случай?

— Ты совсем спятил, Фонарь! — раздраженно ответил Зеркало. — Может, хватит уже паанойи? Эти шланги остались от прошлого владельца фабрики.

— То есть тебе ничего не стоит от них избавиться?

— Да, ничего не стоит. И мне уже надоели твои подозрения и упреки, Фонарь. Может, ты хочешь проверить? Узнать, насколько я предан Сэру? Как думаешь, он сильно опечалится, если его ручная собачонка вдруг возьмет да и погаснет раз и навсегда? Прямо как старина Джек. И будет наш Фонарь заливаться керосином до конца своих дней в духе своего папочки, но тьма никуда не денется. Я ведь знаю, как ты на самом деле боишься однажды перестать... светить.

Повисла пауза.

Мальчишки затаили дыхание — сейчас что-то произойдет...

— Ха-ха, — рассмеялся мистер Мэйби. — Я тебе повода не дам. Начинать драку в Канун — дураков нет. Я только привез все, что нужно, а отвечать — тебе. Если ослушаешься — очень скоро поговорим по-другому. С превеликим удовольствием

«посвечу» тебе... После чего навещу ту девчонку, которая живет в доме на пустыре. Ха-ха.

— Не смей ее трогать! — закричал Зеркало.

Чарли вздрогнул и закусил кулак. Томми боялся даже вздохнуть.

— Не трону. Если не дашь повода сам знаешь кому, — безжалостно закончил Фонарь. — Начинай разгрузку. В фургоне все разложено по отдельным ящикам: раструбы и баллоны с чертополоховым газом. Пока будешь разгружать, я заберу еще одну партию пугал. Следующая должна быть готова не позднее чем завтра вечером.

— Зачем нам этот чертополоховый газ? — спросил Зеркало. Он больше не спорил. — Босс так и не удосужился ничего объяснить...

— Из тех, кто задыхается, получаются отменные призраки, — прозвучало в ответ. — Представляешь, сколько можно сэкономить на виселицах? Шучу-шучу. Этот газ предназначен для того, чтобы людишки превратились в тех, кто нужен Сэру.

— И кто же ему нужен?

— Жители его нового города, само собой.

— Так здесь ведь уже есть жители.

— Ему нужны *другие* жители. Но давай к делу, мне еще нужно показать тебе чертежи распылителей...

Спор за окном превратился в деловитое бормотание, слившееся с шелестом чертежной бумаги, и тут мальчишки услышали чьи-то шаги.

Кто-то из работников фабрики поднимался по лестнице!

Томми и Чарли опомнились слишком поздно — побеги они сейчас, их сразу заметили бы. Спрятаться же за дверью означало сразу попасться в руки этим Зеркалу и Фонарю — мальчишки уже догадались, что там не простые люди, а самые настоящие преступники, которые строят зловещие планы.

Выхода не оставалось, и Томми остались сидеть на kortochkax под окном, боясь пошевелиться и надеясь, что в полуутме их попросту не заметят...

Тот, кого они поначалу приняли за работника фабрики, приблизился уже настолько, что можно было разглядеть человеческий силуэт. Хотя нет, вовсе не человеческий! Голову этого существа обтягивала огромная жуткая маска, подозрительно напоминающая хэллоуинскую тыкву с вырезанными глазами и ртом.

В первый миг Томми решил было, что кто-то из здешних работников просто переоделся к празднику раньше времени, и даже попытался убедить себя в этом, но тут его взгляд заскользил по серому холщовому фартуку, опускаясь ниже. Мальчик выпучил глаза, не в силах поверить в то, что увидел. Непонятное создание вполне себе уверенно двигалось в их сторону на тонких палках, обутых в деревянные башмаки. Вскоре стали видны и руки — нелепые жерди с выточенными из сучьев пальцами, которые угрожающе скрипели в суставах и шевелились, словно жвала насекомых.

Томми снова глянул вверх: пустые черные провалы-глаза хэллоуинской тыквы будто уставились прямо на него. В треугольных глазницах вдруг ярко загорелись два крохотных свечных огонька — тыквоголовый определенно их заметил! Он вытянул руку и ткнул длинным деревяенным пальцем в Томми.

Чарли первым пришел в себя. Он отчаянно бросил: «Бежим!» — и ринулся к еще одной лестнице, которая виднелась вдали. Дважды Томми просить не пришлось. Он сорвался с места и припустил следом. Тыквоголовый, громыхая башмаками по мосткам, потопал за ними...

Мальчишки быстро добрались до лестницы и бросились по ней вниз, в темноту цехов. Им уже почти удалось спуститься, когда эта подлая, коварная лестница будто решила помочь их преследователю: Томми и Чарли одновременно зацепились

за ступеньку и с визгом полетели вниз. Кучи опилок, которые громоздились у станков и у основания лестницы, чуть смягчили падение, и все же Томми больно ударился коленом.

— Давай, вставай скорее! — Чарли протянул Томми руку, и, схватившись за нее, он поднялся.

Сзади по металлическим ступеням угрожающе гремела поступь деревянных башмаков. Друзья испуганно обернулись. Пугало уже было рядом с ними! Тыквоголовый вытянул к мальчишкам жердяные руки и растопырил пальцы. Огоньки в его глазах угрожающей заполыхали ...

Чарли крикнул:

— Сюда! — и ринулся в узкий боковой проход между гудящими механизмами, наматывающими цепи на барабаны.

Фабрика явно была живой и отличалась весьма скверным характером. Мальчишки хотели спрятаться от преследующего их пугала, но вместо этого почему-то вдруг выбежали на открытое пространство. Они оказались на некоем подобии перекрестка, где соединялись два длинных прохода.

Чудовищный грохот поглотил мальчишек. Со всех сторон их окружали станки и механизмы, которые словно ругались на двух незваных гостей своими скрежещущими, визжающими, лязгающими и жужжащими голосами. И это огорошило Томми с Чарли настолько, что они застыли на месте, не понимая, куда дальше бежать и что делать.

— Уи-и-и! Уи-и-и! — Раз за разом вонзались в плоть дерева длинные сверла, пробивая в уже обточенных и отшлифованных пугальных деталях отверстия для винтов шарниров.

— Зж-ж-ж! Зж-ж-ж! — жужжали пилы.

Со всех сторон были фаланги пальцев, ноги, сегменты голов-тыкв.

Над станками нависали рабочие: высоченные, с длиннющими руками и... слишком большими головами. В цехах не оказалось ни одного человека. Пугала собирали пугал!

Тыквоголовые пока что не замечали незваных гостей, продолжая делать свою страшно громкую работу, методично обтачивая, шлифуя, полируя, сверля и пилия.

Чарли указал рукой на пространство под верстаком с ручными инструментами, и мальчишки поспешили туда забраться. И вовремя — мимо пропотели деревянные башмаки их преследователя.

Пугало, судя по всему, оказалось не из глупых, поскольку повело головой-тыковкой из стороны в сторону и принялось заглядывать в различные темные уголки, понимая, что незваные гости не могли убежать далеко и просто затаились под самым его отсутствующим носом. Тыквоголовый обшаривал станок за станком и постепенно приближался. Мальчишечек вот-вот снова должны были обнаружить...

Чарли протянул Томми обломок доски.

— Ударь его.

Друг выглядел решительным как никогда — еще бы, он ведь не сам собирался драться с пугалом!

— Что? — поразился Томми, глядя на протянутую доску. — Почему я должен его бить? Я никогда не бил взрослых.

Его вдруг посетила странная мысль: интересно, что сказала бы мама, узнай она о намерениях своего младшего сына ударить кого-то обломком доски. Должно быть, она нахмурила бы брови, показывая этим, что он очень-очень плохой мальчик, раз способен рассматривать подобные варианты.

— Но это ведь не взрослый! — прошипел Чарли. — Это чертово пугало. Тыквоголовый, который нас сожрет или еще что...

Договорить и всучить свое импровизированное оружие другу он так и не успел. Монстр как раз остановился возле их укрытия и, согнувшись пополам так резко, будто у него внезапно треснула поясница, заглянул под верстак.

Чарли машинально ударил доской появившуюся рядом голову-тыкву. Пугало отлетело на пару шагов и завалилось на сверлильный станок. Сверло как раз опускалось...

Раздался громкий треск. Тыковголовый задергался в жутких судорогах. Он начал неистово бить руками и ногами по всему, до чего мог дотянуться, но все его попытки освободиться были тщетны: нанизанная на сверло голова застряла. Вскоре страшные дерганья прекратились, и огоньки в глазницах померкли.

И тут все пугала, работающие поблизости, повернули головы на шум. В темноте зажглись и ярко запылали рыжие огоньки. Все горящие взгляды, казалось, были направлены на верстак, под которым прятались мальчишки.

— Ну вот — гляди, что ты наделал!

— И сам вижу!

Мальчишки выбрались из своего укрытия и ринулись прочь. Они не знали, в какой стороне выход — пойди разыщи его в такой-то темноте! Поэтому Томми и Чарли просто метнулись туда, где глаза пугал еще не светились. Не менее десятка преследователей погнались за ними.

Цеха представляли собой настоящий лабиринт. Со всех сторон высились громадные механизмы, а проходы раз за разом упирались в тупики. Подчас между станками, штабелями бревен и движущимися змеями конвейерных лент можно было протиснуться лишь с трудом.

Пугала-рабочие, мимо которых неслись мальчишки, явно не сразу понимали, что происходит, и только лишь из-за этого к погоне почти не присоединялись новые тыковголовые. Какое-то время деревянные служащие фабрики еще недодуменно вертели головами, после чего большинство тут же возвращалось к работе...

— Стой! — воскликнул вдруг Томми. — Руки!

Чарли даже удивился странному возгласу друга, но почти сразу понял, что тот имел в виду.

Путь им преграждал очередной конвейер. Мимо беглецов на транспортерной ленте проплывали десятки рук — как правых, так и левых. Не успели мальчишки что-либо предпринять, как эти самые руки вдруг начали подпрыгивать и дергать пальцами, пытаясь схватить их. Одной почти удалось сомкнуться на лице Чарли — он отпрянул в последнее мгновение.

— Бежим! — заорал Томми, и мальчишки ринулись вдоль конвейера под клацанье деревянных пальцев.

В темноте повсюду колыхались огоньки пугальных глаз, а друзья все бежали и бежали. Они даже не догадывались, что направляются вглубь этих жутких цехов.

В какой-то момент на пути встала очередная конвейерная лента — по ней ползли доски, ожидающие распила. Вдали журжалась циркулярная пила.

— Кажется, этот конвейер идет почти через весь цех! — Томми привстал на носочки, пытаясь разглядеть, куда тянет-ся змея ленты. — Его не обойти!

— И под ним не пролезть! — Чарли указал на кованые стойки, поддерживающие эту ленту, — расстояние между опорами было слишком узким, да к тому же там двигались цепи, заставляющие весь механизм работать.

— Они уже близко!

Десятки свечных огоньков загорались тут и там. Пугала приближались, по пути обыскивая станки и сборочные ленты.

— Быстрее! — Чарли первым полез через конвейер, намереваясь преодолеть его по проплывающим мимо доскам, словно по болотным кочкам. — Не отставай!

Поправив поудобнее сумку, мальчик ловко забрался на ползущую доску. Прежде чем та утянула его за собой по направлению к пиле, он перепрыгнул на другую. Еще прыжок — и он уже покинул конвейер и оказался на штабеле досок, стоящем у ленты с другой стороны. Он перебрался — удалось! Теперь к выходу! Где Томми?

И тут за его спиной раздался крик:

— Отпусти!

Чарли обернулся и с ужасом увидел, что его друг катается по полу, в ковре из опилок, сражаясь с чем-то небольшим, но невероятно сильным и злым, что ухватило его за лодыжку. Приглядевшись, он понял, что на Томми напала деревянная рука одного из пугал. Должно быть, она прицепилась, пока они бежали вдоль конвейерной ленты, где их собирали.

— Отстань! — Томми никак не мог разжать деревянные пальцы, а пугальная рука сжимала его все сильнее.

— Сейчас! — крикнул Чарли, вновь запрыгивая на движущийся конвейер.

Он ступил на доску неудачно и пошатнулся. Каким-то чудом сохранив равновесие, мальчик успел выставить ногу и удержаться на ползущей ленте. Но доска от его движения сдвинулась, и он угодил лодыжкой в проем между ней и ограничительным порожком. Чарли потерял равновесие и рухнул на движущийся конвейер. При этом он ударился локтем и едва не вывихнул зажатую ногу, отчего на глазах выступили слезы. Лента потянула его вместе с досками по направлению к циркулярной пиле.

— Черт!

Мальчик попытался выдернуть лодыжку из капкана, но тот крепко ее держал.

— Чарли!

Томми, борясь с вцепившейся в него пугальной рукой, увидел, что друг находится в смертельной опасности.

— Не могу!.. — закричал Чарли. Сжав зубы, он пытался освободиться, но ничего не выходило — казалось, сама фабрика хотела во что бы то ни стало с ним справиться.

У Томми от ужаса перехватило дыхание. Металлический диск с длинными кривыми зубьями с ревом вгрызся в доску, с легкостью разделяя ее надвое. Половинки доски прошли

по обе стороны от пилы и перебрались на другую ленту, которая вела к строгальному станку.

Между Чарли и крутящимся лезвием оставалась еще одна коротенькая доска. Диск вот-вот должен был вгрызться в спину друга!

— Чарли! — закричал Томми, прекратив попытки расцепить деревянную руку. Он пополз к ленте, но подлая пугальная конечность всячески его тормозила.

Томми был слишком далеко, он ни за что бы не успел. А пила уже распиливала на части разделявшую ее и Чарли доску. Половинки доски поползли прочь, а лента придвигнула Чарли к жужжащему лезвию еще ближе. Диск хищно закрутился всего в футе от спины мальчика...

Томми в последнем отчаянном усилии вцепился в деревянную руку и начал тянуть ее пальцы в разные стороны.

И вот Чарли уже у самой пилы!

Томми в ужасе закрыл глаза. Он не увидел, как друг внезапно перестал извиваться и будто оставил попытки освободиться, как он просто замер, вероятно, смирившись с неизбежной участью. Тут вдруг опасный диск дернулся и с судорожным хрипом застыл, словно в его цепной механизм попала щепка, а Чарли стукнул по доске костяшками пальцев, и та сама отскочила в сторону...

В то же мгновение, как обессиленный Чарли свалился с конвейера в гору опилок, диск пилы вновь закрутился, жужжа, словно ругаясь на ускользнувшую добычу. Томми ожидал услышать последний крик Чарли, но тот так и не раздался. Он почувствовал лишь, как мертвая хватка пугальной руки вдруг разжалась.

Томми открыл глаза и увидел перед собой Чарли, сжимающего деревянную кисть, которая дергалась и пыталась уцепиться за него самого. Чарли размахнулся и зашвырнул ее подальше...

— Но как?.. Как ты освободился?

— Не знаю! Что-то вдруг заклинило пилу...

Времени радоваться чудесному спасению не было. Пугала заметили беглецов. Все их свечные глаза загорелись одновременно — ярко-ярко, словно внутри фабрики кто-то зажег сразу три десятка фонарей. Эти жуткие деревянные создания были повсюду. Ближайший тыквоголовый, оттолкнув со своего пути колонну из коробок, начал протискиваться сквозь узкую щель между двумя станками, еще один взобрался на конвейерную ленту.

— Бежим! — в очередной раз крикнул Томми.

И они снова побежали. Пугала ринулись за ними. Из кожаных торсов-мешков некоторых тыквоголовых на свет выползли дополнительные конечности — длинные руки с цепкими пальцами. Опираясь на них и хватаясь за сборочные машины, пугала поползли напрямую через ленты, через станки и механизмы, как гигантские деревянные насекомые.

Проход, по которому бежали мальчишки, вывел их на небольшой свободный пятак, окруженный высокими поленицами пугальных заготовок. От него в разные стороны ответвлялись еще три прохода, и беглецы остановились, пытаясь выбрать один из них.

И тут Томми заметил то, от чего внутри у него все похолодело. Тьма вдали, в самом центре лабиринта цехов, шевелилась. Там обреталось что-то по-настоящему огромное — оно медленно-медленно двигало длинными, похожими на щупальца конечностями...

— Эй! — воскликнул Чарли. — Нас сейчас сцепают!

— Где же выход? — Томми заставил себя не думать о гигантском монстре во тьме. — Куда бежать?!

— Туда! — Чарли ткнул в проход слева. — Кажется, он там! Свет! Улицы! Я видел с конвейера!

Друзья ринулись в указанном Чарли направлении и вскоре оказались у механизмов с десятками игл. Это были швейные

машины с длинными механическими лапами, напоминающими конечности насекомых. Они сноровисто и методично обшивали тонкой коричневой кожей похожие на ребра деревянные каркасы, привинченные к кривому хребту. Томми мгновенно узнал в этих «ребрах» кривые руки с длинными пальцами, находящиеся в сложенном положении. Три-четыре дополнительные конечности «Расчудесных самораскладных пугал» зашивали, прятали в кожаных мешках, из которых оставались торчать лишь крепления для привычных рук, ног и головы...

Здесь мальчишки не остановились и побежали вдоль ленты транспортера, на которой уныло ползли куда-то вдаль уже готовые бурдюки пугальных торсов.

Лента привела беглецов под кирпичную стену здания. В этой части фабрики пугал не изготавливали. Здесь их упаковывали. Мальчишкам окружали длинные стеллажи, заставленные сложенным картоном для коробок. Рядом мерно гудел очередной ленточный транспортер, но этот тянулся из здания наружу — он исчезал в большом прямоугольном отверстии люка, сквозь который в фабрику проникал слабый дневной свет.

— Окошко! — воскликнул Чарли. — Я видел его!

— Замечательно, — с досадой ответил Томми. — Вот только нам до него не добраться!

И правда — вдоль всей упаковочной линии стояли пугала, занятые тем, что складывали в коробки уже готовые детали своих будущих собратьев. Они пока что ничего не знали о погоне, как ни в чем не бывало продолжая исполнять свою работу.

И тут Томми понял, что нужно делать:

— Забирайся! Ну же!

Он вскарабкался на движущуюся ленту конвейера, по которой ползли картонные коробки без крышечек. Коробки были достаточно большими — ребенок в такой запросто мог

поместиться. Ну, не запросто, конечно, а если сожмется, обхватив колени руками и вжав голову в плечи.

Недолго думая, Томми забрался в ближайшую коробку. Она была наполовину заполнена опилками для уплотнения, сохранности и перевозки деталей. Мальчик постарался засунуться в опилки как можно глубже, надеясь, что такая маскировка хоть как-то сработает — особого выбора у него не было. Чарли, ворча «Ну вот, снова конвойер...», залез в идущую следом коробку. Транспортер медленно потащил их через цех.

Мальчишки затаились внутри.

Время от времени над их коробками склонялись уродливые тыквенные головы, в глазницах которых едва теплились ровные безразличные огоньки. На компоновке коробок стояли рабочие, которые, казалось, полностью утонули в своей рутине. Их движения были четкими и лаконичными, а все без остатка внимание отнимали простейшие функции. Пугала методично и последовательно укладывали в пустые, как им казалось, коробки детали рук и ног, бурдюки торсов, а еще плоские вогнутые сегменты, из которых можно было собрать те самые похожие на тыквы головы...

Время от времени, когда транспортер отъезжал от очередного пугала подальше, Томми и Чарли избавлялись от полученного «подарка», выбрасывая из коробки все то, что тыквоголовые успели туда напихать. Повезло, что «Расчудесные самораскладные пугала» готовились к отправке полностью разобранными и ожидать очередной коварной руки, которая могла бы схватить Томми или Чарли, не приходилось.

Друзья медленно ползли в своих коробках все дальше. Томми уже начало казаться, что их план сработал, что им удалось сбежать, но тут преследовавшие их с Чарли тыквоголовые добрались наконец до компоновочного транспортера — кажется, они поняли, где именно укрылись мальчишки.

Пугала ринулись к концу ленты, исчезающей в проеме стены, сгрудились у проема и принялись стаскивать с ленты коробку за коробкой, вываливая наружу их содержимое.

Томми сделал глубокий вдох, как будто это могло помочь, и на мгновение высунул голову наружу из своего укрытия — пугала уже были в трех коробках от него! Лента транспортера сама подталкивала беглецов в лапы тыквоголовых!

Томми нырнул обратно в коробку и зажмурился. Он не знал, что делать. Пугала вот-вот доберутся до них с Чарли, а потом...

Все машины в цехах встали. Лента транспортера, которая везла коробки с перепуганными мальчишками, качнулась и замерла. Пилы прекратили жужжать, сверла застыли, рубанки и шлифовальные машины выключились. Фабрика погрузилась в тишину.

— Что здесь происходит?! — над цехами прогремел сильный голос, многократно усиленный эхом. Голос принадлежал Зеркалу и, судя по всему, тот был в ярости. — Что за кавардак?!

Видимо, в эти мгновения он гневно оглядывал цеха с одного из мостков, пытаясь выяснить причину суматохи.

И тут в абсолютной тишине, стоявшей в здании фабрики, раздался звук, которого не ожидал никто. Это было слабое, испуганное:

— Миау...

Кот! Самый настоящий кот!

Томми понял, что голос подал виновник их с Чарли нынешнего положения. Хвостатый пройдоха, о котором мальчишки уже и думать забыли, все это время находился здесь же, в цехах!

— Проклятые тыквоголовые! — рявкнул Зеркало. — Устроили здесь сущий бедлам из-за какого-то кота! Немедленно вышвырнуть его отсюда и вернуться к работе!

Должно быть, часть пугал отправилась ловить кота, а другие поспешили вернуться к своим станкам, поскольку в следующее

мгновение механизмы вновь заработали, а компоновочная лента поползла себе дальше как ни в чем не бывало.

Деревянная рука снова сунулась в коробку Томми. Но не стала там шарить в поисках незваного гостя — вместо этого она опустила в нее связку свечей. Томми от страха был ни жив ни мертв. Он думал о том, как там Чарли. Видимо, друг, как и он сейчас, изо всех сил надеется, что их не заметят...

Кромешная темнота рухнула на Томми внезапно — его коробку накрыли крышкой. Снаружи послышался шорох — один из рабочих деловито перетягивал коробку бечевкой. Вскоре шорох стих, и коробка с Томми внутри неожиданно шлепнулась на пол, отчего мальчишка едва не взывил в голос — было очень больно. Где-то рядом тихо охнул Чарли — судя по всему, приятель испытал то же самое.

Потом коробку подхватили чьи-то руки и понесли. Затем вновь поставили. И опять та же история. Несколько раз мальчишек перекладывали с места на место.

Томми прислушивался, не отошли ли куда-нибудь пугала, в надежде вылезти наружу. Правда, как это сделать, он пока еще не придумал: бечевка туго перетягивала коробку. Всех его усилий пока хватило лишь на то, чтобы проковырять в плотном картоне дырку на уровне глаз, но снаружи было темно, и мальчик ничего не увидел. Где сейчас находился Чарли, Томми тоже не знал. Хотелось верить, что рядом.

И тут он услышал гул заводящегося мотора. Пол под коробкой с Томми задрожал и затрясся. Мальчик догадался, что он оказался в кузове грузовика.

— Чарли! — едва слышно позвал Томми. Никто не отозвался. — Чарли! Ты здесь?! — Томми чуть повысил голос до громкого шепота, но опять не дождался ответа.

Побоявшись звать громче (вдруг услышит водитель), он закрыл глаза и стал ждать. Куда-то же грузовик должен был в итоге приехать...

Пережитое потрясение сказалось на Томми самым неожиданным образом — к собственному стыду, под мерное раскачивание кузова он уснул.

— …И ты еще имеешь наглость утверждать, что та крыса сама забралась в мою сумочку? — голос Меганы Кэндл гремел, заставляя дребезжать стекла таксомотора.

— Тихо! Он выходит.

Впервые за прошедший час Рэммора не ввернула колкость в ответ на колкость — вместо этого она ткнула пальцем в лобовое стекло. Старшая сестра даже закашлялась от столь неожиданно оборвавшейся перебранки (точно оркестр замолчал на середине коды), но тоже устремила взгляд на ворота.

— Вон тот тип в сером пальто и шляпе? Это и есть наш Зеркало? — усомнилась Мегана.

— Кошачий взгляд не провести. — Рэммора назидательно повертела зеленым глазом с узким черным зрачком перед носом сестры, после чего убрала его в пудреницу. — Ну, что сидишь? Открывай кофр. Или ждешь, пока я все сделаю? А может, еще надеешься, что я наживкой стану?

— Да у тебя духу не хватит, — съязвила Мегана.

— Как и у тебя, — не осталась в долгу сестра.

Мегана открыла дверь и вышла из автомобиля. Зеркало приближался, не обращая внимания на припаркованный таксомотор — Рэммора исправно отводила ему глаза. Этот тип куда-то спешил. Должно быть, торопился с последними приготовлениями для своего хозяина.

Мегана усмехнулась. Все эти сущности — ну совсем как дети — полагают, будто могут нарушать правила и никто им не указ. Придется очередную тварь в очередной раз выдрать за нос, только и всего.

Багажный кофр с глухим стуком открылся, крышка откинулась вверх. Ведьма, кряхтя, извлекла из просторного

грузового отделения огромный клетчатый чемодан, размечтром с небольшой шкаф, и волоком вытащила его наружу. Когда тот грохнулся на дорогу, изнутри раздался жалобный возглас:

— Ой! Ну что вы делаете...

Мегана вставила ключик в замочную скважину, пару раз крутанула его и раздвинула в стороны защелки. Крышка поднялась, и из чемодана на землю вывалился невысокий лысеющий человечек в помятых брюках, рубашке и жилетке. Следом выпало потертое бурое пальто, накрыв его с головой. Шляпа покатилась по дороге, прочерчивая ребром в грязи круг.

— Ай! Ой! Нет, ну у всего есть предел! Как так можно!? Когда все это уже закончится?! Запихивать внутрь — понятно, возить в чемодане — ладно, но вот ронять, как неважную посылку в почтовом отделении... И вообще, где мои очки?..

— Хватит верещать, мистер Бэрри, — холодно посмотрела на пленника Мегана Кэндл. — Вы ведь помните, о чем мы с вами условились? Вы нам помогаете, а мы не рассказываем о вас и, что немаловажно, о вашей семье другим ведьмам — так что извольте утереть сопли и начинайте.

— Само собой, мадам Кэндл, я ведь на все согласился, — поспешно кивнул мистер Бэрри. — Где же указанная личность, позвольте?

— Тип в сером, который идет сюда. Вот, возьмите. — Ведьма протянула бывшему жильцу чемодана некую вещь, завернутую в белую ткань. Наружу из свертка торчала витая серебряная ручка. — Все как условились. Я пока посижу в машине.

Идущий навстречу человек возник так внезапно, как умеют появляться лишь ямы и булыжники под ногами или грабители в темном переулке. При этом Лукинг Гласс отметил,

что улица была пустой всего мгновение назад. Откуда же он появился? Вышел из-за дерева?

— В чем дело, мистер? — поинтересовался Лукинг у приближающегося незнакомца, ведь человек шел прямо на него и, судя по всему, сворачивать не собирался.

«Кажется, это один из местных нищих, — подумал Лукинг. — Сейчас будет просить немного мелочи...»

Человек, направлявшийся к нему, и правда ничего, кроме сочувствия и жалости, своим видом не вызывал.

— Вы... э-э-э... мистер... Зеркало?! — неуверенно проговорил человечек, подойдя. При этом он испуганно обернулся и поглядел куда-то, словно прося у пустоты за спиной поддержки.

Лукинг вздрогнул. Он все понял. Кажется, прямо сейчас происходило то, о чем предупреждал его Ключ. Неведомые ловцы вышли на охоту... И это их лучший терьер, пытающийся загнать его в нору? Кажется, у «терьера» недавно было несколько бессонных ночей и начиналась простуда...

— Простите, я не понимаю, о чем вы, — сказал Лукинг и приготовился «стереть» незнакомца.

— Нет, сэр, — произнес невзрачный человечек, щурясь: судя по всему, у него было ужасное зрение. Лукинг едва сдержал себя, чтобы не провести рукой перед лицом этого типа, проверяя, заметит он или нет. — Я знаю, что это вы. Мне вас описали.

— Неужели? Кто же вам меня описал?

— Мистер... э-э-э... Мистер в зеленом.

Лукинг прищурился. Его уверенность в понимании происходящего на мгновение поколебалась.

— Что?

— Он сказал, что я вас встречу здесь, возле фабрики, — пояснил невзрачный человечек. — Он сказал, что недоволен вашей работой, и просил передать вам кое-что.

— И что же он просил передать?

— То, что вы потеряли. То, что поможет вам лучше выполнять свою работу...

После этих слов Лукинг заметно напрягся — слишком они напоминали слова Сэра, мысли Сэра, стиль Сэра. Мог он ошибаться? Могло быть так, что это никакая не ловля, а к нему и в самом деле явился посланник от Сэра? И то верно: этот человек не выглядит угрожающе. Он выглядит так, будто вот-вот пожалуется на погоду и уточнит, где здесь ближайшая аптека. И даже если этот бедолага и поймал Котла и Метлу, что ж... он, Лукинг Гласс, далеко не Метла и уж тем более не Котел. Его так просто никому не схватить и не одурячить...

Мог ли в тот момент мистер Гласс знать, что две некие хитроумные ведьмы, прекрасно понимая, что силой его не взять, намеренно ввели его в заблуждение, предоставив ему этого совершенно не выглядящего опасным мистера Бэрри?

— Мистер в зеленом просил вам отдать...

— Да?

Лукинг нетерпеливо дернул подбородком, глядя, как незнакомец роется в карманах пальто, словно забыл, куда именно положил посылку. Мистер Гласс задумался. Если все же отринуть мнительность, то выходит, Сэр решил его пристраниТЬ. Каковы шансы, что ему в голову пришла такая идея сразу после потасовки в Гаррет-Кроу? Каковы шансы, что на самом деле он солгал и ничего не простил? Быть может, та вещь, которую он передал, — это наказание?

— Знаете, я передумал, — сказал Лукинг. — Меня не интересует, что вы там хотите мне передать.

Мистер Гласс по прозвищу Зеркало ощущил легкое покалывание под кожей, как бывало всякий раз, когда он был близок к тому, чтобы начать отражать окружающих его людей, стирая им лица. Этот невзрачный человечек вот-вот умрет. А он потом просто скажет Сэру, что вышло недоразумение. Если тот вообще вспомнит о своем посыльном, когда его план воплотится в жизнь.

— Но как же... — Незнакомец снова испуганно обернулся, глядя туда, где никого не было.

— Не интересует! — сквозь зубы процедил Лукинг Гласс, чувствуя, как его глаза затягиваются зеркальной поволокой. — Хорошего дня...

— Ой, вы знаете, отправителю вернуть не получится... А, нашел! Вот, полюбуйтесь!

Человечек больше не возился и не медлил ни секунды. Он выхватил из кармана пальто небольшое, размером с ладонь, зеркало в старинной серебряной оправе. Незнакомец выставил руку перед собой таким образом, чтобы и он сам, и мистер Гласс отражались в нем одновременно.

Лукинг всегда считал, что знает толк в зеркалах и не ему бояться чьих-либо отражений. Но это зеркало явно было не из простых — по всей оправе шли незнакомые символы, похожие на ветви деревьев. Мистер Гласс однажды видел подобные знаки в одной из тех книг, что побывали в руках у Сэра и немного — в его, Лукинга, руках, пока Сэр не отобрал книгу у него со словами «Не твоего ума дело!».

Как бы то ни было, мистер Гласс не догадался спрятаться от собственного отражения, а между тем стоило бы. Вместо этого он посмотрелся в зеркало. И только тогда осознал, что именно происходит.

Рядом с ним в зеркале отражался... что ж, это был отнюдь не маленький жалкий человечишко, а громадный злобный монстр, чьи мышцы вздувались и бугрились, а широкая пасть не могла скрыть выпирающие клыки. Чудовище в зеркале тут же схватило отражение Лукинга, и тот совершенно ничего не смог ему противопоставить: он задергался в огромных могучих лапах, в бессилии сучка ногами по воздуху.

Едва Лукинг Гласс понял, что попался в зеркале, он сразу же попытался освободиться с другой стороны, реальной, но ни отвернуться, чтобы не глядеть на свое отражение, ни хотя бы зажмуриться у него не получилось. А что уж говорить

о трюке с исчезновением, который провернул Сэр в Гаррет-Кроу... об этом и речи не шло.

И тут он и вовсе начал таять — вот только отнюдь не по своей воле...

Всего за несколько мгновений Лукинг Гласс исчез полностью, слившись воедино со своим отражением в зеркале — отражением, которое сжимал мертвой хваткой злобный тролль...

К одиноко стоящему на улице мистеру Бэрри уже бежали две женщины. Очередная тварь была поймана и оставалось лишь захлопнуть дверцу клетки! И тут произошло то, что для одной из них (лишь для одной, и мистер Бэрри об этом прекрасно знал!) оказалось неприятным сюрпризом: означенный мистер Бэрри неожиданно вздрогнул и выронил колдовской инструмент из предательски дрогнувших неуклюжих пальцев. Зеркало ударилось о камень брускатки и разбилось, разлетевшись на сотни осколков. С предметом магической старины все было кончено, и с запертым в нем Зеркалом тоже.

— Ой! — Мистер Бэрри в ужасе схватился руками за голову. — Оно разбилось! Простите, я не хотел! Он дернулся внутри, и я не удержал... Я не специально, оно само...

— Ах ты, неуклюжая свинья! На живодерню захотел? — яростно накинулась на мистера Бэрри Рэммора Кэндл.

— Мерзавец! Да я тебя по земле размажу! — конечно же, не осталась в стороне и Мегана.

Сейчас сестры были единодушны.

Мистер Гласс между тем, ничего не понимая, смотрел на них из множества осколков одновременно. Что здесь творится?! Тролль ведь уже почти-почти его задушил, и тут этот лысоватый доходяга уронил зеркало. Вовсе не случайно! Что ж, если это и была попытка его убить, то получилась она совершенно бездарной.

«Неужели вы думали, что так просто...»

Мысль оборвалась.

Лукинг вдруг услышал... Кто-то приближался к нему, с грохотом ступая по Черной улице зазеркального мира. Кто-то намного страшнее клыкастого тролля...

— Мэри? — в ужасе прошептал он, увидев высокую худую фигуру в нескольких шагах от себя.

Женщина не ответила и двинулась к нему...

Виктор Кэндл влетел в свою комнату и хлопнул дверью так сильно, что с потолка посыпалась штукатурка. Он был зол. Еще бы! Его просто вычеркнули из жизни. Его будто бы... забыли!

Виктор чувствовал себя призраком, который бродит по лестницам и коридорам, разве что сквозь стены не просачивается — он может сбрасывать предметы с полок и выть, но никому не будет дела... *ей* не будет дела! Черт! А ведь он едва не умер!

Когда Виктор очнулся в своей кровати, он сперва даже не понял, где оказался и что происходит. Последними воспоминаниями были чудесное белоснежное дерево и холод, растекающийся в ногах. При этом он ощущал себя таким уставшим, будто только что где-то долго бродил, после чего вернулся и лег в постель, но тут же проснулся, едва голова коснулась подушки. А еще почему-то жгло ладони: руки все были исцарапаны — так, словно ими обдирали изгородь...

Между тем боли от ранений, которые ему нанесли накануне, Виктор не чувствовал — лишь легкий, но тем не менее весьма назойливый зуд по всему телу.

«Замечательно, — подумал он раздраженно, осматривая и ощупывая себя. — Значит, колдовство ведьмы способно

излечить раны от ножа всего за какую-то ночь так, чтобы от них не осталось и следа — даже шрамов...»

Виктор оделся и первым делом отправился к Кристине, намереваясь узнать, как она себя чувствует и что было, пока он лежал без сознания. Что ж, он узнал...

Согласно маминой версии, Виктор с Кристиной просто упали на лестнице, отдавшись легким сотрясением, но, наверное, ничего можно было и не придумывать, поскольку во всем доме никто так и не узнал, что произошло, более того — никто даже не заметил отсутствия Виктора. И даже если бы он умер в той гоблинской комнате, ни один из родственников или гостей и вовсе не обратил бы внимания. Неожиданно Виктор ощущал совершеннейшую собственную... *несущественность*.

На вопрос, как он выжил, Кристина ответила, что его успели спасти в самый последний момент. И все же никакого чувства благодарности Виктор не испытывал, ведь благодарить за это он должен был маму. Маму, по вине которой все и произошло.

Что было после того, как гоблин на них напал, сестра не знала, так как пришла в себя лишь утром в своей комнате, почему-то с ног до головы засыпанная пеплом от сигарет тетушки Рэмморы. По словам Кристины, пробуждение было не из приятных, потому что на краю ее кровати сидела мама. Мама была так зла, как никогда до этого, она пригрозила, что сдерет с нее всю кожу, если Кристина еще раз вытворит что-то подобное, и сказала: «Нашего ирландского гостя больше нет». Что с ним случилось, она пояснить не стала и, наделив дочь гневным взглядом, ушла. А Кристина после этого лежала в постели еще целых два часа, не в силах пошевелиться от страха.

Виктор задумчиво пробубнил: «Что значит “его больше нет”? Неужели она его...»

Сестра и не подумала отвечать, а вместо этого, в лучших своих традициях, набросилась на него с упреками: «Я ведь

говорила, что не нужно освобождать гоблина, а ты не послушал! А что, если бы мама не пришла? Или пришла бы чуть позже? Ты болван! Никогда никого не слушаешь! О чём ты думал? Ты хотел ей насолить?..»

Виктор хмуро молчал — а что тут скажешь. Кристина была права: стоило оставить этого гоблина там, где висел, и просто убраться из его застенка. Так нет же, сперва чертово любопытство, а после и... Виктор вдруг осознал, что он не представляет, о чём в тот момент думал.

А Кристина все не унималась. Высказав брату то, что думает о его бесцелковости, она принялась обвинять его в том, что он, мол, никак не уймется и, несмотря на случившееся, продолжает свое дурацкое расследование. Еще она попыталась вызнать, куда это он направлялся, когда утром якобы вылезал через окно и карабкался по плющу.

«Нет, ну какова бессовестная врушка!»

Виктор ответил, что ей, разумеется, почудилось, ведь он буквально только что пришел в себя. Но при этом и сам не заметил, как непроизвольно спрятал исцарапанные руки за спину... Почему она спрашивает? И вообще, почему это он должен оправдываться? Он никуда не ходил и ничего не замышлял! Почему она винит во всем его, а не настоящую виновницу случившегося?! Несправедливо!

Оскорбленная его отговорками, Кристина захлопнула дверь своей комнаты, а Виктор в весьма смешанных чувствах отправился вниз. Завтрак давно прошел, но бурчащему животу этого было не объяснить, и, прокравшись в кухню, Виктор втихую стащил оттуда пару сэндвичей.

В гостиной спокойно позавтракать не удалось, поскольку там были гости. Шумнее всех вел себя коротышка мистер Грин. Этот лошеный тип со счастливым видом стучал по полу тростью и хохотал на весь дом, при этом щелкая пальцами, из-под которых вырывались снопы зеленых искр.

Тогда Виктор отправился в библиотеку, отчаянно надеясь, что там никого нет. По пути он встретил Рэммору и Мегану, которые стояли в прихожей и, как обычно, ссорились. На этот раз, насколько Виктор понял, предметом склоки стало то, кто из них будет волочить чемодан с троллем, что бы это ни значило.

Виктор пожелал тетушкам доброго утра, но те никак не отреагировали, продолжая свой спор, будто племянника и не было рядом. Рэммора предложила сестре разрешить все по старинке — с помощью веретена (что бы это, опять же, ни значило), а Мегана сказала, что у «бесхвостой змеи» не выйдет сделать из нее дурочку, и заявила, что нужно использовать перо.

Не став ждать, чем все закончится, Виктор обошел спорщиц и нырнул в проход, ведущий в библиотеку. В самой библиотеке, к счастью, никого не оказалось, и он смог позавтракать в тишине, наблюдая странное засохшее пятно на полу возле одного из кресел и пытаясь понять, откуда оно там взялось. Вскоре сэндвичи исчезли, тайна пятна так и не была разгадана, и Виктор покинул библиотеку.

А потом он увидел то, что и стало причиной его нового приступа злости.

Уже почти выйдя в прихожую, он услышал знакомый мерзкий голос. В прихожей был Сирил. По очевидным причинам Виктор не хотел с ним ни видеться, ни разговаривать и надеялся, что кузен поскорее напялит уродливое дорогущее пальто, перестанет крутиться возле зеркала и отправится по своим никчемным делам.

Виктор спрятался в коридорчике и начал ждать, но Сирил, казалось, и не думал никуда уходить — пытаясь сладить с непослушным шарфом, он все говорил и говорил.

Сперва Виктор подумал, что, свихнувшись окончательно и бесповоротно, кузен говорит сам с собой, но внезапно

понял, что обращался он не к кому-нибудь, а к... Саше, называя ее — вот мерзость! — «моя дорогая невеста».

Сердце Виктора заколотилось как безумное — именно оно сейчас окончательно и бесповоротно свихнулось. Саша рядом? Пытаясь удостовериться в этом, он подкрался к выходу в прихожую.

Все верно: Саша стояла подле своего жениха, неподвижная и молчаливая, и с виду никак не реагировала на слова Сирила.

И тут Виктор заметил кое-что странное. То, что выбивалось из «нормальности» происходящего. Когда же до него наконец дошло, ему стало дурно.

Саша не отражалась в зеркале! Она стояла рядом с Сирилом, ожидая, пока тот покрасуется и налюбуется собственным отражением, но отражения ее самой в зеркале не было!

На ум Виктору сразу же пришли истории о различных... вампирах, но он тут же одернул себя: «Что за глупости!» А потом вспомнил о ведьмах, об этом доме, об этих гостях и их склонностях или, правильнее будет сказать, *наклонностях*? Сам собой напрашивался вывод: они и Сашу затянули в свои сети. Что ж, чего еще можно было ожидать, учитывая, что всем здесь заправляют ведьмы, а одна из них — мать Сирила. И все же Виктора не оставляло ощущение, что в данном случае дело отнюдь не в ведьмах. Здесь явно было что-то еще. Что-то более страшное и отвратительное...

Сирил между тем, казалось, и вовсе не замечал ничего странного. Он наконец разобрался с шарфом, надел шляпу и застегнул пальто, после чего, дождавшись, когда Саша механическим движением возьмет его под руку, отбыл прочь из дома в сопровождении «своей дорогой невесты».

Скрипя зубами и сжимая кулаки, Виктор отправился к себе в комнату. Всю дорогу в его голове стучала лишь одна мысль: «Ей все равно. Наверное, она даже не огорчилась бы, если бы я умер...»

Вернувшись в комнату, он едва себя сдержал, чтобы не пнуть ножку кровати.

«Так, нужно успокоиться, — подумал Виктор. — Нужно взять себя в руки. Если я буду злиться, то насовершю ошибок... еще больше ошибок! Нужно просто заставить себя не думать о Саше. Нужно просто не думать о ней и... записать все в тетрадь. Главное — сохранять самообладание и просто отвлечься на расследование. В прошлый раз ведь помогло и...»

Виктор почувствовал себя санитаром из лечебницы «Бедлам», который утешает и успокаивает какого-то психа, чтобы тот не набросился на него и не покусал. И разозлился еще сильнее.

Тем не менее мысль о том, чтобы записать все в тетрадь, не была лишена смысла, и Виктор взялся за дело...

«Расследование, расследование... — мысленно приговаривал он, листая страницы дрожащими от гнева пальцами. — Чертова тыква... заговор... голос из-за стены...»

Слишком много мерзкого и необъяснимого произошло с тех пор, как он делал последние заметки. Нужно быстрее все записать, и, быть может, тогда картина хоть немного прояснится, а неконтролируемая злость на весь свет хоть немного склынет. С чего же начать? С чего начать?..

«Пожалуй, начать стоит с того, что меня едва не убили...» — подумал Виктор.

Последними записями в тетради были слова: «*Что здесь вообще творится, в этом доме?!*» Что ж, теперь он знал больше, но при этом странным образом ответить на заданный себе же вопрос до сих пор не мог.

Ручка скрипнула по бумаге:

«Тайна Ирландца раскрылась. По крайней мере, частично. Как и предполагалось, в соседней комнате томился пленник. Спрятан он был весьма хитроумно, и его удалось найти лишь с помощью странного ключа, который необъяснимым образом

появился в кармане моего пиджака. Иарран Ри оказался отнюдь не призраком, даже не человеком. Иарран Ри — гоблин... гоблинский король в изгнании.

Огневолосая ведьма (мама) сперва помогла мятежникам захватить трон Иаррана Ри, а после уже самому Иаррану Ри — избежать гибели и спастись. Она приютила его в Крик-Холле, что, очевидно, оказалось ловушкой. Целью всей маминой интриги был сам Железный Король, поскольку он должен помочь ей собрать того, кто разорвал себя на части.

Просто не верится, что пишу это...

Помимо прочего, гоблин говорил об Иерониме. Все потихоньку связывается... По словам гоблина, Иерониму отадут на съедение какую-то Деву-без-Матери...

Можно ли верить Иаррану Ри? Он оказался коварным мерзавцем. На добро он ответил подлым ударом ножа. Чертов гоблин... И все же для продолжения расследования нужно от чего-то отталкиваться. Если допустить, что сказанное Иарраном Ри правда, возникает несколько вопросов:

1. *Как у меня оказался ключ от застенка Иаррана Ри?*
2. *Кто такая Дева-без-Матери?*
3. *Что это за существо, которое якобы разорвало себя на части? Как гоблинский король должен был его соединить? И зачем его соединять?*
4. *Едва не забыл. Дурное предзнаменование о том, что этот Канун станет “последним”. О чём речь? По словам Иаррана Ри, так ему сказала мама. Ясно, что Канун — это Хэллоуин, канун Дня Всех Святых. Но что означает “Последний Канун”? Для кого он последний? Может, только для Иаррана Ри? Может, это была всего лишь угроза лично гоблинскому королю, которая означала, что Иарран Ри не переживет Хэллоуин?*
5. *Что стало с Иарраном Ри? Ему удалось сбежать? Кристина не знает...»*

Виктор задумался, пытаясь мысленно ответить хотя бы на один вопрос, и с досадой понял, что ничего дельного на ум не приходит.

Ключ от застенка появился в кармане будто по волшебству, и этого нельзя было исключать. Ясно, что его кто-то подбросил. Но вот кто?

Еще и Иероним этот проклятый, который, несомненно, является связующей ниточкой между всеми тайнами и который был упомянут в письме Бетти Сайзмор...

Виктор почесал кончиком ручки нос и перечитал записи. Он не представлял, что делать дальше. Расследование зашло в тупик. Нужно что-то разузнать, куда-то пойти, с кем-то поговорить... Вот только что, куда и с кем?

Столько всего происходит, но неясно, что именно. Кругом одни заговорщики с дурными намерениями. Дом битком набит странными приезжими, которые вряд ли явились из желания всего лишь отметить праздник. А еще Саша и...

Часы на каминной полке начали отбивать одиннадцать часов утра. Виктор вздрогнул и поднял голову. Не сводя взгляда с циферблата, он вдруг поймал себя на том, что упустил нечто важное.

«Одиннадцать часов... Что-то ведь было... я что-то планировал сделать... — Виктор нахмурился, пытаясь вспомнить. — Это было связано с расследованием. Я хотел что-то узнать. Вчера, еще до того, как я попал в комнату с пленником, до того, как мы с Кристиной собирали пугало в гостиной... до того, как вернулся домой. О чем же я думал? Мы ездили по городу, следили за Бигглем и... точно! Биггль!»

Виктор вспомнил. И старика, и паровозы, и подслушанный разговор Биггля с мисс Хэтти на вокзале. Стариакашка говорил о том, что сегодня в полдень планирует...

— Черт! — воскликнул Виктор.

Он вскочил на ноги. Поспешно закрыв чернильницу и надев на ручку колпачок, схватил тетрадь и ринулся к двери.
«Я должен успеть! Должен!»

Приближался полдень.

Стюарт Биггль подкатил на своем скрипучем велосипеде к узкому и высокому зданию с большим циферблатом под конической крышей. Бодренько соскочив на землю, старик прислонил велосипед к грубой каменной стене и, немного потоптавшись на месте, словно пытаясь вспомнить, что он здесь делает, направился прямиком к двери под вывеской «Глухая башня». Повозившись со связкой ключей, Биггль выбрал нужный, произвел им в замочной скважине парочку уверенных движений и распахнул дверь, после чего нырнул в проход, даже не удосужившись закрыть за собой дверь.

Стоявший неподалеку и подглядывавший за подозрительным старикашкой из-за фонарного столба Виктор Кэндл тут же сорвался с места. Стارаясь не привлекать внимания редких прохожих, он метнулся к двери и, не увидев никого внутри, проник в башню.

Наверх уходила ржавая винтовая лестница. Задрав голову и прислушиваясь, Виктор начал подниматься. Он старался вести себя как можнотише, но порой становился на ту или иную ступень неудачно, и тогда она отдавалась звоном. В такие моменты он вздрогивал и замирал, после чего, стоило эху рассыпаться мелким крошевом, снова продолжал путь.

Башня была высокой, Виктор устал и запыхался задолго до того, как поднялся на самый ее верх. Но вот наконец и площадка под крышей!

Над головой проходили балки и стропила, покрытые пылью и затянутые паутиной, здесь же лежали громадные,

позеленевшие от времени шестерни со сломанными зубчиками, к стене примостились несколько погнутых часовых стрелок высотой с самого Виктора. Тяжелая железная дверь в углу была приоткрыта — этого Биггля явно не заботили сквозняки.

Виктора вдруг посетила мысль: «А вдруг старикашка знает о слежке и зачем-то ведет меня за собой?» — но ее тут же заглушило одно из любимых напутствий его редактора: «Попадание в ловушки, Кэндл, да будет тебе известно, — это всего лишь одна из издержек нашей профессии. Не бойся прищемить хвост — однажды он у тебя огрубеет и утратит чувствительность к защемлениям. Лучше попасть в ловушку, чем выпустить пустые страницы».

Виктор прислушался: кроме металлических звуков мерной работы часового механизма, ничего слышно не было. Затаив дыхание, он открыл дверь чуть шире и перешагнул порог.

Реальные размеры помещения, в котором он оказался, понять было невозможно из-за стоявшей там темноты. Ее чуть прорезали косые солнечные лучи, проникавшие внутрь сквозь отверстия в виде римских цифр на огромном циферблате. Виктор видел лишь парящую в воздухе и медленно опускающуюся на пол в лучах света пыль.

Пыль была здесь повсюду: она оседала на шляпе, на плечах и на лице, лезла в нос и глаза. Незадачливый журналист вдруг поймал себя на мысли, что пыли как-то слишком уж много, и ему даже почудилось, словно кто-то ее на него специально сыпет.

Виктор приглушенно чихнул в рукав и вдруг отметил, что пыль вокруг чуть светится и имеет странный серебристый оттенок. Не успев как следует удивиться данному открытию, он пошатнулся. Ноги его подкосились, и, нелепо взмахнув руками, Виктор Кэндл рухнул на пол.

В следующий миг мистер Ив поднялся и отряхнул костюм несколькими быстрыми размашистыми движениями.

— Сэр? — Из-за огромного чугунного колокола выступила фигура Стюарта Биггля. — Это уже вы?

— Мне интересно было бы поглядеть на тебя, на себя и на ситуацию в целом, если бы это был не я, — ехидно заметил мистер Ив.

— Что ж, — с облегчением поды托жил Биггль, — это вы.

— Раз уж мы определились с этим, Ключ, может быть, ты, отыграв свою роль в нашей миленькой постановке, просто возьмешь и отправишься домой?

— Я все сделал верно, сэр? — спросил Биггль, потирая сухие ручонки и явно не понимая намека.

— Раз я тебя не ругаю, то, выходит, ты все сделал верно, — утомленно сказал мистер Ив.

— Я заманил мальчишку сюда, как вы и велели, к этому времени, чтобы вы могли... — он выжидающе глянул на босса, — что?

— Тебя это не касается, Биггль, — нахмурив брови, заметил мистер Ив. — Ты сделал то, что от тебя требовалось. Привел его сюда и обсыпал сонной пылью, а теперь — прочь!

Мистер Ив ожидал увещеваний, жалоб и глупых вопросов, но Ключ его удивил:

— Слушаюсь! — старик как-то уж чересчур быстро согласился и, почтительно кивнув боссу, прошаркал к выходу из комнаты с часами.

Когда дверь за Бигглем закрылась, мистер Ив уже забыл о его существовании. Он был там, где и должен был быть, — явился именно в нужный ему урочный час. Все вроде бы шло как задумывалось, и тем не менее что-то его легонько, настырно смущало. Что-то не позволяло Человеку в зеленом сделать то, ради чего он сюда явился.

Мистер Ив вдруг понял, что именно показалось ему подозрительным: он не слышал звука отдаляющихся шагов.

— Ключ! — яростно прорычал мистер Эвер Ив. — Я знаю, что ты там прячешься! Пошел вон! Или я за себя не ручаюсь!

Стюарт Биггль позволил себе наивно считать, что он может вот так запросто остаться подглядеть и подслушать разговор под крышей Глухой башни. Он ошибся. Нюх Человека в зеленом в очередной раз доказал: его не проведешь.

— Но, сэр... — подал из-за двери голос Биггль. — Быть может, вам понадобится моя помощь, и я...

— Не понадобится! Ты уже все сделал! А теперь убирайся, или...

— Вы «за себя не ручаетесь», сэр, — закончил Биггль. — Я помню.

— Не забывайся, Ключ! Все! Больше не желаю тебя слышать! Избавь меня от себя!

Мистер Ив задвинул засов на двери, и старому ключнику не оставалось ничего иного, кроме как, оскорбленно стуча ногами по ступеням винтовой лестницы, двинуться вниз — подслушивать после того, как его уже один раз поймали, он не решился.

Вскоре стукнула дверь башни, и только тогда мистер Ив позволил себе сойти с места. Он подошел к огромному башенному колоколу и прислонился к нему, как пьяница к водостоку.

— Всё, — сказал он темноте комнаты с часами. — Можешь выходить.

Никто ему не ответил.

Мистер Ив спохватился:

— Ах да, ты же не слышишь.

Не отходя от колокола, он приложил к нему обе ладони, и за какую-то секунду тот стал стеклянным. Беззвучно и беспротно старый металл обрел прозрачность, и внутри него медленно разгорелась искра — постепенно она разрослась и превратилась в шар тусклого света. Тьма медленно отползла к стенам, обнажая детали механизма, — почти все помещение занимали собой блоки и шестерни, управлявшие стрелками.

Из дальнего от входа угла выступил незнакомец. Или, вернее, выступили три незнакомца. Три белых мелованных лица выглядывали из темноты, как из окон: старик, морщины которого походили на трещины в скалах, мужчина средних лет совершенно непримечательной наружности и мальчишка — из-за чрезмерной гладкости кожи его лицо казалось совершенно безликим и невыразительным.

Они стояли, тесно прижавшись плечами друг к другу, будто вдруг оказались одновременно в очень узком дверном проеме. Все трое пристально глядели на мистера Ива, и даже ему стало слегка не по себе.

— Я пришел, чтобы... — начал он, но тут же снова спохватился: — Ах да.

Отличительной особенностью всех троих, помимо отсутствия эмоций на лицах, было и отсутствие ушей.

Мальчишка медленно поднял руку и указал на колокол за спиной мистера Ива, а после осуждающе покачал головой. Человек в зеленом прочитал в этом жесте как предостережение, так и неудовольствие этих типов тем, что он, видите ли, посмел прислониться к их колоколу.

— Не нужно беспокоиться! — прокричал Человек в зеленом, демонстративно потешаясь над глухотой собеседников. — Все учтено! Перейдем к нашему делу!

Он достал из кармана пальто свернутую трубочкой рабочую тетрадь Виктора Кэндла и открыл ее на последней чистой странице. Затем извлек оттуда же чернильную ручку с крошечной чернильницей. Быстро что-то набросав в тетради, мистер Эвер Ив показал то, что у него вышло, молчаливой троице. На страничке был кривобоко намалеван циферблат со стрелками в определенном положении, а также большая жирная цифра, имитирующая дату в отрывном календаре.

Зрение у всех троих, судя по всему, было не в пример лучше слуха, поскольку они сразу же одновременно кивнули, соглашаясь.

Мистер Ив провел ладонью по странице — и рисунок исчез. На вновь обретшей девственную чистоту бумаге он что-то написал, затем, как и в прошлый раз, показал собеседникам. Те снова слаженно кивнули. И так продолжалось несколько раз, пока мистер Ив не показал им нечто, что по смыслу походило на угрозу. Троица глухих нахмурила брови.

Далее произошло то, чего не ожидал даже Человек в зеленом. Словно в ответ на его угрозу, минутная стрелка на циферблате дернулась, как в судороге, и, подхватив за собой часовую, уперлась наконечником в XII.

Полдень.

В тот же миг рычаги провернули барабаны, на них накрутились цепи, а те, в свою очередь, потянули за собой язык колокола, и тот с неимоверным грохотом ударился о стенку. Хоть колокол с виду и был превращен в своеобразную лампу, но на деле по-прежнему оставался собой — отлитым из металла и невероятно-запредельно-убийственно звонким.

Мистер Ив отлетел в сторону от первого же удара и, оглушенный, рухнул на пол. Его собеседники никак на это не отреагировали. Глядя на Человека в зеленом равнодушным, как само время, взглядом, старик, мужчина средних лет и мальчишка слитным движением шагнули назад и исчезли в углу, из которого и появились. Колокол вновь стал выглядеть, как ему и должно. Комната налилась чернотой.

Как только часы пробили полдень и эхо от последнего удара развеялось, Виктор Кэндл поднял тяжелую голову с холодного пола с таким трудом, как будто вручную вытягивал с морского дна корабельный якорь. Он огляделся, ничего не понимая.

«Я в темноте... — обрывки мыслей появлялись и затухали в его сознании. — Циферблат... башня... Я в башне. Шел за...»

Виктор огляделся по сторонам, но никого не обнаружил — было слишком темно. Потирая голову, он поднялся.

— Когда я... — пробормотал Виктор. — Что произошло?

Рациональный разум столичного репортера тут же услужливо предоставил объяснение: «Затхлый спертый воздух. И еще этот запах заброшенного чердака... Вот я и отключился...»

На полу рядом что-то лежало. Виктор с удивлением понял, что это его собственная тетрадь. Подняв ее, он подошел к льющимся через прорези цифр полосам света и прочитал запись в самом верху страницы:

«Если не сделаете то, о чем мы договорились, и просните последнее мгновение Кануна, то для вас Вечный Канун может и не наступить».

Виктор нахмурился: почерк был его, но он не помнил, чтобы писал это.

— Что за бред? Канун? Вечный Канун?

И тут он вспомнил: «Последний Канун, о котором говорил Иарран Ри! Это ведь то же самое или... нет? Вечный Канун запросто может быть последним... нет, он и будет последним, если затянется навечно... Так. Что здесь, черт побери, творится?!»

Виктор с подозрением огляделся. Закрыв тетрадь, он снова свернул ее трубочкой и засунул в карман. Затем решительно шагнул во тьму в поисках Биггля или Сэра (за которым ключник должен был проследить), желая получить хоть какие-то объяснения происходящего.

В комнате с часами никого не оказалось. Скорее всего, старикашка сбежал, пока он валялся без сознания. А Сэр... был ли он здесь вообще?

— Что же ты здесь собирался найти? — спросил Виктор невидимого Биггля. — И что здесь искал этот твой Сэр?

Так и не получив ответов, Виктор поспешил покинуть комнату с часами, пока кто-нибудь его здесь не обнаружил. Отодвинув запор (дверь была странным образом заперта изнутри, но Виктор настолько был сбит с толку последней записью в тетради, что даже не обратил на это внимания), он вышел на площадку и зашагал по лестнице вниз.

Виктора била крупная дрожь. Он был уверен: записи в твоей тетради, сделанные твоим почерком, сами по себе не появляются — для этого нужна твоя рука, да и сознание не помешает.

Очнулся Томми оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо.

Вытащив из-под затекшей щеки зажатый там вместо подушки кулак и открыв глаза, мальчик обнаружил, что лежит в большой коробке. Крышки не было.

— Ну ничего себе! — прозвучал над головой возмущенный голос Чарли. — Я уже собирался за ним обратно на фабрику бежать, а он тут спать удумал!

Томми окончательно проснулся. Он тут же все вспомнил: и кота, и фабрику, и побег. Неясным оставалось только одно.

— Где это мы?

— Где-где, — передразнил приятеля Чарли. — У ведьмы в пироге. Пока ты спал, нас успели привезти и выгрузить. Кажется, это лавка мистера Поркинса на Лейкшир-стрит, и сейчас поздний вечер — она, как ты мог догадаться, уже закрыта.

Томми посмотрел вокруг. В небольшом и слабо освещенном помещении склада было разбросано множество перевернутых пустых коробок без крышек. Повсюду валялись детали «Расчудесных самораскладных пугал». Таких же пугал, от которых Томми и Чарли убегали на фабрике. Мальчик невольно поежился.

— Не бойся, они не двигаются, — успокоил его Чарли. — Надо бы их всех сжечь, пока не ожили.

— И устроить мистеру Поркинсу пожар? — возразил Томми, выбинаясь из коробки. — Нет, сжигать лавку глупо. Ну, сгорят два десятка пугал. Видел, сколько ящиков было на фабрике? К тому же этих «Расчудесных» продавали по всему городу. Их, наверное, собрали столько, сколько жителей в Уэлихолне. Тысячи!

— Тысячи... Ты представляешь, что может случиться? — Чарли ужаснулся собственной догадке. — Они ведь готовят что-то к Хэллоуину. Эти мистер Мэйби и Лукинг. Что-то очень плохое.

— Что еще за Лукинг? — удивился Томми. Он слышал это имя впервые.

— Ну, Гласс. Фабрика Гласса... — пояснил Чарли. — Его зовут Лукинг, это было написано на двери в канторе над цехами. Дурацкое имечко, конечно... В общем, неважно. Мы должны что-то сделать со всеми этими пугалами!

— Тут не поспоришь. — Томми кивнул. — Но для начала надо хотя бы выбраться отсюда.

Он подошел к двери и дернул за ручку. Как и следовало ожидать, она и не думала поддаваться.

— Заперто. Что же теперь, до утра здесь сидеть?! Мама, наверное, уже в бешенстве — ведь я пропустил не только завтрак, но и обед. Если не явлюсь к ужину, она меня самого сварит.

— Не сварит, — заверил приятеля Чарли. — Пока ты тут дрых, я уже все осмотрел и нашел, как выбраться. Вон там есть лестница на чердак. Окно на нем открывается. Еще не забыл, как лазить по крышам?

— Спрашиваешь...

— Вик? Ты тут?

Не дождавшись ответа, Кристина открыла дверь и заглянула в комнату.

— Ну кто бы сомневался, — проворчала она. — И где он на этот раз пропадает?

Если еще вчера Кристину отсутствие брата нисколько не волновало бы, то сейчас, осмотрев темную пустую комнату, она подумала: «Ну конечно! Я ведь в одиночку должна все это делать! Я же единственный ребенок в семье!»

А потом вдруг ее кольнула задорная мысль: «Хм... почему бы и нет? Виктор с его занудством только все испортит! К тому же он вряд ли оценил бы мои методы и потом целый вечер ворчал бы, как старый хрыч. Справлюсь сама!»

У Кристины Кэндл с детства была одна особенная черта, которой она сама никогда не придавала особого значения. Черта эта заключалась в том, что Кристина была умной. Хотя нет, все же правильнее будет сказать, что она была *очень* умной. Причем настолько, что это раздражало маму, и она то и дело твердила ей: «Не умничай, Кристина, а то вылезут волосы и будешь лысой, как тетушка Кло». Дочь догадывалась, что маму просто раздражают умные люди рядом с ней, потому что они в любой момент могут придумать или удумать что-то, что ей может не понравиться.

Кристина, впрочем, и сама не очень любила думать — вернее, Думать, с большой буквы. А все потому, что это отнимало множество сил и потом ее неизменно мучила мигрень.

Само собой, она знала, что это ее собственная ведьмовская сила. Причем открылось это ей, еще когда она была возрас-та Томми и совершенно случайным образом: тетушки в оче-редной раз разорались, забыв запереть окно кухни. То, что она — ведьма, Кристину не заботило, напротив, она старалась не выделяться и быть как можно более *обычной*, только бы в городе ее не ставили в один ряд с мамой или тетками. И она этого добилась: для всех были «эти странные Кэндлы из дома на холме» и «милая Кристина из библиотеки», и вряд ли кто-то даже догадывался, что милая Кристина и странные Кэн-длы — родственники.

К тому же, как уже говорилось, она терпеть не могла применять свою силу. И тем не менее сейчас был тот редкий случай, когда последующая мигрень должна была того стоить. Папа... они похитили папу и она его найдет!

Кристина на миг закрыла глаза, сконцентрировалась и подула на собственный указательный палец — его кончик объял шарик зыбкого голубоватого света. Девушка приставила его к виску и заставила себя думать о папе. В голове выстроились картинки, словно фотокарточки в фотоальбоме: она убегает на работу, услышав, как папа зовет ее, видит лгущих или заблуждающихся родственников, которые уверяют, что папа куда-то вышел, видит взгляд мамы, когда кто-то говорит о папе в ее присутствии, видит кривую улыбку дядюшки Джозефа... Потом перед ее мысленным взором предстает Виктор, который буквально встряхивает ее, и с чужой лжи, чужих взглядов и улыбок сползает тонкая серая поволока, тут Кристина начинает понимать. Рядом с каждой ложью прямо в воздухе появляется табличка с надписью «Ложь», а рядом с головами отводящих глаза и улыбающихся родственников таблички, подписанные: «Она знает, что случилось, но не хочет себя выдать», «Злорадство!», «Самодовольство!», «Он получает наслаждение всякий раз, как кто-то недоумевает, где же Гарри Кэндл»...

Мысли в голове у Кристины начали тасоваться, как карты в колоде, после чего, вытаскивая их одну за другой, она начала выкладывать пасьянс из образов. Девушка взяла все, что произошло в доме за последние дни, вычленила оттуда то, что хоть как-то было связано с папой, а остальное отбросила. В результате картина сложилась.

Светящийся палец все крутился у виска, наматывая мысль за мыслью, а в голове Кристины начала складываться последовательность действий — то, что ей требовалось сделать, чтобы найти ответы. Нижний ящик комода в комнате бабушки Джинны, болтливая ведьма, ключ, дверь чердака...

Кристина открыла глаза и улыбнулась. Она знала, с чего начать...

Подготовка заняла совсем немного времени, и вскоре Кристина уже сидела в засаде. Дверь открылась, и, осторожно переступив порог, в комнату девушки вошла тетушка Рэммора. В руках она держала покачивающийся из стороны в сторону поднос.

— Милочка, я принесла тебе молоко и печенье, — сказала она, увидев сидящую на стуле посреди комнаты племянницу.

— Неужели это моя тетушка? Молоко и печенье? Не ожидала...

Глянув на Кристину, Рэммора нахмурилась. Что-то с племянницей было не так. Она втянула носом воздух и сразу все поняла.

— Ты что... — прошептала тетушка, — умничала?

Кристина кивнула, и она продолжила:

— Твоя мама ведь запретила тебе...

— Верно. Она запретила мне умничать. Виктору она запретила уезжать из дома семь лет назад. Томасу запретила совать нос во взрослые дела, а тебе...

— А я что? — сконфуженно прервала Рэммора племянницу. — А мне — ничего!

— Так уж и «ничего», тетушка? — коварно улыбнулась Кристина и достала из-за спины коричневую бутылку с этикеткой, на которой была изображена крыса и стояла надпись на немецком.

Рэммора слегка задрожала.

— Откуда у тебя это? Это же...

— Да, бабушкин шнапс, который мама от тебя прячет.

— Она говорит, что от него я становлюсь сама не своя...

Кристина вскочила на ноги и, отобрав у Рэмморы поднос, всучила ей в руки пыльную бутылку.

— Предлагаю немного посидеть и поболтать перед ужином, тетушка. Что скажешь?

— Я... я... — залепетала совершенно сбитая с толку Рэммора, не сводя глаз со шнапса.

— Так я и думала, — хмыкнула Кристина и повернула ключ своей комнаты, заперев их с тетушкой внутри. Хотя правильнее будет сказать, что сейчас Кристина Кэндл заперла ничего не подозревающую тетушку... с собой.

— ...И что мы будем делать? — угрюмо спросил Чарли Уиллинг, вгрызаясь в имбирное печенье.

— Не знаю, — ответил его лучший друг, запивая печенье горячим молоком. — Пока что ничего...

Горячее молоко и печенье принесла тетушка Рэммора, что было весьма странно. Тетушка не славилась заботливыми и добрыми поступками, и Томми тут же заподозрил, что все это не к добру. Сперва он предположил, что молоко прокисло, а в печенье присутствуют крысиные экскременты, но ни первое, ни второе не подтвердились — и молоко, и печенье были на удивление вкусными. А потом Томми заметил, что тетушка Рэммора слишком навязчиво пыталась *не смотреть* на Чарли. Все встало на свои места: это мама попросила ее проверить, не шалит ли их гость, ведет ли себя хорошо и не пытается ли выкинуть что-то запретное... Что ж, в другое время они с Чарли и могли бы придумать что-нибудь веселенькое, но сейчас им было не до того. Они ждали лишь, пока тетушка выйдет за дверь, чтобы вернуться к своему мрачному разговору...

Разговор этот происходил в комнате Томми. Стрелки на часах над ярко горящим камином неумолимо подбирались к половине восьмого.

Мальчики сидели на кровати. Рядом высилась груда праздничных игрушек и украшений, которые следовало расставить и развесить в детской. Здесь были: искусственная паутина в большом коричневом пакете и пауки, которых ни

за что не отличишь от настоящих, дрова для камина в виде костей, а еще вёртел с нанизанной на него восковой человеческой головой. Мама сказала, что Виктор принесет из гаража труп, чтобы можно было положить его под кровать, и велела пока украшать комнату, после чего подключиться к украшению дома. Но у мальчишек были дела поважнее. Они обсуждали то, что обнаружили на старой фабрике.

— Нельзя же ничего не делать! — возмутился Чарли. — Весь город в опасности! Может, скажем твоей маме про пугал? Пусть хотя бы ваших из дома выбросит...

— Моей маме? — ужаснулся Томми. — Она же спросит, откуда я о них знаю! И тогда придется рассказать обо всем, что мы видели на фабрике... Она же меня прикончит за то, что я туда пробрался! Нет, нужно придумать, как разделаться с тыквоголовыми самим!

— Но что мы можем сделать? — попытался образумить друга Чарли. — Они же повсюду!

— Мы что-нибудь придумаем!

— Как же, придумаешь тут! — пробурчал Чарли. — Думаешь, эти тыквоголовые просто собрались испортить нам праздник? Ты же слышал: там какой-то газ из чертополоха! А может, что и похуже! Нужно кому-то рассказать!

Томми злился. Он прекрасно осознавал, во что они вляпались, но при этом не мог допустить даже мысли о том, что мама все узнает и запрёт его в комнате, лишив тем самым возможности хоть что-нибудь сделать.

— Никакой мамы! — решительно заявил Томми. — Взрослым вообще ничего нельзя рассказывать: они не поверят, еще и нас накажут...

Томми собирался еще что-то добавить, но не успел. Дверь комнаты Кристины хлопнула.

Кристина! Точно! Можно *ее* предупредить!

Мальчик соскочил с кровати.

— Ты куда? — спросил Чарли.

— Я ненадолго, — ответил Томми и открыл дверь. — Начинай пока украшать комнату. Скоро вернусь. И придумай, как нам самим одолеть мистера Зеркало!

А затем, сопровождаемый недоуменным взглядом друга, исчез.

Кристина вела себя странно. Еще страннее, чем обычно. Она шла на носочках и замирала всякий раз, когда под ее ногой скрипела половица. И еще она шарахалась по темным углам, стоило кому-то из гостей объявиться в коридоре или на лестнице.

Сестра привела крадущегося за ней Томми к комнате дядюшки Джозефа и тетушки Меганы. Заглянув в замочную скважину, она тихонько приоткрыла дверь и нырнула туда. Томми даже не успел этому удивиться, как Кристина уже снова появилась в коридоре. В руке она что-то сжимала.

Больше сестра не таилась — совсем наоборот. Она пулей пронеслась по коридору и, выбежав на лестницу, бросилась вверх по ступеням. Томми последовал за ней.

Поднявшись на третий этаж, он успел увидеть, как фигура в рыжем свитере исчезает на узкой лестнице, ведущей на чердак.

— И что тебе там понадобилось? — прошептал Томми.

Чердачная дверь Крик-Холла всегда была закрыта, и мама строго-настрого запретила Томми даже думать о том, чтобы соваться под крышу особняка. Запрет она объяснила прогнившими досками чердака и старой черепицей, которую дядюшка Джозеф все никак не удосужится заменить. Кристина, судя по всему, нисколько не боялась провалиться или попасть под обвал.

Томми взобрался по чердачной лестнице наверх и прислушался. Из-за двери раздавались голоса. Сестра с кем-то говорила. Мальчик затаил дыхание и осторожно повернул

ручку. Дверь слегка приоткрылась. В то же мгновение свеча, горевшая на чердаке, погасла, не позволяя ему ничего разглядеть. Его раскрыли. Черт!

Не успел он додумать мысль, как чьи-то цепкие руки схватили его за шиворот и втянули на чердак.

— Ты шпионишь за мной, маленький гаденыш?!

Над ним нависала Кристина. Сестра выглядела такой разъяренной, что от нее едва ли не шел пар.

— Сама маленький гаденыш! Отпусти! Отпусти!

— Говори, что ты здесь забыл! — велела Кристина.

Ярость сестры передалась и Томми — такое обычно с ним бывало от жуткой несправедливости. Мальчик сейчас был зол как никогда в жизни. Он сжимал кулаки и хотел как следует ударить Кристину в глаз. Мама говорила, что девочке бить нельзя, но она ничего не говорила о подлых, коварных, злобных сестрах...

— Я так и знал: вы с Виктором что-то затеяли! — воскликнул Томми. — Это вы помогаете дядюшке Джозефу избавиться от папы!

— Послушай себя! — нервно рассмеялась Кристина. — Глупая малявка! Ты же несешь полнейшую чушь!

— Да?! Сначала тетушка Мегана говорит дядюшке Джозефу, что он то ли избавился, то ли избавится от папы. Потом мы не едем, как обычно, за подарками и в «Сову в фонаре»! А еще вы с Виктором шныряете повсюду. Я видел, как ты выходила из комнаты дядюшки Джозефа! Ты его сообщница!

— Ты, как всегда, все понял по-дураски и выводы сделал глупые, — усмехнулась Кристина. — Хотя чего еще ждать от малявки. А я-то думала, ты уже поумнел...

— Да? — исподлобья глядел Томми. — А что ты тогда там делала?

— Искала ключ от чердака, дурак!

— И чем докажешь?

Томми гневно сопел. Что она вообще себе думает, глупая девчонка! Считает, если ей восемнадцать, она такая уж все-знаяйка?! Так вот, она ошибается!

— А где мы сейчас, по-твоему, находимся? — Кристина помахала ключом перед носом у брата. — Ключик — все дело в нем...

Томми понял, как сглупил. Но отступать не собирался.

— И зачем тебе ключ? Что ты здесь делаешь?

— Я не собираюсь тебе ничего рассказывать. Убираясь отсюда иди играй в игрушки со своим недоумком-дружком!

— Сама ты недоумок. И никуда я не уйду!

— О, еще как уйдешь, если не хочешь, чтобы я спустила тебя с лестницы.

— Я сам тебя спущу!

— Ну, я тебя предупреждала...

— Кристина... — раздался вдруг едва слышный голос из-за спины сестры.

Томми обомлел. Голос принадлежал папе, но на чердаке, кажется, никого, кроме самого Томми и его сестры, не было. Кристина обернулась и поглядела на завешанную полотнищем... картину?

— Кристина... — голос раздался вновь, и шел он из-под полотнища. — Покажи ему...

Кристина явно не хотела ничего показывать младшему брату, но спорить не стала. Сестра достала из кармана спички и вновь зажгла свечу, после этого она подошла к «картине» и стянула полотнище вниз. Под ним оказалось большое зеркало из папиного кабинета — Томми не раз его видел. В зеркале отражался сам папа.

Томми обернулся, но за его спиной никого не было. Ничего не понимая, он вновь поглядел в зеркало. Отец стоял, прислонившись к стеклу. Он выглядел больным и старым. Томми стало страшно.

— Папа? — спросил он, чувствуя, как похолодела脊на. — Что... это такое?

— Подойди... — едва слышно проговорил отец.

Томми подошел и вдруг понял, что не отражается в зеркале — как и Кристина.

— Я рад, что с тобой все хорошо, Томас, — сказал отец. — Джозеф говорил, что проклял тебя. Я не хотел в это верить...

— Он пытался мне навредить, но у него не вышло, — все еще ничего не понимая, ответил Томми.

— Я очень рад... но мне, как ты видишь, повезло меньше...

— Что вы с ним сделали? — Томми гневно глянул на сестру. Та ничего не успела сказать.

— Нет! — воскликнул отец. — Кристина не виновата, Томас. Она меня разыскала...

— Если не она, тогда кто? Дядюшка? Или Виктор?

— Виктор здесь тоже ни при чем. Именно благодаря ему меня и нашли. Джозеф в словоре с вашей матерью, они заперли меня в этом зеркале. Никто из них не хочет, чтобы я присутствовал в этом году на празднике. Меня убрали с дороги.

— Но как тебя выпустить? — спросил Томми, оглядывая края рамы в поисках дверной ручки или засова.

— Я не знаю, Томас, — с тоской в голосе сказал отец. — И полагаю, это знает лишь Джозеф. Именно он запер меня здесь. Я писал письмо вашему брату, когда он заявился в мой кабинет. У меня не было желания разговаривать, но он сказал, что дело не ждет, что это касается... — Гарри Кэндл запнулся, — касается нашей с ним прежней семьи. В общем, неважно. Джозеф обманул меня. Он предложил мне выпить, налил шерри. Я не отказался. После первого же глотка я понял, что фразы Джозефа становятся все более запутанными и расплывчатыми... мне стало дурно. Джозеф подмешал в шерри сонное зелье — после него по пробуждении остается такой приторно-горький привкус во рту... Пришел в себя я уже

в зеркале — я видел нашу библиотеку. Потом он перенес меня сюда... Он сказал, что мне не выбраться, и я, как бы ни хотел обратного, склонен ему верить...

— А если мы унесем зеркало? — предложил Томми. — Где-нибудь спрячем его...

— Боюсь, это не поможет.

— То есть мы не можем ничего сделать? — в отчаянии заломила руки Кристина.

Томми стало стыдно: он видел, как сестра переживает. И как он мог подозревать ее и в чем-то обвинять?

— Мы можем! — решительно заявил Томми. — Я знаю человека, который нам поможет! Очень хорошего человека!

— Кого еще ты там знаешь? — с сомнением спросила Кристина.

— Мисс Мэри! — заявил мальчик.

Реакции не последовало. Ни отец, ни сестра не знали никакую мисс Мэри. Тогда Томми уточнил:

— Тетушка Клара.

— Какая такая тетушка Клара? — удивилась Кристина.

— Что?! — Отец был поражен. — Клара? Откуда ты о ней знаешь?

— Она помогла мне, — сказал Томми. — Ну, с проклятием.

— Я не понимаю... — начала Кристина.

— Моя сестра, — пояснил отец. — Вы не должны были узнать о ней. Так хотела ваша мама.

— Да, потому что наши семьи — враги, — добавил Томми. — Мама ненавидит бабушку Софию и Клару. И дядюшка Джозеф тоже.

— Ты и о моей матери знаешь? — Гарри Кэндл нахмурился. — Это Клара тебе все рассказала? Она не должна была. Не должна была подвергать тебя опасности. Если только Корделия узнает...

— Я сам все разведал, — важно заявил Томми. — Я был в Гаррет-Кроу. У меня есть фотография... Клара хорошая! И совсем не сумасшедшая! Ей просто плохо!

Гарри Кэндл удивленно поглядел на сына. Неужели Томас так повзросел за какую-то неделю?

— Ты прав, — сказал отец. — Она хорошая... И ей не повезло. Но, к сожалению, она мне не поможет... У нее нет былых сил, остались лишь слабые отголоски...

Томми опустил голову. Это была правда. Клара сказала ему то же самое.

— Но что мы можем сделать? — спросила Кристина, едва не плача. — Хотя бы что-то!

— Есть кое-что, — сказал отец, оглядываясь по сторонам, будто неожиданно ощущив сквозняк и выискивая, откуда же дует. — И надеюсь, это сработает. Джозеф приходил недавно — он почему-то подумал, будто я могу уйти отсюда. Нет! — Гарри предвосхитил вопросы детей. — Не из зеркала, а с чердака. С моей стороны — в зазеркалье. Он так боялся, что начертил круг вокруг зеркала. Вы видите его?

Томми и Кристина кивнули — они видели.

— Вам нужно как-то прервать его и... еще кое-что...

— Что нам сделать, папа? — спросила Кристина, тапочками стиная мел с дощатого пола. — Мы все сделаем.

— Ключ от двери чердака, — сказал Гарри. — Он ведь у тебя, Кристина? Покажи мне его.

Кристина достала из кармана ключ и поднесла его вплотную к зеркалу.

— Но как я его тебе дам?

Она попыталась засунуть ключ в зеркало, но тот лишь стукнул по твердому стеклу.

— Видишь дедушкин письменный стол? Спрячь ключ в верхний ящик. Только сделай это так, чтобы я видел...

Кристина последовала указаниям. Она медленно и аккуратно положила ключ в ящик стола.

Дождавшись кивка дочери, Гарри Кэндл подошел к отражению стола. Он выдвинул верхний ящик и издал торжествующий возглас: ключ был на месте. Отец достал его и показал детям.

— Сейчас попробуем... — пробормотал Гарри Кэндл и двинулся к отражению чердачной двери. Засунув ключ в замочную скважину, он повернул его. А затем распахнул дверь. Из проема текла клубящаяся чернильная темнота.

— Вышло!

Томми вздрогнул: на месте папы он не стал бы так радоваться. То, что открылось за отражением чердачной двери, ему совсем не понравилось, и шагнуть туда, в эту кромешную тьму, он не решился бы ни за что на свете — уж лучше оставаться на чердаке.

— А почему мы не могли просто оставить дверь приоткрытой? — спросил он. — Чтобы ты ее увидел. Она что, там не открылась бы?

— На этой двери стоит колдовской замок, — пояснил отец, — который заклят так, что его можно открыть лишь одним-единственным ключом.

— Но что нам теперь делать? — дрожащим от волнения голосом спросила Кристина.

Гарри Кэндл вернулся к зеркалу. Выглядел он решительным, но вместе с тем и озабоченным:

— Дети, теперь слушайте меня внимательно, — сказал он строго. — Когда я выйду за дверь со своей стороны, вы должны снова замкнуть круг мелом и запереть чердак. Верните ключ на место — Джозеф не должен его хватиться. А после этого... ничего не предпринимайте. Я не хочу, чтобы вы рисковали собой. Послушайте! — Гарри поднял руку, пресекая возмущенные замечания детей. — Я знаю, что вы очень храбрые — вы помогли мне, хотя у меня не оставалось ни малейшей надежды на спасение. Когда уйдете отсюда, возвращайтесь к своим делам и ведите себя как ни в чем не бывало.

Постарайтесь обо мне не думать в присутствии взрослых, думайте о кленовом сиропе.

— О кленовом сиропе? — удивилась Кристина.

— Именно. Он вязкий, и мысли о нем — вязкие и липкие.

Никто не хочет влиться в них, поэтому, даже если мама, тетки или Джозеф попытаются заглянуть в них, они не смогут прочитать ваши мысли.

— Наши мысли? — испугался Томми. Ему вдруг отчетливо представилась тетушка Рэммора, открывшая небольшую поросшую волосами крышечку на его, Томми, голове и копающаяся в переплетении шерстяных ниток, вытягивая их по одной и пучками, пытаясь распутать и понять, что к чему. При этом тетушка Рэммора курила сигарету, стряхивала пепел в его голову, будто в пепельницу, и ворчала себе под нос: «Ничего не понять. Эти детские мысли... Какой ужас!»

— Как мы можем заниматься своими делами, пока ты заперт в зазеркалье? — возмутился Томми, не сводя взгляда с отца. — Если мама тебя здесь заперла, она что-то задумала! Что-то плохое...

— Да, я знаю, — угрюмо сказал Гарри Кэндл. — Но я уверен, что с вами она ничего плохого не сделает. Ее заботят лишь ковен Тэтч и Скарлетт. Попытайтесь как-нибудь передать тетушке Скарлетт, чтобы она, когда окажется в своей комнате одна, достала зеркальце и назвала мое имя. Я ей сам все объясню — она поможет. Большего от вас не требуется... Договорились?

— Но папа... — начали дети одновременно.

— Здесь скоро будут происходить неприятные взрослые вещи, — оборвал их отец. — Я не могу волноваться еще и за вас. Вы послушаетесь? Ради меня.

— Ладно, — нехотя сказала Кристина.

Томми молчал. Он пока еще не придумал, как помочь папе, но не сомневался: если как следует постараться, что-то

да придумается. А тот требовал не делать ничего! Как можно помочь, ничего не делая? Томми этого не понимал. Папа снова поступал как обычный взрослый, будто вовсе и не был в зеркале.

— Томас? — отец пристально поглядел на сына.

— Ладно, — вынужденно согласился Томми.

— Ничего не бойтесь, дети, — напоследок быстро проговорил отец. — Вы уже достаточно взрослые, чтобы ничего не бояться...

Он кивнул им и направился к двери. Вскоре отец исчез, захлопнув ее за собой. Отражение опустело.

Кристина набросила на зеркало полотнище и принялась искать на чердаке что-то, чем можно замкнуть круг. Вскоре в одном из ящиков стола она отыскала почти сточенный мелок и принялась царапать им пол, соединяя стертый ранее промежуток.

Томми с тоской глядел на нее.

— «Вы уже достаточно взрослые, чтобы ничего не бояться...» — проворчал он. — Но явно недостаточно, чтобы помочь. Это же глупо!

— Ты прав, — горячо согласилась сестра.

— Но мы ведь не будем сидеть сложа руки?

— Еще чего!

— Я попрошу мисс Мэри помочь, — заявил Томми.

— Твою тетушку Клару? — презрительно бросила Кристина. — Тетушка Мегана, тетушка Рэммора, тетушки Эдна, Уиллаби и Макриди... даже тетушка Скарлетт. Может, хватит с нас тетушек?

— Она хорошая, — настойчиво сказал Томми и, немного подумав, добавил: — Хоть и тетушка.

— Ладно, делай что хочешь.

— А ты? — спросил Томми. — Что ты будешь делать?

Кристина поднялась и вернула мелок на место. После чего подмигнула брату.

— Я буду колдовать.

— Ты — ведьма! — воскликнул он испуганно.

— Что? — оскорбилась Кристина. — Сам такой!

— Нет, я имею в виду, что ты тоже... ну, как мама.

— Ага, — простодушно кивнула Кристина.

— И тебя это не волнует?

— Не сильно! Меня больше волнуют твой длинный нос и язык, который длиннее этого носа.

— Ну да, они и правда длинные.

Томми улыбнулся, сестра улыбнулась в ответ.

Чарли Уиллинг открыл дверь и выглянул в коридор. Коридор был пуст. Интересно, куда это Томми так внезапно сбежал?

В любом случае Чарли решился. Ждать не имело смысла — ему представилась возможность, и с его стороны было бы очень глупо ею не воспользоваться.

Мальчик метнулся к кровати и открыл свою сумку. Оттуда он осторожно извлек пару старых и давно вышедших из моды коричневых туфель — когда-то они принадлежали его папе.

— Вы знаете, что делать, — сказал он, поставив обувь на пол.

Едва подошвы коснулись коврика у кровати, как туфли вдруг ожили и повели себя так, словно их напялил весьма легкомысленный и энергичный тип. Они стукнулись каблучками, крутанулись на месте и потопали к двери.

Чарли выпустил туфли из комнаты. Выскользнув в коридор, они повернулись, постояли пару мгновений, словно раздумывая, а затем двинулись куда-то в дальний его конец.

Мальчик поспешил за ожившей обувью. Та отдалась быстро, словно невидимка, ее натянувший, шел, широко, размашисто вышагивая. Вскоре туфли уперлись в небольшую

дверцу по левую сторону коридора и настойчиво стукнули в нее по очереди носками, мол, открывай, хозяин, мы знаем, что ты дома.

Чарли огляделся, закусил губу и повернул ручку. Когда дверь распахнулась, из-за нее крепко пахнуло гуталином. На выстроившихся ярусами от пола и до потолка полках разместилось множество различной обуви: мужской, женской и детской — башмаки, туфли, сапоги, были даже штиблеты и краги.

— Это всего лишь обувной чулан, глупые туфли! — разочарованно проворчал Чарли. — Нужно было взять вместо вас те, вишневые лаковые, — ах, как же они просились...

Мальчик закрыл чулан и укоризненно поглядел на свое-вольную коричневую пару. Туфлям явно стало стыдно, поскольку они тут же вздрогнули, вновь стукнулись каблуками и ринулись по коридору обратно, в сторону лестницы. Чарли побежал следом, чувствуя себя безвольным хозяином собачонки, которого неугомонный питомец тащит за собой.

Туфли вылетели на лестничную площадку — они так неслась, что не успели затормозить и врезались в перила. Коричневая пара встряхнулась, словно пытаясь прийти в себя, и ринулась вверх, на третий этаж.

На лестнице Чарли встретилась пожилая женщина в черном платье и огромной широкополой шляпе. Он замедлил шаг и пошел по ступеням спокойно — так, словно никуда больше не торопился. Провожая его укоризненным взглядом из-под лорнета, старуха лишь поморщилась и пожевала губами. На ранее пробежавшие мимо туфли она и вовсе, казалось, не обратила внимания, словно ничего необычного в ожившей обуви не было.

Поднявшись на третий этаж, Чарли огляделся, пытаясь понять, куда же делись туфли. И тут он услышал знакомый настойчивый стук — туфли стояли у одной из выходивших в коридор дверей и нетерпеливо шаркали у порога.

— Еще одна каморка? — подойдя, спросил Чарли и подергал ручку — дверь была заперта. Наклонившись к замку, он провел по нему пальцем.

«Все верно, — подумал мальчик, — на дверь наложены магические запоры: открыть ее можно либо специальным ключом, либо при помощи заклятия...»

Учитывая, что ключ у Чарли, само собой, отсутствовал, он выбрал оставшийся вариант.

Оглядевшись и убедившись, что в коридоре никого нет, он потер указательный палец одной руки о запястье другой. После чего провел накалившимся докрасна пальцем по замку вокруг замочной скважины, а затем наклонился и подул в нее. В следующее мгновение раздался щелчок, и дверь открылась.

Нырнув в темное помещение вслед за прошмыгнувшими туда туфлями, Чарли закрыл за собой дверь. Времени у него оставалось совсем немного, поэтому он не стал его терять и взглядом зажег газовый светильник на стене.

Это был рабочий кабинет. Коричневые туфли, чувствуя себя как дома, запрыгнули на кресло, а с него — на стол и расположились на нем так, как если бы вдруг оказались на чьих-то вальяжно закинутых ногах.

Чарли быстро подошел к столу.

— А ну, брысь отсюда, — велел он и стукнул туфли на пол.

Коричневая пара обиженно потопала на месте, но, не вызвав у Чарли ни жалости, ни сочувствия, зашокала каблучками прочь и бесцеремонно устроилась на диване, накрытом клетчатым пледом.

Чарли между тем поспешно разбирал бумаги на столе. Он пробежал глазами счета, колонки выплат и переводов. Кое-что заставило его удивиться.

— Значит, у тебя все же была совесть, — пробормотал мальчик, обращаясь к отсутствующему хозяину кабинета. — Тогда как же вышло, что... — он не договорил, тут же отыскав

ответ на свой недовысказанный вопрос. На полях были пометки, сделанные от руки: «*Деньги не доходят. Проверить*» и «*Джозеф?*».

— Ясно, — сквозь зубы процедил Чарли. — Кто же еще...

Мальчик быстро сложил бумаги и спрятал их в карман штанов. Затем он начал по очереди открывать ящики стола. Они были забиты различными рабочими тетрадями, письмами, документами и бухгалтерскими книгами под заглавием «*Свечная фабрика Кэндлов*». В одном из ящиков даже обнаружился старый револьвер Гарри Кэндла.

— Где же ты их спрятал? — в отчаянии проговорил Чарли. — Ты должен был все знать. Не мог не знать. Ты должен был оставить что-то... Какой-то след. Чтобы потом можно было отыскать, чтобы не потерять, чтобы не забыть... Да что с вами такое?!

Мальчик раздраженно повернулся к туфлям. Последние пару минут те, спрыгнув на пол, настойчиво отбивали стек возле одного из книжных шкафов.

— Угомонитесь уже, — строго велел обуви мальчик, но коричневая пара и не подумала слушаться.

Состроив гневное выражение на лице, Чарли подошел и схватил туфли. Они повисли на шнурках и начали дергаться в его руках, пытаясь вырваться и при этом тычасть носками в пол.

— Что? — Чарли вдруг понял. — Что там такое?

Он поставил туфли на пол, и те тут же принялись топать вокруг. Чарли опустился на колени и, закрыв глаза, провел рукой по паркетинам. Ему хватило и секунды, чтобы понять: тайник!

Не открывая глаз, он начал быстро ощупывать пальцами выступы и стыки в полу и, в какой-то момент подцепив подозрительный край одной из паркетин, потянул дощечку на себя. Вместе с ней поднялась секция пола примерно фут на фут.

Чарли открыл глаза и увидел квадратную металлическую дверцу сейфа. На ней стоял механический кодовый замок: восемь колец, которые нужно было выставить в определенном порядке. Чарли снова потер палец о запястье и, когда тот достаточно накалился, провел им по этим кольцам — они тут же закрутились сами собой. Да, с замками он умел управляться мастерски: кольца начали останавливаться по одному и остановку каждого сопровождал негромкий щелчок.

Когда раздались все восемь щелчков, Чарли, затаив дыхание, открыл дверцу. В сейфе лежали три коричневые папки и две перемотанные лентами связки писем. В одной связке были письма от некой Скарлетт Тэтч, в другой — от Виктора Кэндла. Письма Чарли не волновали. Больше его заинтересовали папки. В первой обнаружилось завещание, наследниками в котором оказывались лишь дети Гарри Кэндла, во второй — коллекция билетов на поезд (многие даже побурели от старости, а некоторые выглядели так, словно их купили пару дней назад: самому старому было пятнадцать лет, самому новому — полторы недели). Все в один конец. Станция посадки — Уэлихолн. Судя по всему, кое-кто вот уже много лет пытался сбежать из дома, но каждый раз почему-то так и не решался это сделать.

Понимающее вздохнув, мальчик открыл третью папку. Стоило ему прочитать заглавие одного из документов в ней, как глаза его загорелись радостью. Да, это было оно! «*Детский сиротский приют Святой Марии из Брентвуда. Свидетельство о взятии на попечение младенца*».

Чарли уже собирался подробнее изучить документы из папки, как тут раздался стук. Мальчик вздрогнул и испуганно глянул на дверную ручку, ожидая, что она вот-вот повернется и...

Снова постучали. Чарли спрятал папку под свитер, заткнув ее сзади за пояс, и поспешно вернул остальное содержимое

сейфа обратно, после чего закрыл дверцу и установил паркетины на место.

— Мистер Кэндл? — раздался из-за двери низкий мужской голос. — Это Людвиг Хамфри, мистер Кэндл! Откройте, нам нужно поговорить! Я знаю, что вы там: я слышу ваши шаги!

Чарли сжал зубы. Конечно, этот Хамфри слышит шаги, ведь неугомонные коричневые туфли по-прежнему бродили по кабинету, стучали каблуками, как солдатские башмаки. Мальчик поймал их и, крепко прижав к груди, замер.

«Что же делать?! — в отчаянии думал он. — Что теперь делать?!»

Впрочем, Чарли ничего делать так и не пришлось. На столе началось какое-то движение. Закрутилась ручка граммофона, которую потянули за собой лозы выроненного рядом горшка. Музыкальная пластинка принялась вращаться, на нее опустилась игла, и из рога в тот же миг раздались кашель и голос... такой знакомый голос...

— Кхе-кхе... — кашляла запись, прикидываясь Гарри Кэндлом. — Я, знаете ли, никого сейчас не могу видеть! Я несколько приболел... Простите, но к ужину не выйду. Уверен, ваши дела подождут до завтра. По крайней мере, они не стоят расплаззания по дому опасных микробов, которые сейчас здесь устроили логово! Будьте так любезны, передайте моей дражайшей супруге, что я выпил порцию порошка от ангины и жду следующую. Благодарю вас!

За дверью повисло недоуменное молчание. Оно превратилось в неуверенное шарканье, после чего к нему добавился голос:

— Как скажете, мистер Кэндл! Я передам. Надеюсь, к утру вам станет лучше. Я все же хотел бы до Большого Собрания обсудить с вами дело касательно возобновления предприятия, о котором вы мне писали.

— Да, я так и подумал. Благодарю вас!

Больше из-за двери никто не сказал ни слова и не издал ни звука. Спустя секунд пятнадцать игла граммофона поднялась, ручка перестала крутиться и пластинка остановилась.

«Хитро придумано, — оценил Чарли. — Интересно, зачем Гарри понадобилось подобное устройство? И где он сам находится? Может, взял да и сел на поезд отсюда, все же решившись наконец прокомпостировать билет, а столь изощренная иллюзия присутствия, как колдовской граммофон, была создана им, чтобы выиграть время и избежать погони? Что ж... если так, то удачи, Гарри, надеюсь, у тебя получится то, что ты задумал.»

Чарли отыскал все, что хотел. Поставив туфли на пол и погасив свет, он подкрался к двери и поглядел в замочную скважину: у порога никого не было. Стало быть, этот мистер Хамфри все же удовлетворился граммофонным ответом и ушел.

Засунув туфли под диван и скомандовав им: «Место!» и «Замрите!», мальчик приоткрыл дверь, выглянул в щелочку и, удостоверившись в том, что в коридоре никого нет, выбрался из кабинета и захлопнул дверь за собой.

После чего стремглав понесся к лестнице. Спину буквально жгла папка, которую он спрятал под свитером, а в голове прокручивалась лишь одна мысль: «Только бы Томми не вернулся раньше!»

Оказавшись в коридоре этажом ниже, Чарли застыл: Томми как раз подходил к двери своей комнаты. Он был не один, а с Кристиной. Они о чем-то говорили. Подойдя каждый к своей двери, брат с сестрой обменялись короткими фразами:

— Не попадись, — сказала Кристина. — Помни: кленовый сироп.

— И тебе удачи с твоим колдовством, — ответил ей мальчик. — Надеюсь, оно не вредное.

— Куда уж там... — проворчала Кристина и зашла в свою комнату.

Томми положил руку на дверную ручку.

— Эй! — крикнул Чарли, на ходу придумывая отговорки.

Томми удивленно повернулся к другу:

— Ты куда ходил?! — спросил он.

Чарли подошел.

— Тебя долго не было. Я подумал, не схватили ли тебя ваши пугала...

— Смешно, — хмыкнул Томми и вдруг погрустнел: — Эх, еще и комнату украшать — полвечера провозимся.

Чарли щелкнул пальцами и звонко рассмеялся.

— Открой дверь.

Томми так и сделал — и удивленно распахнул рот.

Комната была полностью украшена, даже пустые коробки стояли аккуратно сложенные в углу. В камине потрескивали дрова-кости, на полке замерли резные скелетики, занавески на окнах стали фиолетовыми, а письменный стол и стул были сплошь затянуты паутиной, по которой ползали заводные механические паучки. На подоконнике в двух старомодных серебряных кубках исходил паром горячий грог, а на тарелке лежало печенье в форме скалящихся тыкв.

Если бы сейчас рядом вдруг оказались известные фокусники Петровски, они, заглянув в комнату, с многозначительными улыбками сказали бы лишь: «Магия, и ничего проще», а после, довольные жизнью и ее сюрпризами, прошли бы мимо.

— В зеркале?! — воскликнул Виктор.

— Черт! — яростно процедила Кристина. — Ты не можешь еще громче орать, дурья твоя башка? Кто-то услышит...

Виктор закивал — и правда нужно вести себя потише. И все же сказать, что он был ошарашен, — значит существенно

преуменьшить то, что он ощущал, когда сестра поведала ему о произошедшем на чердаке.

Они стояли в чулане со швабрами и щетками — сейчас это место казалось им наиболее безопасным. И тем не менее Кристина то и дело косилась на некоторые щетки, опасаясь, как бы они не доложили матери о том, о чем она тут секретничает с Виктором. Почему-то сестра считала, что те на такое способны.

— Джозеф запер его в зеркале... — все еще не веря, прошептал Виктор.

— Да, и он действовал по указке мамы, — кивнула сестра. — Мама захотела от него избавиться... Ненавижу ее!

Виктор озадаченно покачал головой.

— Зачем ей это? — И тут до него дошло: — Разве что она признала о его переписке с тетушкой Скарлетт.

— Что еще за переписка?

Виктор вздохнул и рассказал сестре о неотправленном письме из кабинета отца. Кристина слушала, хмурясь и гневно раздувая ноздри.

— Все ясно, — сказала она, когда Виктор договорил. — Теперь понятно, почему папа попросил передать Скарлетт, чтобы она, как приедет, взяла зеркальце и назвала его имя. Конечно же, мама знает... Вот и заперла его в зеркале — странно, что и вовсе не убила.

— Ты что, ее оправдываешь? — возмутился Виктор.

— Еще чего! Просто, зная маму, я бы не удивилась, если бы она его убила. Она же не любит, даже когда ее просто не слушают, а тут такое... Мама способна на ужасные вещи — мы это узнали после разговора с гоблином. Но сегодня я выяснила еще кое-что, от чего у тебя волосы встанут дыбом: то, что она сделала с Джозефом перед тем, как ты приехал...

Виктор недоуменно поглядел на сестру.

— А что она с ним сделала?

Кристина хмыкнула.

— А чем, ты думаешь, я сегодня весь день занималась? Я пыталась выяснить, что произошло с папой. Мы с тобой догадались про зеркало, еще когда забрались в кабинет. Но мне показалась странной одна вещь...

— Какая?

— Ты ведь говорил, что Джозеф упаковывал свою «картину» в библиотеке, так? А потом ночью волочил ее оттуда на чердак.

— Верно, — пока не понимая, к чему ведет сестра, сказал Виктор.

— Все дело в том, где находится кабинет папы, где библиотека и где чердак. — Кристина с намеком округлила глаза, но понятнее для Виктора ничего не стало, и она со вздохом объяснила: — Кабинет папы на третьем этаже. Дверь, которая ведет на чердак, тоже. Так зачем Джозефу, спрашивается, было волочить зеркало вниз, чтобы потом снова переть его наверх? Да потому что этот хмырь решил не послушаться маму. Она велела ему просто запереть папу в зеркале и оставить зеркало на чердаке, но Джозеф решил увезти зеркало и разбить его, представляешь? Хорошо, что мама вовремя узнала. Ой, как же она рассвирепела — жаль, я была на работе и не видела! В общем, мама засунула Джозефа в гроб — я не шучу! — а потом закопала этот гроб в саду. Я думала, что он два дня не вылезал из библиотеки, а он все это время был закопан! Потом, конечно, мама его раскопала, потребовала перенести зеркало на чердак и пригрозила, что «если Джозеф ослушается, она вернет его под землю и оставит там навсегда». К слову, от пребывания в гробу он и подхватил простуду.

— Но откуда ты все это узнала?

Кристина горделиво улыбнулась.

— Выпытала у Рэмморы. Я знаю, за какие ниточки поддергать, чтобы у нее развязался язык.

— Опоила тетушку? — догадался Виктор, и Кристина радостно кивнула.

— Когда Рэммора пьет шнапс из бабушкиных запасов, она становится сама не своя... Ну вот, — подытожила сестра. — Мы почти все знаем. Осталось придумать, как вытащить папу из зазеркалья.

— Да, делов-то, — проворчал Виктор. — Вытащить папу из зеркала — легче легкого...

— Я знаю, что делать.

— И что же?

— Рэммора выболтала, что в Крик-Холле сейчас гостит ведьма, которая превосходно разбирается в зазеркалье, потому что ходит не через камини, как прочие, а именно через зеркала. Как удачно вышло, что эта ведьма уже пару дней очень настойчиво пытается со мной подружиться — видимо, хочет через меня как-то подлизаться к маме...

Виктор кивнул, и сам не зная, с чем именно он соглашается: ведьмы, камини, зеркала — все это было явно выше его понимания.

— А мне что тем временем делать? Пока ты будешь выяснять у этой ведьмы про зеркала?

Кристина пожала плечами.

— Можешь заняться своим скучным расследованием — вряд ли ты мне чем-то поможешь. Разоблачи старикашку Биггля или еще кого...

Это прозвучало с таким пренебрежением, что Виктор снова, как и утром, почувствовал себя совершенно ненужным. Не успел он возмутиться, как Кристина бросила:

— Главное — продолжай делать вид, что ты ничего не знаешь и не понимаешь, и еще думай о кленовом сиропе: он вязкий, так никто не сможет прочитать твои мысли!

А затем выскошла из каморки.

Виктор вздохнул и, выждав немного, покинул чулан следом за сестрой. Думая о чем угодно, кроме сиропа, он вернулся

в свою комнату и взялся за записи. Занес в тетрадь все, что узнал, а потом открыл чистую страницу.

— Столько событий произошло... — пробормотал он. — Нужно разложить все по порядку, а уже потом думать, как поступить дальше...

Макнув ручку в чернильницу, он принялся писать:

«Мое появление в Крик-Холле спустя столько лет совпало с каким-то сложным и зловещим планом, который мама воплощает в жизнь. При помощи дядюшки Джозефа она избавилась от папы, заперев его в зеркале, а затем заманила в ловушку гоблинского короля Иаррана Ри. Речь идет о так называемом “Последнем Кануне” или “Вечном Кануне”. (Виктор на миг прервался и, скрипнув зубами, открыл последнюю страницу со странной записью, которую он не делал и загадку появления которой так и не смог разгадать, после чего вернулся к выводам.) Ключевой фигурой во всем плане служит некий Иероним, которому мама должна отдать на съедение какую-то Деву-без-Матери. При этом поблизости действует опасная банда под предводительством некоего Сэра, одной из целей которой является “закрытие города”. Учитывая, что папа не может быть этим Сэром, то остается лишь один вариант — дядюшка Джозеф. Но в чем именно заключается его план в качестве Сэра? Или же он действует не от своего имени? Скорее всего, мама руководит им так же, как сам он руководит своими подручными... Как узнать правду? Что вообще можно сейчас предпринять? Что делать?»

Виктор поднял голову. То, что он записал, казалось ему таким зыбким и обманчивым... ошибочным. Что-то подсказывало ему, что он упускает нечто важное — то, что находится под самым его носом...

С улицы вдруг раздались автомобильные гудки. Виктор поднялся и подошел к окну. К воротам подъехала шикарная

красная машина. Было ясно, кто сидел в этой машине. То, чего Виктор боялся с самого своего возвращения, наконец произошло: она прибыла в Крик-Холл.

— Нет уж, Кристина, я не буду сидеть сложа руки или «заниматься скучным расследованием», — сказал Виктор. — Только не сейчас...

Швырнув тетрадь на кровать, он решительно направился к двери. Тетрадь раскрылась на середине. Последняя запись гласила: «*Что делать?*»

Виктор покинул комнату — он вдруг понял, что ему делать.

Город погрузился в сумерки и расцвел огненными лепестками, танцующими в фонарях. Мимо Крик-Холла пробежала собака, залаяла на подъехавшую к воротам машину и помчалась дальше.

Виктор выбежал из калитки, пригладил взлохмаченные волосы и попытался успокоить дыхание — он волновался так, словно в Крик-Холл прибыла сама королева. Хотя на самом деле в особняк прибыла лишь одна из его тетушек — вдова покойного двоюродного кузена мамы, Руфуса Кэндла.

Мадам Скарлетт Тэтч была великолепной женщиной и все делала с шиком и величественностью. А еще она была сказочно богата. Свое богатство тетушка сколотила, унаследовав состояния четырех или пяти собственных мужей. И тем не менее, несмотря на тянувшийся за ней шлейф из покойных супругов, она по-прежнему славилась весьма обширным кругом знакомств среди мужчин, и не простых, а лордов, министров, различных фабрикантов и миллионеров. Мама часто говорила, что Скарлетт своего не упустит, и это была правда: все, что возможно получить от жизни, тетушка Скарлетт непременно получала. Она останавливалась в лучших

отелях, посещала экзотические страны, присутствовала на элитных званых вечерах и ездила на самых дорогих машинах.

Вот и то, что стояло у ворот Крик-Холла сейчас, выступало явным свидетельством в пользу последнего. Таких машин Виктор не видел никогда. Ему предстал зеркально-алый двухдверный кабриолет со складной кремовой крышей, белыми шинами и серебристыми дисками колес. Это определенно был «Мерседес-Бенц», что явствовало из значка.

— Новая модель. Не удивляйся, милый, — раздался бархатный голос из салона. — Этот красавец будет выпущен лишь через десять лет. А пока хватит глазеть и открои даме дверцу!

Виктор последовал приказу, и Скарлетт Тэтч грациозно вышла из машины.

— Роджерс, — сказала она шоферу, — я полагаю, что задержусь здесь.

— Как будет угодно, мадам, — раздалось из машины. — Мне достать ваш багаж из кофр-багажника?

— Разумеется.

Дверца открылась, и из машины вышло нечто.

Виктор отшатнулся. Прямо перед ним стоял костюм. Все верно: не человек, а именно костюм! Накрахмаленная рубашка с воротником-стойкой и большими квадратными запонками на манжетах, иссиня-черные брюки и жилетка, бежевые перчатки на кнопках, отполированные до зеркального блеска лаковые туфли. Поверх пустого пространства, где должна была находиться голова, в воздухе висела шоферская кепка под цвет перчаток.

Костюм обошел машину и повернул серебристую ручку под запасным колесом, прикрепленным на торце кузова, а затем поднял крышку вместе с колесом. Из багажного отделения шофер начал извлекать лакированные чемоданы и шляпные коробки.

— Какой позор! — задорно воскликнула Скарлетт. — Мой шофер привлекает к себе больше внимания, чем я сама! Кажется, мое время уходит!

Виктор смутился и сделал гостью приятное: уставился на нее во все глаза. Тетушка вызывала у него трепет, он вдруг почувствовал себя крохотной полевкой, оказавшейся в поле зрения немигающих желтых глаз огромной совы.

Скарлетт Тэтч была высокой и стройной, одного роста с ним, поэтому Виктор был не слишком уверен в своей победе, если сейчас случится драка. А то, что эта женщина готова драться за внимание к собственной персоне, он не сомневался.

Еще бы, если учесть ее кроваво-красное облегающее платье и туфли в тон — вечерний туалет под цвет автомобиля:казалось, это не женщина вышла из машины, а всего лишь изящная деталь вдруг от нее отделилась. Медно-рыжие волосы тетушки были уложены по последней моде, длинные и острые булавки держали широкополую шляпу с дымчатой красной вуалью.

Выглядела мадам Скарлетт Тэтч великолепно и вроде бы не собиралась бросаться с кулаками на неловко топчущегося возле машины Виктора. По крайней мере, пока.

— Винсент, да? — спросила Скарлетт с лукавым блеском в глазах — она прекрасно помнила, как его зовут.

— Виктор, — поправил Виктор.

— Что ж, Винсент... — Скарлетт многозначительно кивнула на свои чемоданы, и Виктор в очередной раз подивился вместительности ведьмовских багажников: на тротуаре стояло около дюжины огромных чемоданов, кофров, футляров и коробок.

— Тетушка Скарлетт... — начал Виктор неловко — он не знал, как заговорить с гостьей о том, ради чего, собственно, и выскоцил на улицу, пытаясь перехватить ее прежде, чем она войдет в дом. — Я бы хотел... э-э-э...

— Чаевые? — удивленно приподняла бровь Скарлетт.

— Вовсе нет! — возмущенно ответил Виктор. — Вы ведь моя тетушка! Какие еще чаевые!?

— В таком случае...

— Я знаю о вашей переписке с моим отцом, — выпалил он.

Виктор знал, что с этой женщиной пройдет лишь вот так: огорошить ее, заставить замереть от неожиданности и хотя бы на мгновение приопустить маску великолепия и неприступности. Но он и не предполагал, как резко и неожиданно это прозвучит.

— Неужели? — лицо Скарлетт, проглядывающее под вуалью, приобрело недобродоре выражение. Ее глаза сузились, кожа натянулась на точеных скулах. — Я никому не пишу писем. Это мне все пишут.

Несмотря на высокомерный ответ тетушки, Виктор попытался еще раз:

— Я знаю, вы относитесь к нему с теплотой, но...

— Но она не распространяется на тебя, — отчеканила Скарлетт, чем вроде бы признала то, о чем говорил Виктор, хотя... с этой женщиной сказать наверняка было нельзя.

— То есть вы не спорите с тем, что вам есть до него дело?

— Положим, мне до многих есть дело... — осторожно сказала тетушка.

Виктор поморщился: ох уж эти увертки — мадам Тэтч была мастером признавать что-то, ничего не признавая.

— Тогда, может, вам есть дело до того, что его сейчас нет в Крик-Холле? — поинтересовался он.

— И где он? — коротко спросила она.

— Он в беде. И ему нужна ваша помощь.

— Моя помощь? — удивилась Скарлетт с таким видом, будто Виктор только что сказал какую-то невероятную глупость. — Почему именно моя? А как же его жена?

Виктор не увидел, чтобы его слова хоть как-то ее тронули.

— Мама-то как раз и виновна в том, что с ним случилось. Вы вряд ли мне поверите, но я все равно скажу: она заточила его в зеркале.

— Почему же, охотно верю, — сказала Скарлетт совершенно безэмоционально. — Но почему ты все это рассказываешь мне?

— Потому что он кое-что просил вам передать. — Виктор испуганно обернулся — в доме светились все окна, на их фоне чернели силуэты. Быть может, кто-то сейчас за ним наблюдает. Неважно! — Он попросил вас посмотреться в зеркальце, когда вы останетесь одна в своей комнате, и назвать его имя. Тогда он сам все объяснит...

Скарлетт Тэтч никак не отреагировала.

— Так вы поможете отцу? — уточнил Виктор. — Если вам не все равно, вы обязаны...

— Нет. Ты заблуждаешься. Не обязана, — жестоко оборвала его Скарлетт. — Мне стоит отправиться в дом, — сказала она. — А вам, молодой человек, — взять мои чемоданы. Здесь холодно, а меня ждут в доме.

Виктор понял, что эта женщина не выдаст своих истинных мыслей и чувств, даже оказавшись на костре. И пусть он передал ей просьбу отца, это не особо утешало: он так и не был уверен, что она поможет.

— Ждут? — рассеянно пробормотал Виктор. — Вряд ли кто-то знает, что вы уже прибыли...

— Дорогой мой Винсент, — сказала Скарлетт. — Меня ждут всегда и везде.

Судя по всему, решив, что разговор закончен, она развернулась и медленной походкой направилась к дому.

— Я хотел спросить вас об Иерониме! — бросил ей вслед Виктор.

Скарлетт застыла так, словно он грязно выругался ей в спину. Она тут же обернулась.

— Что ты сказал?

Вуаль мадам Тэтч заколыхалась, будто под ней началась буря.

— Иероним, — повторил Виктор. — Я полагаю, вы знаете, кому принадлежит это имя. Прошу вас, мне нужно знать...

— Что за интерес такой?

— Это личное, — уклончиво ответил Виктор. — Так вы скажете, чье это имя?

— Это не имя, — задумчиво ответила Скарлетт.

— Что же тогда?

— Акроним...

— Акроним? И как он расшифровывается?

Виктору показалось, что Скарлетт его дурачит. Он хотел получить ответ, сбив ее с толку, но, кажется, она успела взять себя в руки и теперь вряд ли ответит.

— Иер-ОН-Им, — тем не менее сказала она по слогам, видимо, поддавшись любопытству: интересно, к чему может привести этот разговор? — Что значит: Иерарх Оного Имени.

— Иерарх? Что это такое?

— Вот именно — «что», — кивнула Скарлетт. — Это не человек. Иероним из рода тех, кто живет под холмами.

— «Тех, кто живет под холмами»? — не понял Виктор.

— Ну же, дорогой, я ведь говорю о феи или, если угодно, эльфах. Ты разве не слышал о них?

— Слышал, — ошарашенно проговорил Виктор. — Но встречал только гоблинов. Вернее, одного. Его зовут Иарран Ри и...

— Железный Король? — приподняла бровь Скарлетт. — Но ведь он не гоблин...

Виктор выпучил глаза.

— Как это? Он точно гоблин — я уверен!

— О, дорогой, я надеюсь, один из самых грозных королей феи никогда не узнает, что ты называл его... фу, как грубо... гоблином...

Виктору вдруг вспомнилось, как Иарран Ри отреагировал, когда Кристина назвала его гоблином, и все же сейчас Ирландец его совершенно не заботил.

— Вы говорили об Иерониме, — напомнил он. — Так что же он такое?

— Иеронимы — это те, кто олицетворяют собой нечто... м-м-м... какое-нибудь явление, событие или еще что...

— То есть Иероним не один?

— Нет, их множество. Каждый Иерарх Оного Имени главенствует над названным в его честь явлением. Ну, или он назван в честь этого явления, что не так уж и существенно...

— Вы знаете какого-нибудь Иеронима?

— О, я знаю многих из них, — с ноткой самодовольства ответила Скарлетт.

Виктор вспомнил о «Деве-без-Матери».

— Иерониму приносят жертву?

— Иногда. Зависит от того, что тебе от него нужно. Например, я всегда лишь угощаю кого-нибудь из своих приятелей-Иеронимов бутылочкой «Шато-Марго», и обычно этого хватает. А с Декабрем я бы предпочла и вовсе никогда не сталкиваться, или вспомнить хотя бы Даму-из-Листьев или господина Месяца — они и вовсе...

— Дева-без-Матери, — перебил ее Виктор. — Вам что-то это говорит?

— Какая-то сирота? — спросила Скарлетт.

— Нет, я...

Виктор застыл. А почему, собственно, и нет?! Кажется, он понял, о ком идет речь. И это понимание ему весьма не понравилось.

— Иероним может съесть человека?

— О, он может делать вещи и намного, несопоставимо хуже. А в чем, собственно, дело?

— Ничего, я просто...

— Мой дорогой Винсент, откуда у тебя такой интерес к Иеронимам? — спросила Скарлетт подозрительно.

— Пишу статью.

— О, неужели? И, видимо, твоя мать не знает об этой статье, так?

Виктор понял, что разговор сворачивает в какое-то совершенно недобroе русло, и решил его закончить, пока Скарлетт Тэтч не применила какое-нибудь ведьмовство, чтобы вызнать у него правду.

— Полагаю, вы весьма замерзли, тетушка Скарлетт, — сказал он. — Вас что, больше не ждут?

Она поглядела на него заинтересованно. Впервые. Уголки ее губ тронула едва заметная улыбка.

— Меня уже заждались, — ответила Скарлетт. — Вот-вот начнется дождь. Поторопись с багажом.

Бросив на племянника задумчивый взгляд, мадам Тэтч направилась к дому.

Дождавшись, когда она переступит порог, Виктор обернулся и вдруг с удивлением понял, что машина исчезла. Как и шофер-костюм. Правда, багаж остался на месте. Глубоко вздохнув, Виктор схватил за ручки два чемодана тетушки Скарлетт и поковылял к дому.

А в это самое время вдалеке на холм как раз поднималась еще одна кроваво-красная машина, точь-в-точь такая же, какая стояла только что у ворот Крик-Холла. За рулем сидел Пустой Костюм, подле него обмахивалась веером дама в красном платье. Такая великолепная женщина, как Скарлетт Тэтч, просто не могла позволить себе явиться в гости всего лишь один раз. Или — кто знает — вдруг здесь крылось что-то еще?..

Мистер Ив проснулся, уставился в потолок и вдруг почувствовал такую тяжесть, как будто у него на груди стоял слон. Он опустил взгляд: слона в комнате не было — на груди лежала тетрадка...

Мистер Ив поморщился. Он не любил ни писать, ни читать, и тетрадка мгновенно вызвала у него неприятные

ассоциации: школа, школьная скамья, учителя и одноклассники — и все над ним потешаются. Мистер Ив раздраженно тряхнул головой — это ведь не его воспоминания: он никогда не стал бы заниматься глупостями вроде посещения школы! И уж точно никому не позволил бы над собой потешаться...

Мистер Ив взял в руки тетрадь и увидел, что она открыта примерно на середине. Вверху страницы было выведено кривым поспешным почерком:

«Саша».

Да, мистер Эвер Ив не любил читать, но был любопытен до крайности, поэтому даже он не мог не признать, что читать иногда все-таки нужно, иначе как узнать чужой секрет, если тебе в руки попала... ну, скажем, чья-то тетрадка или дневник, полный разнообразных личных тайн и секретиков. К слову, по мнению мистера Ива, все эти дневники и пишутся исключительно для того, чтобы однажды попасть в чужие руки.

Мистер Ив и не заметил, как погрузился в чтение. Вскоре выяснилось, что на Сашу у хозяина дневника был выделен в тетради отдельный раздел. В нем он, судя по всему, вел некий мелодраматичный учет, описывая в подробностях все те разы, что он видел Сашу после ее приезда. В этих заметках было больше личных переживаний и воспоминаний, чем, собственно, описания происшествий. Таких записей было всего пять, включая ее первое появление в доме:

«Сирил всегда был подлым, злобным выродком и не гнушался никаких мерзостей, чтобы меня позлить или унизить. Они с Мими потратили собственное детство только на то, чтобы максимально испортить мое. И теперь вот это: последняя

подлость! Он знал, мерзавец, как мне будет больно. Черт, как же хочется его придушить! А Саша...

Я не понимаю, как она могла?! Как могла взять и согласиться стать женой этого упыря?! Выбрать худшего во всем мире человека! И что она в нем нашла? Он ведь похож на гоблина! Проклятье, да Иарран Ри (хоть он и не гоблин, как выяснилось) в тысячу раз приятнее, чем этот подлый урод!

Что же тогда? Вряд ли Сирил относится к ней с теплом — скорее как к новоприобретенной собственности. Дело не в заботе. Тогда что? Деньги? Тетушка Мегана устроила так, чтобы ее любезные детки никогда ни в чем не нуждались... Все дело в этом? В ведьмовских капиталах Меганы? Даю голову на отсечение, что ее богатство — какая-то ловкая иллюзия, чтобы водить за нос портые в гостиницах, официантов в ресторанах и билетеров пароходных компаний. Правда, учитывая жизнь Сирила и Мими, все же весьма недурная иллюзия, надо признать...

Нет, дело точно не в деньгах, ведь Саша никогда такой не была...

Саша... милая Саша! Она ничуть не изменилась. Только прическа... Когда я видел ее в последний раз на станции Уэли-холна перед тем, как уехать в Лондон, у нее были длинные волосы. Ветер разметывал их по сторонам. Сейчас же она подстриглась коротко, по-мальчишески. Нужно признать, ей это весьма к лицу. Лучше подчеркивает огромные глаза...

Мне часто снились ее волосы, танцующие в воздухе, часто снилась ее хрупкая фигурка, застывшая на перроне и уставившаяся в пол, словно Саша и не знала, где и зачем находится, словно вдруг потерялась. Она так и не посмотрела на меня. Поезд тронулся, и Саша исчезла в стационном пару. Вместе с ней как будто исчезла и вся моя прошлая жизнь.

А я все глядел в окно, прижавшись лбом к стеклу, и у меня внутри все тлело.

Вот так я покидал дом, покидал Сашу, полагая, что большие никогда ее не увижу...»

Мистер Ив промокнул выступившие на глазах слезы уголком одеяла, после чего метнулся к столу и схватил несколько печеньшек с тарелки. С запасом сладостей он вернулся в кровать, вгрызся в печенье, не обращая внимания на то, что оно крошится прямо в постель, и продолжил чтение. Его ожидала вторая встреча с Сашей...

«Когда-то она носила старые штопаные юбки и растянутые кофты, а этим вечером появилась как настоящая дама: в платье и дорогом пальто с серым мехом — очевидно, Сирил раскошелился.

Мы столкнулись на лестнице. Я заступил ей дорогу, но она просто попыталась обойти. Я не хотел отпускать ее, пока она не скажет хотя бы слово. Не в силах себя контролировать, я схватил ее за руку. Она вырвала руку и, не глядя на меня, продолжила свой путь вниз, а я, как набитый дурак, стоял и смотрел ей вслед — как семь лет назад смотрел на нее, уезжаю...

Но, как и семь лет назад, она ничего не сделала. Я ведь притащил ее тогда на вокзал в надежде, что она остановит меня, не даст уехать, но все было тщетно. И я уехал. В этом городе для меня больше не было места. Я больше не мог терпеть равнодушие, не мог насилино заставлять Сашу меня любить.

Когда мы с ней познакомились, она была совсем другой. Живой, горячей, искренней... настоящей. Потом в один момент с ней что-то случилось. Ее взгляд утратил любую волю к жизни. Она будто опустела. Да, Саша походила на себя прежнюю, но не более чем висящий на стене портрет напоминает того, с кого он был написан. Красивая картинка, а пытаешься сорвать ее, заглянуть за холст — и ничего не видишь, кроме холодной кирпичной кладки.

Она перестала говорить. Совсем... Я спрашивал, что случилось, как ей помочь, чего она хочет. А она молчала. Я бесился,

выходил из себя и кричал, но она даже не плакала, просто глядела мимо. Словно спала на ходу. Ела и пила без особого желания, будто вынужденно, перестала читать, притом что раньше книги были ее страстью. Перестала гулять и мечтать. Я полагал, что она перестала даже спать. Я боялся за нее, думал, что она заболела. Я спрашивал, что у нее болит, но она молчала. Я спрашивал, что я могу сделать, но она молчала. Я спрашивал, во мне ли дело, но она молчала. Я спрашивал, любит ли она меня, как раньше, но... Так продолжалось около месяца. А потом я все понял.

Мама. Она говорила, что Саша мне не подходит, но отказывалась объяснить почему. В этом доме никогда ничего не объясняли, лишь указывали, велели, требовали, запрещали. Мне просто запретили видеться с Сашей. Я ничего не понимал: почему мама все это начала не сразу, почему первые несколько месяцев после моего знакомства с Сашей она не была против нее?

Мама приглашала ее к нам в гости, позволяла мне возвращаться позже, если я собирался на свидание с Сашей, требовала, чтобы я всегда ее провожал, поскольку в городе, мол, небезопасно.

А потом маме вдруг заблагорассудилось познакомиться с родителями Саши. Саша призналась, что она сирота и выросла в приюте. Тогда-то мама и изменила к ней отношение. Начала строить козни, запрещала нам видеться, пересталапускать ее на порог. Начались скандалы. А потом Саша изменилась...»

Читая, мистер Ив хмурился все сильнее. Он уже догадывался, о чем идет речь, в отличие от глупого автора этих строк. Следующая запись была весьма странной — в ней описывалось это утро и то, что Саша не отражалась в зеркале. А Виктор Кэндл продолжал заливать душу чернилами и резать сердце краями страниц:

«...Саша и ее отсутствующее отражение... Еще одна странность и еще одна тайна, которая пока никак не поддается разгадке. Куда делось ее отражение? Сначала я думал, будто что-то не так с зеркалом в прихожей, но я проверил: Саша не отражается и в других. Ее отражения просто нет, как будто... Я полдня ломал голову над этой загадкой, перебрал множество вариантов и в итоге пришел к худшему. Кристина, наверное, сказала бы: “Ну разумеется, Вик, кто бы сомневался, что ты выберешь самое отвратительное!”, но я... я не могу это объяснить. Это просто ощущение... Нет — убежденность! Я убежден, что отражение Саши похитили!

И я знаю, кто это сделал. Чертов Сирил! То, что у Саши нет отражения, и то, что она согласилась стать женой Сирила, — связано. Я все пытался понять, зачем ему похищать ее отражение, и пришел к выводу, что, возможно, Сирил таким образом держит Сашу в плену.

Я знаю, что пытаюсь сейчас отыскать хоть какое-то оправдание тому, почему она ответила согласием Сирилу, но лучшей версии у меня нет.

Этот хмырь силой заставляет Сашу быть с ним! Она вовсе его не любит!

Не знаю, как именно работает это проклятое колдовство, но что-то мне подсказывает, что я на верном пути.

А еще мне кажется, что Сирил все это затеял не для того, чтобы мне досадить. Подобное слишком сложно для того, чтобы заставить меня злиться или ревновать. Нет, здесь кроется что-то большее...

Вспомнить только то, что мама говорила мне когда-то — она не желала видеть Сашу в этом доме. Что-то изменилось.

Мама... она точно приложила ко всему этому руку...

Мама...

Все дело в маме. (Мистер Ив хмыкнул — ну хоть что-то этот болван понял: всегда все дело в мамах!)

Ведь именно мама убила в Саше все чувства ко мне.

Тогда, семь лет назад, я думал, что она угрожала Саше. Встретилась с ней лично или написала письмо. Потребовала, чтобы Саша сама прекратила наши с ней отношения. Мама бывает очень страшной и убедительной, кому это знать, как не мне. Поэтому нетрудно было догадаться, что она могла сделать и что сказать Саше...

Но я не собирался так просто со всем этим мириться. Я устраивал ссоры, ругался с мамой и тетками, пытался за- получить на свою сторону папу и дядюшку Джозефа. Я не хотел расставаться с Сашей, а мама требовала именно этого. Саша, мол, вдруг перестала мне подходить!

Я кричал, что это не ее дело, что мне самому решать, и все в том же духе. Я не спускался к ужину, хлопал дверьми и всячески игнорировал правила поведения в Крик-Холле. Мне было наплевать на различные наказания, я ведь уже тогда был (или, по крайней мере, считал себя) взрослым. Мне было наплевать на то, “какой я подаю пример сестре и брату”, на то, что в доме младенец, а я устраиваю крики в коридорах и на лестницах. Было наплевать на то, что в доме “больная старенькая бабушка”. Несмотря на запреты, я сбегал и виделся с Сашей. Я считал, что вместе мы преодолеем все трудности, мы справимся со всеми, кто желает нашего расставания. А вскоре она изменилась...

Сперва я думал, что у нее просто плохое настроение, но время шло, и ничего не менялось.

Я嘗試... Черт! Как же я嘗試! Но ничего не выходило, и в итоге я опустил руки. Когда понял, что мне не победить, что все бессмысленно, я собрал чемодан, купил билет и уехал, полагая, что навсегда.

Что ж, учитывая все то, что я знаю сейчас...

Саша любила меня — по-настоящему, в этом нет сомнений. И вряд ли какие-то угрозы смогли бы убить в ней это. Столь неожиданно, столь резко и жестоко, как удар дверью по затылку.

Но любовь бессильна, когда в дело вступает ведьма. Теперь я знаю, кто такая мама. Ей не нужно было угрожать. Она просто сотворила какое-то заклятие или сварила зелье нелюбви... или как там это у них называется... чтобы Саша меня разлюбила. И она разлюбила.

А теперь эта же самая ведьма, без ведома которой ничего не делается в этом доме, вероятно, заставляет Сашу выходить замуж за этого хмыря. Вот только никак не пойму, зачем ей все это нужно. Уж вряд ли чтобы сделать приятное Сирилу — на такое мама точно не стала бы тратить время.

И на что же она рассчитывает? Что я буду просто смотреть на то, как Саша претворяет в жизнь мой худший ночной кошмар — выходит замуж за Сирила?

Нет уж. Один раз я уже бросил ее, как трус, но во второй — не дождешься, мама!»

Мистер Ив довольно хмыкнул: он по достоинству оценил столь смелое решение — пойти против матери. Надо признать, он и сам бы с удовольствием пошел против собственной, если бы мог. Конечно же, в мыслях, а не на самом деле, ведь так было значительно безопасней — с его мамой тоже было лучше не связываться.

Дальше Мистер Ив уже не мог оторваться от чтения — записи его полностью захватили. Он не заметил, что в какой-то момент надкушенное печенье выпало из его руки и, крошась, исчезло в складках одеяла.

«Только что снова произошло кое-что странное.

Кристина, две ее подружки из кафе “Брауни Инн”, а также Томас и незнакомый мальчик под руководством дядюшки Джозефа развешивали в саду фонари и зажигали их один за другим.

Саша с Сирилом вышли прогуляться по саду. Я видел через окно, как она держала его под руку.

За парочкой “влюбленных” по дорожке следовала кузина Мими. Толстуха была так зла, что даже пританцовывала, ее ненавидящий взгляд и искаженное от ярости лицо выдавали ее с головой. Было очевидно, что она просто терпеть не могла невесту брата. Ясно, что Мими ревновала и пыталась строить козни — еще бы, ведь Сирил, мол, принадлежит только ей, а тут появилась какая-то девчонка, которая украла его у нее.

У меня даже появилась мысль, а не попытаться ли привлечь кузину на свою сторону и вместе избавить Сирила от Саши, вернув для Мими “все, как было”, но потом я вспомнил, что с Мими Кэндл лучше не заключать никаких сделок: любую договоренность она всегда превращала в подлость и порой была даже хуже, чем Сирил.

И тут же Мими это подтвердила. В какой-то момент, не выдержав счастливого щебетания брата, она подбежала и неожиданно вцепилась в волосы Саши, что-то крича. Сирил не стал защищать свою невесту — происходящее показалось этому ублюдку забавным. Вместо того чтобы остановить Мими, он принялся отпускать остроты, явно потешаясь над обеими. Саша при этом, несмотря на то что ее тягали за волосы, даже не пыталась отбиваться.

Я уже решил было броситься в сад, чтобы спасти ее от этих упырей, но не успел даже сдвинуться с места. На крики прибежала Кристина и, увидев происходящее, не на шутку разозлилась. Она резко вскинула руку и что-то сказала, видимо, веля Мими отпустить Сашу, — и толстуха-кузина на удивление сразу же послушалась, после чего Кристина повернулась к Сирилу, что-то сказала и ему, и тот в эту же секунду словно подавился своим смехом.

Я даже не успел понять, что случилось, как Сирил, схватив Сашу за руку, ретировался. Следом за ним, поджав хвост, ринулась и Мими. Даже из своей комнаты я видел, как они перепуганы.

Кристина! Сирил боится ее! Она мне поможет...»

Мистер Ив поспешил перевернуть страницу. Предыдущая запись — события в саду — была совершенно неважной и не относилась к общей картине происходящего. Более важным или, если точнее, *самым* важным оказалась запись следующая:

«Я все понял!
Все сложилось!
Это заговор!

Как я и думал. Только я все никак не мог понять, что здесь творится. Спасибо за подсказку этой высокомерной Скарлетт Тэтч.

Иероним. Иерарх Оного Имени. Все встало на свои места. Все оказалось так просто, что...

Есть некая тварь, то ли дух, то ли эльф (до сих пор поверить не могу!)... в общем, какая-то потусторонняя сущность, которую завлекли в этот дом. Все эти непонятные интриги, все козни — все было лишь для того, чтобы заключить сделку с Иеронимом. И у этой ужасной женщины... мамы... припасена для него жертва.

“Дева-без-Матери, которую отдадут на съедение Иерониму”. Скарлетт Тэтч предположила, что это какая-то сирота. И как я сам не понял?! Это же было так очевидно! Проклятье!

Мама планировала все это еще семь лет назад. Учитывая, что ее отношение к Саше изменилось сразу после того, как она узнала, что Саша — сирота, очевидно, она планировала все уже тогда. Маме нужна была жертва (Дева-без-Матери), и у нее на пороге так удачно появляется эта самая Дева, возлюбленная ее сына. И вот тут уже возникает вопрос: было ли все это “удачно” и появилась ли Саша в моей жизни случайно? Или нет?

Стоп. Хватит. Хватит гадать, что и как было в действительности семь лет назад. Есть вещи более важные и срочные, чем копание в прошлом.

Саша — это заготовленная жертва. Сирил и Женитба — скорее всего, просто отвлекающая внимание ширма. Безумная...

безумная женщина... Наверное, папа понял, что она задумала, и...

Хватит! Уже не до рассуждений и расследований! Пора действовать...»

На этом месте записи обрывались. Последние написанные слова и так уже были едва читаемы, как будто рука писавшего утратила твердость. Строки расползались, буквы растекались, словно хозяин дневника заснул прямо над своей работой.

Мистер Ив вдруг заметил кое-что странное. Он провел пальцем по сгибу страниц. Из сгиба посыпались крошки. Нахмурившись, мистер Ив начал обыскивать постель. Его цепкий взгляд пытался обнаружить некую вещь, единственную, которой не хватало, чтобы подтвердить его внезапную догадку.

— Где ты? Где же ты? Ты должна быть где-то здесь...

Мистер Ив отбросил в сторону одеяло и обнаружил чернильную ручку. Ручка потекла, и вокруг ее пера на простыни расплылось фиолетовое пятно. Чернила уже успели высохнуть. Вероятно, Виктор Кэндл писал свои наблюдения и ел печенье. И вдруг уснул... Печенье с этим едва уловимым гадостным привкусом снотворного зелья...

— Вот ведь чертова ведьма... — со смесью гнева и уважения в голосе проговорил мистер Ив, слизнул с губы крошку печенья и в тот же миг уснул.

Тетрадь, по-прежнему раскрытая на страницах раздела «Саша», упала ему на грудь.

Около девяти часов вечера погода испортилась и хлынул дождь.

Мистер Стюарт Биггль, кутаясь в свое старенькое пальто, вошел в дом на холме. Никто не окликнул его: ни люди

в красивых костюмах, курившие под зонтиками у двери, ни домочадцы. Он просто взял и зашел, и никому не было дела. Никого не волновало, что с его зонтика вода капает на пол — хозяева были слишком заняты гостями и приготовлением ужина, а гости, собственно, пребыванием в гостях.

Сложив зонтик и засунув его под мышку, мистер Биггль оглядел наполненный светом и теплом холл.

С полуза�отой тоской он различил все те явные и характерные черты ведьминского дома в ожидании шабаша. Каминны пылают, все лампы зажжены, пыхтят дымоходы. Изо всех концов особняка раздаются голоса. Повсюду суeta и волнение. Мало кто может найти себе место. Мало кто признается в этом. Кругом одна фальшь: нарочитость улыбок, наигранность гримас, искусственность голосов, поддельность жестов. Все в ожидании...

Мистер Биггль прошел мимо двух мальчишек, застывших у «Расчудесного самораскладного пугала» в длинном старом пальто, мешковатых штанах и изъеденном молью цилиндре на голове-тыкве. Задрав головы, дети глядели на пугало с опаской и подозрением. Они о чем-то перешептывались и явно что-то затевали. Мистер Биггль лишь усмехнулся — все эти пугала с фабрики Зеркала уже стоят едва ли не в каждом доме. Несколько самых больших городская мэрия даже выставила у входа в здание вокзала и на главной улице. Вот будет потеха!

Старик застыл на месте, пропуская вальяжно прошедшего мимо него из кухни в гостиную кота с повязкой на глазах. Незваный гость многое знал о кошачьих глазах, но сейчас ему крайне повезло: это ведь какое славное совпадение — кот с завязанными глазами!

Мистер Биггль уже направлялся к лестнице, когда кто-то его легонько оттолкнул в сторону. Он резко обернулся, собираясь либо поднять свару, либо попытаться замять историю, но наткнулся на самое дружелюбное и привлекательное лицо,

какое только можно было представить. Обладатель этого лица улыбался ему от уха до уха так, что тоненькие чернильные усики разъехались в стороны. В руках незнакомец держал блюдо с еще горячим и неимоверно пахучим имбирным печеньем.

— О, прошу простить великодушно, милейший! — зашебетал он. — Не в обиду вам, но сугубо... Уж простите мне мою неловкость. Каюсь! Каюсь перед вами: да, хотел пнуть. Но не вас, о нет! Хотел пнуть, да посильнее, эту дражайшую мадам.

Мистер Биггль обратил внимание и на «дражайшую мадам». Стоявшая рядом с незнакомцем стройная женщина в вечернем платье была похожа на какую-то известную актрису театра, глядя на которую вроде как узнаешь ее, но никак не можешь вспомнить имя. Мадам одарила спутника усталым и томным взглядом. При этом, стеснительно улыбаясь кончиками губ, она потянула блюдо с печеньем, которое тот держал в руках, на себя.

— О, полагаю, этому господину не интересно, что ты там хочешь, Фёдор! — сказала она. — Я сама его донесу.

— Нет, оно мое, вот я и донесу, Мария.

Невероятно обаятельный мистер с русским именем Фёдор каверзно прищурился, да так сильно, что морщинки в углочке глаза соприкоснулись со складочкой улыбки.

— Это мы еще поглядим! — Мария игриво подмигнула ему.

О взаимную любовь этих двух странных людей можно было обжечься. Мистер Биггль смущался, наблюдая за тем, как безумная парочка ринулась вверх по ступеням, прямо на ходу продолжив играть в свою нелепую игру.

Старик глубоко вздохнул и двинулся следом, глядя себе под ноги. Он прекрасно знал, куда ему нужно, он ни за что не мог ошибиться, ведь его тянуло сюда, манило, словно магнитом...

Мистер Биггль грезил этим местом, оно снилось ему каждую ночь. У обычных людей подобное называется навязчивой идеей, манией, но Стюарт Биггль не был обычным человеком. Уже давно. Свидетельством этого выступало то, что он прятал под одеждой. Все тело мистера Биггля было испещрено замочными скважинами различных форм и размеров. Они чернели у него на спине и груди, на боках и животе, на руках и ногах. Эти скважины пахли металлом и машинным маслом, которым он смазывал их, будто кремом, чтобы ключи не скрипели. Да, обычные люди подобным похвастаться не могут...

Медленно поднимаясь по ступеням, держась одной рукой за перила, а другую нервно сжимая в кармане, мистер Биггль вдруг задумался о вещах, которые совсем недавно его не волновали: о том, что ему есть чем гордиться в жизни, есть чего стыдиться, есть о чем сожалеть. И последнее имело прямое отношение к цели его прихода в этот дом. Кажется, в пробуждении воспоминаний были виноваты эти случайно пронесшиеся мимо Фёдор и Мария... Эти безумные русские — огненные узлы душ в коконах человеческих тел... Да, скорее всего, они. Живые, настоящие... Напомнили ему...

Стюарт Биггль когда-то был человеком, причем не простым. В его жилах текла кровь древних обитателей этих земель, густая, как кисель, и темная, словно сургуч. Раньше он был колдуном, входил в некогда очень влиятельный ковен Кроу и имел при нем даже особую должность. Ключник... Подобным не мог похвастаться ни один другой ковен. А все потому, что в других ковенах не было его и его особого таланта.

Еще в раннем детстве Стюарт Биггль заметил за собой некую особенность: он был способен проникать за любые двери, открывать любые замки. Или закрывать их так крепко и надежно, что никто больше не мог с ними справиться.

Сперва он не видел в этом ничего странного, полагая, что все так умеют... Оказалось, далеко не все.

Его несравненный, редчайший дар был высоко оценен мадам Кроу, а мистер Биггль был счастлив находиться при особе Верховной ведьмы ковена и оставался верен ей до самого конца. Он отличился во время войны с Ратте: именно благодаря его искусству мышиные солдаты германских ведьм так и не нашли особняки Кроу и их союзников Кэндов...

Да, в свое время он запер множество дверей, не меньшее количество их он отворил. А потом случилось то, чего он боялся. Он ведь предупреждал мадам Кроу, что ей не нужно это дурацкое соглашение. Что они справятся без Кэндов. Но Верховная не послушала — она говорила, что у нее есть план, как разорвать договор. И вот, вскоре после того как война закончилась, госпожа София Кроу пришла к нему с просьбой. Он не смог ей отказать, ведь она поймала его в простейшую ловушку: поставила под сомнение его ремесло, его искусство. Каких только замков он не сделал, каких только ключей не выточил, но то, что ему предлагалось совершить, было поистине чем-то запредельным. Его ослепили любопытство и желание совершить невозможное. Госпожа попросила его изобрести замок, который можно открыть лишь одним-единственным ключом, и замок этот должен был запирать все не двери или окна. Он должен был запирать человека.

И мистер Биггль сделал это. Создал замок и вручил ключ своей госпоже. Вот только этим он подписал приговор и себе самому. Заполучив ключ, мадам Кроу избавилась и от самого ключника — она боялась, что он сможет сделать новый ключ, способный однажды открыть клетку, которую она планировала запереть навсегда. Его усыпили и положили в гроб. А гроб закопали. И вот так, закопанным заживо, он и оставался, пока «заживо» постепенно не превратилось в «замертво».

А потом к нему пришел Сэр. Ткнул его в плечо, прямо сквозь толщу земли и крышку гроба, и сказал: «Эй, парень, как тебе там, на дне уютненькой могилки? Неважно, да? Я сегодня добрый, и у меня как раз настроение подарить кому-нибудь второй шанс. Почему бы и не тебе, верно?»

Сэр извлек его вместе с гробом из могилы, но выпускать не стал, сказав лишь: «Связка ключей в кармане», тем самым предоставив мистеру Бигглю возможность выбраться самому.

Стоило старику повернуть свой первый ключ после возвращения — ключ, открывающий его собственный гроб, — как на его теле прорезалась самая первая замочная скважина. Ключ, проворачивающийся в замке гроба, проворачивался на самом деле в его груди, и этого ощущения, он был уверен, он не забудет никогда: будто сверло медленно ввинчивается в ребро.

Первый ключ, первая замочная скважина... После их было еще множество, и только боль оставалась прежней — такой себе побочный эффект от использования «второго шанса». Так мистер Биггль стал служить Сэру, он перестал быть человеком, хоть внешне и оставался очень похож на себя прежнего.

Время шло, и однажды Сэр кое-что придумал. Некий план. Очень-очень долгосрочный план. Для исполнения замысла Сэру понадобилось больше помощников. До того как к Сэру присоединился он, Стюарт Биггль, тот обходился одним-единственным помощником. Фонарь исполнял его прихоти больше сотни лет, пока окончательно не свихнулся и его не заменил его же собственный сын...

Фонарь и Ключ верно служили Сэру, но их было мало, и так появились другие — бывшие мертвецы Метла, Шляпа и Котел. Последним присоединился Зеркало. Теперь их было шестеро, и все они стали шестерenkами в плане Сэра.

А потом, двадцать шесть лет назад, произошло несколько событий: хозяин вдруг исчез — то ли умер, то ли заснул, и при

этом все его Вещи снова вроде бы стали людьми. Странные возвращенцы позабыли о своем «втором шансе», о своей новой, всученной им сути. Так они и существовали, пока одновременно не пробудились всего неделю назад. Сэр вернулся. И они вернулись...

И вот план Сэра уже близок к завершению. Ему, Стюарту Бигглю, пришлось знатно побегать эти несколько дней, но оно того стоило. Он выполнил возложенные на него Сэром обязанности одним из первых, и, так как дело оставалось за Котлом и Зеркалом, Ключ позволил себе вспомнить о собственных, еще прижизненных интересах...

Мистер Биггль поднимался по лестнице Крик-Холла, все приближаясь к замку, который невозможно открыть.

На лестничной площадке в стене было пробито окно, выходящее в сад. На подоконнике рядышком сидели две девушки: одна помоложе, другая... попрежнеменее. Обе — ведьмы. Мистер Биггль мгновенно узнал некоторые неприметные для прочих, но весьма явные для него признаки и черты, отличавшие этих девушек от других — простых — людей. Глубина и яркость глаз, едва уловимый переливчатый блеск волос: если чернь — то беспросветно-вороной, если белый — то цвет полной луны. Но главное — в них проглядывало нечто звериное или, скорее, стихийное...

Молодые ведьмы обсуждали какие-то коренья. Собирались готовить то ли суп, то ли зелье — с этими женщинами никогда не возмешь в толк. На старика, с одышкой поднимающегося по лестнице, они даже не взглянули.

Мистер Биггль пропустил второй этаж и, не останавливаясь, направился на третий. Поднявшись, он на мгновение застыл в плохо освещенном коридоре. Страх и надежда наполнили его.

Переместив сложенный зонт из одной подмышки в другую, старик затопал к тупиковой двери. Вскоре у него на пути встал еще один замок. Обычный. Никакая не преграда.

Щелк-щелк! Ключ крутится в замочной скважине. Петли недовольно скрипят, дверь открывается. У мистера Биггля перехватило дыхание от волнения. Вот и он! Вот и его роковой замок!

У окна, на фоне идущего за ним дождя, стояла невысокая пожилая женщина в сером платье с узким подолом, стягивающим ноги в мышиных чулках тугим хомутом. Седые волосы были собраны в узел, закрученный спиралью, несколько прядей на висках и за ушами вились колечками. Старуха будто бы даже и не заметила, что в ее комнату кто-то вошел. Судя по всему, она даже не осознавала, где находится.

Мистер Биггль медленно двинулся к застывшей у окна женщине. Он все еще не верил, что это происходит наяву. Он ведь так ждал этого, так надеялся... и так боялся: вдруг созданный им ключ не подойдет?!

Обойдя ее, он замер. На обильно напудренном лице женщины застыло безразличное выражение. Пустой взгляд говорил о том, что старуха не в себе — в эти растянувшиеся для нее на годы мгновения она ни о чем не думала. Такое бывает у лунатиков, но женщина не спала. Она незряче глядела на дождь в окно. Это была Джина Кэндл. Спящая старуха. Ходячий труп Кэндл.

Именно Ключник ковена Кроу, колдун Биггль, создал замок, заперший сознание этой женщины в клетке, после чего она перестала жить и начала существовать, словно растение, как его любимый чертополох в горшке на окне. София Кроу лично велела ему запереть свою старую соперницу, но к заговору приложила руку еще одна ведьма, родная дочь этой женщины у окна... И именно она сломала ключ.

Мистер Биггль сжал кулаки от нетерпения. Сейчас ему не хотелось вспоминать, ему хотелось — нет, даже *нужно было* — действовать. Его не мучила совесть из-за того, что именно

он является причиной плачевного состояния этой женщины. Все его существо требовало как можно скорее освободить ее, но не потому, что она, ее меркнущее сознание где-то глубоко внутри этой оболочки, страдает. О нет, он всего лишь хотел проверить, подойдет ли его новый ключ к замку, который невозможно открыть.

Незваный гость снял с шеи пожелтевшую от времени бечевку, на которой висел обломок ключа, выточенный трещинка к трещинке к первому. После чего заступил Джине Кэндл за спину и осторожно прикоснулся к ее затылку. Та, разумеется, никак не отреагировала, и старик кончиками пальцев нашупал под волосами небольшое отверстие. Замочная скважина! Он близко! Он так близко!

Мистер Биггль убрал в сторону мешающие ему пряди Джине Кэндл и, затаив дыхание, засунул обломок ключа ей в затылок. В тот же миг откуда-то изнутри старухи раздался едва слышный металлический звон.

Половинка ключа в пальцах мистера Биггля чиркнула по половинке, застрявшей в голове женщины. Незваный гость немного поводил ключом, пытаясь на ощупь составить обломки двух половинок, и в какой-то миг ему это удалось. Выступы вошли в пазы, и половинка ключа, принадлежавшая Бигглю, обильно смазанная сильным магнитным зельем, вцепилась в застрявший обломок, словно бешеная собака — в горло человека.

Мистер Биггль возликовал. Пальцы его вздрогнули. Ключ был цел!

— А вот поворачивать его не нужно... — раздался шелестящий, словно шипение змеи, голос за спиной ключника.

Мистер Биггль от неожиданности резко вытащил ключ из затылка старухи, и тот тут же рассыпался металлическим крошевом. Джина Кэндл едва заметно дернула головой, отчего с ее лица посыпалась пудра.

С непониманием глядя то на обломки бесценного ключа, то на вздрогнувшую старуху, мистер Биггль вдруг ощутил, что веки его начинают наливаться тяжестью. Он понял, что попался.

— Ловушка, — только и успел прошептать Стюарт Биггль, после чего его сознание вдруг превратилось в грязную жидкость, бултыхающуюся на дне мутной бутылки. Он утратил себя, теперь был скован его собственный разум.

— Это твой роковой замо́к, — прошептал кто-то. — А вот это — твои инструкции.

В карман старого потертого пальто опустился коричневый конверт. Мистер Биггль машинально хлопнул себя по карману и поднял взгляд. Перед ним стояла женщина в фиолетовом платье и кокетливой шляпке на голове. Ведьма Кэндл. Старик никак не отреагировал.

— Ты сейчас уйдешь из этого дома, — сказала ведьма. — И не станешь оглядываться. Остальное узнаешь из конверта. Все понял?

— Да, мэм.

— Вот и славненько. — Рэммора Кэндл усмехнулась и едва слышно злорадно добавила: — Что, Корделия, съела?

— Простите, мэм, но я не знаю, — с отсутствующим видом сказал мистер Биггль, не уловив риторики.

— Чего ты не знаешь? — удивилась ведьма.

— Что съела Корделия, — механически ответил ключник. — Я не имел возможности присутствовать за обеденным столом.

— Пошел вон, — рявкнула Рэммора Кэндл.

— Откланиваюсь, мэм.

Стюарт Биггль словно во сне покинул комнату.

Дождавшись, когда дверь за ним закроется, Рэммора подошла к находящейся в прострации матери и прошептала ей на ухо:

— Почти-почти, верно? — Она коснулась подвитых седин у мочки уха старухи краем своей злой самодовольной улыбки. — Но не в этот раз.

Рэммора развернулась и направилась к двери. Надежно заперев ее за собой, она оставила мать в одиночестве. Старуха, как и до этого, стояла у окна и просто глядела на дождь. Но кое-что все же изменилось. Рэммора ошиблась. Очень ошиблась. Это был именно *этот раз*.

В глазах Джини Кэндл зажглись огоньки осознания.

Глава 3 Кое-что о Мэри

Мистер Грин, напевая свою любимую песенку «Каменистая дорога в Дублин», то притопывал короткими ножками, то картино вышагивал по коридору третьего этажа, направляясь к выделенной ему хозяевами комнате. Порой он замирал на месте и подбрасывал к потолку ключ, после чего, проявляя недюжинные чудеса ловкости (как ему казалось), ловил его и продолжал путь.

*В месяце июне славном дом покинул отчий я,
Пусть все девушки Туама будут помнить про меня!
А я руку отцу тиснул, мать родную приобнял.
Пинту пива выпил с верхом и тоску свою прогнал.
Я отправился по полю, прочь оттуда, где я жил,
Прут колючий — мой защитник от лихих и темных сил;
Пара башмаков грохочут при моем в них ходьбе,
По дороге в славный Дублин я шагаю налегке.*

*Заяц — ловок! Вот мерзавец! Так и не достался мне!
По дороге в славный Дублин я шагаю налегке.
Уэ́к-фо-лоллиа...*

У мистера Грина было прекрасное настроение, чего с ним под этой крышей еще не случалось. В Крик-Холле ему не нравилось буквально все: темные узкие коридоры, лестница, на которой всегда спотыкаешься, закопченные плафоны светильников, а еще сквозняки. Мистер Грин был ипохондриком и опасался любого дуновения ветерка. Но сейчас даже вид кажущегося бесконечным узкого, как труба, прохода с двумя дюжинами дверей и едва теплящимися лампами между ними не мог испортить ему настроение.

*Раз добрался в славный Дублин, ни о чем не сожалей!
Нет задорней здешних песен и приветливей людей.
По окрестностям гулял я с узелком лишь за спиной,
Оглянулся — что такое? Больше нет его со мной!
На красоток зазевался — мое сердце дало крен.
«Ладно, хоть живой остался», — рассмеялся полисмен.
Обещал поймать воришку, но не верил я лжецу.
Узелочек мой достался из Коннаута хитрецу.*

*Вор стащил мою поклажу, но ничуть не грустно мне,
По дороге в славный Дублин я шагаю налегке.
Уэ́к-фо-лоллиа...*

Мистер Грин хотел пуститься в пляс, но даже сейчас не мог себе этого позволить: ведь он не какой-то болван, бесцельно блуждающий по радуге вверх-вниз, он — почтенный джентльмен, в его ведении целый банк. Он должен держать марку. И все же почему бы и не выкинуть несколько коленец, пока никто не видит...

А ведь еще этим утром мистер Грин с тоской думал, как все ужасно и что ему вообще уже не стоит рассчитывать на обхождение, которого он заслуживает. Неотесанные портье, никакого почтения, а тот грубый тип и вовсе

пытался заставить его искать вход самому. Ну и к тому же его почему-то вынуждали слишком долго ожидать ужин — без объяснения причин! Пусть даже не надеются на чаевые!

Помимо прочего, и компания подобралась не слишком почтенная. Да, он знал всех этих людей, но предпочел бы не знать. Многие были давно вычеркнуты как из просто кредитного списка, так и из кредитного списка его доверия. Кое-кого из них он прежде едва ли не за руку ловил, когда они пытались запустить загребущие пальцы в его карман, другие тянули с выплатами, третьи злобно косились, отчего ухудшалось его пищеварение: ну и что из того, что у некоторых он забрал имущество за долги — так что же, ему теперь не ужинать?

Впрочем, сильнее всего мистера Грина раздражало назойливое внимание одной из хозяек этой жалкой провинциальной гостиницы, Меганы Кэндл. Упомянутая бессовестная женщина нашла легкий способ безнаказанно обирать такого уважаемого джентльмена, как он...

И все же сейчас, когда мистер Грин возвращался после ужина в свой «номер» (который, к слову, также мог бы быть и получше), он не хотел думать о плохом пищеварении, ворах, пронырах и должниках. И меньше всего он хотел думать о Мегане Кэндл.

*Вышел к берегу я моря, не страдая от потерь.
На земле одни несчастья! Буду плавать я теперь!
Капитан меня не слушал и сказал, что нет кают.
Но я ловко в трюм пробрался, пусть попробуют найдут!
И, конечно же, каюта для ирландца есть всегда:
Коль отплясываешь джигу, то моряк ты хоть куда!
Но отплыв из Холихеда, я вступил в «зеленых» клуб:
«Лучше б шел по дну пешочком, как нормальный синий
труп!»*

*Лежу в трюме, как селедка, и совсем не грустно мне,
По дороге в славный Дублин я шагаю налегке.
Уэк-фо-лоллиа...*

Хорошее настроение вернулось этим утром, прямо как солнечный лучик, вышедший из-за туч, чтобы развеселым зайчиком отплясать джигу на полированном боку котла с золотом. Мистер Грин всегда считал себя отъявленным везунчиком, но при этом страдал пораженчеством и сперва неизменно клял свою горькую судьбу, а после с пеной у рта нахваливал ее, когда все прежние якобы невзгоды оборачивались для него благами, а особенно — выгодами.

Вот и сегодня он уже думал, что день безнадежно утрачен, что, пока мадам Тэтч не приедет, в его жизни не произойдет ничего хорошего, но после случилось чудо. Чудо из породы лучших чудес: нежданных, сваливающихся на голову как гром среди ясного неба.

Конечно же, дело было в деньгах. В чем же еще? Мистер Фирч наконец вернул долг, и с большими процентами. Мистера Грина не заботило, откуда старикан взял деньги: убил ли кого ради них, ограбил или одолжил. Главное, что не наколдовал — и то хорошо. Фирч вернул всё, и прекрасные, замечательные фунты сейчас были плотно набиты в тайные карманы под зеленою жилеткой.

Лепрекон подошел к своей двери и, оглядевшись по сторонам, все же позволил себе пару раз дернуть ножками в джиге.

*Высадившись в Ливерпуле, землю я расцеловал,
Но моряк один селедкой ни за что меня назвал.
Кровь ирландская вскипела, и я вмиг рассвирепел:
«Оскорбив меня, скотина, ты же Ирландию задел!»
«Ну, держись теперь!» — я крикнул и ударил промеж ног,
Гэллоуэйские ребята помогли мне кто чем мог.*

*Всем матросам перца дали, смогли Дублин отстоять,
Вот так славно погуляли, каждый день бы так гулять!*

*Пусть подбит глаз и хромаю, но ничуть не грустно мне,
По дороге в славный Дублин я шагаю налегке.
Уэ́к-фо́-лолла...*

Допев, совершенно счастливый оттого, что у жизни есть такой замечательный он, мистер Грин, лепрекон, повернул ключ и зашел в свою комнату. Едва он закрыл за собой дверь, как сердце его дрогнуло, а в ушах зазвенел погребальный перебор струн кельтской арфы. Дыхание коротышки прервалось, и, схватившись за грудь, он опустился на пол.

Чувствуя, что умирает, мистер Грин дрожащими пальцами сорвал с шеи шелковый галстук и расстегнул ворот рубашки. С превеликим трудом он нашупал нательный крест на цепочке. В глазах потемнело, и лепрекон, будто слепец, стал тереть оберег пальцами, проверяя, на месте ли крестовина, на месте ли охватывающий ее круг, на месте ли выгравированная фигурка святого Патрика. Ведь если да, то как святой допустил то, что случилось?

Раньше, вплоть до сего момента, мистер Грин считал, что раз он не человек, то просто обязан быть на особом счету у святого Патрика, но сейчас, подползая к кровати на четвереньках, с ужасом осознал, как ошибался.

Мистеру Грину не нужно было заглядывать в тайник, чтобы мгновенно понять: его обокрали. Подло! Вероломно! Совершенно низко — пока он ужинал! Как так можно?!

Да, тайник был пуст. Не помогли ни запутывание следов, ни невидимость, ни отвод глаз. Иллюзорный саквояж с иллюзорным золотом по-прежнему стоял в гардеробе, а подлинный...

На кровати лежала какая-то бумажка. Какая-то записка. Мистер Грин в полубессознательном состоянии от горя вытащил из кармана лорнет и начал читать:

«Дорогой мистер Грин!

Рада сообщить, что ваши жалобы на плохое устройство “номера” услышаны, а рекомендации учтены. Все щели заделаны, из них больше не дует — можете убедиться в этом сами. В кровать добавлены еще три перины — вам больше не будет слишком жестко. Помимо этого, вид из окна, который вам казался “безысходно мрачным и совершенно неподходящим для хорошего пищеварения”, изменен. При помощи некоторых заклятий я нарисовала в небе за окном так вами любимую радугу. Можете теперь ею налюбоваться вволю.

Также я прибралась в комнате. Здесь было слишком много мусора. Чтобы не разводить вредных грызунов и прочих паразитов, я взяла на себя смелость выбросить один старый саквояж. Все его содержимое хранится там, куда я сваливаю весь прочий ненужный хлам. Если я совершила ошибку и выбросила что-то из нужных вам вещей, то вы сможете забрать их, но лишь перед отбытием и сдачей ключей. При этом я была бы очень рада, если бы вы не оставляли в жалобной книге никаких записей — зачем тратить драгоценные чернила, верно? От вас хватит и устного выражения ваших положительных впечатлений о пребывании в Крик-Холле и легкой ненавязчивой похвалы в адрес нашей почтенной хозяйки, миссис Корделии Кэндл.

На всякий случай я уточню (ведь порой вы проявляете недюжинную тупость). Только если я увижу вашу поддержку Корделии Кэндл на шабаше, я верну вам ваши хлам. Если нет, можете сидеть на кровати с вашими перинами, наслаждаясь отсутствием сквозняков, и любоваться вашей новой радугой, а потом собрать вещички и убраться прямо на эту чертову радугу. Надеюсь, вы поняли.

И еще. Здесь вам не гостиница, мистер Грин.

Со всем возможным почтением,
Мегана Кэндл

P. S. И поменьше трагизма...»

Но мистер Грин не внял совету из постскриптума. Он всплеснул руками и вскочил на ноги, застыв в театральной позе опереточной дивы.

Лепрекон в голос завыл. Затем он рухнул на пол и принялся биться головой о доски, после чего перекочевал к подоконнику, побился головой там и направился к стене. Страдая и плача, мистер Грин побился лбом о дверцу старинного гардероба, схватил записку, скомкал ее и бросился к двери.

Воя, крича и беснуясь, покраснев от ярости и напрочь позабыв о приличиях, он устремился по коридору, как подстреленная куропатка. Выпорхнув на лестницу, лепрекон пропустил вниз по ступеням, почти не соприкасаясь с ними ногами. Напоминая бесформенный комок эмоций, коротышка вылетел на первый этаж, после чего выскочил на улицу, под дождь, где плюхнулся в самую глубокую лужу и принялся в бессилии молотить по земле крошечными кулачками.

Эхо от немыслимых переживаний лепрекона еще долго доносилось до двух девушек, мимо которых он только что промчался.

— Что это было? — спросила Кристина, недоуменно вслушиваясь в доносящийся с улицы вой.

— О, это всего лишь Грин. К черту его... — презрительно ответила блондинка в серебристом платье, манерным движением поправив брошь в волосах.

Кристина была в восторге от ее прически — именно так, согласно последней моде, стриглись девушки в Лондоне и в Новом Свете: белые волосы обнимали голову изящными волнами, выдавая некий внутренний бунт и непокорность их обладательницы. Вечно ворчащий дядюшка Джозеф, вероятно, сказал бы, что подобная прическа вызывает лишь ощущение качки, сдобренной морской болезнью. Но что дядюшка Джозеф в этом понимал? Да и зачем вообще нужно его мнение, когда сама Джелия Хоуп дружит с Кристиной!

Кто бы мог подумать, что мисс Хоуп обратит на нее внимание! Еще два дня назад Кристина и мечтать о подобном не смела.

Джелия была старше, ей уже исполнилось двадцать три. Она носила восхитительные дорогие платья и приехала вместе с красавцем-братьем на кремовой машине-родстере, которой «Драндулет» и в подметки не годился. Джелия выглядела так, как хотела бы выглядеть и сама Кристина, и вела себя совершенно по-взрослому. Но главное — мисс Хоуп занимала в ковене важную должность: она была Девой ковена и правой рукой тетушки Скарлетт. Джелия принимала ключевое участие во всех церемониях и ритуалах, на собраниях общины подчинялась только Верховной ведьме, а прочие члены ковена всячески выражали ей уважение.

Любая девчонка на месте Кристины была бы просто счастлива общаться с такой, как Джелия, — прежние подружки, Дороти и Эбигейл, в сравнении с мисс Хоуп казались глупыми, провинциальными простушками. «Ты ведь скоро пройдешь инициацию и станешь одной из нас», — сказала Джелия, оправдывая свой интерес к Кристине, и Кристина была склонна ей верить: мама тоже считает, что инициация — это бог весть что, поэтому совсем выжила из ума и пытается всячески выслужиться перед всеми этими гостями. В итоге Кристина пришла к мнению, что, уж если сама Джелия Хоуп обратила не ее внимание, эта инициация все же не совсем бесполезная штука.

И вот они сидят рядышком на подоконнике лестничной площадки, как будто дружат целых сто лет. Общаются, шутят и обсуждают сад за окном.

— Еще не поздно передумать, — сказала Джелия, из-под длинных ресниц глядя на Кристину. — Ведь если что-то пойдет не так, миссис Кэндл будет винить меня.

— Но это ведь не так и опасно, если все сделать правильно, — беспечно ответила Кристина, высматривая что-то в саду. — Ты же сама говорила.

За окном шумел дождь, но здесь его стук казался всего лишь шепотом. Встревоженным, предостерегающим шепотом.

— Да, я говорила, — признала Джелия. — Но еще я говорила, что это наша с тобой тайна. Ты никому ее не выдала?

— За кого ты меня принимаешь? — оскорбилась Кристина. — Между прочим, я две последние ночи туда ходила и делала все, как ты велела. И никто до сих пор ничего не знает.

Джелия поглядела в окно. Уже было темно, и в саду горели фонари. Дождь стучал по камню дорожек и впивался в клумбы. Сидя здесь, в теплом доме, чувствовалось, как там, под открытым небом, холодно.

— Что ж, ты неплохо хранишь тайны, этого не отнять, — признала новая подруга. — Но умение держать язык за зубами не сделает тебя современной ведьмой, миличка. Нет, ну, может, здесь, — она сморщила носик, — в провинции, модные обряды еще не вошли в обиход и все делается в духе твоей бабушки, но в Лондоне все иначе. Ты не сможешь попасть в Клуб стильных ведьм без своего... гхм... пропуска. Ты ведь хочешь быть стильной ведьмой? Или каким-то чучелом из какой-то дыры?

— Конечно, стильной ведьмой! — горячо ответила Кристина. По ее глазам было видно, что она уже вовсю представляет себя в клубе, о котором Джелия рассказывала ей едва ли не с момента своего прибытия в Крик-Холл, не стесняясь сгущать краски.

— Вот и замечательно, — важно покивала новая подруга. — У тебя есть потенциал, дорогая. Но ты должна доказать, что ты — одна из нас. Ведь в ином случае ты будешь выглядеть на шабаше как дурочка и все будут над тобой смеяться. Даже Серые...

— Серые — это те неразговорчивые типы, которые почти не покидают своих комнат? — спросила Кристина. — Пусть только попробуют смеяться!

— Мне нравится твой характер — это как раз то, что нужно. Пора...

— Думаешь, она уже созрела? — с сомнением протянула Кристина. — Так быстро?

— Да, если ты все сделала правильно.

— Само собой, я все сделала правильно! — возмутилась наследница семьи Кэндл.

— Что ж, тогда пойди в сад и принеси ее. Держи... — Джелия протянула Кристине крошечную серебряную лопатку с острыми гранями. — Это чтобы не рыть руками. Современные ведьмы почти ничего не делают руками и в грязи не копаются.

— А нужно что-нибудь при этом говорить? Или провести какой-то ритуал?

— Нет. — Казалось, Джелия уже потеряла терпение. Она явно злилась. — Просто пойди, выкопай ее и принеси мне. Я буду ждать тебя здесь. И постарайся не попасться старшим.

— Хорошо! Я скоро вернусь!

Кристина соскочила с подоконника и, перепрыгивая через ступени, побежала вниз по лестнице.

— Не вернешься, — недобро прошептала Джелия Хоуп.

Оставшись одна, ведьма поудобнее устроилась на подоконнике и поглядела в окно. На стекле в дождевых разводах отражалось узкое лицо с застывшей на губах ехидной улыбкой.

Кристина вскоре появилась в саду. Прежде, чем выйти из дома, она надела поверх своего тыквенного вязаного свитера пальто-дождевик, на ноги — большие садовые сапоги, а на голову — широкополую шляпу. Оглядевшись по сторонам и никого поблизости не увидев, Кристина помахала Джелии в лестничном окне. Джелия вяло махнула в ответ.

— Ну, давай же... Быстрее... — Дева ковена даже прикусила губу от нетерпения. Сейчас, сейчас...

Затаив дыхание, она наблюдала, как Кристина сошла с дорожки и обогнула розарий. Укутываемая дождем, словно в плащ, она остановилась на поросшей бурьяном прогалине между деревьями и опустилась к земле.

Джелия прищурилась и, приставив к кончику носа ребром указательный палец, несколько раз быстро согнула и разогнула его — и в тот же момент происходящее в саду приблизилось к ней почти в упор. Теперь молодая ведьма могла в мельчайших подробностях рассмотреть, что делает Кристина.

Та же достала лопатку и вонзила ее в мокрую землю, начав окапывать какое-то небольшое растение. Джелия зажмурила глаза: она знала, что сейчас должно было случиться кое-что ужасное.

Но прошла минута, другая... а трагедия все не происходила, роковой момент почему-то не наступал. Джелия открыла глаза и в недоумении так резко приблизилась к стеклу, что едва не разбила его лбом. Кристины в саду не было. Ни ее, ни ее окровавленного изуродованного тела.

— Куда ты запропастилась?.. — прорычала сквозь крепко сжатые зубы Джелия.

Гадать ведьме долго не пришлось. Кристина вскоре снова появилась в саду. И не одна. Она вела за поводок соседского пса. Джелия видела его раньше — это грязное лохматое существо вечно бродило поблизости.

— Черт! — воскликнула мисс Хоуп, но тут же спохватилась и ужетише затараторила: — Откуда ты все узнала, маленькая чертовка?

Кристина тем временем привязала пса за поводок к стеблю окопанного растения и отошла на несколько шагов. Подумав немного, она отступила еще на такое же расстояние. После чего обернулась и позвала пса.

Тот, дружелюбно виляя хвостом, двинулся было ей навстречу, но натянувшийся поводок надежно удерживал его. Стебель растения был неимоверно крепок...

Кристина не сдавалась. Приветливыми жестами и ласковым голосом она звала и приманивала пса, а тот все тянулся и тянулся к ней, упираясь лапами в землю.

— Давай, мальчик, иди ко мне... — приговаривала Кристина, а пес скулил и вилял хвостом — видимо, он ее любил и доверял ей. Зря. Очень зря. Откуда бедному животному было знать, что его привязали на убой. Что чем сильнее он хочет приблизиться к Кристине, тем скорее его ждет смерть. Но пес этого не понимал. Он тянулся к Кристине и вместе с тем понемногу вытягивал из земли растение.

Наконец пес вытащил корень полностью. В ту же секунду он замер на месте, словно вдруг превратился в чучело. Бедное доверчивое животное рухнуло как подкошенное, а Кристина потрясенно зажала рот руками и отшатнулась. Пес и сам не заметил, как удавился.

Меж тем то, что он вытащил, — маленький коричневый корень, напоминающий уродливого младенца с вздыбленной прической из листьев, — залилось криком и принялось кровоточить. Его крошечный древесный рот дрожал, сморщеный младенец зажмурил глазки и засучил узловатыми ручками и ножками в истерике. Мандрагора хотела обратно в теплую сырую землю.

Сидящая на подоконнике лестничного окна Джелия Хоуп едва слышала крик мандрагоры — он звучал тонким писком где-то на грани слышимого. Вся гибельная сила этого крика изошла на нет, всю ее забрал себе пес. Вздумай Кристина собственными руками выдернуть корень, мандрагора завопила бы так, что череп наследницы Кэндов треснул бы, как перезревшая тыква.

Кристина знала: нельзя самой вырывать из земли мандрагору. Это было доходчиво объяснено в старой скучной книжке «Фауст», которую она однажды читала, но девушка не могла даже помыслить о том, что пес умрет. Она с отчаянием и жалостью глядела на мертвое тело несчастного животного. На глаза ее наворачивались слезы. Джелия, видимо, хотела злобно подшутить над ней, ведь такая опытная ведьма, как Дева ковена, не могла не знать о смертоносном крике

мандрогоры. Почему-то ведь она не сказала «своей новой подруге Кристине» о том, что не стоит так просто выкапывать корень.

Дождь капал на убитое существо, как на груду черной ветоши. Бедный пес лежал неподвижно, и его морда была вся в грязи. Он уже не будет вилять хвостом, не будет прыгать кругом. Что же она наделала? Зачем все это было нужно?

«Для того чтобы выведать у Джелии, как освободить папу», — скав зубы, напомнила себе Кристина, после чего подошла, наклонилась и подобрала вырванное из земли растение. Со слезами на глазах она отвязала поводок от стебля и, высоко подняв затихшую мандрагору над головой, помахала ею, давая понять наблюдательнице в окне, что все сделано. После этого она опустила глаза и отвернулась. Ей еще нужно было придумать, что делать с трупом пса.

— Ничего, — с ненавистью проговорила Джелия Хоуп. — Это еще не конец. Так просто ты не отделаешься.

После чего слезла с подоконника и направилась в свою комнату.

На этот раз не вышло, но ничего, она попробует снова... и снова... и снова, пока не сделает то, что планировала. Мадам Тэтч ждет подарок — ее Дева разрушит Триединую Линию Кэндов и их Крестовину Линар. Для этого нужно избавиться от глупой девчонки... всего лишь избавиться от одной жалкой ничтожной малявки, которая еще даже не прошла инициацию.

Джелия усмехнулась — кажется, она знала, что делать...

На Корделию Кэндл было страшно смотреть. Еще страшнее, чем обычно.

Клубящиеся волны холодного тумана и горячего пара, обычно противоборствующие, сейчас смешались по воле

своей хозяйки. Во мгле шевелились и извивались очертания длинных щупалец, со всех сторон вокруг ведьминой кухни раздавался стрекот, как от сотен насекомых.

Корделия стояла, уперев руки в бока, и даже ее с виду нелепый фартук, расшитый цветами, не мог сгладить исходящее от ведьмы ощущение угрозы.

— Вам вообще ничего нельзя поручить!

— Эй, не кипятись, Дели! — с ироничной улыбкой воскликнул Фред Петровски. — Не стоит так переживать! Ты что, не понимаешь? Это ведь просто шоу! Твоя серьезность убивает во мне все желание творить.

— Вы и так уже натворили, черт вас дер! Для вас это все шуточки?

— Нет, Дели, не волнуйся, — успокоила Корделию Мари Петровски, строго глядя на мужа. Бедняжке приходилось постоянно краснеть за него, словно он был ее непослушным сыном. Фред и правда частенько вел себя как ребенок и просто обожал покуролесить. Даже в том, чтобы попасться и быть отчитанным, он находил нечто приятное. — Фёдор не всерьез. Он понимает, как это важно.

— От тебя я такого не ожидала, Мари! — раздраженно проговорила Корделия. — То, что он не способен даже на минуту оставаться серьезным, мне известно, но как ты могла провалить все дело?

— Ты видела, какой из меня получился Пустой Костюм, Дели? — восторженно заявил Фред, мысленно уносясь в недалекое прошлое. — Какой образ! Какая фантазия! Копия лучше оригинала!

Корделия взвесила на ладони скалку, прикидывая, чтò разлетится быстрее — эта вещь или великолепная челюсть несносного Фреда? Придя к выводу, что скалку ей попросту жаль, ведьма принялась раскатывать тесто.

— Ты несправедлива, Дели, — попыталась оправдаться Мари. — Мы ведь не знали, что Виктор сунется и станет

выпытывать. А потом он начал говорить такие вещи, что не выяснить все подробности было бы глупо. Тем более ты ведь знаешь, как мы рисковали: вдруг Скарлетт узнает о наших проделках. Думаешь, она простит мне то, что я притворялась ею?

— А я — ее шофером! — поддакнул Фред.

— К тому же, чтобы прикинуться Скарлетт, я применила заклятия, которые Скарлетт запрещала использовать, — сказала Мари. — Это очень опасная и сложная магия...

— Ваша проклятая магия... — начала Корделия, гневно поджав губы.

— «И ничего проще», — вставил Фред.

— Ваша проклятая магия — это дешевая показуха. Я поручила вам важное дело, а вы все испортили, потому что хотели покрасоваться!

— Но мы ведь много чего узнали, Дели, — недовольно ответила Мари. — Например, то, что твой сын вздумал за твоей спиной договориться со Скарлетт. И то, что ему известно об Иерониме. А еще то, что он выведал про Гарри. Да, к слову, мы ведь перехватили его послание — теперь Скарлетт ничего не знает о Гарри! Неужели этого мало?

Корделия в ярости отшвырнула скалку и подняла руку. Мари и Фред, не сговариваясь, вздрогнули, но ведьма Кэндл всего лишь принялась загибать пальцы:

— Гертруда Моллберри и ее дочь Рэнни! Блэкли Саммер! Горбун Тачбоун! Посол Сеих! И я уж не говорю о Матильде Кервуд и Фирче! Вы должны были подобраться к ним и узнать, что они намерены делать в случае смещения Скарлетт Тэтч! Выяснить их настроения! Или рекомендовать им воздержаться от препятствования неизбежному. И все это до приезда настоящей Скарлетт. У вас на это было целых полчаса. И на что они потрачены? На бессмысленный разговор с моим сыном?! Проклятье!

— Но мы не думали... — начал было Фред.

— В том-то и беда, что вы не думаете. — Корделия взмахнула рукой, и в тот же миг в ней снова появилась скалка. Как ни в чем не бывало ведьма продолжила раскатывать тесто. — Это все серьезно, Фред. Пойми уже, наконец.

— Ты очень на нас обиделась, Дели? — простодушно спросил Фред. — Если так, то нам стыдно.

— Ты все еще хочешь, чтобы мы подготовили Кристину? — спросила Мари. — Может, лучше пусть кто-то другой?

— Конечно, я хочу, чтобы ее подготовили именно вы, — ответила Корделия. — Если Кристина попадет в лапы какой-нибудь занудной старухе вроде Селен Палмер, то это и во-все отобьет у нее любое желание проходить инициацию. А вас с вашей страстью к дешевым эффектам моя дочь обожает. Завтра в полдень поговорите с ней, расскажите, как все будет и как ей себя вести. Надеюсь, до этого она не выкинет какую-нибудь глупость... Да, и что там с Иеронимом?

— С Виктором? — уточнил Фред, слегка улыбнувшись.

— С Иеронимом, — жестко повторила Корделия. — Мне не нужно, чтобы он взял и сбежал куда-нибудь перед самым шабашем. Он больше не должен покинуть дом.

— И не покинет, — самодовольно ответил Фред. — Знаешь, нам иногда так лень колдовать на представлениях, что мы раздаем зрителям особое угощение — наше фирменное печенье «Магия... ням-ням... и ничего проще». Оно довольно неплохо сочетается с горячим молоком, и от него спиши как младенец. Мы подсунули «Ням-ням» Рэмморе, а она отнесла его Виктору. Он не сможет устоять и уснет (они оба уснут), а нам это даст достаточно времени, чтобы позаботиться о порогах этого дома и...

— Кто-то идет! — встрепенулась Мари и бросила быстрый взгляд на мужа.

В следующее мгновение с проказливыми улыбками Фред и Мари превратились в два серебристых чайника: стройный,

с гравированной крышкой и длинным изящным носиком, и пухлый, весь в накипи и саже, явно испытывающий тяжелые времена.

Дверь обычной кухни открылась, и затем на *ведьминой* кухне из мглы выступила Мегана Кэндл.

Ведьма поморщилась, глянув на багровые пламенные отсветы, рассыпающиеся брызгами от конфорок плиты. Ее сестра что-то сыпала в старый черный котел. В воздухе висел резкий запах шалфея и тимьяна.

— Можно было и пораньше явиться, — проворчала Корделия. — Я уже давно разобралась со всеми своими блюдами и начала готовить ваши, в то время как вы продолжаете обхаживать нашу гостью. Мадам Важная Птица настолько хороша? Вот бы однажды увидеть ее на столе, поджаренную и начиненную яблоками да сливами...

Сестра шагнула к ней и споткнулась о два чайника, так некстати возникших у нее под ногами.

— Черт! — Мегана подняла чайники и поставила их на стол. — Ты что, специально оставила их на проходе?

— Все готово? — спросила Корделия.

— Да. Шляпа не слишком сопротивлялась, будто смирилась со своей участью. А что у Рэмморы?

— О, как мне приятно, что ты волнуешься за меня!

Младшая сестра появилась в кухне незаметно для всех. Рэммора сидела на холодильнике, свесив ноги в дырявых чулках и лениво болтая ими из стороны в сторону. На ней была новая фиолетовая шляпка с вуалью.

— О, а вот и наша дорогая сестрица, — язвительно бросила Мегана. — Как всегда, не заставляет себя ждать.

— Ой, кто бы уж говорил, Мегана. — Рэммора свесилась и открыла дверцу холодильника в поисках чего-нибудь вкусного. Судя по недовольному виду ведьмы, внутри ей ничего не приглянулось. При этом на ее носу тут же появилась сосулька. — Как будто сама только что не пыталась

подлизаться к нашей дорогой гостье. Ты лучше скажи: как изловила Шляпу?

— А как ты — Ключа?

— Я первая спросила.

— А я первая переспросила.

— Чтоб ты споткнулась!

— А я уже!

— Хватит! — велела Корделия. — Рассказывайте!

Старшая сестра первой взяла слово:

— Шляпа, испытывающая необъяснимую страсть к башням, оказалась той еще штучкой. Беготня за ней заняла у меня целый день. Ловка, хитра, подозрительна. Гораций потратил бензина на месяц вперед, а у меня от усталости просто подкашиваются ноги.

— Может, нужно было надеть каблуки поскромнее? — поддела сестру Рэммора. — Я же, со своей стороны, проявила совершенно невероятные смекалку и хитрость. И прошу заметить, в одиночку: у меня не было никаких ирландцев на побегушках.

— Итак, Ключ и Шляпа у нас в кармане, — уточнила Корделия.

— Да уж, твоим сестрам пришлось потрудиться, — присущурилась Рэммора. — Но можешь быть спокойна: все готово. Они пойманы, даже без Зеркала все пройдет гладко. Иарран Ри ждет своего часа, чтобы соединить их. Жертва подготовлена. Иероним...

— Большой любитель побродить, где ему вздумается, — проворчала Корделия.

— Почему бы не запереть его в доме? — спросила Мегана.

— Тебя забыла спросить, — с каменным лицом ответила Корделия. — Лучше бы ты была такой умной, когда разбивала Зеркало. Молись, чтобы теперь все сработало и без него.

Рэммора злорадно захихикала, но тут же поперхнулась под недобрым взглядом Корделии.

— Что ж, — все-таки смилиостивилась рыжая ведьма, — разлитое молоко не собрать, разбитое зеркало не починить. Итак, пироги в печи — осталось лишь немножко выждать.

Все три сестры многозначительно переглянулись, ведь речь шла вовсе не о пирогах. И все же Мегана с Рэмморой были оскорблены. Изловить приспешников Иеронима немалого стоило, но Корделия вела себя так, будто сама их всех поймала.

— Могла бы расщедриться и на коротенькое «спасибо», — начала было Рэммора, но от ответа Корделии ее спасло не-предвиденное обстоятельство.

Размером с добрую столешницу крышка от огромной металлической бадьи (необъятных размеров формы для выпечки) отлетела в сторону. Туман и клубы пара поглотили ее и мгновенно переварили без следа. Совершенно беззвучно.

— Ой, тесто пытается сбежать! — всполошилась Корделия. — Мэг, помогай!

И действительно — из бадьи поднялся бесформенный ком, вспучившийся и бурлящий. Тесто было определенно живым и совершенно точно разозленным — неудивительно: кому понравится, когда тебя раскатывают скалкой? В нем одна за другой начали прорезаться огромные зубастые пасти.

Монстр в бадье заревел. Где-то в клубах пара начали стальчиваться и звенеть поварешки и ножи.

— Ты, наверное, добавила слишком много дрожжей. — Рэммора равнодушно сняла туфельку, достала оттуда уже подожженную и раскуренную сигарету, после чего надела туфельку обратно. — Или муки...

Помогать она и не думала.

Все дальнейшее произошло столь стремительно, что даже ведьмы не успели отреагировать. Из теста вырвались вязкие щупальца и устремились к Корделии и Мегане. Форма для выпечки начала колыхаться, а беснующийся в ней монстр

попытался освободиться, продолжая расти и вываливая распухшие сдобные бока на пол.

Под визгливое музыкальное сопровождение, как всегда раздающееся из радиоприемника, Корделия и Мегана начали бой с тестом. В их руках появились огромные деревянные лопатки, которые больше походили на садовые лопаты или весла. Ими ведьмы попытались затолкать вырывающееся чудовище из теста обратно в его металлическое логово.

Сестры начали теснить бесформенную желтоватую тварь, но ее щупальца оплетали лопатки, пытаясь вырвать их из рук ведьм или, если те будут держать слишком крепко, затянуть их вместе с лопатками прямо в бадью и погрести внутри себя. Хищное тесто не отказалось бы от начинки из ведьм, но двум опытным кухаркам было не в новинку справляться со строптивыми ингредиентами обеда или ужина. Чего только стоили бегущие яйца, каждое из которых наивно мнило себя Шалтаем-Болтаем, или острый красный перчик, от которого можно было вычихать легкие...

И все же тесто для пирога «Канунника» оказалось намного более непокорным и злобным. Оно поднялось еще больше и уже было выше ведьм. В нем прорезались голодные, алчущие глаза — десятки неморгающих глаз. Пасты снова изошли ревом. Одни щупальца тянули ведьм к бадье, зацепившись за лопатки, другие, скручиваясь спиралями, пытались оплести их ноги и руки. Одно уже обвилось вокруг лодыжки Корделии.

И тут прямо на бурлящей и ревущей массе теста кто-то появился. Не выпуская сигареты изо рта, Рэммора верхом на огромной крышке вывалилась прямо из воздуха и лихо приземлилась на бадью. Крышка прихлопнула монстра. Щупальца, как одно, обрезались ее краями и повалились на пол, больше не подавая признаков жизни. Голодный рев сменился тоскливым и жалобным вытьем.

— Ты вовремя, — заметила Корделия. — Принесла начинку?

— Само собой, по всему дому собирала.

Рэммора соскочила с крышки и вытащила из шляпки пухлый холщовый мешочек с завязками.

— Высыпай!

Корделия приподняла крышку, а Рэммора, растянув завязки, опорожнила мешочек прямо в тесто. Из него посыпались кольца, пуговицы и монетки. Возмущенное тесто снова попыталось подняться и вырваться на свободу, но Корделия и Мегана не зевали и ловко затолкали его лопатками обратно. При этом они принялись стремительно замешивать новый ингредиент.

— Накрывай! — велела Корделия, и Рэммора снова опустила на бадью крышку.

— Ох уж эти шотландцы с их рецептами пирогов, — проговорчала Мегана.

Вскоре крышка перестала дергаться, и ведьмы облегченно вздохнули. У всех троих руки были по локоть в муке, будто в крови чудовища, которое они только что сообща победили.

Корделия направилась к столу с нарезкой. Рэммора снова запрыгнула на холодильник.

— Скарлетт всем привезла подарки, — вспомнила меж тем Мегана. — Даже тебе.

— Да, я знаю, — равнодушно заметила Корделия. — По радио сообщили...

Старшая сестра покосилась на радиоприемник. От этой дрянной штуковины еще и не такого можно было ожидать.

— Ты так и не выйдешь к ней?

— Нет.

— Она будет в ярости.

— Так и задумано.

— Ты бы видела, на какой машине она прикатила! — восхищенно восклекнула Рэммора, боковым зрением отмечая реакцию Корделии. — И какое у нее платье!..

— Мегана, зайдись карамельными яблоками, а ты, Рэммора, — Пылающим пудингом.

Сестры, вздохнув, вынужденно надели фартуки. Было ясно, что Корделия не хочет углубляться в тему эффектного появления своей давней соперницы Скарлетт Тэтч. Но Рэммора не собиралась прекращать разговор, который мог стать началом новой, совершенно чудесной склоки:

— Корди, дорогая, если ты не хочешь свой подарок, можно я его себе заберу? Кстати, моя новая шляпка — из числа великолепных вещей, привезенных нашей дражайшей...

— Уродство и безвкусица, — проворчала Мегана.

— Как мило с ее стороны, — натянуто улыбнулась Корделия. — Но это ничего не изменит. Дни Скарлетт Тэтч, ее платьев, шляпок и машин сочтены. Уже многие из ее бывших подпевал на нашей стороне.

— Кто остался?

— Фирч и его Серые...

— Этих вообще никто в расчет не берет, — проворчала Рэммора. — Из Старших кто с нами?

— Грэггсон, Селен Палмер, оба Петровски, Хоуп.

— И как тебе удалось заполучить девчонку Хоуп? — удивилась Рэммора.

— О, она сама пришла ко мне. Даже эта претенциозная соплячка понимает, что Крестовина Линар все меняет. Спросила, что изменится после Кануна.

— Боится за свое положение? — усмехнулась Рэммора. — Догадывается, что Кристина станет новой Девой?

— Конечно, — сказала Мегана. — Иначе почему она вдруг такая благоразумненькая? Джелия всегда была пронырливой, как куница. Сейчас пытается вынюхать, есть ли лазейки, чтобы остаться при своем.

— Я пообещала ей, что если она поддержит нас, то останется Девой ковена. Мы заключили нитянной договор.

— Она ведь догадывается, что когда ты станешь Средоточием Крестовины Линар, то сможешь разорвать любой договор? — уточнила Мегана.

— Полагаю, она упустила этот момент. Умение думать наперед — не ее сильная сторона.

— Что ж, если Джелия с нами, то и ее братец Найджел тоже, верно?

Рэммора подожгла конфорку под большим котлом. Охвачив его пламенным воротником, на десяток футов вверх, неистово ревя, взвился огненный столб. Повезло, что в ведьминой кухне нет потолка.

— Так и есть. — Корделия хмуро поглядела на не желающую гаснуть огненную колонну. И на сестру, которая как ни в чем не бывало продолжала мешать пудинг. — Как обстоят дела с Грином?

— О, он с нами, — самодовольно улыбнулась Мегана, опуская яблоко на длинной тонкой нити в карамельный сироп. — Можешь мне поверить.

— Дай угадаю, обокрали его? — презрительно прищурилась Рэммора. — Ты вообще собираешься вернуть ему его золото? Потом, после шабаша. А то у бедняги, глядишь, и лопнет его зеленое сердечко.

— Вот заодно и проверим. Я-то всегда считала, что у коротышки вместо сердца в груди растет четырехлистный клевер.

— Сейчас не до ваших бредней, — одернула разошедшихся сестер Корделия. — Бэрри привели?

— Да, он в погребе.

— Не было никаких неприятностей?

— Он пытался откусить Мегане голову, но кто это посчитает за неприятность, верно?

— Проклятая жаба!

— Сама такая!

— А ну замолчали! — велела Корделия, прислушиваясь к диктору из радиоприемника. Радио шипело что-то, понятное

одной лишь средней сестре-ведьме. — Его женушка ничего не испортит?

— Жена и дети все забыли. Они вообще не помнят, что у них был какой-то Уолтер Бэрри.

— Вот и хорошо. — Сейчас Корделия выглядела по-настоящему довольной. — Значит, действительно все готово. Осталось только отправить письма с последними инструкциями для тварей Иеронима...

— Если хочешь, я доставлю их, — предложила Рэммора, пристально глядя на конверты, лежащие на столе Корделии.

— Уж я сама как-нибудь справлюсь.

— Ну конечно, — едва слышно проворчала Рэммора. — Когда все уже сделано, что там отправить какие-то письма...

— Что ты сказала? — хмуро поглядела на сестру Корделия.

— Я сказала: что-то не припомню этих чайников!

Часы на каминной полке отбили полночь, и вскоре эхо от их металлического звона впиталось в тишину, будто пролитый кофе — в накрахмаленную салфетку. Часы затихли, а в душной комнате повис запах полуночи. П полночь пахла свечным воском, гротом и тыквами.

Чарли Уиллинг лежал на крошечном раскладном диване, который принесли из чулана специально для него, и глядел на огонь. В камине догорали дрова, вырезанные в форме человеческих костей, на вертеле медленно крутилась восковая голова. Благодаря какому-то специальному составу она оплавлялась очень медленно, поэтому даже спустя два часа в бледных потеках еще угадывалось сморщенное старческое лицо: крючковатый нос и вислые щеки. Воск изредка капал в огонь и шипел.

Чарли лежал, укрывшись шерстяным пледом, и поглаживал пальцем корешок пухлой книжицы в красной обложке. Кожа на уголках этой книги слегка пропотела, золочение

тисненых букв высыпалось. Всем своим видом книга походила на древность — самую настоящую: от нее веяло пылью, дном ветхого сундука и крысиным обществом. И тем не менее Чарли был в восторге: кто знает, может, до того, как она ему досталась, она путешествовала в трюме пиратского корабля! Но самое главное — это был подарок к празднику, а ему так давно ничего не дарили...

Когда Чарли впервые взял в руки свой подарок, он даже не понял, зачем ему это вручили, ведь подобные, обычно скучные вещи — совсем не то, что дарят мальчишкам. По центру книжной обложки была изображена птица в клетке, окруженная витиевато выписанным названием: «*Обыкновенно-необыкновенное оперение птиц*». К каждой странице скобками крепились птичьи перья. Сотни птичьих перьев, принадлежавших, вероятно, всем существующим в природе птицам: от жаворонков до дроздов, от обычных голубей до крошечных колибри. И возле каждого перышка стояло наименование и подробное описание. Отдаленно эта книга походила на гербарий.

Чарли завороженно листал свой «гербарий перьев» с того момента, как получил его, и пока их с Томми не отправили спать...

К слову, Томми тоже никак не мог заснуть — он лежал в своей кровати, вертелся с боку на бок и крутил в руках свой подарок. Ему подарили механическую заводную канарейку. Изумительная птичка шевелила головой, лапками и крыльями — говорили, она умела даже летать и петь. Но ни летать, ни хотя бы на мгновение раскрыть клювик Томми ее пока что заставить не смог...

Подарки привезла мадам Тэтч, красивая и очень добрая тетушка Томми. Чарли и подумать не мог, что ему вообще что-нибудь подарят, но Скарлетт Тэтч не обделила никого из присутствующих в доме, словно заранее знала, сколько людей будет в Крик-Холле на празднике. Более того, она

подарила каждому то, что сделало его, обладателя подарка, чуть счастливее. К примеру, Кристина получила серебряную пудреницу, полную рассыпчатой персиковой пудры, о которой втайне мечтала, а один из гостей, весьма болезненный мистер в костюме-тройке, едва не потерял сознание от охватившей его радости, когда открыл коробку и обнаружил в ней набор шелковых носовых платков, от прикосновения первого из которых к нему сразу же вернулся румянец.

Вот и Чарли был рад своей книжице. А еще немного испуган. Эта женщина, Скарлетт, глядела на него так пристально и таинственно, словно что-то заподозрила, а потом и во все, когда вручала ему «гербарий перьев», прошептала: «Не швыряйся им направо и налево». Какое-нибудь напутствие полагалось каждому, кому вручался подарок, и все же Чарли в очередной раз напомнил себе об осторожности.

Из-за стены раздавались голоса и ворчание — это Марго, младшая сестра Томми, играла с новыми куклами. Мистер Трамкин, леди Лиза и злодей мистер Фрок были просто великолепны. Как и всем мальчишкам, Чарли куклы не нравились, но и он не смог не оценить, как эти образчики тонкой ручной работы двигаются, дерутся на шпагах и все время размениваются на носовые платки, расточая благосклонности, и на перчатки, вызывая друг друга на дуэль. Мистер Трамкин, бедный молодой джентльмен в потертом сюртуичке, все время пытался завоевать сердце холодной леди Лизы, но в игру то и дело вступал злодей, одетый в черный плащ с красным подбоем. Мистер Фрок раз за разом похищал леди Лизу, а мистер Трамкин пытался ее спасти... Учитывая, что куклы очень реалистично двигались, дрались и будто бы жили собственной жизнью, выглядело все это весьма занимательно. Понятное дело, что, несмотря на веление матери отправляться спать, у Марго и в мыслях не было слушаться.

Размышляя о сегодняшнем вечере в гостиной Крик-Холла и о чудесных подарках, которые привезла Скарлетт Тэтч,

Чарли не сразу заметил, что Томми уже крепко спит. Он обратил внимание на это, только когда канарейка, выпав из руки друга, шлепнулась на пол.

Чарли приподнял голову и поглядел на Томми. Он даже помахал рукой, проверяя, не притворяется ли тот, и только после этого сделал то, что собирался сделать весь вечер: достал из-под свитера вещь, которую никак не мог изучить, поскольку ни разу не оставался один.

Коричневая папка с бумагами...

Одной из этих бумаг (той, которую Чарли уже видел в кабинете Гарри Кэндла) был документ о взятии на попечение младенца в приют, представлявший собой личную карточку ребенка. Второй бумагой из папки оказалось письмо. Письмо, которое так и не было отправлено...

В дрожащем свете камина мальчик стремительно пробежал взглядом по отпечатанным на машинке данным на карточке и по написанным от руки строкам письма. Ему стало дурно. Сердце вдруг замерло. Голова закружилась... Должно быть, от волнения.

Чарли достал из кармана штанов клетчатый носовой платок и поспешил завязать один его уголок в узел. В тот же миг его самочувствие вернулось в норму: мальчик знал, что, как только прочтет бумаги из папки, его захлестнет волной эмоций, а он не мог сейчас позволить себе даже всхлипнуть.

Чарли продолжил чтение. Всего два листка... так мало сведений. И тут он увидел, что в папке есть что-то еще... Из картонного кармашка торчал обрывок какой-то бумажки, исписанный кривым отрывистым почерком.

Чарли достал бумажку, прочитал и недоуменно закусил губу: автор записи явно откуда-то знал, что эта папка окажется у него в руках, поэтому писал все напрямик, в открытую. Содержание таинственного послания заставило мальчика мгновенно отбросить в сторону плед и выбраться из постели.

Положив напугавшую его записку в карман, Чарли надел тапочки и подошел к камину. Не развязывая, он бросил плащ, который до сих пор судорожно сжимал в руке, в огонь. Тряпица мгновенно почернела и обратилась в пеплом. Вместе с нею сгорели и боль, и отчаяние, и надежда, но главное — с нею сгорела застилающая глаза и мешающая мыслить здраво тревога. Записка все изменила: то, о чем в ней говорилось, не позволяло медлить и вязнуть в смешанных чувствах. Нужно было действовать решительно.

Чарли достал из-под стола свою сумку. В сумке этой хранились все его немногочисленные пожитки. Кому-то постороннему собранные там вещи могли бы показаться странными, но мальчик не променял бы их ни на что на свете. Самым неуместным и нелепым с виду предметом в сумке, к слову, являлся старый автомобильный руль, помимо него там были: книга «*История основания королевства Шотландского. Правда-Полуправда-Вымысел*», большая фигурная стрелка от часов и старая бронзовая дверная ручка. Чарли взял стрелку и дверную ручку и направился к двери.

Обернувшись и бросив напоследок взгляд на спящего Томми, мальчик вышел из комнаты и остановился за дверью. Он раскрыл ладонь и быстро-быстро зашептал, объясняя стрелке ее задачу. Завершил он едва слышным повелением:

— Приведи меня к той, о ком говорится в этой записке.

Стрелка тут же ожила, изогнулась, словно потягивающая спинку кошка, и ткнула влево, в сторону лестницы. Мальчик кивнул и двинулся в указанном направлении.

В доме было тихо. На лестнице и в коридоре горел приглушенный свет, гости и домочадцы уже давно разошлись по своим комнатам. Казалось, не спал сейчас здесь один лишь Чарли...

Стрелка, шевелившая кончиком, как зверек — носом, привела мальчика на третий этаж. Здесь, помимо выделенных гостям апартаментов, находились: кабинет Гарри Кэндла

и спальня Корделии, старая комната Рэмморы, спальни Сирила и Мими. В тупике коридора притаилась дверь главы семейства, Джинны Кэндл. Стрелка указывала именно туда. Чарли стало не по себе — меньше всего он хотел сейчас встретить сумасшедшую старуху. Мальчик осторожно двинулся по коридору; нет, многие еще не спали — из-за некоторых дверей раздавались голоса и смех.

Примерно в дюжине шагов от тупиковой двери стрелка в руке Чарли вдруг резко изогнулась и ткнулась в стену справа. Место, на которое указывал колдовской компас, располагалось ровно посередине между двумя равноудаленными на несколько футов друг от друга дверями.

— И что это должно значить? — нахмурился Чарли. — Может, определившись, какую дверь выбрать?

Но стрелка и не думала определяться. Она по-прежнему глядела прямо в стену, лишь ее кончик едва заметно подрагивал, будто бы в нетерпении.

— Ладно, попробуем.

Мальчик подошел к стене и положил на нее ладонь. Закрыв глаза и глубоко вздохнув, он зашептал:

— Покажи скрытое, открай тайное — конец нити в сердцевине клубка, краеугольный камень в кладке арки, корень растения, сердце зеркала...

Раздалось едва слышное шуршание, и Чарли открыл глаза. От неожиданности он даже отдернул руку и отступил на шаг.

Лампы по всему коридору мигали. Стена перед ним разрасталась в обе стороны, панели разъезжались, а двери ближайших комнат поползли прочь. Спустя полминуты все затихло. Лампы прекратили мигать, а стена перестала двигаться. Двери встали на новые места.

Чарли одновременно восторженно и испуганно глядел на выросшую в стене дверь из темного дерева со старинной кованой ручкой. Мысленно похвалив свою указывающую

стрелку, мальчик склонился над замком и попытался его открыть. Замок не поддавался — на нем стояла слишком сильная защита даже для него, Чарли, и, кажется, это значило, что он наконец нашел то, что искал. Недаром же в таком случае хозяева решились поставить такие сложные запоры. И все же они кое-чего не учли...

Чарли сдвинулся от двери на пару шагов вбок и достал из кармана старую дверную ручку. Оглядевшись по сторонам, он повернулся к стене и с размаху вонзил ее штырем прямо в панель. Штырь с легкостью прошил дерево, и в тот же миг вокруг ручки стена начала меняться. Во все стороны от нее, будто выливающаяся дождевая вода из забившегося люка, поползли грязно-серые потеки. Вскоре вокруг ручки образовалась ее собственная дверь.

Надеясь, что, пока он будет в комнате, никто не обратит внимания на две располагающиеся впритык друг к другу двери, Чарли повернул ручку, открыл свою колдовскую дверь и переступил порог...

Мальчик осмотрел место, в котором оказался. И помрачнел. Он сразу же понял, где очутился. Ох уж эти заклятые вещи: как и в случае с коричневыми туфлями, эгоистичной стрелке явно было плевать на его нужды. На этот раз, правда, колдовской проводник привел его отнюдь не в чулан для обуви.

Это была так называемая Терновая комната, помещение, которое есть в доме у любой уважающей себя современной ведьмы. Такие комнаты, представлявшие собой своеобразные рабочие кабинеты, с течением веков заменили обладательницам тайного знания отвесный утес над морем, поляну на лесной опушке или вершину лысого холма.

На заросших сухим терновником стенах висели светильники, горевшие негасимым колдовским огнем. Все место здесь было заставлено различными ведьмовскими, алхимическими и астрологическими механизмами. По центру

помещения расположилось нечто, напоминающее огромные часы с круглым циферблатом, но вместо цифр на нем стояло восемь чуть светящихся серебряных надписей. Чарли прочитал: «*Мабон*», «*Самайн*», «*Йоль*», «*Имболк*», «*Остара*», «*Бельтайн*», «*Лита*» и «*Лугнасад*».

Разумеется, это были никакие не часы, а ведьмовское Колесо Года с указанием ключевых праздничных шабашей — дней солнцестояний и равноденствий, дней порогов и переходов. Стрелка почти-почти подошла к отметке «*Самайн*».

У Колеса Года стоял круглый каменный стол, на котором были высечены все лунные фазы. На одном из полумесяцев застыл лунный зайчик, отраженный и направленный через систему зеркал, ведущую, вероятно, куда-то на крышу особняка.

Помимо Колеса Года и лунного календаря в Терновой комнате было множество сложных астрономических инструментов и приборов, а королем над ними возвышался механический макет Солнечной системы. Шестеренки и оси, управляющие сферами ключевых небесных тел, заставляли их двигаться самостоятельно, соглашаясь с положением тел истинных — на небе. При этом макет был присоединен к самописцу. Стрелки ползли по шкалам, а перо скользило по карте, отмечая изменения положения Солнца и Луны. Судя по этой карте, Солнце как раз приближалось к десятому градусу Скорпиона. Еще одно доказательство близости Самайна.

— Ты привела меня сюда из-за того, что здесь слишком много стрелок? — проворчал Чарли. Колдовской компас, само собой, не ответил.

В углу комнаты стоял деревянный пюпитр. На нем холодно поблескивала пустая хрустальная шкатулка. Судя по выдавленной в черном бархате полости, прежде там хранился ключ. К пюпитру прислонилась картина в вишневой раме — на картине была изображена спальня, в которой росло белое

дерево. Рядом, никем не поддерживаемая, застыла аккуратненькая и подстриженная метла Корделии Кэндл.

Вспомнив о хозяйке Терновой комнаты, Чарли невольно поежился, будто от несуществующего сквозняка. Пора было уносить ноги, пока его не застали в самом потаенном месте Крик-Холла.

Чарли повернулся к выходу. Он посмотрел на дверь (настоящую). Неудивительно, что он не смог ее открыть: замок представлял собой механизм, в котором срослись вместе металл засовов и лозы выонкового растения с алыми цветами...

Выйдя из Терновой комнаты, Чарли захлопнул дверь и извлек из стены ручку — сотворенный им проход поблек и стерся, словно его никогда и не бывало. Стоило мальчику моргнуть, как и настоящая дверь вросла в панель, сделавшись частью обычной стены.

В коридоре было темно, будто кто-то перекрыл газ на трубе. Чарли сперва даже не обратил на это внимания. Спрятав дверную ручку в карман, он глянул на свою стрелку и пробормотал:

— Давай на этот раз ты укажешь верное направление, ладно?

Стрелка изогнулась и ткнулась ему в живот. Нужное место располагалось у него за спиной.

— Неужели? Вот нет чтобы сразу так!

Мальчик обернулся и...

Словно призрак, из комнаты с табличкой «Рэммора» на двери выскользнула женщина. В темноте коридора как следует ее рассмотреть не удалось — Чарли с трудом разобрал лишь длинные худые руки и путаную копну волос.

Увидев мальчика, незнакомка едва не задохнулась от ярости. Она схватила его за руку, словно поймала на краже.

— Что ты здесь делаешь, позволь узнать? — прошипела женщина.

— Я... э-э-э... я... всего лишь... — залепетал Чарли. В его голове, словно осы в потревоженном гнезде, зароились лихорадочные мысли: «Она все видела! Она знает, куда я проник! Я пропал!»

Женщина склонилась над ним, словно у нее вдруг резко упало зрение и разобрать черты его лица она могла лишь в упор. От нее ядовито пахло сигаретным дымом, и Чарли тут же понял, кто схватил его в темном коридоре.

— Младшая миссис Кэндл?

Рэммора усмехнулась.

— И почему даже какие-то маленькие оборванцы считают, что я вдова? — спросила она. — Или бывала замужем. Нет уж, я не настолько глупа! Ты можешь называть меня мисс Рэммора.

— Да, мисс Рэммора. Простите, мисс.

— За что? — спросила ведьма, еще крепче сжимая его запястье своими ледяными и жесткими пальцами. — За то, что неправильно меня назвал? Или за то, что шныряешь по дому ночью?

— Нет, я...

— По чужому дому.

— Я вовсе не хотел...

— А ну, выворачивай карманы. Поглядим, что ты там прячешь.

— Но я...

— Хочешь, чтобы я отвела тебя... — она угрожающе прищурилась, — к средней миссис Кэндл?

— Нет, только не это...

— Я жду.

Чарли начал доставать из карманов все, что там находилось. Леденцы, раскрошившееся печенье, старую бронзовую ручку; стрелка от часов добавилась к прочему.

— Что еще за хлам? Тебя не учили, что приличные дети не набивают карманы всяческой дребеденью и... постой-ка, а это что?

Быстрее, чем Чарли успел спрятать скомканную бумажку, Рэммора стремительно вцепилась в нее, словно в горло того, кого ненавидела всю жизнь. Глаза ее пробежали по записке (ведьма превосходно видела в темноте):

«Теперь ты все знаешь. Но у тебя очень мало времени. Все решится в Хэллоуин. Я тебя предупреждаю, если не хочешь потерять ее снова — теперь уже навсегда, — ты не позволишь ей оставаться в доме».

Когда взгляд женщины остановился на последней буковке, в нем появилась некая недобрая заинтересованность. Рэммора с подозрением глянула на испуганного мальчика.

— Что это значит? — спросила она.

— Я не знаю, мисс, — залепетал Чарли.

— Кто это писал? — Рэммора вновь окинула записку взглядом, но теперь таким пронзительным, будто хотела прожечь ее насквозь. — Знакомый почерк...

— Не знаю. Я просто нашел.

— Врешь.

— Нет, мисс. Я просто нашел... Честно!

Рэммора пристально поглядела в его глаза. Чарли даже не моргнул. Он ведь сказал правду: он и в самом деле нашел записку. Обнаружил в папке, которую украл из сейфа в тайнике кабинета хозяина этого дома. Но такие подробности этой злой женщине явно не стоило знать.

— Ладно. Я вижу, ты не врешь.

Скомкав записку, Рэммора положила ее в рот, демонстративно прожевала и проглотила, после чего вытащила откуда-то из волос сигарету и зажгла ее, стукнув по ней пальцем. В следующее мгновение сигарета заплясала у ведьмы в губах.

— Пойдем. — Ведьма схватила Чарли за руку и повела к лестнице. — Я прослежу, чтобы ты вернулся в комнату

и не бродил больше ночью по дому. Тебе еще повезло, что ты встретил именно меня, а не Корделию или Мегану. Уж мои сестрички навсегда бы отбили у тебя охоту ошиваться по темным коридорам. К слову, — она вскинула голову, пытаясь разглядеть лампу под потолком, — почему не горит свет?

— Я не знаю, мисс. Когда я выходил из комнаты, свет горел.

— Неужели?

Больше Рэммора Кэндл за весь путь до комнаты Томми ничего не сказала, лишь у самых дверей напутствовала Чарли:

— Чтоб больше не попадался мне на глаза. Тебе ясно, маленький оборванец? — после чего развернулась и направилась к лестнице, на ходу вытаскивая из воздуха новую сигарету, уже зажженную.

Едва только дверь комнаты за Чарли закрылась, он тотчас же ощущил себя в безопасности. Проклять! Как можно было так глупо попасться?! И действительно, ему очень повезло, что его поймала не Корделия Кэндл, а эта эксцентричная особа.

Томми не спал. Он сидел в кровати и подозрительно глядел на друга.

— Что ты делаешь?

— Стою у двери, — ответил Чарли.

— Куда ты ходил?

— Выпить воды.

— Хватит врать! Рассказывай, где ты бродил.

— Честно, я пошел за водой, но меня поймали.

По тому, как Чарли тяжело дышал, Томми понял, что это правда.

— Кто? — только и спросил он.

— Меня поймала мисс Рэммора.

— Да уж, не повезло. Что она сказала?

— Что пожалуется средней миссис Кэндл.

— Это кто? — не понял Томми.

— Твоя мама!

— А, ну да.

И тут внезапно произошло то, что заставило Чарли забыть о его тайных делах, а друга — о его подозрениях. В коридоре раздались крики.

— Что это такое? — спросил Томми.

Чарли испуганно обернулся.

— Это твоя сестра...

— Кристина?!

Томми выскочил из постели так, будто она вмиг стала раскаленной, и побежал к двери.

— Нет! — кричала Кристина. — Нет! Уйди!

Томми повернул ручку и открыл дверь. Но не успел он ничего разглядеть в темном коридоре, как та в тот же миг захлопнулась.

Незадолго до этого Эбигейл Карсон испуганным шепотом заметила:

— Что-то ты не выглядишь слишком уверенной...

— Я уверена, уж поверь! — важно ответила Кристина Кэндл.

— Ну еще бы, — усмехнулась стоявшая рядом Дороти Хилл. — Ты была во всем уверена даже тогда, когда мы врезались на твоем «Драндулете» в дерево.

— Если струсила, можешь уйти. Я уже все решила.

— И тебя, видимо, не переспоришь, — проворчала Дороти.

— Пошли, — велела Кристина.

Три девушки в черных платьях и черных широкополых остроконечных шляпах стояли в прихожей Крик-Холла, у основания лестницы. Кристина крепко, как спасительную соломинку, держала в руках зажженную свечу. Весь первый

этаж тонул во тьме. Из кухни, правда, просачивался робкий свет, но Кристина знала, что мама слишком занята приготовлением праздничного ужина — она не заметит, что дочь перекрыла газ на трубах и погасила лампы, светильники и фонари.

— Надеюсь, все пройдет как надо, иначе... — начала Кристина.

— Боишься, что мама запрёт тебя на неделю в комнате? — подделя Дороти.

— Боюсь, что убьет меня, — без тени улыбки ответила Кристина. — Так мы будем идти или нет?

— Но это ведь ты стоишь на месте! — возмутилась Эбигейл. — Может, сама и боишься?

— Что? — гневно глянула на нее подруга. — Ничего я не боюсь. Пошли.

И они втроем задом наперед начали подниматься по лестнице. Эбигейл и Дороти, каждая со своей стороны, держали под руки Кристину. Та пыталась подниматься ровнее, чтобы свеча ненароком не погасла, но при этом торопилась, как могла, опасаясь, что кто-нибудь заметит отсутствие света в холле или на лестнице.

Дороти споткнулась о край ступени, и вся троица едва не рухнула. Огонек свечи удалось спасти лишь чудом.

— Осторожнее! — Кристина ткнула подругу локтем в бок. — Забыла очки пртереть?!

— А что, нам сейчас можно говорить? — удивилась Эбигейл.

— Нигде не написано, что нельзя... — ответила Кристина, нащупывая пяткой очередную ступеньку.

— А откуда ты узнала об этом заклятии? — продолжила расспросы Эбигейл.

— Одна девчонка сказала, — нехотя ответила Кристина.

— Одна девчонка? Ну надо же! — презрительно усмехнулась Дороти.

— Много ты знаешь, — оборвала ее Кристина. — Эта девчонка — из числа маминых гостей и очень важная персона к тому же. Она — правая рука тетушки Скарлетт, а это что-то да значит...

— Правая рука? — с сомнением спросила Эбигейл. — Ты ведь сказала, что она девчонка...

— Да, в нашем ковене место правой руки Скарлетт занимает Джелия Хоуп, она — Дева.

— Это что, должность? — уважительно спросила Дороти. Она очень серьезно относилась к людям, занимающим какие-либо посты.

— Что-то вроде того.

— А она откуда узнала?

— Она — опытная ведьма, — пояснила Кристина, — а это заклятие применяют почти на каждый Хэллоуин. Это вам не какие-то детские гадания, а самое настоящее тайное колдовство.

— Нам еще долго идти? — спросила Эбигейл.

— Только попробуй обернуться, — пригрозила Дороти. — Тогда все придется начинать сначала.

— Не думала, что и ты всерьез во все это веришь, — удивилась Эбигейл.

— Я и не верю. — Дороти показательно зевнула. — Но чем раньше мы покончим с этой скучищей, тем быстрее сможем наконец перекусить...

Девушки натолкнулись спинами на стену.

— Осторожно, поворот лестницы! — Кристина снова проявила чудеса ловкости, уравновешивая свечу. — Еще один пролет — и мы на втором этаже.

— Как хорошо, что ты живешь не на третьем, — заметила Дороти.

— Или на чердаке, — поддакнула Эбигейл.

— Хотя нашу Крис уже давно пора было там поселить — с крысами и пауками.

Кристина не ответила. Ничего, она разберется с Дороти потом. Сейчас — свеча...

Девушки преодолели последние ступени и двинулись по коридору — все так же спиной вперед. Вскоре они оказались у комнаты Кристины.

— Тише, не разбудите мальчишку, — шепотом велела хранительница свечи. — Он чутко спит, а вынюхивает даже во сне. Если проснется — хлопот не оберешься...

Девушки вошли в комнату и заперли за собой дверь. Кристина три раза стукнула по замку костяшкой указательного пальца, обвела его ногтем по кругу, и дверь в тот же миг будто чуть постарела — сплошь покрылась мелкими трещинками.

— Это еще зачем? — спросила Эбигейл.

— Заклятие от подслушивания, — пояснила Кристина. — Джелия Хоуп его очень советовала — так никто в доме, а особенно мама, не услышит ничего из того, что будет происходить в этой комнате, и не помешает нам.

— Как предусмотрительно, — проворчала Дороти. — Мож но оборачиваться?

— Сейчас, еще два шага. Вот теперь...

Они одновременно обернулись. На полу у кровати стояло большое зеркало — раньше, до того как Кристина решила использовать его для своих «экспериментов», оно висело в гостиной.

— Свет не зажигать? — спросила Эбигейл.

— Ты что, спятила?! — покосилась на нее Дороти. — А за чем тогда свеча? Ты хочешь все разрушить?

— Я только спросила...

— Ладно, что делать дальше? — спросила Дороти.

— Стойте и молчите! — велела Кристина.

Девушка подняла свечу и провела ею перед зеркалом, словно обжигая тонкую, как паутина, завесу.

— Говорим на счет три! — сказала Кристина. — Раз, два, три!

И все трое одновременно проговорили:

— Кровавая Мэри! Кровавая Мэри! Кровавая Мэри!

Повисла тягучая тишина. Даже скептически настроенной Дороти стало не по себе.

— Что должно произойти? — едва слышно спросила она.

— Ну, на страничке из старой книги, которую мне дала Джелия Хоуп, написано, что при гадании появляется Кровавая Мэри. Ее лицо приобретает черты суженого, а если с него слезет кожа и оно обратится черепом, то это будет значить, что гадающая умрет до женитьбы.

— Это все пустые... — начала было Дороти, но тут же замолчала. Она первой что-то увидела.

— Что? — Кристина поднесла свечу ближе к стеклу. — Что там?

Девушки разглядели, как в блеклом пятне света, отражающемся в зеркале, показалась крошечная фигурка, словно находящаяся на другом конце улицы.

— Это... — ошарашенно проговорила Эбигейл. — Это...

— Да, — восторженно прошептала Кристина. — Получилось. Все получилось...

До сего момента Кристина и сама была не до конца уверена, что ее ритуал сработает. Да и Джелия Хоуп не заслуживала доверия: слишком уж медоточиво она разговаривала с «наследницей Кэндлов». Во взгляде и голосе Джелии чувствовалась зависть. А еще она очень уж настойчиво советовала ей это заклятие...

Фигурка в зеркале постепенно становилась все больше, приближаясь. И с каждым ее шагом Кристину все сильнее одолевали сомнения: «И зачем я все это затеяла?»

Подружки, наоборот, были настолько заворожены, что боялись даже моргнуть. На их глазах происходило самое настоящее чудо.

— Кто она такая? — тихо спросила Дороти.

— Есть много легенд, — глядя на медленно идущую к ним гостью, прошептала Кристина. — В одной говорится, что она — оклеветанная женщина, сожженная на костре по обвинению в колдовстве, в другой — что бедная невеста, которую запытал и довел до могилы злобный жених, еще одна рассказывает о девушке, убитой перед зеркалом.

— Так она призрак или дух какой? — спросила Эбигейл.

— Я точно не знаю... — пробормотала Кристина.

Фигура в зеркальных глубинах меж тем стала уже отчетливо различима. И выглядела невероятно жутко.

К Кристине, Дороти и Эбигейл шла высокая худая женщина в белом старомодном платье, похожем на подвенечное. Путаные черные волосы, подобно терновнику, обрамляли ее узкое лицо. У пришельцы была белоснежная кожа, и серые губы почти полностью с ней сливались. На щеках алели за сохшие багровые потеки, тянущиеся до самого подбородка и переходящие на тонкую шею. Брови черными росчерками рассекали лицо, напоминая заполненные смолой трещины-раны. Но сильнее всего пугали ее глаза... Что за кошмарное зрелище они собой представляли! Алье, лишенные зрачков...

Кровавая Мэри двигалась медленно, словно старуха в теле двадцатилетней девушки. Но вот наконец она подошла к зеркалу с той стороны и остановилась, разглядывая Кристину, Дороти и Эбигейл. Видимо, посчитав, что увидела достаточно, она покачнулась и шагнула вперед.

Девушки отшатнулись от зеркала.

— Она должна выйти... — негромко проговорила Кристина. В ее голосе уже не было той уверенности, с какой она предлагала подружкам провести ритуал вызова каких-то три часа назад.

Кровавая Мэри подняла руку и обхватила длинными бледными пальцами появившуюся с той стороны дверную ручку, потянула за нее. Зеркало начало медленно открываться вовнутрь, стекло повернулось на невидимых петлях.

Из разверзшейся расщелины между реальным миром и зазеркальем потянуло сухим холодом, словно из продуваемого насеквоздь коридора.

Когда «дверь» открылась, пришелица подняла ногу и осторожно переступила через раму. Спустя мгновение Кровавая Мэри уже полностью перешла в этот мир. Она застыла перед зеркалом и подняла голову. Уставилась на Кристину, словно бы изучая ее. Из уголков глаз жуткой женщины потекли кровавые слезы, следя по ранее прочерченным высохшим потекам на скулах и щеках.

— Ответь на вопрос, как должна, — больше попросила, чем приказала Кристина дрогнувшим голосом.

— Суженый? — раздался шепот в ушах всех трех девушек. При этом Кровавая Мэри даже не шевельнула губами.

— Нет. Кое-что другое... — начала Кристина, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от страха. — Как освободить человека из зеркала?

Кровавая Мэри повернула голову вбок, взгляд ее устремился на дверь, но смотрела она будто бы прямо сквозь нее. Кристина вдруг услышала едва различимый голосок Марго — сестренка играла с куклами в своей комнате и что-то с ними обсуждала, кажется наряды.

Кристина похолодела... Она поняла, какую глупость совершила, но было уже поздно...

Кровавая Мэри ответила, по-прежнему не шевеля губами и не отрывая взгляда от двери:

— Бесконечный Коридор приведет в черный-черный город. Там будет черная-черная улица. На ней стоит черный-черный дом. В глубине этого дома есть черная-черная комната. В ней находится черный-черный гроб. Ключ от гроба. Открыть гроб.

— Я не понимаю... — прошептала Эбигейл.

— Похоже на детскую страшилку... — в тон ей добавила Дороти.

— И это все? — Кристина нахмурилась. Страх сменило разочарование. — И ради этого мы...

Кровавая Мэри не стала дожидаться, пока Кристина закончит. Неожиданно она прекратила вслушиваться в происходящее за дверью и резко повернула голову к стоявшей ближе всего к ней Дороти.

— Что вы?.. Я... — испуганно начала девушка. Она глядела на Кровавую Мэри и не понимала, что происходит. Пришельца повела головой из стороны в стороны, и Дороти почувствовала, как что-то потекло из-под очков по ее щекам.

— Кровь! Дотти! — взвизгнула Эбигейл.

Дороти провела рукой по лицу — ее ладонь и правда была в крови. Из глаз катились слезы. Багровые слезы.

— Больно! — закричала Дороти, стряхнув с носа очки. — Жжет! Боже, как же жжет!

Она пыталась моргать и тереть глаза, но кровь не желала останавливаться.

— Помогите! — Дороти вообще перестала что-либо различать кругом. — Помогите мне! Я не вижу! Я ничего не ви...

Кровавая Мэри шагнула ближе. Она вскинула руку и схватила девушку за лицо. Длинные острые ногти вспороли кожу, а пальцы вошли под скулы, пробив щеки. Дороти визжала от боли. Она попыталась разжать пальцы твари, но те лишь глубже погрузились в ее плоть.

— Дотти! — закричала Эбигейл.

— Отпусти ее!

Кристина попыталась помочь подруге, но пришельца наотмашь ударила ее своей скрюченной рукой. Чудовищные ногти разрезали платье и кожу на груди девушки. Кристина закричала от боли, а монстр ударил снова, отшвырнув ее прочь.

Кристина отлетела на несколько шагов и упала на табурет, стоявший у окна, — тот развалился от столкновения на куски.

Было неимоверно больно, но она не могла позволить себе лежать на полу и просто наблюдать, как бедная Дотти

болтается в руке Кровавой Мэри, словно жалкая тряпичная кукла.

— Отпусти ее, чертова тварь! — провыла она, поднимаясь с пола.

Кровавая Мэри будто не услышала. Она сомкнула пальцы свободной руки, соединив кончики всех ногтей вместе, размахнулась и вонзила кисть в грудь Дороти. Длинные пальцы вошли в тело, полностью в нем исчезнув. Дороти дернулась в последний раз и обвисла в руках чудовища из зеркала. Поднеся собственное лицо к обезображеному лицу убитой девушки, чудовище начало всматриваться в свою кошмарную работу, словно любясь ею.

— Чертова тварь! — закричала Кристина и бросилась к монстру, убившему ее подругу.

Кровавая Мэри повернула голову и пристально поглядела на Кристину. В тот же миг ноги девушки подкосились, будто из-под них кто-то выдернул пол, и она рухнула прямо к ногам чудовища. Отшвырнув Дороти, Кровавая Мэри схватила Кристину за волосы и куда-то ее потащила.

Рядом с телом Дороти стояла парализованная от страха Эбигейл. Она не могла шевельнуться или хотя бы моргнуть, глядя на подругу и похищающую ее тварь...

Кристина визжала, молотила ногами по полу и, ломая так лелеянные ею прежде ногти, пыталась разжать пальцы державшей ее за волосы твари. Мертвая хватка Кровавой Мэри не поддалась ни на дюйм. Все кругом плыло из-за заполнивших глаза слез. Пока что обычных слез...

В какой-то момент Кристина ударилась поясницей обо что-то твердое — и ее тело провалилось в пустоту. Ненамного, всего на какую-то ступеньку вниз. Когда о все тот же порог больно ударились обе лодыжки, она с ужасом поняла, что Кровавая Мэри затащила ее в зеркало. Девушка начала биться еще яростнее и неистовее, но тварь будто и не замечала слабые и ничтожные дергания своей жертвы...

Стоило Кристине полностью оказаться в зазеркалье, как тут же раздался колокольный звон, звучавший, казалось, одновременно со всех сторон. Он оглушал, заполнял голову, вытеснял из нее последнюю надежду...

Кристина дергалась и выла. Одной рукой она сжимала запястье Кровавой Мэри, а другой начала в полубессознательном исступлении шарить по карманам платья, надеясь найти нож или еще что-то...

«И откуда у меня взяться ножу?!» — мелькнула отчаянная мысль, но тут Кристина что-то нашупала... что-то округлое, ледяное, относительно тяжелое, но не настолько, чтобы удараить им Кровавую Мэри.

И вдруг она поняла, что это был за предмет: «Пудреница... Подарок Скарлетт...» Даря эту пудреницу, тетушка что-то сказала Кристине в напутствие, но девушка никак не могла вспомнить что. При этом где-то в глубине головы Кристины сквозь ужас и боль вдруг прорезалась мысль: «Слова Скарлетт... вспомни, что она сказала!»

Кристина не помнила... Два часа назад в гостиной она с восторгом вертела пудреницу в руках и представляла себе, какой оттенок приобретет ее лицо с этой пудрой... Она особо не слушала Скарлетт... Та что-то говорила о бледности, что-то о глазах... Точно! Тетушка сказала: «Это, моя дорогая, поправит любую бледность. Только осторожнее — гляди, чтобы не попало в...»

Обломанным ногтем Кристина поддела крышечку пудреницы и открыла ее. После чего извернулась и через дикую боль — показалось, что она вот-вот лишится всех волос, — вытряхнула содержимое маленькой коробочки, намереваясь сыпнуть как можно больше туда, где у твари должно было находиться лицо.

Судя по тому, что Кровавая Мэри остановилась, по пронзительному крику монстра и по тому, что его пальцы разжаллись, Кристина поняла: она попала.

Девушка отползла и подняла голову. Сквозь пелену слез она увидела, что Кровавая Мэри стоит в облаке персиковой пудры, резко мотая головой туда-обратно и безумно визжа. Пудра не исправила ее бледность, но вот ее глаза... Судя по всему, они сейчас горели огнем. Кровавая Мэри ногтями пыталась их выцарапать.

Кто-то схватил Кристину за плечо. Она дернулась, ожидая увидеть какую-нибудь очередную ужасную тварь из мира отражений, но это была Эбигейл. Кристина не поверила своим глазам: подруга последовала за ней в зазеркалье! В руке Эби скимала ножку от сломанной табуретки.

— Бежим! — бросила Эбигейл, не в силах отвести взгляд от беснующегося в облаке пудры монстра. — Пока она...

Кровавая Мэри словно ожидала этих слов. Она перестала рвать ногтями лицо и застыла. По искаженной в безумии гримасе твари было видно, что ей по-прежнему больно, но она вознамерилась любым способом помешать своим жертвам уйти.

Эбигейл помогла Кристине подняться, и вместе они побежали к виднеющемуся в кромешной тьме зазеркалья дверному проему и проглядывающей за ним комнате.

Ужасный колокольный звон между тем и не думал стихать. И тут появился ветер. Ледяной, бьющий в лицо и рвущий одежду ветер. Он ударил в беглянок с такой силой, что они вынужденно остановились и подняли руки, закрывая лица. Кристина и Эбигейл обернулись. Кровавая Мэри шагала за ними. Ее лицо и плечи были усыпаны персиковой пудрой. Смешиваясь с ней, из глаз монстра текла кровь, образуя на щеках комья мерзкой бурой грязи.

Эбигейл, опомнившись, потянула Кристину за собой, невзирая на раздающийся со всех сторон ужасный шум, на ледяной ветер, на ужас, дышащий в спину. Оставалось всего несколько шагов... всего пара шагов... просто переступить порог!..

Девушки выбрались в комнату.

Стоило беглянкам пройти через раму обратно, как чудовищные звуки зазеркалья мгновенно стихли. Тишина ударила неожиданно и оглушающе.

Кристина и Эбигейл заглянули в зеркало. Кровавая Мэри была уже в пяти-шести шагах от порога. Кристина прыгнула к зеркалу и попыталась закрыть проход, вернув стекло на место, — хоть как-то преградить монстру путь, но зеркальная дверь не закрывалась! Петли будто бы в одночасье проржавели, а стеклянная створка стала весить не менее сотни фунтов.

— Нет! — закричала Эбигейл. Схватив Кристину за руку, она оттащила ее от зеркала. — Бежим! Бежим!

Девушки бросились к двери, и, повернув ключ, Эбигейл распахнула ее.

— Скорее!

Они выбежали в темный коридор. Кровавая Мэри шагнула из рамы и появилась в комнате. Эбигейл поддерживала Кристину под руку. Та ковыляла и спотыкалась, у нее были вырваны несколько прядей, с затылка и макушки текла кровь. Платье на груди было разорвано, на коже кровоточили четыре длинных развороченных пореза — следы от ногтей чудовища.

Тварь вышла в коридор. Длинное платье Кровавой Мэри шелестело с каждым шагом, словно сухой бутон цветка на ветру, обнажая окровавленные ноги, покрытые сетью белых шрамов. По паркету за ней стелился багровый след.

Увидев, что беглянки уже почти выскочили на лестницу, Кровавая Мэри вдруг остановилась. А затем исчезла и уже в следующее мгновение оказалась прямо за их спинами.

— Нет! — закричала Кристина, когда пять острых ногтей впились ей в плечо. — Нет! Уйди!

Кровавая Мэри развернула девушку к себе и, схватив за горло, подняла ее в воздух. Как только ноги Кристины

оторвались от пола, дышать стало невыносимо. Алые глаза уставились на нее. Среди обычных слез жертвы промелькнула одинокая капелька крови.

— Мама... — задыхаясь, прохрипела Кристина. Ей уже было все равно, что мама узнает. Ее не волновали нотации, увещевания и наказания. Она хотела лишь одного: чтобы мама оказалась здесь, рядом. — Мамочка... помоги мне...

Эбигейл бросилась было к подруге в храброй, но бессмысленной попытке помочь ей, но не смогла сделать и шагу, словно что-то удерживало на месте.

В коридоре послышались голоса. Кто-то открывал дверь, пытаясь выяснить, что за шум и кто кричал. Где-то зажгли лампы.

И тут словно порыв ветра пронесся по этажу. Открывшись было двери с грохотом захлопнулись одна за другой. Голоса за ними стихли, и даже свет погас.

Кровавая Мэри не обращала на происходящее внимания. Ее интересовала лишь пленница. Кристина висела в ее руке, воздух почти не проникал в легкие, в глазах потемнело, и коридор будто бы накренился...

Эбигейл меж тем, сжимая от бессилия кулаки, пыталась сдвинуться, сделать хоть шаг, но у нее ничего не выходило. Она решила, что это тварь не дает ей вмешаться, и тут вдруг увидела на лестничной площадке женщину в зеленом платье. Та появилась столь бесшумно, словно вышла из пустоты. Ее рыжие волосы пылали, как огонь в камине, в глазах застыл металлический блеск, лицо казалось вырезанным из дерева.

— Миссис Кэндл?! — с надеждой восклекнула Эбигейл.

— Стоять здесь, — бросила Корделия Кэндл Эбигейл, после чего направилась прямиком к монстру.

Кровавая Мэри перевела на нее свой алый взгляд и склонила голову набок, точно к чему-то прислушиваясь. Затем она проговорила что-то. Кристина различила лишь какие-то бессвязные хрипы.

— Как бы не так, — ответила мама, подойдя к твари.

Впервые на лишенном эмоций лице Кровавой Мэри появилось заинтересованное выражение, а еще... она улыбалась. Корделия Кэндл, должно быть, пришлась ей весьма по нраву. Монстр выбрал себе новую жертву, и жертва сама шла к нему в руки.

— Мама... нет... — захрипела Кристина.

Кровавая Мэри отшвырнула ее прочь, и, рухнув на пол, девушка отползла в сторону. Прижавшись к стене, Кристина судорожно закашлялась — каждый новый вдох отдавался чудовищной резью в горле. Глаза были мокры от слез. Она поглядела на маму и на монстра.

Кровавая Мэри вскинула руку с окровавленными пальцами и острыми ногтями. Мама!.. Эта тварь сейчас и ее убьет!

Кристина непроизвольно зажала рот ладонями.

— Ты зря сюда пришла, — ледяным голосом проговорила мама и стремительно схватила чудовище одной рукой за горло, а другой — за волосы. — Пора обратно, мерзавка.

А затем потащила упирающуюся тварь в комнату Кристины с такой легкостью, будто та была совсем невесомой. Подол залитого кровью белого платья волочился по полу, изуродованными ногами Кровавая Мэри пыталась упираться. Сейчас она выглядела совершенно беспомощно, прямо как и сама Кристина незадолго до этого.

Корделия Кэндл взглядом распахнула дверь комнаты дочери и затащила туда Кровавую Мэри. Не обращая внимания на застывшую Эбигейл, Кристина, опираясь на стену, поднялась и двинулась следом.

— Стой! — закричала подруга. — Ты куда? Остановись!

Кристина не слышала. Она кое-как все-таки добралась до двери своей комнаты и увидела, как мама подтаскивает чудовище к открытому зеркалу.

— Только попробуй еще раз вылезти, — прошептала в самое ухо Кровавой Мэри Корделия Кэндл и зашвырнула ее

в темноту проема, после чего, придерживаясь за край рамы, нырнула головой в зазеркалье и с невероятной легкостью потянула дверь на себя.

Спустя миг стекло вернулось на свое место. В нем, как и должно, отразились и Корделия Кэндл, и комната, и застывшая у порога Кристина. Это снова было самое обычное зеркало.

Мама обернулась. Ее взгляд погас, да и волосы больше не казались горящими. Она снова стала просто... мамой. Дочь не выдержала и опустила глаза. Но лучше бы она этого не делала: Кристина увидела Дороти. Дороти лежала на полу в луже крови, с разорванным лицом и дырой в груди. Отчаяние, боль и страх перемешались в душе Кристины. Она заплакала.

— Прости... — сквозь слезы провыла Кристина. — Прости меня... мама...

Мама подошла и взяла ее за плечи. Кристина подняла взгляд. Мама глядела на нее с таким безразличием, что хуже этого ничего нельзя было себе представить. Даже злобная тварь из зеркала уже не казалась такой пугающей, как пустое выражение этих глаз. Лучше бы мама злилась. Лучше бы кричала... Только не это молчание...

Мама отпустила Кристину и отвесила ей пощечину. После чего просто вышла из комнаты.

Кристина в истерике сползла по дверному косяку на пол и скжалась в комок у порога. Слезы, которыми она начала давиться, были отнюдь не кровавыми, но легче от этого не становилось.

Утро Хэллоуина не задалось. Совсем не задалось. Начать с того, что Томми проснулся от криков, раздающихся прямо над его ухом. Он поднялся в кровати и недоуменно уставился на людей, зачем-то дерущихся и вопящих в его комнате.

Томми протер глаза и тут же понял, что на драку это, в общем-то, мало смахивает. Незнакомый мужчина, похожий на оголодавшую мышь в очках, тянул за ухо Чарли. А мальчик, в свою очередь, пытался выдернуть ухо из его пальцев и висел на руке незнакомца, как на ветке дерева.

— Эй, отпустите его! — Томми соскочил с кровати на пол. — Что вы делаете?!

— Делаю то, что делаю, — непонятно ответил незнакомец. — А этот молодой человек пытался сбежать.

— Да ничего я не пытался! — сквозь слезы заверещал побагровевший Чарли. — Пусти! Пусти ухо! Или я за себя не отвечаю!

Незнакомец поглядел на мальчишку с сомнением — вряд ли тот действительно мог что-то ему сделать.

— Отпустите его!

— А он не будет больше пытаться сбежать? — хмуро спросил незнакомец. — И свистеть, как мерзкая канарейка?

— Да не буду я!

В тот же миг пальцы разжались, и Чарли, схватившись за покрасневшее и опухшее ухо, сбежал в другой конец комнаты. Он пытался тереть раздувшуюся мочку, но становилось лишь больнее.

— Кто вы такой? — возмущенно спросил Томми. — И что делаете в моей комнате?

— Бэрри, — представился очкастый незнакомец. — Уолтер Бэрри.

— Это отец Доджи! — вставил Чарли. — Папа Тролля Бэрри!

— Вы бы, молодой человек, все же выбирали выражения, — угрожающе проговорил мистер Бэрри. — Я не потерплю оскорблений.

— Что вам здесь нужно?

Мистер Бэрри промолчал. Стекла его очков полностью запотели, и за ними нельзя было различить, куда смотрят глаза.

— Я позвону маму!

Томми направился к двери. Мистер Бэрри преградил ему путь.

— Как раз ваша матушка, молодой человек, и велела мне быть здесь.

— Что? Мама? Но почему?

— Должно быть, это как-то связано с непослушанием детей этого семейства, — пожав плечами, предположил мистер Бэрри. — Сейчас в доме идут приготовления к празднику. Меня попросили проследить, чтобы вы не совершали глупостей, не путались ни у кого под ногами и не бегали по дому. Меня попросили...

— Так вам велели или вас попросили? — прищурился Томми. — И вообще, нам не нужна нянька!

— Мое дело — приглядывать за вами, и все.

— Это вы называете «приглядывать»?! Тянуть за ухо моего друга?

— Вы «не должны покидать пределы дома до завтрашнего утра» — так мне было сказано.

— Я никого не буду спрашивать, куда мне ходить! — за-протестовал Томми, гневно сжав кулаки от подобной несправедливости. Чарли поддержал друга возмущенным сопением.

— Я бы очень не советовал вам пытаться вывести меня из себя, молодой человек, — дернув головой, сказал мистер Бэрри. — Боюсь, вам это не понравится.

— В этом доме живет тетушка Мегана! — вспылил Томми. — Что мне какой-то мистер Бэрри!

— Считайте, что вы наказаны. Вы будете находиться все время в пределах моей видимости.

— Наказаны? Но за что?

— Неважно.

Мистер Бэрри говорил как заведенный механизм. Его движения были скучными и резкими. Он то глядел на Томми, то переводил взгляд на Чарли, словно опасаясь, что кто-то из них выкинет что-нибудь «эдакое», пока он не видит.

— Нет, это важно, — возразил Томми. — Я хочу поговорить с мамой.

— Боюсь, она сейчас очень занята и не может отвлечься еще и на ваши пустяки, молодой человек.

Слова мистера Бэрри нисколько не убедили Томми. Он был уверен: мама ничего подобного не могла велеть. Да, она была... мамой. Но не настолько же! Запретить им покидать дом на Хэллоуин и... Томми похолодел. Его осенило: мама знает! Она откуда-то узнала, что он без спроса ходил на фабрику, и именно поэтому и приставила к нему этого Бэрри! Неужели он теперь просидит взаперти весь Хэллоуин?! И через окно в своей комнате будет вынужден смотреть, как люди ташат к себе домой целые пирамиды коробок в яркой

оберточной бумаге с лентами! Смотреть, как все его друзья ходят в страшных костюмах и выпрашивают сладости! Нет, это просто немыслимо! Невозможно! Да и к тому же сегодня ведь внеклассный день в школе! Мисс Мэри приглашала учеников вырезать морды на тыквах на вечере страшных историй!

— Я хочу поговорить с сестрой! — Томми не собирался так просто сдаваться.

— Ни с кем вам не нужно говорить, — с холодной и жутковатой улыбкой сказал мистер Бэрри.

— А я хочу. И поговорю! И вы не сможете меня остановить!

Тут дверь спальни внезапно открылась. На пороге стояла Кристина. Она совсем на себя не походила, словно в комнату вошла старая, ржавая версия Кристины. У сестры был больной вид: лицо бледное и в каких-то пятнах, волосы нечесаны и торчат во все стороны, глаза покраснели, а губы припухли, как будто она всю ночь плакала. Ее любимый рыжий свитер сменил растянутый фиолетовый, который связала тетушка Макриди. Томми вздрогнул: она ведь не-навидит этот жутко колючий и чесучий свитер! Мальчику показалось, что сестра нарочно пытается себя за что-то наказать.

— Почему тут стоит такой крик? — чужим, незнакомым голосом спросила Кристина.

— Мы тут... Этот мистер Бэрри... Он говорит, что...

— Я знаю, — произнесла Кристина. — Мама мне сказала о нем. Он здесь, чтобы приглядывать.

— Что? Но зачем? Зачем это нужно?

— В доме полно чужаков. Она беспокоится за младших.

— Она беспокоится, как бы мы не опозорили ее перед гостями! — гневно воскликнул Томми. — Кристина, скажи ему, — Томми указал на мистера Бэрри, — что он не должен все время здесь торчать!

— Что? Почему я должна ему это говорить?

— Ну... — Мальчик замялся, ему стало неуютно под пристальными взглядами Чарли и мистера Бэрри. Их это не касалось. — Ты же знаешь... наше дело.

— Да, наше дело, — отозвалась, словно эхо, Кристина. — Я как раз за тем и зашла. Там тыквы привезли. — Она кивнула на окно. — Последняя партия. Дядюшка хочет, чтобы мы их разгрузили поскорее. Вы двое и мы с Виктором. Я его как раз шла будить, когда услышала девчоночки вопли из этой комнаты. И почему в этом доме все до сих пор спят?

— Какие тыквы? — ужаснулся Томми. — Ты что? Я спрашивал про другое... — Мальчик опасливо покосился на мистера Бэрри. — Ну... чердак, ты понимаешь?

— Это уже не наше дело, — отрезала Кристина.

— Что? Что ты такое говоришь? Это из-за того, что случилось ночью?

— Ничего не случилось.

— Но я слышал, как ты кричала. Мама сказала...

— Занимайся своим обычным валянием дурака. Играй в куклы, пей чай с печеньем. Не лезь ни во что.

— Ты что, перепутала меня с Марго? — больше удивился, чем обиделся Томми.

— Я иду будить Виктора. Одевайтесь и спускайтесь в сад. К слову, там холодно.

Кристина уже развернулась было, чтобы уйти, но Томми предпринял очередную попытку ее образумить:

— А как же папа?

— Это уже не наше дело, — повторила сестра. — Он сам просил ничего не предпринимать.

— Кристина, но мы же договорились! — Томми просто опешил. — Что-то пошло не так?

— Все пошло не так, — сказала она и, не прибавив больше ни слова, вышла за дверь.

— Проклятые тыквы, — проворчал Томми и под пристальным взглядом мистера Бэрри начал одеваться. — Быть беде...

Мальчик не знал, что беда уже случилась. И тем более он не мог предположить, что худшее еще впереди.

Чертовы тыквы! Весили они как пушечные ядра. А еще в каждой будто поселился проказливый непоседливый дух, учитывая то, как они все время норовили выскользнуть из садовых рукавиц. Помимо этого, на улице и правда было холодно, а еще сыро и слякотно. К тому же осенний ветер трепал волосы и выл, явно насмехаясь над невзгодами Томми Кэндла.

Но хуже всего перечисленного был мистер Бэрри. Хватило каких-то полчаса, чтобы понять: этот тип крайне строг, недоверчив, несправедлив и действительно не собирается оставлять их без присмотра. И как в таких условиях спасти город от ужасных пугал? Томми уже не раз за это утро посещала тревожная мысль: «А мистер Бэрри, случайно, не агент ли пугал, подосланный, чтобы помешать нам с Чарли? Ведь только мы можем справиться с этой напастью, потому что только мы о ней и знаем!»

Томми и Чарли таскали тыквы под присмотром мистера Бэрри, застывшего неподалеку и неотрывно наблюдавшего за ними через свои вечно запотевшие очки. При этом тот совершенно не обращал внимания на Виктора и Кристину, которые тоже волокли тыквы в гараж.

— Чертова несправедливость! — уже, вероятно, в сотый раз возмутился Томми, прижимая к себе тяжеленную толстую тыкву. — И что прикажешь со всем этим делать?

— Я не знаю.

Чарли шел рядом, уперев свою тыкву в живот, и выглядел еще более злым, чем сам Томми. Учитывая его покрасневшее ухо, было ясно, почему он сейчас ненавидит весь окружающий мир.

— Ну что за наказание! — продолжал ворчать Томми. — Этот Бэрри все испортил! И как нам теперь попасть на фабрику, если он все время караулит?

— Я не знаю, — повторил Чарли.

— И Кристина туда же! — Томми разъяренно поглядел на сестру, волокушую приплюснутую тыкву, больше напоминающую кабачок. — «Это теперь не наше дело»...

— О каком таком деле вы говорили?

— Да какая разница? Лучше скажи, что нам делать с фабрикой и пугалами.

— Может, попросить твоего брата, чтобы он как-то отвлек мистера Бэрри? — предложил Чарли.

— Что? Виктор?

Томми покосился на Виктора. Брат вел себя странно. Озирался по сторонам, будто считал, что за ним следят, то и дело смотрел на дом, кого-то выглядывая в окнах. А еще он, кажется, пытался поговорить с Кристиной, но она с самого утра была той еще злой и, стоило ему открыть рот, сразу же начинала шипеть в ответ.

— Ему нельзя доверять нашу тайну, — сказал Томми. — Он ведь уже взрослый. Он или не поверит, или кому-то расскажет. Эти взрослые совсем не умеют хранить секреты. Да и вообще, Виктор ничего не сможет сделать — он же журналист, пишет колонку в газете. Как он нам поможет? Напишет о мистере Бэрри статью?

Чарли считал иначе: он был уверен, что без посторонней помощи им из-под неусыпного наблюдения этого Бэрри не сбежать, а за неимением лучших кандидатов на роль помощников старший брат Томми все же мог сгодиться. Хотя еще полчаса назад он, вероятно, согласился бы с доводами друга.

К Виктору Чарли относился с опаской. Все время косился на него, словно ожидал, что в любой момент тот выкинет какую-нибудь подлость. А когда Виктор с ним поздоровался, приятель вжал голову в плечи и выпучил глаза. От Томми это не укрылось, и он был очень удивлен, ведь обычно Чарли не боялся никаких взрослых.

Томми попытался успокоить друга:

— Это всего лишь Виктор. Мой брат, который приехал из Лондона, я тебе рассказывал. Да ты не бойся! Он совершенно безобиден! Как сверчок под половицей!

— Ты уверен, что это твой брат? А не кто-то другой?

Чарли почему-то все не успокаивался, но Томми это лишь развеселило:

— Конечно, это Виктор. А кто же еще? Страшный-предострашный Человек в зеленом из истории мисс Мэри?

Но Чарли не было весело:

— А может, и так! Чего он такой хмурый?

— Он не хмурый... — ответил Томми. — Хотя нет, все же хмурый. Но это не потому, что он злой. Просто наш кузен Сирил — вот от него, к слову, нужно держаться подальше — собрался жениться на старой подруге Виктора. Подруге... ну, ты понимаешь, от которой Виктор без ума. Сирил всем хвастается, как ловко он оставил Виктора с носом, поэтому тот и ходит мрачный — наверное, придумывает, как расстроить свадьбу или еще что. И Саша эта странная... Все время молчит и ходит за Сирилом как приклеенная. И как она вообще может находиться рядом с ним больше двух минут? А если она невеста, то она ведь и должна находиться больше двух минут? Как считаешь?..

Слова Томми, кажется, успокоили Чарли: видимо, тот понял, что Виктор скучный, а скучные люди просто не могут быть страшными. В любом случае он перестал его бояться, но сам стал рассеян и задумчив. Вот и сейчас Чарли, как казалось Томми, почему-то не слишком занимали планы по противостоянию пугальной напасти. Друг шел рядом с таким видом, как будто находился мыслями вовсе не здесь.

— Знаешь, что я думаю, — сказал Томми, ставя тыкву на вершину уже сложенной в получьме гаража рыжеголовой пирамиды. — Нужно как-то дать знать о пугалах мисс Мэри — она

точно что-то придумает. Она говорила, что будет сегодня в школе рассказывать хэллоуинские истории. Как же нам выбраться из дома?

— Вряд ли она сегодня будет в школе, — сказал Чарли, водруженя свою тыкву рядом.

— А тебе почем знать? Ты вообще на ее уроки не ходил.

— Мы же с ней родственники, ты не забыл?

— А, точно, — вспомнил Томми.

И вдруг поймал себя на весьма странной мысли. Мальчик уже было собрался озвучить ее Чарли, когда его задели тыквой.

— Эй! Гляди, куда идешь! Ты меня чуть не сбил!

Томми возмущенно поглядел на Виктора и пустился бегом догонять друга, который уже направился к грузовичку за новой тыквой.

— Извини... извини... — пробормотал Виктор с отстраненным видом. И верно, он Томми вообще не заметил. Все его мысли сейчас походили на ворох путанных ниток из разных клубков, при этом еще и залитых сверху kleem.

Он оглядел гараж, проверил дверь, ведущую в дом (за ней никого вроде бы не было), заглянул в темный салон «Драндуплета» и не преминул убедиться, что никто не прячется под машиной. Со стороны его действия могли бы показаться странными и продиктованными сугубо какими-то навязчивыми идеями или паранойей, но с недавних пор Виктор понял, что в этом доме нужно быть начеку — кто знает, не наблюдают ли за тобой.

Виктор выглянула из гаража в поисках Кристины. Та, сжимая в руках продолговатую тыкву, понуро шагала к нему — сестра выглядела так, что, казалось, она вот-вот либо разрывается, либо ее стошнит.

— Послушай, Крис... — начал Виктор, когда сестра зашла в гараж и пристроила новую тыкву рядом с уже сложенными.

— Даже не хочу ничего слушать, — резко ответила Кристина.

— Но я ведь еще ничего не успел сказать, — оскорбленно заметил Виктор. — Мне нужна твоя помощь.

— Что на этот раз? — прищурилась сестра. — Отвезти тебя в город или еще что?

— Мне нужно каким-то образом выманить Сирила из дома, — быстрым шепотом проговорил он и опасливо выглянул из гаража — где там эти мальчишки? — Мне необходимо срочно увидеть Сашу и попытаться...

— Ну конечно, все дело в Саше, — раздраженно заметила Кристина. — В ком же еще. Если это касается тебя, то, без сомнения, все дело в Саше.

— Ты не понимаешь! — воскликнул Виктор и тут же, спохватившись, понизил голос. — Она им нужна. Они хотят сделать с ней что-то ужасное. Сирил не желает ей добра. Он даже не собирается на ней жениться. Этот хмырь ее просто сторожит, не дает уйти!

— Неужели? — едко бросила Кристина. — Очередные догадки великого сыщика?

— Нет, просто я все понял. Иарран Ри сказал...

— Что? — Сестра гневно нахмурила брови. — Что там еще сказал этот сумасшедший гоблин?

— Вообще-то он не гоблин, но это неважно. Он сказал, что мама хочет отдать Сашу на съедение Иерониму!

— Он так и сказал?

— Ну, он не назвал имя Саши, а сказал «Деву-без-Матери». Но тут поблизости нет других сирот. Поэтому все сходится...

— Притянуто за уши, — пробурчала Кристина. — И, к слову, когда это Иарран Ри такое говорил? Что-то не припомню.

— Когда ты ходила за ножницами.

— Ну конечно! — разъяренно выдохнула Кристина. — Когда же еще... Знаешь что, Виктор? Ты мне надоел. Мне надоели твои расследования, и твое вранье, и вообще всё.

Девушка уже развернулась, чтобы уйти за очередной тыквой, но Виктор в отчаянии схватил ее за руку.

— Что с тобой происходит?

Кристина вырвала руку.

— Что *со мной* происходит? — спросила она. — А с тобой что происходит?

— Я не понимаю...

— Неужели? Так ты хочешь поговорить? Что ж, давай.

Кристина толкнула Виктора в грудь. Он отшатнулся. Она шагнула вперед и толкнула его снова, отчего он ударился спиной о дверь «Драндулета»; автомобиль негодующе скрежетнул в ответ.

— Что ты делаешь? — недоуменно спросил Виктор. Он был совершенно сбит с толку. Такой сестру он никогда не видел.

В полуписьме гаража она походила на какое-то уродливое существо с тонкими руками, белой кожей и резкими малознакомыми чертами лица. Ее глаза, казалось, полностью утонули в черных тенях.

— С того самого момента, как ты приехал, ты ведешь себя как законченный идиот. Все время играешь в драму, что-то разнюхиваешь, ходишь везде со своим этим нелепым страдальческим выражением на лице. Что ты здесь делаешь на самом деле? Не пора ли рассказать любимой сестренке, какого черта тебе нужно в этом доме и от этой семьи спустя столько лет?

— Я не...

Кристина перебила:

— Если скажешь еще хоть раз что-то вроде «Я тебя не понимаю», «Не знаю» или «Не могу сказать», я тебя так поколочу, что ты будешь страдать не понарошку.

— Ладно. Что ты хочешь узнать?

— Зачем ты приехал? Почему вдруг решил заявиться в гости?

Виктор понял, что больше скрывать что-либо не имеет никакого смысла. Он уже открыл было рот, чтобы все ей рассказать, как в гараж вошли Томми и его друг Чарли. Они были заняты какими-то своими детскими делами:

— ...Я думаю, они должны хорошо гореть, — говорил Томми. — Нужно просто сжечь их всех.

— И где мы найдем столько растопки? — покачал головой Чарли. — Нужно добыть кучу соломы или, не знаю, бензин?

— Опилки тоже хорошо горят...

— Да, но мы не можем ходить по всем домам и поджигать каждого по отдельности...

Поставив свои тыквы к прочим, мальчишки покинули гараж, даже не обратив внимания на замерших у «Драндулета» Виктора и Кристину.

Выждав, когда они отдалятся на достаточное расстояние, Виктор рассказал сестре о письме Бетти Сайзмор и обо всем, что приключилось с ним по приезде. Большую часть она и так знала: сперва прочитала в его тетрадке в библиотеке, а что-то он рассказывал ей, когда они следили за Бигглем. Но вот разговор с тетушкой Скарлетт стал для сестры новостью. Виктор знал, что сейчас должен открыть ей все, без утайки, он понимал, что она почувствует любую недосказанность и тогда точно не станет ему помогать.

То и дело появлялись мальчишки со своими тыквами и планами, которые раз от раза становились все более странными и зловещими: «...а ты знаешь, как запустить городскую сирену?», «...и где мы возьмем оружие? Ты вообще уверен, что их можно убить?», «...ну, мы же прикончили одно на фабрике...»

Кажется, игры мальчишеск грозили обернуться чем-то весьма неприятным, но Виктор не обращал на их разговоры никакого внимания, всякий раз прерывая рассказ и нетерпеливо выжидая, когда они снова покинут гараж. Вскоре он

договорил, закончив своими выводами, которые сделал из разговора со Скарлетт Тэтч. Несмотря на его откровенность и искренность, Кристина по-прежнему глядела волком.

— Что не так? — удивился Виктор. — Я все тебе рассказал.

— Нет, не все. Чертов лжец. И я ухожу.

— Постой! О чем ты говоришь? Я ничего не стал бы утавливать...

— Правда? — Сестра, казалось, сейчас вцепится ему в горло зубами. — Как насчет того, чтобы рассказать, что ты делал в банке, когда мы ездили за пугалами? А еще ты очень удобно забыл о том, куда сбегал вчера из дома, спустившись, как какой-то вор, по плюшу. И откуда у тебя, скажи на милость, взялся в кармане ключ от застенка того проклятого гоблина, который не гоблин? Что? Это все не стоит объяснений?

— Но я ничего этого не помню! — попытался оправдаться Виктор. — И я действительно не знаю, откуда взялся ключ!

— Ой! — презрительно воскликнула Кристина. — «Это были не мы!», «Я ничего такого не знаю!» Как это предсказуемо! Может, еще будешь утверждать, что в тебя что-то вселилось? А может, у тебя банальное раздвоение личности?

Виктор задумался... Раздвоение личности? Вселился?.. Он сказал правду: он действительно не помнил тех вещей, о которых говорила Кристина. Но при этом прекрасно помнил свои странные ощущения, которые брались порой вдруг и словно бы из ниоткуда. Когда они ездили за пугалами, он ведь почти не вылезал из машины, но при этом как-то умудрился насквозь промокнуть под дождем. А еще у него почему-то, вроде бы беспричинно, жгло предплечье. А чернила на штанах после разговора с мистером Гэррити... Да и самое свежее — его исцарапанные ладони, будто он действительно лазил по плюшу. Ну и этот ключ, который ему кто-то подбросил... Но кто? И когда? А ведь он так ни разу после

исчезновения Иаррана Ри и не задумался о странном появлении того ключа! А как объяснить, что его по пробуждении постоянно преследует навязчивое ощущение, будто он куда-то ходил, что-то делал, с кем-то говорил... пока спал...

Кристина вырвала его из размышлений:

— Все из-за тебя, — в ярости скжав кулаки, проговорила она. — Все началось с того, что ты вдруг приехал. Сначала пропажа мистера Гэррити! Затем твой этот проклятый гоблин!.. Папа на чердаке! Потом я убила песика, а потом... потом Дороти.

— Что Дороти? — не понял Виктор.

— Убила ее... — едва слышно проговорила Кристина. — Я ее убила...

— Что? — Виктор даже рот раскрыл от изумления. — Ты убила Дороти?! Как?! Зачем?!

— Она умерла из-за меня. — В глазах Кристины появились слезы. — Я пыталась найти способ, чтобы помочь папе. И у меня ничего не вышло. Я выпустила в наш мир чудовище. И это чудовище убило Дороти.

Виктор молчал. Он хотел как-то успокоить сестру, но на ум приходили сплошь какие-то банальности. Все ухудшало то, что он почти ничего не понял.

— Когда это произошло?

— Ночью.

— Ночью? Но я ничего не слышал...

— Не сомневаюсь, спал себе как убитый, наверное, — презрительно бросила сестра, вновь взяв себя в руки. — Последнее время ты любишь как следует высматриваться. И к тому же мама позаботилась, чтобы никто ничего не узнал.

— А чудовище?

Кристина не ответила. Она подняла на брата такой тяжелый взгляд, что тот почувствовал, будто его в лицо ударили наковальней.

Виктор попытался зайти с другой стороны:

— Ты сказала, что пыталась помочь папе? Но как?

— Неважно.

— Нет, это очень важно. Он же по-прежнему заперт в зеркале.

— В зазеркалье, — машинально исправила Кристина.

— Да, в зазеркалье. И его нужно вытащить. Ты ведь сама понимаешь, что нельзя его там оставлять. Что ты пыталась сделать?

— Я пыталась узнать, как вытащить человека из зазеркалья, разве не ясно?

— И что?

— И сама едва там не осталась.

— Значит, все было напрасно... — подытожил Виктор. — Ты ничего не узнала?..

— Кое-что узнала. Тебе понравится, мистер Любитель Загадок. «Бесконечный Коридор приведет в черный-черный город. Там будет черная-черная улица. На ней стоит черный-черный дом. В глубине этого дома есть черная-черная комната. В ней находится черный-черный гроб». Нужен ключ, чтобы открыть его.

— Что? — удивился Виктор. — Страшилка? Что за коридор бесконечный? Ты ничего не путаешь?

— Если бы и захотела, не смогла бы забыть ни слова.

— Но что за коридоры и черные гробы?

— Я не знаю. Вот такой ответ на то, как вызволить человека из зеркала. Ради этой чепухи Дороти умерла ужасной смертью.

Кристина опустила голову и уставилась в пол. Она выглядела невероятно жалкой сейчас: все лицо словно сползло книзу, руки повисли вдоль тела, плечи ссутулились.

Виктор попытался хоть как-то ее утешить:

— Я не знаю, как все было и...

— Вот именно, не знаешь!

Виктор вздохнул.

— Послушай, — сказал он, — я не знаю, как все было ночью. И мне жаль Дороти, но я уверен в одном: ты не виновата в том, что с ней случилось. — Виктор попытался было взять сестру за руку, но потом передумал. — Ты ведь не заставляла Дороти помогать тебе против ее воли? Молчишь? Конечно не заставляла! Это чудовище ее убило, а не ты.

Виктор понимал, что несет несусветную чушь, в которую не верит и сам. В душе он не мог отрицать того факта, что у каждого действия есть свои последствия и, если из-за твоих действий страдают другие, виноват именно ты сам. Он с легкостью поставил себя на место Кристины: если бы она погибла в той комнате за стеной, если бы проклятый не-гоблин убил ее, в этом была бы целиком и полностью его, Виктора Кэндла, вина. Но он видел, в каком сейчас состоянии сестра, чувствовал, что она находится в полусладе от совершения какой-нибудь глупости, и просто не мог сказать что-либо иное, кроме слов утешения. — Послушай, не нужно...

— Хватит, — с бессилием в голосе произнесла Кристина. — Дело даже не в Дороти. И не в дурацком чувстве вины.

— Нет? — поразился Виктор. — Тогда в чем же дело?

Кристина помолчала и после довольно затянувшейся паузы сказала:

— Мне просто отчего-то кажется, что я скоро умру.

— Что? — От прозвучавших в голосе сестры безысходности и отчаяния Виктору стало совсем не по себе. — Оставь эти бредни, Крис. Ничего ты не умрешь. Я этого не допущу.

— Ну да.

Кристина развернулась и направилась к грузовичку за новой тыквой.

— Крис! — позвал брат.

Она не обернулась.

Виктор остался стоять в темном холодном гараже в недоумении и полном одиночестве.

Третий этаж особняка тонул в кромешной тьме, лампы не горели, и в коридоре никого не было.

Никого не было, пока дверь одной из комнат не открылась и из-за нее не вышел прилизанный бледный толстяк в дорогом костюме. Услышав шаги, он повернулся. Губы его распопзлись в ядовитой улыбке. Виктор направлялся прямо к нему, вернее, он шел туда, откуда толстяк только что вышел.

— И куда это мы собирались? — презрительно бросил Сирил Кэндл.

— Знаешь что... — в ярости проговорил Виктор.

— Что? — Сирил скривился еще сильнее. — Что на этот раз ты попытаешься...

Договорить он не смог, ведь обычно становится затруднительно продолжать связную речь, когда кулак влетает тебе в глаз.

Сирил устоял на ногах, но все равно схватился за лицо.

— Ах ты гад! — крикнул он, отшатнувшись к двери своей комнаты.

Его болезненная кожа побелела еще сильнее, чем обычно, даже волосы словно вдруг поблекли, лишь на переносице и по контуру левого глаза растекалось черное пятно. Виктор даже вздрогнул: он не ожидал подобного эффекта от своего удара.

Кузен прошипел:

— Ты, жалкий ничтожный червяк, ни за что не пройдешь в эту дверь!

Сирил поднял руки — и его пальцы прямо на глазах начали стремительно расти. Суставы сгладились, а фаланги вытянулись и зашевелились, как щупальца. Ногти вросли

и исчезли, затянувшись кожей. Затем пальцы Сирила покрылись корой, испещренной морщинами и трещинками, превратившись в древесные ветви.

Виктор машинально вскинул руки, приготовившись защищаться, но Сиро не спешил нападать. Не отводя затянувшихся бурой поволокой глаз от кузена, он упер обе ладони в дверь — его ветвящиеся пальцы вросли в дерево косяка. В тот же миг в коридоре зазвучал треск.

Прямо на глазах у изумленного Виктора дверь начала врастать в раму, намертво соединяясь с притолокой и порогом. Петли, дверная ручка и замочная скважина исчезли в древесных складках. Зайти в комнату теперь действительно стало невозможно, правда, оставался еще вариант сбегать за топором и прорубить себе проход.

— Выходит, вас с Мими отдали не совсем в обычную закрытую школу, — прокомментировал Виктор.

— О, сама догадливость, — процедил в ответ сросшийся с дверью кузен.

— Я тебя предупреждаю, Сиро, — начал Виктор. — Если ты меня не пропустишь, я тебе сейчас и второй глаз подкрошу.

— Какие мы грозные, — осклабился Сиро. — И как ты, кусок никчемности, сможешь что-то мне сделать?

Виктор решительно шагнул вперед. Точнее, попытался, поскольку что-то вдруг схватило его за ноги и он едва не рухнул навзничь, удержав равновесие с невероятным трудом. В полу, прямо там, где он стоял, из паркета выросли кривые морщинистые корни — они крепко обвили его лодыжки.

— Отпусти и играй по-честному, трус! — рявкнул Виктор, но кузен лишь расхохотался ему в лицо.

А затем без лишних слов напряг кисти. В тот же миг корни начали виться и скручивать ноги Виктора, пытаясь сдавить их и переломать.

Виктор сжал зубы от боли. Он попытался выдернуть ноги, но корни держали его крепко, при этом с каждой секундой они поднимались все выше, будто бы намереваясь полностью его оплести. Под насмешливым взглядом Сирила Виктор схватился за корни, но добился лишь того, что содрал кожу на ладонях. Он попался. Он был в полной власти этого негодяя и, помимо боли, чувствовал еще и ни с чем не сравнимое унижение.

Виктор уже начал прикидывать: если он просто рухнет на Сирила, то дотянется ли... Навскидку выходило, что нет, не дотянется, а вместо этого окажется на полу с расквашенным носом. Кажется, в этот раз он влип по-настоящему и...

— Что здесь творится?! — раздался грозный голос со стороны лестницы.

И Виктор, и Сирил, не сговариваясь, повернули головы. К ним тяжелой, величественной походкой шла Мегана Кэндл.

— Мама, он пытался... — начал было Сирил, но ведьму не волновали никакие объяснения.

— Отпусти его немедленно, — холодно отчеканила Мегана, глядя только на Виктора.

— Ну ма-ам... — запротестовал было Сирил.

— Сейчас же!

Испытывать терпение матери Сирил не решился. Он закрыл глаза и что-то зашептал. В тот же миг его пальцы со скрипом вылезли из двери и начали уменьшаться. Корни, сжимавшие ноги Виктора, расцепили хватку и исчезли в полу, сросвшись с паркетом.

Освобожденный, Виктор машинально сделал шаг и снова едва не упал.

— Ты отправляешься в комнату, и чтобы я не видела тебя до ужина, — отцедила сыну немного родительской любви Мегана. — А ты, — это уже было Виктору, — идешь со мной.

— Ты не можешь... — Сирил попытался было спорить, но его мать уже развернулась и направилась обратно к лестнице.

— Я долго буду ждать? — отчеканила Мегана, не оборачиваясь, и Виктор, бросив досадливый взгляд на дверь комнаты, в которой находилась Саша, поспешил за грозной ведьмой. Прямо как в детстве, когда тетушка куда-то брала его с собой и заставляла выслушивать продолжительные нравоучения и нотации.

Сирил выглядел как побитая собака. Лопоча проклятия и угрозы в адрес матери, он поспешил повернуть вновь появившуюся ручку двери и скрыться в комнате...

Тетушка Мегана быстро шла по коридору, а Виктор пытался не отставать.

— Он сказал правду, — бросила на ходу ведьма. — Тебе ни за что не проникнуть за эту дверь. Попытаешься — и она снова зaráстет. Пора бы повзросльть и смириться с тем, что твоя бывшая возлюбленная выбрала себе лучшего. Моего сына. Отступи.

— Хватит лгать, — со злостью в голосе ответил Виктор. — Я все знаю. Можешь отпираться, но это бессмысленно.

Мегана резко повернула к нему голову и проскрипела:

— Посмеешь еще раз так со мной заговорить...

— Я все знаю! — перебил ее Виктор. На сей раз ей его не запугать — достаточно он в детстве потрясся от страха, ожидая очередного наказания от Самой Строгой Тетушки, — с него хватит. Быть может, эти ведьмы и считают себя вправе распоряжаться всем, до чего могут дотянуться их скрюченные пальцы, но пусть не заблуждаются — молча внимать им он больше не будет.

— Тогда все становится совсем просто, не так ли? — усмехнулась Мегана.

Виктор ожидал совершенно иного ответа. Он ждал отговорок, очередных уверток или, на худой конец, какого-нибудь

ведьмовского заклятия, которое заплавит ему рот раскаленным воском. Но, как ни странно, она даже не спорила.

— Почему «просто»? — спросил Виктор.

— Это избавит меня от твоих недоуменно округленных глаз, сморщенного от внезапных озарений лба и прочих глупых гримас.

— Вы хотите отдать Сашу на съедение ему... этому... Иерониму! — выпалил Виктор.

— Так и было задумано. Все верно.

— И вы допускаете, что я...

Мегана вдруг остановилась.

— А что ты? — спросила она. — Не позволишь? Будешь против? А кого, скажи на милость, волнует, что ты там думаешь по этому поводу?

Мегана отвернулась и пошла дальше. Виктор поплелся за ней.

Он вдруг снова ощущил себя ребенком. Совершенно беспомощным, обреченным на постоянные наказания, не способным даже попытаться себя защитить. За те годы, что Виктор не жил дома, он уже и забыл это треклятое, мерзкое, как гниль во рту, чувство. Мегана была права: он ничего не сделает. Она может хоть сейчас рассказать ему весь их план, а он будет просто стоять и слушать. И что он сделает? Верно: ровным счетом ничего.

— Почему ты меня так ненавидишь, тетушка? — спросил Виктор.

Он явно не это собирался сказать, но слова сорвались с его языка будто сами собой.

Мегана отреагировала странно. Она застыла на месте, Виктор тоже остановился. Они были в коридоре одни, газовые лампы замигали, как будто кто-то играл с вентилем на трубе. Взгляд тетушки подернулся, и с него вдруг словно упала ширма. За растаявшей завесой равнодушия и холодной злости вдруг проявилось нечто другое. Виктор увидел боль,

вытекающую одинокой слезой из уголка округлившегося глаза.

Он испугался. Как и Кристина ранее в гараже, существо, которое на мгновение открылось ему, было жалким, забитым и безвольным. У этого существа, которое нелепо пыталось распустить облезлый хвост, был несколько раз переломан хребет от неподъемной тяжести, которую оно на себя взвалило. И еще в нем не было абсолютно ничего злого — оставалось лишь немного горечи на дне увядших глаз.

— Я не ненавижу тебя, мальчик, — едва слышно сказала Мегана. — Я просто злюсь на тебя, разве не понятно?

У Виктора к горлу подступил ком. Даже когда Сирил схватил его своими колдовскими корнями, он не был так обескуражен и сбит с толку.

— Злишься? Но что я такого сделал?

— Ты бросил меня. Ты просто меня бросил.

— Тетушка, я не...

— Корделия не заслуживает такого сына. Она заслуживает какую-нибудь уродившуюся неблагодарной мерзость вроде Сирила и Мими. А я заслуживаю: я ведь все время была рядом. Все твое детство я заботилась о тебе. Но ты помнишь другое. Это все она. К черту ее! Я... — она коснулась своими ледяными пальцами его лба и уже потом договорила: — ...покажу тебе...

Взгляд Виктора померк, а ноги подкосились. Он будто рухнул, но пола так и не коснулся. Виктор падал и падал сквозь черноту, летел навстречу желтым огням фонарей. И он не сразу заметил, что летит уже вместе с рыжими листьями, подхваченными ветром.

Виктор мягко опустился на садовую дорожку. Это был сад Крик-Холла, на дворе стояла ранняя осень. Качели скрипели, и от них доносился детский смех. Это он смеялся. С тоской и страхом он вдруг увидел себя пятилетнего, взлетающего, устремляющегося вниз и снова взлетающего. А еще он увидел

звонко и счастливо смеющуюся Мегану, молодую красивую девушку. Она взмахивала указательным пальчиком — и качели повиновались ей, раскачиваясь, словно обезумевший маятник.

Виктор успел подумать, что не помнит этого, как уже в следующий миг в его голове появилось воспоминание, похожее на мотылька, ненароком выпущенного кем-то из банки.

А потом ветер подхватил его и понес по дорожке. Не касаясь ногами засыпанных листьями камней, он протопал каблуками по ступеням крыльца, а потом вдруг словно растворился или превратился в клочок тумана и вплыл сквозь замочную скважину задней двери в дом. В прихожей его полет прекратился.

Он увидел себя — немного старше того мальчика, который раскачивался на качелях. Семилетний Виктор стоял у вешалки и рыдал в рукав отцовского пальто. А еще он увидел взволнованную Мегану, бегущую к нему и перепуганную, как будто она боится, что он вот-вот умрет, — взволнованную, как будто он — ее сын. И вот Мегана уже пытается его успокоить, гладит по голове, говорит что-то утешительное, а он все захлебывается рыданиями...

Невидимая сила вновь его подхватывает и несет дальше, останавливаясь то в одной части дома, то в другой, перенося с этажа на этаж, меняя попутно и время. Виктор, которого он видел, становился все старше, но всегда рядом с ним была Мегана. Его любимая тетушка, которую он звал всегда, когда с ним что-нибудь приключалось. Мегана, стоявшая за дверью его спальни и ожидающая, когда он уснет. Мегана, исцеляющая его синяки, когда его побили мальчишки. Мегана, которая со временем намеренно пытается отдалиться от него. И та же Мегана, у которой это чертовски плохо получается. А завершилось все Меганой, которая плачет, закрывшись в своей комнате, когда он, с клетчатым чемоданом

в руке, хлопнув дверью, покидает Крик-Холл, не оглядываясь.

Виктор снова почувствовал ледяное прикосновение пальцев тетушки на своем лбу и открыл глаза. Он по-прежнему стоял в коридоре на третьем этаже, а рядом стояла она, Мегана Кэндл. Перед глазами все поплыло, и он покачнулся. Тетушка схватила его под руки, придерживая. И тут он вдруг ощутил. Все то, что забыл. Одновременно. За одно мгновение. И ему стало по-настоящему дурно.

— Что... Что это такое?..

— Неприятно снова вспоминать вещи, о которых тебя *попросили* забыть, не так ли?

— Что? Кто попросил?

— А ты сам как думаешь?

— Но почему? Почему она?..

— Потому что ты не мой сын, — последовал резкий и жгучий, как порез бритвы на щеке, ответ. — А еще потому, что на тебя были планы.

— На меня?

— С самого твоего рождения, — ответила Мегана. — Было время, когда она тебя любила. В самом начале. А потом наша мамочка Джина совершила свою злейшую подлость. Она... изменила тебя. За это Корделия от нее и избавилась. Но ты остался... и она пыталась — как бы мне ни было горько это признавать! — пыталась тебя любить, но у нее не выходило, а с годами все становилось лишь хуже. Со временем она стала уже просто ждать. Ждать того момента, когда тобой можно будет воспользоваться. И она почти дождалась — сегодня шабаш. Но я... Я была рядом. Я всегда тебя...

— Прости. — Виктор поднял руку и потянулся к тетушке. Возвращенные воспоминания вернули и чувство — он ее любил, по-настоящему, как родную мать — намного сильнее, чем мать. — Прости меня, я не...

— Не смей! — Мегана вздрогнула, и в ней вновь проснулся старый знакомый зверь. И зверь этот оскалил клыки. Зверь этот был начисто лишен сентиментальности. Он был в ярости из-за мгновения собственной слабости. — Это ничего не меняет, мальчишка. Сегодня вечером все сыграют свои роли...

Виктор опустил руку и сжал зубы.

— И она отдаст Сашу Иерониму?

— Да.

Он понял, что Мегана снова закрылась. Что ничего не расскажет, как ни проси. Но он должен был узнать! То, что Сашу готовили в качестве жертвы, подтвердилось, но было еще кое-что... Его странное наблюдение.

— Я все знаю о ее отражении, — сказал Виктор. — Ловко придумано! — На самом деле он вовсе не знал, что именно было придумано, но очень надеялся, что тетушка этого не заметит. — Я только не могу понять почему? Почему мама так поступила?

— Разве не ясно? — Мегана утомленно вздохнула. — Корделия не хотела рисковать. Иероним мог проснуться раньше положенного срока и попытаться самолично заполучить жертву. Поэтому она и поменяла местами твою драгоценную Сашу и ее отражение.

Опасения Виктора сбылись — они заколдовали ее. Правда, ожидал он совершенно иного и... И тут до него дошло. Он вспомнил ту резкую перемену в Саше, как будто она неожиданно умерла, при этом с виду оставаясь живой. Вот что с ней случилось на самом деле!

— Мама заперла ее в зеркале так же, как и папу, а мне осталась...

— Пустая оболочка, — подтвердила Мегана. — Отражение, которое не может ничего делать по-настоящему.

— Она жива? — дрогнувшим голосом спросил Виктор. — Прошло целых семь лет!

— Жива. Пока что. Прямо как Белоснежка...

Виктор застыл как вкопанный.

«Что? Белоснежка? При чем здесь... — Внезапно в голове будто связались разорванные прежде ниточки: — Черный дом, гроб и ключ... Гроб... Стеклянный гроб Белоснежки... Черный гроб в Черном городе. Кристина! Она ведь узнала именно то, что нужно. Вот только не о том человеке... Она спрашивала у чудовища про папу, но то сказали ей про...»

— Тебе не удастся ее спасти, — сказала Мегана, словно прочитав его мысли. — И себя самого. Все решено уже давно. Все готово.

— Знаешь, тетушка, — негодующе ответил Виктор, — как говорит мой редактор, все может измениться самым крутым образом еще с десяток раз до того самого момента, когда статья будет сдана в печать. Моя статья еще не сдана.

— Утешай себя этим. Ничего иного тебе не остается.

Мегана отвернулась.

— Ключ от гроба. Скажи мне, прошу! Если в тебе осталось хоть что-то... хоть что-то от той Меганы, которую ты мне показала!

Тетушка поглядела на него, и в глубине ее глаз вновь появилась искра теплоты из украденных воспоминаний.

— Где мне достать этот ключ от гроба? — взмолился Виктор.

— Конечно же у нее.

— Она ведь так просто его мне не отдаст, — пробурчал Виктор.

— Конечно же, она тебе его не отдаст, — сказала Мегана. — Он надежно спрятан. В месте, которое тебе не найти. Оно не здесь...

— Неужто в Черном или, вернее, «черном-черном» городе? — с сарказмом спросил Виктор.

Мегана нахмурилась и схватила его за локоть. Громко и зло зашептала:

— А ты, как я погляжу, маленький пронырливый репортеришко, уже собрал свой саквояжик на прогулку туда? Только ты не учел одного: однажды попав в Бесконечный Коридор, оттуда не так-то легко выбраться. А если ты и выберешься, это уже можешь быть вовсе и не ты. Или ты просто решил себе, что с ветерком отправишься в Черный город, отыщешь там Терновую комнату Корделии, заберешь ключ и спасешь жертву? А что дальше? Корделия просто исчезнет? Или скажет: «Ну ладно, раз так, то я отменяю все свои планы»? А затем тот, кто внутри тебя, откажется от своей собственной затеи и оставит тебя в покое? Ну а после этого все кошмары Крик-Холла развеются, стоит тебе захотеть проснуться, и ты очнешься в своей уютненькой лондонской кроватке, так что ли? Так вот — не так. Я расскажу тебе, как будет на самом деле. Стоит тебе туда попасть, все твои надежды рухнут. И ты останешься там навсегда: несчастный, запертый и гонимый, наедине с безысходностью и тьмой Черного города. А если ты и вытащишь бедняжку из гроба, то только лишь для того, чтобы самому отдать ее на съедение тамошним тварям и...

Мегана вдруг осеклась и поглядела на Виктора. К ее удивлению, тот вовсе не выглядел испуганным: он улыбался.

— Спасибо, тетушка, — сказал племянник.

— За что? — искренне удивилась Мегана.

— За все, — ответил Виктор. — Скажи мне еще одну, последнюю вещь.

— Какую?

— Где находится Терновая комната мамы с ключом от гроба в этом Черном городе? Это черная комната в черном доме? Или нечто другое? — спросил Виктор.

— Почему я должна отвечать? — с вызовом бросила тетушка.

— Я ведь все равно там пропаду, тетушка, — справедливо заметил Виктор. — Тебе ведь без разницы...

— Как пожелаешь, — со злостью сказала Мегана. — Она не здесь. Третий этаж не-Крик-Холла. Дверь, которой раньше не было, и... И где тебя носит, позволь спросить?

Последнее уже относилось не к Виктору. В коридор поднялась Мими. Кузина выглядела больной и чрезвычайно измотанной. Она негодующе покосилась на мать, а на Виктора — с ненавистью и презрением. Но, учитывая ее состояние, косилась она максимум недовольно.

— Я п-подхватила п-простуду, мама, — прохрипела Мими, поправляя толстый шерстяной шарф, в который была замотана с ног до головы, будто куколка бабочки в кокон. — Горло болит... уши болят, нос болит, все болит...

— Где ты была? — с безразличием к недугу дочери спросила Мегана. — Ты ведь знала, что я тебя ищу!

— Я помогала мистеру Грэггсону. Ну, ты знаешь, такой ф-франт в п-полосатом костюме... кхе-кхе...

— Что?! Грэггсон? Какого черта ты ему помогала? Что еще за новости?

— Ну-у-у... не кричи на меня... — заныла Мими. — Папа велел мне помочь м-мистеру Г-грэггсону с меню. У него особые предпочтения и...

— Я все знаю о его чертовых предпочтениях! — прорычала Мегана. — Папа, значит, сказал?! Мы еще с твоим отцом поговорим об этом, уж поверь мне. И только попробуй еще раз приблизиться к Грэггсону, поняла? А сейчас за мной! Скоро праздничный ужин. Тетушка Корделия велела накрывать на стол.

Не говоря больше ни слова, Мегана развернулась и пошагала вниз по лестнице. Мими поплелась следом, и Виктор снова остался один.

Корделия Кэндл застыла на пороге, пораженная открывшимся ей зрелищем. Всего какое-то мгновение назад, поворачивая ручку двери и входя в комнату младшей дочери, она

собиралась что-то сказать и что-то сделать, но сейчас... да, она забыла, что хотела, и просто утратила дар речи.

Спальня малышки Марго, всегда такая чистенькая и прибранная, украшенная миленьким кружевом, со множеством фарфоровых кукол, стоящих на специальных полках вдоль стен, сейчас превратилась в нечто совершенно невообразимое.

Чайный сервис, от которого еще поднимался пар, идиллически разместился на столике, словно на какой-нибудь пасторальной картине. На этом идиллии заканчивалась. Крем на пирожных стал алым от кровавых брызг. Вся комната была в крови: детская кроватка Марго, стены, увешанные рисунками девочки и милыми картинами с овечками и зайчиками в овальных рамках, узорчатые коврики, ящики с игрушками. На стульях вокруг стола сидели три грузных женских тела в вечерних платьях, напоминающие набитые соломой чехлы для мебели. У тел отсутствовали головы и руки.

Дочь стояла посреди комнаты и глядела на мать невинно-невинно. При этом во всем ее облике проскальзывало нечто пугающее, ненормальное... нечто чудовищное.

— И что ты станешь с этим делать, мамочка? — ядовито-приторным голоском спросила Марго.

— Что ты натворила? — в ярости прошептала Корделия, поспешно закрывая дверь.

— Я просто не могла больше их слушать... — Марго скрипела лицо. — «Ля-ля-ля», «тра-ля-ля».

— Это ведь не повод их убивать!

— Когда твой ребенок рождается мертвым, это ведь не повод искать замену или, вернее... *подмену*, так ведь, стрига? — не осталась в долгу Марго. В ее тоне и ее лице сейчас не было ничего детского.

— Не смей меня так называть, — прошипела Корделия. — И упрекать тоже. С чего мне было предположить, что...

— Конечно не с чего. Ты решила, что тварь-подменыш лучше мертвого ребенка. Я все помню.

Корделия скжала кулаки от ярости.

— Не называй себя так. Ты моя дочь.

— Нет, твоя дочь мертва, ты родила ее мертвой, разве забыла?

Для Корделии подобное напоминание было намного более жестоким, чем какое-то там убийство трех надоедливых троюродных тетушек. И к тому же совершенно излишним.

Корделия Кэндл ни на мгновение не забывала о том, как из нее достали мертвого ребенка, и о том, что она сделала, не в силах с этим смириться. Сейчас она была уже не той Корделией. Сейчас она, возможно, поступила бы иначе, но тогда, семь лет назад, она приманила стригу, злобную ведьму из рода тех, кто живет под холмами. Старуха притащила с собой подменыша, ребенка тварей, кого обычные люди называют «нечистой силой». Рискованное и ужасное дело — едва ли не преступление — завершилось удачно. Хотя многие усомнились бы в том, что это — «удача». Ведьма Кэндл обманула стригу, подсунув ей мертвую девочку, а вместо нее получив...

— Сколько можно напоминать мне об этом? — тихо проговорила Корделия.

— Буду напоминать, пока ты не перестанешь делать удивленный вид всякий раз, когда я «вытворяю» что-то обычное... обычное для меня. Я ведь всего лишь подменыш, а ты — моя любимая стрига. Ты заботишься обо мне лучше, чем та, первая. Ты не пытаешься от меня избавиться, подложить кому-то, а я никого не трогаю... почти. Чего же ты еще от меня хочешь?

— Чтобы ты вела себя как обычная девочка.

— Обычная девочка спит в земле. Поэтому смирись. Не ты ли сама говорила, что тварь-подменыш лучше мертвого ребенка?

— Мне стыдно за эти слова. Ты не тварь, ты — моя милая маленькая Марго.

— Я все жду, когда же ты пожалеешь о том, что сделала, — испытующе глядя на «мать», проронила Марго. — Пожалеешь, что не раскаялась вовремя и не посадила меня на лопате в печь, чтобы я со свистом вылетела в трубу и распалась на сотню золотых искр.

— Не смей так говорить. Я ни разу не жалела.

— А если я буду и дальше... — Маленькое чудовище обвело широким жестом комнату.

— Не будешь, — безоговорочно заявила Корделия.

— С чего бы это вдруг?

— Ты забылась, крошка моя, — угрожающе проговорила Корделия. — Кажется, мне стоит тебе напомнить, кто здесь главный.

— Ты не можешь меня контролировать, стрига-мать, как не могла и та стрига, которую ты заманила сюда со мной в пеленках.

— Контролировать? — На миг лицо Корделии Кэндал изменилось. Образ заботливой мамы исчез: остались лишь нескрываемые злость и раздражение, вызванные неким досадным обстоятельством, отвлекающим от действительно важных дел. — Контролировать... Вот насмешила. Если тебе так наскучило жить в моем доме, негодная маленькая мисс, я могу отнести тебя туда, где тебя с радостью примут. В полночь холм откроется и...

— Нет!

В глазах твари моментально отразился подлинный, животный ужас: за столько лет она слишком уж привыкла к человеческому обществу и обращению. Ей уже не просто нравилось чувствовать себя маленькой девочкой — она больше не могла представить себе, как это — не быть частью семьи. Корделия прекрасно знала, чего боится ее Марго: та была в ужасе от одной только мысли, чтобы вернуться в то место,

откуда ее когда-то забрали. И пусть подобная перспектива саму ведьму пугала не меньше «дочери», последней об этом знать вовсе не следовало.

Марго затряслась от накатившего страха, отчего тут же стала походить на самого настоящего ребенка:

— Прошу-у-у-у, не надо. Я буду очень-очень послушной, мамочка-стрига. Честно-честно... Ты ведь не поступишь так со своей доченькой?

— Поступлю, если ты еще раз вытворишь нечто подобное. И говорю тебе в последний раз, Марго. Не смей меня так называть!

— Но ведь рядом никого нет! Никто не услышит, стрига.

— Все равно не называй меня так!

— Хорошо, мама, как скажешь!

Мило улыбнувшись, она мгновенно утратила все прорезавшиеся в ее облике черты монстра. Марго вновь стала во всем походить на маленькую девочку.

— Старший сын испорчен после рождения, младший — якшается с чужими ведьмами, старшая дочь полезла куда не следует и убила подругу, а младшая... — Корделия обвела тяжелым взглядом комнату. — И почему у прочих родителей дети как дети, а у меня...

— Если хочешь, я могу ответить на твой вопрос, — с деланой невинностью глядя на ведьму Кэндл, проговорила Марго.

— Это не было вопросом. — Корделия подошла к маленькому монстру и, достав платочек, послюнявила его уголок. Затем она стерла им несколько пятнышек крови со щеки Марго. — Погляди, как ты замурзалась! Это никуда не годится... Но нет худа без добра: должно быть, и новенькие куклы от тетушки Скарлетт все безнадежно испорчены... — с едва уловимой ноткой надежды предположила Корделия: она просто терпеть не могла, когда Скарлетт Тэтч удавалось привезти ее детям то, что она сама бы им никогда не доставляла или не наколдовала.

— Нет, мамочка, — гордо ответила «дочь». — Перед тем как отрывать от тетушек головы и ручки, я убрала куколок в сундук с игрушками.

— Как предусмотрительно! И тем не менее ты погляди, какой у тебя в комнате беспорядок, Марго! — строго сказала Корделия. — Пока не уберешь, не выйдешь отсюда. Ты меня поняла, маленькая мисс?

— Ну-у-у, — проныла Марго. — Я не хочу-у-у все убирать сама, не заставляй меня!

— Кто здесь главный?

— Это тоже не вопрос?

— Не смей мне дерзить, маленькая мисс.

— Почему Томми не убирает в своей комнате, а я должна? — капризно сморщила носик дочь. — Почему? Почему?

— Наверное, потому, что он не отрывает тетушкам головы, — ответила мама.

— Но это же займет целый день!

— Нужно было раньше думать.

— Ты бы их тоже убила, если бы тебе пришлось пить с ними чай.

— И тем не менее я их не убила.

— Это потому, что ты не пила с ними чай!

— Я все сказала!

Мама хмуро поглядела на дочь и вышла из комнаты.

— У меня есть план, — сказал Томми Кэндл своему другу Чарли Уиллингу. — Но тебе он не понравится.

Идея Томми действительно вряд ли пришлась бы Чарли по душе, ведь для Чарли в плане была уготована очень не-привлекательная роль.

Мальчишки сидели на подоконнике в комнате Томми и глядели на улицу за окном, безрадостно отмечая начинавшийся совсем не праздничный дождь.

— Что? — удивился Чарли. — Почему твой план должен мне не понравиться?

— Ты же не будешь спорить с тем, что нам нужно сбежать? — вместо ответа спросил Томми. — Ведь, пока мы сидим здесь, мы ничего не можем сделать, а тем временем пугала собираются ожить и захватить город!

— Да, сбежать — единственный выход, но как? — нахмурился Чарли. — Он ведь глаз с нас не спускает!

Мальчики, не сговариваясь, украдкой повернули головы.

Мистер Бэрри сидел на стуле у камина и держал в руках утреннюю газету. Из-за мутных стекол очков было неясно, куда сейчас направлены его глаза — на страницу или же на мальчишек. С разворота скалилась огромная тыква, над ней «страшным» шрифтом был выведен заголовок: *«Веселого Хэллоуина!»* Надпись словно насмехалась над двумя запертymi в доме мальчишками, для которых этот Хэллоуин просто не успел стать веселым и вряд ли таковым станет в принципе.

— Ты его отвлечешь, — не терпящим возражений тоном заявил Томми и тут же начал убеждать уже собравшегося было возмутиться Чарли: — Это ради общего дела, как ты не понимаешь? Он погонится за тобой, а я рвану отсюда, ведь он не может быть в двух местах одновременно, так? Я спущусь через окно по плющу. Я видел, как Виктор это делает. У меня получится не хуже — а то и лучше. Виктор старый и неловкий. К тому же он носит неудобное пальто, а я — нет.

— А почему это я должен отвлекать мистера Бэрри? — громким злым шепотом возмутился Чарли. — Почему я не могу сбежать из комнаты по плющу, пока *ты* будешь его отвлекать?

— Нет, это должен сделать я, — заявил Томми. Юный Кэндл просто не представлял себя на вторых ролях и считал, что если кто-то и спасет город от зловещих пугал, то именно

он. И как он, спрашивается, должен будет это проделать, сидя в комнате, да еще и наказанный за то, что помог другу сбежать от назойливого мистера Бэрри? А вдруг у Чарли не получится совладать с пугалами на фабрике? Или его тоже поймают? Нет, так рисковать нельзя.

— Почему это? — тем временем огрызнулся Чарли. — Чем я хуже?

— Потому что я знаю, что делать дальше, а ты — нет.

— Я тоже знаю!

— И что же?

— Я... я... — Чарли смущался. — Я побегу в полицейский участок и скажу им, что...

— Нет, мы же договорились, что не привлекаем взрослых, — они не поверят. И только помешают.

— Ладно, тогда я сам прокрадусь на фабрику и...

— И что?.. — с ядовитой улыбкой спросил Томми. Сейчас он вдруг стал походить на свою тетку Рэммору.

— Я... я возьму... — Чарли сбился окончательно, но не сдался, а вместо этого решительно перешел в наступление: — Ой, можно подумать, будто ты придумал, как избавиться от пугал!

— Я знаю, кто поможет, — важно ответил Томми.

— Только не говори, что мисс Мэри!

— Ну да, именно она.

— Нет, она не поможет.

— Разумеется, поможет. Я разыщу ее, все ей расскажу, и она что-то придумает — она же ведьма! Что для ведьмы какие-то пугала, верно? И я ходил на ее уроки. Я с ней говорил, в то время как ты вообще боялся попасться ей на глаза. Значит, именно я должен ее найти. И потому ты будешь отвлекать Бэрри!

— Я не стану.

Чарли отчаянно уперся. Такое между ним и его другом происходило впервые в жизни. Нет, они часто спорили, даже

колотили друг друга, но подобных обид и ссор из-за того, что они не могли о чем-то договориться, у них никогда не было. Обычно Чарли уступал под напором идей, которые выдавала изобретательная голова Томми.

— Что? — Томми не понимал. — Почему?

— Просто не буду и все.

— Потому что не ты спасешь город? — Томми обиженно поджал губы и еще раз попытался уговорить друга. — Но твоя помощь ведь тоже будет очень важной! Если ты не отвлечешь Бэрри, я не выберусь. А если я не выберусь, городу конец!

— Все равно не буду.

Чарли не хотел ничего слушать.

— Будешь. — Томми не на шутку рассердился. — Или ты мне не друг.

Повисла пауза.

— Ты не понимаешь... — начал Чарли.

— Чего это я не понимаю? Того, что ты просто струсили?

— Нет. Мисс Мэри не поможет, я знаю.

— Что? — прищурился Томми. — Почему это?

— Ее сейчас нет в школе, а искать ее... ну, на это ведь целый день уйдет, верно?

— Хватит.

Томми глядел на друга со злостью и подозрением.

— Что «хватит»? — не понял Чарли.

— Ты выдал себя, — заявил Томми. — Причем уже давно.

Ты солгал.

— Правда? — Сейчас Чарли походил на человека, которого поймали на вранье и который мучительно пытается понять, на каком именно. — Когда это?

— Почему ты избегаешь мисс Мэри? — спросил Томми.

— Отвали! Я тебе уже сказал, что...

— Да, ты сказал, что она твоя родственница, что она не в ладах с твоей мамой и тому подобное, да?

— Ну... да, — ответил Чарли осторожно — он еще не понимал, к чему ведет его друг.

— Вот только мисс Мэри — это моя тетушка Клара.

И тут Чарли выдал себя окончательно. Нет, он не признался, даже не отвел взгляда: он нервно моргнул, как моргают только хорошие вруны, когда их застают врасплох, — едва заметно. Но когда ты пристально следишь за реакцией такого человека, это «едва заметно» становится «очень заметно».

— Уже понимаешь, да? — спросил Томми. — Если мисс Мэри — это моя тетушка Клара, ведьма, сменившая обличье и прикидывавшаяся нашей учительницей, то как в таком случае она может быть твоей родственницей? Ведь мисс Мэри на самом деле не существует.

И тут Томми понял, что припер друга к стене. Чарли перестал выглядеть как Чарли. Нет, он по-прежнему с виду оставался собой, скорее он перестал вести себя как ребенок. Его взгляд мгновенно потяжелел, и в нем появилась будто бы некая таинственность.

— Что молчишь? — спросил Томми. — Будешь отпираться, Чарли?

И тут друг сказал такое, чего меньше всего можно было ожидать. Он сказал:

— Я не Чарли. — и неволко потупился.

— Конечно ты Чарли! — рассмеялся Томми. — Да если ты не Чарли, то кто тогда??

— Я — Клара Кроу, — совершенно серьезно сказал Чарли. — Твоя тетка Клара Кроу.

— Что?! — воскликнул Томми, мгновенно прекратив смеяться. — Что ты такое несешь?!

— Тише там, — велел мистер Бэрри и заворчал себе под нос: — Ну что за воспитание. Дети совершенно невоспитанны: волят, когда им вздумается, грубят, пытаются вывести тебя из себя...

— Не привлекай внимания, — прошептал Чарли. — Ты не ослышался. Знаешь, я мог бы наплести тебе еще множество небылиц, напридумывать историй, но зачем? Сейчас, в Канун, вся ложь утрачивает свой смысл.

Томми не верил. Он полагал, что его друг решил над ним очень глупо подшутить.

— Но... как?.. Зачем?..

— Ты все правильно сказал. — Чарли заговорил холодным, незнакомым тоном. — Я выдал себя. И как я не подумал, что, раскрыв тебе тайну одной своей личности, поставлю под угрозу вторую?..

И тут Томми поймал себя на мысли, что он ведь и правда никогда не видел Чарли и мисс Мэри в одно и то же время. А еще он понял, что Чарли... что его больше нет.

— Что вы сделали с Чарли? — испуганно прошептал он.

— Я ничего с ним не сделал, — сказал «друг». — Я ведь и есть Чарли. Не знаю, как тебе объяснить... Кхм... Я просто иногда бываю Чарли.

— Бываете? Что это значит?

Голова у Томми шла кругом. Он все не мог выпутаться из того, что ему казалось затянувшейся несмешной шуткой.

— Превращаюсь, если тебе так угодно, — просто пояснил Чарли. — Как в мисс Мэри.

— То есть как будто просто надеваете костюм перед выходом из дома? — рассерженно спросил Томми. — «Поглядим, что там с погодкой. Нет, для мисс Мэри слишком ветрено, надену-ка я Чарли». Так, что ли?

Чарли пристально поглядел на друга.

— Почему ты так легко воспринял, что твоя учительница мисс Мэри — на самом деле твоя родная тетка Клара, но не можешь принять того, что она же — и твой друг Чарли?

— Это не одно и то же! — скав зубы, ответил Томми.

— Правда? — удивился Чарли. Томми впервые увидел на его лице такое взрослое, по-напускному удивленное выражение. — А в чем же разница?

— Вы... он... ты...

Томми путался и еще сильнее злился. Конечно, для него разница была просто колossalной. Он чувствовал себя обманутым, преданным. И еще ему показалось, что только что кто-то очень близкий просто взял и умер.

— Неужели это так трудно? — настаивал Чарли. — Понять, что я не просто так был Чарли Уиллингом все это время?

— Сейчас вы скажете, что у взрослых есть свои причины делать то, что они делают, правда? Причины, которые детей не касаются.

— Нет, я и не думал. Просто я хочу, чтобы ты понял...

— Отстань... отстаньте в смысле.

Томми спрыгнул с подоконника и, забравшись на кровать, вытащил из-под подушки подарок тетушки Скарлетт. Он начал крутить винт завода, но из-за охватившей его злости крутил то слабее, чем надо, то сильнее, и механическая птица как была холодной и мертвой, таковой и осталась. Мистер Бэрри, по-прежнему не поднимающий взгляда от газеты, поежился, как от сквозняка.

Чарли подошел к Томми и присел рядом.

— Хватит дуться. И без того всяких бед хватает.

Но Томми не собирался так просто прекращать дуться. О нет, он был намерен подуться как следует. А кто бы на его месте воспринял все происходящее иначе?

При этом он путался, не зная, как обращаться к своему «другу»:

— Ты... вы... — начал он оскорбленно. — Почему вы?..

— Называй меня Чарли, как и раньше, — просто сказал Чарли. — А когда я стану мисс Мэри, то — мисс Мэри. А когда Кларой...

— Да, я понял. И кем еще ты прикидываешься?

— Больше никем.

— И я должен поверить?

— Ты же верил мисс Мэри, ты поверил Кларе Кроу тогда, на скамейке, — справедливо заметил Чарли. — Ты помог мне. Я все узнал только благодаря тебе. Правда оказалась намного ужаснее, чем я мог предположить, но... лучше даже такое знание, чем считать, что сходишь с ума.

Томми молчал. Все, что говорил ему «друг», звучало разумно. Но то, что происходило сейчас в его собственной голове, напоминало пеструю карусель, крутящуюся и шумящую. Ощущение дурацкого сна, которое не отпускало мальчика с самого момента пробуждения от криков Чарли сегодняшним утром, усилилось.

— Что ты делаешь? — спросил Чарли.

— Щипаю себя, пытаюсь проснуться.

Чарли усмехнулся.

— Все это так... глупо, — пробормотал Томми. — Зачем было прикидываться моим другом... постой... столько лет! Это все время был не Чарли? Чарли никогда не существовал?

Томми и Чарли познакомились, когда Томми пошел в первый класс. С того момента прошло целых четыре года.

— Я не прикидывался. Я был твоим другом на самом деле.

— Но при этом был... моей теткой?

— Да, и остаюсь. И другом, и теткой Кларой, и мисс Мэри.

— Но зачем? Зачем Кларе Кроу прикидываться ребенком? Зачем ей ходить в школу? Как же твои... не знаю... дела?

— Какие могут быть дела у полуумной Вороны, бродящей по улочкам города дни напролет? Заботы бродяжки, тоже мне... Борьба с насморком да стоптанные каблуки?

— Нет, — запротестовал Томми. — Ты использовал меня, чтобы... чтобы... Да я ведь так и не знаю, зачем все это было нужно! Чтобы я всего-навсего подбросил теткам записки?

Только ради этого? Зачем становиться ребенком и прикидываться моим другом так долго?

— Ты спрашиваешь «зачем», — печально улыбнулся Чарли. — Твое «почему?» превратилось в «зачем?», ну ладно... Зачем я прикидывался ребенком? Зачем ходил в школу? Таскал портфель, учил уроки и плевался бумажками в пастора Джонса? Тебе этого не понять, но я попробую объяснить. Когда ты взрослый, когда ты старый и глупый, сухой и черствый, ты или просто забываешь свое детство, или тоскуешь по временам, когда не было никаких забот, когда кости не болели, а простуда казалась худшей из напастей. Когда ты взрослый, ты уже не помнишь, что такое «промочить ноги в луже» или «ободрать коленки». Взрослые за все годы столько раз пробуют шоколадные конфеты, что их вкус для них в какой-то момент становится просто одним из кучи обычных вкусов. У них дела и важность. Они не могут гоняться за котами, лазить по деревьям, «где-то шататься весь день». Детям меж тем все равно, испачкались они или нет, причесаны они или нет, им плевать, что там с фондовой биржей и новыми налогами. У них нет забот о чем-то, что *где-то* там, о том, что будет *когда-то* там, они не боятся показаться невежливыми, быть непонятными и прослыть несовременными, и еще они очень плохо знакомы с двуличием. Но самое важное, что у детей нет мыслей о смерти. Взрослые, в свою очередь, помнят о ней, им постоянно напоминают, не дают забыть. И ты постепенно начинаешь бояться всего. Не сильно — чуть-чуть, и с этим назойливым чувством, с неприятным ощущением, не больше камешка в ботинке, ты и живешь постоянно — с ним засыпаешь и с ним же просыпаешься. Жизнь взрослого — это унылая, скучная и беспросветная штука. «Ну вот, машина сломалась!», «Ну вот, уволили с постылой работы!», «Ну вот, жена умерла». Знаешь, что это такое? Вот представь, что воздух, которым ты дышишь, у тебя постепенно крадут, отбирают, и каждый последующий год у тебя

этого воздуха становится в запасе все меньше, и ты просто медленно, но неотвратимо задыхаешься... Чертова взрослая жизнь — я так и не научился ею жить. И в какой-то момент просто не смог больше все это терпеть. Мне нужна была передышка. Всего на один день, на час, на минутку...

Чарли на миг замолчал, почесал макушку и продолжил:

— Назови это причудой спятившей городской сумасшедшей. Или просто бредом. Я и не особо верил, что сработает, если честно, и просто решил попробовать. И знаешь что? Я стал маленьким, а мир кругом вырос. Я снова увидел его таким: огромным, длинноногим, необъятным. Я пришел в школу, попытался спрятаться, затеряться среди прочих детей. Сперва у меня не получалось избавиться от своих взрослых мыслей, привычек и причуд, но... отношение все меняет. Когда к тебе все относятся как к чертовой образине, отношение как к ребенку кажется тебе чем-то невероятным. Поначалу я совсем не умел быть ребенком, еще хуже умел быть мальчиком (даже не знаю, почему решил стать именно им — должно быть, хотел отдалиться от того существа, каким я прежде был, как можно дальше), и прочие дети это замечали. Ты помнишь, никто не хотел со мной общаться, когда я только появился? Я казался всем странным...

— И мне тоже. Но ты помог мне, когда Блэкни с его дружками подкараулили меня по дороге домой.

— Да, сопливый слизняк Блэкни... — мечтательно протянул Чарли. — Даже драка с мальчишками, когда ты сам мальчишка, даже когда тебе расквасили нос... все это настолько чуждо этим странным существам — взрослым, что... Это совершенно другая жизнь. Это отдаленно похоже на второй шанс. Это возвращение в... Я просто не могу словами передать то, что я чувствовал, будучи Чарли Уиллингом.

— И, конечно же, ты не собирался мне признаваться. — Томми отвернулся. — Если бы я тебя не раскусил...

Самое обидное для Томми было то, что он не мог предъявить Чарли даже то, что «друзья так не поступают» и что «врать можно только врагам, девчонкам и взрослым».

— Послушай, все это время я был твоим другом. По-настоящему. Зуб даю.

Томми даже поморщился от того, насколько неуместно сейчас прозвучало мальчишеское заверение с зубом.

— Можешь злиться и ненавидеть меня, — продолжил Чарли. — Но что мне нужно было делать? Или я, по-твоему, должен был при самой первой встрече сказать: «Привет, меня зовут Чарли. Только я не Чарли никакой на самом деле. Видел в городе сумасшедшую в берете? Так вот, это я...»? Ты бы решил, что я совсем свихнулся.

— А сейчас мне кажется, что это я свихнулся, — сказал Томми и вдруг подумал, что, как бы ни хотел злиться на Чарли, который не Чарли, он действительно не представляет, как именно и когда о таком следовало сообщить, ведь даже сейчас он еще не до конца верил. — Ты сказал, что все узнал. — Он вдруг вспомнил. — Какую-то ужасную правду. Это как-то связано с той вещью, которую тетушки Рэми и Мэг украли у тебя?

— Прочти вот это. — Опасливо покосившись на мистера Бэрри, Чарли достал из-под свитера папку и протянул ее другу. — И тебе все станет ясно.

Томми схватил папку и раскрыл ее. Внутри лежали какие-то бумаги.

«Детский сиротский приют Святой Марии из Брентвуда.

Свидетельство о взятии на попечение младенца.

Возраст: 2–3 дня.

Пол: девочка.

Цвет глаз: серо-зеленый.

Цвет волос: темно-русый.

Родители: не установлены.

Медицинские показатели: на момент составления свидетельства ребенок совершенно здоров.

Краткая история появления:

Младенец был обнаружен на пороге приюта в корзине 3 ноября вечером (примерно в девять часов). В корзине с ребенком лежали тряпичная кукла, на которой было вышито имя “Саша”, и записка: “Молю вас, позаботьтесь о моей дочери”. Девочку было решено назвать Сашей, поскольку это была единственная связь с ее прошлым. Пока не будут подобраны родители для удочерения, ребенок будет воспитываться в детском сиротском приюте Святой Марии из Брентууда».

Вот и все, что было написано в карточке. Ни фотографии, ни какого-либо дополнительного описания — лишь внизу стояла дата: судя по ней, этой сироте уже должно было исполниться двадцать три года.

— Помнишь, когда мы сидели в парке, я попросил тебя о помощи? — спросил Чарли.

Разумеется, Томми помнил. Только сидел он тогда на скамейке рядом со взрослой женщиной. Ощущение несурожности происходящего усилилось многократно.

— Это все касается моей дочери, — продолжал Чарли, и было чертовски странно слышать подобное из уст десятилетнего мальчика, которого ты знаешь, как тебе казалось, всю жизнь. — Ее украли у меня и отдали в приют. Меня заставили забыть о ней. Но я вспомнил. Я узнал правду. И хочу найти ее. Поэтому я здесь. У меня совсем нет времени — сегодня в этом доме состоится праздничный шабаш ведьм, на котором с моей дочерью произойдет нечто ужасное. Я знаю.

— Но откуда? — удивился Томми. — И что такое должно произойти?

Чарли молча протянул другу мятое письмо. Томми мгновенно узнал почерк своего отца, Гарри Кэндла.

«Дорогая сестра,

Я пишу тебе уже не в первый раз. Мне стыдно это признавать, но у меня не достает храбрости довести дело до конца и отправить тебе письмо. Я боюсь, что и это будет сожжено, но в сердце моем все же теплится искра надежды, что на сей раз я наконец поступлю правильно.

Это моя исповедь, мое признание. Я совершил ужасную вещь и не смею рассчитывать даже на крупицу твоего прощения. Те деньги, которые я пересыпал вам все годы, никакого, разумеется, не оправдывают и не извиняют меня, но иначе я не мог. После того как связь с нашей семьей разорвалась для меня окончательно, я утратил возможность явиться в Гаррет-Кроу и все тебе рассказать. К тому же уже слишком поздно — ты лишилась рассудка. И в этом тоже есть моя вина. Я изредка вижу тебя в городе, но подойти не осмеливаюсь. Я трус, сестра. И мне горько это признавать. Я боюсь. За себя и детей. Корделия мстит своей матери, и все мы стали жертвами ее мести.

Они забрали у тебя твоего ребенка. Ты не помнишь этого. Но я знаю. Я был там, я держал кроху, когда проклятая старуха, наша с тобой мать, рвала кровные узы между тобой и твоей дочерью. Я был обманут. Я верил Корделии. Я был глупцом. И мне нет прощения.

Именно я отнес твою дочь в приют. Единственное, на что я осмелился, это положить куклу с именем племянницы в корзину.

Я заставил себя молчать о том злодеянии, в котором стал соучастником, заставил себя забыть, трусливо надеясь, что однажды мне удастся исправить хоть что-то. Но я не знал, что планы Корделии простираются на многие годы вперед.

А потом те самые годы прошли, и девушка по имени Саша однажды появилась на пороге моего дома. Сирота из приюта.

Я узнал ее тотчас, как увидел, — она напомнила мне тебя в молодости...

Я подслушал разговор Меганы и Корделии. Они планируют что-то ужасное с участием твоей дочери: они хотят использовать ее в каком-то ритуале на шабаше в Самайн на ее двадцать четвертый день рождения. Я не знаю, что делать. Единственное, в чем я уверен, — это то, что уже достаточно сидел сложа руки. Я должен помешать им. Нынче же вечером, когда все ведьмы этого дома заснут, я поговорю с Джозефом. Уверен, я смогу его убедить — нет, я заставлю его, если придется, помочь спасти племянницу. Вместе с ним мы что-нибудь придумаем...

*С любовью и горечью в сердце,
твой брат
Гарри Кэндл»*

— То есть Саша, — негромко проговорил Томми, когда дочитал, — которая подруга Виктора, — это...

— Да. — Чарли коротко кивнул.

— Как все перепуталось, — сказал Томми. — А папа пытался помочь. Не нужно было ему говорить с дядюшкой Джозефом.

— Что? Почему?

— Как раз дядюшка и запер папу в зеркале, — мрачно пояснил Томми.

— Что? — поразился Чарли. — Гарри в зеркале?

— Да, но мы с Кристиной его выпустили. Теперь он бродит по зазеркалью.

— Что?! — воскликнул Чарли.

— Тише там! — прикрикнул мистер Бэрри. — Не выводите меня из себя! Это плохо кончится.

— Неважно, — прошептал Томми. — Если ты здесь, то его можно будет освободить! Вот Кристина обра... — Мальчик

оборвал себя на полуслове, вспомнив «утреннюю» Кристину, злую и равнодушную. — Это папа прислал тебе письмо?

— Нет, я нашел папку в тайнике Гарри.

Томми задумался.

— Они забрали твоего ребенка. Но почему?

— О, я спрошу у твоей матери об этом, — с недобрый блеском в глазах посулил Чарли. — Как-нибудь. Когда шабаш не будет угрожать Саше. Но что делать сейчас?

— Сбежать отсюда и вызволить Сашу! — заявил Томми. — Что же еще?

— Но мистер Бэрри... — Чарли покосился на их надсмотрщика.

— Но ты ведь Клара Кроу, ведьма, — тебе многое под силу. Например, ты можешь усыпить его!

Чарли угрюмо поджал губы.

— Я уже пытался утром, — сказал он. — На него почему-то не подействовало. Зато он сразу же почувствовал, что я хотел сделать, поэтому и схватил меня за ухо.

Томми не унывал:

— Тогда у нас остается только один выход. План, который я придумал. Его нужно отвлечь.

— Но...

— Нет, не спорь, — твердо сказал Томми. — Потому что именно я буду отвлекать мистера Бэрри. Тебе выбраться важнее. Только вернись за мной потом! Нам еще пугал нужно останавливать!

— Мне все это очень не нравится...

— Почему?

— Этот Бэрри... он странный. Я слышал, как он бормочет себе под нос, что, будь его воля, он всем канарейкам свернул бы шеи. Думаешь, мы не сильно похожи на канареек?

— Не бойся, — успокоил Томми. — План хороший. Он сработает...

Но план не сработал. Хэллоуинский день, который и так был хуже некуда, в какой-то миг стал сущим кошмаром. Мальчишки полагали, что мистер Бэрри глуп, неуклюж, медлителен и что он не представляет угрозы. Что ж, они ошиблись...

Их попытка побега просто *вывела его из себя*. Это было ужасно, это было... *чудовищно*.

Мадам Скарлетт Тэтч стояла и не шевелилась.

Ее комната была пустой. Совершенно. Никаких стульев, столов, шкафов. Даже кровати нет. Лишь голые стены, обклеенные старыми желто-коричневыми обоями, да окно, выходящее на улицу перед домом.

Скарлетт замерла в самом центре комнаты, а перед ней на полу расположились несколько огромных чемоданов и упакованная в дорогу картина. За спиной новоприбывшей гостьи топтался на месте Пустой Костюм, сменивший себя (костюм) с шоферского на фрак дворецкого, манишку и галстук-бабочку. Кожаные перчатки превратились в шелковые, тонкие и белые.

Мадам Тэтч и не подумала оскорбиться за столь непривлекательную комнату, предоставленную ей — казалось бы, самому почетному гостю. Совсем наоборот, «пустота, и никак иначе» было ее обязательным требованием.

Скарлетт взглянула на чемоданы — и в тот же миг защелки на них отскочили, а крышки откинулись. Из чемоданов в комнату посыпались вещи и выпрыгнула пара удобных кресел. Один из кофров, отбросив в стороны крышку и боковые стенки, развернулся в модный туалетный столик белого дерева с большим овальным зеркалом и ящичками с золочеными ручками, украшенными тонкой резьбой. Само собой, столик был в несколько раз больше чемодана, которым являлся изначально. Другой чемодан развернулся и перестроился в кровать с пышным бархатным балдахином и десятком шитых подушек. Еще один — в гардероб на точенных ножках

с затянутым бордовой ширмой зеркалом на дверце; он сразу же отодвинулся к дальней стене. Последний большой чемодан превратился в серебристую ванну, уползшую в угол и стыдливо спрятавшуюся за складной ширмой-стойкой, которая прежде была чемоданной крышкой.

Когда с чемоданами было покончено, начала разворачиваться картина. Узлы бечевки развязались сами собой, оберточная бумага спала, и взору открылось написанное маслом штормовое море. Картина поднялась в воздух и полетела к окну, словно ее кто-то в гневе отшвырнул прочь. В следующее мгновение она вылетела через раскрывшиеся створки. Вид за окном тут же переменился. Дождь начал стучать не по крышам домов унылой серой улочки, а по волнам черно-серого моря. Безбрежные воды разливались прямо под самой стеной и тянулись за горизонт, словно Крик-Холл вдруг превратился в корабль, преодолевающий океан.

На полу осталась лежать связка сухих цветов. С ними мадам Тэтч справилась еще быстрее. Ведьма взмахнула рукой — и они взлетели в воздух. Не прошло и мгновения, как цветы коснулись грязно-бурого потолка, ожили и оплели его. Прямо на глазах из потолка начали прорастать и раскрываться листья, бутоны налились багрянцем, а стебли — густой зеленью. Вскоре весь потолок уже представлял собой пышный растущий вниз розарий. Комната наполнилась благоуханием.

Дождавшись, когда вещи разложатся и встанут на свои места, Костюм подошел к шкафу и извлек из него графин с вином и бокал. Налив госпоже аперитив перед ужином, он застыл столь неподвижно и отстраненно, как это умеют делать только идеальные дворецкие и пустые костюмы.

Скарлетт огляделась кругом и удовлетворенно кивнула.
А затем начались игры со временем...

...Время в доме останавливается. Все стрелки на часах вздрагивают, словно в нерешительности, и замирают на месте

между делениями. Маятники повисают под невообразимыми, странными углами.

Скарлетт Тэтч спрашивает, но ей не отвечают.

Женщина в вечернем кроваво-красном платье стоит посреди своей комнаты, закрыв глаза. Руки ее широко разведены в стороны.

Скарлетт Тэтч спрашивает, но ответы ей не нравятся. Эти ответы ее не устраивают. Уклончивые, как порывы пугливого ветра, что облетают препятствие. За кого эти люди ее принимают?!

Подол ее платья, похожий на стекающую с ног кровь, начинает двигаться, хотя даже сквозняк в этом доме, застигнутый врасплох в коридоре на третьем этаже, сейчас уснул.

Скарлетт Тэтч шагнула ногой в капкан, прекрасно это понимая, и она не жалеет, ведь сделала подобную «глупость» не просто так. Она сделала это ради того, кого в мыслях нежно называет «мой мистер Кроу». Скарлетт переступила этот порог, и ловушка захлопнулась за ее спиной с диким грохотом. Она услышала этот грохот и все равно ни на миг не пожалела. То, что Скарлетт испытывает сейчас, — это холодная ярость. Потому что ответы уклончивы. Она не верит ни единому слову.

С едва слышным шорохом подол платья начинает расползаться по полу вокруг своей хозяйки, растекаться, будто она — разбившаяся жертва самоубийства, лежащая на мостовой.

Скарлетт Тэтч спрашивает, но ей отвечают: «Мистер Кэндл? Право, только что был где-то здесь!» или «Гарри? О, он ведь в бакалейной лавке! Недавно ушел...» или «Он покинул гостиную буквально только что через ту дверь. Вы с ним так неудачно разминулись, мадам...»

О нет, она прекрасно понимает, что здесь творится. Корделия все узнала. И отомстила. Его прячут где-то. И сейчас она выяснит, где именно. Без него она отсюда не уедет. А если

он будет сопротивляться — увезет его из этого проклятого дома и против воли, ведь она приехала сюда только ради него.

Подол платья уже окутывает собой всю комнату. Он ползет по полу, поднимается у плинтусов на стены, огибает выступы мебели. Живая ткань взбирается на подоконник и скользит по ставням.

Скарлетт Тэтч знает о том, что задумала Корделия. Но Корделия слишком уверена в своем плане — рассчитывает на его масштаб, дерзкий выпад, с которым преподнесет его, и непрекаемость себя в роли хозяйки ситуации. Да-да-да: она заманила Скарлетт Тэтч в ловушку. Мудрая, дальновидная Корделия Кэндл. Она упустила только одно: она заперла в ловушке вместе со Скарлетт Тэтч себя саму. И никто не выберется отсюда, лишь брызги крови останутся высыхать на стенах крысоловки.

Один из краев подола проскальзывает в щель между порогом и дверью и ползет в коридор, стремительно выстилая алым ковром пол. Достигнув главной лестницы, он разделяется надвое — одна его часть скатывается ступенька за ступенькой на первый этаж, а другая переползает на третий. Ткань окутывает застывшие фигуры, аккуратно обнимает чашки с чаем, чтобы не намокнуть, и сигары, чтобы не обжечься. Ткань умна. Ткань алчна — она затягивает собой все. Тем временем другой край подола пробирается через окно комнаты Скарлетт Тэтч на улицу, ползет по стенам, разделившись на множество лоскутов. Весь дом стремительно драпируется...

Скарлетт Тэтч все выяснит и сама все сделает. Ни на кого нельзя положиться. Доверенные лица — это те лица, которые тебя предадут злонамеренно, зная все твои тайны, зная, куда именно бить. И даже самые якобы верные и расторопные не в силах ничего предпринять. Столько попыток потребовалось Джесили, чтобы помешать плану Корделии Кэндл! А ведь все было так просто. Просто столкнуть с лестницами, удушить во сне, отравить, застрелить (новый век — новые методы). Нет же,

вместо этого она позволила себе какие-то изыски вроде корня мандрагоры и Кровавой Мэри. Один взмах ножа — и та, на ком зиждется весь план Корделии Кэндал, умерла бы...

Девчонка не справилась, поэтому приходится действовать самой Скарлетт Тэтч. Действовать, когда времени уже не остается. Она понимает, что Гарри был бы весьма против убийства собственной дочери, но мужчинам просто не может навредить то, о чем они никогда не узнают. Она слишком жестока? Быть может... А Кристина... Нет, она любит малышку Кристину, как родную племянницу. Но свое положение Скарлетт Тэтч любит больше.

А еще она любит «своего мистера Кроу». Так сильно любит, что ни за что не отпустит его. Она чувствует, что Гарри в опасности. Она хочет помочь ему, а для этого нужно сперва его найти.

Подол платья окутал уже весь дом, ткань задрапировала дымоходы, оставив лишь щели для дыма, затянула флюгеры. И людей. А его все нигде...

Тук-тук... раздался вдруг едва слышный стук откуда-то из-за спины. Скарлетт открыла глаза и обернулась. В тот же миг подол ее платья пополз обратно, уменьшаясь и будто бы тая... Спустя несколько мгновений — намного меньше, чем ткани понадобилось для того, чтобы окутать весь дом, — подол уменьшился до своих обычных размеров. Крик-Холл вновь приобрел привычные очертания, как и комната госпожи Скарлетт Тэтч. И лишь задумчивое штурмовое море по-прежнему шумело за окном.

Время продолжило идти...

Тук-тук-тук... Скарлетт догадалась, что стук раздается из ее вишневого ридикюля, который лежал на туалетном столике. Она раскрыла его и заглянула внутрь. Стук стал громче и звучал он из пурпурной сумочки.

Скарлетт схватила ее и откинула защелки. В одну из половинок было встроено крошечное круглое зеркальце. И в этом

зеркальце сейчас отражалось отнюдь не ее удивленное лицо — в нем было испуганное и изможденное лицо Гарри Кэндла.

— Она не могла... — начала Скарлетт пораженным шепотом.

— Как видишь, — ответил Гарри. От его сорванного хриплого голоса ей стало не по себе.

— Это из-за писем? — покусывая губу, предположила Скарлетт. — Она нашла их?

— Нет. — Гарри на мгновение обернулся, словно вдруг услышал что-то или ожидал чего-то с минуты на минуту. — Я полагаю, что нет. У нее были другие мотивы.

— Я ей шею сверну! — сжав зубы, процедила Скарлетт. — Как она посмела!

— Нет, Скар! — слабо запротестовал Гарри.

Мадам Тэтч не слушала:

— Я сдеру с нее всю ее змеиную шкуру, а затем...

— Скар...

— ...выпотрошу и отдам ее поганые внутренности псам.

— Скарлетт! — Гарри повысил голос и тем заставил разгневанную женщину замолчать. — Не нужно ничего делать Корделии. Я прошу тебя, только не сейчас.

— Но она заслужила!

— Пусть так, — кивнул Гарри и тепло поглядел на Скарлетт, — но сейчас все и без того плохо. Не нужно мстить, лучше, я умоляю, помоги мне выбраться отсюда!

Гарри выглядел так, будто он опаздывает на самый важный в своей жизни поезд.

— У меня совсем мало времени.

— Да, я знаю, — кивнула Скарлетт. — Шабаш уже сегодня ночью.

— Меня сейчас беспокоит отнюдь не шабаш.

И тут Гарри Кэндл дернулся как от удара. Он в ужасе обернулся и поглядел в ту сторону, где отражалась дверь

в комнату Скарлетт. Он вжал голову в плечи и вообще повел себя так, как будто за этой дверью стоял некто, кого он смертельно боялся. При этом он закрыл уши руками и закричал, словно пытаясь перекричать внезапно взревевшую сирену штормовой тревоги. Но на деле никакой сирены не было — с этой стороны зеркальца ничего не изменилось. Что-то происходило там, в зазеркалье.

Скарлетт застонала от собственного бессилия. Словно не стало вдруг Верховной ведьмы ковена Тэтч: внутри величественной и великолепной оболочки поселилась слабая женщина, которая была не в состоянии помочь своему любимому.

— Я здесь не один, — одними губами прошептал Гарри, но Скарлетт все услышала предельно отчетливо. — Эта тварь...

В горле у Скарлетт пересохло.

— Кто? Кто там?

— Это... она. И она всегда знает, где я, — сказал Гарри. — А меня может предупредить только грохот. Этот грохот... Как будто мир кругом рушится, как будто тысячи пальцев одновременно рвут тысячи клочков бумаги, как будто когти скрежещут по полу и стенам. А еще колокольный звон... Этот звук приходит намного раньше нее, но он сообщает мне: она снова напала на мой след. И она близко...

— Нет... — Скарлетт все поняла. — Корделия заперла эту тварь там, вместе с тобой? Ну, пусть только попадется мне в руки...

Гарри не слышал. Он продолжал лихорадочно шептать, зажав уши руками:

— Из этой комнаты только одна дверь, а через окно я выбраться не могу. В отражении в замке торчит ключ, но он ее не остановит. Я не должен запирать себя в подобных местах — местах с единственным входом. Это западня. Я должен бежать. Если я хочу выбраться отсюда, я уже должен... Я попытаюсь спрятаться от нее на чердаке. — Гарри вдруг

прекратил тараторить и взглянул на Скарлетт. — Я запутаю следы, побегаю по зеркалам в доме, а ты попытайся что-нибудь придумать. Прошу тебя. Пока она не добралась до меня! На чердаке я продержусь какое-то время. Джозеф уверял, что никто не сможет туда проникнуть. Эта тварь сломает о чердачную дверь свои когти...

— Нет, Гарри, постой! — попыталась отговорить его Скарлетт. — Не делай этого. Я проверила весь дом. Чердак тебе...

В дверь комнаты раздался стук. Пустой Костюм слегка пошевелился, ожидая указаний. Скарлетт проигнорировала. Не сейчас! Кто бы там ни был!

— Что там такое? — спросил Гарри, испуганно глядя за ее плечо.

— В дверь кто-то стучит, — раздраженно пояснила Скарлетт. — В этом доме нельзя выкроить ни минуты покоя! Я пыталась тебе сказать, чтобы ты не шел на чердак ни в коем случае... Не иди туда...

Гарри явно ее не слышал. Он зажал уши руками и отвернулся от зеркала. Тварь была близко. Ему нужно успеть выскочить из комнаты с единственным входом...

В дверь комнаты Скарлетт снова раздался стук. Более настойчивый. Стук этот уверял, что человек в коридоре никаку не намерен уходить, пока ему не откроют.

— Да кто там?! — Скарлетт в гневе подняла глаза от зеркальца.

Всего на мгновение... всего на какое-то мгновение она прервала зрительный контакт с Гарри, но, когда она поглядела в пурпурницу вновь, его там уже не было. Она даже не знала, удалось ли ему сбежать от идущей по пятам твари, или та разделалась с ним. Проклятье! Ну, она сейчас задаст этому нахалу за дверью! Да, как следует задаст! Только быстро, а потом попытается снова отыскать Гарри.

Скарлетт с громким щелчком захлопнула пурпурницу и резко взмахнула рукой. Повинуясь ее жесту, ключ повернулся

в замке, и дверь открылась. В комнату вошел старший сын Корделии Кэндл, Виктор. Что ему нужно?

— Винсент? — удивилась Скарлетт.

— Виктор, — поправил Виктор, округлившимися от удивления глазами разглядывая комнату мадам Тэтч. У шкафа стоял ничуть не желающий выглядеть менее странным Пустой Костюм. Из потолка росли розы. За окном шумело... море.

— Уже позднее время, Винсент, — хмуро проговорила Скарлетт. — В такой час молодым людям не пристало посещать гостевые комнаты незамужних дам.

— Я пришел поговорить с вами, чтобы... — начал было Виктор.

— Сейчас не лучшее время.

По лицу Скарлетт было видно, что речь не о неуместности позднего визита, а о некоем деле, от которого Виктор имеет наглость ее отрывать.

— Вы говорили с отцом? — спросил Виктор без обиняков. — Вы поможете ему?

— Что? — вздрогнула Скарлетт. — Я не понимаю...

— Хватит играть в эту нелепую игру! — с вызовом сказал Виктор. — Уже не до этого. Я все вам рассказал, когда встречал ваш автомобиль у ворот Крик-Холла.

— У ворот Крик-Холла?

Скарлетт нахмурилась: что он такое несет? Виктор Кэндл ведь не встречал ее, и первый раз она увидела его только в гостиной, когда вручала свои подарки.

— Уже забыли? Зато моя脊на помнит ваши чемоданы. Тяжеленные, огроменные чемоданы! Их было столько, будто вы привезли с собой содержимое пары шляпных лавок...

И тут Скарлетт поняла. Она посыпала свой багаж раньше, чтобы к ее приезду все успели подготовить. И, видимо, при этом кто-то прикинулся ею. Причем проделал это мастерски, учитывая, что молодой человек не смог распознать обман.

Конечно, Скарлетт сразу же поняла, кто это мог быть: «Чертовы русские», — подумала она.

И тем не менее Виктору этому верить нельзя: кто знает, вдруг его подослала Корделия.

— Не тебе, дорогой мой, указывать даме, как и в каком виде ей путешествовать, — важно проговорила Скарлетт. — Сперва ты проявил бес tactность, явившись в неурочный час, а затем посмел добавить к этому еще и свое дурное обхождение! Надеюсь, ты изволишь оставить мою комнату сейчас же и избавишь меня от своих грубости и бестолковости.

— Но как же мой отец? — не отставал Виктор.

— Раз уж ты мне все якобы рассказал при встрече, я обещаю тебе подумать. А теперь могу я наконец остаться одна?

— Обещаете подумать? — возмутился Виктор. — Но этого мало!

Скарлетт прищурилась, по губам ее растеклась змеиная усмешка:

— Это лишь повод, верно? — спросила она. Ведьма вдруг поняла, что этот невзрачный молодой человек сейчас скажет ей такое, что изменит все. Этот Виктор далеко не прост. *В нем есть что-то...* И мадам Тэтч ощущала пока еще неявную, но легко угадываемую угрозу.

— Что вы имеете в виду?

Виктор поежился и сунул руки в карманы, словно и правда рассчитывал, будто она не заметит, как они дрожат.

— Только лишь повод, чтобы оказаться здесь, — пояснила Скарлетт. — Я вижу, что ты не уйдешь, пока не спросишь что-то еще. То, что, уж прости, занимает тебя сейчас намного больше, чем бедственное положение твоего отца.

Виктор опустил глаза. Эта женщина была права. Она всегда была права.

— Только вы сможете помочь, — едва слышно проговорил он.

— Разве? — делано удивилась Скарлетт.

— Только вам я могу доверять.

— Но ты меня совсем не знаешь, Винсент. И я тебя совсем не знаю.

— Именно поэтому и доверяю, — сказал Виктор. — Помогите мне. Я знаю, что со мной что-то не так.

— Неужели? — ехидно усмехнулась Скарлетт.

Виктор не уловил иронии:

— Да, и принятие собственной болезни — первый шаг к ее исцелению, — добавил он хмуро. — Я знаю: брал интервью у профессора из клиники «Бедлам». Он говорил: «Чтобы победить врага, нужно сперва признать его наличие».

— Ты хочешь победить врага, Винсент?

— Для начала убедиться, что он есть. Познакомиться с ним.

— А может, тебе просто *кажется*, что он есть, твой враг?

— Нет, мне подтвердили.

— Кто же?

Виктор замялся. Ему вспомнились слова, услышанные совсем недавно: «А может, тот, кто внутри тебя, откажется от своей собственной затеи и оставит тебя в покое?..» Это подтвердило не просто факт наличия этого «врага», но и доказывало то, что о нем многие знают. И слова Кристины больше не казались ему сумасшествием. Нет, сумасшествием ему теперь казалось кое-что другое.

— Тетушка Мегана.

— Ну, если сегодня не третья среда месяца, когда она радует окружающих своей редкой шутливостью, то, вероятно, это правда.

— Сегодня не третья среда месяца, — заверил Виктор.

— С чего ты взял? — спросила Скарлетт. — Ты считал?

— Сегодня вообще не среда.

Скарлетт Тэтч улыбнулась.

— Вы поможете мне? — хмуро спросил Виктор. — Вы можете определить, кто в меня вселился?

— О, любим называть вещи своими именами? Похвально. Ну, будь у меня кошачий глаз, я бы мгновенно определила, но... здесь и так бегает слишком много слепых котов.

— То есть вы хотите сказать, что узнать никак нельзя? — огорчился Виктор.

— Нет, я хочу предупредить: порой подобное знание опасно, — ответила Скарлетт. — И в первую очередь оно опасно тем, что с его обретением жизнь разделяется на «до» и «после». И ничего не вернуть, ничего не забыть, ничего не...

— Я так и знал! — Виктор дернул головой. — Вы отговариваете меня.

— Отговариваю? Как бы не так! — Скарлетт Тэтч театрально взмахнула рукой, и в тот же миг замок на двери громко щелкнул, при этом на него еще легли кое-какие чары против подслушивания — она не могла допустить, чтобы кто-то в Крик-Холле стал свидетелем этого разговора. — Я, признаюсь, чересчур любопытна. И подобное открытие, может быть, станет самым ярким впечатлением за все эти праздничные дни. Чтобы я лишила себя такого зрелища?! Нет, я предупреждаю тебя потому, что просто хочу избежать сумасшедших припадков в своей комнате.

— Почему припадков? — оскорбился Виктор.

— Твой профессор из «Бедлама» упустил одну вещь, — ответила Скарлетт. — Когда ты признаёшь наличие своего врага и убеждаешься в его присутствии, появляется также и отчаяние вперемешку со страхом и щепоткой злости от одного только осознания его существования. Особенно если...

— Особенно если он действительно поселился в моей голове, — закончил Виктор. — Мы сейчас говорим о... диссоциативном расстройстве личности?

Скарлетт снисходительно усмехнулась:

— Какой смывленый и в то же время глупый мальчик.

— Страх и злость я испытываю и сейчас, — признался Виктор.

— Я вижу. — Скарлетт кивнула. — Ты придумал, что будешь делать после того, как узнаешь? Таблеточки не помогут, и, скорее всего, никакое ведьмовство тоже. Останется только «после».

— Я просто хочу убедиться...

— Ведь не просто, верно? — спросила Скарлетт. — Ты что-то задумал? Нет! — она прервала сама себя. — Не говори! Так интереснее! Не рассказывай мне конец пьесы до того, как она началась! Я помогу тебе все узнать и с удовольствием погляжу на то, что произойдет. Расскажи мне о нем, твоем враге.

— Ну... — Виктор даже не знал, с чего начать. По сути, у него были лишь догадки и домыслы. — Он бодрствует, когда я сплю, но стоит мне проснуться, исчезает. Я не знаю, всегда ли он здесь, и вообще не до конца уверен, что все это мне не примерещилось. Иногда я чувствую...

— Достаточно, — прервала его Скарлетт. — Я узнала все, что нужно. Значит, сон... Занятно. Что ж, тогда все становятся еще проще. Мы всего лишь погрузим тебя в сон и поглядим, что будет.

— Но мне нельзя спать! — запротестовал Виктор. — Как я тогда узнаю, что произошло? С ваших слов?

— Еще ничего не сделали, а ты уже кипятишься, — проворчала Скарлетт. — Вот она, невежественная горячая юность. Ты будешь спать, но при этом бодрствовать.

— Нечто вроде гипноза?

— Предпочту сделать вид, что не услышала, — оскорблена заметила Скарлетт. — Это не какое-то жалкое шарлатанство ученых умников, а высокое ведьмовское искусство!

Скарлетт Тэтч не раздумывала ни секунды. Она даже не пыталась спрятать торжествующий огонек в глазах: ее запасной план должен был вот-вот составиться сам собой — что это, если не судьба? Ведьмы не верят в судьбу, точнее, не верят в нее в том понимании, в каком верят в судьбу простые

люди. Многие говорят: судьба, и это, некогда потаенное, но ныне понощенное, как старые башмаки, слово тут же становится для них ответом на все то, чего они никак не могут объяснить. Ведьма, в свою очередь, знает, что судьба — это сложный механизм со стрелками, которые всегда на что-то указывают и предлагаю следовать в заданном направлении. И Скарлетт решила следовать.

Поднявшись с кресла, она подошла к большому гардеробному зеркалу, завешанному шторкой, дернула за витой шнурок — и шторка отползла. Виктор тотчас же встретился с недоуменным и немного испуганным отражением собственного лица.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Погляди наверх. — Скарлетт коварно улыбнулась.

Виктор послушался и вздрогнул — из потолка прямо к нему на длинном извилистом стебле тянулся большой кроваво-красный бутон розы. Бархатные лепестки подрагивали и шевелились, как рыбы жабры, будто пытаясь вдохнуть, вобрать в себя Виктора.

— Не бойся, мальчик, понюхай цветочек, — прощебетала Скарлетт.

Виктор нерешительно потянулся к бутону, но тот вдруг дернулся, как скорпионье жало, и ударили Виктора прямо в лицо. В тот же миг он неосознанно втянулся в себя терпкий аромат розы. В голове помутилось, и Виктор покачнулся. Но уже через секунду все прошло.

Поначалу Виктор даже не понял, что изменилось, но, оглядевшись, осознал: кто-то смыв с мира все его краски. Все поблекло, налилось оттенками серого, утратило четкость, стало напоминать старую фотокарточку.

— А теперь подойди и прикоснись к нему, — сказала Скарлетт, кивнув на гардеробное зеркало, после чего величественно уселась в кресло и облокотилась на спинку — разве что театральный бинокль не достала.

Виктор беспрекословно последовал указанию, и в тот миг, как его пальцы коснулись ледяной поверхности зеркала, отражение слегка повернуло голову, оглядываясь. И это при том, что пораженный Виктор смотрел прямо на него, вообще не шевелясь.

Он вздрогнул и на мгновение убрал руку. В ту же секунду отражение подернулось и вновь превратилось в точную копию молодого рыжего человека в темно-зеленом костюме.

— Не разрывай связь! — велела Скарлетт, и Виктор тут же вновь прикоснулся к гладкому стеклу.

— Да, дорогой мой, это весьма невежливо, — подтвердил отражение.

В зеркале был незнакомец. Он весьма походил на Виктора Кэндла: рыжие волосы, зеленые глаза, узкие плечи и впавшая грудь. Но, в отличие от Виктора, его отражение выглядело уверенным в себе, и все недостатки угловатого рыжего парня оно каким-то образом обратило в достоинства. Отражение выглядело более *настоящим*, чем сам нелепый и дерганый журналист. Оно выглядело просто изумительно. Еще бы, ведь оно не сомневалось в своем великолепии, не занималось самокопанием и ничего не боялось. Да даже чертов костюм на отражении сидел намного лучше! Виктор никогда никому не признался бы, что именно таким он всегда и мечтал быть.

— Какой красавчик, — заметила Скарлетт. — Не то, что некоторые.

— И сам знаю, — сказал Виктор со злостью.

— «И сам знаю», — самодовольно усмехнулся отражение...

...Мистер Эвер Ив смотрел на себя со стороны. К его величайшему сожалению, зрелище было весьма посредственным: Виктор Кэндл с глупым видом пучил глаза, глядя на него, и стоял неподвижно, как истукан. Мистер Эвер Ив не хотел быть отражением истукана, поэтому он немножко прошелся

из стороны в сторону, заложив руки за спину, и обернулся кругом, разглядывая то место, в котором оказался. После чего подошел к отражению Скарлетт Тэтч и, нагло вытолкав его из кресла, уселся сам. Отражение Скарлетт осталось стоять и злиться, оскорбленное его неджентльменским поведением. Настоящая же Скарлетт улыбалась, заинтригованная происходящим.

Виктор ничего не говорил — он все еще надеялся, что это ему снится или, на худой конец, им завладели дурманящие разум чары тетушки Скарлетт. При этом он прекрасно понимал, что сейчас имеют место одновременно оба варианта. Два варианта, не исключающие третьего: все происходит наяву, по-настоящему.

— Ну, здравствуй, дорогой сосед, — сказало отражение.

— Сосед? — удивился Виктор, но тут же понял смысл сказанного. Он едва себя сдержал, чтобы не ударить кулаком по зеркалу, прямо по наглому лицу собственного отражения.

«Сумасшедшие припадки, — припомнилось Виктору. — Тетушка Скарлетт была против них у себя в комнате».

Шок постепенно отступал, как утренний туман, растворяемый ветром. Виктор заставил себя успокоиться, хотя, учитывая обстоятельства, это было чертовски трудно. Существо с другой стороны зеркала наблюдало за ним — с насмешкой, едва ли не с презрением. Несмотря на то что двойник носил костюм, сидел в кресле и улыбался — делал то, что делают люди, — он даже не пытался притворяться человеком.

— Ты — Иерарх Оного Имени, — сказал Виктор своему отражению. — Ты и есть тот самый Иероним, о котором я слышу все последние дни.

— Какой умный мальчик, — заметила Скарлетт с улыбкой. — Знает про Иеронимов...

Отражение Виктора согласно покивало, а отражение самой Скарлетт, стоя за спинкой кресла мистера Ива, начало

подавать своей хозяйке яростные знаки, пытаясь привлечь ее внимание к Человеку в зеленом. Зеркальная Скарлетт бессловесно пыталась объяснить настоящей Скарлетт, кто это такой.

— Вы ведь сами мне о них рассказывали, — напомнил Виктор ведьме Тэтч.

— Правда? — Та с подозрением глядела на собственное отражение. — Должно быть, это было, когда ты таскал мои чемоданы. Что ж, порой мы все немного не в своем уме.

— Я всегда в своем уме, — незамедлительно ответил не-Виктор в кресле. — Хотя кого я обманываю. — Он заговорщицки подмигнул своему альтер-эго.

— Как тебя зовут? — спросил настоящий Виктор. — Ведь даже у Иеронимов, наверное, есть имена, да?

— Что значит «наверное»? — оскорбилось отражение. — Мое имя, вообще-то, самое прекрасное из всех существующих имен и, как мне не раз говорили, идеально мне подходит.

Отражение Скарлетт тем временем в отчаянии всплеснуло руками и принялось затравленно грызть ногти. Настоящая Скарлетт вдруг ощутила боль в пальцах, опустила взгляд и увидела, что ее собственные ногти сгрызены до самого мяса. Поморщившись, она поспешила спрятать руки. Что происходит?!

— И как же тебя зовут? — спросил тем временем Виктор.

— Можешь называть меня мистер Эвер Ив.

Скарлетт сжала зубы, чтобы не выдать волнение пораженным вздохом. Она поняла, с кем имеет дело. Поняла, почему ее отражение вело себя столь странно.

Мистер Эвер Ив, будто подражая коронному трюку тетушки Рэмморы, достал прямо из воздуха сигарету и многозначительно поглядел на Скарлетт. Та с виду равнодушно взмахнула рукой — и в тот же миг сигарета в зеркале задымилась.

— Благодарю. — Мистер Эвер Ив подмигнул ей и выпустил колечко дыма, которое постепенно переросло в замочную скважину.

— Я знаю, что ты задумал, — сказал Виктор. — Знаю, что Сэр — это ты. Ты был в башне с часами, и я нашел твою запись в своей тетради.

— А я читал твою тетрадь, — хмыкнул мистер Эвер Ив, — и знаю, что ты знаешь. Вопрос в том, что ты намерен с этим делать?

Мистер Эвер Ив достал из кармашка жилетки серебряные часы — подарок Виктору Кэндлу от Скарлетт Тэтч — и открыл их. Губы его непроизвольно расположились в улыбке. Он приставил часы к уху, наслаждаясь их мерным, чистым тиканьем, и прошептал что-то, похожее на: «Замри... Замри... Замри...»

— Я остановлю тебя, — непререкаемым тоном заявил Виктор.

— Но зачем? — удивленно спросил мистер Эвер Ив, поглядев на Скарлетт. Та пожала плечами: мол, даже не догадываюсь, зачем этому неразумному мальчишке понадобилось вас останавливать.

— Как зачем? — Виктор был ошарашен. — Ты, твой этот Ключ и прочие хотите захватить город!

Мистер Эвер Ив выглядел довольным — словно ему только что напомнили о приятнейшей для него предстоящей игре в крикет.

— Насколько я тебя знаю, Виктор Кэндл, — сказал он, — тебе плевать на этот город. В чем же в таком случае дело?

Виктор сжал зубы:

— Дело в том, что ты подлый ублюдок и нам с тобой не ужиться.

Скарлетт вздрогнула и вцепилась в подлокотники. Она знала, что так говорить с подобными существами ни в коем случае нельзя. Отражение Скарлетт пошло еще дальше — оно грохнулось в обморок. Но мистер Эвер Ив лишь усмехнулся.

— Почему ты так зол, дорогой? — ласково спросил он. — Неужели из-за того, что я...

— Влез в мою голову и мое тело? — в ярости продолжил Виктор. — Нет, не только. Я зол, потому что ты хочешь сожрать Сашу.

— Сожрать? — поморщился мистер Эвер Ив. Он снова нежно погладил часы на цепочке. — Какое грубое, нехорошее слово. Оно мне определенно не нравится. К тому же, смею тебя заверить, бледные молчуньи слегка не в моем вкусе. Вот черноволосая красотка в полосатых чулках — совсем другое дело.

— Не приплетай сюда Кристину! — рявкнул Виктор.

— Я просто хочу, чтобы ты кое-что понял...

— Тебе не обязательно сжирать Сашу? — с надеждой спросил Виктор.

— Нет, это обязательно.

Мистер Эвер Ив выглядел сожалеющим.

— Вот видишь! — яростно закричал Виктор. — Что я говорил!

— А теперь помолчи и послушай меня, — холодным голосом проговорил мистер Эвер Ив, и Виктор понял, что сейчас ему и правда стоит замолчать. В его отражении больше не было и намека на шутливость. — Неужели ты полагаешь, что если бы я не хотел с тобой встретиться, то позволил бы так вот просто какой-то ведьме... не обижайся, милочка... — он поглядел на Скарлетт, — ...какой-то ведьме меня призвать? О нет. Просто пришло время нам с тобой наконец поболтать по душам. Только поэтому я здесь, а не там. — Мистер Эвер Ив ткнул сигаретой в Виктора. — И хоть ты злишься на меня, на самом деле твой враг не я.

— Не ты? А кто же тогда?

— Ты прекрасно знаешь, кто все это затеял. И что она пытается сделать. Она наш общий враг, и, поверь мне, в одиночку тебе ее планам не помешать. Если уж даже я не справлюсь

самостоятельно, то о чём тут говорить... Но вместе у нас есть шанс. Мы не дадим ведьме Кэндл принести жертву, а без жертвы весь её план развалится. Как видишь, я просто хочу помочь нам обоим.

— Почему я должен тебе верить?

— Мне не нравится, когда меня пытаются подчинить, — просто пояснил мистер Эвер Ив. — У меня на это жуткая аллергия. Твоя мамочка, видимо, хочет выдать мне строгий костюмчик, портфельчик и заставить ходить на работу с девяти до семи. Но нет! Только не это! Лучше смерть, чем рутина!

— И что ты предлагаешь? — удивился Виктор. — Ты ведь сказал, что тебе обязательно нужно сожрать Сашу.

— Да, я слишком вежливый и обладаю идеальными манерами, — хвастливо проговорил мистер Эвер Ив. — И если хозяйка поставит передо мной блюдо, я с удовольствием его съем и еще похвалю поджаристую корочку. Так что если мне дадут твою Сашу, я ее... как ты там говорил?.. сожру. Но вот тебе ее есть необязательно. — Мистер Эвер Ив пытался выглядеть как профессор, открывающий своему студенту все остроумие и изящество решения какой-то сложной задачи. — Все зависит от твоих, милый мой, гастрономических предпочтений. В отличие от меня, насколько я знаю, ты не ешь красоток. Поэтому, если вместо меня именно ты отправишься за сиротой в Черный город, она мне попросту не достанется.

— Постой-ка, я ничего не понимаю...

— Твоя мамочка все продумала, можешь мне поверить, — проворчал мистер Эвер Ив. — С самого своего рождения Саша — это всего лишь приманка, и единственная её роль — помочь ведьме Кэндл заполучить меня. Жертва приготовлена таким образом, что я просто не смогу устоять: меня будет тянуть к ней, пока я ее не найду. Ведьма Кэндл надеется, что я отправлюсь в Черный город, найду там твою сироту

и расправлюсь с ней. «Блюдо вечера» ждет особого гостя, но ты, дорогой мой, можешь не допустить этого, ограбив ее буфет.

Глядя на по-прежнему недоуменное выражение лица Виктора, Скарлетт решила подсказать:

— Он предлагает подыграть Корделии. Ты отправишься в Черный город вместо него и вызволишь свою Сашу, которая, судя по всему, там заперта. Как любопытно...

— Черный город — что это такое на самом деле? — спросил Виктор.

— Это отражение вашего мира. — Мистер Ив скрестил руки перед собой и ткнул указательными пальцами в разные стороны. — То место, где я имею сомнительное счастье сейчас находиться.

— Зазеркалье, где пленен отец, — хмуро сказал Виктор.

— Вероятно, — равнодушно подтвердил мистер Эвер Ив. — Здесь, к слову, не так уж и плохо, — добавил он, оглядываясь по сторонам. В его голосе прозвучала явная неуверенность.

— И как я отыщу там Сашу? — спросил Виктор.

— Я дам тебе проводника.

— Одного из своей шайки чудаков?

Мистер Эвер Ив расхохотался:

— «Шайка чудаков» — звучит лучше, чем «шайка престарелых», ты не находишь?

Виктор не оценил иронии.

— Это еще не всё, — напомнил он.

— Дай угадаю, — усмехнулся мистер Эвер Ив. — Ты хочешь узнать, как потом сможешь вернуться в это тело? И как застать его пустым, без моего в нем присутствия?

— Именно.

— Когда мой план свершится, — уверил мистер Эвер Ив, — мне не нужно будет тело сутулого рыжего парня, которое меня слегка полнит. Я отдаю его тебе. Да, совершенно

безвозмездно. Видишь, это все жесты моей чрезвычайно доброй воли, на самом деле я очень добренъкий — они просто все лгут. — Он неприятно рассмеялся и стер воображаемую пылинку с носка коричневой туфли. — Но на этом всё — понимаешь, если я отмерю тебе еще немного подобных жестов, это уже будет напоминать трактирную пантомиму.

Виктор глянул в глаза своего отражения и увидел там лишь коварство.

— Вот так просто? — недоверчиво спросил он. — Просто вернешь мне мое тело?

— Милый мой, — с неподдельной усталостью в голосе проговорил мистер Ив, — я не хочу править Вечным Кануном только в те моменты, когда вы, ваша светлость, соизволите немного поспать. Я уже присмотрел себе прекрасный новый «костюмчик». Полагаю, русский красавчик, которого я видел в этом доме, идеально мне подойдет. Что же касается всего прочего... То, что этот город будет моим, уже решено, подтверждено и согласовано.

— Кем и с кем? — негодующе спросил Виктор.

— Мной и со мной самим, — без обиняков ответил мистер Ив. — И ты можешь с этим лишь смириться. Но тем не менее ты просто обязан оценить мою невероятную щедрость: я даю тебе возможность помочь мне избавиться от посягательств на меня твоей жадной матушки и при этом спасти свою сироту и вернуть себе... хм... себя. Ты разве не понимаешь, что мы с тобой очень похожи?

— Похожи?

— Я просто пытаюсь освободиться, — сказал мистер Ив. — Не дать некой женщине по имени Корделия Кэндл сделать из меня своего раба. Знакомо? Ты сбежал от нее однажды. Позволь и мне.

— Ты говоришь, что хочешь вырваться? — спросил Виктор. — Но зачем ты в таком случае вообще вселялся в меня?

— Уж прости за грубость, — усмехнулся Эвер Ив, — но я и не собирался. Больно нужно... Это твоя дорогая, разлюбезная бабушка, Джина Кэндл, постаралась.

Виктор поглядел на Скарлетт, и та кивнула:

— Иеронимы не могут вселиться по своему желанию в тело живого человека. Его в тебя засунули.

Виктор вдруг почувствовал, что сейчас проснется. Что его сон наяву вот-вот превратится в полноценную явь и он утратит связь со своим отражением. Тянуть больше было нельзя.

— Если я соглашусь, — сказал он, — как я узнаю, что делать?

— Просто приляг, поспи, — посоветовал мистер Эвер Ив. — Я все напишу тебе в дневнике.

— Вообще-то это не дневник, а рабочая тетрадь, — уточнил Виктор.

— Ну мне-то можешь не врать, дорогой, — рассмеялся мистер Эвер Ив. — Скажешь тоже, «рабочая» — а работой у тебя, стало быть, являются сердечные муки и сентиментальность?

— Нет, я...

— Быстрее решай: ты согласен? Мне здесь уже не нравится. Становится прохладно... Так что?

Виктор молча кивнул, а мистер Эвер Ив улыбнулся и выдохнул колечко дыма, которое превратилось в часы.

Поморщившись, Виктор убрал руку и отступил от зеркала. В тот же миг его отражение вновь стало привычным и таким родным: сутулым и нескладным, как и сам Виктор. Оно стояло прямо напротив и чесало подбородок, копируя его действия.

— Что произойдет, если он освободится? — спросил Виктор, обернувшись к Скарлетт.

— Все самые худшие кошмары обретут плоть, — сказала та и утомленно потерла виски. — Ты ведь знаешь этих неугомонных Петровски? — спросила она и тут же сама ответила: — Конечно

знаешь. Так вот, уж кто-кто, но они осведомлены о том, что начинает твориться, когда подобные твари пытаются выбраться в мир. Петровски и их дети... Их бедные дети...

Виктор вздрогнул, моргнул и проснулся. Мир снова был ярок и многоцветен. Но сейчас в нем появилось еще кое-что. Нечто, что делало мир *избыточно* полным. И в этом самом мире его, Виктора, место было занято.

День был короток, как добрая память у ведьмы, и, когда городские часы на башне пробили семь вечера, стало совсем темно. Почти тогда же и прекратился ливший с обеда дождь — на радость толпе вышедших на охоту в город тварей.

С наступлением темноты Уэлихолн полностью перешел во владение монстров. Престарелые чудовища сидели в креслах-качалках и грелись у каминов, в то время как маленькие бродили по уличкам и заглядывали в каждую дверь, вынюхивая, высматривая, выпрашивая, требуя гостеприимства...

Когда дождь закончился, поднялся ветер. Он принялся трепать одежды странных существ и начал биться в стеклянные стенки фонарей, которые те держали за цепи в руках. Злой ветер обрывал последние листья с деревьев, словно гнусный мальчишка, и сбрасывал их на головы прохожим. Он хохотал и выл, забирался в дымоходы, проскальзывал на кухни и в гостиные домов.

Сотни фонарей разгоняли темноту, светились едва ли не все окна в городе, а от злобных ухмыляющихся тыкв с горящими глазами и кривыми ртами некуда было деться: они стояли на подоконниках, у входных дверей, на витринах

лавок и кафе, даже на желобах водостоков — и как туда-то забрались?! Вся эта рыжая иллюминация делала Уэлихолн похожим на иллюстрацию в какой-нибудь сказочной книге, но при этом никто не замечал, что прямо за чертой города, где начинались вересковые пустоши, тьма была совершенно беспространной и будто наваливалась на дома, как черный, вязкий прилив.

Улицы стали напоминать огромное кладбище, раскинувшееся между домами, — прямо на тротуаре, на дорогах, на мостах и даже на лестницах выросли надгробия, на которых не было имен, лишь даты: 1735, 1604, 1563, 1562, 1542... Года сожжения самых известных ведьм.

Но сейчас все эти ведьмы будто бы восстали из своих могил. Город захлестнуло нашествие людей в широкополых остроконечных шляпах и с метлами в руках. Как и монстры, они бродили по улочкам города поодиночке или группами, накладывали заклятия и безумно хохотали. Уэлихолн наполнился ведьминским смехом, ему вторили скрипки и крошечные оркестры, играющие на каждом перекрестке. Праздничная радиотрансляция звучала из всех автомобилей и всех входных дверей, то и дело открывавшихся навстречу гостям.

На главной улице установили «ведьминые весы» — громоздкое сооружение, представляющее собой две дощатые площадки на тросах. Подле весов стоял старый мистер Тоугрим, обычно шеф полиции, но сегодня — городской инквизитор. Он был облачен в бурю монашескую рясу, подпоясанную ветхой веревкой, и капюшон с пелериной. На груди у него висела дощечка с приколоченным к ней указом, в котором ему давалось право стегать любого, кто не пройдет испытание и окажется ведьмой. В руках городской инквизитор сжимал плеть с девятью хвостами.

С хриплым рыком «Выявим ведьму! Выявим ведьму!» мистер Тоугрим загонял прохожих на одну чашу весов, а на

другую взваливал громадные чугунные гири. Ведьма не могла весить больше, чем весили гири, поскольку считалось, что тяжелая женщина не может подняться в воздух на метле — так что плеткой получали почти все...

Мимо «ведьминых весов» медленно проехал, насилиу пробираясь через толпы угрожающие скалящихся и рычащих монстров, желтый таксомотор. Сидящая на заднем сиденье пассажирка в великолепном платье и шляпе с вуалью снисходительно усмехнулась, глядя в окно на мельтешение городского инквизитора.

«Святая наивность», — подумала она.

Таксомотор потерялся в городской суете, как сорвавшееся с пальца колечко — в куче опавших листьев. Листьев, которые подбрасывали ногами монстры, крадущиеся в тенях.

Рядом с каким-то домом в Холмовом районе стоял худой мужчина в сером пальто и шляпе. Он глядел на окна этого дома, закрытые красными ставнями, и будто бы ждал чего-то. Он не выглядел живым.

Маленький оборотень-вепрь натолкнулся на незнакомца, но тот его даже не почувствовал. Более того, сам вепрь тоже ничего не ощутил, он провалился сквозь мужчину и едва не рухнул в лужу.

— Эй, мистер... — раздумывая, то ли нагрубить, то ли извиниться, протянул ничего не понимающий вепрь, но, увидев отрешенное лицо с глядящими в пустоту глазами, предпочел последнее: — Э-э-э... простите, я вас не заметил...

Незнакомец не ответил. Он продолжал стоять в луже и разглядывать дом с красными ставнями, а нездачливый оборотень-вепрь побежал догонять ушедших вперед друзей.

— Вы видели?! — воскликнул он, когда вновь оказался среди прочих монстров. — Это призрак! Настоящий!

Товарищи по охоте поддержали его дружным смехом:

— А ты как думал?! Сегодня же Хэллоуин! Так и должно быть!

Вскоре монстры оказались на холме Ковентли. Посетили почти все дома вдоль дороги и в какой-то момент замерли, глядя на заросший плющом трехэтажный особняк, от которого совсем не веяло гостеприимством. Хоть все его окна и светились, но это был не добрый свет. Дом напоминал огромную чугунную печь, сквозь решетку которой проходит жар.

— Думаете, стоит туда зайти? — спросил оборотень-вепрь.

— Но мы ведь и не будем заходить, — задиристо ответила злая лесная фея, помахивая своими стрекозыми крыльышками. — Просто попросим конфет и...

— Что-то не хочется... — поддержал собрата оборотня-вепря оборотень-волк.

— Да не трусьте! — воскликнул ходячий скелет, гремя костями. — Это ведь Хэллоуин! *Должно* быть страшно!

Монстры неуверенно толкнули калитку. Она пугающе заскрипела. Собравшись с духом, незваные гости гурьбой потопали по дорожке к дому.

— Эй, меня что-то схватило! — взмыла мумия.

Друзья испуганно обернулись и, не сговариваясь, расходились: мумия зацепилась бинтом за прут калитки.

— Вот болван! — заливалась смехом маленькая ведьма-перевоклашка. — Болванская мумия!

Шайка монстров весело пропрыгала по дорожке и остановилась перед дверью в нерешительности. Из дома звучала музыка, слышались голоса. Порой раздавались какие-то крики.

— Кто будет стучать? — нерешительно спросил оборотень-вепрь.

— Да! Кто? — поддержал его, как обычно, оборотень-волк.

— Я точно не буду... — испуганно пробормотала мумия.

— И я! — заявила злая лесная фея. — Сами стучите!

— Может, уйдем? — предложил упырь, шевеля обвислыми ушами.

Пока друзья спорили, маленькая ведьма-первоклашка незаметно для других встала на цыпочки и ударила несколько раз в дверной молоток.

— Открыто! — раздался откуда-то из дома голос.

Монстры переглянулись — подобного они не ожидали: никто из них не собирался заходить в этот пугающий дом. Они полагали, что немного постоят на пороге, а потом уйдут своей дорогой, но мнения монстров явно никто в расчет не принимал.

— Стукни еще раз, — попросила мумия, и маленькая ведьма-первоклашка тут же постучала. Ей нравилось быть самой храброй, и это при том, что она была самой младшей среди всех монстров.

С недоброжелательным восклицанием «Открыто же!» дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомец. Человек в зеленом костюме казался высоченным. Он глядел на них сверху вниз, и на его лице читалось недовольство.

Монстры застыли, пораженно глядя на незнакомца. Бледный, потерянный, он напоминал одного из тех призраков, которые во множестве бродили нынче по городу. И даже копна его рыжих волос казалась покрытой слоем пыли.

— Откупись, а то заколду! — маленькая ведьма-первоклашка угрожающе подняла свой жезл со звездочкой.

— Будь гостеприимным, человек в зеленом! — добавил упырь загробным голосом. — Иначе сживу тебя со свету...

— А я утащу в свой саркофаг и отдам на съедение скарбейям! — добавила мумия.

— А я разорву тебя на части своими клыками! — грозно прорычал оборотень-вепрь.

— И я! — добавил оборотень-волк.

— Сладость или гадость! — заголосили монстры все вместе. — Сладость или гадость! Сладость или гадость!

— В общем, ясно, — занудно пробормотал человек в зеленом. — Сейчас совсем не до вас.

— Как это не до нас? — удивилась маленькая ведьма-первоклашка. — Сейчас как раз до нас! Когда же, если не сейчас?

Человек в зеленом шагнул к ним — и монстры в ужасе отпринули. Но спустя мгновение они поняли, что этот тип не собирается покидать дом: он поднял ногу, довел ее до порога, явно намереваясь ступить за него, но его нога будто коснулась чего-то скользкого и сползла на прежнее место. Он попытался еще раз, но ничего не вышло. Как и до того, стоя в прихожей и сжав зубы от напряжения, незнакомец все пытался выйти за дверь, но раз за разом он просто шагал на месте.

— Что здесь творится? — прорычал человек в зеленом. — Это кто-то из вас делает?

— Что делает? — удивилась маленькая ведьма-первоклашка.

— Кто-то колдует и не пускает меня за порог.

— А, да! — храбро заявила сообразительная малышка. — Это я!

— А ну быстро прекрати свои шуточки, иначе я за себя не ручаюсь! — велел человек в зеленом, угрожающе хмуря брови.

Малышка испуганно взмахнула жезлом и сказала:

— Мыло и гвозди! Обертка и селедка! Я снимаю чары!

Человек в зеленом костюме нетерпеливо покивал, после чего вновь поднял ногу, намереваясь переступить порог. Но неведомая сила вновь не пустила его. Он в бессилии поставил ногу рядом с другой.

— Ничего не вышло! — застонал человек в зеленом, и было неясно: то ли он так шутит, то ли говорит серьезно. Впрочем, монстрам показалось, что его странная игра весьма затянулась. — Ну, я тебе сейчас задам!

— Что? — по-настоящему испугалась малышка. — Тогда это не я!

— Кто, если не ты?! — рявкнул незнакомец, и тут на его лице появилось выражение, которое можно было назвать смесью горечи и безысходности — он будто что-то понял.

— Что это ты делаешь?! — раздался из-за его спины резкий девчачий голос, и в следующее мгновение негостеприимный человек в зеленом костюме был безжалостно отодвинут в сторону.

На пороге появилась молодая черноволосая ведьма в черном платье с оборванным подолом, полосатых чулках и остроконечной шляпе, отбрасывающей на лицо глубокую тень. Ведьма развлекала себя тем, что щелкала пальцами, и от этих щелчков в воздух поднимались снопы оранжевых искр. Выглядела она очень печальной.

Человек в зеленом был недоволен ее появлением. Он отступил на шаг, по-прежнему хмурясь.

— У нас же специально припасена пара мешков для Гостей-из-за-Порога! — воскликнула молодая ведьма, уничтожительно глядя на него.

Она достала из-под вешалки большой мешок, немного порылась в нем и извлекла на свет пригоршню конфет в ярких обертках. Увидев угощение, монстры восторженно захрюкали, зарычали и захихикали.

Молодая ведьма с легкостью шагнула через порог, а человек в зеленом костюме нахмурился. С мрачным видом он уставился на то, как девушка раздает конфеты, а монстры кружат вокруг нее, взявшись за руки и весело вытанцовывая. И лишь маленькая ведьма-первоклашка то и дело бросала испуганные взгляды на хмурого типа, замершего в дверях.

Тот снова попытался шагнуть за порог, но, только подняв ногу, так и завис на месте. Видимо, у него снова ничего не получилось. Или, быть может, он просто передумал присоединяться к шумной компании монстров — чего еще ожидать от такого зануды.

Когда монстры веселой гурьбой устремились к калитке, молодая ведьма обернулась, но человека в зеленом костюме уже не было. Он скрылся где-то в глубинах этого мрачного дома.

Мари Петровски была одета в один из своих лучших нарядов.

Она поднималась по лестнице, и подол ее вечернего платья для шабаша парил над ступенями на высоте нескольких дюймов, черный бархат походил на жидкую тьму и будто бы тек в отблесках ламп и фонарей-тыкв, а расшитый серебром корсет был набран из тонких птичьих лап, схвативших друг друга когтями. Остроконечная шляпа сидела небрежно, а от каблуков с каждым шагом разлетались в стороны яркие шипящие искры. Более обворожительно выглядеть уже было просто невозможно.

Будто дива на сцене кафе-шантана, она танцевала на ступенях и, ничуть не смущаясь, пела. И пела она на русском:

*Весь дом наполнен нежными слезами,
А я танцую снова в темноте!
Кружатся тени, я жонглирую глазами
И жду кого-то, но приходят вновь не те!
Ты клялся, что вернешься в ноябре,
Я в сердце жгу клеймо, которым метят скот.
И что-то бьет в груди, ломая брешь в ребре.
Я жду тебя, стучится кто-то, но... не тот!
И я смеюсь, как психопат, ломаю зубы,
И чужсака я в дом к себе веду!
Погаснет свет, и губ коснутся губы:
Слав двух сердец в горячечном бреду.
Я жду, когда не те вдруг станут теми!
Когда не тот вдруг станет вновь тобой!
Когда отбросишь ты сомнений тени,
Откроешь дверь и встанешь предо мной.*

Так, распевая и танцуя, она поднималась по лестнице. Порой мимо спешно пробегал кто-то из гостей, недовольно хмурясь и что-то бурча себе под нос, но Мари было все равно — мадам Петровски с головой захлестнуло отличное настроение. «Отличное настроение — и ничего проще», — подумала она.

Мари ничуть не волновалась перед грядущим собранием, все было подготовлено, все выполнено по наивысшему разряду. При этом они с Фёдором при любом из возможных раскладов должны остаться в выигрыше. Это было трудно, но они все-таки отыскали свое место среди враждующих сторон! Мадам Тэтч думает, что Петровски на ее стороне. Мадам Кэндл считает, что — на ее. Но Петровски на стороне лишь друг друга. А еще они любят повеселиться. Мари знала, что сегодня должна победить мадам Кэндл, ведь мадам Тэтч нечем ответить своей «гостеприимной хозяйке» на ее Крестовину Линар...

Раздумывая обо всем этом, Мари поднялась на свой этаж и направилась по коридору. Дверь их с Фёдором комнаты была обклеена старыми афишами, как стена циркового фургона или афишная тумба. С нее во множестве лучезарно усмехались оба Петровски, хвастаясь тем, что нет ничего проще магии.

Мари подмигнула собственному изображению и послала воздушный поцелуй изображению Фёдора. Она уже собиралась повернуть ручку, как дверь вдруг распахнулась и в коридор вышел Виктор Кэндл.

— Мари, — кивнул он пораженной женщине. — Великолепное платье.

Виктор обошел ее и направился к лестнице.

Мари Петровски не нашлась, что ответить, и повернула голову. В центре комнаты стоял Фёдор — он хмурился и выглядел мрачным. И все ее великолепное настроение вдруг мгновенно затянулось ледяной коркой.

— Не забыть оставить окно открытым... Не забыть оставить окно открытым... Не забыть...

Виктор стоял перед зеркалом в своей комнате и надевал галстук. Мистер Ив делал то же самое.

У Виктора не было праздничного костюма, поэтому он просто почистил свой единственный, зеленый. В голове появилась досадливая мысль: уж мистер Эвер Ив по случаю разоделся бы в пух и прах, будь у него такая возможность.

Внизу, в гостиной, играл граммофон, звук которого был явно усилен колдовством. Виктор хорошо знал эту мрачноватую, но вместе с тем легкомысленно-веселую мелодию из спектакля «Четыре скелета, играющие в кости». И хоть прежде и песня, и сам водевиль ему нравились, сейчас ни одной доброй эмоции, связанной с забавной праздничной комедией о незадачливых покойниках, он не испытывал — музыка лишь отягощала душу и лихорадила мысли, мешая сосредоточиться.

— Я в ловушке в этом доме... — пробормотал Виктор себе под нос, борясь с галстуком, который никак не желал завязываться.

Его взгляд вдруг упал на отражение тетради, лежавшей на прикроватной тумбочке. Да, сейчас он туда много чего записал бы. И тем не менее, как бы ему этого ни хотелось, он понимал, что доверять бумаге отныне нельзя — мистер Эвер Ив может прочесть. И как ему тогда помешать, если он все узнает?

Разумеется, Виктор не желал мириться с тем, что затеяло хитрое злобное существо, которое в нем обитало: времени было немного, но он все же придумал, как не позволить мистеру Иву получить желаемое. План Виктора при скрупулезном разборе выглядел так же плохо и ненадежно, как умирающий в больнице пациент... Никто в здравом уме не поставил бы на него свою жизнь. Помимо того, упомянутый план весь

зиял дырами — настолько громадными, что сквозь них едва ли не дуло. По сути, Виктор знал всего две вещи: место и время — и совершенно не знал, что станет делать сразу после того, как прибудет на это самое место.

Виктор был готов к тому, что будет трудно, но наперекор всему все пошло с самого начала: как минимум для претворения плана в жизнь требовалось выбраться в город, но даже это ему не удалось... Мамочка будто предчувствовала, что он так просто не сдастся, и заперла его, как и трехъярусного Железного Короля. Шансы и до этого казались не слишком хорошими, но теперь...

Учитывая обстоятельства, Виктору не оставалось ничего иного, кроме как попытаться изобрести новый план. Он был еще хуже, чем первый, и самая слабая его часть заключалась в том, что он должен быть выполнен чужими руками... Фред Петровски, вероятно, уже «обрадовал» свою супругу тем, что им предстоит сделать, и вряд ли ей это понравилось. Но выбора у них нет...

Поначалу Виктор полагал, что придется все разъяснять и долго уговаривать, но не пришлось. Оказалось, что, несмотря на свою показную легкомысленность, Фред — весьма серьезный и здравомыслящий человек...

— Один Иероним уже пытался захватить власть у нас на родине, — сказал он, помрачнев. — Победить его удалось лишь ценой большой крови.

Он непроизвольно коснулся золотого овального медальона на шее — в таких обычно носили крошечные фотокарточки тех, о ком не хотят забывать. Такой же Виктор видел и у Мари.

— Вы поможете мне?

— Любой, кто не утратил рассудок, должен тебе помочь.

— Но любому я не могу доверять... — сказал Виктор.

— Почему тогда ты доверяешь мне?

«Потому что вы очень не нравитесь тому, кто сидит внутри меня», — подумал Виктор и с наслаждением ощущил странную

ненависть, которую испытывает к Петровски. Не свою ненависть.

— Почему? — Фред повторил свой вопрос.

Виктор тогда не ответил. Он просто поглядел на медальон на шее Фреда — Фред все понял и без слов.

А затем Виктор услышал пение Мари.

— Не подведите, — только и сказал он, после чего направился к двери...

От той встречи у него осталось крошечное зеркальце, на котором виднелись засохшие следы грима и пудры. Сейчас это зеркальце лежало в кармане его пиджака.

Взгляд Виктора опустился по отражению собственной жилетки в зеркале и остановился на карманных часах, подарке Скарлетт. Серебряная цепочка подрагивала и колыхалась.

«И как это мне поможет?» — недоумевал он, вспоминая слова Скарлетт: «Все мои подарки приносят пользу в момент отчаянья, когда ты остаешься один на один с тьмой». Во время памятного разговора с мистером Ивом в комнате тетушки Скарлетт Виктор неожиданно для себя отметил, что Иероним как-то уж слишком неравнодушен к его часам; после Виктор изучил их как следует, но ничего необычного не обнаружил...

Виктор наконец завязал галстук. Огляdev себя в зеркале и посчитав собственный вид удовлетворительным, хоть и посредвенным, он направился к письменному столу. На нем стояла шкатулка. Внутри лежала свеча, завернутая в листок бумаги. Развернув его, он прочел:

«Нужное, когда окажешься здесь».

Эта коротенькая фраза была написана кривоватым почерком Виктора, но он ее не писал. Проснувшись всего час назад, он убедился, что мистер Эвер Ив выполнил свою часть уговора: в тетради появилась целая страница инструкций,

половина из которых казалась сущим безумием, но выбирать не приходилось — да и что из событий последних дней не безумие?

В дверь постучали. Поспешно завернув свечу обратно в листок бумаги и спрятав сверток во внутренний карман пиджака, Виктор открыл.

За дверью стояла Кристина. И не одна, а в компании доброго десятка тыкв. В каждой из них были прорезаны глаза и зубастые улыбки, в каждой горели свечи. Большие тыквы стояли на полу, те, что поменьше, — восседали на первых. При этом все нагло скалились и явно напрашивались в гости.

— Что это значит? — спросил Виктор.

— Тыквы для твоей комнаты, — пояснила Кристина. — Мама велит, чтобы ты поселил их у себя.

— Да не нужны они мне! — запротестовал Виктор. Еще чего не хватало: отвлекаться сейчас на расстановку этих тыкв, которые могут запросто оказаться шпионами мамы.

— Как скажешь, — вздохнула Кристина.

— И так весь дом забит этими чертовыми тыквами! — добавил Виктор, и верно: все три прибывшие к празднику партии тыкв были вычищены и прорезаны, обзавелись свечами и расселились по всему Крик-Холлу. Они стояли вдоль лестничных перил, у стен коридоров, в каждой комнате, в прихожей, холле и в гостиной, даже в гараже — парочку взгромоздили на крышу «Драндулета». При этом Виктор не видел, чтобы кто-нибудь из домашних занимался их расстановкой — все и без того выглядели очень занятymi.

— Говорю же: как скажешь. — Кристина безразлично покачала головой. — Мама хочет, чтобы все спустились вниз. Позови Томми и его дружка.

— Почему ты не можешь это сделать сама? — пробурчал Виктор.

— Мне еще надо готовиться... — ответила Кристина и, ни слова не прибавив, направилась к лестнице.

Тыквы остались стоять в коридоре. Виктор закрыл дверь, повернулся и, досадливо скрипнув зубами, выдохнул:

— Черт!

Тыквы, которые только что стояли в коридоре и от которых он с такой легкостью вроде бы отделался, каким-то образом умудрились оказаться в его комнате: парочка устроилась на подоконнике, огромная тыквища — в углу, те, что поменьше, — на каминной полке. Мерзкие скалящиеся тыквы были и на прикроватной тумбочке, и на письменном столе. Даже в изножье кровати разместилась тыква со свечой внутри.

— Зря ты не боишься пожара, мама, — сказал Виктор и вышел из комнаты, уступив ее новым жильцам.

После чего вернулся и раздраженно пробормотал:

— Чуть не забыл оставить окно открытым.

Исправив упущение, Виктор вышел в коридор. Тыквы пялились ему вслед горящими глазами...

Виктор постучал в дверь Томми и, не дожидаясь ответа, вошел.

Брат и его друг сидели на подоконнике, тоскливо уставившись в окно. На лицах обоих мальчишек читалось крайнее недовольство — еще бы: раз они здесь, а не в костюмах монстров выпрашивают сладости у соседей, то, должно быть, их тоже наказали и заперли в доме. Виктор увидел в них собратьев по несчастью.

— Кристина сказала, что мама зовет всех вниз, — произнес он.

— А где она сама? — спросил Томми. — Ну, Кристина.

— Ей надо готовиться, — ответил Виктор и, втянув носом воздух, поморщился. — Что это за... запах?

— Это все он! — Томми ткнул пальцем, указывая на что-то за спиной брата.

Виктор обернулся и увидел огромного тролля, которого до сего момента не замечал, поскольку тот стоял совершенно

неподвижно — еще и забрался в самый темный угол комнаты. Тролль, кажется, не обращал на него никакого внимания и, не мигая, глядел на мальчишек.

— Зачем он здесь? — Виктор равнодушно разглядывал насупившееся чудовище. Он уже ничему не удивлялся.

— Это наша нянька, — гневно сказал Чарли.

Виктор понимающе кивнул:

— Испортил вам весь праздник.

— Да что там праздник... — начал Чарли, но Томми перебил его:

— Молчи! — велел он. — Ничего не говори.

Виктор подозрительно поглядел на мальчишек. Те начали спорить, словно позабыв о его присутствии:

— Нам же нужна помощь... — упорствовал Чарли.

— Да, но мы собирались попросить Кристину! — косясь на Виктора, напомнил Томми.

— Но ее нет, и, может, она вообще не придет, — заметил Чарли. — Да и вообще, захочет ли она помогать? Ты же видел — ей нет дела до наших бед!

Виктор потерял терпение.

— Так, хватит спорить! — велел он. — Что вы от меня хотите?

— Нам нужно сообщить тебе кое-что, — сказал Чарли. — Но Томми не хочет. Он тебе не доверяет.

Виктор на это лишь пожал плечами, и мальчик продолжил:

— Но у нас нет выхода. Томми, ты понимаешь?

— Ладно, скажи ему, — смирился Томми. — Но, если что, я предупреждал...

— Ты не боишься говорить при нем? — Виктор многозначительно кивнул на троля.

— Он ничего не понимает, если говорить быстро. — Чарли тут же подтвердил это скороговоркой: — Мистер-Бэрри-болотная-пиявка-он-живет-под-мостом-и-ест-тухлую-рыбу-и-никогда-не-моется. Видишь? Он просто следит, чтобы мы

никуда не делись! Нам нужно рассказать тебе кое-что очень важное. Ты должен нам помочь.

Виктору не хотелось играть в детские игры. А уж тем более в игры с премерзким громадным троллем, который с легкостью может раздавить его своими пальцами и даже не заметить.

— Не уверен, что смогу помочь. Вряд ли я справлюсь с этим вашим... — Виктор посчитал, что ярко выраженного сомнения во взгляде достаточно для описания его отношения к чудовищу в углу.

— Знаешь, почему я на самом деле тебе верю? — спросил вдруг Томми. Он выглядел задумчивым — должно быть, и сам как раз пытался ответить на свой вопрос.

— Ты же всего секунду назад не верил, — напомнил Виктор.

— А теперь верю. Я просто кое-что вспомнил. Знаешь, почему ты поможешь нам?

— Почему же? — со снисходительной улыбкой спросил Виктор.

— Потому что мы хотим рассказать тебе о Саше.

Томми извлек из рукава козырь. Правда, он пока что не знал, как брат отреагирует на этот самый козырь.

Виктор побледнел.

— Саша? — с плохо получившимся равнодушием спросил он. — При чем здесь она?

— Сейчас узнаешь, — сказал младший брат. — Ты поможешь нам, потому что ты, наверное, хочешь спасти Сашу. Ты же хочешь ее спасти?

— Хочу, — вырвалось у Виктора.

И Чарли Уиллинг, этот странный мальчишка, начал быстро-быстро, чтобы тролль ничего не понял, рассказывать...

Мелодия из водевиля «Четыре скелета, играющие в кости» достигла пика своего безумия и лихорадочного бега. Все, что произошло дальше, больше походило на воплощенное

сумасшествие и вообще было настолько нелепым и невозможным, что действительно стало напоминать спектакль. Жуткий хэллоуинский спектакль.

Если бы Виктор Кэндл решился когда-нибудь сперва додописать, а после и издать свою статью «*Загадки Хэллоуина. Что скрывают чертобы тыквы?*», никто и никогда не воспринял бы ее всерьез. Ее бы читали разве что как «страшилки за пенини» — дешевые бульварные ужастики.

Мог ли он знать, к чему все придет, когда неделю назад впервые за семь лет переступал порог Крик-Холла?

Разумеется, нет.

Над садом клубились тучи, а в сердце Виктора уже началась гроза. Он нервно теребил цепочку часов и пытался сконцентрироваться, повторяя про себя: «Я здесь не один... Я здесь не один...»

Что ж, в каком-то смысле Виктор был прав. В саду за празднично накрытым столом собирались почти все, кого он видел в доме за последние дни. Еще бы, ведь именно ради этого званого вечера хозяева как следует расстарались, а гости собирали в дорогу чемоданы. Все разоделись в лучшие костюмы и шляпы, все были знакомы друг с другом, вероятно, уже тысячу лет, и только Виктор чувствовал себя здесь совершенно неуместным — единственным незваным гостем.

Ну и не стоило забывать о том, что это был не простой ужин, а сборище ведьм и колдунов. Повсюду сами собой по воздуху летали тарелки и приборы: ножи без какой-либо помощи хозяев нарезали аппетитные мясные рулеты, самым ленивым ведьмам вилки отправляли куски пирогов в широко раскрытые рты, бутылки с вином отплясывали вокруг гостей, обновляя им бокалы.

А что уж говорить о блюдах, которые стояли на столе. Блюд этих здесь было так много, что создавалось впечатление,

будто их готовила целая армия: горящий пудинг и пудинг с застывшими глазами — Виктора всякий раз начинало тошнить, стоило ему глянуть в ту сторону; здоровенный запеченный осетр, постоянно раскрывающий рот и лениво двигающий хвостом; всевозможные пироги во главе со своим королем — громадным и пышным «Канунником»... Еще здесь был имбирный хлеб, только испеченный и пугающе шевелящийся, словно бы дышащий.

«Никакого хлеба!» — подумал Виктор, глядя, как тетушка Рэммора отрывает большой подрумяненный кусок и отправляет его, пульсирующий, как человеческое сердце, себе в рот, а потом достает что-то оттуда с радостным возгласом: «О, монетка! На счастье!»

Впрочем, Виктору и так ничего не лезло в горло. С начала ужина он к еде даже не притронулся, лишь ковырял вилкой кусок рыбы на тарелке и, стараясь делать вид, будто ничего необычного для него кругом не происходит, косился по сторонам.

Гости ужинали, шутили и смеялись, то и дело поздравляли друг друга с праздником и хвалили кулинарное мастерство хозяйки. Больше никто не скрывал свою, как называл это Виктор, «чертову ведьмовскую суть»: у присутствующих появились острые и треугольные, похожие на акульи, зубы, все без исключения носы удлинились и загнулись крючками, а глаза в глубине непроглядных теней округлились, словно вдруг лишившись век.

Изменились также и родственники.

Дядюшка Джозеф, к примеру, облаченный, как и все последние дни, в шикарный вишневый костюм, выглядел едва ли не отвратительнее остальных. Все его любезно скрываемые в обычной жизни пороки вдруг одновременно простили на вальяжном лице, в нарочито раскованных движениях и в исполненном тщеславия взгляде. Джозеф одну за другой обгладывал индюшачьи ножки — его треугольные зубы клацали

и сверкали, по подбородку и воротнику тек жир, а он, не замечая этого, еще и успевал смеяться над какой-то шуткой слизывающего с пальцев остатки горящего пудинга Грэггсона.

Утешало Виктора лишь то, что дядюшка сидит не рядом с ним. Впрочем, с соседями по столу ему и так не особо повезло. Слева плотно налегал на угощение незнакомец из числа «серых» гостей, который сменил непримечательный дорожный костюм на вечерний — также не отличающийся какими бы то ни было изысками. Виктор заставил себя не смотреть, как он расправляется с едой при помощи пары ртов, расположенных по центру его ладоней.

Справа от Виктора сидела молчаливая и поникшая Кристина — сестра единственная из всех осталась прежней, обычной Кристиной. Она ни с кем не общалась, глядела лишь в свою тарелку и мыслями, казалось, сейчас была где-то далеко отсюда.

Напротив, по другую сторону стола, в окружении своих детей устроилась тетушка Мегана. Сейчас даже подумать было странно, что между ней и Виктором состоялся тот разговор в коридоре. Она вновь превратилась в злобную и надменную Мегану Кэндл, которую он всегда и знал.

Мими выглядела еще более болезненной, чем накануне. Ее бледная кожа отдавала легким синим оттенком, словно кузину только что выловили из пруда. Она будто спала с открытыми глазами.

Сирил, напротив, выглядел счастливым и вертелся на стуле от нетерпения. Время от времени, бросая на Виктора победные взгляды, он с важным видом пытался участвовать в беседе старых ведьм и колдунов, что выглядело довольно жалко и неуместно.

Саши, как и предполагалось, за столом не было. Отца, разумеется, тоже...

Вспомнив об отце, Виктор поглядел на тетушку Скарлетт. Та вела себя крайне непринужденно, и он понадеялся, что

все это церемонное и велеречивое общение о пустяках и банальностях, которое она поддерживала с тем или иным гостем, лишь напускное и на самом деле мадам Тэтч помнит о том, о чем они с ней говорили, — о своем обещании спасти Гарри Кэндла. А еще он надеялся, что у нее уже есть план.

«Это ведь тетушка Скарлетт — ей под силу буквально все», — как мог, пытался убедить себя Виктор, но вся его уверенность мигом растаяла, стоило ему перевести взгляд на маму.

Корделия Кэндл сидела на противоположном от Скарлетт конце стола. На маме было зеленое платье, которое ей шло никак не менее чем идеально. Оно превосходно сочеталось с огненно-рыжими волосами, на которых гордо восседала темно-зеленая шляпа с высокой остроконечной тулей. На обнаженных плечах ведьмы плясали отблески фонарей и свечей, а на шее будто бы оплавлялось и текло изумрудное колье. Хозяйка Крик-Холла вела себя поистине по-королевски, и это пугало — лучше бы она походила на себя обычную: в фартуке, вязаном платье, с руками по локоть в муке. От кухарки все же можно ожидать меньших бед, чем от королевы...

Виктор дернулся: ему вдруг показалось, что кто-то шарит у него по карманам. Он огляделся и с удивлением обнаружил, что никто и близко не думает тянуть к нему свои руки, но тут же вспомнил, где находится и кто его окружает.

«Проклятые ведьмы!»

Виктор проверил содержимое карманов.

«Так, вроде бы все на месте. Тетрадка, свеча, спички, зеркальце... а где же часы? Проклятье, где часы, которые подарила Скарлетт?! А, вот же они. Как им и положено, лежат в кармашке жилетки. Но ведь их только что не было. Или были? Наверное, показалось... Чертовы ведьмы — из-за них уже и мерещится невесть что!»

Виктор почувствовал пристальный взгляд и поднял глаза. На него смотрела бабушка. Сверляще, пронзительно, недобро. Слишком осмысленно для человека, который ничего кругом не замечает. Но стоило Виктору моргнуть, и он вдруг понял, что бабушка вовсе на него не смотрит, а едва не засыпает, верно, от скуки. Выходит, показалось...

И все же Виктор напомнил себе, что нужно быть бдительным. Он пытался наблюдать, подмечать и слушать, старался не упустить что-то важное, но люди кругом будто бы говорили на незнакомом языке — до него долетали лишь куцые обрывки, из которых никак не получалось понять, что будет дальше, когда все наконец наедятся. Отовсюду раздавались фразы вроде: «Ну же, я куплю у вас его для своего гrimuara! Продайте мне его!», «Говорят, в Ипсвиче кто-то открыл Малум, представляете?» или «Я вчера уви-дела ее фамильяра — он сидел в моей комнате, предста-вляетесь?!»

Виктор не разбирался во всей этой терминологии и чувствовал себя как в свой самый первый день в редакции — репортеры общались друг с другом лишь журнализмами. Но зато взгляды... о, для того чтобы понять взгляды ведьм, не обязательно было быть колдуном.

Каждый из гостей то и дело в нетерпении косился на некий прибор, стоящий посреди стола. Это был механизм из красного дерева и меди, со множеством трубок, стрелок и маятников. Механизм явно представлял собой часы, хоть и весьма странные: стрелки отрастали не из центра круга, а сверху и снизу и тянулись своими остриями к середине циферблата. Мгновение, когда они сойдутся вместе, должно было наступить уже очень скоро.

Виктор поймал себя на мысли, что он, вероятно, здесь единственный, кто думает, как бы сломать эти часы, и на-деется: а вдруг после этого момента, которого все так ждут, и вовсе не наступит?..

И тут вдруг произошло нечто, чего не ожидал никто из присутствующих. Виктор сразу догадался, что это не часть какой-нибудь из местных ведьминских традиций.

Тетушка Рэммора одним невероятным движением неожиданно вскочила на стол и замерла. Когда все повернули к ней лица, она эффектно подняла ногу и принялась... плясать. Судя по ее лицу, она то ли не понимала, что происходит, то ли прекрасно понимала, но ничего не могла с собой поделать: в одно время она бессознательно отдавалась танцу, но в другое — в ярости сжимала зубы, пытаясь прекратить движения ног и рук. Танец Рэмморы напоминал смесь джиги и чего-то дикого, первобытного.

Гости выглядели довольными: они хохотали, аплодировали и всячески подбадривали Рэммору, полагая, что это — некое развлечение, заготовленное специально к празднику хозяевами дома.

На тетушку было жалко смотреть. Виктор видел боль на ее лице и страх в глазах. Не в силах контролировать свое тело, она была способна лишь выть и плакать, что забавляло гостей еще сильнее. Они так и не догадались, что здесь что-то не так.

Платье Рэмморы задиралось и комкалось, шляпка неистово подпрыгивала на волосах и, если бы не была закреплена, уже давно покинула бы свою хозяйку. Вскоре у младшей сестры Кэндл сломались оба каблука, и, кажется, она вывихнула лодыжку. Но танцевать не прекратила — это была настоящая пытка...

Виктор бросил взгляд на Мегану. Тетушка мстительно улыбалась. «Ну, ты у меня попляшешь», — вспомнились племяннику слова Меганы, услышанные им в первый же день по приезде в Крик-Холл. Тетушка сдержала слово и наконец отомстила.

— Хватит! — негромко, но твердо сказала мама.

Рэммора в тот же миг прекратила танцевать и без сил рухнула в кресло прямо со стола. Она пребывала в полуобморочном

состоянии: ее лицо было красным и мокрым от слез, грудь тяжело вздымалась.

Как только танец прекратился, гости вернулись к прерванным разговорам и поглощению еды.

Виктор уже начал сомневаться в неотвратимости ожидаемых им жутких событий, когда спустя примерно час после безумной пляски тетушки Рэмморы произошло то, что он с долей безысходности и гнетущей предопределенности назвал: «Начинается...»

Над столом вдруг раздался пронзительный птичий крик. Разговоры мгновенно смолкли, гости застыли на своих местах. Виктор проследил за взглядом Кристины — сестра не мигая смотрела на странные часы в центре стола. Все присутствующие также уставились на них.

Виктор схватил нож для рыбы и спрятал его во внутренний карман пиджака — слишком наивно было считать, что он ему поможет, но лучше это, чем ничего...

Птичий крик раздался вновь, только теперь Виктор уже знал, что явилось его источником — пронзительное карканье вырывалось из витиеватых медных трубок в часах.

«Птица часа до полуночи», — услышал Виктор одновременно несколько голосов, но никто за столом так и не разомкнул губ.

«Птица часа до полуночи»...

Виктор моргнул, и стол вдруг опустел. И еда, и приборы, и посуда — все это просто исчезло, будто сметенное невидимым порывом ветра. На резном вишневом столе остались стоять лишь часы. Рука сама собой потянулась к карману — нож не исчез.

Все, кто сидел за столом, в совершеннейшей тишине поднялись на ноги. Никто не удивлялся, никто не чувствовал никакого дискомфорта из-за того, что всего мгновение назад поглощал пудинг или карамельное яблоко, а сейчас уже

вынужден участвовать в каком-то странном, таинственном обряде. Никто. Кроме Виктора.

Ведьмы и колдуны повернулись боком, и каждый устремился в затылок впереди стоящего. Виктор неуверенно последовал их примеру. Затем началось движение. Скарлетт Тэтч и за нею все присутствующие медленным шагом направились цепочкой вокруг опустевшего стола.

Прежде чем сесть на свои места, собрание обошло стол ровно три раза.

Когда участники обряда вновь расселись, Скарлетт Тэтч громко и тягуче произнесла, обращаясь одновременно ко всем и вообще ни к кому:

— Старый год кончился!

Все присутствующие, кроме Виктора, стройным хором ответили:

— Новый год начался!

Скарлетт скрестила руки на груди и произнесла:

— Колесо повернулось.

Ведьмы и колдуны повторили ее жест и ответили:

— И повернется снова.

Скарлетт закрыла глаза.

— Прощай, наша Госпожа, — сказала она. Виктор так и не понял, к кому она обратилась. Он-то полагал, что тетушка Скарлетт и есть госпожа.

Ведьмы и колдуны ответили ей:

— Добро пожаловать, наш Господин.

Виктор чувствовал себя новеньkim в церковном хоре: он пытается не выделяться, но не знает слов псалма — и от этого чувствует себя еще больше не в своей тарелке.

Скарлетт Тэтч воздела руки к небу, и вслед ее движению в темно-красной столешнице начали прорезаться вязи и узоры, составленные из странных символов и рун. По этим прорезям потек огонь, напоминая расплавленный металл, заполняющий форму. Под столом сгустилась темнота — она

заклубилась, и из нее полезли непроглядные чернильные щупальца. Казалось, что некое древнее хтоническое чудовище пытается вырваться из колодца, на котором якобы стоит стол.

Виктору захотелось ретироваться или хотя бы убрать ноги, но они словно приклеились — должно быть, это мистер Эвер Ив внутри него таким образом пытался дать ему понять: «Не сейчас». Или это были проделки какой-то мерзкой ведьмы из числа присутствующих.

— Летние Боги встречают свой конец, — сказала Скарлетт едва слышно, а во тьме под столом раздалось жуткое нарастающее урчание.

Ковен ответил Верховной ведьме многоголосо:

— Бог Зимы уже в пути.

Скарлетт Тэтч сказала:

— Прощайте и здравствуйте!

Хор ответил:

— Прощайте и здравствуйте!

В это же мгновение Виктора будто бы оторвало от стула и куда-то понесло. Он заморгал, и мир кругом переменился — со всех сторон были увитые терновником холмы, а сам Виктор оказался вдруг под огромным древним кленом. Ветер зашелестел в кроне, дерево вздрогнуло, словно поежилось от холода, и сбросило с себя все свои кроваво-красные листья — осыпаясь, они начали липнуть к Виктору. Листья ложились на одежду и кожу, точно заплатки, и вскоре весь он покрылся алой лиственной шкурой. Листья залепили лицо, закрыли глаза и уши, рот и нос. Ему стало нечем дышать, он попытался сорвать их с лица, но содрал вместе с кожей. И ощущил на пальцах и ладонях что-то мокрое — кровь... Его лица уже не было...

Птичий крик раздался вновь.

Этот пугающий пронзительный бой ведьмовских часов вернул Виктора в реальность. Он по-прежнему сидел за столом.

Слева замер незнакомец с пастями на ладонях, справа — Кристина. Где он только что находился? Что только что происходило и куда все исчезло? Это часть обряда? Просто видение? Или же он и правда всего мгновение назад попал в другое место, в какой-то иной мир?

Ответов на свои вопросы Виктор так и не дождался. Часы в центре стола заволокло дымом — казалось, дым появился именно из них.

И тут свет погас. В одно мгновение сад погрузился в кромешную темноту и абсолютную тишину. Виктор сжал в кармане нож, готовясь к тому, что вот сейчас в этой темноте в любой момент случится то, чего он ждал и боялся. И все же его опасения оказались несколько преждевременными.

Свет зажегся вновь. Но вспыхнули отнюдь не развешанные в саду фонари, светильники или свечи — прямо на столе пылал большой костер, и горел он так *медленно*, будто время вокруг него шло не так, как в саду. Виктор мог разглядеть, как нити пламени вырастают из багровых рун, лениво ползут и сплетаются в жгуты языков. Это действительно больше напоминало плетение, чем горение.

Костер располагался на расстоянии вытянутой руки, воздух плавился и медленно тек возле него. От жара на лице Виктора мгновенно проступил пот.

— Новый огонь горит, — торжественно произнесла Скарлетт Тэтч. — Чистый огонь горит. Живой огонь горит. Я умертила весь огонь кругом, чтобы дать жизнь новому огню. Огню, который осветит порог. Огню, который светит как для вчерашнего года, так и для завтрашнего. Огонь Дня Между Двух Лет горит!

Присутствующие вскинули руки и начали по одному швырять что-то в огонь, отчего в воздух всякий раз поднимались снопы бронзовых искр. Кто-то бросал кости, должно быть те, которые гости сохранили после трапезы. Другие швыряли клочки шерсти и зубы. Виктор понял, что это некое

жертвоприношение, и ему тут же захотелось каким-нибудь образом принести в жертву весь этот безумный ковен и оказаться в уютном купе поспешно удаляющегося отсюда поезда.

На ноги поднялось несколько человек, среди них: сама Скарлетт Тэтч, Джелия Хоуп, мистер Грин, мистер Грэггсон, а также мама и Кристина.

Первой заговорила беловолосая ведьма Джелия Хоуп:

— Я, Дева ковена Тэтч, свидетельствую в пользу посвящаемой Кристины Кэндл, — и на ее мертвенно-бледном лице застыла гримаса ненависти. Эти слова явно расходились с мыслями. — И нарекаю наследницу рода Кэндл своей сестрой.

Виктор поглядел на Кристину и обомлел: ее глаза были завязаны полосой белой ткани, а сведенные вместе запястья оплетены терновыми ветвями, которые ранили тонкую кожу кривыми шипами. От каждой капли крови прямо на глазах на терновнике распускалась багровая роза.

Заговорил мистер Грин. Коротышка дрожал всем телом и выглядел напуганным.

— Я, Казначей ковена Тэтч, свидетельствую в пользу посвящаемой Кристины Кэндл. Пусть боль раскроет ей глаза, и не усомнится она с этого дня никогда, что есть подлинное сокровище.

Мистер Грин швырнул в Кристину несколько серебряных монеток. Каждая из них впилась в обнаженные плечи девушки и начала с шипением прожигать кожу, вплываясь в нее. Кристина сжала зубы, но не позволила себе даже поморщиться.

Виктор бросил короткий взгляд на маму: та стояла, горделиво вскинув подбородок. Казалось, она переживала сейчас лучший момент своей жизни.

Тем временем слово взял мистер Грэггсон:

— Я, Глашатай ковена Тэтч, — при этом он покинул свое место и подошел к девушке, — свидетельствую в пользу посвящаемой Кристины Кэндл. Я сниму мерку с ведьмы.

Жена и дочери Грэггсона, не мигая, следили за каждым его движением. Глашатай вытащил из кармана простую пеньковую веревку и размахнулся. Удар пришелся по лицу, и Кристина дернулась так, будто ее стегнули хлыстом. Подойдя к девушки в упор, Грэггсон веревкой измерил ее рост, обхват талии, шеи и лодыжек, после чего завязал на веревке три узла. Виктор понял, что это и была мерка. Повязав веревку вокруг пояса Кристины, Грэггсон вернулся на свое место.

Следующей заговорила мама, и Виктор вдруг почувствовал, будто он проглотил тяжелые острые крючья, которые принялись двигаться, резать и тянуть желудок в разные стороны. От слов матери его едва не стошило.

— Я — кровавый исток Кристины Кэндл, — сказала мама торжественным тоном. — Я — ветвь, отрывающая почку. Я — врата, исторгшие Кристину Кэндл. Отдаю ее, и пусть станет она равна мне, пусть станет сестрой мне!

— Кристина Кэндл! — воскликнула Скарлетт Тэтч. — Ты готова снять с себя кожу дочери и надеть кожу сестры?

«Она и так сестра, — негодующе подумал Виктор. — Моя сестра!» Но Кристина считала по-другому.

— Я, Кристина Кэндл, — негромко проговорила девушка, — была рождена для того, чтобы стать не дочерью, а сестрой. И я, будто змей, сбрасываю кожу вчерашнего дня и надеваю кожу Дня, Что Грядет.

Скарлетт закрыла глаза и кивнула три раза:

— Я, Скарлетт Тэтч, Верховная ведьма ковена Тэтч, свидетельствую в пользу посвящаемой Кристины Кэндл.

Больше на Кристине не было ни повязки, ни терновых пут.

В тот миг, как последний отзвук голоса Скарлетт растворился, из медленно сплетающихся языков костра к посвящаемой потянулись черные дымные спирали. Они проникли в ноздри Кристины, и ее глаза раскрылись так широко, что

казалось, вот-вот вырвутся из орбит. Радужки стали такими яркими, будто кто-то зажег в голове девушки лампу. А еще они изменили свой цвет на пугающий пурпурный.

Виктор понял, что теперь Кристина — совершенно другой человек, и если отныне эта молодая красивая девушка кому-то и является сестрой, то только не ему.

— Кристина из ветви Кэндл ковена Тэтч! — громогласно провозгласила Скарлетт. — Добро пожаловать, сестра!

— Добро пожаловать, сестра! — хором повторил ковен.

Верховная ведьма продолжала:

— Ковен Тэтч! Сегодня мы собрались здесь также для того, чтобы стать свидетелями события, которое случалось в последний раз более века назад. Казначей!

Опасливо косясь на Мегану Кэндл, мистер Грин подошел к Верховной и услужливо поклонился. В его руках материализовалась старинная шкатулка.

Скарлетт открыла крышку и двумя пальцами извлекла оттуда вьющуюся и светящуюся серебряную нить. Мадам Тэтч подбросила ее в воздух — и та ожила. Нить задвигалась и начала вырисовывать в воздухе над столом спирали и кольца.

— Сегодня! — провозгласила Скарлетт. — В День Между Двух Лет! Я, Скарлетт Тэтч, Верховная ведьма ковена Тэтч, провозглашаю Единство Трех Жен! Пусть корни, ствол и крона срастутся, образуя единое древо! Пусть Мать, Дочь и Внучка станут единым целым! Пусть вспомнят! Пусть вспомнят!

Мама (а Виктор про себя называл ее уже лишь «Корделия Кэндл») помогла подняться своей матери, Джине Кэндл, придерживая ее под локоть. Кристина подошла к ним. Втроем они встали рядом. Корделия и Кристина в ожидании поглядели на Скарлетт. Лишь бабушка, как и прежде, не замечавшая ничего кругом, взирала в пустоту.

Ковен между тем повторил слова Верховной:

— Пусть вспомнят!

Скарлетт зашевелила пальцами, словно принялась что-то плести.

— Нить, сплетенная из звездного света! — воскликнула она. — Пусть свяжет их, и они вспомнят.

Бледно светящаяся нить потянулась к Джине Кэндл. Она обвязалась вокруг ее горла и натянулась, отчего старуха стала задыхаться. Но нить не остановилась: она обвила горло Корделии, а затем и горло Кристины.

Виктор сжал кулаки от негодования, но мог лишь бессильно смотреть на происходящее. Он вдруг подумал, что Скарлетт решила избавиться от угрозы в лице соперницы-Кэндл, попросту задушив всех трех. Это было бы весьма в ее духе.

А тем временем один конец нити, будто заточенная серебряная проволока, вонзился в грудь Кристины, вышел из спины и проделал то же самое с Корделией и Джиной, после чего завязался узлом с другим концом, парящим над головой старухи. Кольцо замкнулось. С нити капала кровь. Виктор отвернулся, не в силах глядеть, как сестра, мать и бабушка хрипят и дергаются.

Но тут вдруг все закончилось: хрипы стихли, нить исчезла.

Кристина, Корделия и Джина Кэндл походили на статуи. Их лица были будто отлиты из серебра. В гробовом молчании постепенно все три изваяния начали медленно оживать. Обряд завершился.

— Я, Скарлетт Тэтч, Верховная ведьма ковена Тэтч, рада и счастлива ввести в круг Триединую Линию и...

Договорить ей не дали, и все, что последовало за этим, как Виктор понял, было грубейшим нарушением ведьмовского этикета.

Корделия Кэндл подняла руку, прервав речь Скарлетт, и слегка покачнулась (по всей видимости, она еще не до конца пришла в себя), после чего заговорила:

— Я, Корделия Кэндл, оспариваю привилегию Скарлетт Тэтч быть главой ковена.

— По какому праву? — в холодной ярости спросила Скарлетт. Она знала, что все так и будет, но никак не ожидала, что Корделия вот так, сразу после обряда, потребовавшего от ведьмы Кэндл всех ее сил, попытается бросить ей вызов. Мадам Тэтч полагала, что у нее в запасе есть еще немного времени.

— По праву силы Триединой Линии...

— О, этого слишком мало... — начала было Скарлетт.

— ...и Крестовины Линар! — торжествующе завершила Корделия Кэндл.

Тишина, висящая в саду, стала звенящей. Ковен, как единое существо, затаил дыхание.

— Никто не позволит тебе провести обряд Крестовины Линар, — с ненавистью произнесла Скарлетт Тэтч.

— Спроси у ковена, — с потаенной улыбкой сказала Корделия и обвела взглядом собрание.

— Что скажет ковен? — сжав зубы от негодования, процидила Скарлетт.

Ковен молчал.

— Это все ты виноват! — заявил забравшийся с ногами на кровать Томми. Говорил он, язвительно и уничижительно растягивая слова.

— Я? — прохаживающийся взад-вперед по комнате Чарли искренне возмутился. — Да я как лучше хотел!

— «Как лучше»? — Томми и не думал успокаиваться. — Праздник испорчен!

— «Испорчен»?!

— Почему мы должны быть здесь, а не со всеми в саду?! — Мальчик был возмущен до глубины души.

— При чем тут я? Это все твоя мама, — пробурчал Чарли. — Она же так и сказала, когда позвала нас: «Вы сегодня

сидите в комнате Томаса. И никуда не выходите. Вам ясно? Мистер Бэрри проследит...»

— «Мистер Бэрри проследит», — передразнил Томми. — Что теперь делать? Я думал, мы поговорим с Виктором за ужином! Он уже два часа как ушел, вестей от него никаких. Ты почему его не остановил?..

— А почему это я должен был его останавливать? Это же не мой брат!

— Но ведь ты с ним так разоткровенничался. Черт! — выругался Томми, демонстративно не замечая кое-кого в углу. — Почему мы дали ему так просто уйти?

Мальчишки действительно не подумали о собственном освобождении из спальни Томми, когда Виктор был вынужден их спешно покинуть.

Томми продолжал негодовать:

— И вот мы сидим тут смиренько, пропускаем весь праздник. У-у-у, образина...

Последняя реплика предназначалась, впрочем, не Чарли. Томми исподлобья глядел на жуткого и к тому же дурно пахнущего монстра, который стоял в углу комнаты, всего в каком-то футе от входной двери, и не спускал с мальчишеск круглых лягушачьих глаз. Забившийся в тень, словно в шкаф, тролль Бэрри непрерывно чесался, урчал и сморкался в лапу, порой бормотал себе под нос нечто совершенно нечленораздельное, лишь отдаленно напоминающее человеческую речь. Общество мальчишек ему явно не нравилось. И то, каким образом они на него смотрели, тоже.

— Я уж точно не виноват. — Чарли прекратил бродить по комнате и ненадолго остановился напротив тролля — от этого мистер Бэрри еще больше занервничал, и мальчик поспешил отойти в сторону. — Я хоть что-то придумал и предложил! Может, у тебя есть мысли получше?

— Нужно бежать. Ни пapa, ни пугала ждать не станут, — медленно и рассудительно проговорил Томми очевидную для

всех истину, а затем чуть замялся и добавил: — И твоя Саша тоже.

Он все никак не мог привыкнуть, что Чарли вовсе не Чарли. Точнее, не только Чарли. Поэтому Томми продолжал вести себя с другом как прежде. Так им обоим было проще, но иногда все же возникала неловкость — из-за двусмысленности. А следом тут же всплывало чувство обиды из-за того, что лучший друг мог так долго его обманывать и притворяться, пусть даже у него и были на то причины.

— Здоро́во! Просто великолепно! — издевательски захлопал в ладоши приятель. — А то я сам ничего не понимаю! Я не знаю, где твоя мама откопала это чучело, но хочу напомнить, что оно нам с самого утра шагу ступить не дает!

Тролль скрипнул зубами: оскорбление пришлось ему не по душе.

— Он один, а нас двое, — высказал очередную простую до гениальности мысль Томми. При этом он зло погрозил кулаком их тюремщику.

Тролль недовольно заерзal — подобная наглость (обсуждение своего побега при нем, да еще и угрозы) совершенно сбила его с толку.

— Значит, ты его отвлечешь, а я сбегу, — поддержал друга Чарли. — Пока все на ужине, я успею освободить Сашу, а потом вернусь за тобой, и тогда мы...

— Нет, — категорически заявил Томми. — Все-таки идти нужно мне. А ты будешь отвлекать этого.

— Это еще с какой стати? — возмутился приятель. — План мой, а действовать тебе?! Тем более мне нужнее — мы же уже все обсудили!

— И когда это план стал твоим?! — У Томми даже в горле пересохло от обиды — на ходу подметки срезают! — Вот уж нет, это я проберусь на чердак и выпущу из зеркала папу, а он нам поможет: и с пугалами, и с твоей Сашей.

Озвучивая свою идею, Томми даже не представлял, каким образом он сумеет вызволить отца и как тот им умудрится помочь. Должно быть, надеялся, что там, на чердаке, будет виднее.

Мальчишки вели себя так, будто находящийся в комнате тролль ничего не слышал или не понимал ни слова. А между тем тот вовсе не собирался прикидываться глухим — он злобно косился на заговорщиков, не очень понимая, зачем они все это обсуждают, — должно быть, только чтобы его позлить...

— Если он тебя поймает во время побега, то просто сожрет, — кивнул, указывая на тролля, Томми. Бэрри что-то глухо пробурчал, явно соглашаясь.

— А тебя что — нет?

— Меня — нет. Мама за это с него шкуру спустит.

Тролль изобразил задумчивость.

— Ну, может быть, — нехотя согласился Чарли, с подозрением посмотрев на чудовище. — Выходит, действительно бежать нужно тебе. А мне — отвлекать. Только обещай, что первым делом спасешь Сашу.

— Договорились, — сразу же согласился Томми.

Тролль Бэрри яростно зачесался — он в недоумении переводил взгляд с одного мальчишки на другого: и кто же из них хочет сейчас удратить? Вроде бы тот, который наглый и громкий. Хотя они ведь оба — наглые и громкие.

— Будь наготове, — прошептал Томми и, спустившись с кровати на пол, сделал несколько шагов в сторону их тюремщика и вдруг резко бросился к окну.

Мистер Бэрри встрепенулся и предостерегающе заворчал. Несносный мальчишка никак на его предупреждение не отреагировал — он уже отодвинул щеколду. Казалось, еще немного — и Томми выскочит из окна, даром что комната находилась на втором этаже Крик-Холла.

И тролль не выдержал — он рванулся из своего угла, в три шага преодолев комнату, и потянулся к мальчишке, чтобы

схватить его. Но тот неожиданно ловко увернулся, проскочив у монстра между широко расставленными ногами. Краем глаза Томми успел заметить, что Чарли в комнате уже не было. Их план сработал! Тролль так и не понял, что весь спор был разыгран специально для него, а бежать должен был именно Чарли!

Мистер Бэрри недоуменно обернулся и яростно зачесал лодыжку. Он увидел, что количество пленников уменьшилось. Добродушия это наблюдение ему совсем не прибавило. К тому же и второй мальчишка уже несся к распахнутой настежь двери.

За спиной Томми раздался тяжелый грохот падающего гардероба — тролль неловко зацепил его плечом — и следом грозное звериное рычание. Похоже, потерявшему все свое терпение, человеческий облик и остатки разума мистеру Бэрри было теперь плевать на то, чей там Томми сын.

Мальчику оставалось только бежать. Бежать со всех ног...

Медленно сплетающиеся языки пламени горели.

Ковен сказал свое слово.

Луна, осторожно выглядывающая из-за тучи, стала свидетельницей того, как замкнулась Крестовина Линар. Пять лент, сплетенных из лунного света, обвили волосы пяти женщин из семьи Кэндл. Джина, три ее дочери и дочь средней из них стали единым целым.

Скарлетт Тэтч была стреножена — Корделия Кэндл прислали ее к стулу и стянула руки и ноги ее же вечерним платьем.

Виктор лихорадочно искал выход из создавшегося положения и не находил. Он пытался разглядеть хотя бы тень поддержки в глазах Петровски, но те активно делали вид, будто их интересуют исключительно собственные ногти — чертовы фокусники явно знали, что будет дальше: вот-вот

должны были подать главное «блюдо» вечера — то, над чем Корделия Кэндл в действительности корпела на своей кухне.

— Кое-кому из присутствующих, — начала новая Верховная ведьма ковена, — известно об особом приглашении на наш праздник. — Она выдержала томительную паузу, позволив гостям мрачно переглянуться друг с другом. — Самое почетное место отведено тому, кто живет среди нас, ест нашу еду, спит в нашем доме... Древний Дух. Человек в зеленом!

— Канун для Иерарха Оного Имени, — громким шепотом проговорили ведьмы и колдуны. Все лица повернулись к Виктору.

«Ну, вот и моя очередь...» — Виктор поежился, ему стало крайне мерзко, будто каждый из присутствующих его вдруг облизал.

— Канун для Иерарха Оного Имени, — повторила Корделия.

Виктор вдруг почувствовал, как Эвер Ив внутри него самодовольно и коварно усмехнулся.

— Века прошли с тех пор, как Дух лишился тела, — продолжила рыжая ведьма. — На него велась охота. Лучшие из наших предков пытались заставить его служить себе. Но однажды так вышло... — она покосилась на собственную мать, — что Дух занял тело моего сына. Он был пленен, но по-прежнему бесконтролен. Мой сын должен был взрастить в себе Иеронима, стать ему оболочкой. Ведьма Корделия из ветви Кэндл ковена Тэтч не могла подчинить Человека в зеленом. Даже Корделия — средоточие Триединой Линии — не справилась бы. Но Корделия Кэндл — сердцевина Крестовины Линар — одолеет его и заставит служить всем нам. Если бы наша бывшая госпожа Скарлетт Тэтч была склонна хотя бы иногда прислушиваться к голосу разума, она бы поняла, насколько важное для ковена событие должно сегодня произойти. Час настал. Человек

в зеленом готов стать собой по-настоящему. Он спал в теле моего сына многие годы. Пока я не пробудила его, напомнив ему, кто он.

И тут Виктор понял. Ответ на загадку, что мучила его все это время, был так близко. Самая первая тайна, с которой началась для него эта история, раскрылась. Именно мама написала то письмо. Бетти Сайзмор — это Корделия Кэндл, а письмо — всего лишь уловка, чтобы его заманить. Она позвала его. Но не своего сына Виктора. Для нее он служил всего лишь подобием транспорта вроде таксомотора, на котором к шабашу должен был явиться в Крик-Холл мистер Эвер Ив. «*Некто по имени “Иероним”...*» — она написала в письме, и именно тогда Эвер Ив проснулся от своего более чем двадцатилетнего сна.

Корделия тем временем продолжала:

— И теперь Иерарх Оного Имени, известный также как Человек в зеленом, станет служить Крестовине Линар, станет служить ковену Кэндл. Мегана! — Ведьма повернулась к старшей сестре. — Пора!

Мегана вытащила из шляпы булавку — тонкую деревянную иглу — и швырнула ее на стол. В тот же миг со скрипом и скрежетом игла начала увеличиваться и в какой-то момент прямо на глазах у собравшихся превратилась в старую резную раму, всего за мгновение затянувшуюся ветхим холстом. На картине была изображена «гостевая» комната, в которой томился Иарран Ри. Сам пленник тоже там присутствовал — он наполовину врос в пробившее стену белоснежное дерево. Рядом на полу лежали две едва заметные фигурки — в одной из них Виктор содроганием узнал себя.

Средняя ведьма Кэндл вскинула руку — и рама треснула. Подняв бокал, Корделия вылила на холст искрящуюся зеленую жидкость. Тут же послышалось шипение — это отвратительно пузырилась краска на картине. Холст стал похож на размалеванную молочную пленку, и тут прямо из него,

будто из болота, начал кто-то выбираться. Сперва показались острия — зубцы короны, за ними и голова...

Виктор вздрогнул: она освобождала Иаррана Ри!

Спустя несколько мгновений на стол, опираясь на раму картины, как на края люка, полностью вылезла сгорблена фигура. Вросшую в череп корону и плечи покрывали потеки масляной краски. Багровые волосы слиплись. Глаза Железного Короля незряче глядели прямо перед собой. В руке у него что-то блеснуло. Виктор ни за что не забыл бы этот нож. Тот самый кривой ржавый клинок, который Иарран Ри извлек из-под своей кожи. Нож, убивший Виктора.

Иарран Ри спустился со стола на землю.

— То, что соединит разорванное! — провозгласила Корделия Кэндл. — То, что сошьет лоскуты воедино. То, что вернет потерянное. Иарран Ри, Железный Король, — палач для Потаенных Вещей! И вы, Потаенные Вещи, — ведьма обращалась к кому-то, оборачиваясь кругом. — Добро пожаловать на Осенний Шабаш!

Из тьмы выступили фигуры. Нестройной походкой они приблизились к столу. Общим у всех явившихся были понуро опущенные плечи и пустые взгляды. Остановились те, кого Корделия Кэндл называла Потаенными Вещами, в двух шагах от стола.

— Мисс Юджиния Хэтти! — начала новая Верховная ведьма ковена. — Она же Шляпа!

Старуха, с которой Виктор познакомился в поезде, будто бы постарела еще лет на двести. Скрюченная, хрипящая, мелко трясущаяся, она совсем на себя не походила.

— Мисс Кеххи Брум! — продолжала Корделия, указывая на высокую женщину в узком коричневом пальто. — Она же Метла!

Мисс Брум опиралась на изящную метлу с фигурным метловищем. Виктор бросил быстрый взгляд на тетушку Мегану. Лицо тетушки было каменным. Мисс Брум же с той

встречи на окраине города сильно исхудала. Она походила на скелет в пальто: щеки ее впали, под глазами повисли мешки, а кожа словно обтянула голые кости.

— Мистер Стюарт Биггль! — провозгласила Корделия, указывая на старика в затертом пальтишке и полосатом шарфе. У него не было носа. В самом центре лица зияла жуткая дыра, похожая на замочную скважину. — Он же Ключ!

Виктору было жаль пройдоху-ключника. Тот выглядел действительно плачевно. Почему-то вспомнилось, как он прикидывался инвалидом, а после беззаботно разъезжал по городу на своем велосипеде. Он всегда казался каким-то скорее нелепым, чем угрожающим.

Но еще не все гости были представлены ковену.

— Мистер Боул Колдрон! — воскликнула Корделия. — Он же Котел!

Мистер Колдрон был толст и, в отличие от прочих Потаенных Вещей, выглядел цветущим и полным жизни. А еще он явно понимал, что происходит, осознавал, где находится, и с ужасом и обильным потоотделением ожидал грядущего. Это было весьма странно...

Корделия Кэндл продолжала.

— Мистер Питер Мэйби! — указала она на сгорбленного почтальона. — Он же Фонарь и наследник печально известного Джека-Фонаря.

Вот уж кто выглядел по-настоящему угрожающе. Долговязый, с длинными руками, он стоял и ежесекундно кивал, словно его шея вдруг превратилась в пружину.

— Что ж, это все, — хмуро поглядев на сестер, сказала Корделия Кэндл. — Из-за трагической случайности последняя из так называемых Потаенных Вещей Человека в зеленом, а именно Зеркало, иначе известное как мистер Лукинг Гласс, к моему глубочайшему сожалению, была разбита в процессе ловли. Поэтому, я полагаю, можно начинать. Во славу древнего рода Кэндл, во славу срединного

поколения и во славу ковена! Железный Король, возьми чашу и приступай!

Засунув руку по локоть в картину, Иарран Ри вытащил из нее простой деревянный кубок и шагнул к мисс Хэтти. Подняв кривой нож, он приставил чашу к горлу старухи. Многие из присутствующих отвели взгляды. Кое-кто даже ахнул.

Виктор судорожно моргнул, но этого короткого мгновения хватило, чтобы мисс Хэтти исчезла, оставив после себя лишь шляпу, которая теперь сиротливо лежала на столе. Иарран Ри тем временем направился к следующей жертве.

Нож скользнул по горлу, и из продолговатой раны в чашу заструилась вязкая серебристая жидкость, напоминающая ртуть. Мисс Брум растаяла прямо на глазах. Драгоценная метла тетушки Меганы стукнулась о столешницу, а Иарран Ри уже двинулся к следующему обреченному.

Вскоре Железный Король перерезал глотки всем Потаенным Вещам. Все они молчали и смиренно ожидали казни, после каждого на столе остался лежать какой-то предмет, подсвечененный медленно сплетающимися языками огня. Исключение составил лишь Котел. Прежде чем Иарран Ри расправился и с ним, бедолага пыхтел, потел и кусал губы. То он косился на Железного Короля с ножом, то на Виктора, словно ища у него поддержки. Толстяка было очень жаль — он с ужасом ждал того, что произойдет. Когда нож коснулся его горла, он что-то еще пытался мялить про недоделанные отчеты.

Вскоре все было кончено.

— Вот-вот то, что себя разорвало, станет целым, — сказала Корделия. — Общее да составится из этих частей. Именно они и станут звеньями той цепи, которая будет удерживать тварь.

Иарран Ри подошел к Виктору и преподнес ему чашу — очевидно, Железный Король был одурманен заклятьем, поскольку даже не думал сопротивляться, при этом убитого им Кэндла он, кажется, даже не узнал.

Виктор поглядел на ведьму, которую еще совсем недавно звал «мамой».

— Не надо, — прошептал он.

Корделия Кэндл смотрела на него равнодушно. Сына для нее давно уже не существовало: Виктор отыграл отведенную ему роль.

— Пей, и пусть уйдет человек! — громко провозгласила она. — Пусть Древний Дух восстанет вместо него!

Виктор принял чашу из рук Железного Короля и попытался выпить ее драгоценное содержимое на землю, но предательские пальцы перестали слушаться. Ведьма обрела власть над его телом. Собственные руки против его воли поднесли чашу к губам и наклонили ее. Горло жадно глотало, обжигаясь ледяной жидкостью. Вкуса Виктор не ощутил никакого.

Когда последний глоток был сделан, Виктор выронил чашу. И покачнулся. Нет, ему не стало дурно — он неожиданно вновь ощутил свое тело. Удерживать его ведьме стало незачем.

— Пришло время изгнать человека!

Тут же по саду прошелся резкий порыв ветра. Он зашелестел невидимой тканью, срывая ее прочь. В тот же миг взорам присутствующих предстали два установленных друг напротив друга на вымощенной камнем дорожке зеркала. Между ними в воздухе висела зажженная свеча.

— Бесконечный Коридор... — раздалось со всех сторон.

Виктор поглядел на Скарлетт. Та едва заметно кивнула в ответ.

— Подойди, встань рядом со свечой, — велела Корделия Кэндл, но не успел Виктор и шагу ступить, как его остановил душераздирающий крик:

— А-а-а! — кричал сидящий рядом с Меганой Сирил. Глаза его закатились, но при этом он остервенело тер шею. — Больно! Как же больно! Не-е-ет!

Весь ковен повернулся к нему.

— Что происходит? — грозно спросила Корделия.

— Тетушка... — захрипел Сирил. — Жертва! Она похищена! Ее увозят!

Мальчишко мчался по коридору, а сумка болталась на ремне и билась о его ноги. Сейчас Чарли Уиллингу не нужны были ни колдовская часовая стрелка, ни живые туфли, чтобы двигаться в верном направлении. Сбежав из комнаты, он сразу же ринулся вверх по лестнице. Чарли точно знал, куда ему нужно.

Дверь преграждал один из Кэндлов — сын Меганы. Завидев мальчишку, он поднял руку и рявкнул: «Стой!» Глаза его загорелись темно-синим светом, но Чарли не испугался и останавливаться не собирался.

Мальчик вскинул левую руку — и сына Меганы подбросило и ударило о потолок, после чего колдун грохнулся на пол с такой силой, словно упал с высокого утеса.

Чарли был безжалостен. Он был в ярости. Он нервничал и боялся. Он был готов отнять жизнь...

Удар оказался настолько силен, что доски пола разлетелись фонтаном. Кровь брызнула во все стороны. Шея сына Меганы изогнулась под жутким углом, из нее, пробив кожу, вылезли обломки позвонков. Переломанные ребра прошили изорванный костюм, а лицо превратилось в сморщеный сухофрукт. Глаза мертвеца прекратили светиться, и он начал таять.

«Астральный двойник, — понял Чарли. — Должно быть, настоящий сын Меганы сейчас находится на шабаше вместе со всеми. Что ж, можно только представить, что он ощутил в этот момент... И это значит, что Корделия уже знает...»

Чарли провел ладонью по двери — и та распахнулась.

В комнате на прикроватной тумбочке горела лампа. У изголовья кровати стояла девушка и глядела в одну точку — она словно не услышала грохота за дверью.

— Саша... — прерывающимся голосом сказал Чарли.

Мальчик переступил порог и превратился в девушку — ровесницу Саши. Молодая Клара Кроу сейчас походила на младшую сестру собственной дочери.

Клару едва не оглушили нахлынувшие на нее в одно мгновение чувства и эмоции. Столько лет... страничка календарика... дата, обведенная тушью... лгунья-мать... заговор... тряпичная кукла по имени Саша в корзине с младенцем... Брат, который держит малышку, в то время как София Кроу разрывает все связи между матерью и ее ребенком... Двадцать три года жизни в одиночестве и беспросветности.

Никто никогда не слышал о том, чтобы безумие излечивалось само по себе — без пилуль, садистских терапий и прочего. Вот так, мгновенно. Но Клара неожиданно почувствовала себя совершенно здоровой. Мысли вдруг упорядочились, гложущая ее ненасытная пасть будто бы наконец закрылась, убедившись, что больше ничего не получит. В этот самый миг Клара Кроу вспомнила всю свою жизнь до мельчайших подробностей. Никаких тайн больше не было.

Она достала из кармана одинокий черканный листок отрывного календарика и скомкала его в руке.

«Я нашла ее...» — подумала ведьма. Она подняла взгляд.

— Саша... — повторила Клара.

Саша поглядела на гостью, но ни на ее лице, ни в глазах ничего не отразилось.

— Меня зовут Клара, — горячо проговорила Клара. — Я — твоя мама, Саша.

Саша глубоко вздохнула и села на край кровати. Она двигалась так медленно, словно была привидением в безветренную погоду.

Дочь не придала никакого значения присутствию собственной матери, и Клара закусила губу от отчаяния.

«Виктор говорил, что так будет, — подумала она. — Он предупреждал...»

— Я пришла за тобой, девочка моя! — Клара приблизилась и дрожащими пальцами взяла дочь за руку. — Нам нужно бежать. Однажды они разлучили нас и снова попытаются это сделать. Пойдем, пока они не разобрались, что к чему. Пойдем со мной...

Клара потянула дочь прочь из комнаты, словно шарик на ниточке, — она боялась, что, если вдруг на мгновение отпустит ее, та растворится в воздухе. Вместе они быстро преодолели коридор и лестницу, а следом холл и прихожую и вскоре оказались во дворе.

Клара толкнула калитку. Сразу стало легче дышать.

И тут за спиной раздался чей-то крик, а следом — звериное рычание. Клара затравленно обернулась и вскинула руку, захлопывая и запечатывая заклятьем входную дверь, — может быть, это хоть ненадолго задержит погоню.

Клара вытащила из сумки автомобильный руль, который таскала с собой еще с самого изгнания из Гаррет-Кроу. Закрыв глаза, она прошептала слова старого семейного заклятия, после чего швырнула руль на дорогу.

В тот же миг, как потертый и порченный временем ободок коснулся мостовой, из него развернулся, будто картонная книга-игрушка, старинный зеленый автомобиль. Это был «Змей», машина дедушки, которую он сконструировал лично, — смесь механики и волшебства. Единственное, что удалось утаить от банковских агентов.

«Змей» рычал и фыркал дымом из выхлопных труб, в салоне играл граммофончик, светились круглые глаза-фары. Клара открыла дверцу и усадила Сашу на заднее сиденье, а сама запрыгнула в кресло шофера. Ведьма положила руки на руль, но машина — вот подлость-то! — вдруг уснула:

двигатель заглох, фары погасли и даже граммофончик замолчал. «Проклятье! Как не вовремя!»

И тут Клара обнаружила на пассажирском сиденье рядом с собой пару старомодных шоферских перчаток. Она резво натянула их, и стоило ей снова коснуться руля, как «Змей» вновь проснулся, рыкнул и рванул с места.

Железный Король стоял у стола и легонько покачивался. Чары крепко держали его на цепи. И тем не менее он все видел и осознавал. Иарран Ри чувствовал: скоро раскаленный металл пожрет уже подогреваемые души, а прямо в этом саду расцветет дымный багровый цветок, и тогда он сбросит оковы...

Еще одна пленница, Скарлетт Тэтч, дергалась и пыталась освободиться, но вырваться из этой порожденной колдовством соперницы смирительной рубахи она не могла. Распустившиеся бинтами подолы стягивали плечи, руки и ноги женщины наподобие алого кокона. Один из жгутов залепил ей рот.

Корделия Кэндл глядела на свою пленницу и пылала ненавистью. Известие о том, что ее жертва, которую она с таким трудом готовила, похищена прямо из-под ее носа в самый последний момент, что-то в ней надломило. Словно порывом злого ветра с новой хозяйки праздника сорвало маску. Она превратилась в монстра с огненными волосами и белоснежным лицом, которое, похоже, просто не было способно выражать никаких добрых эмоций.

— Фирч! — воскликнула Корделия Кэндл. — В погоню! Скорее! Вернуть беглянку и ее похитителя. Возьмите с собой дюжину Серых. Торопитесь, пока ночь не закончилась!

Послушно кивнув, из-за стола поднялись невзрачные личности, которые все время пребывания в Крик-Холле профессионально прикидывались тенями. Их движения были

лаконичны и четки, сами они казались вышколенными — едва ли не выдрессированными. Только сейчас Виктор заметил, что костюмы Серых напоминают скорее военные мундиры, чем парадные наряды.

«Солдаты ковена, — догадался он, и сердце его предательски защемило. — Они настигнут Клару... они настигнут Сашу...»

Он с мольбой посмотрел на Скарлетт, но та выглядела не менее отчаявшейся. По тетушkinому выражению лица Виктор понял, что все не просто пошло совсем не так, как она планировала, но что у нее нет никакого плана, как все исправить. Проклятье! Она ведь уверяла, будто знает, что делает!

Серые единым жестом вскинули руки. В тот же миг появился едва уловимый звук: шуршание чего-то, стремительно рассекающего воздух. В сад влетели метлы — они явились из дома на призыв своих хозяев.

Неуловимым движением каждый из Серых вскочил на метлу и взмыл в воздух. Будто всадники на быстроногих скакунах, солдаты ковена понеслись к воротам. Вскоре они скрылись из виду.

В саду тем временем, словно в бульварном романчике, накалялись страсти. Жестокого и стремительного переворота у Корделии Кэндл не получилось. Всего лишь одна заминка, одна маленькая неудача — и эффект был потерян. Вместо того чтобы убить любые сомнения даже в самых закоренелых скептиках, происходящее породило неуверенность даже в тех, кто, казалось бы, с самого начала определился со своим выбором.

Некоторые из гостей, включая Селен Палмер и мистера Тачбоуна, стали возмущаться происходящим или, вернее, поднявшейся неразберихой, выбрасывая в воздух уничижительные заявления вроде «Что за бедлам!», «Старое поколение ни за что бы подобного не допустило!» и «Такое поведение просто уродливо!»

Многие другие были явно согласны, но благоразумно молчали. Мистер Грин, к примеру, закинув ногу на ногу, нервно полировал манжетой сюртука золотую пряжку на туфельке. При этом он боязливо косился на Мегану Кэндл.

Кое-кто выжидал. Джелия и ее брат, а также мадам Саммер, Маргарет Тилли и прочие гости, имен которых Виктор даже не знал, оценивали происходящее и выжидающе прислушивались к словам более авторитетных членов ковена. Для них это был повод задуматься либо о поспешном бегстве, либо об активных действиях. Пока что складывающаяся ситуация выглядела в их глазах весьма... неоднозначной.

Но были и те, кто откровенно наслаждался ситуацией. Грэгсон, к примеру, то бросал голодные взгляды на Мими, явно не замечая негодования в глазах Меганы, то пытался принять участие в перешептывании за столом. И все это с широкой улыбкой на лице.

У Рэмморы заметно тряслись руки — хотя это могло быть и следствием ее безумного танца или побочным эффектом от обряда Крестовины Линар.

Сирил хрюпел и по-прежнему держался за собственное горло, валяясь на земле у стола. Никто не торопился к нему на помощь. Даже родная мать не обращала на него внимания, что уж говорить об отце.

Кристина будто бы вообще ничего не заметила. Всем своим видом она стала напоминать бабушку, иссущенную и пустую. К слову, на лице Джинны Кэндл, как ни странно, появилось выражение осмысленно-мрачной удовлетворенности, как будто все происходило строго в соответствии с ее ожиданиями. Судя по всему, она считала, что ее дочь ни на что не годится, и радовалась возникшей заминке.

Корделия, впрочем, была отнюдь не разбита. Торжество и решительность по-прежнему сверкали в ее глазах. Правда, теперь еще и злоба исказила тонкие губы.

— Не нужно отчаяваться раньше времени, дорогие гости! — воскликнула средняя ведьма Кэндл. — Наш триумф по-прежнему близится. И даже мелкие происки этой чертовки, — она ткнула пальцем в Скарлетт, — не смогут воспрепятствовать предрешенному. Ни одна ведьма не ставит все на одну карту...

— Но время! — попыталась подать голос Рэммора. — Скоро полночь, и если ее не вернут до этого времени, то...

Корделия так глянула на сестру, что ту в одночасье будто бы приколотило к стулу.

Виктор увидел, как рыжая ведьма едва заметно кивнула дядюшке Джозефу. Поняв знак, дядюшка поднялся из-за стола и с видом мясника, получившего новую, долгожданную партию мяса, поспешил исполнить невысказанное повеление.

Средняя сестра Кэндл вновь повернулась к Скарлетт.

— Ты что же, мерзавка, думала, что со мной так можно? — прошипела она. Впервые за все время хозяйка совершенно утратила самообладание. — Воровка, которая пыталась украсть у меня мужа. О, как мне нравится этот славный ужас в твоих глазах! Думала, я не знаю?

Скарлетт с тревогой глядела на Корделию, не пытаясь ее переубедить. Да она и не смогла бы.

Корделия продолжала:

— Я двадцать шесть лет ждала сегодняшнего вечера. Знаешь, Скар, я даже думала просто позволить тебе тихо и мирно отойти в сторону. Думала разрешить тебе завести семью, построить дом — сидела бы в своей дыре, слушала радиоприемник и занималась бы вязанием. Но после этого... Сама доигралась. Никакой пощады. Я, разумеется, предполагала, что ты так просто не сдашься. Выкинешь какую-нибудь подлость под конец. Но похитить жертву... я не буду выяснять, как тебе это удалось. Я просто хочу, чтобы ты знала: сначала ты увиديшь, как будет разорван на куски твой разлюбезный

Гарри, а потом и сама, мерзавка, отправившись в зеркало. И тогда я понаблюдаю, как тебе будут вырывать твои подлые, лицемерные глаза.

Вдруг откуда-то из глубины медленно переплетающихся языков огня на столе раздалось едва слышное карканье. Часы оповещали: полчаса до полночи.

Никто из присутствующих их не услышал. Кроме того, кто пока что был заключен где-то в глубине некоего человека. И этот кто-то был готов освободиться.

Зеркало было большим, тяжелым и неудобным. Еще и это пыльное полотнище, в которое оно завернуто... А принимая во внимание то, сколько раз за последнее дни Джозефу Кэнду пришлось перетаскивать эту тяжесть с места на место, он успел его просто возненавидеть. Джозеф даже почти убедил себя в том, что подлец Гарри нарочно решил устроить скору именно рядом с этим здоровенным зеркалом, по всей видимости, уже тогда догадавшись о своей участии. В силу собственной мстительности тот, верно, проделал все это лишь для того, чтобы несчастный Джозеф как следует помучился, постоянно передвигая место заточения брата и надрывая себе спину.

— Уфф... — пропыхтел Джозеф, осторожно опуская зеркало на верхнюю ступеньку садового крыльца. Пронести эту громадину через порог, не выронив, да при этом еще и спиной открывая себе входную дверь, оказалось той еще задачкой. — Если бы не Корделия, давно бы уже тебя расколотил. Большего ты все равно не заслуживаешь, понял? Апчхи!

Слова Джозефа были адресованы именно Гарри, который — он в этом не сомневался — всё слышал. Ничто не мешало Гарри проворчать в ответ какое-нибудь бессмысленное проклятие или даже произнести обличительную речь,

но брат упрямо молчал и этим еще больше злил и распалял Джозефа.

И все же, как бы ни хотелось расколотить зеркало на мелкие осколки и перемолоть их затем в стеклянную крошку, запертого в зазеркалье Гарри надлежало доставить на шабаш целым и невредимым, отчего Джозефу в очередной раз пришлось отложить в сторону месть, отышатся и вновь взяться за неудобную раму. Впрочем, как он полагал, откладывал он ее уже ненадолго.

— Джозеф! — из дома раздался голос, который Джозеф сейчас желал слышать меньше всего на свете. И уж тем более ему совсем не хотелось отвечать.

— Не видишь? Я занят. Нашла время! — Он скривился, даже не удосужившись взглянуть на жену. — Если ты думаешь, что я сейчас все брошу и начну выяснять с тобой отношения... — он вдруг прервал себя, заподозрив неладное: — Эй! Разве ты не должна быть сейчас с Корделией? Ей может понадобиться помошь.

— Сама справится, — раздраженно бросила Мегана Кэндл, словно речь шла не о смене верховной власти над ковеном, а о приготовлении ужина в будний день. — Ты обязан меня выслушать. Сейчас же. Речь о Мими.

— Чертова Мими! — Джозеф вытер платком приступивший на лбу пот и раздраженно уставился на жену. Его искренне поразило то, что она посмела вновь поднять эту тему, ведь утром, как он считал, они уже все обсудили. — Разве я неясно выразился? — простуженный голос моментально превратился в злой хрип. — Эта маленькая дрянь интересует меня не больше, чем твои каждодневные писульки на прикроватной тумбочке. Я их давно не читаю — все будто писаны под копирку и напрочь лишены смысла. Даже в вороньем карканье его больше. К черту и тебя, и Мими!

— Ах... Ты... — Мегана не сразу нашлась с ответом. К хамству мужа за годы совместной жизни она успела привыкнуть,

но сейчас он явно переходил все границы. Это уже даже не напоминало их привычную игру «кто побольнее ударит». — Мими — твоя дочь! А ты отдал ее этому извергу с такой легкостью, будто за ужином передал кусок пирога с крольчатиной...

— Да хоть бы и так, — не стал отрицать Джозеф. — Пусть раз в жизни принесет пользу. Если бы ты смогла родить нормальную дочь, то Триединая Линия у нас была бы на целых два года раньше, так что не говори мне ни о какой Мими! И слышать ничего не желаю!

— Ты, черствый мерзавец! — теряя самообладание, закричала Мегана, не заботясь, долетят ли ее крики до ковена, устроившегося в глубине сада. — Как ты посмел отдать ее этому ублюдку?! Он же просто убьет ее! Как ту девчонку, которую закопали три дня назад.

— И почему это должно меня волновать?

Джозеф явно наслаждался склерой, из которой, как ему казалось, он совершенно точно выйдет победителем.

— Я смотрю, тебя уже ничего не волнует, — Мегана вдруг успокоилась, словно услышала именно то, что ожидала, — кроме желания выслужиться перед ней. Вот только все это напрасно — ты для нее все такое же ничтожество, каким всегда и был. Как это глупо — променять любившую тебя когда-то жену на то, что никогда не будет твоим...

— Ты просто брызгешь ядом, — торжествующе улыбнулся Джозеф. — Гарри скоро не станет, и она взглянет на меня по-новому, ведь именно я привел ее к триумфу. Можешь начинать кусать локти, если, конечно, до них дотянешься. А теперь — пошла вон, у меня дела.

Джозеф взялся за зеркало и шагнул с крыльца.

— Ты никуда не уйдешь, — холодно прозвучало сзади. По спине оторопевшего Джозефа пробежал холодок. Он ощутил опасность. Но в руках было зеркало, оно мешало. Будь ты неладен, Гарри...

— Что ты собралась?..

— Она ничего не получит, — сказала Мегана. — Ни тебя, ни Крестовину, ни своего сына, ничего из того, что украла у меня...

Джозеф почувствовал, как у него отнимаются ноги, а руки начинают дрожать, словно у беспробудного пьяницы, не просыпающего вторую неделю. Все тело передернуло от озабоченности — Мегана пустила в ход свою силу. Он едва успел опустить зеркало и прислонить его к перилам. Стекло отвратительно звякнуло, но вроде бы не разбилось.

— Вот ведь дрянь, — прорычал Джозеф, оборачиваясь.

Его исполненный презрительной злобы взгляд не сулил жене ничего хорошего.

Раздался металлический скрежет. В мгновение ока кованые прутья оторвались от перил и сомкнулись, будто средневековые кандалы, на запястьях и шее Меганы Кэндл. Они стали душить женщину — та захрипела и дернулась в попытке освободиться.

— Ты всегда проигрывала, — уняв дрожь, Джозеф подошел ближе и отвесил задыхающейся жене размашистую пощечину, от которой на ее щеке остался алеющий след. — Потому что боялась переборщить, всякий раз страшилась убить. И это при твоих-то возможностях, трусивое ничтожество... А вот мне не страшно.

На искаженном болью лице Меганы отразился подлинный ужас. Она и в самом деле оказалась не готова к подобному исходу, хотя и убеждала себя перед этим разговором, что Джозефа нужно будет остановить любой ценой. Она так и не решилась нанести смертельный удар первой, ведь за свою жизнь — в этом он не солгал — она никого не убила, даром что была ведьмой. Должно быть, она действительно обычное ничтожество, как и утверждал этот монстр...

— И ты еще что-то смеешь мне тут... Эй, а ты что...

Джозеф вдруг замолчал, тихо охнул и, будто мешок репы, рухнул лицом вниз, растянувшись на ступенях. Удар пришелся ему точнехонько в скулу, и невысокий крепкий мужчина в шоферской кепке потер саднивший кулак.

— Мадам! Мадам, держитесь!

Мистер Эндрю бросился к бьющейся в судорогах, задыхающейся Мегане и принялся отдирать обвивший ее шею железный прут. Собрав все силы и даже хрипя от натуги, он потянул концы кованой петли в стороны, и в какой-то миг ему все же удалось ее немного разжать. В легкие женщины проскользнул глоток живительного воздуха. Она закашлялась, в глазах мелькнуло смутное осознание происходящего, и вскоре прутья уже сами опали с ее рук и шеи.

— Гораций! — прокашлявшись, она непонимающе уставилась на своего шофера. — Как ты здесь очутился?

— Мне показалось странным, что вы опаздываете, мадам, — словно извиняясь, пробормотал таксист и опустил взгляд. — Вы ведь всегда так пунктуальны... Вот я и подумал, что... что, может быть, что-то случилось. К несчастью, я оказался прав. Поторопитесь. Нам нужно скорее уходить отсюда. Когда он очнется...

— Он жив? — Мегана с отвращением уставилась на бездыханное, как ей казалось, тело мужа.

— Определенно жив, — заверил ее мистер Эндрю. — Я занимаюсь боксом с пятнадцати лет и отлично знаю, к чему приводит такой удар. Когда поднявший на вас руку мерзавец очнется, он попытается довершить начатое. Я предложил бы покинуть город, пока есть такая возможность. И я... — мистер Эндрю запнулся. Он покраснел, как вареный лобстер. — Я готов отправиться с вами, мадам. Хоть до Норфорка, хоть до самой Шотландии.

— Или до Ирландии? — прищурилась Мегана Кэндл.

— Да хоть через Ла-Манш, если с вами...

— Постой. — Мегана встрепенулась. — Нужно забрать мою doch! Она лежит в своей комнате... Я не могу позволить ей больше присутствовать на этом... празднике.

— Нужно торопиться, мадам. — Таксист указал на Джозефа. — Кто-нибудь может его хватиться. Или он сам...

— Не хватятся. Никто тебя сегодня, муженек, не хватит-ся, — зло проговорила ведьма, срывая полотно с зеркала. — Гораций, помоги мне. Хватай его за ноги, вот так... Там, куда я его отправлю, о нем позаботятся.

Через минуту на крыльце больше ничего не напоминало ни о Джозефе Кэнdle, ни о произошедших здесь событиях. Даже прутья распрямились и вернулись обратно на свои места, и только зеркало все так же стояло, сиротливо прислоненное к перилам крыльца... А еще среди складок сорванного на землю полотна запутался старинный витиеватый ключ, но никому не было до этого дела...

— Не пожалеешь, Гораций? — спросила Мегана Кэндл, шагая по дорожке к калитке. Следом за ней семенила с закрытыми глазами, похожая на сомнамбулу, дочь — Мими спала, и мать вовсе не собиралась ее будить.

Молчаливый мистер Эндрю лишь покачал головой. У ворот их дожидался его старенький желтый таксомотор.

«Ну сделай же хоть что-то!» — мысленно кричал Виктор, пытаясь призвать Скарлетт освободиться и помешать окончательно утратившей рассудок Корделии Кэндл. Но мадам Тэтч по-прежнему была совершенно бессильна.

Виктор стоял в шаге от свечи, ровно посередине между зеркалами Бесконечного Коридора. Он не мог пошевелиться — руки и ноги сковывало заклятие матери.

Корделия Кэндл устала ждать, когда Джозеф все-таки соблаговолит явиться, и вызвала зеркало при помощи колдовства. Странно, но оно явилось так быстро, будто стояло вовсе не на чердаке, а буквально в двух шагах от места, где проходил шабаш.

Зеркало встало перед столом. Ковен выстроился так, чтобы видеть происходящее... Наблюдателям предстал пыльный

темный чердак Крик-Холла, как будто они глядели не в зеркало, а в окно, установленное посреди сада.

На чердаке кто-то был.

Человек — а в полутьме можно было разглядеть лишь то, что это высокий мужчина — попал в западню. Он яростно тянул дверь, рвал ручку, но та не поддавалась. Несчастный пытался бить в створку кулаками, ногами и даже плечом, но было понятно: у него ничего не выйдет.

«Ты же обещала, что поможешь! Что не позволишь ей убить его!» — Виктор, казалось, вот-вот задохнется от беззвучного крика. Но Скарлетт его, как и раньше, не слышала.

— Его было невозможно поймать! — тем временем начала вешать Корделия Кэндл, указывая на сына. — Потому что ловили его, как он есть, целиком. Я же изловила его по частям. Я вижу, многие до сих пор не понимают, что здесь происходит. Я поясню. Одного себя Человеку в зеленом было слишком мало, и он разорвался на части. Фонары! Ключ! Шляпа! Метла! Котел! Зеркало! Все они выслежены и пойманы, а кое-кто и уничтожен. Вы видели, как они, плененные мной, были слиты воедино и воссоединены с хозяином...

«Давай же, сделай хоть что-то!» — молил Виктор, но Скарлетт была белее мела. Ее глаза наполнял ужас.

— Отныне Иероним стал единственным целым, — громко и зло продолжала Корделия, — и ко всем его конечностям намертво присоединены марионеточные нити. Осталось самое последнее... Жертва — то, чего жаждет оставшаяся свободной последняя часть Иеронима, человеческая! То, что захлопнет мышеловку окончательно! Нашей жертвой должна стать Саша Кроу. Враг пытается помешать ковену Кэндл исполнить предназначеннное — он похитил заготовленную жертву в надежде, что это разрушит наши планы. Но враг просчитался — я не варю всех жаб в одном котле! Глядите! — Она кивнула на темный чердак. — Вы видите человека внутри зеркала! Это

Гарри Кэндл! Многие из вас помнят, в чем заключается его особый дар, так проявившийся еще во времена войны с Ратте! Мой муж — кузнец, выковывающий жертв, и он же двадцать три года назад создал жертву для нашего сегодняшнего обряда. И сейчас ради кована я пожертвуя мужем, чтобы создать новую.

Услышав это, присутствующие испуганно зашептались: «Жертва? Еще одна жертва?..» Кажется, они боялись, что рыжая ведьма выберет кого-то из них.

Но Корделия лишь усмехнулась:

— У нас есть та, кто станет новой жертвой. Добровольно Гарри Кэндл не выкуют ее, но я об этом позаботилась. Все свершится без его согласия. Заклятие Последнего Вздоха...

Кто-то из присутствующих в саду вскрикнул — все они не мигая глядели в зеркало. В зазеркалье появилась бледная фигура — вышла из угла, словно сбросив с себя плащ, сотканный из теней. Черноволосая женщина в белоснежном платье с истлевшим подолом вовсе не выглядела опасной, но от того, как она двигалась, по коже бежали мурashки. Именно ее так боялся запертый в зазеркалье мужчина.

Скарлетт Тэтч билась в своем коконе, пытаясь разорвать путы, но ткань сдавливалась ее лишь сильнее.

Кровавая Мэри меж тем подошла к загнанному человеку, пытающемуся открыть чердачную дверь. Она оказалась прямо за его спиной. Длинные бледные пальцы коснулись его головы. Другую руку, будто обнимая свою жертву, она положила мужчине на плечо.

Скарлетт Тэтч зажмурилась.

Виктор не смог.

Кровавая Мэри резко дернула рукой, и в повисшей в саду тишине все услышали жуткий хруст. Сломанная шея мужчины искривилась. И тут Кровавая Мэри поняла, что за ней наблюдают. Она повернула голову и увидела сад, стол, медленно переплетающиеся языки огня, Бесконечный Коридор,

Виктора и остальных. Но взгляд ее остановился лишь на одном человеке.

Кровавая Мэри поглядела на Корделию Кэндл, усмехнулась и, с легкостью подняв мертвое тело, швырнула его в нее.

Средняя сестра Кэндл не дрогнула — она осталась стоять на месте, ожидая, что труп ударится о стекло с той стороны. Но зеркало в этот раз отчего-то не пожелало быть преградой. Кто-кто отпрянул, а кто-то вскрикнул, когда тело прошло сквозь стекло.

Труп рухнул к ногам Корделии. Рыжая ведьма ничего не понимала — она отказывалась верить своим глазам. Убитый был одет в столь хорошо ей знакомый вишневый костюм. Это был отнюдь не Гарри. Это был Джозеф!

Кровавая Мэри двинулась к зеркалу.

Кто-то закричал. Члены ковена начали понимать, что план Корделии Кэндл разрушен, но саму ее смертельно перепугала отнюдь не подмена жертвы и даже не то, что монстр из зеркала намеревался выбраться, что уж говорить о таком пустяке, как гибель ее зятя! Буквально в эту же секунду произошло нечто гораздо более страшное. То, что могла ощутить только она одна.

Корделия почувствовала головокружение и вмиг навалившуюся усталость. Со стороны она выглядела так, будто попала под внезапно начавшийся ливень. Дождь этот словно стекал по зеленой шляпе Корделии и впитывался в платье, смывая с новой хозяйки ковена всю спесь, ледяными пощечинами напоминая ей ее место.

Кто-то разорвал Крестовину Линар. Но как это возможно!
Кто мог такое сделать?!

Корделия огляделась. Джина Кэндл — как ей и положено — сидела за столом каменным истуканом. Она единственная осталась сидеть. Кристина была рядом. Рэммора что-то вытворяла с плющом, которым поросла одна из статуй неподалеку, а Мегана...

— Мегана! — в бессильной ярости закричала Корделия.

Но сестра не ответила. Мегана Кэндл исчезла.

Выброшенный из зеркала труп Джозефа Кэндла стал тем рычагом, который словно открыл под ногами средней сестры Кэндл люк в шахту лифта.

Кровавая Мэри ударила кулаком в зеркало со своей стороны. По нему зазмеились тонкие трещины, похожие на хрустальные волосы.

— Она не выберется! — крикнула Селен Палмер. — Не сможет!

— Она уже выбирается! — закричал кто-то ей в ответ.

И правда, Кровавая Мэри продолжала бить по стеклу, и ей уже удалось сделать крошечный, не больше пенни, пролом. От каждого нового удара трещины стремительно разрастались, а пролом все увеличивался. Зеркало дрожало, но пока выдерживало напор.

Со всех сторон стали раздаваться крики.

— Проклятая стерва! — закричала Джелия Хоуп и ткнула пальцем в Корделию. — Это она во всем виновата. Она обманула всех нас!

— Молчи, глупая девчонка! — ответила ей какая-то старуха. — Мадам Кэндл — это тебе не паршивая светская львица, которой плевать на ковен!

— Нет! Это Кэндлы во всем виноваты! — послышался тонкий голосок мистера Грина. Исчезновение Меганы, очевидно, придало ему смелости. — Это они! Они все! Они украли мое золото! Они мне угрожали!

— Молчи, мерзкий коротышка! — заорал Грэггсон, еще не зная, что обещанный ему «ужин» у него украли прямо с тарелки, увели из-под носа точно так же, как и жертву для Иеронима. — Взять отступника!

Солдаты ковена двинулись к лепрекону. Но несколько других колдунов в серых костюмах преградили путь бывшим товарищам, намереваясь им помешать. Серые разделились. Ковен разделился.

— Освободите мадам Тэтч! — закричала Джелия своим сторонникам. — Освободите Верховную!

— Помешайте им! — велел Греггсон уже своим. — Помешайте!

И тут начался хаос. Ковен начал рвать сам себя на куски. В ход пошло колдовство. В воздухе появились метлы. Некоторые из ведьм оседлали их.

Брат Джелии, молчаливый Найджел Хоуп, яростно рыча, пытался освободить Скарлетт. Он голыми руками рвал на куски удерживающие ее жгуты ткани, но коварные ленты поползли и к нему самому. Одна уже обхватила его запястье... Колдовал мистер Греггсон — он лично пытался не допустить освобождения Верховной, которую предал ранее.

И тут поднял голову Иарран Ри. Железный Король повел затекшей шеей и огляделся. Его оковы спали, и больше ни одного мгновения прозябать в бездействии он не собирался. Сейчас его заботили лишь две вещи. Клинок Последнего Мгновения был в его руках — это раз. *Кейлех* Корделия Кэндл стояла в нескольких шагах от него — это два.

Железный Король поднял нож и двинулся к ведьме. Пробираясь сквозь разлившееся в саду штормовое море бушующего ковена, он неумолимо приближался к средней сестре Кэндл, а та его будто не замечала.

— Мама! — раздался детский крик.

Маленькая Марго, неизвестно как оказавшаяся вдруг в саду, с ногами забралась на садовую скамейку. Кожа ее была пепельно-серой, лицо вытянулось, щеки глубоко впали, а мешки под глазами налились и обвисли, жутко оттягивая нижние веки. Миленькое розовое платье жутко контрастировало с осунувшейся мордой и усохшими конечностями твари.

Маленькое чудовище подобралось и прыгнуло. Этому прыжку позавидовала бы и кошка — одним движением Марго преодолела и стол, и зеркало с пытающейся выбраться из него Кровавой Мэри.

— *До мо тех-лах*, — произнес Иарран Ри, занося нож над головой неподвижной Корделии Кэндл. И специально для нее повторил все по-английски: — За мою семью!

Нож уже опускался, но оружие вдруг вылетело из рук бывшего пленника рыжей ведьмы. Иарран Ри в недоумении и ярости обернулся и увидел маленькое серое существо с его клинком, зажатым в полной острых клыков пасти.

Железный Король заревел от ярости и шагнул к Марго, намереваясь вернуть оружие и разделаться с маленьким монстром.

— Не смей трогать мою дочь... — одними губами произнесла Корделия Кэндл.

Иарран Ри закричал. Его ноги одеревенели и превратились в корни, а корни принялись вкапываться в землю. Железный Король попытался вырвать себя руками, но становилось лишь хуже. Кора поднималась вверх по его телу...

Тем временем происходящее кругом все больше погружалось в безумие.

Найджел Хоуп раскрывал рот, но не мог издать ни звука — он кричал, но никто его не слышал. Жгуты из платья Скарлетт сдавливали его горло, обвиввшись вокруг него чудовищным шарфом. Вмиг посиневшие волосы Найджела начали развертываться, будто кто-то засунул его под воду. Глаза ослепли, на шее открывались и закрывались прорезавшиеся жабры.

Джелия в это время с особой жестокостью и злобой дралась одновременно с тремя Серыми. Ее прежде аккуратненькая волнистая прическа растрепалась, на скуле кровоточил порез. Один из солдат ковена схватил Деву за руку. Она закричала. Пасть в центре его ладони впилась в запястье Джелии зубами.

Кровавая Мэри уже высунула голову через пролом в зеркале и продолжила бить окровавленными руками в преграду со своей стороны. От каждого ее удара трещины удлинялись, на садовую дорожку сыпались мелкие осколки.

Виктор не знал, что делать. До указанного мистером Ивом срока оставалось еще около пятнадцати минут. Он глядел на происходящее и по-прежнему не мог пошевелить ни единственным мускулом. От беснующегося кругом колдовства электризовались волосы. Пахло паленым. От криков можно было оглохнуть. А еще было чертовски страшно. Виктор пытался отыскать взглядом тетушку Скарлетт, но она исчезла в развернувшемся в саду кошмаре, как в черном водовороте.

Рядом об землю ударился мистер Грин. А потом взлетел на несколько футов. Коротышку швыряло то вверх, то вниз, пока в его теле не осталось ни единой целой косточки. Окровавленная груда в изорванном черном костюме с изумрудным отливом затихла в трех шагах от Виктора. Из нее под неправильными углами торчали ноги в туфлях с пряжками.

За миг до этого Селен Палмер, не слезая с метлы, превратила голову какой-то женщины в тыкву, и бедняга споткнулась. Тыква ударила о камень и треснула, из дыры на землю потекла рыжая жижа.

Корделия Кэндл тем временем повернула голову к Скарлетт:

— Я знаю, что ты так все и задумывала, мерзавка! Убей ее! Убей! — закричала она монстру, который совсем еще недавно был малышкой Марго.

Серое существо в детском платьице выплюнуло нож к тому времени уже полностью превратившегося в дерево Железногого Короля.

Марго по-звериному, на четвереньках, бросилась к Скарлетт и запрыгнула на лежащее у ее стула мертвое тело Найджела Хоупа, покрытое рыбьей чешуей. Скарлетт попыталась отстраниться, но ничего не вышло. Марго забралась к ней на колени — затылок маленькой твари, поросший редкими седыми волосами, закрыл от всех взоров лицо мадам Тэтч...

Когда монстр спрыгнул на землю, открылось мерзкое, тошнотворное зрелище: некогда красивое и надменное лицо

Скарлетт было обглодано до костей. Что бы она там ни задумывала, теперь это не имело значения, поскольку бывшая Верховная ведьма ковена была мертва.

Но Виктор не видел этого. К его ногам упало, свалившись с метлы, чье-то тело в клетчатом костюме. У колдуна, пробив кожу и одежду, торчали наружу окровавленные кости. Он еще дергался и хватал сломанными пальцами землю, пытаясь зацепиться за штанину Виктора. Спустя пару секунд он затих, глаза его затянулись серой поволокой.

В горле у Виктора появился скользкий и отвратительный, будто жаба, комок, который пытался пробраться наружу. И тут он почувствовал острую боль под мышкой. Краем глаза Виктор увидел тетушку Рэммору. В руке она держала толстую цыганскую иглу. С иглы на землю капнула капелька крови.

«Что ты сде...» — подумал было Виктор, но мысли запутались в узел. В тот же миг веки молодого человека отяжелели, и он рухнул на землю как подкошенный.

В следующее мгновение он изящным движением поднялся на ноги, но это был уже не Виктор. Человек в зеленом сперва отряхнул костюм, а уж после огляделся по сторонам.

— Благодарю, мадам! — воскликнул мистер Эвер Ив вслед несущейся прочь Рэмморе. — Ух ты! — Он радостно потер руки. — Я почти ничего не пропустил.

От удовольствия созерцания творящегося кругом ужаса его отвлек стук. Кто-то стучал с той стороны одного из зеркал Бесконечного Коридора. Мистер Эвер Ив нехотя повернул голову — из зазеркалья на него глядел Виктор Кэндл. Он пытался подавать какие-то знаки, видимо, просил вызволить его оттуда.

— Как будто я обязан знать язык жестов, — проворчал мистер Эвер Ив. — Ладно-ладно...

С превеликой неохотой и леностью в каждом движении он развел руки в стороны. Оба зеркала Бесконечного Коридора вздрогнули. Мистер Ив медленно соединил ладони, как

в коротком бесшумном хлопке, — и, взмыв в воздух, зеркала направились друг к другу.

— Ой, прости... — пробормотал мистер Ив, заметив, как Виктор Кэндл потерял равновесие и рухнул на пол в зазеркалье.

Вскоре оба зеркала соединились, приставленные друг к другу стекло к стеклу. За мгновение до этого мистер Ив в последний раз встретился взглядом со своим отражением, коварно усмехнулся и процедил:

— Наслаждайся.

Свеча погасла, раздавленная стеклами, и Виктор Кэндл оказался в кромешной темноте...

— Надеюсь, ты не забыл оставить окно открытым, — сказал мистер Эвер Ив и отправил соединенные зеркала по воздуху прямо к дому.

Рэммора Кэндл тем временем жестом распахнула дверь своего флигеля, не останавливаясь, пробежала через всю комнатку и с разбегу нырнула в догорающий камин. Пламя взметнулось и поднялось столбом. Ведьма исчезла. Огонь опустился и приник к самим углям, но один его обрывок — живучий рыжий язык пламени — быстро пополз по обоям над каминной полкой. Во флигеле начался пожар...

Хаос в саду меж тем набирал обороты. Тут и там гремели взрывы, и в воздухе разворачивались языки зеленого пламени, землю усеяли тела. Одну орущую ведьму затягивали ожившие розы, другая за одно мгновение истончилась и постарела, пока не превратилась в скелет. Некий хитрый колдун решил сбежать и попытался обратиться мышью, но у него это вышло лишь частично — выросли и округлились уши, прорезались и удлинились передние зубы, а загривок покрылся мехом, но тут другой колдун схватил его за хвост. Они сцепились, полумышь и человек, и покатились по земле.

Схватки колдунов и ведьм уже происходили по всему саду.

Селен Палмер швырнула об дерево мистера Грэггсона. Подобное столкновение должно было убить его, но колдун встал и вправил позвонки на место. Как ни в чем не бывало он двинулся к Селен Палмер, но, не сделав и двух шагов, натолкнулся на извечно следующих за ним по пятам жену и дочерей.

Вдруг они словно очнулись от сна. Увидев оторопевшие и испуганные взгляды, отец семейства закричал, веля миссис Грэггсон и дочерям помочь ему расправиться со старухой Палмер, но супруга, доселе покорная и смиренная, решила, что с нее хватит. Она сжала кулаки и повела головой по кругу так яростно, будто ее позвоночник вдруг исчез. Миссис Грэггсон была потомственной ведьмой, но до сего момента она даже в мыслях не смела надеяться, что однажды ее муж примет расплату за долгие годы издевательств над ней и ее дочерьми.

— Пора перекусить, дорогой, — заботливо произнесла миссис Грэггсон и вернула собственную голову на место. — Ты же так любишь... есть. Ты же всегда так голоден.

Она обняла дочерей и как можно быстрее повела их прочь из сада Кэндов. Сам же Грэггсон остался стоять на месте — он кусал свои губы, откусывал от них куски и жевал. Поедая сам себя, Глашатай ковена не остановился на губах и начал отгрызать себе пальцы, а затем вцепился в запястье. Вскоре он подавился собственным мясом и, окровавленный, рухнул на землю...

Рядом лежал Сирил, у которого в груди торчал нож. Вряд ли сын Меганы кому-то мог причинить реальный вред, ведь он и так был на последнем издохании, потеряв своего двойника. Скорее, его убили просто потому, что он — Кэндл.

Корделия огляделась по сторонам и в какой-то момент увидела человека, который стоял в самом центре сада и не предпринимал никаких попыток сбежать или драться. Это была Кристина. В руках она держала какую-то книгу.

«Кто смотрел в глаза Кровавой Мэри... уже не жилец... зачем тогда жить?...» — донес до Корделии ветер.

Кристина не была скована заклятием, она просто утратила любую волю к жизни, напоминая сейчас свою бабушку. Ее, к слову, нигде не было видно. В охватившем ковен безумии Джина Кэндл просто исчезла.

И тут Корделия встретилась взглядом с Человеком в зеленом.

— Ну, здравствуй... мама, — сказал он одними губами, но Корделия прекрасно услышала его даже сквозь ужасный шум, стоящий в саду.

— Ты мне не сын! — закричала она и вскинула руки.

Ее платье ожило, и зеленый подол зашевелился. Голова превратилась в фитиль — рыжие волосы вспыхнули, будто огонек гигантской свечи.

— На этот раз угадала, — усмехнулся Человек в зеленом.

И тут птица из глубины часов неистово закричала, и медленно переплетающиеся языки пламени мгновенно погасли.

В доме все часы начали отбивать полночь.

Во всем городе все часы начали отбивать полночь.

И с первым их ударом началось самое веселье... а мистер Эвер Ив весьма любил повеселиться.

Погоня по дому шла уже целую вечность.

Томми выдохся, ноги подкашивались. Порой ему удавалось спрятаться, но тролль неизменно его обнаруживал, и тогда приходилось мчаться дальше. Спасаясь от разъяренного монстра, мальчик и не заметил, как походя стал причиной разгрома в нескольких комнатах, а коридор второго этажа и во все превратился почти что в руины.

Внезапно ударили часы. На бегу Томми бросил взгляд на циферблат. Полночь... но почему часы ударили лишь один раз? Меж тем все стрелки на них вздрогнули и застыли, а маятники повисли под неправильными углами.

Тролль тем временем продолжал неловко спускаться по лестнице — удерживаться на ступенях ему было неудобно.

Мальчик бросился к входной двери и дернул за ручку — заперто! Томми достал из кармана ключ и торопливо вставил его в замочную скважину. Не тут-то было — ключ никак не желал проворачиваться. Проклятье! Понятно, что без колдовства здесь не обошлось!

— Хочешь поймать меня?! — испуганно, но в то же время с вызовом крикнул Томми уже спустившемуся вниз и медленно приближающемуся монстру.

Тролль глухо рычал: погоня ему уже весьма надоела.

— Ну так попробуй схватить, грязный, вонючий тролль!

Мальчишка выждал, когда чудовище приблизится и, столкнувшись на него одежную вещалку, прошмыгнулся мимо и бросился к садовой двери — та тоже была заперта. Куда теперь?! Обратно наверх, в кухню или в гостиную?

В голове внезапно появилась шальная мысль: «А зачем бегать от тролля просто так?! Ведь если мистер Бэрри такой неуклюжий, что повалил шкаф в комнате, а после расколотил лоб о дверь, споткнулся на лестнице, да и вообще, гоняясь за мной, не проявлял чудес ловкости, то что стоит заставить его разломать и еще кое-что? Тем более пока это самое кое-что стоит неподвижно и ждет своего часа...»

Оказавшись в гостиной, Томми понял, как сильно ошибся. Еще он понял, что эта ошибка может стоить ему жизни.

Никого из взрослых здесь быть не могло — все сейчас праздновали Хэллоуин в саду. И тем не менее в гостиной находилось несколько высоких типов, дергано передвигающихся в полутиме.

Дрогнувшей рукой мальчишка повернул краник на стене. Медленно зажглись лампы, освещая гостиную. В тот же миг сразу несколько пар рыжих свечных глаз уставились на Томми.

«Наверное, их разбудили часы!» — подумал он.

Ожившие «Расчудесные самораскладные пугала», одновременно вытянув длинные руки с деревянными пальцами, шагнули к нему. И все же Томми не растерялся. Он остался на месте и стоял там, вслушиваясь в тяжелый топот за спиной. А затем, всего за мгновение до того, как в гостиной появился тролль, кинулся в сторону.

Мистер Бэрри протиснулся в дверной проем, ревя на весь дом. Тролль был в ярости. Он уже не помнил, что ему велела делать рыжеволосая ведьма, он даже не помнил, как его зовут и как он здесь оказался. В голове осталась лишь одна мысль: «Коротышка... обидел меня... сожрать коротышку...»

Томми Кэндл между тем подгадал момент почти идеально. Тролль и пугала оказались у выхода из гостиной одновременно.

Мистер Бэрри ринулся вперед, расшвыривая в стороны досадную помеху — странных тощих доходяг с большими головами, отчего-то вздумавших преградить ему путь да еще и машущих перед носом руками. То, что пугала вообще оказались в состоянии ходить и чем-то там размахивать, тролля вовсе не удивило — и в самом деле, чему тут было удивляться? Вот если бы вдруг еда сама запрыгнула в рот, он, может, и задумался бы.

От удара громадной лапы первое пугало отлетело к стене и переломилось пополам. Второму пугалу, оказавшемуся на пути мистера Бэрри, повезло и того меньше — тролль швырнул его об пол и еще при этом с размаху наступил ногой на его кожаный мешок груди. Там, внутри, что-то хрустнуло, и колдовское создание тут же прекратило дергаться.

Третьему тыквоголовому удалось увернуться — он оказался позади тролля и схватил того за локоть. При этом деревянные пальцы неожиданно сильно (для столь хрупкого с виду создания) сжали руку мистера Бэрри и вонзились ему глубоко в плоть. Тролль завыл от боли, резко повернулся, но с удивлением никого там не обнаружил — пугало

по инерции отлетело в сторону, попутно потеряв выскочившие из сочленений правую ногу и одну из рук — ту самую, что вонзилась в мистера Бэрри. Деревянная конечность продолжала торчать из локтя тролля, пока тот не схватил ее и с ревом не выдернул. На ковер брызнула черная кровь.

В это время парочка последних оставшихся на ногах пугал пыталась поймать Томми. Тыквоголовые зашли с двух сторон, широко расставив руки, но в подвижности ходящие деревяхи явно проигрывали мальчишке — тот отпрыгнул от одного, пронырнул под рукой другого и, обогнув кресло, ринулся к выходу из гостиной, хоть на пути и стоял тролль.

Мальчик попытался еще раз проделать уже однажды выкинутый им трюк — проскочить у мистера Бэрри между ногами. Но тролль оказался не настолько глупым, чтобы попасться на одну и ту же уловку дважды. Он успел сдвинуть ноги, и Томми застрял. Мальчик пронзительно закричал: ему показалось, что его ребра треснули.

Меж тем ползущее располовиненное пугало добралось — таки до мистера Бэрри и вонзило острые деревянные зубы тому в лодыжку. Тролль отдернул ногу. Тыквоголовый отлетел прочь. Пугало ударилось об угол буфета и буквально разлетелось на части, после чего нога тролля опустилась на его все еще продолжавшего ползти однорукого собрата.

Воспользовавшись обретенной в суматохе свободой, Томми успел откатиться в сторону. И все же сбежать из гостиной ему не удалось — два последних пугала в этот самый момент заходили к троллю со спины, перекрыв двери.

Мистер Бэрри уже осознал исходящую от тыквоголовых опасность — укус на лодыжке и рана на локте чрезвычайно его злили. Тролль развернулся и, разом ухватив две здоровенные головы, стукнул их друг о друга. Те раскололись, из них на пол выпали мгновенно погасшие оплавившиеся свечи. Не остановившись на этом, тролль свалил останки

этих двух тыквоголовых в кучу на полу и, запрыгнув на эту кучу, принялся по ней топтаться.

— Эй, тролль! Я здесь! — крикнул Томми и, когда монстр глянул на него, рванул вдоль стены вглубь гостиной.

Рассчитывая, что стоявший у двери тролль бросится за ним и освободит выход, мальчик перемахнул через кресло и, опрокинув на пол вазу с сухими цветами, протопал по журнально-му столику, после чего спрыгнул на пол и... громадные толстые пальцы оказавшегося внезапно рядом мистера Бэрри схватили его за шиворот.

Томми закричал. Тролль поднял орущую добычу в воздух, и его клыкастая пасть широко раскрылась.

— А-а-ай! — истошно завизжал Томми. — Мама-а-а!

В этот момент из его кармана что-то выпало на ковер, но мальчик так ничего и не заметил. Он зажмурился...

Бом!

Часы ударили полночь, но всего один раз.

В глубине парка, в погребе старой разрушенной хижины на дне лощины, черные коты услышали бой часов. Они рассвирепели и начали метаться в своих ящиках; громкое мяуканье мгновенно переросло в протяжный вопль. Шерсть на загривках встала дыбом, хвосты изогнулись хлыстами...

А в это время над Холмовым районом поднялся порывистый восточный ветер. Чашечки анемометров на крышах домов завертелись как безумные. В воздух разом поднялись все лежавшие на земле опавшие листья, ветви деревьев принялись биться и стучать в окна. Кто-то вскрикнул — от него улетела шляпа.

Маленький желтый таксомотор осторожно пробирался через спящий город, а старые ивы тянули к нему свои угрюмые ветви, царапая дверцы и крышу, будто проверяя их на прочность. Еще недавно крошечный автомобиль несся на полной скорости вниз по склону холма Ковентли, но с первым ударом часов замедлился и теперь едва ли не полз, словно сам ветер не давал пассажирам в таксомоторе сбежать.

— Это все она, — мрачно заметила Мегана Кэндл, глядя, как ивы вдоль улицы гнутся к земле. — Не отпускает нас.

— Ничего, мадам, — с непоколебимой уверенностью заявил мистер Эндрю, — мы еще поглядим, кто кого. Ну, давай, давай же, старушка, у тебя получится... — это уже было сказано таксомотору.

— Мама, мне страшно... — вдруг пришла в себя девушка на заднем сиденье. — Где Сирил? Я не хочу уезжать без него.

— Он предпочел остаться. — Мегана поглядела на дочь в зеркало заднего вида. — Если так уж хочешь, могу тебя высадить...

— Нет! — Мими вдруг увидела, как в переулке, мимо которого они как раз волочились, прямо из стен стали выходить люди.

Мужчины в серых и коричневых пальто, в надвинутых на глаза шляпах и похожих на обрывки паутины шарфах появлялись в тупике. Следующие за ними женщины в черных платьях и длинных шалях напоминали кладбищенских ворон.

Ведьма Кэндл не обратила на них никакого внимания. Она строго глядела на дочь.

— Я так и думала. Кому захочется быть рядом, когда все они возвращаются... — Мегана повернулась к таксисту. — Гораций, я полагаю, все же придется немного помочь твоей машине, иначе мы даже Холмовой район до утра не покинем.

— Как скажете, мадам.

Мегана сняла перчатки и уперла обе ладони в дверь. А затем, закрыв глаза, что-то зашептала.

В тот же миг автомобиль дернулся, как пес, которому наступили на хвост, и поехал заметно быстрее. И все же этого было недостаточно. Мегана опасалась, что они не успеют, и вот-вот...

Бом!

Словно очнувшись, часы во всем Уэлихолне ударили во второй раз, и в тот же миг фонари погасли — город погрузился во тьму. Лампы в домах, уличное газовое освещение,

праздничные фонарики на деревьях, даже многочисленные свечи в тыквах — всё будто одновременно выключили и задули. Это был подарочек от Фонаря.

Город ослеп. Тому, кто остался на улице в этот час, не повезло больше всех. Эти бедолаги были не в состоянии не то что добраться домой, но и сделать хотя бы шаг, не рискуя споткнуться или на что-нибудь напороться.

Вот тогда-то, в этой кромешной темноте, и раздался отчаянный крик... Первая зловещая нота в этой кошмарной хэллоуинской сюите.

Маленькая девочка стояла на подоконнике, забравшись на него с ногами, и глядела в окно. Она пыталась хоть что-то различить в почерневшем городе, но видела лишь очертания людей в пальто, мерно бредущих куда-то мимо ее дома.

Отец и мать искали в комнате, чем бы зажечь свечи, и ссорились, но вдруг их спор затих, а за спиной малышки загорелся тусклый дрожащий свет. Должно быть, они все-таки отыскали спички.

Девочка обернулась и замерла в ужасе.

Папа и мама лежали на полу, а над ними склонились две огромные жуткие фигуры. Незнакомцы кутались в старые пальто, головы их распухли и напоминали тыквы... нет, это и в самом деле были тыквы! Два «Расчудесных самораскладных пугала», которых она так умоляла родителей купить к празднику, ожили. Это их глаза горели жутким, зловещим светом. Одно из пугал своими деревянными пальцами душило маму, а другое отпустило уже бездыханное тело папы и двинулось к девочке. Монстры скалились, будто бы улыбаясь. Малышка закричала...

Желтый таксомотор остановился в кромешной темноте, его двигатель нервно урчал.

— Я не могу ехать, мадам, — виновато сказал мистер Эндрю. — Дороги не видно.

Мегана не ответила. Она стукнула машину по дверце костяшками пальцев, и в тот же миг фары зажглись... потом погасли и снова зажглись. Таксомотор стоял в людской толпе. Мужчины в пальто и женщины в черных платьях были со всех сторон. До этого момента они медленно шли, направляясь в центр Уэлихолна, но стоило свету загореться, остановились и повернули свои безжизненные лица к пассажирам таксомотора. Мими пронзительно завизжала на заднем сиденье.

Фары желтого автомобиля, казалось, были единственным источником света в целом городе.

— Поехали, Гораций, — не обращая внимания на визг дочери, велела Мегана. — Это не люди. Их давно уже нет. Ты не сможешь причинить им вреда. Вперед!

— Слушаюсь, мадам, — сказал таксист и надавил на педаль.

Автомобиль в тот же миг небыстро покатил, а мистер Эндрю прищурился и чуть вжал голову в плечи, ожидая удара...

Они ехали, а столкновения все не происходило. Таксомотор просто проезжал сквозь людей, как будто их и вовсе не существовало, а те, в свою очередь, и думать о нем забыли — продолжили свое бренное шествие.

— И святые вернутся... — прошептал мистер Эндрю. — И станут жить в своих бывших домах, сядут за столы, лягут спать в оставленных постелях...

— Святые? — невесело усмехнулась Мегана. — Они святы настолько же, насколько живы. Но эта ночь действительно принадлежит им. Ночь Всех Святых...

— Мама, когда это кончится?

Мими вжималась в сиденье от страха и старалась не дышать.

— Если я не ошибаюсь, — сказала Мегана, — все только начинается. Нам следует ехать быстрее, Гораций.

Мадам Кэндл редко ошибалась. Вот и сейчас подтверждением ее мрачному предсказанию стало не что иное, как...

Бом!

Часы во всем городе ударили в третий раз.

Черные коты в погребе больше не выли. Они разломали ящики собственными телами, увеличившись в размерах и изменив форму. Шерсть стала короткой и разгладилась, лапы превратились в копыта, на головах выросла грива. Не прошло и минуты, как коты, подкармливаемые раньше Томми Кэндлом и Чарли Уиллингом, превратились в огромных вороных коней. Они выбили люк и вылетели в парк, словно струи дыма, влекомые ветром прочь от пожарищ.

Когда рассеялся последний отзвук от удара часов, замки всех дверей в городе щелкнули, одновременно закрываясь. Это был подарочек от Ключа. Жители оказались заперты в своих домах, в своих комнатах. И стоило этому случиться, как весь город наполнился криками. Во тьме загорелись сперва глаза всех уэлихолнских тыкв, а затем и глаза «Расчудесных самораскладных пугал». Деревянные монстры, облаченные во всяческое старье, вышли на охоту. Огромной ошибкой было купить их и принести к себе в дом.

Вблизи полицейского участка Уэлихолна раздалась стрельба. Грохотали пулеметы, которые держали пугала, им отвечали редкие залпы полицейских револьверов и ружей. В районе пожарной части вспыхнули пожары: тыковоголовые с огнеметами поджигали все вокруг. У городской больницы в воздух стали подниматься клубы едкого фиолетового газа. Взрослые и дети падали в обморок, надышавшись им.

А маленький желтый таксомотор все пробирался через обезумевший город.

Мегана сделала так, чтобы в салоне не было слышно кошмарных звуков, раздающихся отовсюду, и тем не менее Мими видела вспышки в окнах домов, мимо которых они проезжали, от нее не укрылись ни злобные рожи пугал, ни искаженные страхом лица горожан.

— Они все ожили... — пробормотал себе под нос мистер Эндрю.

— Даже я такого не ожидала, — призналась Мегана.

— Они всех убьют? — дрожащим голосом спросила Мими.

— В этом городе множество ведьм, — ответила мадам Кэндл. — Они сумеют за себя постоять.

— Но кто это делает? — Таксист скрежетнул зубами. — Те твари, которых мы ловили?

— Я догадываюсь, кто это делает, но виновата во всем Корделия, — ответила Мегана. — Пытаясь заигрывать с силами, которые ей неподвластны, она навлекла беду на весь город. Гораций, нам еще долго плестись?

— Вот-вот будем на окраине, мадам.

Таксомотор действительно уже выруливал на Серую уличку...

Вскоре крайние дома Уэлихолна остались позади, и, за-прыгав по кочкам, маленькая желтая машина покатила по плохой немощеной дороге.

— Впереди! — взвизгнула вдруг Мими и ткнула пальцем во что-то чернеющее в свете фар.

Мистер Эндрю крутанул руль в последний момент, и столкновения удалось избежать лишь чудом. Таксомотор едва не налетел на вкопанный в землю деревянный столб, на котором висело пугало. С первого взгляда обычное огородное пугало, но... тварь завертела головой, загорелись глаза и зубастая пасть тыквы. Пугало угрожающе зашевелило длиннющими десятифутовыми руками. Тыквоголовый явно не появился на окраине случайно — судя по всему, он поджидал беглецов. Это был подарочек от Метлы.

Мистер Эндрю направил таксомотор мимо, но впереди показался очередной столб с еще одним пугалом. Свечные глаза запылали, стоило страшилищу их заметить. А во тьме вдали виднелся еще один страж...

— Они нас не выпустят!

— Быстрее, — прорычала сквозь сжатые зубы Мегана Кэндл. — Быстрее! Прямо на них!

— Что?

— На них, я сказала!

Мистер Эндрю всегда доверял мадам и не считал, что должен сомневаться в ней сейчас. Он стиснул зубы и со всей силы надавил на педаль, направив таксомотор на ближайшее пугало. Земля комьями полетела из-под колес, и маленькая желтая машина устремилась навстречу монстру в длинном пальто и дырявом цилиндре. Похожие на кривые ветви руки тыквоголового стражи потянулись к таксомотору, но мистер Эндрю резко вывернул руль, и машина вильнула в сторону. Мими на заднем сиденье не удержалась и покатилась в сторону, ударившись о дверцу. Деревянные пальцы монстра клацнули по воздуху.

— Вперед, — прошептала Мегана, закрыв глаза. — Дальше...

— Мама! — закричала Мими.

Столб с пугалом был уже в какой-то дюжине ярдов, а его руки, извиваясь жгутами, потянулись к беглецам с обеих сторон. Свечи-глаза в тыквенной голове алчно горели, предвкушая добычу.

И тут Мегана ударила в пол обеими ногами, словно нажала одновременно на две невидимые педали. Откуда-то из-под горбатого капота прозвучал протяжный стон. В тот же миг крошечный таксомотор встал на дыбы и оторвался от земли.

Мистер Эндрю пораженно выдохнул, а Мими прильнула к окну. Поросший бурьяном пустырь спешно отдалялся. А пугало, не понимая, что происходит, начало бесполково водить длиннющими руками, растерянно глядя со своего столба вслед ускользнувшей добыче.

Миссис Мегана Кэндл, ее дочь и верный таксист мистер Эндрю сбежали из города.

И они были единственными, кому это удалось.

Бом!

Часы во всем городе ударили в четвертый раз, и Уэлихолн стал меняться. По одному в уличные фонари начал возвращаться свет. Злобный осенний ветер с востока многократно усилился и понесся по улицам, сметая с домов облицовку, а с крыш — черепицу. Он забирал с собой и сами крыши вместе со зданиями, которые в одночасье будто стали бумажными.

Вместо унесенных домов тут же возникали другие: высокие, тонкие и мрачные, с арками, шпилями и башенками. Выросшие черные стены затянули прорехи между собой — почти все проходы между зданиями исчезли — остались лишь самые широкие улицы. Все дома стали одной высоты — в семь этажей; крыши вытянулись и заросли, будто чешуей, темно-красной (почти черной) черепицей; на парапетах появились уродливые каменные горгульи и химеры; обычные стекла на всех окнах заменили ажурные витражи.

Сами улицы также преобразились. Мосты ожили и начали двигаться; прямо из брускатки тут и там, словно уродливые чугунные деревья, выросли фонарные столбы, освещая город своими коваными плодами-фонарями; на каждом перекрестке появились колокольни, и колокола тут же принялись мрачно и торжественно отзанивать — ими управляли криво ухмыляющиеся пугала.

Уэлихолн, или, вернее, Город Полуночи, как его называл известный в определенных кругах Человек в зеленом, наполнился потерявшимися, сходящими с ума от страха и непонимания людьми. Кто-то из горожан бежал, не разбирая дороги, кто-то стучался в свою дверь, не осознавая, что дом ему больше не принадлежит. Но большинство людей были заперты в своих комнатах и квартирках, поработленные собственным ожившим «праздничным украшением», за которым они выстаивали долгие очереди. Были и те, кто

крепко спал и не замечал происходящих кругом ужасов. Впрочем, в счастливом дремотном неведении им предстояло оставаться недолго...

Бом!

Все часы в городе ударили в пятый раз — и в тот же миг над городом разнеслось птичье карканье. На башнях, в клетках, вывешенных под самыми крышами, проснулись птицы — те самые черные катарки, которых привезла, а после собственноручно развесила по всему Уэлихолну Шляпа.

Башенки здания городской больницы и школы имени Губерта Мола, здания вокзала и «Банка гг. Горбэнкс», башни пожарной части, полицейского участка и здания библиотеки, башенки на заброшенных фабриках Кэндов и Кроу, Глухая башня и прочие... Все они стали своеобразными узлами, и черные птицы в каждом из этих узлов в один момент растеклись смоляными комьями из перьев и выбрались сквозь прутья клеток. Они обратились в черную пыль и разлетелись по Уэлихолну, оседая на спящих, на их подушках иочных колпаках, и тогда спящие позавидовали бодрствующим: каждый из них оказался заперт в сердце кажущегося бесконечным кошмара...

Где-то в глубине этого меняющего очертания безумного города по одной из трансформирующихся уочек неслась, почти не касаясь колесами брускатки, старомодная зеленая машина.

Обозленный ветер подгонял ее, как обрывок вчерашней газеты, при этом он помогал и тем, кто летел над крышами домов, преследуя ее. Похожие на тени, охотники мчались за беглянкой, то и дело облетая вырастающие вдруг на их пути шпили и выстраивающиеся прямо на глазах галереи.

Погоня и не думала прекращаться, пусть даже преследователи и сами были сбиты с толку. Всадники на метлах оглядывались по сторонам, пытались зажигать фонари, перекривались — происходящее с городом не на шутку пугало их.

Кое-кто даже пытался повернуть назад, но резкий голос предводителя тут же пресекал все сомнения.

— Не глядеть по сторонам! — кричал сидящий верхом на метле стариk в сером костюме-мундире и длинном бордовом плаще. — Схватить ее! Не дайте ей уйти!

Всадники на метлах петляли меж новосотворенных дымоходов и неслись по заастающим за их спинами переулкам.

Клара Кроу сжимала руки на руле с таким напряжением, что старенькие шоферские перчатки ее дедушки скрипели на весь салон. Граммофончик выдавал что-то истеричное и неистовое, а рычаги и педали и вовсе будто бы танцевали фокстрот. Клара видела, что творится с городом, и была невероятно этим напугана, но все же вела «Змея» твердой рукой, не позволяя страху и сомнениям остановить ее. Ведь мне нужно было бежать, но главное — ей нужно было спасать дочь.

И пусть колеса «Змея» только что соскочили с моста, потому как сам мост оторвался от земли и направился соединять бывшие Брикстон-роуд и Крайст-Чёрч, и пусть ей приходилось то мчаться в кромешной темноте, то преодолевать заполненные улицы толпы призраков, Клара Кроу знала: стоит ей замешкаться — и преследователи тут же ее настигнут.

Единственное, на что она позволяла себе время от времени отвлечься, — это глянуть разок-другой в зеркало заднего вида и удостовериться, что вновь обретенная дочь по-прежнему там, никуда не исчезла. Саша молчала, она сидела на заднем сиденье «Змея», соединив ноги и положив ладони на коленки с таким отсутствующим видом, будто автомобиль и не прыгал по ухабам, как нервный лягушонок — по болотным кочкам.

«Она не в себе, — повторяла про себя Клара. — Пока не в себе... Виктор ее найдет. Виктор вернет ее... Она вернется...»

Но пока что Саша по-прежнему напоминала усохшее комнатное растение, и Клара, сжимая зубы и неистово крутя руль, вела «Змея» все дальше от Крик-Холла по кривым улочкам, зарастающим все новыми домами-спицами и фонарными столбами, пытаясь скрыться от погони.

Вырвавшиеся на волю черные, как уголь, кони, бывшие прежде обычными котами, мчались по крышам и мостовым, выбивая подкованными копытами искры из брускатки и черепицы. Один несся прямо на «Змея», и ведьма Кроу успела вывернуть руль лишь в самый последний миг. Конь пролетел дальше, а Клара сбила преследующее кого-то из горожан ожившее пугало.

— Вот тебе, тварь, — прошептала она, когда колесо «Змея» проехалось по деревянной тыкве-голове, ломая ее на куски. Это было уже третье или четвертое пугало, которое беглянка сбила. — Она не считала.

Клара бросила взгляд в зеркало и увидела несколько фонарей — преследователи отставали от нее всего лишь на какие-то жалкие полквартала. Они так быстро приближались, что теперь она могла даже различить их костюмы: островерхие шляпы и мышиные мундиры с парными рядами пуговиц.

— Догнали! — воскликнула Клара. — Почти догнали!

«Что же делать?! — проносились в голове лихорадочные мысли. — Как их задержать?! Думай, ты же ведьма! Думай!»

На глаза Кларе попалась ее сумка, лежащая рядом, на пассажирском сиденье. Может быть, что-то в ней ей поможет?! Старая дверная ручка? Нет, здесь не нужно открывать никакие двери! Указующая стрелка? Она и так прекрасно знает направление! Что же? И тут ее внимание привлекло кое-что, выглядывающее из сумки. Уголок красной кожаной обложки...

«Не швыряйся им направо и налево...» — вспомнились слова высокой красивой женщины в алом платье. Вряд ли Скарлетт Тэтч могла предположить, что кто-то в здравом уме

станет разбрасываться ее подарками. А быть может, как раз знала? Отчего тогда она сказала именно так? Совпадение? Ведьмы не верят в совпадения!

Клара выхватила из сумки небольшую пухлую книжечку.

«Мой подарок! Мой праздничный подарок! «Не швыряйся им направо и налево...»»

— О да! — с надеждой воскликнула Клара. — Я именно это и сделаю!

Ведьма крутанула руль, дернула ручку окошка, откидывая его, и книжица, шелестя страницами, вылетела в ночь.

«Обыкновенно-необыкновенное оперение птиц» ударились о мостовую и раскрылось. Ветер подхватил страницы, и в тот же миг каждое перо в книге обернулось живой птицей. Пестрая ало-черно-серо-бело-пурпурно-зелено-рыжая стая, крича и каркая, хлопая крыльями и сверкая вертикальными зрачками, поднялась в воздух со страниц «гербария перьев» и свилась в небольшой ощетинившийся когтями и клювами смерч. Его жерло устремилось прямиком к клину солдат ковена.

Ближайший преследователь, чья метла была уже едва ли не над самим «Змеем», вскинул витое серебряное веретено и сделал им выпад. Точеная сапфировая стрела молнии вонзилась в дорогу прямо перед машиной. Не успела Клара обрадоваться промаху колдуна, как колеса подпрыгнули на краю пробитой в брускатке воронки и зеленый автомобиль дернулся, словно получил пощечину. Потеряв управление, он полетел в стену. Клара в ужасе закрыла глаза, и тут оживший руль выскользнул вдруг из ее ладоней...

В последний момент колдовская машина извернулась и поехала по стене дома, как по обычной дороге, прочь от брускатки и в направлении крыши. Руль крутанулся снова, и «Змей» понесся уже вдоль улицы; его правая сторона теперь глядела на тротуар, а левая — вверх, на этажи, крыши и черное небо.

В салоне ничего не изменилось: Клара, Саша, да и все, что находилось в машине, просто обязано было рухнуть на дверцы, влекомое силой притяжения, но этого не произошло. Автомобиль ехал по стене, а свет двух круглых фар указывал ему путь. Ведьма Кроу вздрагивала всякий раз, как «Змей» проламывал водостоки и подпрыгивал на карнизах, но ничего поделать не могла — машина управляла собой сама, и ей, очевидно, было лучше знать, куда и как ехать.

Тем временем преследователей поглотила вырвавшаяся из книги стая. Кто-то кричал. Ночь над меняющимся городом расцвела рыжими и изумрудными вспышками. Птицы отвлекли на себя почти всех всадников на метлах. Этого хватило, чтобы «Змей», прыгая через едва заметные стыки между домами, преодолел то, что раньше называлось Парковым районом.

Оказавшись на бывшем перекрестке Бродмур-Чёрч, он спрыгнул на брускатку и покатил дальше, как самый обычный автомобиль. Зеленой стрелой «Змей» вылетел из бывшего переулка Уэйл, и тот исчез — его затянула стена, разросшаяся между двумя домами.

Дедушкин автомобиль запрыгал по кочкам пустыря, ми-нуя кучи сваленного на нем за десятилетия мусора, и уже спустя минуту тормоза завизжали, а колеса вгрызлись в землю у входа в Гаррет-Кроу. «Змей» так резко остановился, что Клара едва не столкнулась носом с рулем.

Подхватив сумку, в которой лежало последнее достояние рода Кроу, ведьма выскочила из машины и вытащила за руку дочь. Саша впервые выглядела встревоженной — вероятно, на ней сказывалась близость места, где она родилась.

Старый особняк, должно быть, остался единственным домом в городе, который не изменился. Он по-прежнему был черен и в любой момент грозил подломиться и рухнуть на головы тех, кому не посчастливилось оказаться у его входа. Из каминной трубы шел дым. Дверь была заперта. На ней висела приколоченная гвоздями записка:

*«Гаррет-Кроу. Собственность госпожи Рэмморы Кэндл.
Не входить!»*

— Рэммора! — закричала Клара — новая хозяйка, очевидно, была внутри. — Впусти меня немедленно! Это мой дом!

Древние стены Гаррет-Кроу ответили молчанием.

Не выпуская руки Саши из своей, Клара побежала в обход дома, направляясь туда, где располагалось окно комнаты матери. Сейчас вместо окна там должен был зиять пролом — ведьма надеялась как-нибудь проникнуть в Гаррет-Кроу через него.

Добежав до угла и подняв взгляд, она увидела, что окно спальни матери, через которое Клара вырвалась в вороньей стае, было целым. Из него тек теплый каминный свет. Должно быть, Рэммора Кэндл при помощи своего колдовства все починила.

— Рэммора! — закричала Клара снова. — Прошу, впусти меня! Открой дверь!

В тот же миг Гаррет-Кроу вздрогнул. Внутри что-то происходило...

— Отпусти девчонку! — раздалось вдруг откуда-то сверху.

Клара обернулась, задрала голову и увидела четверых мужчин на метлах, зависших в воздухе над крышей особняка. Еще несколько солдат ковена летели к дому с разных сторон, окружая Гаррет-Кроу. Помогавшие ведьме птицы, судя по всему, были все убиты или снова превратились в бесполезные перья...

Клару догнали. Но она не стала исполнять приказ. Бывшая хозяйка Гаррет-Кроу ринулась к входной двери, крепко сжимая в одной руке ладонь дочери, а в другой — книгу по истории Шотландии.

Оказавшись у двери, Клара прошептала: «Морриган...» Она не собиралась так просто сдаваться.

Под бой часов Рэммора Кэндл выползла из камина на четвереньках. Тогда часы ударили лишь во второй раз...

В Гаррет-Кроу было темно — едва теплящийся камин ничего не мог осветить. В доме воняло разлагающимся телом Софии Кроу, но у Рэмморы нос забился сажей, поэтому она почти не чувствовала тлетворного запаха.

Новая хозяйка особняка кашлянула, чихнула и сплюнула на пол угольную пыль. Вечерний наряд был безнадежно испорчен, но ведьма не особо горевала — потребность в нем себя уже исчерпала. Рэммора почувствовала вдруг нужду кое в чем другом.

— Она была со мной, когда я прыгала в огонь? — пробормотала самая склонная из сестер Кэндл. — Да, вроде бы была...

Не поднимаясь с четверенек, ведьма развернулась и поползла обратно к камину. Засунув в него руку, она начала шарить ею в углях.

— Ага! — радостно воскликнула Рэммора, схватив кончиками пальцев почерневшую от золы сигарету. Сигарета тут же оказалась меж губами с наполовину стертой помадой.

— Я всегда говорила, что эта мерзкая привычка не доведет тебя до добра, — раздался тихий, словно отдаленное эхо, голос.

Рэммора вздрогнула и так и застыла, стоя на коленях, с головой в камине. О, этот голос... Она не слышала его больше двадцати лет, и он был для нее самым страшным из всего, что могло раздаться за спиной.

— Я сейчас говорю вовсе не об этой дымной, дурно пахнущей штуковине в твоих губах, — продолжил голос. — Я о твоей бестолковости. О беспечности. О глупости. Маленькая дурочка Рэммора... Постоянно забываешь, что чужие камины тайт в себе угрозу: никогда не знаешь, кто тебя поджидает с той стороны...

Ведьма Кэндл обернулась и, пошатываясь, встала на ноги. Она не ошиблась: на нее глядел человек, которого она сейчас хотела видеть меньше всего.

— Значит, Ключ все же успел, — только и сказала Рэммора.

— Ты помнишь, дочь? — вместо ответа спросила Джина Кэндл, сидящая на краешке кровати Софии Кроу. Рядом с ней лежало тело ее старой соперницы. — Наказание... Когда-то для тебя это слово значило больше, чем что-либо. Я вижу, что ты позабыла, но уверяю: ты все вспомнишь, не успеют часы добить полночь.

Рэммора постаралась взять себя в руки. Она подбоченилась, взглядом зажгла сигарету и оперлась рукой о каминную полку.

— О! Неужто пыльный, вывалившийся из шкафа скелет вздумал меня постращать? — язвительно бросила ведьма. — Да вот только клацанье твоих зубов уже не так пугает, как в детстве, мама.

— Да, ты не из пугливых, дочь. Я и не думала усомниться в этом, — с каменным лицом проговорила Джина Кэндл. — Я ведь наблюдала за тобой все эти годы.

Рэммора расхохоталась:

— Я так и знала, что мои мелкие подлости все же доходят до тебя! Все было совсем не напрасно!

— Все было напрасно, дочь, — с прежней интонацией ответила Джина Кэндл. — Ты зря пыталась испортить шабаш Корделии. Да-да, я все знаю.

— Правда? — наигранно округлила глаза Рэммора, при этом прекрасно понимая, что скрывать свой страх показной уверенностью у нее выходит плоховато.

— Я все видела. Ты пыталась манипулировать Вещами Иеронима. Ты велела Бэрри разбить Зеркало. Ты поняла, кто такой мальчишка Уиллинг, и подбросила ему записку. Ты знала, что его не остановят ни колдовские замки, ни даже тролль. Главное было дождаться, когда все уберутся из дома

на шабаш. Ты пыталась сделать так, чтобы Корделия лишилась своей жертвы. И у тебя это вышло...

— Если у меня все вышло, — со злостью сказала Рэммора, — тогда почему же все было напрасно?

— Потому что, отобрав Иеронима у Корделии, ты отдала его мне. Ты сама предоставила мне и жертву, и тварь, и последнюю недостающую Вещь.

— Зеркало? — удивилась Рэммора, на что старуха лишь презрительно поморщилась.

— Ты так ничего и не поняла, глупая девчонка, — сказала Джина. — Вещей было больше, чем в вашем списке. Но вы же меня не спрашивали! Никто мамочку не спрашивает...

— Черт с ними, с Вещами! — вскинулась Рэммора. — Все равно у тебя ничего не выйдет: жертвы, чтобы сковать самого Иеронима, тебе не видать.

Джина Кэндл пожала плечами:

— А как ты думаешь, куда именно сейчас мчится Клара Кроу, похитившая свою дочь из Крик-Холла?

— О, мамочка! — со смехом воскликнула Рэммора, пытаясь отыскать в собственных волосах новую сигарету — прежняя уже почти закончилась. — Как я погляжу, ты все продумала... Но, знаешь, все мы чего-то не учли. Корделия — того, что жертву похитят, я — того, что ты окажешься на свободе, а ты сама... Вы с Корделией хотите подчинить Иеронима, но что-то мне подсказывает, он не особо расположен становиться чьим бы то ни было слугой. И знаешь что? В этом вашем с ним... кхм... противоречии я бы поставила на крайне обаятельного, хоть и слегка эксцентричного джентльмена в зеленом костюме.

Джина Кэндл никак не отреагировала на слова дочери. Повернув голову, она поглядела на обезображенное тело рядом с собой.

— Ты знала, что мы с ней были лучшими подругами когда-то? — спросила старая ведьма.

— Знала, — напряженно ответила Рэммора. — При чем здесь это?

— Но наши семьи... обязательства перед ними. — Джина тяжело вздохнула. — Кроу и Кэндл. Она должна была стать главой величайшего ковена по эту сторону пролива, а я — так и оставаться жалкой девчонкой, наследницей растерявшего былое могущество рода. Вот только я не желала с этим мириться... Я знаю, что ты была ее ученицей, дочь. Скажи, ты ведь пошла на это, чтобы досадить мне?!

— И что ты с этим сделаешь? — вызывающе спросила Рэммора.

— Я ничего не сделаю. Я скажу лишь, что взять в наставницы Софию Кроу было лучшим решением из всех, принятых тобой в жизни. Я сожалею о ее кончине. Я любила ее...

— Так же, как любила нас, своих дочерей? — сделала очередной выпад Рэммора.

— Ты ведь знаешь, почему Корделия заперла меня? — спросила Джина Кэндл все тем же бесстрастным тоном. — Моя собственная дочь сговорилась с Софией Кроу, предала меня и сковала! Обрекла на участь, худшую, чем сама смерть... Ты знаешь почему?

— Нет.

Здесь Рэмморе даже не пришлось лгать. Она всегда считала, что Корделия поступила так с матерью, чтобы избавиться от старухи и самой встать во главе семьи. Сейчас она вдруг поняла, что вряд ли все было так просто.

Рэммора неожиданно ощутила неприятное поглаживание по затылку. Она машинально провела рукой по волосам, но ничего не обнаружила. Тем не менее в душу к ней закралось недоброе предчувствие, оно начало разливаться от ее головы по плечам и рукам, потекло по венам вместе с кровью, словно крошечным водоворотом собираясь в животе.

— В нашем роду, — начала Джина, — от матери к дочери многие века переходило некое знание. Мои бабки хранили

тайну, которой не обладала ни одна ведьма как в Старом, так и в Новом Свете. Это было описание обряда — своеобразная инструкция, как можно поймать Иеронима. Наши предки множество раз пытались провести обряд, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом — более того, после каждого провала могущество семьи Кэндл вытекало из крови нашего рода, словно высывающийся сквозь прореху в мешке песок. Моя прабабка говорила даже, что эту инструкцию подбросили нам наши враги, чтобы истребить всех «амбициозных и алчущих власти Кэндов». Ну а мама и во все уверяла меня в том, что само существование подобной инструкции лишь семейная легенда. Вот только я так не считала. Я стала искать, и вскоре в могиле моей бабушки нашла свиток из человеческой кожи с описанием обряда. После того что мнилось просто невозможным — триумфальной победы над могущественнейшим в Европе ковеном Ратте, — я решилась провести обряд. Ты можешь называть это гордыней, тщеславием. Она, — Джина покосилась на труп Софии, — пусть себе считает, что это все из-за зависти к ней. Но я хотела всего лишь возвеличить наш род, вернуть ему то, чего он лишился. У Корделии и Гарри должен был родиться сын, и я сделала кое-что... я пожертвовала наследником ради всего рода. Мне удалось изловить блуждающий без тела дух Иеронима и вселить его в моего новорожденного внука. Я так тщательно старалась проделать все безупречно и исключить любую возможность ошибки, что просчиталась кое в чем другом — в чувствах собственной дочери. Корделия затаила обиду и решила отомстить. Она сказала, что я сделала из ее первенца мертвый сундук, клетку для отвратительной твари.

— Ах, вот оно что! — воскликнула Рэммора. — Я-то всегда считала Корделию подлой интриганкой и в минуты слабости даже немного жалела тебя. Но выходит, она еще довольно мягко с тобой обошлась. Я бы и не такое...

— Не стоит меня перебивать, дочь. Мне не интересно твоё мнение.

— Тогда зачем рассказываешь? Ищешь жалости? Сочувствия?

Джина не ответила. Возможно, она и сама не знала, зачем рассказывает все это дочери, — видимо, после долгих лет гнетущего молчания ей до рези в горле захотелось выговориться. А еще — попытаться самой себе объяснить, почему все так случилось. Она задумчиво поглядела в окно.

— Я и сама догадываюсь, что произошло дальше... — сказала Рэммора. — Ты хотела поработить Иеронима, заменив Виктора им, а Корделия решила тебе помешать: ей требовалось выиграть время, чтобы родить и вырастить дочь, чтобы стать средоточием Триединой линии и Крестовины Линар и самой дергать Иеронима за ниточки.

— Она сумела обмануть меня, — со злостью и легко читаемой обидой сказала старуха. — Сделала вид, будто согласилась с моими доводами, но у нее был собственный план. Для контроля над Иеронимом нужна была жертва. Мы с Корделией выбрали еще не рожденную внучку нашего врага Кроу — она должна была подойти идеально. Но Корделия явилась в Гаррет-Кроу и пошла на сделку с Софией: та должна была отдать Сашу, а Корделия — отдать ей... меня. И они меня заперли. А потом Корделия забрала Сашу. Ожидая, пока настанет момент, о котором ты говорила, она отдала девчонку в приют. София так меня ненавидела, что пожертвовала внучкой и дочерью, чтобы удостовериться в том, что я никогда не получу свободу.

— Хороша же ты, мамочка! — усмехнулась Рэммора. — Отняла у дочери ребенка. А потом из-за тебя отняли ребенка у дочери Софии.

— Не тебе меня судить.

— Почему не мне? И я снова спрашиваю: зачем ты мне все это рассказываешь?

В глазах у Рэмморы вдруг все потемнело. Она почувствовала, как кто-то только что будто покинул ее голову — выбежал из нее, словно из комнаты. А затем она ощутила удар и головокружение — кто-то хлопнул за собой дверью.

Рэммора слишком поздно поняла: уловка. Разумеется, старуха просто тянула время. Глядя на нее, мать впервые улыбнулась.

— Знаешь что, мамочка... — начала дочь, но тут вдруг заметила то, чего в упор не замечала на протяжении всего разговора.

Левая кисть Джини Кэндл по самое запястье была погружена в развороченную рану на груди мертвой Софии Кроу. Мать не просто так решила поностальгировать — она все это время готовилась напасть...

Джина сжала руку в груди трупа, и стылое сердце лопнуло меж ее пальцев. В тот же миг огонь в камине вспыхнул и поднялся, стены дома заскрипели, как корабельные доски, и в комнату, разбив окно, влетел порыв ветра. Рэммора опустила взгляд и увидела, что стоит в центре проявившейся фигуры-пентакля, начерченной на полу кровью мертвеца.

Она вскинула руку, пытаясь придушить мать при помощи колдовства, но не смогла колыхнуть даже волос на ее голове. Рэммора Кэндл будто в один миг стала обычной слабой женщиной.

Джина Кэндл поднялась на ноги и шагнула к ней, сжимая в руке какой-то черный путаный комок. Рэммора похолодела. Теперь этот «пыльный скелет, рухнувший на нее из шкафа» казался ей подлинным воплощением кошмара.

— Мама! — кричал Томми. — Мама!

Но то ли мама не слышала, то ли у нее были дела поважнее. Мальчик болтался вниз головой. Он кричал и дергался, а еще напоминал только что выловленную из реки рыбу,

которую кто-то решил съесть сырой. Но рыбьей скользкости и изворотливости у него, к сожалению, не было.

Тролль раскрыл пасть и заревел. Томми окатило волной вони и обрызгало гадкой, склизкой слюной. Мальчик неистово размахивал кулаками, целясь в глаза троллю. Он даже попал по носу монстра, но тот лишь еще больше рассвирепел. Голова Томми уже почти опустилась в пасть тролля, и мальчик задергался из последних сил. Огромные клыки застыли прямо перед его глазами...

Ни Томми, ни чудовище не заметили крошечной вещицы, которая выскользнула из кармана штанов болтающегося кверху ногами мальчика. Механическая безделушка — подарок тетушки Скарлетт — зашевелилась на полу, расправила крылья и взлетела. Открыв клювик, птица-игрушка начала петь.

Тролль дернулся, в его глазах появился подлинный ужас. Разжав пальцы, он выронил мальчика и, тоскливо воя, отступил к камину. Монстр вжимал голову в плечи и пытался закрыть уши, но пение механической канарейки проникало в его голову, словно гвозди в податливое дерево под ударами молотка.

— У-у-у, — выл тролль, как пес с защемленной лапой. — У-у-у...

Столик со стоящим на нем блюдом с пирогом, на который рухнул Томми, разломался.

Потирая саднищее колено, мальчик поднялся и огляделся, не понимая, что происходит. Маленькая металлическая птица кружила по гостиной и пела. Тролль же, казалось, вот-вот влезет от ужаса в камин — только бы сбежать от этого жуткого механического существа.

— Ага! — воскликнул Томми. — Так вот чего ты боишься!

Тролль ответил протяжным воем.

Гостиная представляла собой весьма плачевное зрелище — вряд ли мама будет в восторге: повсюду разгром,

кресла перевернуты, столик разломан, куски пирога на полу, да и останки «Расчудесных пугал», уничтоженных троллем, — все это не слишком-то вписывалось в мамино представление о порядке.

И тут Томми понял, что ему делать. Решение родилось всего за какое-то мгновение, оно слепящей вспышкой мелькнуло в его голове, и мальчик даже поразился собственной дерзости.

— Эй ты! Тролль! — воскликнул Томми, ловко схватив как раз пролетавшую над его головой механическую канарейку.

Птичка забилась в руках мальчика, но стоило ему переключить рычажок, она тут же сложила крылья и захлопнула клювик.

Тролль испуганно приоткрыл один желтый глаз и опасливо выглянул из-под руки, которой прикрывался от маленькой птички.

— Ты теперь мой, тролль! — заявил Томми и бесстрашно шагнул к чудовищу.

Тролль понял лишь то, что птица замолчала и больше ему не угрожает. Он расправил плечи и упер огромные руки в пол, поднимаясь.

— Вот уж нет!

Томми переключил рычажок — и из клювика канарейки вырвалось еще несколько трелей. Их хватило, чтобы тролль тут же попятился и снова закрыл голову руками.

— У меня эта птица! И ты теперь мой! Ты меня понял?

Томми выключил канарейку, и тролль тут же гневно зарычал.

— А ну, слушайся! — велел мальчик и сунул птицу чудо-вищному мистеру Бэрри под его длинный нос.

Тролль тут же успокоился и покорно сгорбился, его рычание превратилось в униженное ворчание, напоминающее звук педальной швейной машинки. На широкой уродливой морде было написано, что он готов подчиняться, готов на все,

что угодно, только бы больше не слышать этих мерзких звуков, которые вылетают из маленькой металлической игрушки.

— Вот и хороший мальчик, — похвалил Томми и снова оглядел гостиную — на этот раз в поисках того, что могло пригодиться ему для задуманного.

Склонившись над останками одного из пугал, мальчик вытащил из кучи обломков две кисти рук на жердях и старое дедушкино пальто. После чего бросил взгляд на камин: подле стойки с совками и кочергами стояла одна из тех тяжеленных громадин-тыкв, которые он сам разгружал. Вся мякоть из нее была извлечена, а в кожуре прорезаны треугольные глаза и рот.

«Ты-то мне и пригодишься», — подумал Томми, после чего завернул тыкву вместе с деревянными обломками рук в пальто.

Взяв свой узел, он глянул на тролля.

— Эй ты! Иди к дивану!

Тролль нехотя послушался, и Томми залез сперва на спинку дивана, а оттуда перебрался на плечи чудовищу. Прижимая к груди сверток, он обхватил шею тролля ногами и взялся за его оттопыренное заостренное ухо.

— У-у-у... — оскорбленно провыл мистер Бэрри.

— Ничего не «у-у-у», — строго заметил Томми. — Ты мне поможешь, тролль, и тогда я тебя отпушу. Ты понял?

Тролль застыл на месте и, кажется, даже дышать прекратил — он задумался. Время уходило.

— Ты понял?

Томми пятками стукнул тролля по мшистой зеленоватой груди.

— У-у.

Чудовище так поспешно закивало, что мальчик едва не перелетел через его голову.

— Эй, полегче!

Тролль хрюкнул и когтистой лапой утер длинную зеленую соплю. В его желтых глазах появились искорки понимания. В тот же миг движения огромного и, казалось, неповоротливого чудовища стали на удивление плавными.

— Вперед! У нас мало времени!

Тролль двинулся к выходу из гостиной, и Томми ощущил себя моряком, стоящим на верхней площадке мачты попавшего в шторм судна.

Когда мальчик и его ездовой тролль оказались в прихожей, Томми указал чудовищу направление:

— А теперь вези меня на фабрику мистера Гласса! И поаккуратнее с дверями!

Кристина Кэндл никого ни в чем не подозревала, никого не обвиняла и никогда не жаловалась на жизнь. Она просто была собой, беспечной Кристиной Кэндл, и особо не желала для себя иной судьбы, понимая, что «нечто большее» всегда налагает и дополнительные занудные обязанности, а еще никому не нужную ответственность. Вот и была у нее одна цель, главный план в жизни, основная линия, которой она всячески пыталась следовать, — быть Кристиной Кэндл.

— Что такое «быть тобой», Кристина? — спросил бы ее Виктор, если бы он вдруг взял у нее еще одно интервью, а она, к примеру, являлась какой-нибудь столичной знаменитостью. Ведь именно такие вещи у них обычно и спрашивают, поскольку простому читателю всегда интересно, как живут знаменитости.

А Кристина ответила бы, играво поглядывая на него изпод черной челки:

— Знаешь, Вик, это просто. Быть Кристиной Кэндл — значит ездить по городу на «Драндулете», скучать в библиотеке, отнекиваться от сидения с малышней, встречаться

с Дороти и Эбигейл, подглядывать за Джонни Кирни с Можжевеловой улицы. Порой все это можно скрасить натравливанием тетушек друг на друга или ухаживанием за бабушкой: книгу ей почитать или просто помочь прогуляться по саду. Еще изредка бывает игра в бридж с дядюшкой Джозефом (когда мама не видит). Хоть дядюшка и жульничает, но все равно он забавный — порой рассказывает такие анекдоты, от которых мама пришла бы в ужас (если бы умела это делать), а еще он всегда так остроумно поддевает свою супругу, тетушку Мегану, и любимых отпрысков, Сирила и Мими. Раньше, Вик, быть Кристиной Кэндл значило дружить с папой, но со временем он заперся в своем кабинете, и его заменили Дороти и Эбигейл. Вот такая жизнь. Не хорошая, не плохая, местами скучная, местами отличная. Иногда, правда, бывает очень грустно.

— А в последнее время? — спросил бы Виктор, важно поправляя жилетку.

— В последнее?.. — сделано задумавшись, закинула бы она ногу на ногу. — Да, знаешь, в последнее время быть Кристиной Кэндл — значит влипать в различные истории по вине одного неотесанного болвана, быть винтиком в чужих планах и невольной участницей чужих интриг. Весьма неприятно быть Кристиной Кэндл в последнее время. А еще это предчувствие смерти...

— Что? Смерти?

— Ну да... Знаешь, такое гаденькое чувство, когда, закрывая глаза, видишь перед собой могильный камень с надписью: «*Кристина Кэндл. Умерла, так и не став...*»

— Кем не став?

— Взрослой, счастливой, живой... собой. Я не знаю. Никем не став — ведь смерть лишает всего, оставляя лишь жуткий озноб из-за земли, которая вокруг тебя. Ты спрашиваешь, откуда это взялось? Ощущение обреченности у вполне жизнерадостной девушки, наибольшей бедой которой когда-то

было то, что Дороти пыталась копировать ее одежду и походку? Дядюшка сказал однажды: «Милая, книги до добра не доведут, пей лучше шерри». Жаль, что я не послушалась.

— Во всем виновата книга?

— Да, книга, в которой было написано: «Каждый из тех, кто встретит Кровавую Мэри, вскоре погибнет мучительной смертью». И эта короткая, в общем-то, фраза, глупая примета, будто открутила ржавый кран в душе, и из него полилось то, о чем давно не вспоминалось, вроде «Мама, а куда я попаду, когда умру?»

— Мама, а куда я попаду, когда умру? — прошептала Кристина пересохшими губами, и в голове вдруг возник образ мамы, которая поправляет ей подушку и шепчет на ухо: «Ты никуда не попадешь, потому что не позволишь себе умереть. Особенно без спроса. Ты не должна принимать такие важные решения, как взять и умереть, не посоветовавшись с мамой, ты поняла, Кристина?»

Кристина стряхнула оцепенение, будто налипший древесный пух. Она не позволит себе умереть — пусть это глупое предзнаменование из какой-то там книжки убирается ко всем чертям. Она еще посмеется над этой нелепицей и выпьет в честь победы над своим страхом предложенный дядюшкой шерри. Если мама разрешит. Или когда она отвернется.

Мама стояла в стороне и безразлично глядела на то, как Марго — Кристина вздрогнула — сидит на коленях у привязанной к стулу Скарлетт Тэтч и ест ее лицо. Своими крошечными ручками с длинными тонкими пальцами Марго придерживала тетушку Скарлетт за подбородок и растрепавшиеся волосы. Серый язык маленького монстра слизывал кровь, а острые игольные зубы откусывали кусок за куском; челюсти шевелились, пережевывая обрывки кожи и мяса.

От этого тошнотворного зрелища Кристину отвлек звон разбившегося стекла и жуткий громкий шепот, словно раз

за разом повторяющий ругательства на непонятном древнем языке. Кристина повернула голову и увидела картину, от которой в ней мгновенно поднялась ярость: вся кровь прилила к голове, а кулаки неосознанно сжались.

Кровавая Мэри уже почти выбралась из зеркала. Она проникла в этот мир уже по пояс и отламывала осколок за осколком, пытаясь освободиться.

Кристина закусила губу. Она вдруг почувствовала, что кровь в ее венах вовсе и не течет, а будто пересыпается, как песок. И в каждой песчинке она ощущала микроскопическое семя. Семя, которое обладает силой крошечного солнца. Сотни тысяч таких семян жили внутри нее и в любой миг намеревались прорасти, вырваться наружу. Теперь она не была просто Кристиной Кэндл — она была кем-то иным. Кем-то намного более могущественным — тем, кому нужно просто захотеть, чтобы сделать что-то невероятное.

И она захотела. За мгновение переместившись к зеркалу, молодая ведьма раскрыла ладонь, и в нее влетел зеркальный осколок. Схватив Кровавую Мэри за иссиня-черные волосы, она задрала ей голову.

Кровавая Мэри начала размахивать руками, пытаясь ногтями разорвать горло Кристине, но та лишь рассмеялась ей в лицо.

— Ничего не выйдет, тварь!

Кристина вонзила осколок в лоб Кровавой Мэри и начала вырезать у нее на коже слова. Исчадие зазеркалья закричало и начало биться сильнее, но Кристина крепко держала ее. Молодая ведьма продолжала резать и резать, пока не написала столь чудовищным образом:

«Потуши свечу!»

Кристина надеялась, что любая глупая и невежественная девчонка, которой отныне вздумается призвать эту тварь,

правильно воспримет столь недвусмысленный совет и прервет обряд, не позволив монстру выбраться. Что ж, если нет, она, Кристина, не виновата, поскольку сделала, что смогла.

Кристина с силой развернула Кровавую Мэри, отчего послышался хруст позвонков и костей в пояснице незваной гостьи, и затолкала ее обратно в зазеркалье, после чего провела ладонью по зеркалу. Подчиняясь ее воле, разбросанные кругом осколки взмыли в воздух и расположились на своих прежних местах, как огромная блестящая мозаика. Кристина подула на стекло — и все трещины заросли. Зеркало стало гладким, и тварь снова оказалась взаперти.

Кристина поглядела на поднимающееся там, в глубине чердачного отражения, чудовище, смотрящее на нее со страхом, и улыбнулась ему:

— Это тебе за Дотти, тварь! — сказала молодая ведьма и вскинула перед собой напряженные, сведенные судорогой руки.

Зеркало треснуло и разлетелось на сотню осколков. Осталась лишь рама да деревянная задняя стенка. С Кровавой Мэри было покончено. Как и с ее жутким предзнаменованием смерти.

Кристина огляделась. Колдуны и ведьмы ковена Тэтч продолжали сражаться друг с другом — таившаяся внутри каждого из них взаимная ненависть, очевидно, только и ждала выхода, а противостояние мамы и тетушки Скарлетт просто выпустило ее наружу.

Селен Палмер кружила на метле над каким-то типом с подвижными волосами и, заваливая его появляющимися прямо из воздуха... хм... деревянными арифметическими счётами, визжала: «Хотел свести со мной старые счеты, Пенгроув? Вот тебе счеты!» Чуть в стороне выплясывала какая-то ведьма — собственный удлинившийся до невероятных размеров язык несколько раз обернулся вокруг шеи и душил ее. Один колдун носился над садом, повиснув вниз

головой, — что-то невидимое волокло его за лодыжку, обивая вонящую жертву о ветви деревьев. У стола с медленно переплетающимися языками пламени Джелия Хоуп схватилась с одним из Серых: в какой-то момент она отобрала у него веретено, но колдовать не стала и просто вонзила его солдату ковена в глаз.

«Видимо, так поступают “современные” ведьмы, да, Джелия? Стильненько, ничего не скажешь, — с презрением подумала Кристина. — Так, пора заканчивать это безобразие...»

Она повернулась к бывшей главе ковена и пожиравшему ее лицо Марго.

— А ну, пошла прочь!

Кристина подошла к сестре и, взмахнув рукой, отшвырнула ее заклятием. Прикидывавшаяся девочкой тварь взвизгнула и отлетела в сторону, как собачонка, которую пнули. Она жалобно заскулила и попятилась на четвереньках, скалясь и брызгая слюной.

— Сейчас не до тебя! — бросила Кристина и повернулась к маме. Тело Скарлетт между тем начало рассыпаться и таять, пока полностью не исчезло, оставив после себя лишь окровавленный стул.

Смерть бывшей Верховной будто отрезвила дерущихся. Джелия Хоуп и Селен Палмер, увидев, что предводительницы больше нет, собрали своих уцелевших сторонников и бросились прочь из сада. При этом Дева ковена визжала, подначивая остальных: «Мы сами заполучим жертву! За мной! За мной!»

Корделия Кэндл на это никак не отреагировала. Она просто стояла, глядела в пустоту перед собой и кивала, будто соглашаясь с какими-то своими мыслями. Подойдя к маме, Кристина погладила ее по волосам, после чего прикоснулась ладонью к своим.

В тот же миг сад погрузился в тишину. Время застыло, и все застыли, кроме Кристины и ее мамы.

— Зачем ты это сделала? — отстраненно спросила Корделия.

Кристина видела, что маму совершенно раздавил провал ее грандиозных планов. Он выбил ее из колеи и проехался сверху поездом «Уэлихолл — Лондон».

— Чтобы ты пришла в себя наконец и начала что-то делать.

— Зачем?

— Затем что ты Корделия Кэндл, мама. Корделия Кэндл всегда права. Корделия Кэндл безупречна.

— Не сегодня, — вставила мама, но Кристина продолжила.

— Корделия Кэндл никогда не опускает руки. Корделия Кэндл всегда знает, что нужно делать. Та, кого я вижу сейчас, не Корделия Кэндл. Ты — женщина, которая не имеет права даже на инициалы Корделии Кэндл, не то что на полное имя.

— Как ты смеешь? — прошептала мама одними губами. Кажется, она впервые услышала что-то, помимо своего внутреннего голоса. Дочь на это и рассчитывала.

— Я? Смею? — Кристина подняла брови. — Ты разве забыла? Я стала равной тебе — всего полчаса назад. И хочешь не хочешь, но придется тебе меня слушать.

— И что же ты можешь сказать такого, что действительно заслуживает внимания?

— Корделия Кэндл знает, что такое проигрывать, — сказала Кристина, — но это отнюдь не недостаток. Ведь Корделия Кэндл знает, как не потерять лицо в любой, даже кажущейся самой безвыходной ситуации. Корделия Кэндл знает, как оставаться собой, и пусть кого угодно называют побитой собакой, но только не ее, потому что она просто не умеет сдаваться, ведь никогда не признает бой законченным, если не добьется победы. И она понимает, что для этого нужно сделать.

— «Нужно сделать»? — пораженно проговорила мама. Она глядела на дочь и не узнавала ее. Сейчас с ней говорила вовсе не девчонка в полосатых чулках, а женщина намного мудрее ее самой.

— Твой план провалился, мама, — жестоко сказала Кристина. — Ты не учла чего-то и недооценила Виктора. Он твоя главная оплошность. Знаешь, не нужно его винить, у него не оставалось выбора, кроме как помешать тебе. Ты ведь свихнулась, так? И как вообще можно было убедить себя в том, что положить сына на жертвенный стол вполне себе хорошая идея?

— Твоя бабушка...

— Не нужно, — перебила Кристина, и на мгновение ее глаза зажглись желтым светом. — Что бы бабушка ни сделала, ты поступала не лучше. Ты вела себя просто отвратительно, не считаясь с собственными потерями и чужими жизнями, мама. Вспомни хотя бы детей этого гоблина! А твой собственный сын! В чем провинился Виктор?

Корделия ничего не ответила, и Кристина продолжила:

— Мама, ты так привыкла, что все мы безоговорочно тебя слушаемся, что ошиблась во всех и в каждом, кто тебя окружает. Ты понимаешь, что сделала? Ты освободила существо, которое способно переделать мир, и отнюдь не в лучшую сторону. Ты и сама понимаешь, как тебе стоит поступить теперь, верно, мам?

— И что же мне, по-твоему, стоит сделать? — с вернувшейся к ней злой ironией спросила Корделия. — Все исправить?

— И срочно, — серьезно сказала Кристина. — Оглянись вокруг. Тебе не кажется, что кое-кого не хватает?

Корделия подняла глаза и огляделась.

— Мама, — злобно процедила она, словно ее худшие опасения подтвердились. — Проклятая старуха! Сбежала!

И действительно, Джина Кэндл как сквозь землю провалилась.

— Что она могла задумать? — спросила Кристина с тревогой. Лицо мамы исказилось от ненависти.

— Быть может, кто-то не понимает, что может двигать безумной ведьмой, но только не я. Ее мстительное упрямство

даже спустя годы не дает ей остановиться. А сейчас у нее неплохие шансы переиграть всех. Если в моем случае Иероним должен был стать основой величия нашего рода, то в руках Джини Кэндл он станет продолжением ее безумия. Ей не важно, что весь город может просто исчезнуть и от населявших его людей не останется даже могил.

— Тогда ты знаешь, что делать...

По Корделии было видно, что она не изменилась. О нет. Она не собиралась вдруг становиться добренькой и спасать всех кругом или хотя бы исправлять содеянное. Нет, она злилась на себя за то, что упустила шанс, и не могла смириться с тем, что ее матери удастся сделать то, чего не смогла сделать она.

Кристина кивнула, заметив, что мама стала прежней: решительной и неумолимой. Именно этого она и добивалась. Главное было заставить ее действовать.

— Тварь освободилась, — мрачно заключила Корделия. — Она уже меняет город. Ее нужно остановить.

— А что потом, мама?

Корделия поглядела в глаза дочери и увидела в них свое отражение. Ее кольнула досада. Больно и в самое сердце.

«Тварь нельзя подчинить, — с горечью осознала Корделия. — Нет, ее можно заставить себе служить, но это фатально для человека, который рискнет. Даже просто охота на нее разъедает душу, от одних мыслей о владении ею гниет разум. Ее можно лишь запереть, завалить выход и попытаться забыть о ней. Мое безумие... мое чертово безумие... Я — как моя мать. Она всю жизнь пыталась изловить монстра и во время охоты на него не заметила, как сама стала монстром. А потом передала мне это чудовищное наследие, наше родовое проклятие. Жажду обладания тварью. Хотя зачем уж кривить душой, я сама вырвала у нее это из рук. И тогда я стала такой же... начала охоту, мою душу разъела эта чертова ржавчина, а разум сгнил от алчных помыслов об Иерониме. Я — как

она. Безумна и заразна. И вот ты стоишь здесь и смотришь на меня. Ты спрашиваешь “Что потом?”, ожидая, что я велю продолжить охоту на тварь и не остановлюсь, пока не подчиню ее. И ты права: я велю. А если у меня ничего не выйдет, однажды ты станешь такой же, как я. Такой же, как Джина Кэндл. А потом это ждет твою дочь и ее дочь... Или не ждет. Ты спрашиваешь “Что потом?”...»

Корделия вздохнула и сказала:

— А потом тебе придется остановить меня.

Виктор Кэндл огляделся по сторонам.

Тихо.

Пусто.

Темно.

— Да уж, кто бы сомневался, — пробормотал он и принялся шарить по карманам в поисках свечи.

Свечи нигде не было. Зеркальце Петровски, которое он предусмотрительно взял с собой, тем не менее присутствовало. Как и тетрадка, чернильная ручка, чернильница и прочие мелочи. Исчез лишь дар Иеронима.

— Чертов Эвер Ив! — негодующе выругался Виктор.

Открыв коробок спичек, он чиркнул одной.

В очень тусклом свете Виктор начал лихорадочно озираться по сторонам, отчего чуть было не налетел на стоявшего рядом человека.

Незнакомый мужчина был одет не то в бежевый, не то в кремовый костюм — точнее Виктор не успел рассмотреть. Он испуганно дернулся рукой — и спичка взяла и так не вовремя погасла.

Виктор поскорее зажег еще одну и рассмотрел незнакомца. Это был худой мужчина средних лет с короткими бакенбардами и аккуратно подстриженными усиками, всем своим видом похожий на клерка. Незнакомец не моргал и глядел

куда-то в сторону, словно не замечая никого рядом, — он вообще не шевелился. Испуг отступил, и ему на смену пришло удивление: кто это может быть и что он здесь делает?

Спичка чуть обожгла пальцы и погасла.

Черты хаясь про себя, Виктор снова чиркнул по коробку. Огонек пожрал серную головку и принялся обгладывать деревянную ножку.

«Клерк» по-прежнему не шевелился и никак не реагировал на присутствие гостя *с той* стороны. И тут Виктор понял, что незнакомец не живой и вовсе даже не человек, а хоть и весьма реалистичная, но всего лишь статуя, выбеленная и покрытая воском. Обычная статуя, но... почему тогда из ее макушки торчит конец толстой обугленной бечевки? Абсурдная догадка пробралась в голову, словно мышь — в щель амбара.

— Не может... — начал было Виктор, но тут же перебил себя: — А почему нет? Если у него есть Ключ и прочие...

Виктор осторожно подошел вплотную к странной статуе и неуверенно поднес спичку к обрубку бечевки. Крохотный светлячок на серной головке с радостью переполз на фитиль и быстро разгорелся. Круг света разросся на несколько ярдов вокруг. Стали видны паркетный пол, ковер и край кровати. Виктор находился у себя в комнате. Вернее, *с другой стороны* комнаты — все, как и говорил Эвер Ив.

Статуя шевельнулась, моргнула. Повела головой и плечами, потянулась.

Виктор завороженно уставился на нее.

— Здесь все не так... — напомнил он себе. — В этом обманчивом месте.

— Вот только я не обман, — возразил незнакомец. У него был теплый и приятный голос. — Прошу прощения за этот мерзкий звук...

Абсурдность происходящего лишь подчеркнуло то, что этому существу было стыдно за потрескивание горящего над его головой фитиля.

— Вы — человек мистера Ива? — спросил Виктор.

— Я — нечеловек мистера Ива, — ответила ожившая статуя и огромная свеча по совместительству.

Виктор кивнул, с удивлением отмечая, что понимает.

Незнакомец представился:

— Меня зовут Уик. Я — Свеча.

— Вы из Потаенных Вещей?

— О, какой комплимент! Но, к сожалению, незаслуженный. Я менее чем Потаенная Вещь. Я просто вещь. Могу я узнать ваше имя?

— Виктор Кэндл.

— То есть это вы — человек мистера Ива? — дружелюбно улыбнулся Уик, и Виктор вдруг понял, что этот обаятельный парень ему весьма по душе. В отличие от прочих приспешников того, кто его сюда отправил.

— Да, и мне нужно кое-что отыскать здесь. — Виктор кивнул во тьму.

— Всего мгновение, и пойдем... — прокряхтел Уик и упер ладони в поясницу. — Эх-кхе... Эх-кхе... Вы бы знали, как мне тяжело постоянно держать спину, — пожаловался Свеча. — А я ведь отнюдь не солдат... Мое тело становится мягким, когда меня зажигают, — все дело в воске... Куда вам нужно попасть?

— Моя сестра говорила про... Черный дом на Черной улице. Черный город. Уж простите, почтового кода не знаю.

— Он и не нужен, — заверил Уик. — Пойдемте.

Свеча шагнул к двери, и Виктор последовал за ним, высматривая по сторонам любую возможную угрозу. Во мраке комнаты кто-то шевелился, но стоило свету от фитиля осветить угол, как стало ясно, что там никого нет.

Уик положил бледную ладонь на дверную ручку и обернулся:

— Нам следует поторопиться. До Черного дома путь неблизкий.

— Не так быстро, — попросил Виктор. — Мне нужно будет открыть гроб, а для этого придется сперва добыть ключ.

— Вот так всегда, — печально вздохнул Уик и даже слегка потускнел. — Вечно все оказывается сложнее, чем просто пойти и сделать. А ведь на подобную суету неизбежно уходит время. Время, которого не у каждого из нас бывает в достатке. И где этот ваш ключ?

Пока Уик говорил, они вышли в коридор.

— Впереди будет лестница, — сказал Виктор, и они двинулись в указанном направлении.

— Вы уже все поняли, — похвалил Свеча. — Да, здесь точное отражение вашего дома. Различие состоит лишь в том, что все левое — теперь справа.

— А верх и низ местами не поменялись? — зачем-то уточнил Виктор.

— Конечно же нет, — снисходительно заметил Уик. — Вы что, ни разу не смотрелись в зеркало?

— Тогда нам наверх.

Лестничные ступени не скрипели, как они же в реальном мире — тьма словно пожрала все звуки. Уик поднимался первым, Виктор старался не отставать.

— Где-то здесь должна быть дверь, — сказал он, когда Свеча замер в начале третьего этажа. Именно об этом месте говорила тетушка Мегана. — Дверь, которой раньше не было. Терновая комната...

Уик кивнул и зашаркал восковыми ногами по коридору.

Они прошли мимо кабинета отца, миновали мамину спальню, проигнорировали дверь в бывшую комнату тетушки Рэмморы и только затем остановились. Чуть дальше располагались спальни Сирила и Мими, но Свеча даже не поглядел в их сторону. Он встал у стены по правую руку и чуть наклонился вперед, осветив еще один, едва заметный и никогда, как казалось Виктору, не существовавший в Крик-Холле дверной проем.

— Вы уверены, мистер Кэндл, что вам сюда?

Виктор кивнул, хотя уверенности в нем не набралось бы и на щепотку. Он подошел и повернул ручку на незнакомой двери. К его удивлению, та оказалась незапертой. Внутри, конечно же, было темно.

— Почему она открыта? — удивленно пробормотал Виктор. — Она должна быть открыта?

— Вы предпочли бы замок? — вопросом на вопрос ответил Свеча. — Впрочем, я бы на вашем месте предпочел. Особенно когда это касается колдовских дверей.

— Отчего же?

— Оттого, что ведь кто-то же ее открыл...

Не дав Виктору и мгновения на то, чтобы как следует расprobовать эту пугающую мысль, Уик перешагнул порог, освещая путь. Виктор неуверенно последовал за ним.

Всю комнату заполняли колдовские приборы и механизмы; стены были затянуты высохшим и безжизненным увенчанным шипами терновником; напротив двери стояли старинные часы с ничего не говорящими Виктору надписями: «Йоль», «Мабон», «Самайн»... А еще в комнате кто-то был.

Свет, испускаемый Уиком, выхватил из темноты высокую фигуру незнакомца. Одетый в серый костюм, тот сидел, взгромоздившись на деревянный пюпитр, напоминая огромного ворона. Воротник пальто незнакомец поднял, шляпу низко надвинул на лицо.

— Вот вы и явились, Сэр, — вместо приветствия произнес незнакомец, одновременно поднимая недобрый взгляд и револьвер; глухо щелкнул взведенный курок.

Виктор узнал оружие отца — шестизарядный «Уэбли» из ящика стола. Похоже, незнакомец успел как следует подготовиться к встрече. Свеча вздрогнул и отступил в сторону, явно узнав того, кто им угрожал.

— Э-э-э... Простите, вы, верно, меня приняли за... — ошарашенно начал Виктор.

— Я так и знал, что вы попытаетесь что-нибудь вычудить: к примеру, станете притворяться, будто вы — это не вы, — сказал незнакомец. — Еще не устали от игр? Обмануть меня все равно не выйдет: вы стоите здесь, в то время как ни один смертный человек не смог бы без посторонней помощи пройти Бесконечный Коридор. К тому же с вами пришло это...

Незнакомец кивнул на перепуганного Уика. Тот почти вжался в стену. Свечное пламя над его головой мелко дрожало — от этого по комнате плясали причудливые тени.

— Ты ведь узнал меня, мой восковой друг? — незнакомец обратился к Свече.

— Тебя здесь не должно быть, Зеркало! — едва дыша, выдавил из себя Уик. Его макушка начала лосниться от горячего воска, будто истекая потом от страха.

— Ясное дело, не должно быть... — Мистер Лукинг Гласс больше не смотрел в сторону дрожащего Уика. Всем его вниманием вновь завладел Виктор. — Но вот вопрос: зачем здесь вы, Сэр? Пришли нарушить свое обещание?

— Я? — поразился Виктор. — Обещание? Вы что, не понимаете? Это чудовищная ошибка!

— С моей стороны — бесспорно, — сказал мистер Гласс. Револьвер чуть заметно дрожал в его пальцах: даже с наставленным на собеседника оружием Лукинг не был уверен в том, что преимущество на его стороне. — В меру своей наивности я посчитал, что мы обо всем с вами договорились, босс. Вы ведь сказали, что не обижены на меня за нашу драку и за Клару Кроу. Пообещали, что отпустите меня, если я все сделаю в срок. Но нет — вам претила сама мысль о том, чтобы вступать в какие бы то ни было сделки с тем, кого вы считаете своей собственностью — какой-то там вещью! Едва лишь я выполнил свою часть уговора, как вы тут же исключили меня из игры, да еще таким мерзким образом — убрав чужими руками. Разбив меня! Я до последнего

не хотел верить, но все признаки налицо. Все еще будете отрицать?

— Нет.

Разумеется, Виктор понял, за кого его приняли. И тут же сообразил, с кем говорит, хотя ни разу не встречал его прежде.

— Что вы здесь ищете, Сэр? — задал вопрос Зеркало, в волнении переводя ствол револьвера с лица Виктора на его грудь.

— Скажите ему, — дрожащим голосом пробормотал Уик; огонек на его макушке едва теплился. — Скажите!

Руки Виктора вспотели. Он не понимал, чего от него хочет этот выглядящий безумцем Зеркало. Были бы здесь Петровски, они бы, наверное, не отказались сыграть в русскую рулетку, но вряд ли даже их устроили бы риски. Виктор почувствовал, что, если станет упорствовать в том, что он вовсе не Эвер Ив, его застрелят, полагая, что подлый Иероним решил отпираться. А если он солжет, Зеркало сразу же почувствует обман, поскольку из него, Виктора Кэндла, просто отвратительный лжец. И все же выбирать что-то было нужно, и решать следовало быстрее.

Виктор все же определился с выбором: быть застреленным за правду все-таки чуть утешительнее, чем быть застреленным за ложь.

— Мне нужен ключ от гроба, — сказал он.

— Ключ, значит, — процедил мистер Гласс. — А что мешает мне остановить вас прямо сейчас, Сэр? Пуля в сердце — даже для вас это будет слишком. Да, я знаю, что, выстрелив в вас, я уничтожу и себя тоже. А вы испытаете лишь временные неудобства, но какой у меня выбор?

— Вы можете заключить сделку, — тихо вставил Свеча.

Виктор вопросительно глянул на своего спутника.

— Сделку?! — со злостью в голосе сказал Зеркало. — Думаете, я не знаю, что вы задумали? Ключ, кхм... Вы ведь не собираетесь щадить никого на пути к своей цели, верно,

замечательный и блистательный мистер Эвер Ив, известный в определенных кругах как Человек в зеленом? Какая может быть у нас с вами сделка, если вас пока что останавливает только то, что ключика-то у вас и нет? Но вам меня не привести: я знаю, что вы здесь ищете на самом деле, Сэр. Шляпа предполагала, что вы не освободитесь, пока не вернете нас всех. Так?

Мистер Гласс перестал целиться в Виктора. Он перевел револьвер с его груди на собственный висок. Уик от неожиданности дернулся, а Виктор отступил на шаг.

— Именно на такую реакцию я и рассчитывал. У меня просто не осталось выбора, верно? — холодным тоном проговорил Зеркало. — Убегать от вас и прятаться вечно? Положим, я бы смог, но вы ведь не оставите в покое дорогую мне женщину. По доброте душевной! У вас же нет ни доброты, ни души... Две вещи привели вас сюда: ключ и я. Ключ вы отыщете, я не сомневаюсь, но меня не получите. Уж лучше я разобьюсь по-настоящему, чем вернусь к вам. И вы знаете, я смогу это провернуть, в отличие от тех неудачников, которые пытались. Ответьте только на один вопрос. Я все никак не могу взять в толк... Я знаю, что вы говорите правду: вам нужен ключ. Но зачем он вам? Чтобы добыть жертву и избавиться от хозяина этого странного рыжеголового тела? Но ведь ключ открывает черный гроб, в котором лежит лишь одна из двух совершенно одинаковых версий жертвы, в то время как другую (с той стороны) добыть для вас не составило бы труда.

— В чем состоит вопрос? — уточнил Виктор. Он с трудом улавливал смысл, но вместе с тем чувствовал, что сейчас узнает кое-что действительно важное.

— Я не могу понять, — сказал мистер Гласс, не убирая револьвер от собственного виска, — зачем вам ключ от гроба, если вы можете просто отыскать Сашу Кроу в том мире. И я, и вы — мы оба знаем, что это сработает. Вы хотели

вопрос? Вот мой вопрос: зачем вам ключ от гроба, в котором лежит настоящая Саша Кроу, когда хватило бы и ее отражения?

Виктор вздрогнул. Он вдруг все понял. «Я просто пытаюсь освободиться», — сказал ему мистер Эвер Ив, будучи отражением в комнате тетушки Скарлетт. Все внезапно обрело совершенно иной смысл. Подлый Иероним провел его! Не в силах убить Виктора, он просто запер его, чтобы единолично завладеть его телом! Он сделал точно то же, что сделала мама с Сашей: поменял отражение и человека местами. Для него все сложилось идеально: в пустой оболочке отражения он остался полноправным хозяином, а еще... он остался в том мире наедине с Сашей (вернее, с отражением Саши, но раз Зеркало говорит, что для Иеронима нет никакой разницы...), и теперь Виктор не может помешать ей убить ее и претворить в жизнь свой план. А Клара ничего не знает! Да и знай она, что она сможет сделать этому жуткому существу?!

— Сэр, — сказал Зеркало, — я понимаю, что вы любите игры и все такое, но ваше сделаное изумление уж очень откровенно наигранно, и я...

Виктор перебил его:

— Все верно, ключ нужен, чтобы открыть гроб, в котором лежит Саша Кроу. Вот только я не ваш босс, я никакой не Сэр.

— Неужели? — мистер Гласс едва не поперхнулся от подобной наглости — он даже чуть не спустил курок. — И кто же вы?

— Всего лишь тот, для кого важна именно эта... как вы выражались, версия жертвы.

— Он не Сэр, — подтвердил Уик.

— Я вам не верю, — заявил мистер Гласс.

— А мне незачем вам лгать, мистер Зеркало, — сказал Виктор. — Мама убила остальных... мистера Биггля и прочих

и соединила их с Иеронимом. А я... он сказал, что если я хочу найти Сашу, то мне нужно отправиться за ней сюда, и я ему поверил. Черт! Какой же я дурак...

Мистер Гласс чуть качнул головой, прищурился.

— Да, вы не он. — Он снова перевел револьвер, нацелив его на Виктора. — Тот, кого я знаю под именем «мистер Эвер Ив», никогда не назвал бы себя «Иеронимом» — для него это было бы в высшей степени вульгарно и пошло. Даже из хитрости он на такое не пошел бы: босс считает себя совершенно непредсказуемым, но он заблуждается. Посему выходит, вы — Виктор Кэндл. Но я все равно вам не верю. Пусть даже вы не тот, за кого я вас принял, как можно доверять тому, кто делил с ним одну голову?

Виктор про себя выругался — что может быть более бессмысленным, чем пытаться убедить собеседника в том, что твои слова искренни, когда тот зациклен на мнительности и подозрениях? Особенno если ты так похож на того, другого, чьи намерения и поступки отличаются от твоих, как Черный город — от реального мира. То есть с первого взгляда неотличимы, но на самом деле прямо противоположны.

— Делил с ним одну голову... — протянул меж тем Зеркало. Он о чем-то задумался. — Одну голову... Может, убивать вас вот так сразу было бы ошибкой, мистер Кэндл. Может, именно вы поможете мне.

— Но чем я могу вам помочь?

— Он что-то скрывает здесь, — произнес мистер Гласс, пристально следя за реакцией как Виктора, так и Уика. — Здесь, в зазеркалье, есть то, перед чем он уязвим. Он вскользь упоминал об этом при мне. Это точно не его жертва... что-то другое! Вы думали его головой. Его голова — это ваша голова! Ваши ноги ходили туда, где бывал он. Должно быть что-то, о чем вы могли случайно узнать! Одну из его сокровенных тайн. Если хотите, чтобы я вам поверил, назовите то, что

мистер Эвер Ив пытается скрыть. Иначе — прошу меня извинить...

Рука с револьвером перестала дрожать и напряглась, а палец едва заметно коснулся спускового крючка.

Виктор молчал. Он прекрасно понимал, что любое сказанное им слово сейчас обязательно все испортит. Что он мог знать? Да еще такого, чего не знают ближайшие подручные Иеронима... И вдруг, словно услужливый библиотекарь, память открыла нужную картотеку, помогая отыскать формуляр с номером пропавшей книги. Даже не книги, а тетради... его собственной рабочей тетради и той фразы, что неизвестно откуда в ней появилась.

— «*Если не сделаете то, о чем мы договорились, и просните последнее мгновение Кануна, то для вас Вечный Канун может и не наступить*», — задумчиво пробормотал Виктор, непривычно погладив цепочку карманных часов.

— Что вы сказали? — дрожащим шепотом произнес Зеркало. Он понял — это оно.

— Иероним написал это в моей тетради, — пояснил Виктор.

— Кому написал?!

Глаза мистера Гласса загорелись в волнении.

— Не знаю. Но сделал он это... сделал это... — Виктор Кэндл вдруг вспомнил, как поднимался с пола в комнате с часами, вспомнил лучи полуденного солнца, проникающие внутрь через прорези циферблата, вспомнил, как, пошатываясь, спускался по винтовой лестнице. — Он написал это в Глухой башне. Именно там. Да...

— Глухая башня? — удивился Зеркало.

— Башня с часами...

Зеркало медленно опустил револьвер и, поставив курок на место, взволнованно произнес:

— Часы... Вот кого Сэр от всех нас прятал! Седьмая Потаенная Вещь! Как я не догадался, как не... Он хочет остановить время!

— Остановить? — Виктор недоуменно взглянул на Зеркало.

— Вот именно. — Мистер Гласс кивнул. — Достаточно остановить время за миг до полуночи — и Канун станет Вечным!

Он замолчал и нахмурился, о чем-то раздумывая. Виктор поглядел на Уика — тот покачал головой: мол, пока не стоит ничего уточнять — сейчас все решится.

— Вы говорите, вам дорога та, что лежит в гробу? — спросил наконец Зеркало.

— Да. Я пришел сюда, чтобы...

— То есть вы намеренно забрались сюда?! — пораженно проговорил Лукинг Гласс. — Я-то полагал, что Сэр вас здесь запер. Провернул какую-то уловку и... Хотя любовь, — задумчиво пробормотал он, — та еще уловка. Какую только рыбку не выловишь на такую приманку. И, уж простите, сейчас я сам воспользуюсь этой приманкой. Что вы готовы сделать ради того, чтобы получить ключ от гроба?

Виктор сжал зубы.

— Все, что потребуется, — твердо сказал он.

— Что ж, тогда вам придется сделать то, что нужно мне. Вы найдете Часы. Меня они к себе в башню не впустят — Сэр должен был позаботиться на этот счет, — но вы — другое дело. Помешайте Часам — и я отдам вам ключ от гроба. Времени осталось мало — скоро Часы закончат отбивать полночь и...

— И Канун остановится навсегда, — прошептал вжавшийся в стену Уик.

— Вот именно.

— Но как вы предлагаете мне помешать этим вашим Часам? — недоуменно проговорил Виктор.

— Уж придумайте, — сказал Зеркало. — Ведь если у вас не выйдет, ключа от гроба вам не видать.

Зеркало спрятал револьвер, соскочил со своего настеста и решительно направился к двери. Виктор отошел в сторону, уступая ему дорогу.

— Но куда вы идете?

Мистер Гласс обернулся в дверях.

— Мне нужно кое-что подготовить. Я буду ждать в Черном доме. И поспешите — до одиннадцатого удара осталось всего ничего. Свеча проведет вас кратчайшим путем... Ведь так, фитилек?

Уик кивнул, и Зеркало вышел за двери.

Виктор застыл, глядя ему вслед. Ему что предлагается... убить Часы? Убить того человека... или нечеловека...

— Мы не люди, — Уик вырвал Виктора из раздумий, он будто прочитал его мысли. — Мы не рождались, не жили по-настоящему. Убить кого-то из нас — это все равно что просто погасить свет в комнате.

Виктор поглядел на него. Учитывая страх, который он видел в глазах Котла перед тем, как тот умер, и слова Зеркала, это была ложь. Но зачем тогда это странное существо лжет ему? Зачем подталкивает его?

— Мы должны спешить, — продолжил Свеча. — Вам предстоит сделать то, что вы не хотите делать. Это сложный выбор, но времени и правда очень мало. Мы не можем отдать его на бессмысленные терзания.

Виктор кивнул Уику, и они покинули Терновую комнату. Мистера Гласса нигде не было.

Они двинулись по коридору третьего этажа к лестнице. Уик, как и прежде, шел немного впереди, освещая путь.

— Почему же «бессмысленные»? — спросил Виктор своего спутника.

— Потому что на самом деле выбора у вас нет, — глухо ответил Уик. — Я вам сочувствую, мистер Кэндл, но вы вынуждены будете убить того, кто прячется в башне. Иначе Сэр победит. Иначе вы не получите ваш ключ. Вы сами сказали, что...

— Сделаю все, что потребуется, — со злостью в голосе произнес Виктор.

— Вы должны радоваться, мистер Кэндл, — продолжил Свеча. — То, что вы должны сделать, совпадает с вашими планами. Было бы хуже, если бы оно противоречило им. Скажем, если бы Зеркало обещал отдать вам ключ от гроба, только если бы вы привели замыслы Сэра в исполнение или были вынуждены убить близкого вам человека. Вы бы убили вашу сестру ради спасения вашей возлюбленной?

— Черт возьми, Уик! — разъяренно воскликнул Виктор. — Это невозможный выбор! Это даже не меньшее из двух зол! Это равнозначные вещи...

— И вы должны радоваться, что вам не приходится выбирать подобное.

— Вы понимаете, что сейчас говорите о...

Виктор замолчал и застыл на месте. Он услышал голос. Такой знакомый голос за одной из дверей...

— Вы тоже это слышите? — спросил он у Свечи.

Тот остановился и прислушался, после чего покачал головой.

— Я могу поклясться, что слышал голос отца, — сказал Виктор. — Он здесь. Я уверен!

Виктор обернулся. Из-за какой именно двери раздался голос? Точно! Из-за той, что слева!

— Нам не стоит задерживаться, — напомнил Уик.

— Я только кое-что... — начал Виктор и с надеждой распахнул дверь.

Это была комната Скарлетт Тэтч. Пустая кровать. Окно распахнуто. За ним — бушующее море и грозовые тучи. Ветер подхватывает занавески. И никого...

Виктор тяжело вздохнул — он действительно уже почти поверил, что отец здесь.

Понадеявшись, что тетушка Скарлетт каким-то образом освободилась, что она сдержит обещание и вызволит отца, он еще раз посмотрел на отражение ее пустой комнаты — та выглядела донельзя мрачно.

— Нам нужно торопиться! — взволнованно напомнил Уик. — И дело не только в приближающейся полуночи! Скорее!

Виктор закрыл дверь, и они с Уиком поспешили к лестнице.

Незадолго до этого кто-то в один момент вдруг прекратил бродить из угла и остановился на одном месте.

На зеркале гардероба помадой было написано: «*Жди меня там, где бушует море. Я буду там...*» Что ж, тот, кто это написал, сдержал слово...

Это была комната Скарлетт Тэтч, но не совсем она. В отличие от настоящей комнаты, здесь все тонуло словно в чернилах и лишь немного света проникало через открытое настежь окно, да и то лишь в те мгновения, когда вдали сверкали молнии.

Гарри Кэндл стоял у окна, а полупрозрачные, как призраки, занавески вытанцовывали на ветру. За окном бушевало штормовое море, оно подступало к самой стене дома, и волны бились о нее, будто о борт судна. Вода была черной и пеной, а затянувшие небо графитовые тучи висели низко-низко, почти над самой крышей.

На туалетном столике сидел кот. Он едва слышно мурчал, подыгрывая грозе за окном. На его глазах была повязка, но это не мешало ему следить за каждым движением Гарри.

Коннелли был фамильяром Корделии, и Гарри уже шесть лет мирился с его присутствием — коту часто взбредало в голову полежать на диване в его кабинете. Гарри обычно работал за столом, пока его не отвлекало царапанье в дверь. Он вставал с кресла и открывал, веля коту убираться прочь, а затем захлопывал дверь перед его наглым носом, поворачивался, чтобы вернуться к столу, а кот уже тут как тут — с невинным видом моет лапку на диване.

От Коннелли было невозможно отделаться, и даже здесь и сейчас — кто бы мог подумать?! — он составлял ему компанию. Гарри всегда знал, что это не простое животное, но и подумать не мог, что кот может разгуливать по зазеркалью, как по обычному миру.

Блуждая по этим черным коридорам, Гарри встречал Коннелли несколько раз, но прежде тот не обращал на него внимания, будто у него были свои дела: кот то появлялся, то исчезал. И вот теперь он здесь: сидит, мурчит и ждет чего-то от него, Гарри, словно намекает, словно исподволь подталкивает к какому-то решению.

На кровати лежала женщина в алом платье. Она была мертва — белоснежные руки нелепо раскинуты в стороны и заломлены, тело изогнулось, вместо лица — окровавленная маска, словно кто-то сгрыз его. Кровь растеклась из-под головы Скарлетт Тэтч по простыням и образовала рисунок на них — некое подобие уродливой бабочки.

Еще недавно эта женщина хотела забрать его с собой, увезти отсюда. Как жаль, что она не успела. Скарлетт и правда была там, где бушует море, но...

Больше нет надежды.

Гарри говорил с ней всего несколько часов назад. Или ему так казалось... Быть может, он и вовсе был здесь всегда — родился под боком у мертвого тела в алом платье, а вырос под кроватью, где лежал труп мужчины, превращенный в папье-маше и с ног до головы исписанный, как страницы чьего-то дневника.

Джим Гэррити, старый друг...

Скарлетт Тэтч, женщина, которая любила Гарри...

Они были реальны или представляли собой очередные абсурдные порождения этого места?

Раньше единственным, кто абсолютно точно был здесь реальным, помимо него самого и кота, был Джозеф. Но Джозефа больше нет. Его убило чудовище в облике хрупкой женщины.

Гарри лично запер чердак, и все то время, что Джозеф был там, он прятался за дверью. Джозеф орал и бился в дверь, но не мог открыть ее — на этот раз у него не было ключа. Он рылся в карманах и не понимал, куда тот делся, ведь он же сам совсем недавно открывал чердак, чтобы забрать зеркало Корделии.

— Гарри, выпусти меня! — кричал Джозеф, и даже из-за двери Гарри чувствовал, как тот напуган.

— Почему я должен это делать? — спросил Гарри.

— Она же убьет меня! — взмолился Джозеф. — Она здесь, рядом!

— Я знаю, — ответил Гарри. — Вы ведь с Корделией планировали, что на твоем месте окажусь я. Оставайся там, — безжалостно добавил он. — Это твоя расплата, Джозеф.

— Что?! — закричал Джозеф с новой силой. — Нет! Не делай этого! Прошу тебя! Не делай!

Гарри сжал кулаки, его лоб покрылся испариной. Ключ от чердака жег ему ладонь. Он вдруг почувствовал, что просто не может так поступить с братом, каким бы тот ни был человеком и что бы тот ни сделал. Он решил, что выпустит Джозефа, а потом убежит.

Дрожащими пальцами Гарри засунул ключ в замочную скважину и приготовился его повернуть, но Джозеф сам решил свою судьбу:

— Ну тогда знай! — злобно прошипел он. — Мы планировали избавиться от тебя в любом случае, жалкий ты червяк! Сразу после того, как избавились бы от твоего никчемного Виктора!

Гарри выдернул ключ из замочной скважины.

— Ты думаешь, что я один заперт?! — орал Джозеф и бил кулаками в дверь. — Ты никогда отсюда не выберешься! Никогда, слышишь?!

А потом раздался ужасный хруст, и Гарри понял, что брат мертв. Далее последовали звон стекла и звуки ударов, как будто кто-то стучал кулаками по зеркалу.

Гарри поспешил поскорее убраться подальше от чердака и направился к комнате Скарлетт: еще несколько часов назад он нашел ее послание — она сказала, что будет ждать его там, где море. И она ждала... Каков же был ужас Гарри, когда он увидел ее. И в то же мгновение все утратило свой смысл, решимость растаяла. Осталось лишь вселенское уныние, поглотившее его, как одна из волн этого штормового моря за окном.

Зазеркалье — ужасное место. За каждым углом — тупик, за каждыми дверями — безысходность. Оно лживо, оно играет с человеком, с его страхами и надеждами, оставляя ему лишь горечь всякий раз, когда очередной мираж или искусственная иллюзия распадаются на части, стоит протянуть к ним руку. Множество раз Гарри уже, казалось, обнаруживал выход, где-то вдали порою мерцал едва различимый свет из того, настоящего мира, но, как только он подходил ближе, выяснялось, что это всего лишь игра теней.

Порой Гарри встречал в доме своих родственников и детей: от одних он прятался, за другими — гнался, пытаясь обратить на себя внимание. Кто-то ускользал от него, но кого-то он настигал. Гарри касался плеча, но человек оборачивался, и оказывалось, что вместо лица у него клуб дыма — чертово отражение, всего лишь чертово отражение. Всякий раз Гарри обещал себе, что прекратит бессмысленные погони, говорил себе, что с него хватит пустых надежд, но...

Гарри был замурowan и прекрасно понимал это. Он проклинал тех, кто запер его здесь наедине с собой и безликими тварями зазеркалья. Как проклинал и тех, кто вселял в него надежду всякий раз, как чертовы иллюзии проходили мимо по коридору, или усаживались в кресло, или заглядывали в комнату.

Последним подобным лживым миражом было появление здесь Виктора. В какой-то момент Гарри вдруг показалось, будто он слышит голос сына. Позабыв о том, что это, скорее

всего, очередной морок, он с новой надеждой бросился вон из комнаты. В коридоре, как нетрудно догадаться, никого не было.

Виктор... Гарри так и не увидел сына и об этом жалел сильнее всего. Он лишь отчаянно надеялся, что тот справится со всеми напастями: если парню один раз удалось вырваться из сетей Корделии, удастся и во второй.

Гарри глядел в окно на шторм.

— Это очередной билет на поезд, Коннелли, — сказал он, обращаясь то ли к коту, то ли к самому себе. — Билет на поезд, который должен увезти меня из этого проклятого места. Кажется, мне пора, да?

Кот молчал.

— Ты прав, — кивнул Гарри. — Слишком много билетов куплено, ни одним я не воспользовался. Пора...

Гарри Кэндл бросил печальный взгляд на мертвую женщину.

— Прощай, Скар.

Он кивнул трупу лучшего друга под кроватью.

— Прощай, Джимми.

А затем печально улыбнулся коту.

— И ты прощай, маленький хитрец. Спасибо тебе, что был здесь.

Он обернулся в последний раз, бросил тяжелый взгляд на свое отражение в зеркале туалетного столика и прошептал одними губами:

— Прощайте.

А потом Гарри Кэндл наконец покинул Крик-Холл.

Ветер скользнул по занавескам. В хмурой вышине сверкнула молния.

Тело Скарлетт исчезло, будто его и не бывало. Кот Коннелли поднялся и потянулся. А после спрыгнул на пол и отправился из зазеркалья прочь, в настоящий мир — доложить хозяйке, что дело сделано: Гарри Кэндл мертв.

— Томас! — позвала Кристина.

Брат не отзывался. Через входную дверь тянуло дымом с улицы — это горел флигель тетушки Рэмморы.

Внутри дома, стоило только переступить порог, невыносимо воняло тухлой рыбой и гнилыми фруктами... ну, или чьим-то немытым и, судя по всему, грузным телом. Входная дверь была выломана и висела на одной петле. По прихожей и гостиной словно прошелся смерч. На полу валялись останки пугал. По одному из столиков как следует потоптались, кресло перевернули, часы разбили. Повсюду — проломленные и раздавленные тыквы. Впрочем, изувеченного тела Томми, к счастью, средибитых стекол и обломков мебели не оказалось — там вообще не было никаких тел. Брат с его дружком просто испарились, попутно разгромив полдома.

Вот что бывает, если оставить малышню без присмотра! Видимо, тот нелепый мужчина в очках, которого мама нашла мальчишкам в нянъки, не уследил за ними. Как там его звали? Кажется, Бэрри...

— Томас, куда ты запропастился? Черт!

Кристина метнулась к лестнице, надеясь найти брата в его комнате.

Оказалось, что мамины гости добрались и до дома — устроить кошмарный кавардак в саду им показалось мало. Первое тело встретилось девушке еще на лестнице. Прямо на ступенях кверху ногами лежал немолодой смуглый человек в вечернем темно-красном костюме. Его шея была неестественно искривлена, а пустые глаза стеклянно уставились на Кристину. «Посол какой-то там откуда-то там...» — припомнила молодая ведьма.

Прокочив мимо мертвеца, девушка ринулась наверх. Времени было мало. Мама велела найти Томми и увести его из дома подальше от того, что творилось сейчас в Крик-Холле. Как будто уже не поздно! И о чем она думала раньше?

К примеру, тогда, когда только лишь затевала весь этот кошмар! Хотя какое уж там здравомыслие. Кажется, она окончательно свихнулась.

«Чего она ждет от меня? Что я убью ее?» — подумала девушка, вспомнив последние слова матери.

Кристина оказалась в коридоре второго этажа. Сейчас он походил на длинный мрачный туннель, освещенный лишь одинокой лампой в конце. Она ринулась было к комнате брата, но услышала хрип над головой. Девушка подняла взгляд и отшатнулась. К потолку коридора был гвоздями приколочен человек. Кристина узнала его: горбун Тачбоун, мерзкий тип с дурными манерами. Он хрюпал и пучил глаза. Кровь растекалась вокруг него по потолку, как по полу, — невзирая на все законы физики, она не спешила капать вниз. Горбун был уже мертв, хотя отчаянно пытался выглядеть так, словно ему еще требуется помощь.

Кристина с трудом подавила приступ тошноты и поспешила к комнате брата. Томми там не было.

— Где же ты? Куда ты делся?!

Она уже собиралась вернуться в сад и «обрадовать» мать, что Томми исчез, но тут внезапно возникшая в голове мысль заставила ее остановиться — Кристина не могла бросить здесь не только Томми. Ноги сами понесли ее наверх.

— Папа!

Дверь на чердак, как ни странно, была распахнута настежь. На полу виднелся полуустертым круг, начерченный мелом. Зеркала, само собой, там уже не было.

Кристина надеялась, что отец, ускользнув от Кровавой Мэри, все же как-то сумел выбраться. Иначе как тогда оказалось, что его место в отражении занял дядюшка Джозеф?

Виктор пытался ей рассказать что-то о плане тетушки Скарлетт, но она была тогда слишком зла, чтобы слушать брата. Проклятье! Что же делать? Может, Скарлетт успела вытащить отца из зазеркалья перед тем, как она... как ее...

Комната Скарлетт встретила Кристину тишиной и пустотой. Окно было открыто, соленый морской ветер трепал занавески. И это при том, что за окном не было больше никакого моря: со смертью Скарлетт ее чары развеялись. На зеркале гардероба алела надпись: «*Жди меня там, где бушует море. Я буду там...*»

«Он ее дождался? — взволнованно подумала Кристина. — Она вызволила его?»

Девушка уже собиралась покинуть комнату и продолжить поиски брата и отца, когда кое-что привлекло ее внимание. Она поняла, что отражение в овальном зеркале туалетного столика какое-то неправильное. Нет, в нем она увидела комнату и окно, но на полированном стекле застыло будто бы совершенно другое время этой самой комнаты. Там за окном клубились тучи и можно было различить черные валы накатывающих на дом волн. Там море бушевало по-прежнему. И тут Кристина вдруг поняла, что странная тень у окна — не что иное, как человеческий силуэт, почти растаявший, едва очерченный. Это был мужчина. Она вдруг узнала эту сутулую фигуру.

— Папа? — позвала Кристина.

Гарри Кэндл не ответил, и дочь бросилась к зеркалу. Она прикоснулась к нему, но ощущила лишь холодное стекло. Девушка принялась стучать и звать. Отец не обращал на нее внимания.

Кристина вдруг заметила, что у окна стоит еще кто-то. Невысокая коренастая фигура в полосатом костюме. Незнакомец схватил отца за руку и подтянул ближе к окну. Кристина зажала рот руками от нахлынувшего на нее ужаса.

Гарри Кэндл ничего не замечал. Он вел себя так, будто все происходит лишь по его желанию. Обернувшись, папа что-то произнес, глядя мимо дочери.

Мерзкий незнакомец в полосатом костюме с невероятной для его комплекции грацией одним движением вспрыгнул на подоконник. Он схватил Гарри за рукав и потянул на себя.

— Папа, сделай же хоть что-то! — Слезы навернулись на глаза девушки. — Пожалуйста...

Гарри Кэндл вдруг словно услышал ее. Он поглядел в зеркало. Кристина с надеждой прильнула к стеклу, и тут до нее донеслось: «Прощайте...»

Коротышка затащил отца на подоконник и столкнул в открытый проем окна. После чего перегнулся через край рамы, чтобы оценить содеянное. Очевидно, удовлетворившись зрелищем, он потер руки и повернул голову. С ужасом Кристина поняла, что у него нет глаз — на их месте зияли два жутких черных провала глазниц.

Долго «любоваться» этим кошмаром Кристине не пришлось: незнакомец спрыгнул с подоконника на пол и исчез из поля зрения. Отражение в зеркале посветлело... В какой-то момент Кристина осознала, что глядит на себя. Она была похожа на огородное пугало, но сейчас это ее нисколько не заботило. Молодая ведьма прикоснулась к стеклу и одними губами произнесла:

— Папа...

Слезы потекли из глаз, размазывая фиолетовую тушь по щекам. Кристина поняла, что самое страшное уже свершилось. Что сделать ничего нельзя. А увиденное только что — это лишь нечто вроде отпечатка памяти, оставленного Гарри Кэндлом для его детей.

Вместо записки. Вместо предсмертной записи...

Какое-то шевеление сбоку привлекло внимание девушки. Она обернулась. Прямо из зеркала гардероба Скарлетт, словно из другой комнаты, вышло небольшое существо, неслышно ступая на мягких лапах.

— Кренделек?

Кот повернул к ней голову. Его повязка куда-то исчезла.

Кристина отшатнулась. Оба глаза у животного отсутствовали, на их месте зияли черные прогалины глазниц с запекшейся кровью по краям. Кот, который всегда был таким

лапочкой, сейчас выглядел на удивление отвратительно, и дело было не только в отсутствии глаз. Он и на кота-то смахивал лишь отдаленно. Полосатая шкура напоминала костюм, да и сам домашний питомец походил на какого-то мерзкого, зачем-то вставшего на четвереньки человека. Кристина бросила короткий встревоженный взгляд на зеркало. Она все поняла.

— Что ты сделал? — выдавила из себя девушка.

Но кот явно не собирался вступать в дискуссии — он направился в ее сторону. Всем своим наглым и вальяжным видом он будто бы говорил: «С дороги, глупая курица!»

Коннелли скрылся за дверью, а Кристина так и не смогла ничего сделать. Даже остановить его. Но что бы она предприняла? Задушила бы хвостатого мерзавца? Свернула бы ему шею?

«Мама! Что ты натворила! Неужели ты так его ненавидела? — Отчаяние заполонило ее сердце. — Неужели так не-навидела, что даже после всего произошедшего не смогла оставить его в покое? Или же, наоборот, так его любила, что предпочла убить, лишь бы не отпускать и не делить ни с кем?»

Кристина покинула комнату Скарлетт Тэтч. Она чувствовала себя совершенно потеряянной. Весь ее мир за какие-то два дня сперва наполнился безумием и хаосом, а после и вовсе рухнул в пропасть. Зазеркалье. Кровавая Мэри. Этот проклятый шабаш... Гибель, отчаяние и смерть. Вот ведь вышел праздничек! Кто бы мог подумать! Отец сгинул в глубине отражения. Дядюшка Джозеф убит. Тетушка Скарлетт мертва. Марго больше не Марго. Неизвестно, что с Виктором. Томми пропал. Тетушки сбежали. Мать обезумела. Бабушка исчезла. Дороти умерла. Дом и сад полны мертвцев. И все это не считая вещей, которые и вовсе не способны уложиться в голове нормального человека: заговоры, жертвоприношения, ритуальные убийства. Неудивительно,

что Виктор постоянно их всех в чем-то подозревал... Они хотели убить Сашу, а когда не вышло, попытались заменить ее новой жертвой. Как оно все просто делается у ведьм и колдунов!

Кристина вдруг подумала, что не хочет быть ведьмой. Кем угодно, только не ведьмой. С нее хватит. Она сделает то, что велела мать. Она отыщет брата. А после отправится на Можжевеловую улицу и скажет о своих чувствах Джонни Кирни, и плевать на страх, плевать на его мамочку, как, впрочем, и на собственную, плевать на все остальное, потому что, не сделай она этого сейчас, другой возможности может и не выпасть. А потом... Она не вернется в это проклятое место. Да и куда возвращаться: семьи больше нет, вчерашняя нормальная жизнь теперь кажется полузабытым сном, а мать Дороти до сих пор думает, что ее дочь отмечает праздник у подруги... Хэллоуин удался!

Одна из дверей в коридоре была приоткрыта. За ней раздавались какие-то звуки. Кристина поспешила на шум: быть может, это Томми? На двери на одном гвозде висела табличка с надписью «Рэммора». Старая тетушка спальня... Но ведь она всегда заперта!

— Томас!

Кристина распахнула дверь и залетела в комнату. Открывшееся ей зрелище было настолько неожиданным и отвратительным, что она застыла на месте. И это при том, что после праздничного ужина и всех последующих событий казалось, что ее больше ничто не способно удивить!

Почти все место в старой тетушкиной спальне занимала огромная, жирная... жаба. Воняло от нее так, словно Кристина, переступив порог комнаты, оказалась в сердце торфяного болота. Обрюзгшее, бесформенное тело чудовища напоминало бугристый камень, его покрывали вздутие бородавки. Брюхо жабы изошло складками, и их там, казалось, было больше, чем в цыганском аккордеоне. Из широкой пасти

твари торчали чьи-то ноги в клетчатых брюках и лакированных туфлях.

Кристина догадалась, откуда этот монстр взялся, как вырос до таких размеров и кто научил его пожирать людей: праздничный подарочек от тетушки Рэмморы...

«Так вот что ты выращивала здесь, тетушка...» — подумала она.

Жаба водила опухшими выпяченными губами, пережевывая пищу. Складки на ее горле при этом отвратительно дергались, а перепончатые передние лапы пытались затолкать в пасть то, что в нее не влезало. Казалось, монстр был полностью поглощен своей жуткой трапезой.

Узкие горизонтальные зрачки в круглых рыжих глазах неожиданно дрогнули — жаба заметила девушку. Одним судорожным движением обвислой глотки она проглотила человеческие останки. После чего медленно и грузно повернулась к незваной гостье.

— Даже не думай, пузатая уродина, — пригрозила Кристина, медленно попятившись к двери.

Но жаба, судя по всему, как раз подумала. Из ее широкой пасти вырвался длиннющий, покрытый слизью язык. Чудовище вознамерилось изловить девушку, как какую-то муху.

Молодая ведьма увернулась в последний момент. Отпринув в сторону, она успела ударить по жабьему языку наотмашь. От этого прикосновения рукав ее платья и перчатка начали гнить прямо на руке. Но и жаба так просто не отдалась — отпечаток ладони девушки на ее языке стал тлеть, прожигая его насквозь. Тварь угробно заурчала, причем так громко, что, казалось, от этого гула стены вот-вот сложатся внутрь комнаты, а потолок попросту рухнет вниз.

Очевидно, не решившись второй раз использовать обожженный язык, жаба двинулась к Кристине, переваливая брюхо между кривыми лапами. Вид у нее при этом был ужасающий и мерзкий, а еще, как показалось Кристине, ехидный.

Дверь за спиной девушки неожиданно захлопнулась. Путь к спасению был отрезан!

«Очередная подлость тетушки Рэмморы, не иначе!»

Жаба тем временем повела головой и вдруг вместо того, чтобы сделать еще один шаг вперед, подалась назад. Ее тела-са заколыхались, а в рыжих глазах появилось нечто вроде насмешки.

«Она сейчас прыгнет!» — догадалась Кристина и уперлась в дверь спиной. Она боялась даже представить, что ожидает того, на кого приземлится такая туша.

Жабе же, по сути, прыгать было и вовсе незачем — от Кристины ее отделяло не больше шести-семи шагов. Но чудовище, очевидно, вознамерилось просто раздавить девушку и поживиться тем, что останется от ее тела.

Гигантская жаба прыгнула.

«Не была бы ты такой здоровенной, я бы тебя...» — только успела подумать Кристина.

Она смогла лишь вскинуть руки, защищаясь. Но ужасного столкновения так и не произошло. В какой-то миг прямо в прыжке чудовище дернулось и принялось уменьшаться. Буквально за секунду оно превратилось в крошечную, никаколько не опасную с виду зверушку.

Самая обычная жаба запрыгала у ног Кристины. Явно оскорбленный столь неподобающим обращением с собой, бывший монстр заквакал, но теперь его мнения в расчет никто брать не собирался — отныне самое место ему было в обувной коробке.

Но у Кристины не было желания искать коробку.

— Вот тебе, мразь, — сквозь зубы проговорила она и наступила на жабу каблуком.

Раздавленный комок мяса и слизи расплылся грязным пятном по полу. Должно быть, тетушка Рэммора была бы весьма раздосадована тем, как ее выкормыш закончил свои дни, но Кристину ее мнение нисколько не волновало. Она

мстительно подумала: «Пусть тетушка радуется, что на нее саму никто пока что не наступил».

Кристина удивленно поглядела на свои руки. Ее пальцы были словно сотканы из дыма. И пусть они прямо на глазах снова обретали плоть и свой прежний цвет, она была поражена. «Осторожнее с мыслями и поменьше маши руками, Крис», — подумала девушка.

Мимо окна промелькнула тень, и Кристина подошла к нему, выглянула в сад. Все кругом было затянуто дымом. Пожар во флигеле был потушен. Члены ковена больше не дрались между собой: вспышки заклятий погасли, крики стихли. Тишина сада была поистине пугающей.

В полном безмолвии в воздух поднялись метлы. На них восседали, держа в руках фонари, несколько ведьм и колдунов — все, что осталось от ковена Тэтч. Среди них была и Корделия Кэндл.

— Ну уж нет, — сказала Кристина. — Никуда ты не полетишь... без меня.

— Рэммора, впусти! — раздался отчаянный крик с улицы. — Они нас сейчас убьют! Впусти!

Но Рэммора Кэндл и не думала снисходить до открывания дверей. По правде, сейчас она и не смогла бы этого сделать, поскольку сама лежала на полу в комнате Софии Кроу и кричала от невыносимой боли. Ее руки (в запястьях) и ноги (в лодыжках) были сломаны. Кости торчали из ран окровавленными обломками. Волосы ведьмы вросли в пол, и она не могла даже чуть-чуть пошевелить головой без риска вырвать их. Ее лицо было покрыто растекшейся тушью, слезами и кровью перемешку с каминной сажей. Создавалось ощущение, что ведьму несколько раз с силой ударили лицом о все тот же пол...

Примерно так все и произошло на самом деле. Рэммора пыталась защищаться, но она столько лет была связана

нитями подлой наставницы, что едва ли помнила, как управлять своими былыми силами. Она ничего не смогла противопоставить матери, которой и в свои лучшие годы не была ровней. Ни один из оберегов Рэмморы не помог — все те колдовские безделушки, которые она вплетала в волосы, надеясь, что за ней всегда останется последний аргумент, против матери на деле и оказались лишь безделушками.

Сжимая в худых морщинистых пальцах куклу, сплетенную из волос дочери, Джина Кэндл легко подчинила себе ее тело. Улыбаясь и всем своим нарочито милым видом выказывая материнскую заботу, старуха принялась безжалостно ломать кости Рэмморы, словно те были всего лишь спичками в ее пальцах. Первой хрустнула кость в левой ноге, следом — в правой. Дочь рухнула и попыталась извернуться, чтобы достать мать: заклятием выбить пол у той из-под ног, а затем оживить камни камина и завалить ее ими, но она не успела. Ее кисти вывернулись с треском ломающихся на шквальном ветру сучьев.

— А это чтобы нос не задирала, — сказала мама, и нос дочери хрустнул, жутко переламываясь.

Рэммора была побеждена, более того, повержена и раздавлена. Ее волосы начали врастать в пол, и сквозь невыносимую боль ей оставалось лишь горько сожалеть о всех тех насмешках и оскорбленииах, которым она подвергала свою немощную мать долгие годы, полагая, что та ничего никогда ей за это не сделает. Как же она ошибалась!

— Ты ведь никуда не сбежишь, доченька? — со змеиной добротой спросила Джина. — Наш разговор далеко не закончен, но время, увы, не терпит. Не наше с тобой время, а время в целом. Я должна заняться кое-чем намного более важным, чем твое воспитание. Скоро к нам явятся гости, и мне нужно будет сыграть роль очень-очень негостеприимной хозяйки. Затем, когда мой план будет исполнен, а Человек в зеленом сядет на цепь, я отышу Корделию и верну нашу

славную Мэг — негоже сестрам вот так разбегаться в разные стороны. Ну прямо мыши из горящего дома! Подумать только! Что бы сказала ваша бабка, если бы она все это видела? То-то же. Да и бедную девочку нельзя забывать. Наша Кристина, наша замечательная наследница, которая возродит величие рода Кэндл... И уж можешь поверить, я все сделаю, чтобы Корделия и вы двое передали ей все, что у вас есть. Никуда не уходи, я скоро вернусь. И полночь не успеет завершиться...

Рэммора услышала шаги и скрип половиц, после за скрипели дряхлые ступени лестницы. Мать направлялась вниз. Рэммора знала, куда именно та идет, несмотря на то что старуха не стала делиться планами со своей непутевой дочерью. Ведь именно ради этого места младшая сестра Кэндл так расстаралась, пытаясь заполучить Гаррет-Кроу. Именно туда она думала отправиться сразу же после побега с шабаша.

Мать была права. Рэммора с самого начала пыталась играть против Корделии. Кто-то назвал бы это обыденным сестринским соперничеством, кто-то — завистью. Но по правде дело было в отношении к ней сестры. Рэммора считала: уж лучше пусть весь мир вывернется наизнанку, чем она вытерпит хотя бы один лишний день чертового самодовольства этой рыжей.

Рэммора манипулировала одной из тварей Иеронима, другую и вовсе уничтожила прямо на глазах у недалекой Меганы, лишь бы она не досталась Корделии. В том, что сестра так не вовремя лишилась заготовленной жертвы, была сугубо ее заслуга, ведь именно она, хитроумная Рэммора Кэндл, подсказала Вороне, что нужно делать. А затем с усмешкой наблюдала за тем, как соплячка Джелия Хоуп, явно натасканная Скарлетт, пытается избавиться от Кристины, чтобы одним махом разрушить и Крестовину Линар, и Триединую Линию.

Да, Рэммора Кэндл рассыпала слишком много острых кнопок по всему Крик-Холлу. А ее интриги в самом ковене! Она пестовала тщеславие Селен Палмер, уверила Джелию, что Корделия ни за что не оставит ее Девой после захвата власти, указала Грэггсону на Мими, надеясь, что это подточит Мегану, а значит, и саму Корделию. Она сеяла рознь, обливая за глаза грязью одних, чтобы в следующий момент поддержать их против других. Это она уверяла мистера Грина тайком, что он может в открытую выступить против Корделии, и обещала ему собственную защиту от Меганы: иначе этот трусливый хлыщ не решился бы и слова сказать поперек новой хозяйки ковена. А как она постоянно подставляла Джозефа, этого надутого индюка — ей даже почти удалось уговорить его разбить зеркало с Гарри внутри!

Рэммора Кэндл отравила ковен Тэтч змеиным ядом — и все прошло, как она и хотела. Шабаш сорван, ковен погряз в междуусобице, планы сестренки канули в небытие, и попытка пленения Иеронима вышла Корделии боком. А она, Рэммора, самолично предоставила Иерониму свободу, усыпив Виктора раньше времени.

Оставалось только убраться на безопасное расстояние и затаиться, воспользовавшись своим козырем. Гаррет-Кроу... С виду просто старая развалюха, хоть и подчиненная древним колдовским законам. Но важнее вовсе не сам дом, а то, что находится в его подвале.

Рэммора полагала, что, когда Иероним захватит город, а Корделия проиграет, она сможет выторговать у нового повелителя для себя если не почетное место подле него, то хотя бы обещание сохранить ей жизнь и свободу. И все так прекрасно складывалось! Пока мамочкине не вздумалось так не вовремя объявиться! Старуха ее опередила. И вот теперь та сама направляется в подвал, а это значит, что все попытки Рэмморы помешать Корделии вскоре окажутся напрасными.

Что может быть хуже: именно Джина Кэндл подчинит себе Иеронима — какие уж там свобода и жизнь...

— Рэммора! — раздалось очередное истощенное с улицы.

«Нужно ей помешать! — сквозь боль пронеслось в голове Рэмморы. — Помешать! Не дать воплотить задуманное! Но как? Как?»

— Рэммора!

И тут Рэммора Кэндл поняла, что нужно делать. Силы почти покинули ее, она была изувечена и скована, но ей хватило бы и жалкой крохи былых возможностей, чтобы сделать простейшую вещь, на которую способна ведьма... одной только крохи... И Рэммора Кэндл начала искать в себе эту кроху...

...Клара Кроу уже сорвала голос, пытаясь докричаться до этой проклятой эгоистичной женщины. Она надеялась, что раз Рэммора играет против сестер (а ее интриги перестали быть секретом еще в тот день, когда она обсуждала их с матерью Клары), то сжалится хотя бы из желания лишний раз насолить Корделии.

Но не тут-то было. Только наивный или отчаявшийся человек стал бы ожидать от Рэмморы сочувствия. Должно быть, эта мегера сейчас устроилась в доме с удобством, как в ложе театра, и, тайком выглядывая в одно из выходящих на улицу окон, смотрит бесплатное представление, которое разворачивается у порога...

Гаррет-Кроу был окружен. Часть солдат ковена Тэтч зависла в воздухе, а часть приземлилась и спешилась. Серые застыли, выжидая: они понимали, что бежать ей больше некуда.

Клара закрыла собой безмолвную Сашу и приготовилась дать преследователям последний бой. Она швырнула книгу по истории Шотландии на землю. На самом деле эта книга просто прикидывалась учебником, а ее подлинная тайная

и страшная суть к Шотландии не имела никакого отношения — она просто пряталась под этой пурпурной обложкой с изображением чертополоха.

— Морриган! — закричала Клара, призывая самую страшную из тех, о ком рассказывал ей когда-то дедушка. Еще будучи городской сумасшедшей Вороной, она представляла ирландскую богиню войны своей покровительницей, и сейчас, в момент отчаяния, ведьма Кроу понадеялась, что та вспомнит о ней, защитит. — Великая королева ворон! Помоги мне! Обруши войну на меня! Обруши войну на меня! Обруши войну на меня! Морриган!

Клара запрокинула голову и с мольбой впилась взглядом в ночное небо. Мгновения утекали, но ничего не происходило. Морриган не пришла. Вероятно, ей просто не было дела до жалкой ведьмы, которая даже не является ирландкой.

Клара Кроу в отчаянии сжала кулаки — она так надеялась на эту книгу, искренне веря в то, что ей рассказывал о ней дедушка: в то, что это не просто старый исторический том с потертым переплетом. По его словам, «*История основания королевства Шотландского. Правда-Полуправда-Вымысел*» представляла собой ведьмовской артефакт, созданный еще во времена гоблинских войн. Дедушка говорил, что эта книга досталась ему от его деда, а тот получил ее от одного из гоблинских королей с острова Мэн, который, в свою очередь, клялся, будто заключил в нее один из снов самой Морриган. Клара никогда не расставалась с этой книгой. Ни мать, ни банковские агенты не смогли ее забрать. Дедушка уверял, будто в этом крошечном обрывке истории кроется великая сила, но теперь Клара убедилась, что грош цена его сказочкам, ведь в самый трудный момент вся эта «великая сила» обернулась ничем.

Клара Кроу, как и прежде, стояла, нелепо закрывая дочь от тех, кто пытался ее забрать. Никто так и не пришел на помощь,

а ответом на ее наивные призывы стал лишь раздавшийся над головой злорадный смех.

Внезапно прозвучала резкая, отрывистая команда, и Серые единным жестом вскинули колдовские веретёна. Еще одна команда — и солдаты ковена начали что-то громко выкрикивать. В тот же миг порывы злобного ветра ударили в стены Гаррет-Кроу. Ветер лишь краешком задел Клару, но он был такой силы, что ей показалось, будто оторвало руку, — и тем не менее она поняла, что это всего лишь нечто вроде предупредительного залпа.

Стена дома за спиной ведьмы начала стремительно зарастать плющом, и вскоре входная дверь полностью под ним исчезла. Зеленые лозы потянулись во все стороны, на них распустились листья. Гаррет-Кроу защищался от чужого колдовства...

Из строя парящих у второго этажа Серых вылетел стариk с серебряными бакенбардами. От простых солдат ковена его отличали наброшенный на одно плечо багровый плащ и алые перчатки.

— Враный дом! — воскликнул он, глядя на особняк. — Я помню это место. Именно здесь эссеckие ведьмы и колдуны дали бой клану Ратте! Я был здесь на стыке веков, мы бились с кайзеровскими ведьмами и одолели их всех! Где-то на этом пустыре все еще ржавеют обломки цеппелина, на котором они прилетели!

Клара глядела на него, задрав голову. Стариk опустил взгляд и уставился на нее. Его губы расползлись в улыбке.

— Я узнаю тебя, девочка! Ты совсем не изменилась, хоть и прошло столько лет! Вряд ли ты меня помнишь...

— Фердинанд Фирч! — воскликнула Клара. Она узнала его. — Это вы сбили их цеппелин!

Стариk кивнул.

— Клара, дочь Софии, Верховной ведьмы ковена Кроу... Ты не сражалась вместе с нами... Мадам Кроу заперла тебя — она

не хотела рисковать дочерью, ведь так надеялась на Триеди-ную Линию...

«Надеялась, да, — с ненавистью подумала Клара. — Так надеялась, что разорвала кровные узы между мной и моей дочерью, предпочтя будущему своей семьи запереть заклятого врага, Джину Кэндл...»

Фирч втянул носом воздух и покачал головой.

— Я чую. Софии Кроу больше нет в живых. От великого рода ничего не осталось, кроме... кроме... мадам Кроу... — Он дернул головой, словно вспомнил, зачем сюда прилетел. — Сдавайтесь, мадам Кроу! Не дайте вашему роду угаснуть сегодня!

Клара стиснула зубы. Она глянула на застывших неподалеку Серых: их лица были напряжены, а концы веретен в руках алеши, будто их накалили на жаровнях. Клара подняла взгляд — солдаты ковена, сидящие на метлах, направляли свои веретёна на нее.

— Вы хотите, чтобы я сдалась?! — воскликнула она. — Корделия убьет меня!

— Вы нам не нужны, мадам Кроу! Нам нужна лишь ваша... — Фирч снова принюхался, — ваша спутница. Несуместно было бы называть ее вашей дочерью, ведь она вам больше не дочь!

— Она моя дочь! — закричала Клара. — И всегда была ею! Я не отdam ее вам! Не позволю принести ее в жертву!

Фирч склонил голову — очевидно, он и не ждал другого ответа.

— Что ж, тогда прошу простить, мадам! Карливерелл!

Как только прозвучал приказ, все Серые ударили одновременно. Веретёна заплясали стремительные танцы, и с них сорвались овеществленные заклятия.

Клара дернула рукой — и валявшийся в грязи пустыря перед домом мусор взмыл в воздух. Трухлявые чемоданы, колеса со сломанными спицами, погнутые фонарные столбы — все

это приняло на себя удар, разлетаясь в щепки, оплавляясь, превращаясь в пыль.

Серые не прекращали бить. Они двигались лаконично и четко: делали шаг, выпад веретеном, еще один шаг и новый выпад. Те, что сидели на метлах, наносили удары сверху, пытаясь достать Клару и разбивая возникающие между ней и ними гнилые ящики, расколотые горшки и ржавые птичьи клетки.

Кругом гремели взрывы и на куски разлетался пустырный мусор...

— Аверден! — крикнул Фирч, и его солдаты на метлах изменили тактику. В то время как пешие Серые, приближаясь к Кларе и замершой рядом Саше, продолжали атаковать, они принялись разметывать в стороны защищающий ее старый хлам.

Заклятия подступающих по пустырю солдат ковена начали достигать цели. Земля у ног загнанной женщины вспенилась, разлетаясь комьями во все стороны. Клара пятилась. Ей повезло, что нападавшие по-прежнему не желали ее убивать — Корделия велела взять Сашу живой, а Фирч, видимо, решил притащить ведьме Кэндл и ее похитительницу.

И все же она ошибалась: Клара Кроу им была без надобности. Сам Фирч в какой-то момент доказал это. Он сделал волнистый жест рукой — и с тонкой алой перчатки сорвалось рыжее пламя, старый колдун тут же подхватил его веретеном, заплел и, сделав выпад, направил огонь в прореху между летающими вокруг Клары Кроу чемоданами и прочим мусором.

Струя пламени с ревом, будто по трубе, устремилась к ведьме.

Клара успела заметить это в самый последний момент и дернула пальцем — две взметнувшиеся в воздух перед ее головой ржавые клетки приняли на себя часть пламени, но все остальное прошло сквозь прутья.

Ведьму отшвырнуло к двери. Чудовищный жар обдал ей лицо и руки, обуглил волосы и ресницы. Если бы мать все детство не учила ее, как не гореть в костре (София Кроу из-за свойственной ей паранойи опасалась возвращения инквизиции и охотников на ведьм), сейчас от Клары остался бы лишь пепел.

Окутанная черным дымным облаком ведьма Кроу спиной прислонилась к двери — плющ возмущенно зашелестел. Саша замерла рядом — к счастью, ее не задело, — удар предводителя Серых был точен и меток. Защищавший Клару хлам безжизненными грудами свалился в грязь.

Она уставилась на солдат ковена, которые были уже в нескольких шагах от нее. Вот они вскидывают свои веретёна и...

— Карам! — раздался сверху приказ, и Серые застыли, нацелив свое колдовское оружие в голову Клары.

— Мадам Кроу! — воскликнул Фирч. — Вам не выстоять! Вы одна! Нас дюжина! Заклинаю вас, отойдите в сторону! Я не хочу вас убивать, но, если придется, сделаю то, что должен!

— Я не отдам дочь!

— Вы не спасете ее, и род Кроу, которому я когда-то служил, погибнет с вами! Не заставляйте меня прерывать его!

— Будьте вы прокляты! — истошно закричала Клара. — Будьте вы все прокляты!

Фирч покачал головой.

— Я слышал... до меня доходили слухи, что вы сошли с ума, мадам. Теперь я вижу: это правда. Вас поглотило безумие. А это значит, что Кроу больше нет. Прощайте, мадам Кроу. — Лицо старика будто заплыло воском — любые проблески жалости исчезли из его глаз, и он отдал приказ убить: — Мортерри!

Клара рассмеялась.

«Безумие? Что ж, он прав — это и правда безумие... а я... я умею быть безумной...»

«Мадам Кроу» затряслась, вонзила пальцы в волосы и вдруг стала напоминать себя прежнюю — городскую сумасшедшую

Ворону. Она пронзительно закаркала. Тут же послышался многоголосый ответ. Десятки черных птиц, вылетев из чердака Гаррет-Кроу, устремились на зов. Смоляным вихрем они облетели дом и набросились на тех Серых, что сидели на метлах. Солдаты ковена вскинули веретёна, защищаясь.

Половина стаи ринулась вниз и устремилась к Саше. Девушка не сопротивлялась и всего за мгновение оказалась полностью накрыта чернооперенным плащом.

Дочь была в относительной безопасности, и, убедившись в этом, Клара подняла руки и сжала кулаки перед собой, а затем резко дернула ими, будто управляя рулем автомобиля, совершающего крутой вираж.

Стоявший неподалеку «Змей» ожил, заревел и ринулся на стоявших рядом Серых, разбрасывая их в стороны. Его капот, радиатор и кузов покрылись кровавыми брызгами: колеса раздавили череп одного из нападавших, двое других лежали в грязи, безвольно раскинув конечности.

Отбившись от ворон, четверо всадников на метлах ринулись на обезумевший автомобиль, поливая его огнем и выращивая под колесами железный терновник.

Фирча объяла пламенная сеть, и пытающиеся достать его клювами и когтями воробы попадали на землю обугленными тушками. Предводитель Серых сорвал с руки перчатку. Все пять его ногтей в тот же миг вылезли из пальцев и, свернувшись в полете в острые когтяные иглы, устремились к Кларе.

Ведьма попыталась увернуться, но часть ногтей-игл достигла цели и впилась ей в лицо: две прошили насквозь щеку, еще одна вонзилась в нос, другая — в губу. Крича от боли, Клара вырвала из лица мерзкие занозы, а затем призвала одну из метел, валявшихся на пустыре. Вскочив на нее, она оттолкнулась от земли и взмыла в воздух.

Внизу бесновался «Змей», злобно сверкая круглыми фарами и расшвыривая из-под колес грязь и части тел. Но Клара

этого не видела: она неслась на одного из солдат ковена. Тот сделал выпад — и с веретена сорвалось заклятие.

Клара крутанулась винтом, и струя черной смолы прошла над ней, прямо сквозь то место, где только что была ее голова. Пронесвшись мимо Серого, Клара коснулась его плеча кончиками пальцев — и тот задергался, покрывшись гниющими зелеными язвами, рука выпустила метловище, и колдун с криком сорвался вниз. Полет был недолгим — приспешник Фирча рухнул на землю, превратившись в окровавленную груду костей и мяса в изорванном мундире.

Но и Серые не случайно звались солдатами ковена: веретёна замельтешили, прядя смертоносное колдовство, огненные вспышки стали разрываться рядом с Кларой со всех сторон — никто ее щадить больше не собирался. Клара носилась над Гаррет-Кроу: то пикировала до самой земли, то вздымалась вверх. Одно из заклятий, выпущенных кем-то из Серых, попало в другого, когда Клара резко нырнула вниз: лицо бедолаги исчезло — кожа затянула глаза, нос и рот...

В какой-то момент перед ней оказался Фирч. Клара остановила метлу и замерла в воздухе. Стариk держал наготове веретено, выжидая, что она предпримет. Конец веретена заалел. Но Клару испугало не это. Буквально оцепенеть ее заставил злорадный взгляд Фирча, направленный куда-то за ее левое плечо.

Клара обернулась. К Гаррет-Кроу летело множество ведьм, и они были уже близко. Со стороны главной улицы приближались дорогие автомобили. Видимо, Корделия прислала подкрепление своим охотникам. Клара могла различить детали одежд, даже лица. Вон — старуха в черном, злая ведьма, наставница самой Корделии, вон — колдун с высокой прической денди и бледным перекошенным лицом, вон — молодая Джелия Хоуп с омерзительной ухмылкой на тонких, как волос, губах...

— Дело плохо, верно? — усмехнулся главарь Серых.

Фирч поднял руку, пасть на его ладони раскрылась, обнажив клыки, и он направил метлу на Клару. Той удалось увернуться лишь чудом, но при этом прутья стегнули ее по спине — хребет словно обдало кипятком.

Сжав зубы, Клара вырвала из головы клок спутанных волос и швырнула его в сторону врага. Волосы ожили, стали виться и расти, они устремились к метле Фирча. Коснувшись прутьев, выющиеся пряди начали оплетать их, стягивать, ломать и завязывать в узлы. Метла перестала удерживать главаря Серых в воздухе — бесполезной деревяшкой она полетела на землю, а с нею и ее всадник. Но Фирч вдруг вытворил нечто действительно невозможное: падая и переворачиваясь в воздухе, он умудрился вызвать метлу одного из своих убитых подчиненных. Стариk схватил метловище в паре футов над землей и вскочил на него, выкрутившись и изменив направление полета в самый последний момент.

Схватка Фирча и Клары дала подкреплению Корделии время, чтобы приблизиться на расстояние удара заклятием. Ведьмы атаковали, и черное небо над Гаррет-Кроу расцвело рыжим заревом.

Какое-то время Кларе удавалось уворачиваться, ускользать, но в один миг двое Серых появились будто из ниоткуда. Они оказались с обеих сторон и зажали ее между собой. Колдуны схватили ее: один — за плечо, другой — за запястье. Клара взвыла от боли: клыкастые пасти у них на ладонях вгрызлись в ее плоть, пережевывая кожу и заливая раны обжигающей слюной.

Тем временем внизу вышедшие из дорогих автомобилей колдуны и ведьмы разламывали беднягу «Змея». Другие осипали кокон из ворон железными крючьями и поливали его огнем, намереваясь добраться до Саши. Вороны истошно каркали и горели, их становилось все меньше...

— Сюда! — прокричал один из Серых, тот, что поедал запястье Клары. — Мы взяли ее!

К ним ринулось несколько ведьм на метлах. Клара кричала и билась, но не могла высвободиться из цепкой хватки.

«Вот и все, — с отчаянием подумала она. — Вороне воронья смерть...»

Ветер вдруг подхватил страницы лежащей в грязи забытой всеми книги в пурпурной обложке и начал неистово листать их одну за другой, будто очень быстро прочитывая. В шелесте бумаги послышался тянувшийся шепот: «Мо-о-орри-ига-а-ан...», но Клара не слышала его — она была слишком далеко.

Вскоре книга была «дочитана», захлопнулась, и вся *«История основания королевства Шотландского. Правда-Полуправда-Вымысел»* обратилась в пыль. Часть этой пыли впиталась в землю, часть поднялась в воздух.

Тучи над Гаррет-Кроу разрослись и почернели, закрывая луну. В вышине блеснула молния, гром удариł, как набат, и начался дождь. Вернее, Кларе показалось, что это пошел дождь.

Кусок заточенной стали, вырвавшийся из тучи, со свистом вонзился в одного из Серых, державших Клару. Удар пришелся ему в ключицу — неизвестно как появившийся здесь ржавый меч пробил колдуна до основания хребта. Второй Серый поглядел вверх и, пораженный, сам отпустил пленницу.

Получив нежданную свободу, Клара едва не свалилась с метлы. Она не могла как следует схватиться за метловище — вместо левого запястья было кровавое месиво, другая рука повисла плетью. Ведьма Кроу с трудом удержала равновесие. Она попыталась понять, что же так испугало пожиравшего ее Серого и, выровняв метлу, посмотрела вверх.

Над пустырем Гаррет-Кроу пошел дождь из мечей. Стальные клинки падали тут и там, со свистом вонзаясь в землю, в крышу особняка и в людей. Некоторые ведьмы успели сотворить колдовские зонтики, и мечи соскальзывали по ним, отскакивая в стороны.

Но это было еще не все, что вышло из книги. Из земли стал стремительно расти чертополох. Прямо на глазах он затянул собой весь пустырь. Раскрывающиеся пурпурные цветки, будто головы голодных существ, начали поворачиваться на колючих стеблях, выискивая, кем бы поживиться. Всего за несколько мгновений щедро поливанный дождем из мечей чертополох разросся так обильно, словно его специально выращивали здесь лет двадцать. Он поднялся уже на два-три фута и все продолжал расти.

Чертополох начался затягивать автомобили, на которых прикатили ведьмы и колдуны, не гнушался он, впрочем, также и самих ведьм и колдунов. На какое-то мгновение Кларе показалось, что там, внизу, среди высоко поднявшихся колючих зарослей медленно бредет, словно прогуливаясь, угрюмая черноволосая женщина в зеленом платье, но стоило ведьме Кроу моргнуть, как та исчезла.

«Один из снов Морриган...» — появилась у нее в голове будто подсказанная кем-то мысль.

Не успела Клара обрадоваться, наблюдая за тем, как ее враги страдают от сил, высвобожденных из древней книги, как меч, внезапно вылетевший из очередной тучи, рухнул прямо на нее. Клинок едва не зацепил ее голову, пройдя в трех-четырех дюймах от затылка, и застрял в прутьях метлы у нее за спиной.

Метла тут же начала падать под его тяжестью, а вместе с ней и Клара. Бывшая городская сумасшедшая Ворона поняла: для того, что вырвалось из книги, нет ни своих, ни чужих — оно просто убивает всех, кто попадается ему на пути, без разбора. Да, дождь из мечей и колдовской чертополох помогли ей, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение взяться уже за нее саму или за Сашу.

Клара, как могла, пыталась остановить падение. Последних ее сил хватало лишь на то, чтобы хоть немного его замедлить. Рядом пронесся очередной меч, он пригвоздил

к земле одного из Серых, который в это время отбивался от шипованных стеблей и листьев чертополоха.

Метловище под Кларой болталось из стороны в сторону, и в какой-то миг оно все же сбросило ведьму, но уже возле самой земли.

Клара упала в нескольких шагах от двери и приземлилась прямо на ногу. Она закричала и заплакала от внезапно нахлынувшей острой боли. Едва осознавая, что делает, ведьма поднялась и поковыляла к дому. Она почти не могла двигать поврежденной ногой и лишь подволакивала ее. Кругом все слилось: вспышки, крики, птичье карканье, дергающиеся фигуры со всех сторон.

На пути Клары появилась какая-то престарелая ведьма. Она не обращала внимания на беглянку Кроу, обороняясь от ползущего к ней колючего стебля чертополоха. Клара полубессознательно оттолкнула ее в сторону — и стебель тут же обвил ноги старухи, потянув ее за собой туда, где уже алчно подрагивали голодные пурпурные бутоны. Крик ведьмы потонул в диссонансе прочих криков — криков отчаяния и боли, а также в яростных воплях и ругательствах, раздающихся со всех сторон. Над пустырем вспыхивали и гасли огни, ржавый дождь наталкивался на непробиваемые ведьминские зонты...

Клара наконец добралась до двери. Саша по-прежнему была окутана окровавленным и обожженным, непрестанно шевелящимся покровом из ворон. Ведьма Кроу уже протянула руку, чтобы вытащить дочь из этого раненого кровоточащего кокона, как вдруг над ее головой разорвался огненный бутон, осыпав колышущуюся черную стаю горячими рыжими искрами.

Клара обернулась — к ним шагала Джелия Хоуп, лениво прожигая себе путь через заросли чертополоха. Казалось, ее ничто не могло остановить. Сама Клара, по крайней мере, точно не могла: сил не было даже на то, чтобы притупить боль

в подвернутой ноге или изуродованных руках, как, впрочем, и во всем остальном теле.

— Глупая-глупая Клара Кроу! — издевалась Джелия, демонстративно сложив руки за спиной. Она понимала, что Клара уже ничего ей не сделает. — Глупая Клара Кроу! Столько усилий, и все зря! — Она подошла ближе. Теперь один лишь шаг разделял Деву ковена Тэтч и беглянку Ворону. — Украла жертву из-под носа Корделии — какая наглость, дерзость и просто безумная затея! А может, в этом все и дело? Может, ты просто сошла с ума, глупая-преглупая Клара Кроу?

— Я здесь единственная в своем уме! — со слезами на глазах ответила Клара и схватила Джелию Хоуп за ее идеально уложенные по последней лондонской моде волосы.

Не ожидавшая подобного Джелия закричала, и тут Клара ударила девчонку лицом о дверной косяк. Молодая ведьма упала, замерев на земле, ее утонченное, стильное платье покрылось грязью, а из разбитого носа потекла кровь.

Избавление от мерзкой Девы ковена Тэтч можно было бы назвать небольшой победой, но вот только праздновать было нечего — ко входу в Гаррет-Кроу приближались Селен Палмер и еще несколько ведьм.

— Рэммора! — закричала Клара уже без всякой надежды.

И тут плющ, обвивавший стену дома, вдруг зашевелился, отползая от двери. Сама дверь неожиданно отворилась.

Пораженная, Клара засунула руку в живой кокон из ворон, схватила Сашу за запястье и вытащила ее наружу. После этого она затолкала дочь в открывшийся проход и, волоча ногу, нырнула следом, захлопывая за собой дверь.

Темнота Гаррет-Кроу поглотила Клару.

Томми глядел на бывшую отцовскую фабрику, и ему было действительно страшно. И это даже после всего того, что произошло с ним сегодня.

Когда ты пробираешься по городу, который прямо на глазах — прямо под ногами! — меняет свои очертания, кажется, что хуже уже быть просто не может. Но нет — всегда есть куда хуже!

Стоило только кромешной тьме упасть на город — и Томми совсем отчаялся. Он решил было, что вот и конец его безрассудному предприятию, но тролль уверенно нес его дальше — судя по всему, тот прекрасно видел в темноте.

Затем, когда часы со всех сторон ударили в очередной раз, а свет в глазах тысяч праздничных тыкв зажегся, мальчик увидел, как вытягиваются и изменяются дома со всех сторон, а из фонарных столбов вырастают чугунные ветви. Единственным объяснением происходящему, которое все-таки нашло путь в голову Томми, было то, что все это ему просто мерещится. Мерещилось, правда, пугающе реально. Бессспорно, это была самая жуткая ночь в его жизни...

Тролль нес своего маленького хозяина вниз с холма, передвигаясь широкими шагами. Ветер свистел в ушах, и Томми приходилось крепко держаться, чтобы не свалиться на землю. Монстр был недоволен тем, что его постоянно тянут за уши и стоящие дыбом редкие волосы, но позволял себе лишь глухо рычать, или, скорее даже, просто ворчать: в его памяти отчетливо стояло ненавистное пение металлической канарейки.

Вскоре они оказались в Ивовом районе. Там мальчик впервые увидел выбравшихся в город пугал — двое мерзких тыквоголовых вовсю творили свои беззакония: волокли куда-то какого-то мальчишку (Томми вроде бы узнал красавчика Уилли Паттона, одетого в костюм упыря). Одно пугало держало его за шиворот, другое — за лодыжку. Вместе они открыли дверь одного из домов, зашвырнули внутрь истощенно орущую жертву и заперли ее там...

Пугала были уже повсюду, они отлавливали горожан и расправлялись с ними: тех, кто не сопротивлялся, запирали

в домах, а тех, кто пытался что-то предпринять, избивали своими деревянными кулаками. Со всех сторон раздавались крики и плач.

На одном перекрестке пугалам пытались дать решительный отпор: несколько мужчин подсоединили шланг к уличному гидранту и отбивались от целого отряда скалящихся тварей сильной струей воды. Странно, но у них получалось: пугала шатались и падали. Когда же вода гасила свечные огоньки в прорезях их глаз, они валились на брускатку и больше не поднимались. Томми видел, что к гидранту приближаются паучьи пугала, переползая по крышам и стенам домов на своих многосуставчатых деревянных конечностях. Он хотел предупредить людей, но не успел: тролль быстро оставил их за спиной.

Всего за какой-то миг биения часов, растянувшийся едва ли не на полночи, Томми Кэндл стал свидетелем множества ужасных событий и избежал их лишь благодаря тому, что сидел на плечах огромного рычащего монстра, который походя отламывал головы-тыквы у слишком рьяных, как троллю казалось, пугал. Томми мог лишь надеяться, что у Чарли, то есть мисс Мэри, то есть его тетки Клары, все было в порядке, что она смогла проскользнуть через этот опасный и пугающий город кошмаров.

По ощущениям, прошло больше получаса с того момента, как мальчик и его тролль покинули Крик-Холл, и вот они уже в фабричном районе. Тролль остановился возле ограды «Свечной фабрики Кэндов».

Опасения Томми подтвердились: фабрика изменилась, как и весь город. И также в худшую сторону. Решетка выросла на десятки футов, чтобы уж точно никто не перелез, а сама фабрика теперь скорее походила на собор. Ранее здесь была всего лишь одна башня — ныне все здание вытянулось вровень с ней; под кровлей появились галереи и парапеты с уродливыми горгульями; на остроконечных крышах выросли сотни

труб, укутывающие все кругом в облака чадящего дыма. Над главным входом прорезалось несколько круглых окон, в каждое из которых был вправлен витраж с изображениями пугал, кого-то пожирающих и что-то крушащих. Из витражей на улицу лился слабый рыжий свет — как от сотен умирающих углей, а за самым большим витражом шевелилось нечто черное и громадное.

Но вовсе не это пугало сильнее всего. Из открытых ворот ровными рядами выходили все новые и новые тыквоголовые; они маршировали, скрипя шарнирами и отбивая деревянными ногами по мостовой четкий ритм. Их были десятки, может быть, сотни, и едва теплящиеся огоньки в прорезях треугольных глазниц не предвещали горожанам ничего хорошего. Мерное движение пугал походило на работу шестеренок в большом механизме. Покидая фабрику, тыквоголовые шагали, не замечая ни мальчика, ни даже тролля у дальнего конца ограды. Пугала направлялись вглубь города.

«Армия этого неизвестного Сэра, — ужаснулся Томми. — Их же здесь тысячи...»

Мальчик вдруг подумал о Кларе. Ему отчаянно захотелось ее предупредить, и от невозможности это сделать стало еще страшнее.

Томми сжал кулаки и решительно поглядел на здания цехов.

— Нам туда, тролль, — сказал он. — Спускай меня на землю.

Тролль фыркнул и присел, давая возможность мальчику спуститься.

— Да-да, — покивал Томми. — И только посмей ослушаться. Я натравлю на тебя канарейку — она найдет тебя, где бы ты ни был, ясно?

— У-у-у... — Тролль начал обиженно выть.

— Тише! Нас же услышат эти! — Томми ткнул пальцем в сторону пугал. — Давай, нам нужно пробраться туда. Решетка!

Тролль кивнул и схватился огромными лапами за прутья. Его морда исказилась от натуги, мышцы на руках напряглись, и прутья, мерзко скрежеща, разошлись в стороны, образовав проход. Томми мгновенно нырнул в него. Сверток, который он прихватил из гостиной Крик-Холла, был при нем. Мистер Бэрри остался стоять на той стороне.

— За мной, — велел мальчик и вздохнул: порой этот тролль — ну просто подлинный тролль!

Чтобы проделать проход для себя, мистеру Бэрри пришлось постараться лучше, но вскоре и тролль уже перебрался на фабричный двор.

Томми втайне надеялся, что стоит им оказаться по эту сторону решетки и все изменится — как и в первый раз. Он загадал, чтобы «Свечная фабрика Кэндов» вновь стала обычной, скучной и неинтересной. Куда там! Его ждало разочарование, а этот мрачный собор с десятками коптящих труб остался прежним.

Проникновения на территорию вроде бы никто не заметил. Пугала продолжали себе выходить через главные двери здания фабрики, направляясь к воротам и дальше — в город. Томми предположил, что они, должно быть, сейчас крайне сосредоточены на том, чтобы ненароком не наступить на ноги впереди идущим соратьям.

— На этот раз мы не пойдем через цеха, — сказал мальчик, с сожалением отмечая, что между ними и уже проверенным входом как раз и продвигается марширующая колонна уродливых пугал. — Нам нужно обойти здание. За мной...

Пригибаясь к самой земле, Томми двинулся к стене левого крыла фабрики, надеясь, что пыхтения тролля никто не услышит, как и не обратит внимания на его огромную тушу, ковыляющую следом за мальчиком. До стены здания им удалось добраться незамеченными, но вот когда они направились вдоль нее, из-за угла неожиданно показались два пугала-охранника, выросшие будто из-под земли.

Едва тлевшие огоньки в их глазах мгновенно разгорелись, ярко заполыхав, стоило им заметить незваных гостей. Пугала двинулись на тролля и мальчика, выставив перед собой ножи, зажатые в деревянных пальцах. Из кожаных торсов развернулись дополнительные пары рук.

Троллю не нужно было приказывать. Он схватил ближайшее пугало одной лапой за зубастую прорезь рта, а другой — за ногу и, как следует размахнувшись, ударил им его же собрата, вминая деревянное тело последнего в землю. После этого мистер Бэрри отшвырнул обломки.

Тролль повернулся к мальчику, и только тогда Томми понял, что одно из пугал все же успело нанести удар — в животе мистера Бэрри торчал нож. С болезненным рычанием монстр вытащил его, а рана почти сразу же прекратила кровоточить. Медленно, но верно она начала заастать.

Времени удивляться не было, и Томми велел: «Бежим!», после чего первым понесся вдоль стены на задний двор. Тролль затопал следом. Рана его больше не беспокоила: на теле чудовища остался лишь короткий бледный шрам.

Вскоре мальчик и его монстр оказались у пробитого в стене квадратного грузового люка, к которому изнутри фабрики вел упаковочный конвейер. Люк был закрыт крышкой, лента, судя по отсутствию жужжания, была выключена, ведь «Расчудесные самораскладные пугала» больше не нуждались в коробках, погрузке в грузовички и доставке. Темно-синие автомобили сиротливо стояли поодаль.

Томми многозначительно кивнул троллю — и тот открыл или, вернее, выломал крышку люка. В темноте чрева фабрики раздавались какие-то звуки, но это был отнюдь не уже знакомый мальчику рокот станков.

— Мне туда, — сообщил Томми троллю и начал разворачивать свой сверток. — Расковыряй! — велел он, протягивая своему чудовищному спутнику хэллоуинскую тыкву из гостиной. — Только аккуратно.

Тролль вонзил когти в основание тыквы и начал отламывать донышко. Томми тем временем надел старое дедушкино пальто, в которое было завернуто все то, что он притащил, и поднял воротник. Мальчику было неудобно в этой пропахшей нафталином одежде, но выбирать не приходилось. Его руки полностью скрылись в длиннющих рукавах, а полы тут же подмели землю.

— Готово?

Томми взял у тролля тыкву и продел голову в образовавшуюся прорезь. Тыква тоже была неудобной, тяжелой и большой, к тому же она мерзко пахла и пачкала лицо мякотью. Повернув ее так, чтобы через глазные прорези было хоть что-то видно, мальчик взял за жерди две отломанные руки пугала — теперь из рукавов пальто торчали длинные деревянные конечности. Превращение завершилось.

— Помоги залезть.

Тролль бережно обхватил мальчика лапами и подсадил его в люк.

— Ты остаешься здесь. Ясно? Если кто-то появится, прикинься... не знаю, статуей тролля, понял? Если не поверят, можешь сломать их всех. Только тихо.

Тролль в ответ фыркнул, и Томми, путаясь в своем неудобном костюме, полез по узкому ходу. Вскоре он скрылся из виду, а мистер Бэрри остался стоять у люка...

...Мальчика не было уже довольно долго, и тролль от нечего делать начал перетаптываться на месте; в тролльей голове возникла идея отправиться домой, но что-то его все же останавливало. Почему-то он не мог взять и просто так уйти. И дело было вовсе не в страхе перед проклятой канарейкой, а в том, что — он откуда-то это знал! — стоять здесь и ждать очень важно. А еще с каждой новой минутой одинокого пребывания на заднем дворе фабрики в нем крепло опасение: что-то мальчишки давно нет. При этом из здания

не доносилось никаких новых звуков: если бы Томми поймали, он бы визжал, как визжат все дети, когда их ловят.

Тролль начал подумывать, а не полезть ли ему следом, но проход был слишком узким — голова бы еще прошла, но вот плечи точно нет: пару раз он уже попытался забраться в люк, но тот никак не хотел расширяться.

И вот спустя, казалось, целую вечность перетаптывания на месте мистер Бэрри наконец решился. Тролль хрюкнул и зашагал к главному входу — вроде бы там он видел дверной проем, который как раз ему по размерам.

— Эй! — раздалось вдруг сзади. — Ты куда это направился?!

Тролль дернулся от неожиданности и повернул голову. На него из люка глядело какое-то уродливое пугало.

Мистер Бэрри оскалился и двинулся к нему, скрючив пальцы и приготовившись схватить эту жалкую деревяшку за ее нескладное тельце. Но не успел. Пугало вдруг взяло себя за голову и сняло ее. Под ней оказалась еще одна голова: маленькая и вся в рыжей мякоти. Тролль в нерешительности остановился: где-то он уже видел эту взлохмаченную голову.

— Это же я! — шикнуло на него пугало с маленькой головой. — Ты что, меня не узнал?

Ах да, мальчишка! Вот же он! Он здесь, он появился снова, сидит в этой дыре. Можно никуда не идти и ничего не искать! И не нужно застревать в узких проходах! Вспомнив Томми, тролль мгновенно успокоился.

— Ты просто не поверишь, что я нашел! — начал мальчик восторженной и в то же время испуганной скороговоркой, так и не вылезая из люка. Учитывая, что он говорил все быстрее и быстрее, мистер Бэрри сразу же перестал понимать суть и различал только обрывки вроде: — Они все связаны... а еще... оно там... придется плохо... размером с дом... горят свечи... я, кажется, знаю... Нужно... кабинет... а затем... Эй, ты меня слушаешь?

По отсутствующему выражению на троллиной морде мальчишка вдруг догадался, что собеседник его не понимает. Он утомленно вздохнул и начал говорить медленнее:

— В общем, ты должен мне помочь, тролль, — сказал Томми. — Я понимаю, что все это очень-очень страшно, но ты должен быть храбрым ради всего города. Этих пугал никто не остановит, кроме нас. Ты понимаешь?

Тролль с сомнением прищурился.

— Поэтому нам сейчас нужно сделать вот что. Я прoberусь в кабинет Зеркала, там у него лежит то, о чем я тебе только что рассказал. Потом нужно будет перетащить его, и полдела сделано, а затем... А-а-а! Не-ет!

Речь мальчика вдруг оборвалась. Что-то схватило его сзади, резко дернуло, и он исчез в недрах фабрики.

Нечто утянуло Томми за собой в люк.

Тролль остался стоять, недоуменно глядя в темноту.

Свеча распахнул входную дверь, и в лицо Виктору ударили неожиданно резкий порыв ветра. Уик дернул головой и поднял руки, пытаясь уберечь огонек, но вместо этого оплавил пальцы. Все крайние фаланги на его руках исчезли и горячим воском закапали на черный коврик прихожей. Виктор содрогнулся. Только что его спутник прямо у него на глазах стал калекой, и он ничего не мог с этим поделать. И все же...

— Я могу как-то вам помочь? — спросил Виктор.

Уик обернулся, в его глазах застыло одновременно и благодарное, и обреченное выражение.

— Нет, — сказал он. — Но вы и не должны. Это ведь именно я должен вам помогать.

— Почему вы?.. — начал было Виктор, но Уик его прервал.

— Почему помогаю вам идти против Сэра? — Он попытался придать оплавленным обрубкам форму, хотя бы отдаленно напоминающую форму пальцев. — Свечи — это

бабочки-однодневки, да простится мне такое сравнение. Большинство из нас просто сгорают. Бессмысленно оплавляются, превращаясь в горячие лужицы, которые застывают за мгновения. Мне выпал шанс, который нечасто выпадает моим собратьям. Шанс сделать хоть что-то. Назовите это патетично смыслом моей короткой жизни, и вы будете правы. А Сэр... я не люблю Сэра, мы для него, как и для большинства других, просто расходный материал. Но вы, я знаю, не такой, как Сэр. Я хочу вам помочь.

Ветер улегся, и они вышли за порог.

— Спасибо. — Виктор мрачно глядел на океан безбрежной тьмы, окружающий дом. — Если бы не ваша помощь, я бы здесь точно сгинул с концами. Теперь у меня есть хотя бы тень надежды на то, чтобы переиграть вашего босса.

— К сожалению, времени у нас слишком... мало.

Сердце Виктора дрогнуло от боли и горечи, прозвучавших в голосе его спутника, и он не нашелся с ответом. Щеки Свечи были покрыты жидким воском, будто самыми настоящими слезами.

Виктор и его проводник прошли через калитку Крик-Холла и оказались в Черном городе.

То, что Виктор увидел, разительно отличалось от всего, что он себе надумал прежде, чем забраться в зеркало. Он полагал, что окажется в каком-то жутком-прежутком месте, но на деле его просто окружала кромешная тьма, из которой порой выныривали очертания заборов, окон, камней брускатки. Знакомые очертания знакомой улицы. Это был Уэлихолн, только вот обычный ночной Уэлихолн по сравнению с этим местом мог бы показаться ярмарочным карнавалом с тысячей огней. В небе над Черным городом не было ни одной звезды, да и имелось ли оно здесь вообще, это небо?

Журналистское расследование завело Виктора Кэндла внутрь рождественского или, правильнее будет сказать,

хэллоуинского стеклянного шарика, заполненного тьмой, который кто-то засунул сперва в чехол, после — в коробку, а коробку запрятал на дно сундука, который, в свою очередь, задвинул поглубже под кровать. Черный город...

— Мне нужно кое-что сделать. — Виктор вдруг остановился. — Но только нам следует торопиться.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда небольшое зеркальце. Петровски сказали, что они смогут поддерживать связь через этот предмет, стоит Виктору лишь назвать их по именам. Что он и сделал.

— Bay! — Отражение лица Виктора сменилось довольной физиономией Фреда Петровски. — Этот трюк определенно работает! Кто бы мог подумать!

— Я тоже вас вижу, — кивнул Виктор. — Как понимаете, я нахожусь...

— По другую сторону моего зеркала! — улыбнулся Фред. Где-то рядом раздался звонкий смех Мари.

— Не время шутить. — Виктор нахмурился. — Я действительно в зазеркалье. Наш план придется менять. На ходу.

— Что-то случилось?

— Случилось все. Я кое-что выяснил, — сказал Виктор. — Глухая башня. Все дело в ней. Но действовать нужно отсюда, с этой стороны. Мне. Я все сделаю сам. А вы как можно скорее отправляйтесь к башне с часами и будьте готовы.

— К чему? — втиснулась в зеркало Мари, чуть отодвинув Фреда. — К чему готовы?

— Я пока и сам не знаю, — ответил Виктор.

— Готовиться к шоу без программы... — проворчал Фред, но его лицо тут же озарила улыбка. — Не впервые! Справимся!

Они исчезли, и с ними исчезли их энергичность и жизнерадостность. Виктор и Уик продолжили путь...

Свет, который излучал Свеча, едва позволял разглядеть стены ближайших домов. Черные провалы окон напоминали потухшие глаза притворяющихся спящими чудовищ.

— Мой отец заперт где-то здесь, в этой тьме... — сказал он. — Это его голос, как мне показалось, я слышал там, в доме. Но я ошибся. И теперь мне не остается ничего, кроме как надеяться на то, что женщина, которой он небезразличен, его вызволит. И все-таки это чертовски неправильно и странно — быть заключенным с ним вместе в одной тюрьме, но ни разу не увидеться и готовить побег поодиночке.

— Это весьма печально, — сочувственно ответил Уик. — Хотя для печали более подходящего места и не найти.

— Кристина не говорила мне, что здесь настолько беспрозрачно. Да и, глядя в зеркало, я бы сам так ни за что не подумал.

— Из обычного мира зазеркалье кажется прекрасно освещенным — это верно.

Немного в стороне, на дороге, будто из воздуха, возникла человеческая фигура. Сгорблена старуха неспешно брела навстречу. Чуть поодаль показался еще один силуэт — в оконном проеме. У дерева стоял мужчина — застыл, уперев лоб в изъеденный трещинами ствол. Свет над головой спутника Виктора едва достигал его.

— Не бойтесь: это всего лишь отражения, — сказал Свеча. — В отличие от *других*, эти совсем не опасны.

— Других? Мы их тоже здесь встретим?

Виктор проводил бредущего мимо призрака старухи подозрительным взглядом.

— Вряд ли. Почти все они не любят огонь и свет, — обнадежил Свеча. — Почти все, кто здесь обитают, меня боятся.

— Зеркало вас не боялся, — заметил Виктор.

— Скорее это нам следовало бы бояться его, — сказал Уик.

— Потому что Зеркало — одна из Потаенных Вещей вашего хозяина? Что-то в нем, я чувствую, отличается... отличается от прочих.

Уик замялся.

— Вам запрещено говорить о помощниках Ива? — спросил Виктор.

— Нет. Я просто не знаю, как правильнее выразиться. Мистер Лукинг Гласс, он же Зеркало, — это такая же часть Сэра, как мы все, но при этом он — настоящий человек.

— А прочие не были людьми?

— Когда-то были. Давным-давно. Но все умерли. В отличие от прочих Потаенных Вещей, этот человек не умирал. Сэр дал ему частицу себя, но не стал забирать жизнь. — Свеча замялся. — Души людей, которые жили в их телах, давно замещены. Фонарь — это далеко не тот славный мистер Мэйби, а Шляпа совсем не похожа на мисс Хэтти. Но вот в случае Зеркала...

— Зеркало — живой человек. Такой же, как я.

Уик кивнул.

— Почему он хотел застрелиться? При таком исходе он не достался бы Иерониму?

— Сэр всегда забирает назад свои части, когда те полностью исполняют возложенную на них задачу, а поскольку тот, кого мы встретили в Терновой комнате, ему больше не нужен, то это означает не просто исчезновение Потаенной Вещи «Зеркало», но и смерть для человека по имени Лукинг Гласс. Вероятно, Зеркало захотел уйти на своих условиях. Я не знаю, что произошло бы в случае его самоубийства — думаю, сам он считает, что при подобном исходе его живая душа забрала бы с собой и частичку Сэра.

— Мне показалось, что он солгал, — сказал Виктор. — Вряд ли он действительно верит, что у нас все получится.

— Зеркало хочет жить, — печально вздохнул Уик, стирая со щеки горячий воск. Ему удалось это сделать лишь со значительной частью самой щеки. — А кто не хочет?

В какой-то момент погруженная во мрак узенькая уличка расступилась, открывая проход на главную улицу. Глухая

башня возвышалась темной безжизненной громадой над прилегающими домами, ее верхние этажи тонули во тьме. Разглядеть циферблат не представлялось возможным: свет огонька над макушкой Уика до него не доставал.

Шагавший чуть впереди Свеча вдруг споткнулся и взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Виктор успел подхватить его под руку. На плечо брызнул горячий воск.

— Что случилось? — встревоженно спросил Виктор.

— Глаза... — Голос Свечи дрожал. — Мои глаза...

Виктор посмотрел на его лицо и тяжело вздохнул: свеча горит — воск плавится. Уик успел выгореть настолько, что верхняя половина лица, там, где находились глаза, полностью исчезла. Должно быть, последние минуты тот шел уже вслепую.

— Вы сгораете... — только и прошептал Виктор.

— Как и любая свеча, — обреченно подтвердил Уик.

— Вы — не любая свеча. Не все свечи умеют говорить и ходить. А еще вы... чувствуете.

— Я говорю до тех пор, пока есть чем, — уточнил Свеча. — Иду, пока существует такая возможность. Знаете, что отличает сильных и уверенных в себе людей от других?

— Что?

— То, что у них есть стержень. Но понимаете, стержень — это не всегда хорошо. Особенно когда это, скажем... ну, скажем... ваш фитиль...

— Я не знаю, чем можно... — Виктор замялся, подбирая слова. — Может, если на время погасить огонь и найти больше воска...

— Прошу вас, не нужно. — Уик говорил твердо и уверенно. Виктор понял: его не переубедить. — Без света вам тут не выжить. У моего создателя весьма своеобразное чувство юмора — он отправил к вам именно меня, потому что знал, что стоит вам меня зажечь, я стану помогать вам во всем, даже если вы захотите противодействовать ему. Такова уж

участь свечи — светить тому, кто зажег фитиль. Он знал, что вам будет не все равно — это очередная его издевка. Не нужно играть в его игры. Время...

— Да, конечно. — Виктор решительно взял Уика за руку и повел его к башне. — Пойдемте скорее...

Дверь в Глухую башню оказалась не заперта. Виктор вошел первым, следом, держась за его руку мягкими восковыми пальцами, шагнул Уик. Внутри была знакомая винтовая лестница, ведущая наверх.

— Думаю, вы догадались, куда нам нужно, — сказал Свеча.

— Да. Вверх по лестнице.

Виктор повел воскового спутника по ступеням, придерживая его, будто старика. У несчастного уже полностью исчез нос. Воск непрерывно стекал по пухлым губам.

— Сколько вы еще сможете говорить? — спросил Виктор.

— Недолго, — признался тот. — Спрашивайте сейчас, если есть что спросить.

Виктор задумался. Он ведь по-прежнему не знал, с чем ему придется столкнуться наверху, не знал, как победить мистера Ива. Вроде бы все нити вели сюда, в эту старую башню, к ее таинственному обитателю, на котором зиждется весь план Иеронима. Без понимания природы Потаенных Вещей мистера Ива, без понимания *сущности его сущностей* не обойтись. Виктор должен был знать, как обмануть Часы, чтобы сегодня в этой башне никто не умер...

— Зачем вы ему нужны? — спросил он. — Зачем он вас создал?

— Мы ему нужны, потому что он не всесилен и не вездесущ, — ответил Уик.

— Иероним не может физически находиться в нескольких местах одновременно?

— Не совсем. Если захочет, полагаю, сможет и не такое. Но вот то, что касается занудных, в его понимании, заданий

или грязной работы... Он не может светить — для мистера Ива это просто ниже его достоинства.

— Не может светить, в то время как вы исправно делаете именно это, — кивнул Виктор. — Значит, и остальные...

— У каждого из нас своя задача, — сказал Свеча. — Как бы это сказать... Ты, конечно же, можешь копать землю руками, но вот лопатой это делать гораздо сподручней. Для таких целей он и создает нас. Свои инструменты.

— И какова задача у Часов, как думаете? Как именно он собрался остановить время с их помощью?

— Об этом знает лишь сам мистер Эвер Ив, — печально опустил голову Уик. Его губы уже начали истекать воском, деформируясь и исчезая. Он вдруг будто вспомнил о чем-то важном: — И п... посл...днее...

— Что?

— Часы... вам... не... переубе... дить... — Уик как-то понял, что задумал Виктор.

— Я попытаюсь. У меня есть мысль, как с ними совладать.

— Не... со... ллл... дать...

Собеседник смолк — ни рта, ни губ у Свечи больше не было. И Виктор вдруг с ужасом осознал, что упустил самое важное:

— Постойте! Я так и не успел спросить вас, где находится Черный дом, в котором заперта Саша!

Увы, несчастный Уик теперь мог ответить ему лишь треском дрожащего на фитиле пламени...

Времени переживать и сокрушаться не было. Свеча, несомненно, согласился бы с этим, если бы мог. Виктор достал из кармана зеркальце и протер его ладонью. Он прошептал: «Петровски... Петровски...» Почти сразу на гладкой поверхности появилось лицо Фреда.

— Где вы? — спросил Виктор.

— Уже на месте, — последовал ответ.

— Я тоже. Постараюсь помешать ему остановить время, — сообщил Виктор и заговорил быстро-быстро. Только что

сформировавшийся в его голове план вслух звучал совершенно безумно. А часть Петровски и вовсе сводилась к «Вы же фокусники — придумайте что-нибудь!»

— Это будет непросто, — расплылось в довольной улыбке отражение лица Фреда. — Но наши с Мари представления пользуются успехом у любой аудитории!

— Это не представление, — раздраженно бросил Виктор. Ему уже порядком надоела манера этих Петровски неуместно шутить.

— Ну да, конечно. Игры с полуночью — это несколько сложнее, чем вытащить кролика из шляпы.

Фред на пару секунд соизволил напустить на себя серьезный вид. Но все испортила Мари, высунувшись из-за спины мужа:

— Будет аншлаг!

— С кем я связался, — обескураженно пробормотал Виктор и спрятал зеркальце. Оставалось надеяться, что, несмотря на легкомыслие, Петровски все-таки ответственно отнесутся к своей части плана.

Поднявшись на последний этаж Глухой башни, Виктор и Уик оказались перед запертой дверью. Для Виктора это стало настолько неожиданным, что он растерялся и поэтому не нашел ничего лучше, кроме как постучать.

Ничего не происходило. Виктор переминался с ноги на ногу, причем все это время его не покидало ощущение, что некто с другой стороны двери пристально разглядывает его в замочную скважину. Наконец Виктору это надоело, и он решил заглянуть туда сам. С той стороны от замочной скважины отпрянул чей-то любопытный глаз. В тот же миг щелкнул засов, и дверь открылась.

На пороге стоял невысокий человек средних лет в клетчатом костюме-тройке. Прищуренные глаза уставились в лицо Виктора, разглядывая его. Должно быть, обитатель Глухой башни никуда не спешил. Как и положено хорошим Часам.

— Я могу войти? — спросил Виктор, который, в свою очередь, не обладал бесконечным запасом времени.

Странный человек ничего не ответил, лишь отодвинулся в сторону, пропуская Виктора внутрь.

В комнате с часами было невероятно тихо. Невероятно — с учетом того, сколько здесь размещалось различных двигающихся шестерней, блоков и противовесов, управляющих громадным циферблатом. Не издавая ни звука, весь механизм исправно работал: шестерни проворачивались, цепляя друг друга зубчиками, блоки поднимались и опускались... По центру комнаты висел колокол.

Открывший двери, как и прежде, глядел пристально. Причем глядел он сугубо на губы Виктора, словно ожидая, что тот что-нибудь скажет, и не желая упустить ни слова. При этом Виктор заметил, что у человека в клетчатом костюме отсутствуют уши. Он состыковал оба своих наблюдения и все понял: «Он ничего не слышит».

— Я... э-э-э... — начал было Виктор и тут же осекся. Как можно что-то дать понять тому, кто не слышит? Прочтет ли тот по губам? Или лучше написать? И в самом деле — ведь та фраза, что навела его на мысль о Часах и башне, была написана мистером Ивом в его, Виктора, рабочей тетради!

Виктор достал тетрадь и открыл ее на чистой странице, затем извлек из кармана чернильную ручку и крошечную чернильницу.

— *Все готово?*

Виктор показал написанную фразу тому, кого принимал за седьмую Потаенную Вещь мистера Ива.

Часы кивнули и тут же переменились в лице. В буквальном смысле. Теперь на Виктора смотрел не мужчина средних лет, а дряхлый седой старик, с обвисшими щеками и покрытой глубокими морщинами кожей. Превращение это произошло в один миг: голова резко повернулась назад, чтобы вместо затылка явить собеседнику новое лицо. Виктор, как мог,

заставил себя не поражаться увиденному, что его мгновенно бы выдало. Он вновь макнул ручку в чернильницу и написал в тетради:

— *Канун закончится. Все ясно?*

Испещренное морщинами лицо скривилось в жуткой гримасе. Часам явно пришлось не по нраву написанное. Стариk гневно ткнул пальцем куда-то в сторону циферблата, потом — в колокол.

— *Я решил отменить всё. Кое-что не готово — в дело вмешались ведьмы. Еще и Зеркало меня подвел. Я переношу всё на следующий год, а пока время должно продолжить свое течение.*

Виктор писал фразы, пытаясь нашупать то, что могло помочь ему, — что-то, что должно было заставить Часы отказаться выполнять поручение, данное Иеронимом. Он понимал, что ходит по грани, но все же то, что случилось в следующую минуту, бесспорно, застало бы врасплох любого. Все произошло настолько быстро, что Виктор даже не успел испугаться.

Стариk еще раз провернул голову. Теперь на Виктора глядел ребенок — мальчик с гладкой розовой кожей и полными несказанного удивления глазами. Ребенок обратил взор на Уика и скрестил пальцы на обеих руках, как делают дети, когда хотят, чтобы их клятва не считалась. Свеча начал стремительно плавиться, тая и исчезая в неистово затрещавшем пламени. Бедняга Уик выгорел за какие-то пару секунд, залив весь пол горячим воском.

Свеча погас.

Виктор вскрикнул.

Комната погрузилась во тьму.

Виктор почувствовал, как кто-то очень сильный схватил его за жилетку и оторвал от пола. А затем его швырнули. В следующий миг последовал страшной силы удар, и, пробив стеклянный циферблат, Виктор вылетел на улицу и с криком понесся к каменной мостовой.

Почувствовать боль и осознать собственную гибель Виктор Кэндл не успел. Признаться, он вообще редко что успевал в этой жизни...

...Под чьей-то ногой хрустнул стеклянный осколок, и возле лежащего на мостовой изуродованного тела появилась темная человеческая фигура, похожая на комок застывшей смолы. Подошедший укоризненно посмотрел на то, что осталось от Виктора:

— Ты все сделал правильно, друг. Хоть и не понял замысла. Полежи пока здесь — я все закончу и вернусь за тобой. — Он направился к Глухой башне и, не дойдя до нее пару шагов, обернулся. — Если тебя разбили, это ведь еще не повод умирать, правда? А это — чтобы здешние твари не позарились на твое тело.

Над Виктором Кэндлом в непроглядной тьме зажегся крохотный рыжий фонарик — единственный источник света на весь Черный город.

Зеркало, мистер Лукинг Гласс, вытащил револьвер, недобро усмехнулся и вошел в башню.

Часы пробили одиннадцать раз и больше явно бить не собирались.

Мистер Эвер Ив был доволен. По-настоящему. Он сидел верхом на метле, которая когда-то была Метлой, на голову он нахлобучил потертую остроконечную шляпу, которая когда-то была Шляпой, а в кармане пальто уместилась связка ключей, которая совсем недавно была Ключом. При этом на ремне через плечо у него на тонкой проволочной ручке висел котел — понятное дело, бывший Котел, а с торца метловища на цепи свисал фонарь, или Фонарь.

Мистер Эвер Ив парил над городом и любовался изменениями. Подумать только: все получилось! Нет, он ни разу

не сомневался в успехе, просто наконец, спустя столько лет, ему предстало то, что жило в его голове с момента, как он придумал свой план, и от этого зрелища невероятный и эксцентричный злодей, который всех так ловко переиграл, был готов даже прослезиться.

Разумеется, он не прослезился, поскольку то был мистер Эвер Ив, известный в определенных кругах как Человек в зеленом. Мистер Ив не пускал слезы на ветер — никогда. Он знал им цену, поэтому всегда старался разбрасываться кое-чем более дешевым — улыбками. Но даже при этом улыбки его были поистине чем-то особенным.

Мистер Ив одарил улыбкой сперва двигающийся мост, по краям которого выросли ряды фонарей, а после и свои маленькие звонкие колокольни. Да, этой ночью они звонят впервые, но вскоре нигде нельзя будет скрыться от их голосов. Мистер Ив оглядывал бывший Уэлихолн, а ныне Город Полуночи и находил его довольно приемлемым для жизни. Само собой, для него, мистера Ива, жизни. Еще бы! Ведь для этого он потратил немало сил, для этого он рвал себя на куски, для этого он делал то, что было мучительнее всего, — томился в ожидании и терпел зануд.

Мистер Ив так гордился собой, что в какой-то момент от собственного раздувшегося самомнения едва не свалился с метлы. Все вышло, как он и планировал, если не считать небольших погрешностей, которые лишь добавили остроты в пресный, жеваный-пережеванный план.

Первая погрешность заключалась в Корделии Кэндл. Вот ведьма! Не пожалела собственного сына, чтобы надеть на мистера Ива ошейник. Глупая ведьма, дочь другой глупой ведьмы. Совершила ту же ошибку, что и мамочка: учла вроде бы всё, да не всё. Изловить его по частям! Хитрая какая! Это действительно могло сработать. Мистер Ив даже на мгновение восхитился тем, как близко он был к провалу. И все же как красиво она потерпела неудачу: готовилась стать королевой,

а получила в подарок лишь разочарование. Всем ее планам конец, амбиции втоптаны в грязь — пусть теперь попробует хотя бы жизнь сохранить. Удастся ли ей вытащить себя за волосы из кипящего котла, который она сама на огонь и поставила? Да какая, в сущности, разница...

Другая погрешность заключалась в непомерном любопытстве его бывшего соседа, Виктора Кэндла, которое завело того однажды в гости к смерти. Но и Виктор — нужно отдать ему должное! — немного разнообразил скучные будни. Как наивно он пытался договориться! Как слепо поверили Человеку в зеленом, позабыв о том, что таким, как Человек в зеленом, верить ни за что нельзя.

Болван сам упростил мистеру Иву задачу: дал от себя избавиться, добровольно предоставив ему собственное тело. И вот теперь бывший сосед находится в зазеркалье, откуда никогда не выберется, ведь, когда Свеча догорит, он сгинет навсегда в кромешной тьме и стылой пустоте Черного города. Возможно, он отыщет там свою Сашу, быть может, отыщут его самого. А может, он пойдет туда, куда нужно мистеру Иву, и тот, кого он там оставил, разделается с ним. Впрочем, это всё скучные, неинтересные детали...

Были и другие помехи. К примеру, непроходимая тупость кое-кого из его частей: Котел со своими отчетами, Ключ — с собственными старыми прижизненными делами. И тем не менее в конце концов они справились, а после вернулись на место...

Тем временем внизу, на темных улочках, отныне напоминающих кладбищенский лабиринт, двигались мириады крошечных огоньков, которые отсюда, с неба над городом, казались рыжими точками — это были глаза его верных слуг, безропотных солдат и безжалостных полицейских. Десятки пугал собирались в отряды и следовали по улицам, встречались на перекрестках с другими отрядами и вливались в них — армия постепенно росла и захватывала город.

Мистер Эвер Ив гордился этими пугальными солдатами и был весьма доволен собой, ведь считал, что идея их создания принадлежит целиком и полностью ему самому, а не какому-то там Зеркалу.

Вспомнив о своевольном помощнике, мистер Ив тут же помрачнел. Не все еще кончено: обязательно нужно отыскать этого отступника и вернуть его на место. Но это после — нельзя забывать о том, что сперва предстоит завершить начатое. Остался всего какой-то миг, и миг этот остановлен. Но остановлен пока временно — в том-то и беда: нужно остановить его навечно.

Мистер Эвер Ив направил метлу прямиком к Глухой башне. Ветер нес его вперед, ветер помогал, и в этом не было ничего удивительного — в Черном городе вскоре все ему подчинится. Ветер, туман, дождь. Даже луне он будет изредка позволять светить над городом только при условии, что та будет хорошо себя вести.

Вскоре Человек в зеленом был уже на крыше Глухой башни. Мистер Эвер Ив спрыгнул на площадку и вошел в низкую дверцу, ведущую в комнату с часами. Дверцу оставили открытой специально для него.

Мистер Ив спустился к механизму и остановился у главной оси, управляющей стрелками. Все здесь было по-прежнему: колокол, шестеренки и блоки, прорези цифр на закрашенном стекле циферблата, знакомая тишина. Ничего не изменилось и...

Человек в зеленом вдруг почувствовал себя премерзко: как будто кому-то вздумалось провести по всем его внутренностям скребком. Мистер Ив ощущал чье-то чужое присутствие. И это был отнюдь не тот, кого он намеревался встретить. Во тьме скрывался враг.

— Кто здесь?

Мистер Ив обернулся. Темнота не ответила. Он шагнул к часовому механизму: ему показалось, что в углу шевелятся

две тонкие, как жерди, фигуры. Фонарь на метловище загорелся ярко-ярко — и обрывки темноты разлетелись по сторонам. Мистер Ив дошел до самой стены, но никого не обнаружил.

Вдруг в стороне что-то зашуршало. Мистер Эвер Ив подпрыгнул на месте и по-девичьи вскрикнул. А затем шикнул на себя: его испугал обычный голубь, залетевший, должно быть, через открытую дверцу площадки. Голубь был белоснежным, на хвосте у него драгоценной пылью серебрились блестки. Голубь сидел на старой перевернутой шляпе-цилиндре, судя по всему, свив себе в ней гнездо.

— Чертова птица, — облегченно вздохнул мистер Эвер Ив. — Говорил я этой глупой Метле изловить всех птиц! Ни на кого нельзя рассчитывать! Но ничего, скоро тебя съедят, голубь, так и знай: не станешь больше пугать почтенных незнакомцев.

Удовлетворенный угрозой, мистер Ив уже собрался было вернуться к циферблату, когда вдруг споткнулся обо что-то, больно ударившись ногой.

Взгляд его наткнулся на два покачивающихся на боку чайнника (тонкий новенский чайничек и горбатый ржавый чайник).

— Что за бред? — удивился мистер Ив. — Откуда вы здесь?

Чайники промолчали, нагло повесив носики.

Как следует задуматься над тайной странного присутствия чайников на полу в Глухой башне ему не дали. У циферблата появились три фигуры. Хотя, вернее, фигура была всего одна.

На мистера Ива глядел, по его мнению, самый отталкивающий и самый отвратительный сиамский близнец из всех существующих. Три человека срослись вместе: одно туловище, три головы, три ноги и две руки. Близнецы были одеты в клетчатый костюм-тройку: брюки о трех штанинах, жилетку и сюртук.

Свет от фонаря мистера Ива ярко высветил лица близнецов — они представляли собой нечто странное, вполне обычное для трех разных людей, но просто невозможное — для

некоего подобия одного: первое лицо принадлежало мальчику, второе — мужчине средних лет, а третье — глубокому старику. Все шесть глаз глядели на мистера Ива и не моргали.

Человек в зеленом усмехнулся. Перед ним стояло его тайное оружие, его последний рычаг в претворении плана, его седьмая Потаенная Вещь. Та, о которой не знал никто. Даже Зеркало, которого мистер Ив ценил больше других. Часы всегда были рядом, оставаясь незамеченными, как и само время, которым они управляли. Часы... Трехликие Часы... Старик — прошлое, мужчина — настоящее, и мальчик — будущее. Вместе и неразделимы... И все трое — всего лишь его часть.

Все часы в городе отбили только одиннадцать раз, и в этом была заслуга именно Часов.

Мистер Ив шел к этому моменту долгие годы. Однажды он лишился тела, и с того момента его слабый чахлый дух блуждал по Стране-под-Холмами. Лишь один день в году, когда двери в холмах открывались, ему удавалось выбраться на свободу — да и то, была ли это свобода? Он был истощен, мог лишь рычать и скалиться, мог лишь пугать. Он, как и прочие *те*, выходил через двери в холмах в этот мир только в Канун. Но потом ему всегда нужно было возвращаться, словно заключенному — с прогулки по двору обратно в камеру. И все же он лелеял свою мечту — вот бы Канун не заканчивался так быстро, вот бы он длился подольше... вот бы вечность. И тогда у него созрел план. Рожденный от несправедливости и обиды план. План, как сделать так, чтобы Канун не кончался. И он сделал это. А Часы сделали все то, что требовалось от них. Лишь они могли совладать с механизмом течения истинного времени и лишь однажды, но этого хватило. Механизм встал. Вечный Канун начался...

Играть в записки у Человека в зеленом не было настроения. Ему не терпелось завершить начатое.

Мистер Эвер Ив улыбнулся хранителям Глухой башни.

— Ну что ж, пора обратно, — сказал он, и из его рта вырвались лозы терновника, свившиеся в повисшие перед его лицом слова.

На трех лицах одновременно отразился ужас. Близнецы отступили и уперлись спиной в циферблат. Они вскинули руки в нелепой попытке не то защититься, не то предупредить хозяина о чем-то важном, но было уже поздно.

Мистер Эвер Ив выхватил из кармана пиджака кривой нож, подобранный им на шабаше в саду Кэндов, и одним резким движением рванул им по трем горлам. Часы в тот же миг исчезли, а мистер Ив слизнул с лезвия ножа застывшую на нем вязкую серебристую жидкость — некое подобие крови очередной его Потаенной Вещи. В тот же миг мистер Ив как будто сбросил с плеч полвека каторжной жизни. Он повел головой, наслаждаясь тем, как настоящее гладит его кожу, как прошлое в самых дотошных мелочах выстраивается в памяти, как будущее берет его за руку и мягко тянет за собой.

Мистер Ив удовлетворенно вздохнул, погладил серебряные часы на цепочке в кармашке жилетки — подарок Скарлетт Тэтч Виктору Кэнду — и повел плечами.

Что ж, осталось последнее. Ему нужно было... ох, уж эти неприятные слова!.. сожрать Сашу Кроу.

Человек в зеленом закрыл глаза и втянул носом воздух. А потом улыбнулся. Мистер Ив выяснил, где его ждет ужин.

— Гаррет-Кроу, значит, — сказал он. — Вот где все и решится...

Мистер Эвер Ив оседлал метлу и вылетел через дверцу на крыше.

Тьма. Наползающая со всех сторон тьма. Казалось, она плавится, исходит рябью, стекает со стен, но на деле это были всего лишь портьеры, затянувшие собой все стены глухого подземного зала.

Черный как смоль бархат — обманчиво мягкий, обманчиво гладкий...

Стол. Резной каменный стол в самом центре зала. Холодный, словно высеченный из черствых солдатских сердец.

И гроб на нем — черный гроб, на крышке которого теплится одинокая свеча, дающая минимум света. Свет этот напоминает чью-то блеклую голову, перечеркнутую ровно по центру черным хвостом фитиля.

Свет дрожит, а тени дергаются — и вместе с ними дергается бьющийся в агонии на холодном полу у стола человек. Впрочем, агония эта вовсе не предсмертная, а является следствием скорее обратных процессов. В любом случае для еще одного покойника в стоящем рядом гробу места бы не нашлось.

Охваченный конвульсиями, Виктор Кэндл чувствовал себя так, словно его тело пропустили через дробилку, а после

слепили заново из того, что вышло наружу. Каждый клочок кожи горел, каждый мускул сводило судорогой, каждый нерв разрывался от боли. Ему казалось, что он кричит — долго и страшно, хотя на самом деле едва хрипел.

Виктор то открывал глаза, то закрывал их, но ничего вокруг себя не видел и не узнавал. В запрокинутой голове не было ни одной мысли: лишь какие-то обрывки, полуустертые строчки записей, какие-то звуки из радиоприемника, шум за стеной. Чудовищная боль заставляла сознание мечтаться по лабиринту бреда в поисках закоулка, в котором ему удалось бы наконец обрести избавление в беспамятстве. Но закоулка не было, и беспамятство все не наступало. И не наступило бы, поскольку кое-кто не мог позволить бедняге взять и просто уйти, раствориться в темноте. Жестокость эта была сомнительно оправдана тем, что незнакомцу Виктор Кэндл пока что был нужен.

Мистер Гласс видел, что человек страдает, но все равно не торопился: в таком деле спешка не могла привести ни к чему хорошему. В руке Зеркала были зажаты часы из жилетного кармана Виктора Кэндла, и стрелки на них выделявали нечто совсем уж невероятное. Они кривились и изгибались, будто вставая на дыбы, их наконечники шевелились и расслаивались, как змеиные языки.

Зеркало захлопнуло крышку часов и склонилось над Виктором Кэндлом. Руки в тонких перчатках замельтешили по изуродованному телу. Одну за другой мистер Гласс подогнал последние выломанные части, тщательно приладил неестественно вывернутый сустав на указательном пальце, расправил запутавшуюся складку, и горло вновь стало выглядеть, как прежде... Он действовал спокойно и методично, будто один за другим вставлял на место осколки разбитого витража.

Наконец, когда эта кропотливая и в чем-то даже рутинная работа была закончена, мистер Гласс снова открыл

часы — стрелки, точно прозрев, задвигались по кругу, как им и полагается.

Для Виктора Кэндла время вернулось в тот момент, когда открылась дверь комнаты с часами в Глухой башне. Вот только при этом кое-что изменилось: сам он лежал в подземном зале, а его так и не состоявшийся собеседник уже был убит. Зеркало изогнуло время, а реальность всегда вынуждена идти за ним вслед. И в зазеркалье реальность эта служила всего лишь глиной, податливой и мягкой в умелых руках.

Мистер Гласс вытащил из кармана сюртука револьвер и проверил патроны. После чего положил оружие на пол, под руку Виктора Кэндла. Затем он резко хлопнул по щеке все еще пребывающего в бреду человека. Тот дернулся и окончательно разлепил веки. Взгляд его до сих пор метался, но уже не так безумно, как прежде.

— Я могу войти? — ничего не понимая, спросил Виктор, как будто он только что постучался в дверь комнаты с часами. Способность говорить вернулась, а терзающая тело боль отступила столь резко, будто ее кто-то взял и попросту вырвал из него. Сознание замедлило бег, шум в голове утих, а зыбкие образы обрели плоть. Молодой человек снова начал соображать:

— Чертовски... не больно. Я ведь... я упал? Как? Что со мной случилось?

— Вы кое с кем поговорили, — усмехнулся Зеркало. — А затем вас убили. Бывает...

Убедившись, что с Виктором все в порядке, мистер Гласс тут же снял перчатки и поспешно занялся какими-то странными и не понятными для спасенного им человека делами. Он начал мерить шагами зал, то скрываясь во тьме, то снова показываясь. Передвижения Зеркала сопровождались топотом каблуков и задумчивым ворчанием. Судя по всему, его занимали какие-то математические построения.

— Бывает?! — возмутился Виктор, поднимая голову; собственное тело казалось ему чужим, будто одолженным на время.

Он не узнавал своей одежды: «Зеленый... Почему я одет в зеленый костюм?» А потом вдруг вспомнил, что другого у него не было и в нем он сюда и приехал. «Куда это “сюда”?» Мысли постепенно становились более четкими: «Темно. И холодно. Убили? Снова? Да умирать уже просто входит в какую-то отвратительную привычку!»

— А это зачем? — пробормотал Виктор, поднимая с пола револьвер. Пальцы плохо слушались и все еще были как ватные.

Мистер Гласс оглянулся:

— Не потеряйте — он вам еще понадобится. Лучше пока просто положите в карман.

Виктор машинально послушался. Уточнит он потом, а сейчас у него были вопросы понасущнее.

— Вы сказали, меня убили, — все еще с трудом проговорил он. — Но я ведь... жив, да? — Попытавшись убедиться в последнем, он приподнялся, намереваясь встать на затекшие ноги. — И вроде бы цел.

— Все оттого, что вы в зазеркалье, — пояснил мистер Гласс, прекратив метания и решив все-таки подойти и помочь Виктору. — А я, в некотором роде, являюсь здесь...

— Вы можете починить отражение, — догадался Виктор. После пары неудачных попыток с помощью мистера Гласса ему все же кое-как удалось подняться с ледяного каменного пола.

Виктор огляделся по сторонам. По беспросветно-чернильному цвету, которым были залиты стены кругом, он с тоской уверился, что по-прежнему находится в Черном городе. При этом Виктор будто ощутил немыслимую тяжесть потолка и груз лежащих на нем этажей, словно его, незадачливого журналиста из Лондона, погребли под ними.

И тут он увидел гроб. Жуткий длинный ящик, покрытый черным матовым лаком. В его крышке сбоку поблескивала вороненая металлическая накладка, в которой была прорезана...

«Замочная скважина... — подумал Виктор. — Я добрался. Я здесь. Но как?»

— «Починить! Вы говорите так, словно я какой-то башмачник... — проворчал тем временем Зеркало, придерживая Виктора за локоть — тот в любое мгновение грозил рухнуть обратно на пол. — Я бы назвал себя реставратором или даже реконструктором, так будет вернее.

— Почему вы помогли мне? — Виктор с недоверием поглядел на своего спасителя. И отстранился. — Меня швырнули в циферблат, я падал... Высота... там была такая высота! — Он с удивлением оглядел свои руки. — И в результате — ни единой царапины. Ваша... реконструкция завершилась?

— Конечно, — кивнул Зеркало. — И не сказал бы, что это было легко. Если же вас интересует причина, то признаюсь: я несколько склонен к дешевой сентиментальности и еще я, уж так вышло, раб собственного чувства вины. И вот оно-то как раз в вашем случае основательно на меня и насыло — ведь мне обманом пришлось направить вас в башню, послать туда одного, чтобы Часы ничего не заподозрили и не сбежали раньше времени. Хм! Сбегающие часы... Забавный каламбур, не находите?

Виктор не оценил шутки.

— То есть вы заранее знали, что меня там ждет?! — со злостью спросил он.

— Нетрудно было догадаться, — вздохнув, подтвердил Лукинг Гласс. — Мистер Эвер Ив ничего не делает просто так, и если вы, мистер Кэндл, узнали о его тайне, то это было явно неспроста. Предполагаю, он намеренно намекнул вам о Глухой башне, чтобы вы туда отправились и от вас в тот же

час бы избавились. Вероятно, Часам были выданы соответствующие инструкции. Я заподозрил это сразу же: вы «раскрыли» тайну Человека в зеленом слишком просто и очень уж быстро.

— Но откуда ему было знать, что я туда вообще направлюсь? А не сразу же пойду в Черный дом?

Лукинг поглядел на Виктора с жалостью.

— А вы полагали, что Свеча сюда был послан для того, чтобы помогать вам? Думаю, он так или иначе направил бы вас туда, где вас бы убили, тем самым избавив Сэра от необходимости дожидаться, пока с вами разделяются здешние твари. Но в любом случае Сэр кое-что упустил. Неверно расставил приоритеты. Ему сперва нужно было избавиться от меня, а уже потом приводить в действие свой главный план.

— Что вы сделали?

— Ваш визит вынудил Часы открыть дверь в циферблатную комнату. После того, что с вами случилось, я просто вошел туда и выстрелил трижды. В каждое лицо по разу. Отражения Часов больше нет — оно разбито, и я не планирую собирать его обратно.

Стоять прямо становилось все легче — с каждой секундой Виктор будто бы сбрасывал по мешку ржавых гвоздей со спины. Он сделал первый шаг, проверяя собственные ноги. Злиться на то, что Зеркало обманул его и использовал в качестве тарана, пробивающего стену, было глупо и по меньшей мере странно, ведь результат оказался именно таким, на какой он и рассчитывал, за исключением очевидных деталей.

— Значит, Вечный Канун не наступит? Иероним не сможет остановить время в Уэлихолне?

— Уже не смог. Канун завершился четверть часа назад.

Виктор даже рот раскрыл от удивления. Он не ожидал, что все произойдет так сразу. Нет, скорее, он не ожидал того,

что это произойдет без его участия. Это было глупо, но Виктор вдруг снова, в который уже раз, почувствовал себя... ненужным.

— Как это завершился? — только и спросил он. — Разве с гибелью отражения реальные Часы тоже погибли?

Лукинг Гласс покачал головой.

— Механизм остановки времени мистера Ива находился вовсе не в Часах в реальном мире, мистер Кэндл, — сказал он. — А в Часах в зазеркалье, ведь именно здесь время стоит на месте. Сэр знал это, поэтому он соединил незримой пуповиной обе версии Часов и на какое-то время действительно остановил время там, в реальном мире. Полагаю, мгновение полуночи растянулось на чуть более длительный срок, чем должно было. Но сейчас... Часы здесь мертвы, пуповина перерезана, а время в реальном мире вернулось на круги своя. Я должен поблагодарить вас, мистер Кэндл.

— Но за что? — поразился Виктор. — Я ведь ничего не сделал. Просто глупо умер.

— О нет, — усмехнулся Зеркало. — Вы сделали кое-что важное. Вы дали мне время. — Видя непонимание в глазах Виктора, Лукинг Гласс пояснил: — Сэр проиграл, но пока не догадывается об этом — благодаря вашим фокусникам. Сохранить иллюзию текущего положения вещей! Отлично придумано, к слову. В ином случае мистер Эвер Ив уже давно сюда заявился бы лично и убил нас. Так что ваша роль в разрушении планов Сэра не менее важна, чем моя.

Виктор недоуменно глядел на Зеркало. Неужели все закончилось? Отчего-то он не чувствовал, что все позади, — напротив, необъяснимый липкий страх начал заполнять его, будто пустую бутылку.

— Значит, нам удалось? И... — голос дрогнул, — вы отдаете мне ключ? — Виктор пристально поглядел на стоящий рядом черный гроб. Его цель была так близка, что даже не верилось. — Ключ от гроба?

— Как и обещал. — Лукинг снял с шеи цепочку и протянул спасенному им человеку выглядевший невероятно древним ключ из черного металла. — Вот только...

— Что?

Не дожидаясь ответа, Виктор нетерпеливо схватил ключ и, вставив его в замочную скважину, провернул. Затем взял в руки стоявшую на гробу свечу, затаил дыхание и приподнял крышку. Та скрипнула на вороненых петлях. Свеча в дрогнувшей руке Виктора качнулась, а с нею и свет. На мгновение показалось, будто весь зал накренился.

Внутри была... Саша, неподвижная и бледная, как сама смерть. Черный бархат, которым гроб был обит изнутри, напоминал водную гладь, а девушка — утопленницу на ее поверхности.

«Почему ты не открываешь глаза?»

Виктор ощущал, что его сейчас разорвет на куски от нахлынувших волной чувств. Он возненавидел себя за ту злость, которую когда-то испытывал к ней, возненавидел за то, что так ничего и не понял, что не остался и не выяснил истинную причину произошедших в Саше изменений. Виктор пожалел о стольких годах, утраченных навсегда, и в то же время его захлестнула нежность по отношению к этому беззащитному созданию. А еще охватил страх от того, насколько Саша была бела и неподвижна.

«Почему ты не открываешь глаза?»

— Боюсь, хоть нам и удалось нарушить его планы, мы проиграли, — тем временем сказал Зеркало, безучастно глядя на Виктора и обитательницу черного гроба. — Пока мистер Эвер Ив жив, он не оставит в покое никого из тех, кто посмел встать на его пути и разрушить то, к чему он готовился долгие годы. Для меня это означает смерть. Для вас же, как и для нее, — короткий кивок в сторону Саши, — это будет безрадостное блуждание по сим не слишком гостеприимным просторам. Без света, тепла, надежды. Долгие скитания

в кромешной тьме и стылой пустоте, если, конечно, наш общий знакомый не решит лично поквитаться. Тогда все закончится гораздо быстрее.

Говоря это, с каждой секундой мистер Гласс выглядел все более злым. Он опустил голову и направился куда-то в темноту. Остановившись на границе видимого пространства, Зеркало склонился над чем-то громоздким и поволок это нечто по полу к гробу.

«Почему ты не открываешь глаза?»

Виктор поставил свечу на пол и прикоснулся к Саше. К ее плечу. Холодна. Неподвижна. По-прежнему не жива... Страх внутри уже достиг горла, отчего Виктору показалось, что он вот-вот утонет: а вдруг она так и не очнется?

Аккуратно просунув одну руку под талию Саши, другую — ей под плечи, Виктор осторожно вытащил любимую из гроба — девушка оказалась настолько легкой, что он почти не ощутил ее веса. Знакомое лицо, покрытое мертвенно бледностью, было точь-в-точь таким же, как и у оставшегося по ту сторону бездушного отражения. Но волосы, в отличие от блеклой подделки, были длинны, как и в день расставания.

— Саша. Моя Саша... — Виктор осторожно опустил девушку на каменный пол. Та послушно легла, безжизненно откинув голову. — Проснись, умоляю тебя...

«Почему ты не открываешь глаза?»

Он принялся растирать ей щеки и гладить по волосам. Затем перевел умоляющий взгляд на мистера Гласса, который по-прежнему мерил шагами темноту неподалеку.

— Она жива, — предвосхищая его вопрос, заверил Зеркало. Лукинг возился с пустой деревянной рамой, передвигая ее и поворачивая вроде бы совершенно абстрактным образом. Порой он замирал и начинал пристально глядеть в черноту проема внутри нее.

«Тогда почему ты не...» — подумал было Виктор.

И тут Саша открыла глаза.

— Вик? — Плотно сжатые губы дрогнули и раскрылись, кожа девушки начала терять бледность. — Какой сладкий сон. Как же давно я не видела таких прекрасных снов...

— Саша... Это не сон, это я. — Виктор приподнял ее и прижал к груди. Тепло от его ладоней стало расходиться по телу девушки. — Саша...

— Правда? — Она не верила. — Нет, ты не можешь. Никто не может. Здесь меня никто не найдет. Никогда. Она так сказала — твоя мама. Когда закрывала крышку.

— Тише,тише, милая. Я тебя нашел... Она солгала. Я тебя нашел...

Слезы застилали глаза Виктора — ему было больно принимать свое неосознанное предательство. Столько лет! Саша пролежала здесь столько лет! Каким же он был идиотом, когда решил уехать! Как он мог оставить ее, обреченную на вечный холод и заключение в этом ящике?! На этот ледяной сон во тьме! Если бы он только знал!

— Саша, моя маленькая Саша! — прошептал он. — Прости меня. Прости, что так долго...

— Ты... здесь... — Она смотрела на него осмысленным и живым, совершенно живым, все еще не верящим взглядом. Ее ладонь, будто невесомая пушинка, коснулась его щеки. — Ты... сейчас здесь...

Она не постарела ни на мгновение. В отличие от него самого. Колдовской сон, хоть и не смог спасти Сашу от кошмаров, уберег ее от старящих трагедий и нервных потрясений, а зазеркалье уберегло от прикосновения лет. В отличие от нее, Виктор, живший последние годы как тень, сохранил на своем лице каждую крупицу прошедшего времени.

— Ты... — прошептал он, обнимая ее так крепко, как только мог. — Я думал, ты ушла... И я ушел... — На его губах появилась печальная улыбка. — Мое сердце... Кажется, оно валяется где-то в этом гробу. Ты его, случайно, не находила?..

— Кхм... — Зеркало деликатно кашлянуло, стараясь привлечь их внимание.

Он установил пустую раму ровно напротив гроба, будто намеренно выбрав такое ее положение, чтобы внутри оказались и Виктор, и Саша. Мистер Гласс выглядел еще более угрюмым, чем раньше.

— Я безгранично рад лицезреть это, бесспорно, чудесное воссоединение, — сказал он без какой бы то ни было радости в голосе, — но времени мало. Совсем мало. — Он начал торопливо оглядываться по сторонам, высматривая что-то в темноте. — Сэр скоро явится за своей жертвой. И ваша Саша, мистер Кэндл, ждет его. Ну, в смысле не ваша, а... другая Саша, в общем, вы меня поняли. Там, в реальном мире, это вовсе не Черный дом, а Гаррет-Кроу. Но в нашем с вами случае что там, что здесь — гиблое место. Это последняя станция, мистер Кэндл.

— Что значит «последняя»? — В душе закралось мерзкое подозрение.

Зеркало шагнуло ближе.

Саша глядела на мистера Гласса и не понимала, что происходит. Девушка была совершенно сбита с толку: она еще не до конца поверила в то, что спаслась, что Виктор отыскал и освободил ее, а тут какой-то незнакомый человек в жуткой черной комнате говорит страшные и непонятные вещи. Черный дом... жертва... какой-то сэр, который придет за ней. И почему это она его ждет? Или не она? Единственное, о чем она догадалась: далеко не все позади, грядет нечто страшное.

— А вы как думали, мистер Кэндл? — Лукинг Гласс был раздосадован. Еще бы, отчего он должен объяснять столь очевидные вещи! — Полагали, что явитесь сюда, что остановите злодейский план ужасного монстра, спасете любимую, а после просто вернетесь домой?

— Слишком поздно для «просто», — сказал Виктор и поднялся на ноги, при этом помогая подняться и Саше. — Мистер

Уик меня предупреждал о вас. Вы отыграли мной, как пешкой, для того, чтобы уничтожить Часы. А сейчас что?

— Но разве я не отдал вам ключ от гроба, как мы договаривались? — удивился мистер Гласс. — Разве вы не с любимой?

— Но этого мало! — гневно воскликнул Виктор. Его голос смолк, съеденный темнотой. Никакого эха. Как в тесной могиле.

— А разве я обещал большее? — уже в откровенной ярости спросил мистер Гласс. — Вы здесь вместе с ней! — Он ткнул пальцем в Сашу, отчего та испуганно схватилась за Виктора. — Кое-кто, знаете ли, и подобного лишен.

— Сгинуть здесь, едва найдя ее?! — Виктор гневно уставился на него. — Да уж, просто великолепно!

— По крайней мере, вы умрете вместе, — едва слышно произнес Зеркало, но его голос эхом разлетелся по залу, словно, в отличие от того же Виктора, его собственная могила была не в пример больше.

Виктор хотел что-то сказать, но так и застыл с открытым ртом. Он вдруг понял, что никакого плана спасения нет и не было, а побег из зазеркалья и освобождение из лап мистера Ива даже не предусматривались. Понял, что вот он, конец пути. И правда, «последняя станция».

— Почему вы не сказали, что все это бессмысленно? — глухим голосом спросил Виктор. — Еще там, в Крик-Холле?

— А вы бы согласились отправиться в Глухую башню, согласились бы жертвовать собой, чтобы одолеть Часы? Согласились бы хоть что-либо предпринять, зная, что пути отсюда для вас все равно нет?! Что зазеркалье поглотило вас, а все выходы превратились в щели?!

— Да! — воскликнул Виктор. — У меня ведь не было бы выбора! Как я мог оставить ее здесь одну? Или вы полагали, что, рассказав мне правду о том, что мы в любом случае сгинем в этом проклятом месте, я со всем смирююсь, отправлюсь

в чертovo отражение своей комнаты и предпочту забыться под чертовым отражением своего одеяла в чертовом отражении своей постели?

— Я не мог рисковать...

— Вы и не рисковали... — презрительно бросил Виктор. — Вы и не искали выход и, кажется, просто решили уйти покрасивее! Придумали себе эффектный способ покончить с собой. А мы составим вам компанию, не так ли?!

— Вы во многом правы, мистер Кэндл, — ответил Зеркально и сделал еще один шаг навстречу Виктору, поравнявшись с гробом на каменном столе. Глядя на его лицо, Саша негромко вскрикнула и вцепилась в рукав Виктора. — Но вы кое-что упустили...

Мистер Гласс опустил голову, почти все его черты мгновенно исчезли — лицо стало напоминать блестящую полированную маску: овальную, гладкую, безликую. Лишь в некоторых местах, будто налепленные обрывки газеты, остались видны левый глаз, уголок рта, кожа щеки. В зеркальном лице отразился Виктор Кэндл — вместе со всем своим недоумением.

Лукинг Гласс будто и не заметил произошедших с ним изменений.

— Это не какой-то абсурдный вид смирения или пораженчества, — продолжил он — голос раздавался откуда-то из глубины зеркальной головы. — Лишь осознание того, что иных вариантов нет. Будь моя воля, вы бы давно с ней отсюда вышли. Но увы. Мой поступок — тот, который я собираюсь совершить, — единственная альтернатива бездействию. Даже получив жертву, ему все равно будет не хватать одной вещи — меня. Он явится за мной сюда. Причем скоро. И я буду его ждать. Револьвер в вашем кармане, мистер Кэндл...

Виктор вздрогнул и достал оружие. Саша оцепенела. Ее глаза округлились еще больше.

— Вы хотите застрелить Человека в зеленом?! — пораженно воскликнул Виктор. — Застрелить мистера Ива? Вы ведь лучше кого бы то ни было знаете, что убить его невозможно...

— Достаточно! — оборвал его мистер Гласс. — Стрелять будете вы. Нет, не нужно со мной спорить. Это единственный шанс остановить Сэра.

— И куда прикажете стрелять? — нервно рассмеялся Виктор. — Ему в голову? Или в сердце?

— В меня.

— Что?

Мистер Гласс не ответил. Он медленно отошел от гроба на несколько шагов и вскинул палец перед тем местом зеркальной маски, где когда-то был правый глаз, закрыл левый. Невзирая на видимое отсутствие логики в его действиях, используя палец точно визирную линию, он снова начал что-то шепотом подсчитывать, а закончив, вернулся к гробу и, закрыв крышку, немного сдвинул его. Затем настал черед пустой рамы. Она перекочевала на полдюйма левее от того места, где стояла прежде.

— Не бойся... — прошептал Виктор, обнимая Сашу. Револьвер дрожал в его пальцах. — Все будет хорошо....

— Это все она? Твоя мама? — Девушка прикоснулась губами к его уху, не отрывая испуганного взгляда от мистера Гласса. — Я знаю, что она ведьма. И знаю, где мы. Она затащила меня сюда через зеркало в вашей прихожей. Я получила приглашение на чай... и пришла, а она встретила меня на пороге. Ты в это время был наверху. Она сказала, что ты вот-вот спустишься. А потом схватила меня и... — шепот потонул в слезах.

— Не надо, не плачь... — неловко попытался утешить любимую Виктор.

— Мы ведь не выберемся отсюда? — продолжила Саша. — Ты пришел за мной и тоже попал в ловушку. Этот... это... почему оно хочет, чтобы ты его убил?

Мистер Гласс тем временем встал ровно посередине между гробом и пустой рамой, шагнул вперед, затем отступил назад, будто выискивая какую-то идеальную отметку.

— Остановитесь! — Виктор отпустил Сашу и шагнул к Зеркалу. Револьвер в его руке вдруг стал весить сотню фунтов. — Что происходит? Почему вы хотите, чтобы я стрелял в вас?

— Мистер Кэндл, — негромко сказал Зеркало и отвернулся. — Это единственный шанс. Я сделаю с ним то, что он сделал с вами. Я попытаюсь поймать его.

— Но как?

— Заманив внутрь зеркала. И заперев здесь навсегда.

— Но вы ведь сказали, что он и так скоро здесь появится. Что помешает ему вернуться отсюда обратно?

— Вы не поняли. Я заманю его еще глубже, чем Черный город. В зазеркалье зазеркалья.

— Что за бред?.. — начал было Виктор, но тут же отшатнулся.

Зеркало утратил последние черты, а следом и его ладони мгновенно покрылись стеклянной кожей. Он стал напоминать ледяную статую в сером костюме.

— Я заманю его в себя, — сказал мистер Гласс. — И как только он окажется внутри, вы выстрелите... и разобьете меня. Не так уж и трудно. Даже для журналиста.

План мистера Гласса показался Виктору чудовищным. И не ему одному: Саша непроизвольно зажала рот рукой.

— Но...

— Не нужно... Не стоит отговаривать. Мне от него не скрыться, — печально сказал мистер Гласс. — Куда бы я ни отправился, он отыщет меня. Пусть. Я жалею лишь об одном — что больше не увижу мисс Мэри, мою славную мисс Мэри. И я надеюсь — нет, я хочу верить! — что, разрушив его планы, избавив мир от его присутствия, мы сумеем спасти и ее тоже.

— Я не могу на это пойти, — начал Виктор. — Вы решили пожертвовать собой, чтобы...

— Хватит спорить, вы — тряпка и трус! — рявкнул Зеркало и угрожающе шагнул к Виктору. Тот машинально вскинул оружие. Стеклянные кулаки мистера Гласса сжались. — Вы сделаете то, что должны. И перестанете спорить! И будете рады такому подарку! Вам все ясно?

Посчитав молчание Виктора согласием, Зеркало тут же вернулся к своим вычислениям и замерам.

Виктор понял, что Лукинга Гласса не переспорить. Он опустил револьвер, спрятал его в карман — из-за дрожи в пальцах это получилось сделать не сразу — и повернулся к Саше.

— Это существо безумно, — прошептала она. — Ты ведь не станешь стрелять в него?

Виктор задумчиво молчал. Он взял руки Саши в свои и ощутил их слабое, но такое приятное тепло. Подумать только: вот чем все завершится. Адская неделька дома перед праздником, чудовищный праздничный ужин и будто бы целая вечность здесь, в Черном городе. Но кое-что из слов Зеркала осталось для Виктора непонятным.

— О каком подарке вы говорите, мистер Гласс?

Зеркало замер. Он стоял к ним спиной и вот так, не оборачиваясь, заговорил, будто не осмеливаясь взглянуть на них:

— Вы не проживете здесь долго, — тихо сказал он. — Да-да, твари зазеркалья, о которых вы уже наслышаны. Для них вы, к несчастью, слишком уж теплые и живые. Особенно в темноте. Когда все закончится, вы рано или поздно покинете этот подвал. Вы выйдете наружу и окунетесь в безбрежную тьму Черного города. Но до этого вы все же пробудете здесь пять минут, час или вечность. Вместе. Это и есть подарок. А ведь его может и не быть, если вы не поможете мне справиться с мистером Ивом. Или если мой план провалится...

— Что вы все время высчитываете и замеряете? — спросил Виктор. — Зачем вам эта рама?

— Ловушка требует невероятной точности. Мистер Эвер Ив должен появиться в определенном месте, сдвинься он хотя бы на пять дюймов — и все. Мы просто отдадим свои никческие жизни задаром.

— И каковы шансы? — Виктор сжал зубы. — Шансы на успех?!

Мистер Гласс повернул зеркальную голову, в стекле вновь прорисовался человеческий глаз — он глядел с печалью и со-жалением:

— Они мизерны. Но это лучше, чем просто улечься в черный гроб и ожидать смерти. А теперь, прошу вас, я бы занялся делом. Мне предстоят весьма сложные вычисления, времени мало, и отвлекать меня совершенно не стоит.

Виктор задумчиво кивнул, а мистер Гласс вернулся к своим странным перемещениям по подземному залу. Саша высвободила свои руки и взяла Виктора за рукав:

— Неужели нет никакой возможности отсюда выбраться? — Ее глаза смотрели на него с надеждой, как будто от него что-то зависело. — Почему мы не можем выйти так же, как и зашли?

Виктор покачал головой. Ответа у него не было.

Мистер Гласс проскочил мимо и исчез, затем появился снова, таща на себе тяжеленную портьеру. Некоторое время он еще ходил взад-вперед около опустевшего гроба, словно неприкаянный призрак. Откуда-то из-под его зеркальной кожи раздавался задумчивый шепот.

Виктор и Саша молчали. Саша заставляла себя не плакать, чтобы не ухудшать их и без того тягостное положение, но слезы против воли текли по ее щекам. Ну а Виктор глядел на свечу, по-прежнему стоящую на полу, и думал о том, что она совсем скоро дрогнет — оплавится и умрет, как бедный мистер Уик. В голове вдруг поселилась мысль: «А действительно ли я жалею?»

Виктор поглядел на Сашу и, несмотря на безысходность, раскинувшуюся над ними мрачным пологом, улыбнулся.

«Была ли моя жизнь там, в реальном мире, хоть чем-то примечательна?»

Он снова взял Сашу за руку и ощущил в ней дрожь — ладонь девушки походила на птичку, замерзающую холодной зимой.

«Я здесь, в Черном городе. Заперт. Но неужели я был так уж свободен там, в сером и блеклом мире?»

Он приблизился к Саше. Та поглядела на него снизу-вверх так искренне, так... по-настоящему...

«Я тебя нашел...»

Он склонился к Саше. Саша потянулась к нему.

«Я...»

Губы коснулись губ.

«Счастлив».

Поцелуй длился всего мгновение или целую вечность, но Виктор и не заметил, как он оборвался и перерос в объятия. Виктор чувствовал, как бьется испуганное и влюбленное женское сердце — стучит в его жилетку. Он чувствовал слезы на своей шее.

«А мистер Ив, мерзавец, не так уж меня и одурачил. О, если бы он только знал, как продешевил, съел бы собственные локти с досады!»

Виктор вдруг почувствовал небывалое облегчение, появившееся совершенно неожиданным и странным образом. Он откуда-то понял, что ему больше не нужен его дневник. Да-да, конечно, он понимал, что это не просто рабочая тетрадь, а место, в которое он изливает безысходность... Мысли стали ясными и понятными — для него просто небывалое дело, — чувства и страхи перестали мешать.

«Как жаль, что зазеркалье поглотило нас, а все выходы превратились в щели и... Щели...»

Виктор вздрогнул. Саша почувствовала и отстранилась:
— Что такое? — спросила она испуганно.

— Мистер Гласс! — Виктор поглядел на Зеркало, который в эти мгновения зачем-то полировал рукавом пустоту внутри рамы.

— Что еще такое? — проворчал Лукинг Гласс. — Неужели нельзя потратить оставшиеся крохи времени, не знаю, на объятия? Зачем тратить его на пустую болтовню?

Виктор не придал значения этому показному недружелюбию.

— Вы сказали так: «Все выходы превратились в щели». Что вы имели в виду?

— Что нам отсюда не выбраться — разве не ясно?

— Простите мое занудство, но я хотел бы уточнить кое-что. Щель подразумевает проход. Маленький, с игольное ушко, быть может, но все же проход. Бесконечный Коридор в моей спальне в Крик-Холле не может послужить выходом так же, как до этого стал входом?

Зеркало издал тяжелейший вздох из всех, на какие только, должно быть, был способен.

— Может, но, если учесть, что это лабиринт, в котором у вас нет проводника, и вход в него располагается к тому же на другом конце Черного города, вам ни за что не успеть добраться туда и преодолеть его до того, как мистер Эвер Ив появится здесь.

— Согласен. Но меня интересуют другие варианты...

— Ах вот оно что, — раздраженно проговорил мистер Гласс. — То есть вы не верите мне на слово, когда я говорю, что отсюда нет выходов? Вам напомнить, что меня называют Зеркалом? Напомнить, где именно мы с вами находимся?

— Постойте, мистер Гласс, — примирительно сказал Виктор. — Но вы ведь только что признали, что выходы (по крайней мере, один) точно есть — просто они не подходят по каким-то причинам.

— И вы полагаете, что я что-то упустил? — скептически заметил Зеркало.

— Я на это надеюсь.

— Что ж, ладно. — Он развернулся и застыл, уперев руки в бока. — Ваша взяла. Давайте обсудим это. У нас ведь так много времени. Начинайте...

Виктор звонкованно шагнул к нему навстречу.

— Выходы все же есть, — подытожил он. — Правда, нам они не подходят. Но все ли? И так уж не подходят ли? Что насчет Кровавой Мэри?

— Мэри? — удивленно переспросил Зеркало, и в тот же миг на его лице проявился второй глаз. Это было чертовски странно: два человеческих глаза, моргающих и щурящихся, на гладкой стеклянной маске.

— Да, я видел, как она смогла пробиться отсюда наружу. Вы так можете?

— Мог бы, живи я здесь столько же, сколько и она. Я не представляю, как она это сделала, — должно быть, дверью незадолго до этого пользовались, отправив кого-то в зазеркалье, и та еще не успела «остыть».

— Вероятно, именно так сюда и попал дядюшка, — задумчиво произнес Виктор. — А она воспользовалась проходом.

— В любом случае та дверь разбита. Мэри все еще где-то здесь. И предвосхищая ваши вопросы, мистер Кэндл: дверь, через которую сюда затащили вашу подругу, тоже давно «остыла». Дверь, через которую попал сюда я, разбита.

— Тетушка Скарлетт найдет отца и освободит его. Она обещала. То есть у нее должен быть план, как именно...

— Вашего отца? — хмуро спросил Зеркало и отвел взгляд. Слишком поспешно отвел.

Виктор вдруг все понял. По затылку словно разлился кипяток.

— Его больше нет? — дрожащим голосом спросил он.

Зеркало промолчал и отвернулся. Красноречивее ответа быть просто не могло.

Виктор почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Саша взяла его за руку, и только ее прикосновение, казалось, не позволило ему упасть. Она спросила мистера Гласса:

— Ведьмы умеют открывать проходы сюда, так ведь?

— Да, это так, но...

— И они могут открыть проход где угодно и когда угодно?

— Вы очень умны, мисс Кроу, — сказал Зеркало. — Но в нашем с вами случае рассчитывать на помошь ведьм мы не можем.

Саша не поняла, почему это странное существо называло ее «Кроу», но ее это не слишком сейчас волновало.

— Жаль, у нас нет ведьмы там, чтобы выпустить нас, — горестно проговорила она.

Виктор поднял голову так резко, что та едва не оторвалась:

— У нас их целых две! Если можно так выразиться!

— Не нужно ложных надежд... — начал было Зеркало, но было слишком поздно: Виктор был переполнен надеждами.

— И я могу их попросить! Я уже связывался с ними!

— Даже если так, не все так просто...

— Что может быть проще?! Я всего лишь дам им знать, и они...

— Хватит! — Зеркало стремительно подошел к Виктору и встряхнул его. Оба глаза мистера Гласса затянулись стеклом, а вместо них появился рот: сердито поджатые губы с опущенными книзу уголками. — Я понимаю, что вы надеетесь. Я все понимаю, но вы не сможете выбраться, даже если с той стороны для вас сделают проход. Ваш отец мог бы выбраться, я мог бы выбраться, но вы с ней — нет.

— Но почему? — отчаянно спросила Саша.

— Потому, что вы не целиком здесь, если вы меня понимаете. Ваши тела *tam*. Вернуться для вас — это не то же самое, что просто перешагнуть порог. Вам нужно было бы взять и вновь поменяться местами со своими отражениями!

— Значило бы это, что в таком случае отражение Саши оказалось бы здесь, где ему самое место, а мистер Ив составил бы ему компанию?

— Да, это то и значило бы, но...

— Это невозможно?

— Отражение Саши Кроу вряд ли испытывает потребность поправлять макияж или прическу, учитывая то, что само нигде не отражается. А в вашем случае, мистер Кэндл, все еще более сложно: у тела Виктора Кэндла на данный момент имеется иной владелец, и Сэр вовсе не станет расставаться с ним по доброй воле. И кто вам сказал, что Сэра вообще можно мерить законами прочих отражений?

— Меня интересует один вопрос, мистер Гласс. Это очень важно. Когда тетушка Скарлетт сделала возможной нашу встречу с Иеронимом, он находился в зеркале. Был ли я в тот миг свободен от него?

Зеркало замер на месте, и Виктор на мгновение подумал, что он действительно превратился в статую.

— То есть вы уже проделывали это... — потрясенно начал мистер Гласс, и его рот полностью затянулся стеклом. Лицо снова утратило черты.

— Так я был свободен? — гнул свое Виктор.

— Законы отражений... — прошептал Зеркало. — Мне нужно подумать, поскольку это, смею вас заверить...

— Все же лучше, чем просто взять и героически отдать жизнь? — прищурился Виктор.

Мистер Гласс не ответил на сарказм. Он всерьез задумался. Тонкие стеклянные пальцы забарабанили по такому же, стеклянному, лбу, издавая хрустальный звон. Новая надежда зажглась в нем, как разгорается костер от уже почти погасших углей...

— Я и помыслить не мог... — забормотал Зеркало. Виктор и Саша, затаив дыхание, глядели на него и ждали, к чему приведет спор мистера Гласса с самим собой. От этого зависело

все. — Но как же?.. А если мы... Нет, так не выйдет. А если... Да! — радостно воскликнул Зеркало. — Нет, — тут же потускнел он. — Все замеры и расчеты придется переделывать... Мало времени. Да к тому же... их двое...

— Так это возможно, мистер Гласс? — не вытерпел Виктор.

— Время... — угрюмо сказал Зеркало таким тоном, что новая надежда разбилась в пух и прах. — Нужно все подогнать до мельчайшей секунды. Нужно находиться перед зеркалом, когда в него посмотрит тот, кто занял ваше тело. Но подобное совершенно невыполнимо.

— Отчего же? Здесь есть мы с Сашей. Вы сказали, что та Саша ждет Иеронима в Гаррет-Кроу и Эвер Ив — мое своеобразное отражение — тоже не замедлит явиться. Нам всего-то и понадобилось бы...

— Чудо? — скептически спросил Зеркало. — Ведь мистер Эвер Ив не встанет напротив зеркала, если почувствует в нем двойное дно.

— Нет, чудо не годится, — улыбнулся Виктор. — Нужен... фокус.

Ничего больше не говоря, он сунул руку в карман, но вместо зеркальца Петровски нашел лишь осколки, о которые тут же поранил руку, — падение с часовой башни для хрупкого предмета не прошло бесследно. Виктор осторожно вывернул карман, достал все, что осталось от зеркальца, и показал мистеру Глассу:

— Вы не могли бы...

Тот лишь слегка склонил свою стеклянную голову — и через мгновение на ладони у Виктора лежало совершенно целое зеркальце, в котором отражалось его лицо.

Виктор провел пальцами по гладкой поверхности.

— Фред? Мари? Вы меня слышите?

Он заговорил сразу, едва лишь лицо Фреда Петровски появилось в зеркале. Фред попытался что-то сказать, но это оказался тот редчайший случай, когда говорливому фокуснику не удалось вставить ни слова.

— Как можно скорее отправляйтесь в Гаррет-Кроу! — затараторил Виктор. — Гаррет-Кроу, да! Медлить нельзя! Сколько у них в реальном мире осталось времени? — последнее было сказано уже мистеру Глассу.

— Меньше десяти минут, — ответил Зеркало.

— Вы должны успеть, Фред! — добавил Виктор и перешел на язык Петровски (театральный — не русский): — Иначе ни одно представление больше не состоится, и всех нас садут в утиль, как сломанный реквизит. Так вам понятно?

Фред кивнул, и его лицо тут же превратилось в лицо самого Виктора.

— А вы, — он повернулся к Зеркалу, — уж будьте добры, верните себе более... гм... человеческий облик. Боюсь, вашим драматическим планам сегодня не суждено сбыться.

Мистер Гласс кивнул, надел перчатки и через какое-то мгновение вновь стал напоминать себя прежнего.

— Я не знаю, — сказал он хмуро, — удастся ли нам сделать то, что вы задумали. Но я знаю одно: если же нет, нашей судьбе не позавидуешь. И быть может, только что вы вынесли смертный приговор не только самому себе, мне и вашей любимой, но также вашим друзьям-колдунам и... мисс Мэри. Что ж, мистер Кэндл, поглядите на ту, ради которой вы добровольно ступили в капкан. Полагаю, сейчас наилучшее время, чтобы проститься. После уже не успеете.

Сердце колотилось как безумное. Клара тяжело дышала.

В прихожей Гаррет-Кроу было тихо: ужасные звуки Города Полуночи и голоса ведьм мгновенно умолкли, стоило ей запереть за собой дверь. А еще здесь было темно. Любой другой не смог бы ничего разглядеть кругом, но глаза Клары давно привыкли к темени этого дома. Сколько лет она день за днем приходила сюда, пробиралась на ощупь на кухню и зажигала там крошечную лампу.

Раздался грохот: в дверь кто-то «постучал». От неожиданности Клара едва не вскрикнула.

— Тебе от нас не спрятаться, Кроу! — закричала Джелия Хоуп — она пришла в себя явно не в самом добром расположении духа. — Мы никуда не денемся, пока не выволочем тебя оттуда за шиворот!

Клара потянула Сашу подальше от двери.

— Твой дождь из мечей уже редеет, а чертополох вянет! — продолжала Джелия. — Твое заклятие выдохлось! Тебе от нас там не спрятаться, Кроу!

Клара провела ладонью по лицу, и в следующее мгновение раны от игл Фирча на нем зажили — на большее, к сожалению, ее сил уже не хватило.

Ковыляя на подвернутой ноге, ведьма потащила Сашу за собой к лестнице. Ее убежище располагалось наверху, под самой крышей этого опостылевшего ей дома, и если ее все же убьют, а Джелия Хоуп или даже сама Корделия Кэндл придут за ней, то пусть это произойдет именно там. И даже если это ловушка (ведь с чего это Рэмморе понадобилось вдруг открывать? вряд ли жалость проснулась...), ей будет спокойнее, если она окажется в своем гнезде.

Клара заметила, что гардероб в прихожей — тот самый, в котором располагался ее тайный ход, — был сдвинут и полностью перегородил кухонную дверь.

«Вот мерзавка! Уже начала здесь перестановку!» — с недоверием подумала Клара.

Крепко сжимая руку Саши, она пошла вверх по ступеням, с немыслимым трудом переставляя ноги. На перилах оставалась кровь из рваной раны на запястье.

Из комнаты мамы на ступени и площадку тек тусклый свет. Оттуда же раздавались стоны. На полу лежала окровавленная Рэммора. Ее руки и ноги были неестественно вывернуты, а волосы вросли в пол, отчего ведьма не могла даже повернуть голову. Внезапно Клара почувствовала

доселе незнакомое ей и столь присущее ее матери злорадство.

— Клара? — прохрипела Рэммора.

Клара промолчала.

— Я знаю, что это ты. — Вместе со словами Рэммора выплевывала сгустки крови. — Это я тебя впустила... Помоги мне, Клара!

— Почему я должна помогать тебе? — жестоко спросила Клара. — Почему должна, забыв обо всем, подать тебе руку, после того как ты сговорилась с моей матерью? — Неимоверным усилием воли Клара удержалась, чтобы не взглянуть на кровать, где до сих пор лежал труп Софии Кроу. — После того как отобрала у меня мой дом. После того как заставила меня выпрашивать у тебя, словно какое-то подаяние, чтобы ты нас в него впустила. После того как меня и мою дочь из-за тебя едва не убили!

— Ты не понимаешь... — Рэммора заговорила быстро, с придухианием. — Она здесь... Моя мать, Джина Кэндл. Она хочет заполучить Иеронима. Именно она корень всех бед. Ты должна мне помочь. Я знаю, как ей помешать...

— Мне нет дела до ваших свар, — с безразличием в голосе возразила Клара. — Я не знаю никакого Иеронима. И если с тобой это сделала твоя мать, то ты получила по заслугам, чертова мерзавка.

Рэммора застонала от бессилия.

Оставив дочь на пороге, Клара шагнула в комнату и, обойдя прикованную к полу ведьму, направилась к камину — там, на полке, лежал ключ от чердака.

И тут Рэммора увидела ее. Глаза ведьмы Кэндл недоуменно расширились.

— Как? — спросила она пораженно. — Ты так молода! Я не понимаю... это ведь не смена внешности и не иллюзия! Я вижу...

— Да, — просто ответила Клара. — Не смена внешности и не иллюзия.

Она взяла ключ и покинула комнату матери, оставив новую хозяйку Гаррет-Кроу в ее боли и одиночестве.

Рэммора еще пыталась остановить ее, образумить:

— Ты не понимаешь! Ты должна освободить меня и помешать моей безумной матери! Помешать ей!

Но Клара уже не слушала. Взяв Сашу за руку, она поднялась наверх, открыла люк и, затащив дочь на чердак, опустила крышку.

Первым делом ведьма Кроу подковыляла к окну и поспешно затворила дощатые ставни. При этом она успела убедиться, что Джелия Хоуп сказала правду: дождь из мечей закончился. С последним вонзившимся в землю клинком чертополох начал увядать прямо на глазах, ветер стих, и даже тучи постепенно рассеялись.

Окрестности особняка выглядели как самое настоящее поле боя. Чернели воронки от взрывов. Разлитое фонарное масло пылало алым огнем. Недалеко от входной двери дого́рал «Змей», а изуродованные автомобили прибывшего к мистеру Фирчу подкрепления дымились в сотне ярдов от дома. По всему пустырю, словно павшие шахматные фигуры на доске, были разбросаны тела — не менее дюжины мертвых тел. Разбившиеся при падении, наполовину торчащие из земли, лишенные голов и рук — обглоданные цветками чертополоха. Кто-то, шатаясь, бродил по пустырю и кричал — его душу рвали осевшие на лице и волосах, словно роса, вдовьи и сиротские слезы, принесенные ветром из книги со сном Морриган. Одни пытались при помощи колдовства излечить свои увечья, другие призывали потерянные в схватке веретёна, третья искали метлы и оглядывались в поисках предводителей ковена.

Но были здесь и те, кого словно и вовсе не коснулась жестокая древняя магия, порожденная книгой по истории Шотландии. Даже костюмы и прически этих личностей не были испорчены или сколько-нибудь задеты сражением.

Упомянутые колдуны и ведьмы разве что пребывали в ярости и горели решимостью отплатить строптивой ведьме, трусливо укрывшейся в старом черном доме.

Вскоре в воздух уже поднялось почти две дюжины ведьм и колдунов под предводительством Джелии Хоуп, старухи Палмер и мистера Фирча.

Слитным движением они направили свои веретёна на Гаррет-Кроу, больше не заботясь о том, что кого-то там им было велено взять живым, и намереваясь спалить весь дом дотла, но вдруг в небе вдалеке раздался чей-то крик. За ним последовала зеленая вспышка.

Приспешники Джелии Хоуп и Селен Палмер развернули метлы.

Мистер Фирч поднял руку — и, повинуясь приказу, его Серые, отделившись от недавних соратников, выстроились ровной линией и вскинули колдовские веретёна в салюте.

Глядя на происходящее сквозь щелочку между ставнями, Клара сжала зубы от страха и отчаяния.

К Гаррет-Кроу пожаловала сама Корделия Кэндл. А с ней и остатки ковена Тэтч.

Корделия Кэндл остановила свою метлу за десять футов до метлы Джелии Хоуп.

Молодая ведьма глядела на Корделию нагло, без какого бы то ни было уважения или страха. Неподалеку от нее парила Селен Палмер. Та выглядела не столь уверенной, как бывшая Дева ковена Тэтч, — старуха знала, чего можно ожидать от своей воспитанницы. К тому же ни о какой поддержке Фирча речи не шло: он и пятеро оставшихся в строю Серых были на стороне новой Верховной.

— Ты опоздала, Корделия! — с вызовом заявила Джелия.

— Опоздала, мисс Хоуп? — удивилась рыжая ведьма.

— Ты упустила свой шанс, — пояснила Дева. — У тебя был замечательный план, и ты почти довела его до конца. Идея

заслуживает восхищения, но вот результат... Пора тебе смириться с поражением и отойти в сторону, Кэндл. Силы явно не на твоей стороне. С тобой всего семеро человек, включая твою бездарную дочурку, за мной же две дюжины. Со мной мадам Палмер.

— Э-э-э... Джелия... милая... — начала робко Селен Палмер. — Ты кое-что...

Корделия рассмеялась.

— Твоя союзница мадам Палмер явно хочет сказать, что ты кое-чего не учла, верно, Селен?

Старуха лихорадочно затрясла головой и будто бы даже несколько отлетела от Джелии Хоуп, делая вид, что это просто ветер.

— Чего же я не учла? — с усмешкой спросила Джелия.

— Того, — ответила Корделия, — что Триединая Линия не ведет счет на количество сподвижников. И я бы посоветовала вам, мисс Хоуп, покрепче держаться за метлу, не то вы с нее упадете.

Джелия Хоуп вдруг округлила глаза и вскрикнула. Корделия Кэндл еще говорила, а пальцы бывшей Девы уже начали деревенеть, стремительно покрываясь корой. Молодая ведьма задергалась, пытаясь оторвать их от метловища, но стало лишь хуже — корой начали покрываться ее запястья, локти, а затем и плечи.

— Остановите это! — закричала она. — Остановите! Я не хочу!.. Селен!

Старуха отвела взгляд, старательно пытаясь сделать вид, что ничего не слышит, но это у нее не особо-то получилось. А ноги и туловище девушки тем временем уже полностью одеревенели, кора начала подбираться к шее.

— Нет! Я не...

Бывшая Дева ковена Тэтч не смогла договорить. Она вздрогнула и выдохнула облако гнилой трухи. Ее голова вместе со шляпой покрылась корой, а волосы высохли и стали

походить на прутья метлы. Из плеч и локтей потянулись ветви, на них прямо на глазах стали распускаться почки и листья. Шея хрустнула и слегка подломилась — из хребта выросла еще одна кривая ветвь. И хоть молодая ведьма пока еще была жива, но удержаться в воздухе не смогла...

Джелия Хоуп рухнула вниз. Падение не было долгим. В тот миг, как она столкнулась с землей, из неподвижного задеревеневшего рта вырвался неистовый крик, но его никто не услышал.

Молодая ведьма разбилась на куски. Голова треснула поперек лица и шляпы. Грудная клетка разломалась, в прорехе можно было различить деревянное сердце в ложе из трухи. Уродливые обломки в грязи пустыря уже мало походили на ту красивую девушку с новомодной лондонской прической и заносчивым блеском в глазах. Ведьмы и колдуны смотрели на останки бывшей Девы с отвращением и жалостью.

— Весьма... — сглотнув застрявший в горле от страха ком, выдавила Селен Палмер, — весьма впечатляюще, дорогая Корделия. — Даже увиденное не заставило ее забыть о лизоблюдстве.

Корделия повернулась к старухе.

— Никто больше не желает оспорить мое право руководить ковеном?

Вместо ответа бывшие соратники Джелии Хоуп направили метлы к ведьмам Кэндл и присоединились к ним.

— Что ж, замечательно, — кивнула Корделия. — А теперь вы будете ждать там.

Она указала на Гаррет-Кроу, и под предводительством чрезмерно исполнительной мадам Палмер выжившие члены ковена полетели к крыше особняка. Они приземлились на ветхую черепицу, водостоки и каминную трубу, после чего слезли с метел, удерживая равновесие не иначе, как при помощи колдовства.

— Ты готова? — спросила Кристина маму, когда они остались вдвоем.

Корделия не ответила. Она наклонилась вперед и решительно направила метлу ко входу в Гаррет-Кроу. Кристина последовала за ней. Ветер засвистел в ушах, подолы платьев захлопали, как птичьи крылья, но шляпы ведьм и не подумали слетать.

Полет все ускорялся и ускорялся, и Корделия с Кристиной, казалось, вот-вот должны были на полной скорости врезаться в запертую дверь, но в какой-то миг они просто проскользнули внутрь дома так, словно ее и вовсе не существовало.

Все так же, не слезая с метел, мать и дочь меньше чем за мгновение преодолели темную прихожую и нырнули в черный дверной проем, располагавшийся в стене, у которой некогда стоял гардероб. Миновав широкую винтовую лестницу, они оказались в подвале Гаррет-Кроу.

И тут полет ведьм завершился. Причем самым жестоким образом, какой только можно вообразить. Стоило им оказаться под землей, как какая-то невидимая сила сорвала их с метел и швырнула на пол.

Кристина ударила коленями, сломала каблук и порвала платье при падении, в то время как ее мать сумела замедлить собственное и ловко приземлилась на ноги, как кошка на лапы.

В подвале зажглись десятки свечей, выхвативших из темноты довольно просторное помещение, расположенное, очевидно, не только под самим Гаррет-Кроу, но и под значительной частью пустыря.

Корделия мгновенно вскинула перед собой напряженные руки, готовясь обороняться от того, кто так бесцеремонно и совершенно негостеприимно их встретил. Кристина поднялась, потирая ушибленные места. Она огляделась по сторонам.

Судя по всему, здесь когда-то проходили тайные собрания. Это был зал времен могущества и славы рода Кроу, свидетельство его былой власти. Вероятно, прежняя хозяйка особняка надеялась однажды вернуть утерянное величие своего ковена и поэтому скрыла тайную гостиную как от глаз банковских агентов, так и от собственной дочери.

Стены подземного зала — язык не поворачивался обозвать это место просто «подвалом» — были завешаны бордовыми портьерами, на которых годы будто бы не оставили никаких следов — создавалось ощущение, что их развесили только вчера или на прошлой неделе при том, что они висели здесь явно уже больше века. На полу лежал в тон портьерам ковер с мягким ворсом; над ним плавал серебристый туман. У дальней стены, в тени ведьмовского Колеса Года, располагались изящные диваны, кресла и шкафы с винными бутылками. И повсюду были свечи: на резных столах вишневого дерева, на трех огромных люстрах и даже просто в воздухе. Как некое чудесное погодное явление внутри помещения, они висели над головой и на уровне лиц, через некоторые даже нужно было переступать.

И все же не пышность обстановки привлекала внимание в первую очередь. На каменном столе в центре подземной гостиной Гаррет-Кроу стоял гроб, выкрашенный в черный цвет.

— Черный гроб в черной комнате в черном доме... — прошептала Кристина, завороженно и вместе с тем испуганно глядя на зловещее вместилище чьих-то останков.

Корделия удивленно поглядела на дочь, но сказать ничего не успела. Огоньки нескольких парящих в воздухе свечей колыхнулись, выдавая чье-то присутствие и указывая на движение.

— Что ж, я надеялась, Некто явится раньше вас... — раздался разочарованный голос, и из-за гроба вальяжно и неторопливо, будто на сцену театра, выступила Джина Кэндл.

Старая ведьма была одета отнюдь не в тот нелепый и ста-ромодный наряд, в который переодела ее к шабашу Корделия. Джина Кэндл сменила полосатое платье, делавшее ее похожей на каторжницу, на винного цвета узкое платье с длинным подолом. Голову ведьмы венчала шляпа с широкими полями, остроконечной тульей и дымчатой вуалью. Атласные перчатки до локтей скрывали дряблые руки, а туго шнурованный корсет — старческую сутулость. Сейчас Джина Кэндл выглядела так, будто последние два десятка лет не пребывала в плену, а по меньшей мере правила небольших размеров страной.

— Вся Триединая Линия в сборе! Мои дорогие наследницы! — проворковала она тоном примы на подмостках.

— О, сколько патетики, — поморщилась Корделия. — Я уж и забыла, что ты без этого просто не можешь.

— Бабушка!

Кристина шагнула было к Джине Кэндл, но Корделия остановила ее:

— Не стоит.

Рыжая ведьма опасливо покосилась на собственную мать.

Та же медленно и величественно шагнула навстречу, а падающие в воздухе свечи отплыли в стороны, освобождая ей дорогу.

— Неужто боишься, что я причиню вред своей любимой малышке? — с наигранным удивлением спросила Джина. — Как ты причинила мне?

— Нет, — ответила Корделия и шагнула ближе к матери, словно меняя позицию в шахматной партии. В каждом ее движении проглядывали напряженность и готовность напасть. Она ненавидела эту женщину каждое мгновение своей жизни последние двадцать шесть лет. Она знала, на что способна ее мать. И вот та стоит перед ней, обретшая свободу и былую силу. Более того, став еще сильнее в момент, когда замкнулась Триединая Линия.

— Тебе не стоит меня бояться, дочь, — ласково, будто убаюкивая, сказала Джина и сделала еще один коротенький шаг; подол ее платья подобрал волну серебристого тумана и направил его в сторону Корделии. — Ты ведь знаешь, что я ничего тебе не сделаю.

— Потому что при всем желании не сможешь, — язвительно ответила дочь, и клуб тумана распался-растаял, так и не доплыv до нее. — И тебя, верно, это чертовски раздражает. Но ты ведь помнишь, кто здесь Средоточие, и будешь хорошо себя вести?

— О, а когда это мы поменялись ролями? — удивилась Джина и прикоснулась к вуали; за нею глаза старой ведьмы блестели, как искры во тьме. — Это ведь слова мамы, и ты — моя дочь, а не наоборот.

— Как мне сегодня напомнила моя собственная дочь, мы стали равны, мама, — сказала Корделия. — Лучше признайся, это ведь отнюдь не обряд Триединства выпустил тебя, верно?

— Так и есть. — Джина кивнула чересчур резко, и даже через вуаль было видно, как с ее лица посыпалась пудреная пыль. — Это твоя дорогая сестрица совершила крошечную оплошность, когда ловила Ключа. Вот бездарность-то...

— Тебе-то чего жаловаться? — подняла тонкую рыжую бровь Корделия. — Стоишь тут, изливаешься желчью и лицемерием. Как в старые недобрые времена. Словно и не прошло ни дня. Строишь козни, лелеешь планы...

— О, эти планы, — вдохновенно сказала Джина. — О, эти козни... Меня оскорбляет твой тон, девочка. Ты говоришь так, будто я какая-то Селен Палмер. Но мои планы, уж будь добра, не криви душой, оказались настолько важными, что ты неустанно пытаешься их воплотить в жизнь все последние годы и даже сейчас продолжаешь ими жить.

— Ты заблуждаешься, мама, — презрительно усмехнулась Корделия. — Я здесь как раз для того, чтобы помешать тебе.

— Как?! — по-настоящему удивилась Джина. Она вдруг поняла, что дочь не шутит. — Что это вдруг на тебя нашло?!

— Я вела свою игру, мама, и проиграла, — поджав губы, ответила Корделия. — Сегодня я поняла, что достаточно себя обманывала. Быть может, чтобы это понять, тебе самой нужно проиграть, но, знаешь ли, свобода Иеронима и последующие бедствия не стоят того, чтобы всего лишь преподать тебе урок.

Джина Кэндл вальяжно облокотилась о гроб.

И тут Кристина не выдержала. Она задала вопрос, надеясь, что это хоть как-то, хотя бы на секунду отвлечет мать и бабушку от свары:

— Кто лежит в гробу? — спросила девушки.

Джина действительно отвлеклась. Она нежно погладила крышку, как спинку любимого кота. Старая ведьма улыбалась, предоставляя возможность ответить Корделии.

— Там никого нет, — сказала та. — Он пуст.

— Верно, — кивнула старая ведьма.

— Тогда почему ты уверена?.. — начала было Кристина, но бабушка не дала ей договорить. Она расхохоталась так, что огоньки на всех свечах задрожали.

— Как я могу знать, что мистер Эвер Ив, наш разлюбезный Иероним, явится сюда? — спросила с иронией Джина Кэндл — ей было будто бы по-настоящему смешно, но Корделия не верила ни одной эмоции этой женщины, ни одной лживой нотке в ее голосе или смехе. — Ну же, малышка, подумай немножко! Ему ведь нужна свобода. И не просто свобода от затянувшегося сна. Мистер Эвер Ив до сих пор заперт. И ему осталось отворить всего один замок — главный. А для этого ему нужен ключик.

— И ключ уже здесь, — мрачно завершила Корделия. — Саша Кроу.

— Прислушайся! — старуха на мгновение застыла. — Ее шаги можно различить наверху. И я не я буду, если кое-кто

прямо сейчас не несется сюда на всех парах, как утративший тормоза паровоз.

— Ты не сможешь подчинить его, — предприняла последнюю попытку переубедить мать Корделия. — Как ты не понимаешь?!

— Но ты ведь сделала за меня почти всю работу. — Джина постучала пальцами по крышке черного гроба. — Вот только ты, глупая, когда запирала меня, была в такой ярости, что не пожелала даже дослушать до конца. Как недальновидно... Ты так и не узнала о седьмой Потаенной Вещи — о Часах. А потом принялась, как безумная, искать и подчинять себе других... — Джина усмехнулась. — «Поймать его по частям!» Просто титанический труд! Как жаль, что он в любом случае не привел бы тебя ни к чему иному, кроме как к величайшему разочарованию. И какое счастье, что рядом вовремя оказалась я.

— Что ты сделала? — одними губами проговорила Корделия.

— Я его уже поймала, — призналась старая ведьма. — Те замечательные красивенькие часики, которые подарила моему внуку эта мерзкая особа Тэтч. Я долго к ним присматривалась, а сташить их оказалось не сложнее, чем щелкнуть пальцами. Этот болван так ничего и не заметил. Как не заметил и того, что я их немного... исправила перед тем, как вернуть на место.

— И ты собираешься...

— Затянуть поводок потуже, когда он покажется во всей красе и моци. Стоит ему забрать жертву, я...

— Ты совсем спятила, старая...

— Замолчи! Немедленно! Это ты спятила, лишая себя таких сил и тех возможностей, которые они дают! — Джина,казалось, сбросила маску. Она была в ярости и пылала ненавистью. Старая ведьма стала походить на уродливую трехсотлетнюю каргу, облаченную в платье из паутины и шляпу из пыли. — Если бы ты была способна презреть жертвы,

сделать то, что потребуется, и пойти до конца, я бы простила тебе даже мое пленение, но нет! Ты — жалкое трусливое ничтожество! Разочарование всей моей жизни!

— Бабушка, не говори так! — воскликнула Кристина. Она пыталась образумить спорщиц, но эта затея выглядела безнадежной. — Я знаю, ты на самом деле так не считаешь... Мама, хватит! Прекратите ругаться!

— Это я разочарование?! — ответила Корделия, словно не заметив слов дочери, теряя, как и Джина, контроль над собой. — Ты украла у меня все, что у меня было! Любовь Гарри! Моего сына! Даже мою дочь Марго! Я уверена: это ты как-то приложила руку!

— Ты недостойна быть Кэндл! — в свою очередь прокаркала старуха. — Ты даже хуже, чем Кроу!

— Хватит! — закричала Кристина. — Остановитесь!

— А я и не хочу быть Кэндл, если ты тоже Кэндл! — ответила Корделия, сжимая кулаки.

— Лучше бы ты вообще не рождалась, неблагодарная тварь!

— Да! Лучше бы я вообще не рождалась!

Больше Корделия ничего сказать не успела. Захлестнувшая рыжую ведьму ярость не позволила ей вовремя заметить коварный блеск в глазах матери. Джина действительно прекрасно осознавала, что в прямом столкновении у нее нет шансов против Средоточия Триединой Линии, но с помощью подлости...

Когда Корделии прямо в лицо с раскрытых ладоней Джинны ударили потоки раскаленного воска, стало очевидно, что старуха все спланировала заранее и до сего момента лишь заговаривала дочери зубы.

— Нет! — закричала Кристина и шагнула было вперед, пытаясь призвать к голосу разума этих двух обезумевших от взаимной ненависти ведьм. — Прекратите! Хватит!

Корделия успела отреагировать в последний момент: невероятным движением она подхватила летящую в нее волну

кипящего воска, собрала ее, словно обняв, и перенаправила вертикально вверх перед собой, после чего полоса густой раскаленной жидкости, ведомая движениями ведьмы, свернулась петлей у нее над головой и ринулась обратно, в сторону Джины.

Старуха была готова к тому, что дочь успеет что-то предпринять. У нее была заготовлена вторая атака. В Корделию полетели несколько десятков острых и длинных гвоздей. Но Кристина вдруг оказалась между матерью и бабушкой...

— Остановитесь! Что вы делаете?! Бабушка, не на... — закричала Кристина, и это было последнее, что она успела сказать.

Кристина всхрипнула и пошатнулась — гвозди вонзились в ее тело, вошли в грудь, в лицо и в поднятые в призывае к примирению ладони, направленные к Джине Кэндл. Два гвоздя, словно вбитые невидимыми молотками, прошли глаза. Кристина покачнулась... а в следующее мгновение ее спину окатила перенаправленная матерью волна кипящего воска, прожигая плоть до костей. Укутавшись в облако дыма, словно в пальто, Кристина упала на пол.

Корделия Кэндл застыла в немом ужасе.

Джина выглядела не лучше: она потрясенно раскрыла рот, еще не до конца понимая, что сейчас произошло.

Корделия закричала и вскинула руки перед собой. Она захотела сделать так, чтобы каждая, даже самая крошечная косточка в теле матери сломалась, а ее обломки после этого сломались еще раз, и еще, пока все не превратятся в костяную пыль.

Мать ответила тем же. Только в ее планах было завладеть языком дочери и заставить его залезть той в горло и придушить ее.

Спустя несколько мгновений обе поняли, что ничего не происходит. Между ними дымился труп Кристины. Силы покинули их. Триединая Линия была разорвана.

Корделия поглядела на мертвую дочь, а затем подняла полный слез взгляд на мать:

— Будь ты...

— ...проклята! — услышала Клара Кроу.

Крика чудовищнее, пронзительнее и наполненного страданием больше, чем этот, она не слышала никогда. Но дом слышал. Клара просто забыла, что совсем недавно кричала так сама, когда узнала, что родная мать лишила ее дочери и разорвала ее с Сашей кровные узы. Гаррет-Кроу прекрасно помнил — он помнил все, что когда-либо происходило в его стенах.

Там, внизу, что-то случилось. Что-то ужасное, необратимое.

Но Клара сейчас не могла думать об этом. Ее больше заботило то, что творилось здесь, рядом. Она слышала шаги на крыше и даже видела силуэты в прорехах между черепицей. Наверху сновали ведьмы и колдуны Корделии. Они готовились напасть на нее, она знала, — собирались сорвать кровлю и проникнуть внутрь, чтобы испепелить ее, изодрать на куски, утопить в кипятке или скомкать, как обрывок бумаги. А потом проделать нечто подобное и с Сашей. Последнего Клара допустить не могла.

Незванные гости тоже знали, что она здесь, притаилась в темноте чердака прямо под ними. Старуха Палмер все время злобно вещала:

— Тебе не спрятаться, Кроу!

— Скоро мы тебя вытащим оттуда, Кроу!

— Погляди на себя, жалкая бездарная девка Кроу!

— Мы выпотрошим тебя, как животное, Кроу! А затем набьем шкуру соломой — из тебя выйдет замечательное чучело, Кроу! Намного лучше, чем сейчас!

Клара приготовилась драться до последнего вздоха. Но при этом понимала: она мало на что сейчас способна. Рваные раны, оставленные зубами Серых, болели неимоверно, подвернутая лодыжка пылала, и становиться на нее всякий раз

было невыносимо. Ведьму трясло от чрезмерного напряжения, ран, страха за дочь и невероятной, просто немыслимой усталости. Клара чувствовала себя загнанной в угол, а самое родное место на поверку не оказалось тем убежищем, на которое она так рассчитывала. Оно стало лишь тупиком, в который она уперлась, убегая от преследователей.

Клара лихорадочно пыталась изобрести чудесный способ спасения — если не для себя, то хотя бы для дочери, — но ничего заслуживающего внимания в голову не приходило. От отчаяния она кусала губу и шарила взглядом по углам чердака. Саша стояла рядом, как и прежде, молчаливая и равнодушная. Она не хотела помогать — Клара ее не винила.

— Эй, ты там, Кроу?! — раздался вновь резкий, как дверной скрип, голос Селен Палмер. — Еще не умерла? Что ты молчишь, Кроу, хочешь, чтобы мы?.. — ее речь вдруг прервалась.

Клара удивленно подняла голову. На крыше началось шевеление. Прутья метел заскребли по черепице, кто-то даже стукнул каблуками по желобу водостока, отталкиваясь от него, чтобы взлететь.

— Они что?.. — Селен Палмер впервые не находила слов. — Почему они?..

Клара подковыляла к окну и выглянула в щелочку между ставнями. Открывшееся зрелище действительно поражало. Она увидела двух женщин, сцепившихся на пустыре — ярость и безумие гнали их прочь от дома. Они вырывали друг у дружки клочья волос и пытались выцарапать глаза. Обе при этом жутко кричали, плевались и проклинали одна другую. Со страхом и непониманием Клара узнала в дерущихся Корделию и старуху — главу семейства Кэндл. И что же они не поделили?..

Судя по всему, приспешники Корделии были менее любопытными. А еще они сделали собственные выводы из увиденного.

— Просто недопустимое поведение для Верховной, — хмуро заметил мистер Фирч.

— Отвратительно!

— Бесцеремонно!

— Вульгарно!

— Ковен Тэтч! — взвизгнула Селен Палмер, будто подхватывая выроненные кем-то скрипку и смычок и продолжая играть, но уже свою мелодию. — Вы видите внизу двух ведьм Кэндл! Я даже отсюда чую, что дар покинул их! Триединая Линия Кэндл распалась, и больше им нечем держать ковен за горло! Мы вольны оставить этот проклятый город наедине с его проклятием и новым господином. Мы должны бежать отсюда, пока не поздно!

Ковен ответил ей молчанием, но при этом все колдуны и ведьмы поднялись в воздух, оторвавшись от крыши особняка. Даже мистер Фирч поддержал мадам Палмер; его Серые последовали за предводителем.

— Прощай, Кроу! — напоследок проронила Селен Палмер, обращаясь к темноте чердака. — Благодари свою счастливую звезду! На этот раз тебе несказанно повезло!

Затем старуха направила метлу прочь от дома, а Серые Фирча, ведьмы, которые прибыли вместе с Джелией Хоуп, и те, кого привела Корделия, сбившись в стаю, полетели за ней. Вскоре они превратились в крохотные точки и скрылись в ночном небе.

Клара бросила взгляд на ведьм Кэндл: Корделия и ее мать продолжали таскать друг друга за волосы и пытались выцарапывать глаза. Она поняла: «Чем бы ни завершилась эта драка, ни одна из этих женщин угрожать ей больше не сможет».

— Мы победили, Саша! — Все еще не веря, Клара подошла к дочери и крепко обняла ее. Слезы выступили на глазах бывшей городской сумасшедшей Вороны. — Им нет до нас дела! Они убрались вовсюси! Никто больше не причинит нам зла! Ты слышишь меня? Я обещаю тебе, никто!

И тут Клара вздрогнула. Она услышала нечто, от чего ее сердце предостерегающее и будто бы в страхе замерло. Она

отпустила дочь и прислушалась. Уши ее не обманывали: звук приближался. Отдаленный рокот постепенно становился все громче.

Клара вернулась к окну и даже раскрыла рот от удивления. В ночном небе сверкали две круглые фары. К дому на бешеной скорости на высоте в полсотни футов от земли летела великолепная алая машина с кремовой крышей. Двигатель рычал, а из выхлопных труб за автомобилем оставался дымный след. Машина быстро приближалась. Останавливаться человек за рулем явно не собирался...

Клара отпрянула от окна и схватила Сашу за руку. Она потянула дочь к люку, что вел с чердака, но поднять крышку и скрыться на лестнице не успела. Автомобиль с грохотом врезался в крышу.

Ветхая кровля, казалось, вся рухнула внутрь, а дом покачнулся. Деревянные стропила и балки начали падать сверху.

Клара в последний момент оттащила Сашу в сторону, и туда, где та только что стояла, завалилась одна из поддерживающих балок колонн. Не выпуская рукой дочери из своей, Клара склонилась над крышкой люка, пытаясь нашупать кольцо, и тут по голове ее ударил обломок черепицы. Вскрикнув, бывшая сумасшедшая Ворона упала на пол. Еще один обломок рухнул на Сашу...

Клара подняла голову — та кружилась, по затылку растекался жар, перед глазами все двоилось. Саша, напоминая механическую куклу, лежала на полу и безразлично терла лоб — на нем кровоточила ссадина.

Кругом все было затянуто пылью и мелким черепичным крошевом, два желтых луча от круглых фар (по необъяснимой причине те не только не разбились, но даже не погасли) пронзали это марево.

Автомобиль пробил крышу и застрял в ней. Большая его часть оказалась внутри чердака. Капот и радиатор выглядели

совершенно целыми, как будто и не пережили только что чудовищного столкновения. Лишь передние колеса безумного автомобиля все еще крутились.

Рычащий двигатель заглох, а из выхлопных труб раздалось несколько напоминающих револьверные выстрелы. Дверца скрипнула, и на дощатый пол спрыгнул человек. Это был мужчина.

— Кхе-кхе, — закашлялся незнакомец, разгоняя рукой пыль перед лицом. — Пыль, уйди! — велел он, и пыль, как ни странно, начала слушаться, прибиваясь к полу, как под брызгами с мокрой метлы.

Мужчина подошел к Кларе и протянул ей руку.

— Мадам, — сказал он.

Клара не отреагировала. Она недоуменно глядела на незнакомца и ничего не понимала. Мужчина являлся обладателем дорогого полосатого костюма и высокого блестящего цилиндра — в тон тоненьким черным усикам и бородке. На глазах у мужчины были круглые шоферские очки, а на руках — перчатки.

Незнакомец истолковал промедление огороженной женщины по-своему.

— О, прошу прощения! — Он сорвал перчатку с руки и снова предложил помочь. — Мадам, вы позволите? У нас совсем нет времени...

— К-кто вы? — спросила Клара заплетающимся языком, дав незнакомцу руку и с трудом поднимаясь на подкашивающиеся ноги. Наступив на вывихнутую лодыжку, она едва не рухнула обратно, но человек в полосатом костюме держал ее крепко. — Кто вы такой?

— Фред Петровски, к вашим услугам! — радостно представился мужчина и поспешил помочь подняться Саше.

Клара вдруг ощутила, что ее нога больше не болит, с удивлением поглядела на руки — раны на них затянулись, даже последствия удара — все исчезло. Прикосновение этого

Петровски оказалось чудотворным, и все же ведьма Кроу не спешила верить незнакомцу, явившемуся сюда столь странным образом. Может, все это какая-то хитрость Корделии? Устроила спектакль, чтобы добраться до Саши?..

— Что вам от нас нужно? Что вы здесь делаете?

— Явились к вам на помощь! — обворожительно улыбнулся Фред Петровски, снимая свои нелепые очки. — Разве не ясно?

Что-то в его глазах заставило ведьму Кроу мгновенно отнести мысль о притворстве незваного гостя. Этот человек чем-то напоминал саму Клару, по нему было видно, что он пережил немало горя. И весь его лоск, весь эпатаж были будто созданы лишь для того, чтобы скрыть отпечатки этого самого горя. Тем не менее уверенность и задор мистера Петровски были крайне заразительны.

— Bay! — раздалось вдруг за спиной мужчины в полосатом костюме.

Клара глянула за его плечо — возле застрявшего в скате крыши автомобиля стояла красивая женщина в вечернем платье и шляпке.

— И как ты мог забыть обо мне, Фёдор? — укоризненно проговорила она. — Ты в своем репертуаре!

— О нет, дорогая, — ответил женщине Петровски. — Забывать о тебе никогда не войдет в мой репертуар. Я о тебе помню всегда. Не ты ли уговаривала меня не делать этого? — Он кивнул на торчащий из крыши автомобиль. — Не ты ли сжимала мою руку своей, когда мы врезались? Видишь? Я все помню. Я видел, что ты по-прежнему румяна и изволишь иметь ровное дыхание, поэтому поспешил к бедняжкам. Я не предполагал, что наше эффектное прибытие окажется столь... сногсшибательным.

— Эффектное прибытие? — удивленно проговорила Клара, по-прежнему ничего не понимая. — Но что творится? И кто вы? — Она поглядела на женщину.

— Мари Петровски, — представилась та. — Являюсь супругой и незаслуженным счастьем в жизни этого чурбана. Мы прибыли сюда, дорогая, чтобы, как уже сказал Фёдор, помочь вам. Нас послал Виктор Кэндл. И у нас очень-очень мало времени. Занавес вот-вот поднимется, а мы еще даже не в гриме!

— Помочь? — удивилась Клара. — Но они все улетели! Все закончилось!

Петровски мрачно переглянулись. Настроение этой эпажной парочки сменилось столь резко и неожиданно, что Клара даже вздрогнула.

— О нет, мадам, — хмуро сказал Фред Петровски. — Все только начинается...

Мистер Эвер Ив явился вовремя. И пусть «вовремя» для него теперь было всегда — неважно. Он оказался у порога Гаррет-Кроу как раз тогда, когда планировал.

Подлетев к дому, он увидел чуднёе зреище: всю крышу облепили ведьмы и колдуны, сжимающие в руках метлы и гомонящие, словно стая комнатных мух. Мистер Ив предположил, что взгромоздились они туда, чтобы мести водостоки, — что им там еще делать, с метлами-то?

В любом случае ждали они явно не Человека в зеленом. А раз он их нисколько не интересовал, то и они не особенно его заботили.

Мистер Ив направил метлу прямиком ко входу в особняк. Быстро преодолев пустырь и добравшись до двери Гаррет-Кроу, он слез на землю. Приколоченная к косяку записка, оканчивающаяся странной фразой *«Не входить!»*, его позабавила.

Мистер Эвер Ив подергал ручку. Заперто. Ненадолго...

Фонарь осветил ему замочную скважину, и даже котел, висящий на ремне за спиной, едва слышно звякнул крышкой,

словно в предвкушении — а может, он просто вспомнил, как его стукнули по лбу этой самой дверью.

Мистер Ив прислонил метлу к косяку, достал из кармана связку ключей и принялся искать нужный. Спустя какое-то время ключ нашелся, и Человек в зеленом без промедления засунул его в замочную скважину.

Дальнейшее произошло столь неожиданно, что даже мистер Эвер Ив на мгновение опешил и отшатнулся. Не успел он повернуть ключ, как дверь распахнулась и из нее вылетел спутанный комок из двух дерущихся женщин. Клочья волос, кровь и слезы разлетались во все стороны. Женщины не заметили мистера Ива и покатились по земле.

— Ай-яй-яй, как некрасиво, — осуждающе заметил Человек в зеленом, но при этом, словно позабыв о своих делах, оперся на метлу и с удовольствием принялся наблюдать за дракой.

Разумеется, он сразу же узнал дерущихся, но даже и не подумал поинтересоваться подоплекой происходящего. Его занимал сам процесс. Ах, как они замечательно швыряли друг друга! А эти вырванные, словно сорняки, волосы, подхваченные ветром! А пудра, плотным туманом висящая в воздухе! А живописные царапины на искаженных яростью лицах! А эти ласкающие слух крики и ругательства, грязнее которых даже мистер Эвер Ив на своем веку не слышал!

Зрелище как минимум стоило его внимания. А как максимум ему захотелось сделать пару ставок. Мистер Ив по-рядочно мухлевал: сначала он поставил на более опытного «бойца», но потом, увидев, чья берёт, сменил предпочтения. Он мог себе это позволить, поскольку сам был игроком и сам же принимал ставки.

Драка длилась довольно приличное время, и прочие зрители — ведьмы и колдуны на крыше дома — не стали дожидаться развязки — вскочили на метлы и улетели прочь. Мистер Эвер Ив был куда более вынослив и заинтригован: его не

смог отвлечь даже раздавшийся в какой-то момент где-то в доме грохот, который мог исходить лишь от рухнувшей в одночасье крыши, не иначе.

Человек в зеленом досмотрел представление до самого конца, и в тот миг, когда одна женщина рванула прочь с пустыря, а другая погналась следом, он в очередной раз поменял ставку и поздравил себя с выигрышем.

— Что ж, а теперь пора возвращаться к делам, — сказал мистер Ив и вновь стал серьезным.

Бросив прищуренный взгляд в темноту, в которой скрылись ведьмы Кэндл, он развернулся и вошел в дом.

Методичность и последовательность мистера Ива, которые он на время отделил, вложив их в Котла, снова были при нем, поэтому сейчас, в эти ключевые мгновения, им двигали лишь хладнокровие и расчет. Никакого нетерпения! Никакой спешки! Многие злодеи, он знал, поплатились лишь потому, что торопились и перед самым претворением своего коварного плана в жизнь допускали какую-нибудь оплошность. Он же для этого был слишком умен. Торопиться ему некуда. Часы стоят. Канун застыл — он сам видел замершие стрелки на часовской башне.

Поэтому мистер Ив преспокойно запер за собой дверь, оглядел крошечную прихожую, посветил себе фонарем и прислушался.

В доме стояла тишина, как в могиле. Ошибки не произошло: он явился по адресу. Столъ им желаемый «ужин» ждал здесь, да и проходимец Зеркало — как удачно! — ошивался где-то поблизости...

«Должно быть, трясется сейчас от страха, — подумал мистер Ив, — и лихорадочно подбирает выражения, чтобы припасть, так сказать, к стопам, повиниться, раскаяться в своеолии и вымолить пощаду. Хотя этому мерзавцу хватило бы наглости притаиться в темном углу с зеркальным осколком в нелепой и безнадежной попытке вогнать его мне,

своему благодетелю и создателю, повелителю и боссу, мистеру Иву, в горло».

Человек в зеленом поправил шляпу и напомнил себе об осторожности. Это ведь именно Шляпа всегда была подозрительной — что ж, теперь ее паранойя, быть может, сослужит мистеру Иву службу и не позволит совершить напоследок какую-нибудь оплошность.

Мистер Ив бросил подозрительный взгляд на гардероб, перегораживающий вход в кухню: не рухнет ли он на него, стоит ему подойти? Нет, с гардеробом все было в порядке.

«Что ж, лестница наверх или же дверь, ведущая в подвал? — подумал мистер Ив. — Что бы сделала Метла? Она всегда делала правильный выбор, хоть и была слегка чокнутой. Подвал... подвал...»

Мистер Эвер Ив шагнул к открытой двери подвала, заглянул в темноту. Фонарь высветил лишь несколько ближайших футов лестницы.

«Да, Саша Кроу там. Нужно всего лишь спуститься и достать ее и... а может, это ловушка?.. Нельзя забывать о Зеркале. Да и Клара Кроу вряд ли просто так отдаст свою дочь: от ведьм всякого можно ожидать — особенно если ведьма зажата в угол...»

Мистер Ив тряхнул головой. Сейчас в нем говорил Ключ, а это известный перестраховщик и вообще весьма неуверенный в себе тип. Будь его, Ключа, воля, мистер Ив и вовсе повернулся бы назад и явился бы сюда лишь в сопровождении пяти десятков пугал.

— Вспомни обо всех злодеях, которые проиграли от излишней самоуверенности, — напомнил себе мистер Эвер Ив и достал из кармана фиолетовую свечу — на ней была вырезана тыква-рожа.

Человек в зеленом зажег фитиль от фонаря и пристально поглядел в пламя. Его губы зашевелились, он произнес едва

слышно: «Сюда... сюда... сюда...» — после чего, довольный своей предусмотрительностью, поставил свечу на тумбочку.

— А теперь вперед! — велел себе мистер Ив и шагнул в проход, ведущий на винтовую лестницу. — И пусть только кто-то попытается играть со мной — я отрежу им головы, вычищу их, как хэллоуинские тыквы, и поставлю внутрь парочку свечей.

Это говорил в нем Фонарь, чьи кровожадные порывы всегда было так тяжело сдерживать...

Опираясь на метлу, как на посох, придерживая рукой шляпу и освещая себе путь фонарем, мистер Ив спустился по лестнице и осторожно ступил на каменный пол подземелья. Часы лежали в кармашке жилетки и не издавали ни звука. В отличие от котла, который вдруг предостерегающе звякнул крышкой.

Мистер Ив все прекрасно понял. Да и запах паленого мяса не мог не насторожить.

— Я ведь знаю, что вы здесь! — воскликнул мистер Эвер Ив. — Не нужно прятаться! Выходите!

В тот же миг повсюду зажглись свечи — сотни висящих в воздухе свечей.

Как мистер Ив и предполагал, его уже ждали. У дальней стены, подле большого зеркала, в котором отражалась едва ли не вся подземная гостиная, стояла и глядела в пустоту перед собой Саша Кроу.

У мистера Ива даже пересохло во рту от предвкушения столь долгожданного освобождения. Все тело ужасно зачесалось. Оно готово было слезть с него.

...Клара Кроу дрожала от страха. Стоя в темноте подвала и ожидая явление ужасного зла, она не могла заставить себя успокоиться, осознавая, насколько она ничтожна и бессильна против существа, которое столь чудовищным образом недавно изменило целый город и которое собиралось прийти за ее дочерью.

Двое нежданных союзников, эти экстравагантные, но отнюдь не кажущиеся опасными или хоть сколько-нибудь могущественными Петровски, напротив, вели себя непринужденно и, как показалось Кларе, слишком уж легкомысленно, если учесть, что на них надвигалось.

Когда они спустились в это подземелье, о существовании которого в своем собственном доме Клара, к слову, и не догадывалась, их встретил мерзкий, тошнотворный запах. На полу у черного гроба — и кто вообще хранит гробы в доме?! — лежала Кристина Кэндл, похожая на подушечку для иголок. Гвозди торчали из ее тела, и вокруг каждого из них образовалась застывшая кровавая лужица.

Увидев Кристину, Петровски помрачнели всерьез, их напускная веселость рассеялась, словно дым на ветру. Фред побелел, а Мари покрылась портящим ее румянцем. Клара зажала рот рукой — ее начало тошнить от запаха паленой плоти и жуткого вида несчастной.

— Бедная девочка, — угрюмо сказал Фред.

— Это... — начала Клара. — Это Он?

— Нет, я боюсь, что это кто-то из ее родственников или их противников, — ответил Фред. — Если бы это был Он, мы бы ни мгновения не остались в неведении. Он любит эффектные появления и не упустил бы возможности покрасоваться.

— Убили девочку, — со слезами на глазах проговорила Мари. — Фёдор, что это за люди такие? Что она им сделала?

— Дорогая, мне чрезвычайно жаль бедняжку, — твердо проговорил Фред, — но, если мы не поторопимся, нас всех ожидает участь не лучше...

Мари покивала, платочком протерла слезы, предательски накатившие на ее глаза, и с трудом заставила себя отвернуться.

Петровски принялись за работу. Пытаясь не глядеть на мертвую Кристину, они что-то высчитывали и вымеряли,

а порой Фред, как самый настоящий сумасшедший, говорил со своей ладонью; ладонь между тем временами ему отвечала. Отвечала странно знакомым голосом.

Клара стояла в стороне и держала Сашу за руку. Ладонь дочери была холодной, пальцы мелко подрагивали. Клара почему-то подумала о рельсах, которые начинают выбиривать задолго до появления поезда.

Она пыталась успокоить Сашу, говорила что-то бессвязное и банальное вроде «Не бойся...» и «Все будет хорошо», но ее собственный голос звучал натужно, неискренне. Тело бедной Кристины на полу не придавало никакой уверенности в том, что все будет хорошо — скорее наоборот.

Клара глядела на странные перемещения Петровски по подземной гостиной и не могла ничего понять: как они смогут одолеть этого мистера Ива? Как они смогут уберечь Сашу? И как вообще может помочь то, что они велели ей сделать? Как? Как? Как?

Она нашупала ритуальный нож-атам, который вручила ей Мари, по-будничному вытащившая его из своего ридикюля, словно какую-то пудреницу. Ведьма Кроу опасалась, что в нужный момент она не сможет совершить то, что от нее требуется, что она спасует, пойдя на поводу у эмоций и страха. Она поглядела на Сашу, с горечью увидела все те же отсутствующее выражение лица и пустой взгляд.

«Это отражение, — напомнила она себе. — Всего лишь отражение...»

— У нас не осталось времени, — сказал вдруг Фред и жестом попросил Клару встать за его спиной. — Все готово, Мари?

— Да, — сказала Мари и, взмахнув рукой, погасила все свечи.

Всего через какое-то мгновение после того, как подземная гостиная погрузилась во мрак, стукнула входная дверь Гаррет-Кроу.

Он был здесь.

Вот тогда-то и потянулись мучительные мгновения ожидания. Клара попыталась отыскать в себе хотя бы какие-то силы, но все, на что она могла сейчас рассчитывать, были жалкие угли, едва теплящиеся на дне ее души.

«Не стоило растрачивать всё на солдат ковена, — укорила себя Клара, но тут же вспомнила: — Хотя иначе ты была бы уже мертва, глупая Ворона».

Затаив дыхание, она услышала тихий голос наверху: неизвестный гость бормотал что-то себе под нос. Вскоре на лестнице раздались шаги, и в подземелье проник комок рыжего фонарного света.

А затем Клара увидела ужасное существо, которое явилось, чтобы убить ее дочь. Спустившееся в подземную гостиную, оно, это существо, выглядело как ее племянник.

Мистер Эвер Ив был одет в зеленый костюм, на голове его сидела засаленная остроконечная шляпа. «Племянник» опирался на метлу, через плечо у него висел ремень, на котором что-то болталось. На монстра пришелец не особо походил, и все же это был именно тот, кто при помощи одной лишь злобной воли изменил весь город. Однажды он уже приходил в этот дом, чтобы расправиться с ней. Тогда ее спас мистер Гласс... Лукинг... Но теперь его тут нет...

— Я ведь знаю, что вы здесь! — воскликнул Человек в зеленом, и Клара дернулась. — Не нужно прятаться! Выходите!

И тогда Петровски зажгли свет.

Клара Кроу вдруг засомневалась. Она пристально поглядела на Человека в зеленом, и тут проклятая надежда, вдруг возникшая в ней, смешала все мысли и чувства. Быть может, это все-таки...

— Виктор? — осторожно спросила Клара.

— Да, тетушка, это я, — с широкой улыбкой ответил Человек в зеленом, и, глядя на его побелевшее за одно мгновение лицо, на вспыхнувшие вдруг двумя изумрудами глаза,

на загоревшиеся рыжие волосы, она поняла, что этот пришелец ни в коей мере не является ее племянником.

— Ты посмотри, дорогая, кое-кто пытается быть острее нас, — оскорбленно заявил тем временем Фред Петровски. — Это раздражает!

— Возмутительно, — кивнула Мари.

Не-Виктор бросил короткий взгляд на тело Кристины Кэндл и пожал плечами — красотку ему было чертовски жаль. Хотя и не настолько, чтобы начинать рыдать над ее телом или бросать задуманное.

— Как нам вас называть? — спросил Фред.

— Мистер Эвер Ив, только так и никак иначе, — представился Человек в зеленом.

— Фред Петровски и Мари Петровски.

— Осведомлен.

— Клару Кроу и ее дочь вы, очевидно, знаете, — добавил Фред.

Мистер Ив кивнул.

— Чудесного спасения не будет, — заявил он обескураживающе и на этот раз без каких-либо шуток. — Вы умрете, а я все равно получу то, за чем пришел. Или сейчас вы уберетесь отсюда, и, возможно, я даже позволю вам унести ноги из моего города.

— Мы никуда не уйдем, — сказала Мари.

— Напрасно, — заметил Человек в зеленом.

— Вы не понимаете, мистер Ив, — усмехнулся Фред. — Мы не будем с вами драться. Мы здесь не для этого.

— Правда? Для чего же вы здесь?

Мистера Ива на самом деле не интересовал ответ. Он видел, что они замышляют, эти двое проходимцев.

«Они пытаются заговорить зубы», — подсказал внутренний голос, и в нем явственно прозвучали нотки подозрительности Шляпы.

«Может, еще не поздно...» — неуверенно начал Ключ.

«Что? — перебил его Фонарь. — Их нужно убить! Всех! Оторвать им головы! Как они смеют?!»

«Постойте-ка, — вставил рассудительный и методичный Котел. — Нам сперва нужно во всем разобраться. Спокойно присесть, все просчитать, подвести итоги, сделать отчеты и выработать план действий...»

«Мы все понимаем, что здесь происходит, — подала едва слышный голос Метла, и мистер Ив прислушался именно к ней. — Двоих болтливых проходимцев ничего из себя не представляют — их талант в *представлении* представления. Они — всего лишь конферансье. Петровски пускают пыль в глаза, в то время как к выходу на сцену за занавесом готовится кто-то другой. Она. — Мистер Ив поглядел на Клару. — Она держит нож за спиной. Зачем он ей? Кажется, она хочет лишить нас жертвы. Нельзя ей этого позволить, нельзя дать шарлатанам задурить нам голову. Надо напасть первыми. Пусть Клара Кроу станет ворохом сухих листьев!»

«Нет! — перебил Фонарь. — Пусть станет бумажной, как тот человек из библиотеки!»

«Уже было, — вставил Ключ. — Пусть расплывится, как мягкий воск!»

«А может, нож ей для чего-то другого?» — скептически поинтересовалась Шляпа.

Все эти мысли и споры промелькнули за какое-то мгновение в голове мистера Ива. Никто другой их не слышал. Но Клара Кроу будто что-то поняла. Она выхватила из-за спины свой атам и совершила то, чего прежде не позволила бы себе даже в мыслях. Она приставила нож к горлу собственной дочери.

Мистер Ив был удивлен. До самого этого момента он сомневался, что подобное в действительности произойдет, несмотря на свои внутренние голоса: неужели эта женщина пожертвует дочерью только ради того, чтобы помешать ему?!

Петровски выглядели мрачными и решительными. В глазах у Клары стояли слезы, рука ее дрожала.

— И что это ты удумала, позволь тебе спросить? — поинтересовался мистер Ив, шагнув к ведьме.

— Я не отдам ее тебе! — воскликнула Клара. — Она не станет бессмысленной жертвой!

— О, только не бессмысленной! — сказал мистер Эвер Ив. — Но ты погляди на себя, женщина! Это ведь ты сейчас пытаешься ее убить. Что с тобой? Ты снова сошла с ума?

— Я ее мать. И я нашла ее спустя столько лет не для того, чтобы отдать на растерзание какой-то твари!

— Осторожнее в выражениях, — процедил мистер Ив, делая еще шаг. Петровски, нерешительно переглянувшись, попятались. — Я — натура весьма впечатлительная. Не нужно перегибать палку. Мы не друзья.

Клара плакала, а Саша стояла как ни в чем не бывало и глядела на мистера Ива. Она почти не моргала, и мистер Ив почувствовал, что начинает тонуть в этих глазах. В голове у него немного помутилось. Кожу стало сильнее жечь — это тело уже просто молило о том, чтобы его сняли.

«Нельзя позволить ей этого сделать! — в голове мистера Ива зазвучал голос Метлы. — Мы близко, мы так близко!»

«Убить ведьму!» — вставил Фонарь.

«Но это опасно! — испуганно запротестовал Ключ. — Что, если ведьма убьет ее прежде?! Мы не освободимся...»

— Я не освобожусь, — едва слышно процедил сам мистер Ив. Внутренние голоса тут же смолкли. — Но вы правы... Нельзя ей позволить...

Человек в зеленом стукнул метлой об пол и в тот же миг исчез. Метла с фонарем осталась одиноко стоять на том месте, где он только что находился.

В следующее мгновение мистер Эвер Ив появился у Клары за спиной. Он быстро вырвал нож из руки ведьмы и оттолкнул ее в сторону.

Голова у него шла кругом. Он прижимал к себе Сашу, а у ее горла держал атам. Он был близко... так близко... Какое-то одно движение — и он свободен. Но...

— Зеркало... — оглядываясь по сторонам мутным от близости желаемого взором, позвал мистер Эвер Ив. — Выходи, маленький проказник! Я ведь знаю, что ты здесь. Пора обратно! Пора домой!

Зеркало действительно был где-то поблизости. Прятался, наивно полагая, что судьба прочих Потаенных Вещей его не коснется. Мистер Ив обернулся — за его спиной возвышалось огромное зеркало, но нет — проходимец в нем не прятался — это точно.

— Что, не удалось вам отвлечь меня? А эта чертовка... — Он поглядел на тяжело дышащую Клару. — Неужели ты думала, что...

Мистер Ив замолчал. Он не увидел на лицах этих людей той реакции, на которую рассчитывал. Ни страха, ни отчаяния. Не было даже тревоги. У Клары мгновенно высохли слезы, а руки перестали дрожать.

— Проклятые колдуны, — прорычал он. — Это какое-то колдовство? Что вы затеяли?

— Нам не нравится колдовство, — сказала Мари. — В нем нет никакой изобретательности, утонченности, и эффектно оно лишь относительно.

— Нам нравятся фокусы, — подхватил Фред. — Трюки, иллюзии и ловкость рук.

Мистер Ив повел головой и принюхался. Да, с этим подземельем что-то было не так. Он обругал себя на чем свет стоит: он искал отнюдь не там.

— Дым и зеркала, мистер Эвер Ив, — сказала Мари. — Всего лишь дым и зеркала.

— Что вы сделали?! — разъяренно прорычал мистер Ив.

— О! Хороший вопрос! — вызывающе расхохотался Фред. — А давайте так! Сделка в вашем духе — в духе почтенного

Человека в зеленом! Вопрос ваш и вопрос мой! Ответьте на мой — и получите ответ на свой!

— Задавай!

Мистер Ив окончательно потерял терпение. Он лихорадочно пытался понять, что происходит, спрашивал у своих внутренних голосов, но те вдруг так не вовремя замолчали.

Фред театрально замялся, неловко потупил глазки и спросил:

— Вы не подскажете, который сейчас час?

Мистер Эвер Ив дернул рукой и, не отводя ножа от горла Саши, вытащил из кармашка жилетки серебряные часы на цепочке. Он откинулся к крышке, опустил взгляд и... не поверил собственным глазам.

Стрелки стояли в совершенно невозможном положении. Часы показывали без пяти минут час ночи. Время вовсе и не думало останавливаться на полуночи! Канун не стал Вечным! Канун уже почти час как завершился!

Ярость накатила на мистера Ива волной, и он закричал.

— Мой черед отвечать, — сказал Фред Петровски с легкой улыбкой, скрывающей, точно кулиса, напряжение, и кивнул на что-то за спиной Человека в зеленом. — Что ж... Прошу вас. Поглядите сами.

Мистер Эвер Ив машинально обернулся и с удивлением увидел, как стоявшее перед ним зеркало шевелится, исходит складками, словно оно сделано из ткани, которую колышет ветер.

Напоминающая занавес зеркальная поволока со стеклянным звоном рухнула на пол, и за нею открылось еще одно зеркало. Только вот отражало оно отнюдь не то, что находилось в подземной гостиной Гаррет-Кроу. Нет, это определенно тоже была подземная гостиная, но располагалась она в каком-то другом месте, мрачном и темном.

Мистер Ив увидел Виктора Кэндла, который держал за руку Сашу Кроу. Они глядели на него, и на их лицах было больше мрачного самодовольства, чем тревоги.

Человеку в зеленом никогда не нравилось чужое мрачное самодовольство, поскольку оно обычно значило, что если он сам и не оплошал, то как минимум предстает в не-приглядном свете. Этот раз не стал исключением. А еще добавилось гнетущее ощущение, какое испытываешь, когда у тебя из рук вырывают то, что ты так долго искал и чего так долго жаждал.

Мистер Ив глядел в зеленые глаза Виктора Кэндла и не-навидел их. Он ненавидел в этом человеке буквально все: от самой макушки и копны рыжих волос до стоптанных ка-блуков коричневых туфель. Человек в зеленом моргнул и не сразу понял, что произошло.

Только что он стоял в освещенной сотнями свечей подземной гостиной, а в нескольких шагах от него находились эти Петровски и Клара Кроу. Ныне же он оказался в залитой тьмой подземной гостиной Черного дома.

От свечи, стоящей на полу у гроба, остался лишь жалкий потухший огарок. Единственный свет, который проникал сюда, был слаб, и тек он из-за стекла, ограниченного высокой прямоугольной рамой.

Виктор Кэндл и Саша Кроу тем не менее стояли именно там, за этим стеклом. Зеркало тоже был с ними — взволнованно глядел на своего хозяина, потирал дрожащие руки и тяжело дышал. Здесь же, в зазеркалье, общество мистеру Иву составило лишь совершенно бессмысленное для него теперь отражение Саши — оно застыло напротив своего «оригинала», полностью повторив его позу, а в следующий миг у него отросли волосы и сменилась одежда. Еще миг — и отражение исчезло.

Виктор поднял руку, отвернул манжет пиджака и продемонстрировал мистеру Иву бечевку с узелками, охватившую его запястье кольцом. Ведьмин замóк! Проникнуть обратно стало невозможно. Мистера Ива только что бесцеремонно выкинули из дома!

— Ах вы подлые... мелочные... бессовестные... — прошептал Человек в зеленом пораженно.

Мистер Эвер Ив поймал себя на том, что по-прежнему стоит, держа в одной руке часы, а в другой — так и не отведенной от пустоты перед собой нож. Он почувствовал себя донельзя глупо, опустил нож и спрятал часы в кармашек. После чего сделал шаг и коснулся незримой стены, которая отныне отделяла его от реального мира, и даже стукнул по ней кончиками пальцев. Он действительно был заперт.

В первое мгновение Человек в зеленом покивал, по достоинству оценив ловкость, с которой его одурачили, а в следующее его лицо исказилось, пространство вокруг дрогнуло от яростного крика, отчего зеркало выгнулось дугой в сторону стоящего рядом с ним Виктора Кэндла, грозя взорваться и разлететься осколками.

Петровски отшатнулись, мистер Гласс закрыл собой Клару. Прочие не успели даже отреагировать, поскольку... уже в следующее мгновение зеркало вернулось на свое место.

Ошарашенным людям предстал застывший на месте как ни в чем не бывало, снова спокойный и угрожающе улыбающийся мистер Эвер Ив. Он с холодной ненавистью глядел на того, кто был так на него похож, но в то же время отличался, как отличаются две стороны одной монеты.

Еще не до конца веря, что все закончилось, Виктор сказал:

— Вот мы и заняли положенные нам места.

— И даже обыграв меня, ты способен лишь на банальность, — с презрением бросил мистер Эвер Ив.

— А что бы ты хотел услышать?

— Предсмертные хрипы, — заявил мистер Ив.

— Не в этот раз.

— Неужели?

И тут, словно мрачным и безысходным откликом на сказанное, откуда-то сверху раздался чудовищный грохот. Кто-то рвал и ломал входную дверь Гаррет-Кроу, пытаясь проникнуть

в особняк. Снаружи раздались оглушительные и трескучие выстрелы — как будто стрелял пулемет. Потянуло дымом, словно в доме начался пожар.

— Это еще что такое?! — Фред Петровски бросился к винтовой лестнице.

— Вы у него спросите, — усмехнулся мистер Ив, указывая на Лукинга Гласса.

Зеркало было мрачнее тучи. С отчаянием во взгляде он посмотрел на Клару.

— Пугала, — сказал он. — Мои пугала...

— Расчудесные. Самораскладные. Пугала, — отступив на полшага от зеркала, усмехнулся мистер Эвер Ив. — И они пришли показать вам всю свою... расчудесность.

Глава 8

Расчудесный кошмар

Томми кричал, но в раздающемся со всех сторон грохоте он не слышал собственного крика.

На фабрике будто кто-то одновременно включил все механизмы и заставил их работать на полную мощность. Кругом гудело, стучало, пилило, сверлило. При этом свет в цехах также не способствовал душевному покою: несколько тусклых фонарей раскачивались где-то в вышине, под самой крышей, а вертящиеся сигнальные лампы, установленные на некоторых станках внизу, лишь добавляли безумия: проворачиваясь, они рассеивали рыжий свет, как на маяке, окатывая им сборочные ленты, пилорамы и горы опилок.

За этот короткий вечер Томми чувствовал себя выловленной из реки рыбой уже во второй раз, но сейчас, болтаясь вниз головой в руках уродливого тыквоголового пугала, он начинал осознавать, что дела его даже хуже, чем были в гостиной Крик-Холла, когда его схватил тролль.

От встрыхиваний Томми мутило, от качки сводило живот, а деревянные пальцы вцепились в его лодыжку с такой силой, будто вознамерились раздавить ее. Ко всему прочему, еще и длинное дедушкино пальто болталось прямо перед лицом,

поэтому Томми практически ничего не видел кругом. Он ощущал лишь, что его волокут через станки и конвейерные ленты. Когда ему удавалось хоть что-то разглядеть, мир кругом представлял в виде свихнувшейся ярмарочной карусели: все прыгало и плясало, огненные вспышки появлялись и гасли. И все же мальчик догадывался, куда его тащат. Еще бы, ведь он сам обнаружил это жуткое место каких-то пятнадцать минут назад...

...Когда Томми только оставил тролля сторожить люк и отважно полез в черноту проема ленточного транспортера, он и подумать не мог, что ему откроется. Прежде, чем углубляться в цеха, мальчик решил разведать обстановку и притаился за штабелем из коробок. Осторожно выглянул...

Парадные двери были широко раскрыты, и в цеха проникал свет уличных фонарей. Фабрика полнилась грохотом — сотни деревянных башмаков тяжело ступали по металлическим мосткам вдоль стен. Ломано сгибая суставы и дергано шевеля конечностями, тыквоголовые спускались по лестницам и вливались в единую колонну, которая вытекала из фабрики. Свечные фитили в их глазницах едва теплились красными точками — создавалось впечатление, будто пугала пребывали в некоем полусне и, словно лунатики, безвольно шагали, куда приказано. Томми заметил, что почти все они поднимаются на мостки, появляясь примерно из одного места, расположенного где-то в глубине цехов.

«Там что-то есть... — подумал Томми. — Прячется во тьме, в самом сердце фабрики...»

Мальчик вспомнил то громадное черное нечто, которое он успел краешком глаза заметить, когда вместе с Чарли они убегали от погони. И вздрогнул. Он вдруг почувствовал, что именно там и скрывается самая большая тайна этой жуткой фабрики.

Набравшись смелости, Томми вышел из своего укрытия и ступил на освещенное место. При этом он постарался повторить замысловатые неестественные движения пугал. Его маскарад сработал: ни один солдат этой жуткой армии не обратил на него никакого внимания.

Ломанным шагом мальчик двинулся через цех. Несколько раз по пути он едва не споткнулся, наступив на полу пальто. В какой-то момент из потной от страха ладони у него выскоцила пугальная рука. Подобрав ее, он, словно и не терял ничего, пошагал дальше.

«Что же делать? — спрашивал себя Томми, порой поднимая голову-тыкву и с тревогой глядя на марширующих вдоль стен наверху пугал. — Как мне их остановить? Тролль справится с дюжиной, ну хорошо — с двумя. Но что нам делать с остальными?»

Мальчик видел у некоторых чудовищ пулеметы с шестью стволами и патронными лентами, висящими через плечо, у других были баллоны с трубками и шлангами. Вряд ли мистер Бэрри справился бы со всем этим.

«Ничего в голову не приходит! И зачем я только полез сюда?»

— Спокойно, — прошептал мальчик и мысленно добавил: «Я сейчас только посмотрю, что и как у них тут устроено, а потом тихонечко обратно. А там меня ждет громадный монстр, который может все здесь сломать. Что-нибудь придумается... Я совсем тихо и совсем быстро... Никто ничего даже не...»

На пути возникла высокая фигура.

Пугало появилось так внезапно, будто свалилось с потолка. Оно нависло над Томми, точеная тыква наклонилась к мальчику. Огоньки глаз зловеще краснели, а скрюченные конечности зависли в странной позе. Тыквоголовый солдат пристально глядел на Томми, и казалось, что он прикидывает, как ему поступить. Видимо, пугало раздумывало: схватить

маленького шпиона, позвать своих приятелей или провернуть еще что похуже.

Томми прикусил губу от волнения и шагнул в сторону, дергая пугальными руками, торчащими из манжет пальто. Не оборачиваясь, он обошел тыковголового и медленно двинулся прочь.

Спина его похолодела, в любое мгновение Томми ожидал прикосновения тяжелой деревянной руки к своему плечу, но он делал шаг за шагом, а прикосновения все не было. Дойдя до конца прохода, Томми обернулся. Пугало отдалилось — оно шагало по каким-то своим делам, напрочь позабыв о коротышке с тыквой на голове.

Томми продолжил свой путь. С трудом разбирая дорогу, он двинулся мимо высоченных стен из ящиков и заготовленных для дальнейшей обработки досок.

«О, вот, кажется, у этого станка мы с Чарли прятались... — подумал мальчик. — А может, и не у него вовсе... Черт, здесь все такое похожее!»

Чем дальше он шел в глубь цехов, тем запутаннее становился лабиринт узких проходов между станками и сборочными лентами. Томми вдруг понял, что просто не представляет, куда идет. Ожидая, что впереди его ждет ряд механических рубанков, мальчик уперся в тупик, образованный пилорамой. Он даже едва не налетел на скалящуюся металлическими кликами циркулярную пилу; сейчас она не работала, но менее опасной почему-то не выглядела. Томми обругал себя и направился обратно по проходу между верстаками и станками...

Он блуждал в темноте цехов, как ему казалось, уже целую вечность, ноги начали болеть, как и поясница, — таскать на себе старое тяжелое пальто было не так уж и легко. Да и тыква эта на голове осточертела Томми хуже рыбьего жира. Мальчик полагал, что еще пара минут в этой духоте, сдобренной мерзко-сладким запахом, и он просто рухнет в обморок прямо в гору опилок.

Время от времени Томми видел патрулирующих цеха пугал, но всякий раз ему удавалось вовремя спрятаться. И все же он знал, что постоянного везения не бывает и его в любой момент могут обнаружить, при этом никакая маскировка не поможет... Поэтому с каждым неверным поворотом и тупиком злился еще сильнее.

Томми уже совершенно запутал и в какой-то момент собирался сорвать с себя эту душную прелую маску, как вдруг увидел впереди яркую вспышку. Рыжее пламя взвилось двумя длинными языками и исчезло.

— Что это там такое? — пробурчал мальчик и подумал: «Печи?»

Внезапно Томми догадался: это был тот самый механизм, который прятали в сердце фабрики! Но что он на самом деле собой представлял? И есть ли выключатель у этой штуковины?

Недолго думая, мальчик двинулся в ту сторону.

И минуты не прошло, как снова полыхнуло — на этот раз ярче. Томми различил все в мельчайших подробностях. Он увидел два черных обугленных трося, тянувшихся вертикально вверх, — пламя взбиралось по ним. Оно ловко поднималось, окутывая эти тросы, затем лишь, чтобы в мгновение ока снова спасть и померкнуть.

Уверенности у Томми с каждым шагом становилось все меньше, а пугал кругом, напротив, все больше. Теперь они стали появляться на его пути как поодиночке, так и парами, и даже целыми группами. Томми прятался, замирал и как мог старался слиться с тьмой. А потом, выждав, когда тыковоголовые уберутся, выходил из своего укрытия и крался дальше.

В какой-то момент снуящих повсюду пугал стало так много, что продолжать путь уже не было никакой возможности, поэтому мальчику не оставалось ничего иного, кроме как найти надежное убежище с хорошим обзором и наблюдать за происходящим оттуда. Томми забрался на самый

высокий, какой только смог найти, штабель брусков, предназначенный для изготовления конечностей пугал, и осторожно выглянул из-за нависающего над ним крюка перегружателя.

И в тот же миг от неожиданности отпрянул назад и едва не скатился на пол. Томми поймал равновесие, поправил сползшую тыкву и снова выглянул из своего укрытия.

Поразиться действительно было чему. Вся центральная часть фабрики была занята неким сооружением, вокруг которого, словно термиты, мельтешили десятки пугал. Поднявшиеся столбы огня осветили огромную тыкву, сделанную из дерева. Тыква походила на прочие пугальные головы, но была размером с комнату Томми! В ней зияли треугольные окна-глаза; клыкастая пасть-улыбка самодовольно и коварно скалилась. Те два черных троса, которые мальчик заметил издали, оказались фитилями двух огромных свечей в глазницах. Вот тебе и печи...

И все же это была не просто огромная тыква-печь! Гигантское пугало — или, вернее, Пугалище — было живым! Оно шевелилось и поворачивало голову, разглядывая, что там делается у него под ногами.

Пугалище сидело на полу цеха, а колени и локти его шести конечностей торчали в стороны, как у огромного насекомого. Томми понял, что если этому гиганту вздумается распрымиться, то его макушка тут же упрется в своды крыши. Даже казавшийся ранее громадным тролль рядом с Пугалищем выглядел бы малышом.

«И что теперь прикажете делать? — с отчаянием подумал мальчик. — Как победить такую громадину?»

А центральная часть фабрики жила своей зловещей жизнью. Прямо на глазах у пораженного мальчика происходил сбор тыквоголовой армии. Пугала-рабочие выстраивали перед своим повелителем ровные колонны и шеренги из пугал-солдат, безликих и одинаковых. Еще неподвижных, их стаскивали

сюда со всех концов фабрики и расставляли, словно игрушечных солдатиков для гигантского ребенка.

Всякий раз, как формировался очередной отряд, Пугалище опускало к нему свою огромную голову, и в прорезях его глаз вспыхивали черные фитили. В ответ на эти вспышки занимались и тут же меркли огоньки в глазницах пугал-солдат.

«Это команды, — понял Томми. — Оно отдает им команды, а те отвечают «Есть, сэр!» или что-то в том же духе...»

Следуя немым приказам, новые отряды отправлялись к лестнице, чтобы беспрепятственно преодолеть цеха по мосткам вдоль стен, а затем выйти через главную дверь фабрики. А к Пугалишу уже подводили новых солдат, и казалось, им нет конца.

Томми решил, что увидел достаточно. Он слез со штабеля и поковылял обратно, намереваясь как можно скорее отыскать путь к погрузочному люку. Все его мысли крутились вокруг Пугалища — удачных идей, как справиться с гигантским деревянным монстром, пока не наблюдалось.

До люка мальчик добрался без приключений, но уже прямо перед тем, как залезть в него, он внезапно застыл, задумавшись. Томми вспомнил обрывок некоего разговора, подслушанного под крышей этой самой фабрики. Тогда с Чарли они были слишком испуганы тем, что обнаружили в этих стенах, и многое упустили из виду, но сейчас... А еще мальчику вспомнился их с троллем путь через город, а именно — некая сцена, выхваченная из кошмарной ночи в его памяти словно прожектором.

Лихорадочные теории и предположения начали выстраиваться в пока еще шаткую и неуверенную, но кажущуюся вполне разумной идею. Томми обернулся и задрал голову. Где-то там, в темноте над цехами, располагался кабинет мистера Зеркала — начать следовало с него...

Мальчик удовлетворенно кивнул собственным мыслям и полез в люк. В тот момент он думал, что, как только выберется наружу и расскажет план своему огромному злому

спутнику, они с троллем устроят тут настоящий кавардак, и тогда этому пугалу-переростку и всем его пустоголовым солдатам не поздоровится. Но не тут-то было.

Выбирайсь из центральной части фабрики, Томми был так встревожен своей жуткой находкой, что не заметил, как приплюснутая голова-тыква, проплывающая на тонкой шее мимо сверлильных станков, повернулась в его сторону. Он был слишком занят изобретением плана, чтобы услышать шаги за спиной.

Беспечность его и подвела. И вот, когда он вылез из люка и уже почти-почти рассказал троллю, что нужно делать, коварное пугало схватило его за ногу и потащило обратно в темноту цеха...

...Томми кричал, но его похититель был глух. Единственное, что мальчик уяснил, — это то, что у пугала ярко горели глаза: им управлял его повелитель, а значит, несли маленького шпиона прямо в лапы Пугалищу.

Вскоре Томми Кэндл понял, что не ошибся. Он снова оказался в этой проклятой центральной части фабрики, только теперь все пугала уже знали о его присутствии, более того — в каком-то смысле он стал героем дня...

Тыквоголовый, который тащил Томми, очевидно, наконец доставил его, куда собирался. Он разжал пальцы и выронил мальчика на пол.

Пугалище зашевелилось и изогнуло длинную суставчатую шею. Гигантская голова опустилась почти к самому мальчику и нависла над ним, будто грозовая туча. Томми почувствовал жар, текущий на него из треугольных прорезей глазниц и кривой пасти.

«Ну вот и все! — с ужасом подумал мальчик. — Моя песенка спета...»

Но вслух он произнес совершенно другое. Он ведь не был трусом. Любой взрослый на его месте впал бы в отчаяние,

но Томми был большим, чем каждый взрослый сможет когда-либо стать, — он был мальчишкой. А мальчишки никогда не сдаются. Даже когда их запирают в чулане или требуют, чтобы они просили прощения, они думают вовсе не о поражении, а о том, как бы перегруппироваться и контратаковать.

Томми крикнул:

— Попробуй схватить меня, глупое пугало!

Пугалище повело головой-тыквой и приблизило свою жуткую морду еще ближе. Разверстая пасть оказалась прямо над мальчиком.

Томми захотелось плонуть в проклятого монстра, но почему-то он вдруг подумал, что мама не оценила бы подобный поступок.

Он попытался отползти, прикрываясь рукой от нестерпимого жара, но Пугалище не собиралось его отпускать. Казалось, оно намеревается или сожрать его, или сжечь пламенем из глаз и пасти. Мальчик сжал зубы — до сего момента он полагал, что ему все же удастся победить. Но сейчас ему мучительно захотелось просто спастись самому.

И тут откуда-то с улицы раздался ужасный рев, за ним последовали звуки выстрелов и треск ломаемого дерева. Огромная деревянная голова дернулась и повернулась на шум...

...Тролль все стоял, недоуменно глядя в темноту, и никак не мог взять в толк, что сейчас случилось. Всего мгновение назад этот маленький повелитель Злобной Канарейки был здесь, а потом... фьюнть... и он испарился. Так же нельзя, право дело! Это очень невоспитанно исчезать посреди разговора, не попрощавшись.

«Что такое?» — возник единственный вопрос в голове тролля.

Нужно было каким-то образом достать мальчишку из дыры обратно. А этого не сделать, если просто так стоять и ждать,

когда же в небе поднимется Мерзкий Белый Фонарь, а тело охватит слабость.

Тролль развернулся и пошагал к припаркованным в стороне грузовичкам. Это были престарелые машины, напоминающие груды металла на колесах. Большие круглые фары подслеповато и раскосо глядели по сторонам, стекла кабин покрывала пыль, а синяя краска почти слезла с крыльев, дверей и кузовов.

Оглядев ближайший автомобиль и признав его вполне подходящим — мистеру Бэрри ведь не кататься на нем, — тролль ухватился лапами за крыло и подвеску, после чего приподнял грузовичок, оторвав его передние колеса от земли. Мышцы взбугрились, на оскаленных от напряжения клыках выступила пена. Грузовичок заскрипел, казалось, даже самой крошечной своей заклепкой, словно собрался развалиться на куски.

Тролль рыкнул и потянул автомобиль за собой, как какой-то мальчишка — деревянную лошадку на колесиках.

То ли коварный автомобиль был в сговоре с пугалами, то ли он просто не мог смириться со столь неподобающим обращением, но скрежетал он столь мерзко и пронзительно — разве что еще не сигналил, — что даже тролль с отвращением оскалился. И все же тянуть грузовичок не прекратил.

Подобные ужасные звуки, разумеется, не могли остаться незамеченными: от главного входа фабрики к троллю уже спешили не меньше двух десятков тыквоголовых солдат. Основная же колонна тем временем продолжала двигаться через ворота в город — незримый повелитель велел им не отвлекаться.

Началась драка. Не останавливаясь и не отпуская грузовик, тролль принял одной рукой отмахиваться от начавших наседать на него со всех сторон пугал, как от назойливых мух. Задние колеса здоровенного автомобиля перемалывали останки тех, кто оказывался на пути мистера Бэрри.

Тролль с легкостью одолевал хилых врагов одного за другим, но вскоре все изменилось. Те деревянные солдаты, что уже вышли за ворота, по-прежнему не спешили возвращаться, а остальные выходящие из здания пугала, судя по всему, получили недвусмысленный приказ, остановить нарушителя спокойствия любым способом.

«Любого способа» мистер Бэрри дожидаться не стал. Он остановился примерно в пятидесяти футах от главного входа фабрики, одной лапой перехватил переднее крыло грузовика поудобнее, другой взялся за борт кузова. Из его легких вырвался чудовищный рык.

Тролль уперся ногами в землю, напряг мышцы и полностью оторвал огромный автомобиль от грунтовой подъездной дороги. После чего с виду неповоротливый мистер Бэрри, не выпуская машину из лап, начал крутиться волчком. В какой-то момент он примерился, разжал пальцы, как самый настоящий шотландский метатель молота, и швырнул автомобиль в здание.

Выкрашенный в синий цвет грузовик, словно простой булыжник, пролетел все пятьдесят футов, сметая по пути спешащих к мистеру Бэрри пугал, и с жутким грохотом врезался в открытые настежь главные фабричные двери и стену фасада.

В поднятой туче пыли можно было различить, что кузов и кабина автомобиля нещадно смяты, оси покосились и слетели, а стекла побились в мелкое крошево. От удара в стене образовались трещины и проломы, створки двери и вовсе превратились в непролазную груду дерева.

Тролль довольно зарычал, гордясь своей работой: главный вход в большое кирпичное здание был перекрыт: оставшиеся внутри фабрики пугала больше не могли выбраться наружу, пока не преодолеют нагромождение из покореженного металла и битого камня. И тут мистер Бэрри вдруг понял, что в чем-то ошибся. Что-то не сходилось.

«Попасть внутрь?» — подумал тролль.

Он стоял и в недоумении чесал ухо, когда услышал справа знакомый стук деревянных башмаков. Повернув голову, тролль зарычал от ярости: проклятые пугала нашли другой выход. Из дверей, ведущих в боковое крыло здания, появилось несколько деревянных уродцев. У одного из них в руках был шестиствольный пулемет...

Недолго думая, тыквоголовый солдат направил оружие на тролля и принялся вращать ручку. Стволы закрутились, и в мистера Бэрри с грохотом и визгом полетели пули.

То ли посчитав себя неуязвимым, то ли позабыв о том, что порой все же стоит думать прежде, чем что-то делать, тролль ринулся навстречу.

Фабричный двор и цеха наполнились отчаянным ревом мистера Бэрри.

Тем временем гигантское Пугалище вспомнило наконец о маленьком шпионе, который лежал у его ног, опустило голову и... не смогло его обнаружить! На том месте, где еще совсем недавно был этот крошечный негодник, осталось лежать лишь старое черное пальто. Пока командир деревянной армии давал приказы своим солдатам, мальчишки и след простыл.

Пугалище завертело головой, оглядывая станки и конвейерные ленты. По его резким движениям и дрожащему огню в глазницах было ясно, что оно злится — кое-что пошло не по плану: сперва этот маленький шпион, теперь двуногий зверь, который завалил проход! И почему с улицы до сих пор раздается стрельба, если зверь давно уже должен быть убит?..

Если бы этот деревянный монстр умел ворчать, то сейчас, в лучших традициях книжных злодеев, он, несомненно, произнес бы: «Ну вот! Все надо делать самому!»

Пугалище начало медленно подниматься. Раздался скрежет шарниров, в воздух взвилась целая туча опилок и стружки. Вся фабрика вздрогнула и заходила ходуном.

Испуганный мальчик, который в это самое время наблюдал за происходящим через пыльное окно кабинета мистера Зеркала, увидел, как гигантская голова-тыква выплывает на длинной и толстой змеиной шее из цехов и поворачивается, оглядывая свои владения. Голова Пугалища находилась уже на уровне второго этажа и идущих вдоль стен металлических мостков, а деревянный монстр еще даже не разогнул до конца колени и не расправил позвоночник. Три руки, будто паучьи конечности, вцепились в стены, четвертая ухватилась за балки под сводами здания фабрики. Монстр продолжал подниматься. Громадная голова повернулась к кабинету мистера Зеркала.

Томми отпрянул от окна и упал навзничь, притаившись за каторским шкафчиком, который стоял в простенке. Ему показалось, что Пугалище услышало, но спустя какое-то время внезапно проникший в помещение свет померк — монстр отвернулся в сторону.

Мальчик вылез из-за шкафчика и, держась обеими руками за деревянную ручку одного из ящиков, словно за спасительную соломинку, выглянул — Пугалище его не заметило и в эти мгновения осматривало сейчас главный вход. Оно явно собиралось помочь своим подчиненным очистить дверной проем. Гигантский монстр покачнулся и шагнул. Шарниры суставов заскрежетали, затем раздался жуткий треск — это под огромную деревянную ступню попало несколько пугал поменьше.

И тут произошло то, от чего Томми похолодел, а волосы на его затылке встали дыбом.

За спиной мальчика, а если точнее, из-под стола мистера Зеркала, раздался шорох, как будто кто-то царапал когтями пол. Томми дернулся и уже приготовился спасаться из кабинета бегством, ожидая, что из темноты сейчас выберется или очередной тыквоголовый, или нечто еще страшнее, но звук не повторился.

«Мыши? — попытался успокоить себя Томми. — Это ведь бывшая свечная фабрика... тут должно быть полно мышей... Или нет? Может, это... — Младший Кэндл вдруг невероятно разозлился, причем на себя. — Нет! Хватит! Хватит бояться! Ничего там нет. Если бы под столом пряталось пугало, оно бы уже выбралось и схватило тебя за нос, болван! Хватит трястись и... и вперед!»

Томми огляделся. Где-то здесь должно было быть то, что могло помочь ему остановить Пугалище и его солдат. Мистер Мэйби тогда так и спросил мистера Зеркало: «Что это мы прячем?»; и мальчик очень надеялся, что мистер Зеркало не стал утруждать себя, убирая те шланги, о которых они говорили, подальше... О! Вот же они!

Томми увидел в углу сваленные кучей резиновые шланги и серый пожарный рукав, накрытый рваной ветошью. Шланги были слишком короткими, и он взялся распутывать жутко перекрученный ворох рукава — кто-то не слишком озабочился сворачиванием его как полагается.

«Надеюсь, в тебе нет дырок», — подумал мальчик.

Вымазав руки в грязи и пыли, он все-таки нашел один конец — на нем была насадка, которая должна была вкручиваться в пожарный кран. Томми разматывал рукав, словно пытался победить сложную головоломку, развязывая узлы, разделяя петли и высвобождая все новые и новые кольца.

Вскоре он распутал почти весь рукав (мальчик уже видел другой его конец — на нем была закреплена медная насадка для тушения пожаров — окисленный и позеленевший от времени брандспойт), но тут длинная черная тень пронеслась по окнам, будто мимо пролетело полотнище, подхваченное дуновением ветра.

Томми вздрогнул и обернулся. Опасности вроде бы не было — это всего лишь одна из гигантских рук Пугалища переместилась по цеху, двинувшись к главным дверям фабрики.

Окончательно распутав пожарный рукав, Томми схватился за один его конец, тот, что с поворотной насадкой, и подкрался к двери. Приоткрыл ее, он выглянул наружу и убедился, что мостки совершенно пусты. Пугалище в это время расчищало выход из фабрики, а дюжина-другая его подчиненных копошилась рядом. Прочие тыквоголовые толпились в цехах, ожидая, когда путь наружу снова окажется открыт.

С улицы по-прежнему доносились выстрелы. За окном на мгновение поднялся и исчез огненный столб — кажется, в ход пошли огнеметы.

— Бедный-бедный мистер Бэрри, — сокрушенно проговорил Томми.

Впрочем, тролль выигрывал сейчас для него время, и тратить его впустую мальчик не собирался.

Поддерживая рукав, чтобы тот не сильно волочился по мосткам и не шуршал, он поспешил к лестнице. Там, на площадке, вдоль стены проходили бурые трубы, и там же был памятный кран, о который Чарли так неловко стукнулся, едва не выдав их присутствие. Именно благодаря ссадине Чарли он и знал теперь, что следует делать.

Оказавшись на площадке, мальчик принялся вкручивать соединительную головку рукава в разверстую пасть крана, что оказалось совсем непросто, ведь кран был ржавым, а насадка все время выскакивала.

Томми даже вспотел от напряжения. Сжав зубы, он все вкручивал насадку, стараясь сделать так, чтобы все три упора-когтя закрепились на кране. В какой-то момент ему это удалось.

«Что дальше?» — подумал Томми.

Дальше предстояло открутить красный вентиль. Тот поддался на удивление легко, словно его смазывали совсем недавно.

Томми посетила странная мысль: «Может, мистер Зеркало действительно готовился к тому, чтобы использовать этот кран? Вряд ли он смазал вентиль, потому что боялся пожара!»

Томми несколько раз крутанул вентиль и опрометью бросился обратно в кабинет, чтобы вовремя схватить другой конец рукава, опережая воду, текущую по трубопроводу. Но далеко он не пробежал...

Мальчик остановился и обернулся. Ничего не происходило. Вода не поступала.

— Черт! — выругался он довольно громко, после чего испуганно, ужетише, повторил: — Черт...

Томми вернулся к крану и постучал по нему — раздался сухой металлический звук. Проследив взглядом по уходящим вверх трубам, он увидел запирающий вентиль на одной из них.

— Хм...

Томми взобрался на пожарный кран, надеясь, что тот под ним не сломается, после чего с усилием крутанул вентиль. Но тот сопротивлялся и едва-едва поддавался: в отличие от предыдущего, его и не подумали смазать, и он совсем проржалевел.

Томми ободрал ладони и едва не вывихнул себе пальцы, но со строптивым вентилем все же справился. Открутив его до предела, он прислушался: вода все равно не текла.

— Черт... — негодующе сжав зубы, прошипел Томми. — Да что же это такое!

Спрятав на решетчатый настил мостков, он разочарованно поглядел на ползущий в кабинет рукав. И тут в памяти Томми неожиданно всплыли утомительные часы поливки сада, когда он бродил от куста к кусту с тяжеленным шлангом, а дядюшка Джозеф почивал на скамеечке с газетой, попивая свой сироп от кашля и не забывая при этом время от времени командовать племянником. Когда вода не течет, нужно забраться в колодец и открутить большой вентиль на трубе. Томми тут же вспомнил отвратное ощущение, когда трухлявые доски под тобой проламываются и ты проваливаешься ногой в дыру. Колодец возле стены котельной!

Что ж, нужно всего лишь спуститься по лестнице, выбраться из бокового входа фабрики и выйти во двор, на котором сейчас толпятся пугала. После этого нужно незамеченным и, что более важно, живым пройти около тридцати шагов через двор, доломать дощатый люк колодца, спуститься по лесенке — Томми надеялся, что там есть лесенка, — и открутить очередной вентиль, который, скорее всего, еще сильнее проржал, чем предыдущий. Что ж, делов-то... Чарли (никакая не ведьма Клара Кроу, а его самый лучший и единственный друг Чарли Уиллинг) сделал бы это с закрытыми глазами.

Томми вздохнул и двинулся по ступеням вниз.

Виктор отвел курок, прицелился и выстрелил. Пуля с отвратительным треском прошила голову-тыкву насквозь. Пугало покачнулось, но устояло.

Деревянный монстр, забыв о Саше, к которой всего мгновение назад тянул свои загребущие лапы, повернулся и шагнул к Виктору. Виктор снова нажал на спусковой крючок. На этот раз вместо выстрела раздалось лишь мягкое металлическое клацанье.

— Патроны всегда заканчиваются в самый неподходящий момент! — усмехнулся мистер Эвер Ив, радуясь неудаче своего бывшего соседа.

Человек в зеленом с любопытством наблюдал из своего зеркала за происходящим. При этом злокозненный дух, вероятно, втайне от своих врагов искал способ выбраться наружу, но им, его врагам, сейчас было явно не до него...

Подстреленное пугало тем временем вплотную подобралось к Виктору. Оно извернулось и схватило его за рукав. Виктор перехватил револьвер за ствол другой рукой и со всей силы ударил рукояткой по голове-тыкве, проломив в ней большущую дыру.

Пугало рухнуло перед Виктором на колени, и тот увидел содержимое этой самой тыквы: внутри стояли две желтоватые свечки — фитили ярко горели, воск оплавлялся и тек. Виктор поспешил наклониться и задул огоньки. В тот же миг деревянная громадина, будто выключившись, безвольно рухнула ему под ноги.

— Как грубо, — презрительно скривился Эвер Ив. — Совсем не по-джентльменски!

Тяжело дыша, Виктор огляделся. Несколько убитых им пугал безжизненными обломками лежали на полу рядом с изуродованным телом бедной Кристины... Он почувствовал, что его снова начинают охватывать бессилие и горечь, и через силу заставил себя отвести взгляд.

Еще только выбравшись из зазеркалья и увидев, что стало с сестрой, Виктор просто не мог поверить собственным глазам. Не хотел верить. Почему? Как? За что? Мистер Эвер Ив тогда сказал: «Это не я — мне она нравилась. Спроси своих проклятых ведьм...»

Глядя на обезображенное тело сестры, Виктор вдруг словно опустел, и эту пустоту начали заполнять горе и отчаяние. В голове всплыл последний разговор с Кристиной. Они стояли в гараже. Она сказала, что чувствует... чувствует, что скоро умрет. И вот она... ее больше...

Виктор вспомнил день своего приезда, вспомнил Кристину на станции — какое же это было беззаботное и жизнерадостное существо! Боль вонзила в него когти еще глубже. Он даже не заметил поначалу, как первые пугала проникли в подземелье, как Зеркало ринулся к ним, не услышал испуганного вскрика Саши, увидевшей скалящихся деревянных монстров. В тот миг Виктору показалось, что безумие последних дней не закончится никогда. Сперва отец... теперь Кристина...

Из оцепенения его вывел крик Саши, к которой шагнуло одно из пугал, а потом у него просто не осталось ни одного

свободного мгновения на то, чтобы хоть о чем-то задуматься, — тыквоголовые заполонили подземную гостиную Гаррет-Кроу...

Запертым здесь людям чрезвычайно повезло, что вход был лишь один, иначе пугала попросту завалили бы их своим количеством. И все же тыквоголовые пробирались в подземную гостиную один за другим, не замечая потерю и шагая по своим же убитым собратьям — вряд ли их смогли бы долго сдерживать колдун, парочка ведьм и даже невероятная магия потустороннего существа в сером костюме...

Мистер Гласс... Клара пыталась уговорить его, чтобы он «отключил» своих пугал (оказалось, что именно Зеркало их создал), но тот лишь покачал головой и сказал, что больше их не контролирует. «Ну еще бы! — хототал запертый в зеркале Эвер Ив. — Мои милые кошмарики не прислуживают отступникам! Я велел им всех вас убить! Эй, Зеркало, слышишь песенку? — Он приставил руку к уху. — Вот и я не слышу. Твоя песенка спета! Ха-ха...»

Впрочем, мистер Гласс считал иначе и просто так сдаваться был не намерен. В отличие от Виктора, оружие ему было без надобности. Он превосходно справлялся и так: Зеркалу оказалось достаточно всего лишь снять перчатки. Словкостью и изяществом какого-нибудь танцора мистер Гласс выделялся замысловатые движения ногами, кочуя с невероятной скоростью от одного пугала к другому. С каждым подобным перемещением, уворачиваясь от ударов деревянных солдат, он резко проводил ладонью по очередной голове-тыкве — и та в следующий же миг начинала таять, словно была сделана из сахара: и сама тыква, и свечи внутри нее оплавлялись так быстро, будто от ладоней Зеркала исходил жар доменной печи...

Виктор не знал, сколько прошло времени с момента, как они с Сашей и Зеркалом выбрались из Черного города. Сражение поглотило его с головой. Несмотря на угрозы Ива и его

лживые советы вроде «Осторожнее, справа!», когда очередное пугало заходило слева, Виктор и его товарищи по несчастью пока держались, и все же...

Все же с каждой секундой колдовство четы Петровски и Клары становилось все слабее, и даже Зеркало теперь все чаще отступал и тратил больше времени на свои чары. К тому же вслед за пугалами в подземную гостиную начал ползти дым — наверху разгорался пожар...

Поднырнув под руками пытавшегося схватить его пугала, Виктор проскользнул тому за спину и, пробив рукояткой револьвера голову-тыкву, задул свечные огоньки. Деревянный солдат рухнул на пол.

Виктор встретился глазами с Сашей.

Саша стояла у стены в трех шагах от него, ее лицо было искажено от ужаса. Виктор не подпускал к ней пугал, но те всё лезли к несостоявшейся жертве мистера Ива с невиданным упорством, явно намереваясь схватить ее и утащить с собой, лишь бы только разлучить их с Виктором. Злокозненный Человек в зеленом именно этого и хотел — он то и дело тыкал в Сашу пальцем и вопил: «Тыквики! Сюда! Она здесь!»

«Нужно отсюда выбираться! — лихорадочно думал Виктор. — Выбираться отсюда! Но как?»

Он с горечью осознавал, что они совершили ошибку, не попытавшись пробиться наверх, пока пугал было немного. Теперь же, когда в подземную гостиную уже проникло больше двух дюжин скалящихся деревянных монстров с горящими глазами, даже просто подобраться к лестнице казалось невозможным...

Это понимал не только он один.

Петровски выглядели совершенно измотанными: на их лицах проступило общее обреченное выражение — кажется, фокусники уже не верили, что им удастся выйти из этой передряги живыми. Добив очередное пугало, Фред бросил взгляд на Мари. Та, словно почувствовав, ответила ему своим

пронзительным и печальным взглядом — в нем застыло гордое смирение с ожидающей их незавидной участью.

Кларе — той и вовсе приходилось худо. Нога ведьмы была подвернута после падения с метлы, а руки изуродованы зубами Серых, и это не говоря уже об ожогах, ушибах и порезах, которые она успела получить после. Она-то полагала, что Фред еще там, на чердаке, излечил ее, но выяснилось, что все это было чем-то вроде фокуса и всего лишь позволило на время забыть о ранах и боли.

Силы Клары иссякали. Пугала, казалось, уже совсем перестали замечать ее колдовство. Живые колючие лозы, отрывающие головы и проникающие в глазницы, ржавое тление, ковер, пожирающий ступни... отныне ничего из этого не причиняло существенного вреда все прибывающим тыквоголовым. Помимо сил, иссякла также и ее фантазия. Клара не представляла, что еще можно было предпринять. На глазах ведьмы простили злые слезы: она столько всего сделала, чтобы вернуть дочь, но после освобождения Саши им не удалось перекинуться даже парой слов! Та до сих пор не знает, что Клара Кроу — ее мать! Да и как вообще она может об этом догадаться, когда Клара выглядит не старше ее самой! И теперь, кажется, ей уже не рассказать...

Пугала вплотную подобрались к Кларе, и ведьме пришлось схватиться с ними без колдовства — она отбивалась отломанной у одного из уже убитых страшилищ деревянной рукой, но скалящихся врагов было слишком много. Они не обращали внимания на собственные травмы: некоторые пытались ползти к ведьме, лишившись ног, тянули к ней свои скрипучие пальцы. Окончательно их остановить могло лишь затухание свечей в головах-тыквах, но проклятые огоньки никак не хотели гаснуть...

Одно из пугал в какой-то момент задело локтем подсвечник, и тот упал на пол. Хорошо, что он был пуст — предусмотрительные Петровски еще в самом начале схватки

при помощи колдовства подняли все свечи в воздух, отправив их под своды подземной гостиной.

Некоторые пугала, как пауки, поползли по портьерам, одно перескочило на черный гроб. Кто-то из деревянных солдат поджег собственным глазом драпировку, и пламя охватило ее, как сухую газету. Потушить портьеру было некому — каждому из обороняющихся и без того хватало дел. Меж тем ползущий из двери дым клубился под потолком и с каждой секундой его становилось все больше...

Клара балансировала на грани обморока...

«Это все кошмар, — думала она. — Такой ужас просто не может твориться наяву. Я сплю... Был очень долгий и тяжелый день. Наверное, это последний день перед каникулами — ведь именно в этот день все начало катиться под откос. Я так устала — просто прилегла на кровать и не заметила, как уснула. Вот бы сейчас взять и проснуться в моей маленькой каморке над кондитерской лавкой... Вот бы все это просто оказалось сном и...»

И тут словно молния пронзила ее насквозь — она вдруг кое-что поняла. Надежда забрезжила в голове ведьмы, как пока еще тусклая, но все же уже живая и теплая искра.

— Я знаю, что делать! — воскликнула Клара, но ее слова потонули в трескe, топоте, скрежете деревянных суставов и звуках ударов, раздающихся в подземной гостиной.

Казалось, ведьму услышал лишь мистер Эвер Ив, поскольку он тут же начал морщиться, как будто прямо из-под его носа утаскивали любимое блюдо, а вместо него стали подсовывать какую-то отвратительную дурнопахнущую жижу.

— Послушайте меня! — закричала Клара, из последних сил отбиваясь от наседающих на нее тыквоголовых. — Виктор!

Но племянник, хоть и стоял всего в нескольких шагах от нее, ничего не слышал. Едва расправившись с одним

пугалом и приготовившись встретить ударом револьверной рукояти следующее, он заметил поблизости еще одно. И содрогнулся. Нет, Виктор не испугался очередного врага, — по сути, они все были почти одинаковыми, отличаясь лишь размерами («коротышка», «средний брат» и «переросток»), количеством конечностей да вооружением: у кого-то были заточенные крюки, у кого-то — ножи, у других — просто длинные деревянные когти. Нет, он не боялся. Он был в ярости. Проклятое пугало, шагнув к нему, наступило на бездыханное тело его сестры, как на какую-то ничтожную половую тряпку...

Виктор будто обезумел. Он швырнул во врага револьвер, закричал и прыгнул на деревянного солдата, голыми руками хватая его за голову. Невзирая на боль от ожогов, он запустил пальцы в глазные прорези монстра и начал с силой оттягивать их в разные стороны. Пугало сопротивлялось. Оно схватило Виктора, пытаясь разжать его пальцы, сорвать их со своей головы, но деревянный солдат попросту не расчитал собственной силы. Почти одновременно раздались треск тыквы и хруст запястья Виктора. Боль пронзила руку, а пугало с разломанной головой и погасшими свечами рухнуло на пол...

— Послушайте меня! — пыталась докричаться до товарищей по несчастью Клара, но ее слабый голос снова потонул в грохоте.

Одно пугало потянуло к ней свои руки, пытаясь схватить ведьму за голову, другое уже заходило со спины...

Огонь с портьеры у входа переполз на ковер, а дым заволок собой уже всю подземную гостиную. Где-то там возле лестницы кашляли Фред и Мари — ни с дымом, ни с пожаром времени и сил у них справляться уже просто не было, даже различить кругом что-либо стало теперь совсем затруднительно. Меж тем в темно-сером клубящемся мареве по-прежнему ярко горели огоньки злобных глаз. Множество

врагов окружили фокусников, сражающихся уже в центре настоящей деревянной свалки, и в какой-то момент из-за дыма и наступающих тыквоголовых ведьм Кроу потеряла их из виду...

Мистер Гласс оказался за спиной у Клары. Он сплавил двух пугал головами и оттолкнул их в сторону. А затем схватил Клару за руку.

Та дернулась, очевидно, приняв его за очередного врага.

— Времени не осталось... — обреченно проговорил мистер Гласс. — Это конец. Я вижу это через зеркала машин на пустыре! Дом окружен сотнями пугал. Крыша и верхние этажи горят. Я хочу попрощаться с вами, мисс Мэри...

— Лукинг! — Она с мольбой посмотрела в его глаза. — Я знаю, что делать. Почему меня никто не слышит?! Мы можем выбраться отсюда!

— Они заполонили уже весь дом! Почти весь пустырь! — воскликнул мистер Гласс. — Этажи в огне, лестница в огне. Сам этот чертов подвал уже горит... Пожар не потушить. Мне жаль, что вы так и не успели... что мы не успели...

— Лукинг, я знаю, как нам выбраться! — Клара схватила его за руки. — Только бы подняться наверх!

— Ничего у вас не выйдет, — вставил мистер Эвер Ив — он подслушивал, приставив ухо к зеркалу. — Гаррет-Кроу и правда окружен. Здесь десятки, сотни моих деревянных солдат. Даже если вы каким-то чудом покинете это славное подземное местечко, никто вас не выпустит из дома.

— Виктор! Фред! Мари! — воскликнул Зеркало, при этом его голос разлетелся стеклянным звоном по всей гостиной, перекрыв треск ломаемых пугал, шум огня и совсем не утонченные ругательства Фреда Петровски. Мистер Гласс глядел на Клару: ее непреклонная уверенность передалась и ему. — Пробиваемся к лестнице! Сейчас!

Не услышать его было невозможно. Другое дело — что-то предпринять.

Мистер Гласс вновь посмотрел на Клару, кивнул на кашляющую и опустившуюся к самому полу, где еще оставалось немного свободного от дыма воздуха, Сашу:

— Мисс Мэри, берите ее и ступайте за мной! Виктор, помоги мне!

Не теряя больше времени, Зеркало бросился к Петровски, пытаясь отвлечь от них часть врагов...

Увидев, что Клара схватила Сашу за руку и потянула ее к выходу, Виктор бросился туда, где сражались Петровски и Зеркало.

— Эй ты, расчудесная тварь! — оказавшись подле Мари, крикнул он одному из нападавших на мадам Петровски деревянных монстров, но на его возглас головы повернули трое.

Пружинистой походкой пугала направились к нему, подняв ножи. Виктор принял отмахиваться от них трофеейной деревянной ногой — уничтожить одновременно трех тыквоголовых он не мог, но все же благодаря ему фокусники смогли хоть на миг перевести дыхание.

Клара с Сашей побежали к кольцу деревянных обломков, образовавшемуся вокруг Петровски.

— Нам надо только подняться в прихожую! — воскликнула ведьма Кроу. — Но они все лезут и лезут сюда!

— Мы сделаем... — начал Фред, хрипло и тяжело дыша, обращаясь ко всем сразу, но глядя только на Мари.

— ...последний трюк? — уточнила Мари.

— Да.

— А если не выйдет...

— Тогда шоу закончится. Ты не хочешь?..

— Хочу.

Фред кивнул.

— Сейчас!

Супруги Петровски уничтожили двух ближайших к ним врагов, попросту взорвав им головы, после чего взялись за руки, стремительно взмахнули ими и разомкнули пальцы.

В воздух тут же поднялся зыбкий волнистый туман. К черному дыму пожарища добавились серебристые клубы, сотворенные фокусниками. В тот же миг все пугала в подвале сперва замерли, а потом исчезли.

— И вы ждали?! — возмутился Виктор. — Почему было не сделать этого раньше?

— Они вот-вот появятся снова! — воскликнула Мари. — Бежим!

— Это всего лишь фокус! — подтвердил Фред, хватая супругу за руку и вместе с ней бегом направляясь к винтовой лестнице. — Быстрее!

Зеркало и Клара подхватили Сашу и потащили ее через гору деревянных останков к выходу. Виктор застыл и обернулся, а затем, не раздумывая, ринулся обратно. Он не мог бросить здесь Кристину.

Сжав зубы от боли в запястье, Виктор поднял обожженное и изуродованное гвоздями тело сестры и ринулся к лестнице так быстро, как только мог.

— Ты ведь знаешь, что это еще не конец! — крикнул ему вслед из зазеркалья мистер Эвер Ив.

— Мы с тобой все-таки похожи, — прошептал Виктор очень тихо, но пленный Иероним услышал его из другого конца подземелья. — Ты тоже не смог сдержаться, чтобы не сказать банальность в самом конце.

Мистер Ив задумался, и ему стало стыдно...

Виктор был уже возле самой лестницы. Колдовской туман Петровски стал рассеиваться. Пугала начали появляться вновь. В разных частях подземной гостиной материализовались оглядывающиеся по сторонам головы-тыквы, тут и там появились висящие в воздухе деревянные конечности, скрипящие и скрежещущие.

Задержав дыхание, почти вслепую, Виктор поднимался по ступеням в густом дыму. С каждым новым шагом ему казалось, что он вот-вот не выдергит и выброшит Кристину.

К тому же пугала очень мешали — пока что только именно мешали, поскольку полностью они еще не появились: у многих еще отсутствовала половина тела, у кого-то — голова, у других — конечности.

Виктор был вынужден уже буквально протискиваться через толпу «полутел», прокладывая себе дорогу между торсами, ногами, плечами и головами-тыквами пока еще не полноценных пугал.

Но вот подземная гостиная осталась позади. Оказавшись на первом этаже Гаррет-Кроу, Виктор не выдержал и сделал вдох, и тут же закашлялся. Черный дым был повсюду. Лестница, ведущая на этажи, была уже вся объята пламенем. Еще не до конца материализовавшиеся пугала толпились и здесь. Ближайшее уже даже вознамерилось заковылять навстречу, но не смогло сделать и шага: левая нога его до сих пор отсутствовала. Виктор повернулся было к входной двери, но его остановил голос Клары, раздавшийся за спиной.

— Сюда! — позвала она. — Скорее!

Виктор обернулся. Клара стояла у гардероба, перекрывающего какой-то дверной проем. Виктор поспешил к ней и шагнул в шкаф. Пропустив его, Клара вошла следом и затворила за собой створки.

Остальные уже покинули горящий дом. Ведьма Кроу отступала последней и последней же выбралась из низенького прохода в комнату над кондитерской. Мари помогла Кларе выйти и поспешила закрыть за ней крошечную дверцу, тем самым обрубив уже крадущийся следом дым, словно топором.

В комнатке было тихо. Пожар, тыквоголовые монстры, черные гробы и злобные духи в зеркалах — все это вдруг будто бы просто перестало существовать. Гаррет-Кроу остался где-то очень-очень далеко. Они сбежали...

— Неужели выбрались?! — все еще не веря, спросил Зеркало.

По-прежнему дрожащая всем телом Клара не спешила отвечать, будто боялась сглазить. — Она подошла к небольшому столику и зажгла стоявшую на нем лампу. Виктор осмотрелся и положил тело Кристины на кровать.

— Ловко, мадам! — с улыбкой заметил Фред, кивнув Кларе. — Спешу первым вас поблагодарить! Если бы не... — Он не договорил. Его лицо вдруг исказилось.

Дверца ведьмовского прохода со скрипом отворилась. Из нее, скрежеща суставами, полезло большущее пугало. Усмешка на его морде выглядела еще более злобной и угрожающей, чем у его собратьев. За ним в темноте и дыму виднелась голова-тыква еще одного монстра.

Мари закричала. Длинная деревянная рука схватила ее за подол платья и потащила обратно, в горящий Гаррет-Кроу.

Бедный-бедный мистер Бэрри... Тролль полз в грязи и ревел от боли и ярости. Его грудь, живот, плечи и даже морда покрылись круглыми пулевыми отверстиями. Одна пуля сломала ему левый клык.

И все же тролль был жив, он злился и совершенно не собирался брать и просто так сдаваться.

Густая кровь выталкивала раскаленные пули из ран, делая мистеру Бэрри еще больнее, но освобожденные прорехи в его теле одна за другой затягивались, и на толстой шкуре оставались лишь грубые шрамы, похожие на швы неумелого портного.

Помимо боли, троллю доставлял немалые неприятности и пороховой дым. Он густой тучей заволок собой весь двор — мистеру Бэрри было тяжело дышать: его легкие резало, а горло исходило судорогами... И все же он сумел пережить первую лобовую атаку тыквоголовых пулеметчиков.

Пользуясь тем, что деревянные солдаты из-за зарева от вертящихся стволов и непроглядного дыма не видели, как

он рухнул и пополз, тролль направил все свои силы на то, чтобы добраться до них.

Пугала ни на секунду не прекращали стрелять, и мистер Бэрри пообещал себе, что оторвет им всем ноги. Что ж, именно это он вскоре и начал делать. Троллиные лапы, высывающиеся из дымной тучи, хватали деревянных солдат и нещадно отрывали им конечности. Замолкал один пулемет за другим...

Но и тыквоголовые солдаты были не промах: когда они поняли, что только лишь пулеметами тролля не взять, передние их ряды расступились, пропуская вперед собратьев с баллонами за плечами и подведенными к ним при помощи шлангов раструбами в руках. Из раструбов потек газ, фитили подожгли его, и рокочущие струи пламени устремились к мистеру Бэрри.

На сей раз дым сослужил ему хорошую службу. Пока пугала поливали все кругом огнем, он преспокойно отполз в сторону и зашел к ним со спины. Вот тогда уже началось самое жуткое уничтожение изготовленного товара за всю недолгую историю фабрики мистера Гласса по производству «Расчудесных самораскладных пугал». С безумным ревом тролль крушил и ломал, набрасываясь на врагов со звериной яростью и оставляя после себя лишь деревянные обломки. Оторванные головы-тыквы с погасшими свечами усеивали землю, будто на какой-нибудь грядке...

Уничтожая вокруг себя все, что хоть как-то шевелилось, мистер Бэрри не сразу заметил, что в дымных тучах у главного входа фабрики больше никого, кроме него, нет. Изнутри подкрепление к тыквоголовым не приходило, ведь там все еще разбирали завал, а те солдаты, что уже вышли за ворота, судя по всему, возвращаться не спешили. Последние их ряды уже давно скрылись за поворотом дороги.

Оглядываясь в поисках очередной глупой жертвы, которая рискнула бы подергать перед его носом своими кривыми

ручонками, мистер Бэрри никого больше не увидел, успокоился и даже разочаровался. И вдруг из бокового входа здания фабрики выбежал какой-то маленький человек. Тролль вроде бы узнал его, но на всякий случай зарычал и ринулся к коротышке, намереваясь разделаться с ним так же, как и с его длинноногими собратьями.

— Стой! — закричал маленький человек. — Это же я! Томас Кэндл! Твой хозяин!

Тролль остановился. Он пригляделся — действительно, это был повелитель Злобной Канарайки. Мистер Бэрри задумался: «Что я хотел с ним сделать? Съесть? Или что-то другое?»

Мальчишка не стал дожидаться, пока тролль придет к кому-нибудь решению, и взял ситуацию в свои руки:

— Эй, тролль! — велел он. — Слушай меня! Вон в том проходе находится громадная железная дверь! Ты должен ее запереть, понял?! Чтобы никто не прошел через нее! А я пока...

Томми не стал вдаваться в дальнейшие подробности. Он ринулся бегом вдоль стены котельной, а троллю ничего не оставалось, как исполнять, что велели. Он потопал к указанному проходу, вошел в него, расталкивая плечами стоящие по сторонам ящики и коробки «Расчудесных самораскладных пугал», схватился за ручку железной двери и потащил створку на себя. Признаться, даже для него она была тяжеловатой, но вскоре проем все же был закрыт.

Мальчишка снова оказался рядом.

«И как это он так быстро вернулся? И что он задумал такое? Я, кажется, собирался его...»

— Так, тролль! — сказал маленький человек. — Слушай меня внимательно. Там, у стены... — он ткнул рукой в ту сторону, куда только что бегал, — старый колодец. Доски сгнили, и в люке дыра. Там есть большой вентиль... ну, вентиль, — пояснил он, видя, что тролль не совсем его понимает. Мальчик вздохнул и заговорил медленнее, четко выговаривая

слова: — Ты сейчас откроешь дверь, пропустишь меня в фабрику, и опять закроешь ее за мной, чтобы пугала больше не вышли. После этого ты полезешь в колодец... Да-да, в колодец, не пучь глаза... Вон в ту яму! Ну что за бестолковое создание! И когда увидишь свет в этих окнах. — Он ткнул пальцем в окна, и тролль тупо уставился на них, явно не понимая, чего от него хотят: — Огонь, вспышки или еще что!.. В общем, когда загорятся эти окна, ты повернешь вентиль. Ты все понял? Не раньше! И не позже!

Голова тролля сильно заболела: виски начали ныть, лоб покрылся испариной, да и в ушах зазвенело. От него требовали слишком много. Он ничего не запомнил. Может, просто сожрать этого приставучего мальчишку? Бабушка говорила, что дети вкуснее взрослых, особенно если их как следует приложить камнем, но проверить ее рецепт, к сожалению, пока так и не довелось ни разу. Где бы найти камень?..

— Так, ясно, — подытожил мальчик, заметив, что глаза тролля стекленеют, а мысли уползают куда-то прочь. — Слушай сюда, тролль! Поговорим по-другому! Слышаешь? — увидев неуверенный кивок, он продолжил: — Дверь! Яма! Свет в окнах! Вентиль! Всё! Понял?

Тролль оскорбленно повернулся к двери и с натугой открыл ее, продемонстрировав собственную смекалку. Он был обижен: он ведь не какой-то глупый чурбан, зачем с ним так говорят!

— Ничего не перепутай! — напоследок бросил мальчишка и опрометью ринулся по металлической лестнице на мостки.

Затворив за ним дверь, тролль направился к колодцу. Доски люка действительно прогнили, и мистер Бэрри с легкостью выломал их, после чего спустился вниз. Колодец оказался не слишком глубок: плечи и голова тролля остались на поверхности. Лапы сомкнулись на буром от ржавчины

колесе, которое примыкало к толстой трубе. Мистер Бэрри стал ждать...

Тролль так сосредоточился, что... едва не заснул прямо в этом колодце. И все же он дождался.

Шум у главных дверей стих, а в окнах левого крыла фабрики, на которые указал мальчишка, ярко загорелся свет. Тролль увидел фрагмент огромной головы-тыквы и крошечную тень на мостках. Лапы дернули колесо без всякой мысли.

Ржавчина не была мистеру Бэрри помехой, и вентиль несколько раз прокрутился. В тот же миг земля вздрогнула, и прямо под ногами у тролля раздался зловещий гул. От неожиданности он моментально выпрыгнул на поверхность.

Мистер Бэрри осторожно заглянул в яму. Никто, кажется, не собирался кусать его за пятки — звук шел из труб. Сами трубы при этом дрожали. Тролль понял: это по ним течет вода...

Спустя немного времени свет в окнах померк, но полностью не угас. Огромная черная голова-тыква, как у деревянных солдат во дворе, только не в пример больше, пронеслась за окнами. У этой головы почему-то горел только один глаз. Маленькой фигуры на мостках видно не было.

Тролль понуро опустил плечи: кажется, он что-то сделал не так...

Томми спрятался в кабинете мистера Зеркала и вжался спиной в конторский шкафчик у окна.

Когда он забежал сюда в надежде спастись от разъяренного монстра, под стол от дверей метнулась черная тень, но мальчик этого не заметил. А если бы заметил, перепугался бы не на шутку. Хотя, казалось бы, куда уж больше, ведь все чертовски подло и крайне неудачно пошло наперекояк. Чертово Пугалище! Чертов шланг! Чертов тролль! Чертово все!

Томми мог бы гордиться своей идеей использовать пожарный рукав, чтобы победить Пугалище. Мог бы, если бы

план сработал. Винить хотелось все вокруг, но мальчик с горечью признал, что виноват во всем сам.

Тролль отлично справился: он пустил воду в тот самый миг, когда это и было нужно. Да и поначалу все шло просто замечательно. Томми вернулся в кабинет, взял в руки конец рукава с брандспойтом, а затем, выйдя с ним на мостки, встал напротив окон левого крыла фабрики и начал кричать, пытаясь привлечь внимание Пугалища:

— Эй ты, коротышка! Я здесь! Что ты там делаешь?! Иди сюда! Я здесь! Глупая головешка!

Пугалище мгновенно обратило на него внимание. Деревянному монстру явно не понравились новые прозвища, и, прекратив разбирать завал у главных дверей, он повернул голову к мальчишке. Затем неспешно расправился и шагнул к нему. Также к лестницам мостков двинулись и мелкие тыквоголовые. О том, как справиться еще и с ними, Томми пока что не задумывался.

Через несколько мгновений голова Пугалища оказалась прямо напротив окон. Огни в его глазах должны были дать троллю понять, что указанное время пришло, и тролль, как ни странно, понял. Мальчик услышал приближение воды еще издалека. Трубы под мостками застонали и завибрировали, а после поток устремился к открытому пожарному крану и перешел в рукав. Тут-то беды и начались.

Томми так обрадовался, что вода наконец течет, что забыл самое важное правило, когда поливаешь сад и включаешь воду. Был бы здесь дядюшка Джозеф, он бы не преминул напомнить племяннику, высунув свой взгляд знатока из-за газеты: «Следи за напором! И крепче держи шланг!» Но дядюшки здесь не было, и мальчик всё забыл.

Напор оказался слишком сильным. Рукав начал извиваться у него в руках и биться по сторонам, как змея, которую пытаются удержать. И вот в тот миг, как Пугалище поднесло к Томми свою морду, намереваясь его сожрать, рыжая

от ржавчины струя воды вырвалась из брандспойта, а сам рукав вырвался из рук Томми.

Поток воды ударили Пугалище в тыквенную голову. Один его глаз с шипением погас — и гигантское чудовище покачнулось в вырвавшемся из глазницы облаке пара.

Огромный деревянный монстр остервенело замахал всеми четырьмя руками, его длинная шея начала трещать и гнуться, словно что-то в ней сломалось. Мелкие пугала в тот же миг стали более медлительными, словно бы сонными. Они по-прежнему шли к лестницам, чтобы изловить негодного мальчишку, но уже как-то вяло.

Пожарный рукав меж тем словно обезумел. Он извивался и бился по железным мосткам, скручивался петлей, с жутким грохотом молотил по всему, до чего только мог дотянуться, выплевывая воду во все стороны.

В какой-то момент рукав дернулся к Томми, видимо, намереваясь снести ему голову. Мальчик отпрянул, а рукав извернулся и снова попытался его ударить. О том, чтобы схватить этот буйный рукав снова и использовать против злобного монстра, не было и речи. Теперь незадачливому Кэнду пришлось спасаться уже от этой длинной исторгающей воду змеи.

Пугалище тем временем пришло в себя. Оно шагнуло к мальчику и, ухватившись одной рукой за мостки, с силой сжало кисть — металл под его громадными пальцами прогнулся и сломался. Монстр просто вырвал кусок решетчатого пола. Еще одна рука гигантского тыковоголового тем временем отломывала мостки с другой стороны, отрезая мальчишке любой путь к бегству. Две оставшиеся руки Пугалища устремились к Томми. Мальчик отступил на шаг и ввалился в кабинет мистера Зеркала, захлопнув за собой дверь...

Вот так Томас Кэндл и оказался в той ситуации, в которой находился сейчас, и эта ситуация с каждой секундой становилась все хуже.

Раздался удар, от которого оба окна мгновенно разбились, и на Томми посыпался град осколков. Рука Пугалища вырвала дверь из рамы вместе с петлями и отшвырнула ее куда-то в цеха, после чего проникла внутрь. Громадные деревянные пальцы начали вслепую шарить по углам, пытаясь схватить прячущегося мальчика, но пока им попадалась лишь стоявшая в кабинете мебель. Стол мистера Зеркала всего за миг был разломан, ящики для документов оказались смяты, словно пустые спичечные коробки...

Почти оглохший от стоящего в кабинете грохота, скавшийся в комок Томми закрыл голову руками, чтобы Пугалище его за нее не схватило.

Он пропал! Его загнали в угол и ему не спастись! Никак не одолеть монстра! Проклятый рукав! (Который меж тем все бесновался где-то на мостках, словно разъяренная гадюка.)

Пугалище заглядывало своим целым глазом в окно, пытаясь обнаружить Томми, при этом его рука по-прежнему шарила по кабинету, в то время как другие тыквоголовые, должно быть, поджидали прячущегося мальчика у развороченного дверного проема.

«Ой, мамочки! — пронеслось в голове Томми. — Что же делать? Что де...»

Додумать не дали. Пугало провело рукой в опасной близости от его головы, и мальчик дернулся в сторону. В тот же миг другая рука чудовища, будто только того и ожидала, пробила то, что осталось от окна, схватила Томми за ногу и потянула из кабинета.

Томми закричал. Он пытался ухватиться за обломки оконной рамы, но Пугалище быстро вытащило его наружу. Мальчика поволокло по железным мосткам. Томми вырывался и цеплялся за все, что попадалось под руку, но пальцы то и дело соскальзывали. И вдруг, когда до края мостков оставалось меньше фута, каким-то немыслимым образом он зацепился за так и не переставший извиваться рукав.

Томми схватил его обеими руками и прижал к себе, но это все равно не сильно помогло, потому что он поймал его не у брандспойта, а где-то посередине, и шансов направить его в глаз чудовищу уже не осталось. В следующее мгновение Томми, болтаясь, повис в руке монстра вниз головой и едва не выронил вырывающийся рукав.

И тут произошло то, чего не ожидали ни Томми, ни готовое его сожрать Пугалище. Беснующийся и дергающийся рукав в какой-то миг извернулся под напором воды и залил остатки окна и дверной проем кабинета.

Из кабинета с ужасающим визгом вылетел мокрый мохнатый комок с выпученными от ужаса зелеными глазами, вжатыми в голову ушами и торчащим, как трость, хвостом.

Даже болтаясь вниз головой в десятке футов над цехами, Томми узнал это существо. Утопленник! Вот, значит, кто там шуршал под столом! Неужели он все это время прятался в кабинете мистера Зеркала?! И как он пережил разрушения, учиненные там Пугалищем?!

Утопленник, едва не утонув в очередной раз, гонимый кошачьим безумием, слетел с мостков и, совершив, без сомнения, самый головокружительный прыжок в своей жизни (увидев его, оба Петровски хором сказали бы «Bay!»), очутился на плече Пугалища.

Стоило мокрому зверьку оказаться на покачивающемся гиганте, как он, цепляясь когтями, как за древесную кору, тут же перебрался с плеча на голову-тыкву. Пугалище начало болтать свободными руками, пытаясь смахнуть кота с себя. При этом оно так встряхнуло Томми, что тот едва не откусил себе язык. Рукав выскоцил из рук и, извиваясь, полетел куда-то вниз.

Фабрика утонула в грохоте. Скрежетали деревянные суставы Пугалища, гудело пламя в его голове, шумела выбивающаяся из шланга вода, но даже сквозь весь этот шум прорезался отчаянный кошачий вой Утопленника.

Пугалище вдруг дернулось всем телом. Томми не понял, что произошло. Кругом все плясало и вертелось, но неожиданно ему показалось, что он видит какого-то толстяка, который с важным видом сидит на правой ступне монстра и что-то то ли ломает, то ли рубит — точнее было никак не разобрать.

Повелитель деревянных солдат переключил свое внимание с кота на то, что происходило у его ног. Он согнулся в три погибели и потянул к толстяку три свободные руки, но раньше, чем длинные деревянные пальцы схватили наглеца, тот завершил свое дело. В ступне Пугалища что-то треснуло. Томми не сразу понял, что это был шарнир. Сочленение в щиколотке деревянного монстра было сломано, и нога отделилась от ступни.

Злобное Пугалище сделало шаг, но, лишь ступив на кулью, тут же потеряло равновесие. Тыквоголовый накренился и начал заваливаться набок. Его рука разжалась.

Томми падал...

Раньше он только слышал о том, что рассказывают о падении с высоты, и представлял себе, что это длится весьма продолжительное время. На деле же все произошло за какой-то миг.

Томми не успел даже моргнуть, как уже лежал на каменном полу в куче опилок и стонал от боли. Опилки не слишком смягчили падение, и он сильно ушиб запястья, локти и спину.

«Кажется, я умер», — подумал Томми. В голове все прыгало, перед глазами мельтешили разноцветные огоньки. Повезло еще, что прежде, чем упасть, Пугалище согнулось, пытаясь схватить того толстяка, иначе последствия падения оказались бы для Томми куда более плачевными.

Утопленник с визгом унёсся куда-то прочь. Должно быть, забился в уголок потемнее, чтобы привести себя в порядок. Кот есть кот, и он явно был больше обеспокоен своим

неподобающим внешним видом, чем пережитым потрясением или творящимся кругом безумием.

«Нет, я не умер, а просто поломался...» — Томми с трудом поднял голову. Голова неимоверно кружилась, отчего казалось, будто вся фабрика ходит ходуном. «Что... это было? И как?..»

Томми вдруг понял, что толстяк, повредивший ногу Пугалища, был его троллем: кажется, перед самым своим падением он видел знакомую зеленоватую голову с длинными ушами. Где мистер Бэрри находился сейчас, Томми не знал. Пережил ли он крушение деревянного гиганта? А сам монстр — жив ли он еще, или...

Пугалище, словно прочитав его мысли, зашевелилось. Оно подняло голову и уперло руки в пол. После чего повернулось к Томми. Голова-тыква на длинной шее придвигнулась вплотную: она треснула при падении, через всю морду протянулся кривой ветвистый пролом, напоминающий морщину.

Томми в очередной раз обдало жаром из здоровенной треугольной глазницы — из-за трещины жар теперь был сильнее; огонь гудел, будто в печи...

— ...Лукинг, нет! — закричала Клара. — Нет!

Мистер Гласс поглядел на нее. Его взгляд затуманился, он забормотал что-то бессвязное:

— Я не могу... не могу... я ничего не сделаю, пока... пока они там...

Он прислонился к стене комнатушки. В его животе зияли сквозные прорехи; рубаха и жилет влипли в рану. Мистер Гласс медленно сполз на пол, оставляя на стене кровавый след.

Он жутко затряс головой — мелко-мелко, как будто каждый нерв в его теле внезапно укололи иголкой. Глаза Зеркала начали трескаться, осколки посыпались на пол.

— Лукинг!

Клара размахивала перед собой деревянной пугальной конечностью, отбиваясь от наступающего на нее гиганта с тремя руками, словно от настырного болотного комара, которому все не терпелось попробовать ее на вкус. Она видела, как Лукинга ранили, как он тут же ответил удачливому врагу, обратив его голову-тыкву в стекло и разбив ее кулаком, отчего его собственная рука вся изошла трещинами, а затем... Даже он, Зеркало Человека в зеленом, был не в силах устоять на ногах, когда длинный нож раз, другой, третий вошел ему в живот, прошил его насквозь и вышел из спины...

Клара бросилась было к Лукингу, но проклятое пугало, с которым сражалась она сама, отшвырнуло ее прочь...

В комнатке над кондитерской воняло гарью, едва можно было прдохнуть от лезущего из дверцы дыма. На полу дого-рало пугало. Другое, огромное и еще более уродливое, чем его соратники, являвшееся то ли фабричным браком, то ли гротескным порождением извращенной фантазии Человека в зеленом, перегородило собой дверь, ведущую на лестницу и этажи кондитерской. У него были две тыквенные головы, покачивающиеся на тонких шеях, и шесть скрежещущих рук — длинных настолько, что кисти волочились по полу. Это уродливое пугало появилось вовсе не из Гаррет-Кроу, а протиснулось на чердак из кондитерской, подосланное, очевидно, чтобы отрезать беглецам единственный путь к спасению. При этом зловредный тыквоголовый просто себе стоял и не принимал никакого участия в сражении, предоставляя дружкам возможность самим разделаться с обезумевшей от боли, страха и отчаяния ведьмой, зеркальным существом в сером костюме, а также рыжеволосым парнем, который стоял подле крошечной кровати с отломанной деревянной ногой наперевес.

На кровати лежало тело молодой девушки, а под кроватью пряталась Саша. Едва пугала появились в каморке, последовав

за беглецами из Гаррет-Кроу, а дверь чердака оказалась пerekрыта, Виктор велел ей спрятаться, полагая, что там она будет в большей безопасности, чем на открытом пространстве. Это было, конечно, крайне наивно с его стороны, особенно если учесть, что вместе с тыквоголовыми в комнату мисс Мэри полез и дым.

Саша кашляла и ворочалась в едких серых клубах, она пыталась выбраться, позвать Виктора, но тот ее не слышал, а деревянная груда обломков от одного из поверженных им пугал мешала ей вылезти из укрытия. Укрытия, ставшего смертельной ловушкой...

Оба Петровски в каморке над кондитерской лавкой отсутствовали. Вырвавшаяся из дверцы и схватившая Мари за подол платья длиннющая пугальная рука утащила ее обратно в Гаррет-Кроу. Мари кричала и звала мужа, но почти сразу же исчезла в дыму за спинами уже вылезающих из прохода пугал, и ее крик потонул во всеобщем грохоте. Фред, не помня себя от нахлынувшей на него ярости, ринулся за женой, не слыша умоляющих его остановиться криков товарищей по несчастью, и влетел в ведьмовской проход, просочившись сквозь деревянные тела врагов, словно их и не существовало. Горящий на другом конце города особняк проглотил его...

В каморку меж тем лезли пугала, одно другого злее и уродливее. Сейчас в комнатушке их было трое, и в темноте прохода уже виднелись горящие зрачки четвертого...

Мистер Гласс трясясь, будто в приступе эпилепсии. Его губы, глаза и правая рука потрескались, осколки сыпались на пол. Лукинг тянулся к Кларе все еще целой левой и пытался что-то сказать:

— Я не... не... пока... там...

Тварь с двумя крюками в руках отбросила Клару в стену. Ударившись спиной, ведьма сползла на пол — тварь подошла к ней и подняла оружие...

— Ну, давайте же! — кричал Виктор двум наступающим на него пугалам. — Кто первый? Ну!

Саша кашляла. Она задыхалась.

— Вик... я... я... не могу... — хрипела девушка, но ее голос среди скрежета, топота и звуков ударов в каморке звучал не громче, чем шелест одинокого древесного листа в бурю.

Ситуация и так уже казалась безнадежной, но у этой бесконечной ночи в запасе еще оставались неприятные сюрпризы для всех, кто рискнул оказаться втравленным в историю некоего мистера Ива, известного в определенных кругах как Человек в зеленом.

Очередное появившееся из ведьминского прохода пугало держало пулемет. Тыквоголовый навел оружие на Виктора, крутанул ручку — и с оглушающим грохотом пули устремились в полет...

...Пугалище качнуло головой и повернуло к Томми морду, стараясь углядеть его целым, горящим глазом. В какой-то момент в глазнице яростно взревело пламя, будто невидимый кочегар подбросил еще угля в топку, — монстр заметил мальчика. Неужели это крошечное существо наивно надеялось спастись, уползая от него, повелителя всех пугал мистера Ива, через горы опилок?

Так и было. Подбадривая себя мыслью «Чарли уже давно бы тебя опередил! Ползи быстрее!», Томми пытался сбежать.

Огромная голова Пугалища была где-то над ним, но мальчик не мог оглядываться и тратить драгоценное время. И действительно: что бы он там увидел? Разве что испугался бы лишь сильнее, а это не привело бы ни к чему хорошему...

Томми полз. Все тело болело, голова по-прежнему кружилась после падения. Он пытался упираться в пол ногами, но те были словно из ваты.

«Чарли бы ни за что не сдался!»

Его цель была так близко! Пожарный рукав, словно из него уже вылезли все демоны, прекратил дергаться. Он находился от мальчика в нескольких футах, застряв между станками. Вода по-прежнему била из брандспойта, щедро поливая конвейерные ленты и проходы между ними.

Пугалище не замечало льющуюся воду — его волновал только мальчик. Оно потянуло к Томми руку и попыталось поймать его, но в цепких деревянных пальцах остался лишь башмак.

— Хватит хватать меня за ноги, проклятая деревяшка! — закричал Томми и пополз быстрее.

Создания мистера Зеркала не произносили ни звука, но Томми был уверен: если бы они могли говорить, то сейчас главное пугало разродилось бы зловещей тирадой. Чем-то вроде: «Тебе не сбежать! Иди сюда, маленький мерзкий червяк! Тебе не уползти от меня! Я сожру тебя! Я сожру всех!»

Но Пугалище не умело говорить. Оно молча нависло над Томми и придинуло к нему свою голову.

Томми вдруг увидел, как вокруг посветлело, и почувствовал нестерпимый жар.

«Не-ет! — пронеслось в голове. — Я ведь почти... почти...»

...Пули летели в Виктора, но не долетали до него.

Первые несколько секунд он ничего не понимал, но вдруг в грохоте пулеметной очереди услышал безумный крик мистера Гласса и увидел, что Зеркало держит перед собой целую руку, а с кончиков его пальцев струится переливающийся ртутный свет.

Перед его товарищами по несчастью возникла тонкая, почти прозрачная пленка. Пули, все как одна, со звоном отлетали от этой непреодолимой завесы и возвращались обратно, решетя стену, дверь, исчезая в черном проходе. Они вонзались в пугал: пробивали тыквы, рассекали конечности и переламывали хребты. В какой-то момент несколько пуль

попало в голову самому пулеметчику, разломав ее на куски. Тяжеленное оружие рухнуло на пол, за ним последовал и сам стрелок. Грохот стих, остались лишь повисшие в воздухе клубы едкого порохового дыма. Колдовская завеса исчезла.

Зеркало без сил уронил руку на пол, и та разлетелась осколками. Повинуясь последней воле своего хозяина, эти осколки устремились к головам оставшихся в комнатке мисс Мэри пугал, и всего за какое-то мгновение все находившиеся в ней пугала, включая перекрывавшего двери двухголового гиганта, лишились своих свечей в тыквах и рассыпались грудами неопасных обломков.

Голова мистера Гласса брезвально дернулась и повисла, все его тело покрылось трещинами.

И только сейчас Виктор заметил в быстро рассеивающемся, как по волшебству, дыму две фигуры на полу, сжимающие друг друга в объятиях. Мари лишилась почти всех волос, а те, что остались, все еще тлели, в одном месте виднелась окровавленная проплешина. Ее лицо покернело от копоти, а руки были обезображенены кровавыми ожогами. Некогда шикарное вечернее платье вплывалось в ноги, спину и грудь.

— Вау... — рыдая от невероятной боли, выдавила она.

— Нет, родная, нет... — Фред покрывал поцелуями и слезами черное лицо жены. Как и Мари, он весь словно вывалился в саже, его костюм был уничтожен, да и от ожогов фокусник не уберегся. И все же ему досталось намного меньше супруги. — Только не оставляй меня, прошу...

— Вы... вы это видали?! — хрюпела Мари. — Ну почему мы не догадались... с-сделать б-билеты? Это ш... ш... шоу имело бы успех!

Виктор отвернулся, не в силах глядеть на них. Он позвал:

— Саша?

Саша не ответила, и Виктор в ужасе от посетившей его догадки бросился расчищать завал у кровати. Вскоре он извлек неподвижное тело девушки на свет.

— Саша... — прошептал он. — Нет... Нет, ты не могла...
Я убил тебя... Что я наделал...

Он склонился к любимой.

«Дышит, — с облегчением понял он. — Она дышит!»

Саша открыла глаза и закашлялась...

Клара подползла к мистеру Глассу.

— Лукинг... — позвала она. — Лукинг...

Она осторожно коснулась пальцами его покрытой трещинами щеки, и в следующее мгновение мистер Гласс со звоном рассыпался на тысячи осколков. Зеркало был мертв.

Клара взвыла и уронила лицо в ладони.

А в проеме тайного ведьмовского прохода показались новые головы-тыквы. Пугала решительно двинулись в комнатушку...

...Пугалище все ниже и ниже опускало свою огромную голову, и в какой-то момент его жуткая пасть оказалась прямо над мальчиком.

Томми наконец дотянулся. Схватив рукав и выдернув его из проема между станками, он извернулся и направил струю воды прямо в разверстую глазницу монстра.

Своевольный рукав вырвался почти сразу, но одного короткого мгновения, что Томми его удерживал, хватило. Пенящийся и бурлящий грязно-бурый поток грохоча залил треугольный глазной проем гигантской тыквы. Огонь с шипением погас, и голова монстра снова погрузилась в облако пара.

В тот же миг Пугалище словно выключили — оно вдруг просто прекратило жить.

Гигантский деревянный монстр рухнул на пол. Его голова с грохотом приземлилась в десяти футах от мальчика, треснула и раскололась на части. Занесенные уже было над Томми руки безвольно обвисли и опали, едва не погребя его под собой. Жизнь ушла не только из Пугалища: прочие тыквоголовые остановились и замерли кто где стоял.

Туча пыли и опилок заволокла собой все кругом.

Фабрика погрузилась в некое подобие тишины. Лишь вода с шипением вырывалась из рукава. Тот больше не дергался: на нем всем своим весом лежало дохлое Пугалище. Где-то, под одним из станков, выл на одной ноте в очередной раз облитый Утопленник, должно быть, пытающийся понять, почему и за что с ним так мерзко поступили. В стороне слышалось ворчание и чихание тролля. Он пытался выбраться из-под покореженной руки павшего главаря деревянных солдат.

Томми вздохнул и закрыл глаза. Как же приятно было вот так просто лежать. Никуда не идти, никому не противостоять, никого не спасать... Просто лежать на мягких опилках, не думая о ведьмах, пугалах и обо всем остальном...

Неужели все и правда закончилось?

И тут его посетила пугающая мысль. Пусть ему все удалось, пусть он победил пугал и всех спас, но все же он труп — самый настоящий покойник! Мама его точно прибьет!

...Здоровенное двухголовое пугало перегородило своими обломками дверь, и сдвинуть его не представлялось возможным, по крайней мере сейчас.

Виктор все пытался оттащить дохлого тыквоголового в сторону, но тот был настолько тяжелым, что даже и не думал сдвигаться. Виктор сжимал зубы, хрипел и через невероятную боль в сломанной руке тянул и тянул. Никто не мог ему помочь.

Саша лежала без сил на полу. Клара плакала. Опустив лицо в ладони, она боялась убрать руки и взглянуть на то, что осталось от мистера Гласса. Фред прижал к себе Мари и целовал ее — та еще дышала, и он боялся, что если хотя бы на мгновение отпустит жену, то потеряет ее навсегда. Все его губы уже были в золе, но до сих пор, казалось, лишь его поцелуи заставляют сердце жены биться...

— Ну же, ну, давай же!

Виктор тянул прочь двухголового, пытаясь освободить проход, но сил уже не было. А к нему шагала, громыхая деревянными ступнями, очередная злобная тварь с ножом в руке.

— Клара! — закричал Виктор, но та не слышала. Она продолжала рыдать над рассыпавшимся на тысячи крошечных зеркальных осколков телом Лукинга и искренне, горячо, просто до безумия желала, чтобы все закончилось быстрее. Чтобы приближающийся к ней монстр с четырьмя руками разорвал ее на куски или раздавил ей голову и она бы просто перестала существовать, перестала бы чувствовать...

Еще одно пугало подошло к Фреду и Мари и подняло свои крюки...

— Ну же! Давай! — закричал Виктор и, заревев от натуги, потащил двухголового прочь от двери. Тот начала поддаваться. Еле-еле. Дюйм, два...

И все же он не успел.

— Ви-и-ик! — закричала Саша.

Деревянные пальцы схватили его за плечо.

Виктор повернул голову... нож схватившего его пугала уже несся к его лицу.

Виктор замер.

И вдруг время словно встало. Звуки умерли. Жизнь перед глазами не пронеслась, но кое-что там все же возникло:

«...Это кто у вас? Дрозды? Хотя они больше похожи на маленьких воронов...»

«...Здравствуй, кроха Крис. Я тоже очень рад тебя видеть, но обниматься с дорожной сумкой в руке, знаешь ли, не очень удобно...»

«...Тогда кто же вы такой, если не садовник?»

«...Проклятая кейлех...»

«...Это не хлам! Это антиквариат! Пришибленная ты истеричка!»

«...Так как ты узнал, что я собираюсь приехать, дядюшка?»

«...Почему вы говорите так, будто мой отец мертв?»

«...Быть беде...»

«...Погляди-ка, папочка: у нас гости! Молодой мистер Кэндл пришел нас навестить...»

«...Запись идет, мисс Кэндл. Вы собирались что-то рассказать...»

«...Кстати, ты ведь знаком с моей невестой? Конечно, еще раз знакомить вас было бы глупо, учитывая вашу... кхм... несчастливую историю...»

«...Вы ведь хотите сбежать? На взморье. Муир... как там было дальше?.. Которое сыто и голодно одновременно...»

«...С того самого момента, как ты приехал, ты ведешь себя как законченный идиот. Все время играешь в драму, что-то разнюхиваешь, ходишь везде со своим этим нелепым страшальческим выражением на лице. Что ты здесь делаешь на самом деле?»

«...Я не ненавижу тебя, мальчик. Я просто злюсь на тебя, разве не понятно?»

«...Я всегда в своем уме. Хотя кого я обманываю...»

«...Пей, и пусть уйдет человек! Пусть Древний Дух восстанет вместо него!»

«...Я — нечеловек мистера Ива...»

«...Тетушка Скарлетт найдет отца и освободит его...»

«...Вы кое с кем поговорили. А затем вас убили. Бывает...»

«...Я тебя нашел... Она солгала. Я тебя нашел...»

«...Мы с тобой все-таки похожи...»

«...Саша...»

Виктор закрыл глаза и вдруг понял... Он там, где и должен быть. Именно в тот момент, когда и должен быть. И все идет, как и должно идти. Он раскрыл все тайны, вывел всех на чистую

воду, узнал намного больше, чем хотел узнать. Он нашел ее. Хотя и не надеялся. И все то, что произошло за одну лишь последнюю неделю, оказалось настолько поразительным, фантастмагорическим и невозможным, что ему самому не верилось в то, что это все приключилось с ним самим, а не с персонажем какой-нибудь странной книжки. Вот тебе и «Загадки Хэллоуина. Что скрывают чертова тыквы?». Черт, могла бы получиться просто невероятная, просто замечательная история, но...

Дыхание перехватило.

Треск.

Скрежет.

— Ах...

Кажется, это пораженно выдохнула Клара.

Виктор открыл глаза... медленно повернул голову. Он не сразу понял, что происходит. Пугала по-прежнему были со всех сторон, а нож схватившего его тыквоголового замер в каком-то дюйме от его глаза.

Отстранившись, Виктор вырвал плечо из деревянных пальцев. Огляделся. Пугала больше не шевелились. Кошмарные солдаты мистера Ива застыли и просто нависали над людьми в страшных позах, словно их расставили на сцене театра. Они даже не особо пугали, а свечи больше не горели в их черных глазницах.

— Он справился... — все еще не веря, прошептала Клара и, потрясенная, воскликнула: — У него все вышло! Он победил их!

— Кто? — не понял Виктор.

— Томми... — Клара осторожно прикоснулась к оструму когтю пугала, застывшему прямо у ее лица. — Томми, разве не ясно?

— Но что он сделал?

— Я... я не знаю.

Клара поглядела на блестящие останки Лукинга. «Если бы чуть раньше... совсем чуть-чуть...»

Слезы снова потекли из ее глаз, срываясь на окровавленный пол и смешиваясь с зеркальными осколками, в каждом из которых сейчас отражалась бывшая городская сумасшедшая Ворона, растрепанная, израненная и опустошенная.

Виктор не мог поверить, что все уже позади. Боялся поверить. Слишком глубоко в нем успело прорости семя обреченности. И все же... Пугала стояли и не шевелились. Как будто их только вытащили из коробок и собрали... Идеальная растопка для камина...

Виктор помог Саше подняться. Обнял ее. Саша вцепилась в него и заплакала.

— Как? — спросила она, сквозь слезы испуганно глядя на застывших пугал. — Как же так вышло?

Мари Петровски открыла глаза, поглядела на мужа, с трудом улыбнулась запекшимися губами и негромко произнесла:

— Магия, и ничего проще.

Почувствовав, как что-то из него выбирается и ползет наружу по внутренностям, он распахнул глаза и закашлялся... Как оказалось, выбиралась всего лишь морская вода, горькая, соленая и странным образом вязкая.

Гарри Кэндл промок насеквоздь: волосы влизли в лицо, костюм был тяжел и с него текло. Гарри сидел в старой деревянной лодке, раскачивающейся на волнах посреди черного безбрежного моря. Прямо над головой висели клубящиеся чернильные тучи. И в данном случае это не было образным сравнением — тучи буквально висели над головой: встанешь во весь рост и тут же уйдешь в это «небо» по плечи.

Гарри непроизвольно поднял руку и провел ею по «подкладке» туч. Пальцы тут же намокли и укутались в мерцающую дымку, словно он надел перчатку.

Где-то слева ударила молния. Лодку тряхнуло, и Гарри вцепился в край борта.

— Но как? — пробормотал он, ничего не понимая. — Я ведь должен быть...

— Мертв? — раздался голос за спиной. — Ты все сделал правильно, мой дорогой мистер Кроу!

Гарри, вздрогнув, обернулся.

На носу лодочонки сидела она. В своем алом платье и остро-конечной шляпе. Прекрасная, как и всегда. Он не верил своим глазам. Тут же вспомнилось обезображенное тело, лежащее на кровати в гостевой комнате.

— Но ты...

— Гарри! — с улыбкой сказала Скарлетт Тэтч.

— Я думал...

Она покачала головой:

— Нет.

— Я видел твоё тело... Ты умерла.

Скарлетт Тэтч рассмеялась.

— Неужели ты думал, мой дорогой мистер Кроу, что я позволю какой-то там смерти разлучить нас?

Гарри глянул на неё с сомнением и уточнил:

— И все же?

— Ах! Ты убиваешь всю романтику! Я всего лишь использовала астрального двойника. Скормила его твоей жене, как и мысль, что она сможет руководить ковеном.

— Но если ты здесь... Это значит...

Скарлетт кивнула.

— Я отдала ковен. Я выбрала тебя.

— Скарлетт...

Она приблизилась, и он заглянул в её глаза — глубокие, древние и в то же время юные. Как море, которое окружало их. Как их чувство друг к другу...

Но тут вдруг, за одно лишь мгновение до того, как губ коснулись губы, Скарлетт резко отдернулась и, схватившись за сердце, застонала. Её лицо исказилось.

Гарри встревоженно бросился к ней.

— Скар!

Она вскинула руку, останавливая его, и он замер, испуганно глядя на то, как на ее прекрасном лице начинают появляться кровоточащие и все углубляющиеся раны, словно кто-то невидимый откусывал от ее щек, носа, подбородка и губ кусок за куском.

Гарри Кэндл моргнул, и вдруг наваждение исчезло.

— Все закончилось, — тяжело дыша, сказала Скарлетт. — На этот раз.

— Что это было?

Она поморщилась.

— Мой астральный двойник мертв. Для ведьмы это просто так не проходит. Приступы становятся все чаще...

Гарри схватил Скарлетт за руку, крепко сжал ее в своих ладонях.

— Как тебе помочь?

Скарлетт покачала головой.

— Ты здесь — со мной. Это самое важное. Не думай о моей боли, мой дорогой мистер Кроу. Думай о том, что мы вместе.

Гарри снова огляделся. Он ожидал увидеть где-то вдалеке... стену Крик-Холла, или домá на холме Ковентли, или...

Кругом не было видно не то что домов, но даже берега или скал. Лодка плыла в самом сердце открытого моря. И с каждой минутой волны поднимались все выше, пронзительный ветер дул все сильнее... начинался не просто штурм. Впереди Гарри Кэндла и Скарлетт Тэтч ждала настоящая буря.

— Красота, правда? — спросила Скарлетт задорно.

— Где мы? В зазеркалье?

— Я не знаю. В зазеркалье. Или в моей картине со штормовым морем. Или еще где-то... Это не важно.

Гарри нахмурился. Он считал, что это очень важно. Что это самое важное из всего, что есть.

— Как мы отсюда выберемся? Как, Скарлетт?

— Гарри...

— Я не вижу берега. Здесь вообще существуют берега?

— Гарри...

Он поглядел на нее, и вдруг тревога исчезла, как по щелчу, словно блеск в глазах Скарлетт прогнал ее всю и вышвырнул за борт.

— Однажды мы найдем выход отсюда, — сказала она. — Вместе.

— Но как? Что с нами будет до тех пор?

На губах Скарлетт вновь появилась улыбка. Она провела указательным пальчиком по контуру его лица, а затем прошептала:

— Будет вот это, — и не прибавив ни слова, впилась в его губы поцелуем.

Лодочку качнуло, поднялась волна, и в низком черном небе ударила молния.

Начиналась буря...

Темно-красный поезд пробирался через ночные вересковые пустоши. Локомотив кашлял дымом и, очевидно, был сильно простужен. Он тряся всем своим металлическим телом, с натугой волоча тендер и еще тринадцать вагонов. Свет горел лишь в редких окнах, да и в тех едва теплился.

В одном из купе последнего вагона скрипело, прогуливаясь по бумаге, перо чернильной ручки. Молодой человек в зеленом костюме записывал в рабочую тетрадь мысли и воспоминания последних дней. Он склонился над столиком и боролся со сном из последних сил, стараясь ничего не упустить и не забыть. Хотя последнее вряд ли могло произойти: казалось, жуткие воспоминания вплывалились в его память и останутся с ним до самой смерти.

Монотонность дороги и мерный перестук колес брали свое. Рука теряла твердость, чернильные строки начинали сливатся в витиеватые фиолетовые волны, а веки смыкались, но стоило вагону дернуться, как молодой человек тут же вздрогивал и просыпался. Он вспоминал, о чем писал, заново собирался с мыслями и в очередной раз опускал перо в чернильницу.

На его плече крепко спала хрупкая русоволосая девушка в тоненьком бордовом пальтишке. Она постоянно мерзла и прижималась во сне к молодому человеку, пытаясь согреться, но ей это не удавалось. Когда они только занимали места в вагоне, он спросил, не собирается ли та спать в дороге, но девушка заметила, что она и так слишком долго спала и теперь ни за что не уснет, вскоре после чего уморилась и все-таки заснула.

Напротив записывающего свои мысли в тетрадь молодого человека и спящей девушки сидела рыжеволосая женщина и глядела в окно. Она не замечала проползающих мимо пустошей — лишь отстраненно смотрела на отражение в стекле девушки в старом пальто. Это пальто совсем недавно принадлежало ее дочери, вот только дочери больше не было. Женщина сама предложила его сидящей напротив девушке со словами: «Ей оно больше без надобности...» После той фразы она не произнесла ни единого слова.

Рыжеволосая женщина молчала и почти никак не реагировала, когда старший сын сказал ей, что нужно собираться, когда младший помогал упаковывать вещи, когда они ехали на вокзал в зеленой машине под названием «Змей». Она не проронила ни звука, глядя в окно на черные после пожаров дома на главной улице, будто и вовсе не заметила нескольких разрушенных до основания зданий, уши ее были глухи к плачу, издаваемому десятками похоронных процессий. Ее никак не заботили настороженные взгляды экстравагантной пары, провожавшей их на перроне. Плевать ей было как на презрение мужчины в полосатом костюме, так и на жалость женщины в дорогом пальто. Все слова высохли в ней, эмоции иссякли, как и стремление жить, которое она только вчера закопала в землю вместе с дочерью. И даже кот с повязкой на глазах, устроившийся у нее на коленях и негромко мурчащий в такт движению поезда, не мог облегчить душу хозяйки.

Рядом с женщиной сидел, поджав ноги, мальчик. Он выглядел печальным и злым. Мальчик не понимал, зачем им куда-то ехать. Он не хотел уезжать, ведь в родном городке оставалась вся его жизнь: и дом, и школа, и единственный друг. Там похоронена сестра. Там пустая могила отца. А впереди? Впереди ничего хорошего его точно не ждет. Он злился и не понимал. Не понимал, почему им нужно переезжать в Лондон, если у них есть огромный дом. Или почему он не может остаться с тетушкой Кларой. Неужели эти взрослые действительно считают, что подачка вроде «Ты будешь приезжать к ней на каникулы» его как-то утешит? И это после всего, что он сделал! Несправедливость!

Мальчик глядел на старшего брата со злостью, косился на мать с обидой, пытался понять, можно ли как-то сделать возлюбленную брата своим союзником, а еще думал: «Какая же у нее тяжеленная голова!»

Последнее относилось к опустившей голову на его колени и сопящей маленькой девочке с нежно-рыжими волосами. Она куталась в большущий свитер и во сне выглядела такой беззаботной. Девочку не смущали и не волновали вопросы, мучающие ее брата. Она не глядела со злостью и ненавистью на багажные полки, заставленные чемоданами. Она не жалела о старенькой бабушке, которую ее мама при помощи колдовства Петровски посадила в огромную яичную скорлупу, словно в лодку, и отправила в открытое море, спустив через окно одной из гостевых спален, после чего и бабушка, и ее необычное суденышко, и само море исчезли, вновь став обычным садом. Она не скучала по тетушке, которая сбежала от них со своей дочерью. И уж тем более ни на мгновение не тосковала по другой тетушке, которой этот самый дом достался. К слову, получив его, та оказалась там в полном одиночестве, брошенная всеми. А о дядюшке, который куда-то исчез, она и вовсе не вспоминала.

Брат не мог ее винить: что с малявки возьмешь! Но сам он ненавидел каждую новую милю, отдаляющую его от дома и тетушки Клары. Тетушка и так не была совсем нормальной, и он боялся, что без него она окончательно сойдет с ума.

Мальчик подслушал, как брат обсуждал ее со своей возлюбленной. «Ты бы видела, с какой одержимостью она собирала оставшиеся от него осколки, словно надеялась собрать его, как разбитую вдребезги чашку», — сказал он, на что та отвечала: «Я не хочу ее оставлять. Мы ведь только встретились. Она... моя мама. Почему мы должны так скоро расставаться?»

Далее в ответ последовал целый список причин, которые мальчику не казались хоть сколько-нибудь убедительными. Там было нечто вроде «Это была как раз ее идея...» и «Только так я могу сохранить остатки семьи», а еще «Для этого нам нужно уехать из этого дома и этого города...».

Мальчик гневно посмотрел на брата, и тот поднял взгляд. По нему было видно: брат все понимал. И сам боялся грядущего.

Так оно и было. Последние дни душа Виктора разрывалась между неизбывным счастьем обретения любви всей его жизни и горем от потери сестры и отца. Он сам едва не сошел с ума от того, что видел, что делал, что пережил, он до сих пор кое-чего не понимал, но надеялся, что его тетрадь, как обычно, расставит все по местам. Он был в ужасе, когда узнал, что Саша — дочь его родной тетушки, а посему — его кузина, и невероятно обрадовался, когда ему сказали, что родственные узы между ней и матерью (а соответственно, и с ним) сразу после рождения Саши были разорваны. У него ум заходил за разум: как можно быть рожденной женщиной и при этом больше не являться ее дочерью? Противоречия вновь рвали его на куски, и он боялся, что не выдержит. Особенно когда глядел на молчаливую и осунувшуюся маму. Он не хотел прощать — не мог понять, как вообще можно

простить! — ей то, что она сделала, но у него язык не поворачивался хоть словом упрекнуть это жалкое, надломленное существо.

— Что-то не сильно смахивает на счастливый конец, верно? — хмуро прервал молчание мальчик.

— Это вообще не смахивает на конец, — попытался улыбнуться старший брат.

Мама по-прежнему глядела в окно, младшая сестра все так же спала, как и девушка в бордовом пальто другой, мертвой девушки.

— Я об истории с пугалами и Хэллоуином.

— Ты всех нас спас. Есть чем гордиться.

— Они умерли, — угрюмо напомнил мальчик. — А мы уезжаем.

— Да, — согласился брат. — Я тебя понимаю.

— И что нам делать?

Мальчик нахмурился — он хотел спросить совершенно другое. Его собственные слова показались ему глупыми, наивными и детскими, но сказанного не воротишь. И тут он вдруг понял, что искренне ждет ответа. И откуда-то знает, что глядящий на него человек — единственный, кто знает этот самый ответ.

— Жить, — сказал брат. — И уезжать.

— Что, все журналисты так скучно и непонятно выражаются? — поинтересовался он и, увидев зарождающуюся на губах брата улыбку, сам не заметил, как улыбнулся.

— Ну, уж куда мне до твоих друзей, тетушки Клары и мистера Бэрри.

— Мистер Бэрри мне нравился намного больше, когда был троллем, — признался мальчик.

— Понимаю: огромное воюющее чудовище гораздо интереснее скучного типа в очках. А кто тебе нравится больше... — брат сделал небольшую паузу, словно готовя подвох, — тетушка Клара, мисс Мэри или Чарли?

Мальчик улыбнулся еще шире и промолчал. Брат действительно понимал его. Так и не дождавшись ответа, тот опустил голову и вернулся к своим записям. Перо снова заскрипело по бумаге.

Мальчик глядел на это усталое лицо и видел его будто впервые. За печатью грусти и тоски он различил доброту и искренность. Зеленые глаза с волнением скользили по страннице, брат рассеянно покусывал тонкие (такие же, как у мамы) губы — пытался сосредоточиться, но ничего не выходило. То и дело он отводил взгляд от бумаги и смотрел на спящую у него на плече девушки. Он будто бы все еще не верил — боялся верить в то, что она рядом. Мальчик впервые в жизни увидел настоящую любовь и почувствовал боль и сомнения, различил страхи, которые она приносит. Он словно перегнулся через лестничные перила детства и увидел уходящие на многие футы вниз пролеты переживаний — бесконечную лестницу переживаний, не имеющую дна.

Проходили минуты, фут за футом, миля за милей расстояние от дома становилось все больше, а мальчик все глядел на брата и в какой-то момент вдруг понял, что этот, по сути, незнакомец может стать ему наилучшим из всех возможных друзей и что этот добрый, хоть и слегка наивный человек ни за что не причинит ему вреда.

Мальчику внезапно вспомнились слова, сказанные мисс Мэри перед самыми каникулами: «Бойтесь Человека в зеленом, мистер Кэндл». Все-таки кое в чем она оказалась неправа: уж кого-кого, но этого человека «мистеру Кэндлу» бояться не стоило.

Томми Кэндл поглядел в окно. Поезд тащился среди поросших чертополохом холмов. Ночные пустоши казались обглоданными темнотой. Ветер качал подступающий к самым рельсам вереск. А на торфяниках...

Мальчик вдруг заметил нечто странное. Нет, вовсе не на болотах. На стекле. Брат по-прежнему писал что-то в своей

тетради, низко склонившись над столом, но его отражение сидело прямо, будто не имея к нему никакого отношения.

Томми вздрогнул. Отражение глядело прямо ему в глаза!

«Бойтесь Человека в зеленом, мистер Кэндл», — словно полупридушенное эхо, раздалось в его голове предостережение мисс Мэри.

Будто подслушав мысли мальчика, отражение недобро пришурилось, затем коварно улыбнулось и подмигнуло ему.

Онлайн-курс

Глава 1. Фабрика чудес	7
Глава 2. Ключи и то, что они открывают	93
Глава 3. Кое-что о Мэри	164
Глава 4. Накануне	214
Глава 5. Потаенные Вещи Человека в зеленом	285
Глава 6. (Пол)Ночь Всех Святых	354
Глава 7. Черный дом на Черной улице	456
Глава 8. Расчудесный кошмар	516
Эпилог	568

МИФ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

*Литературно-художественное издание
Red Violet. Темные миры*

Торин Владимир

Яковлев Олег

Мистер Вечный Канун

Город Полуночи

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Дарина Андреянова*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрация обложки *Полина Граф*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Татьяна Бессонова, Лилия Семухина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

Старинный особняк Крик-Холл уже переполнен гостями, ведь до Хэллоуина остался всего один день. Грядет шабаш, тучи над Уэлихолном сгущаются... Мрачные секреты и коварные замыслы ведьм ковена вот-вот будут раскрыты. Но у мистера Ива есть свои жуткие планы на этот Канун, и никакой Виктор Кэндал не в силах им помешать.

ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК...

«“Мистер Вечный Канун” написан с любовью к осенней магии, недоброй старой Англии и эстетике дарк-кабаре. Идеальная атмосфера позднего октября, туманного города и темных сказок».

**Мария Покусаева,
блог BadLibrarian**

#МистерВечныйКанун

Иллюстрация на обложке – Полина Граф (Dr.Graf)

МИФ mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

9 78500 1957904